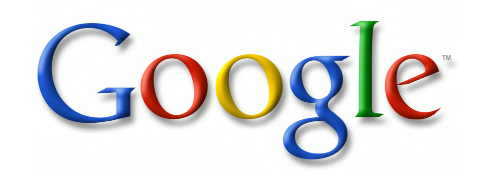

ДВА ДНЯ

ВЪ

КРОНШТАДТѢ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СТУДЕНТА.

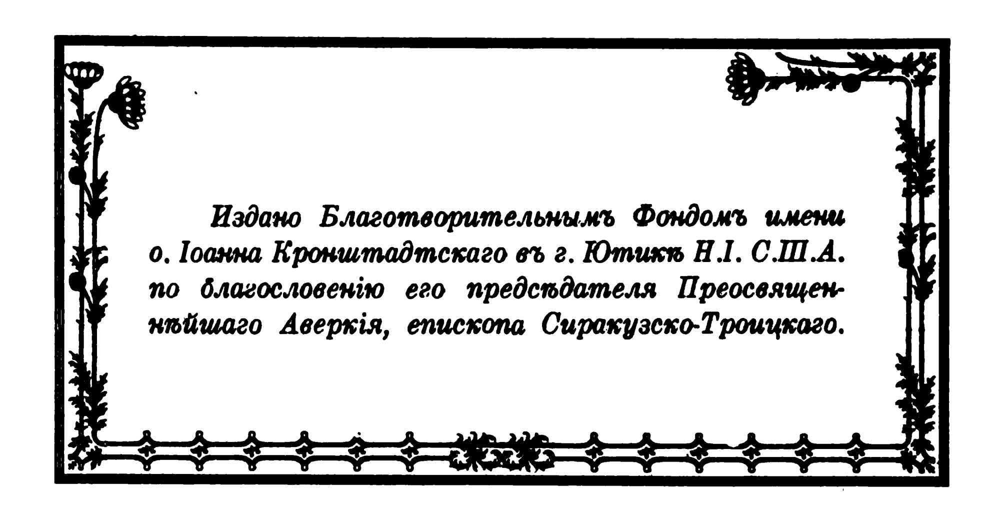
В. М.

Изданіе 2-ое иллюстрированное, значительно исправленное и дополненное.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

Печатать разрѣшается. 7 Ноября 1901 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Арсеній*.

Издано Благотворительнымъ Фондомъ имени о. Іоанна Кронштадтскаго въ г. Ютикѣ Н.І. С.Ш.А. по благословенію его предсѣдателя Преосвященнѣйшаго Аверкія, епископа Сиракузско-Троицкаго.

Printed at The Holy Trinity Monastery
Jordanville, New York. U.S.A.

1960 г.

Настоятель Кронштадтскаго Андреевскаго собора, о. Протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (съ послѣдняго портрета).

20 Нояб
\+ 1893.

Дорогій о Христѣ собратъ
Василій!

По вашему предначертанію я
посылаю съ почтой вѣдомость
сей, гдѣ выражаются — Св. серебро-
позлащенные сосуды, копіе, хоро-
[illegible] священнику и діакону
многіе покровы для сосудовъ
подризники, и иное касающееся. По-
просите ~~[illegible]~~ обо всемъ этомъ
увѣдомить меня, когда получите
посылку.
Мой вамъ поклонъ, и особенно
о. Ректору
Вашъ покорный слуга, Прото-
іерей Кронштадтскаго собора Іоаннъ Серг-
іевъ

Автографъ о. Іоанна (письмо къ автору дневника).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое изданіе моего дневника: **„Два дня въ Кронштадтѣ“** все разошлось въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, не смотря на то, что для распространенія его въ публикѣ я не прибѣгалъ ни къ какой рекламѣ, нигдѣ не помѣстилъ даже ни одного объявленія о немъ. Дневникъ привлекъ вниманіе весьма многихъ. Въ настоящее время онъ переводится даже на англійскій языкъ. Не приводимъ похвальныхъ отзывовъ о дневникѣ, печатныхъ и письменныхъ, считая это совершенно излишнимъ. Мы представляемъ читателю самому составить мнѣніе о нашей книгѣ. Вслѣдствіе почти ежедневно поступающихъ отовсюду требованій на это сочиненіе, я рѣшилъ издать дневникъ вторымъ изданіемъ.

Дневникъ написанъ мною подъ живымъ впечатлѣніемъ того, что я самъ пережилъ въ Кронштадтѣ, находясь многократно въ непосредственномъ общеніи съ великимъ русскимъ пастыремъ. Почти десять лѣтъ я не печаталъ его, боясь нарушить скромность пастыря и раскрыть „святая святыхъ“ своей души. Но торжественное празднованіе 45-й годовщины пастырскаго служенія о. Іоанна, когда многіе отовсюду понесли свои посильные дары въ Кронштадтъ къ ногамъ этого замѣчательнаго пастыря, побудило и меня стряхнуть пыль съ моей хартіи и принести ему въ даръ свой скромный, малый и убогій трудъ. Да славится имя Божіе. Да созидаются пастыри русскіе въ великихъ служителей алтаря Господня. Да ростутъ и крѣпнутъ духомъ русскіе люди, читая дѣянія этого славнаго мужа. Такъ думалъ я, издавая свой дневникъ. Эти же думы одушевляютъ меня и сейчасъ.

Недавно я вторично былъ въ Кронштадтѣ, служилъ съ о. Іоанномъ, почти въ полночный часъ бесѣдовалъ о многомъ съ

нимъ въ его квартирѣ, снова посѣтилъ различныя благотворительно-просвѣтительныя его учрежденія, освѣжилъ свои прежнія впечатлѣнія, все какъ бы пережилъ снова еще разъ. Благодаря болѣе всестороннему ознакомленію со всѣмъ, естественно въ дневникѣ мнѣ пришлось многое исправить. Поэтому, сравнительно съ первымъ изданіемъ, второе изданіе дневника мною весьма значительно *исправлено*, *дополнено* и *иллюстрировано* многими рисунками, передающими болѣе выдающіеся моменты изъ жизни и дѣятельности Кронштадтскаго пастыря. Хотя размѣръ моего дневника теперь значительно измѣнился, я оставилъ для него прежнее заглавіе, съ которымъ у меня связано много самыхъ живыхъ, дорогихъ и незабвенныхъ воспоминаній. Да и въ литературѣ онъ теперь извѣстенъ болѣе подъ этимъ названіемъ.

Всѣ деньги, вырученныя отъ продажи перваго изданія дневника, предназначались мною, и дѣйствительно поступили въ пользу недостаточныхъ учащихся. Какъ лучше поступить—я не зналъ. Если гдѣ, то здѣсь мысль о какой либо наживѣ должна быть совершенно чужда издателя-автора. И деньги отъ продажи второго изданія дневника поступятъ въ пользу той же бѣдной учащейся молодежи. Такимъ образомъ покупающій дневникъ, осмѣливаюсь думать, не только самъ извлечетъ изъ него что-нибудь для себя въ свое назиданіе и руководство, но и въ то же время окажетъ еще помощь другимъ.

АВТОРЪ.

ДВА ДНЯ ВЪ КРОНШТАДТѢ.

(Изъ дневника студента).

I.

Бываютъ въ жизни каждаго человѣка такіе исключительные дни, о которыхъ невозможно не повѣдать другимъ. Какая то таинственная сила постоянно нудитъ васъ разсказать о тѣхъ впечатлѣніяхъ и настроѣніяхъ, которыми переполнена душа. Непонятная сила эта охватываетъ все существо человѣка. Не удовлетворивъ требованій этой внутренней силы, не можешь быть всегда спокойнымъ и довольнымъ собой. Внутренній голосъ постоянно говоритъ тебѣ: ты не исполнилъ своего долга. Таинственный голосъ не внемлетъ тому, что ты переживаешь такія сокровенныя минуты, о которыхъ не всегда и не всѣмъ можно разсказывать. Онъ не слушаетъ и требованій скромности, которая внушаетъ каждому человѣку—больше молчать, въ тишинѣ перевоспитывать себя и учиться у другихъ... Не слушаетъ и того, что совершенные люди не желаютъ, чтобы говорили объ ихъ славныхъ дѣяніяхъ. Они обыкновенно избѣгаютъ похвальныхъ рѣчей, хотятъ трудиться день и ночь для своего ближняго, но трудиться втайнѣ. Великіе и мощные духомъ, стоя на недосягаемой для большинства нравственной высотѣ, цвѣтъ христіанства, они спѣшатъ замѣшаться въ будничной толпѣ, стать вмѣстѣ съ тѣми, мимо которыхъ многіе спокойно проходятъ, не обращая на нихъ никакого вниманія. Я долго колебался, думая — писать или нѣтъ? Долго боролся съ своими чувствами, выслушивалъ доводы внутренняго голоса „за“ и „противъ“. Наконецъ рѣшился писать. Я разскажу читателю объ одномъ замѣчательномъ

въ наше время, извѣстномъ уже почти всѣмъ, христіанинѣ-пастырѣ,—разскажу о тѣхъ мысляхъ, чувствахъ и впечатлѣніяхъ, какія вынесъ изъ встрѣчи и бесѣды съ этимъ истинно великимъ человѣкомъ нашихъ дней. Разумѣю въ данномъ случаѣ, конечно, о. Іоанна Кронштадтскаго.

Чтобы все было ясно и понятно въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ, прошу читателя обратить вниманіе на мотивы, которые побудили меня ѣхать въ Кронштадтъ. Моя поѣздка въ Кронштадтъ не была результатомъ минутнаго увлеченія, минутной вспышки, ни результатомъ желанія попутешествовать отъ „нечего дѣлать". Мысль объ этой поѣздкѣ зрѣла во мнѣ давно. Многими фактами я подготовлялся къ ней незамѣтно для себя, нисколько даже не предъугадывая ея. Если хотите, то и вызвана она была не однимъ исключительно о. Іоанномъ... Что означаютъ эти таинственныя и загадочныя слова?

Если бы кто-нибудь задался цѣлію сравнить два народа, то легко замѣтилъ бы, что далеко не одни и тѣ же принципы руководятъ ихъ жизнію: каждый изъ нихъ въ теченіе своей исторической жизни развилъ и выработалъ особенныя воззрѣнія, особенное жизнепониманіе и жизнеустроеніе. Эти воззрѣнія составляютъ обыкновенно самый жизненный нервъ, душу каждаго народа. Они—его лучшее и вѣковое богатство. Ими характеризуется вся его жизнь. По нимъ можно прекрасно судить о томъ, какъ много жизненныхъ силъ имѣетъ тотъ или другой народъ въ настоящее время и каково его будущее. И мы, русскіе, имѣемъ такую отличительную характеристическую черту, которой исчерпывается почти все наше духовное богатство какъ настоящее, такъ и будущее. Прекрасно характеризуетъ это черту незабвенный Ѳ. М. Достоевскій. „Высшая русская мысль,—говоритъ онъ,—есть всепримиреніе идей, міровая скорбь. У насъ создался вѣками какой-то еще нигдѣ невиданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ—типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ. Это русскій типъ. Въ немъ будущее Россіи". „Русскій народъ—народъ Богоносецъ",—говоритъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ [1]). Какъ вѣрно схвачены имъ отличительныя черты русской души. Бросьте хотя са-

---

[1]) *Ѳ. М. Достоевскій.* Подростокъ. Стр. 463.

мый бѣглый взглядъ на идеалы народа, на запросы современнаго общества, на нашу изящную литературу, и вы вполнѣ убѣдитесь въ этомъ. Идеалы нашего народа исчерпываются немногими, но глубокосодержательными его стремленіями „жить по-Божьи“.

Вотъ почему послушать разсказъ о томъ, какъ жили святые подвижники и первые христіане, поговорить, какъ нужно жить по-христіански, сходить въ монастырь помолиться у мощей того или другого Угодника, спутешествовать въ Іерусалимъ для поклоненія святымъ мѣстамъ, посмотрѣть, какъ отшельники подвизаются на Аѳонѣ, — все это его любимое дѣло. И интеллигентное общество, горячо отзывающееся на горе и страданія ближняго, въ настоящее время особенно стремится въ этомъ отношеніи слиться съ народомъ.

Но, при указанномъ добромъ направленіи, современная жизнь имѣетъ одну интересную отличительную черту: почти всюду раздаются нынѣ жалобы на оскудѣніе силъ и способностей человѣка въ борьбѣ съ окружающею его тьмой. Прислушайтесь къ общественному мнѣнію, и вы подслушаете здѣсь очень интересныя разсужденія.

Говорятъ: нынѣ времена не тѣ, что были раньше. Нынѣ уже не живутъ такъ, какъ жили прежде. Вотъ посмотрите, какъ жили первые христіане. Полная любовь царила между ними. Скорбящій всегда находилъ утѣшеніе, бѣдный—помощь, нуждающійся въ наставленіи—наставленіе. Они составляли одну органически сплоченную семью, въ которой не было ни презираемыхъ, ни любимцевъ: тамъ были всѣ равны. Они всѣ питались одною духовной пищею. У нихъ была одна душа, и Богъ былъ всегда съ ними. Ихъ любовь была такъ всеобъемлюща, что они благотворили даже язычникамъ,—этимъ злѣйшимъ своимъ врагамъ. А вспомните ихъ страданія. Какихъ скорбей, мученій, пытокъ нравственныхъ и физическихъ не переносили и не перенесли они? И это все они терпѣли за свою самоотверженную любовь къ людямъ. Сейчасъ многіе изъ насъ не могутъ даже понять, какъ можно терпѣть за добро зло, за истину мученіе. Мы протестуемъ даже тогда, когда наказаніе постигаетъ насъ за правду. Неизъяснимымъ восторгомъ наполняется при этомъ душа и разсказчика, и слушателя. Духъ порывается перенестись

въ тѣ далекія святыя времена. Люди скорбятъ о томъ, что родились не въ тѣ годы, что насъ отдѣляетъ великая бездна отъ тѣхъ временъ.

Вообще первые дни христіанства всегда представляются временемъ, которое уже никогда болѣе не повторится на землѣ и котораго нельзя воротить никакими усиліями. Это своего рода—тотъ золотой вѣкъ, котораго нѣкогда лишился человѣкъ и о которомъ твердо хранилъ онъ преданіе до самаго пришествія въ міръ Христа Спасителя. Поэты, прозаики, художники, ученые до сихъ поръ заимствуютъ сюжеты для своихъ произведеній изъ того времени. И каждый по своему прославляетъ первохристіанство, выражая сожалѣніе, что его болѣе уже не существуетъ. Вотъ замѣчательнѣйшая черта, характеризующая наше время. Мы, потомки тѣхъ великихъ христіанъ, съ грустью смотримъ на далекое прошлое. Мы, духовныя дѣти ихъ, всѣ желаемъ жить вмѣстѣ съ своими духовными родителями. Мы, хранители ихъ святыхъ завѣтовъ, провозвѣстники славы Распятаго, колеблемся сами. Мы, побѣдители тьмы, провозвѣстники истины, добра, любви, мира, свѣточи, стонемъ подъ бременемъ своихъ грѣховъ. И какъ усталый путникъ вспоминаетъ о тѣнистой, прохладной рощѣ, которая недавно во время сильнаго зноя полудня покоила его, о ручейкѣ съ кристально чистой холодной водой, которой онъ утолялъ свою жгучую жажду, такъ и современный христіанинъ жадно обращаетъ свои взоры къ золотому прошедшему, къ первымъ вѣкамъ христіанства. Только здѣсь онъ находитъ истинно святую христіанскую жизнь, предъ которой готовъ преклониться всѣмъ своимъ существомъ. Обращая свои взоры къ современной жизни, онъ исполняется печали и скорби, что она такъ далеко не походитъ на жизнь его великихъ предковъ. Мало того, иной даже потерялъ надежду когда либо и хотя сколько нибудь приблизиться къ ней. А о многихъ можно сказать и большее. Они родились въ христіанской семьѣ; у нихъ есть книга, которая, по оффиціальному признанію, заключаетъ въ себѣ сокровище совершенной вѣчной истины. Но знаютъ ли они ея содержаніе? Стремятся ли согласовать свою жизнь съ тѣмъ, что всѣ признаютъ за вѣчную истину правды Божіей? На эти вопросы часто приходится отвѣчать отрицательно.

Вотъ картинка школьной жизни учащейся молодежи, написанная не безъ значительныхъ преувеличеній, но и не безъ слѣдовъ глубокой правды. Нынѣ питомцамъ въ школѣ хотятъ усиленно дать религіозное просвѣщеніе. Но школа не дала мнѣ цѣльнаго христіанскаго міровоззрѣнія,—пишетъ одинъ изъ питомцевъ свѣтской школы,—не дала мнѣ яснаго пониманія христіанскаго идеала и стройной системы христіанской нравственности... Проходя курсъ гимназіи, я узналъ нѣсколько эпизодовъ изъ жизни ветхозавѣтныхъ патріарховъ, безъ всякаго объясненія глубокаго, внутренняго значенія ихъ примѣра для насъ, узналъ нѣсколько чудесныхъ примѣровъ изъ жизни пророковъ и не слышалъ ни малѣйшаго намека на содержаніе наиболѣе замѣчательныхъ изъ пророческихъ книгъ,— ни одного слова изъ этихъ страницъ, полныхъ жгучаго вдохновенія, которыя писали эти колоссы духа: Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Эздра, когда Духъ Божій былъ въ нихъ. Узналъ о чудесахъ, сопровождавшихъ рожденіе и кончину Господа нашего Іисуса Христа, и не получилъ яснаго пониманія громаднаго значенія неисчерпаемаго содержанія нагорной бесѣды, бесѣдъ Спасителя въ Евангеліи отъ Іоанна и апостольскихъ посланій... Тотъ, кто самостоятельно изучаетъ Библію и пойметъ заключающуюся въ ней абсолютную истину правды Божіей, животворящій духъ религіи, пойметъ и живое значеніе тѣхъ глубокихъ истинъ, которыя для остальныхъ въ катихизисѣ кажутся такою мертвою буквою... Школа мало способствуетъ пробужденію въ учащихся живого интереса къ познанію абсолютной истины, живого пониманія способовъ осуществленія въ жизни правды Божіей. Слушая лекціи богословія въ Университетѣ, я познакомился со взглядами враговъ Божественнаго Откровенія, и опять-таки не пріобрѣлъ никакихъ положительныхъ знаній. Нѣтъ, современная школа не даетъ познанія воли Бога Живаго, не даетъ и пониманія того, какъ жить по вѣрѣ и творить добро; не отвѣчаетъ ни на основной міровой вопросъ о томъ, что есть истина, ни на насущный жизненный вопросъ о томъ, какъ жить" [1]).

Въ школѣ не обращали никакого вниманія не только на образцовыхъ великихъ христіанскихъ писателей греко-рус-

---

[1]) *Н. Неплюевъ*. Что есть истина. Стр. 17.

скаго міра, но и на такихъ языческихъ писателей, какъ Эпиктетъ, Маркъ Аврелій и другіе, изученіе произведеній которыхъ стало весьма полезно учащимся. Насъ ознакомили съ такими писателями, которые по своему чисто языческому складу ума, а нѣкоторые и по своей извѣстной безнравственности, не могли не оказывать вреднаго вліянія на учащихся [1]). Научные факты изъяснялись во вредъ религіи. „Историческія личности, которыя съ точки зрѣнія христіанской заслуживаютъ строгаго порицанія..., возводятся въ героевъ, достойныхъ подражанія; гнусныя дѣла грѣшнаго человѣчества облекаются въ заманчивую форму, восхваляются или разсматриваются, какъ вполнѣ естественныя явленія". Вмѣсто скромнаго выраженія Кеплера: „мнѣ кажется", многіе изъ современныхъ ученыхъ говорятъ: „я утверждаю". А между тѣмъ до „утвержденія" часто такъ же далеко—какъ далеко небо отъ земли. Наблюдая, наприм., что физическіе законы всегда и всюду дѣйствуютъ неизмѣнно, заключаютъ отсюда, что нѣтъ Бога, ихъ установившаго. Или, напр., замѣтивъ правильное повтореніе статистическихъ цифръ при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, возводятъ эти цифры въ неумолимый законъ. Отсюда добродѣтель представляется у нихъ эгоизмомъ, сваливающимъ съ себя на другихъ необходимость преступленій, а порочность представляется самопожертвованіемъ, гарантирующимъ другихъ отъ необходимыхъ преступленій [2]).

Такъ сильно въ авторѣ этихъ строкъ желаніе полнаго процвѣтанія религіозныхъ началъ въ жизни!

Интересны и многіе идеалы нашей литературы. Всѣ они сводятся къ ученію о служеніи ближнему словомъ и дѣломъ,—служеніи до пожертвованія самыми лучшими своими интересами, и даже до самопожертвованія. Угнетенные, притѣсненные, нуждающіеся, бѣдные, непросвѣщенные—вотъ постоянные друзья нашихъ передовыхъ дѣятелей, о которыхъ мы читаемъ почти на каждой страницѣ современной и прошедшей литературы. И дѣйствительно, потрудитесь припомнить героевъ нашей литературы, и вы увидите, что почти всѣ они—люди весьма чуткіе, отзывчивые на доброе дѣло, желающіе принести пользу своему ближнему. Готовы

---

1) Тамъ же. Стр. 99.
2) Тамъ же. Стр. 113.

они жертвовать своими лучшими интересами и даже самопожертвовать. Говорятъ воодушевленныя и прочувствованныя рѣчи о служеніи ближнему, о перенесеніи всѣхъ лишеній, скорбей. Ихъ рѣчи дышатъ такимъ воодушевленіемъ, такою неподдѣльною искренностью, что невольно увлекаютъ слушателя на великое дѣло служенія обществу. И они нетолько говорятъ, но и дѣлаютъ и даже, пожалуй, очень много и иногда очень настойчиво. Какое чудное, очаровательно хорошее начало. Сколько оно подаетъ благихъ надеждъ на будущія заслуги этихъ людей. Но это только золотыя надежды. Лишь только молодые люди сталкивались съ дѣйствительною жизнію, какъ скоро оставляли свои идеалы. Они становились въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ, если еще не ниже. Себя и другихъ за „ничего-недѣланіе“ утѣшали знаменитыми двумя словцами: „среда заѣла“. Вотъ какой плохой конецъ. Вотъ какъ недолго продержались они на поверхности жизненнаго потока.

Чтобы не быть голословными, припомнимъ рѣчи нѣкоторыхъ героевъ нашихъ извѣстныхъ романовъ. Такъ Версиловъ, герой романа Достоевскаго „Подростокъ“, говоритъ слѣдующее. „Мы тогда (т. е. когда были молоды) всѣ кипѣли ревностью дѣлать добро, служить гражданскимъ цѣлямъ, высшей идеѣ; осуждали чины, родовыя права наши, деревни и даже ломбардъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ насъ. Клянусь тебѣ, насъ было немного, но мы говорили хорошо, не хуже тебя, и даже поступали иногда хорошо [1])“. Вспоминая свои прежніе юношескіе порывы и мечты, онъ такъ опредѣляетъ настроеніе своего юнаго и пылкаго собесѣдника Аркадія Ивановича Долгорукаго. „Знаю; тебѣ теперь хочется именно звонкой жизни, что-нибудь зажечь, что-нибудь раздробить, стать выше всей Россіи, пронестись громовой тучей, оставить всѣхъ въ страхѣ и восхищеніи, а самому скрыться въ Сѣверо-Американскіе штаты [2])“. Такъ до полной противоположности различно смотритъ на вещи одинъ и тотъ же герой. Когда онъ былъ юношею, ему казалось возможнымъ отдать всего себя на служеніе ближнему, а теперь... онъ „опустился и говоритъ о юношескихъ

---

[1]) *Ѳ. М. Достоевскій.* Подростокъ. Стр. 127.

[2]) Тамъ же. Стр. 213.

порывахъ, какъ о чемъ то далекомъ, далекомъ и уже невозвратномъ прошломъ.

Послушаемъ, что говорятъ герои другихъ писателей. Вотъ что говоритъ герой романа Тургенева „Дымъ". „Онъ сидѣлъ одинъ въ вагонѣ; никто не мѣшалъ ему. „Дымъ, дымъ"—повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все—собственная жизнь, русская жизнь, все людское, особенно все русское [1])".—„Другой вѣтеръ подулъ, и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять таки безустанная, тревожная и ненужная игра. Вспомнилось ему, что съ громомъ и трескомъ совершилось на его глазахъ въ послѣдніе годы... дымъ, дымъ, шепталъ онъ, дымъ. Вспомнились ему горячіе споры, тоска и крики у Губарева, у другихъ высоко и низко поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ, людей... дымъ, повторялъ онъ, дымъ, паръ; вспомнился наконецъ и знаменитый пикникъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи государственныхъ людей и даже все то, что проповѣдовалъ Потугинъ... дымъ и больше ничего" [2]). Вотъ чистосердечный отзывъ другого героя того же писателя о своихъ юношескихъ порывахъ: „все паръ и дымъ" [3]). Въ повѣсти „Довольно" Тургеневъ изображаетъ русскаго художника, у котораго гаснетъ свѣтъ, исходящій изъ сердца человѣка, который скрещиваетъ ненужныя руки на пустой груди. „Безсознательно и неуклонно покорная законамъ природа не знаетъ искусства, не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго. Человѣкъ — дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нѣтъ предпочтенія. Гдѣ же намъ, бѣднымъ людямъ, сладить съ этой глухо-нѣмой, слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая; какъ устоять противъ этихъ тяжелыхъ, грубыхъ и безконечно, безустанно надвигающихся волнъ" [4]). А припомните другого его героя,

---

[1]) *И. С. Тургеневъ.* Дымъ. Стр. 150.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) *И. С. Тургеневъ.* Пов. Довольно. Ср. *Н. Н. Страховъ.* Критич. статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. 1862—1885 г.

знаменитаго въ своемъ родѣ, Рудина? Пылкій, увлекающійся и увлекающій другихъ на дѣло служенія ближнему, съ какимъ рвеніемъ онъ принимался служить ближнему. Но надолго ли? Проходило самое короткое время, и онъ отказывался отъ своей идеи, которую такъ горячо всѣмъ проповѣдовалъ, оставлялъ свое дѣло, которое начиналъ дѣлать всегда съ увлеченіемъ, говоря, что невозможно здѣсь работать и честно трудиться. Потерпѣвши неудачу на одномъ поприщѣ, онъ избиралъ другое, твердо обѣщаясь не измѣнять своему новому знамени. Но опять не надолго; и здѣсь, какъ и тамъ, онъ не можетъ переносить всѣхъ затрудненій, какія выпадаютъ на его долю. Рудинъ скоро убѣждается, что не имѣетъ силъ трудиться и на этомъ поприщѣ, что онъ опять не на своемъ мѣстѣ. И вотъ онъ выбираетъ новое мѣсто служенія. Такъ проходитъ вся его жизнь, богатая одними лишь „благими порывами". Много ли сдѣлалъ этотъ человѣкъ для своего ближняго? И почему онъ, полный такихъ благихъ порывовъ, не могъ почти ничего ни для кого сдѣлать?

Если мы припомнимъ героевъ другихъ писателей, то увидимъ, что въ общемъ это были все такіе люди, у многихъ изъ которыхъ часто рѣшительно нечего заимствовать. Герой Пушкина Онѣгинъ—это человѣкъ, который

Доживъ безъ цѣли, безъ труда
До двадцати пяти годовъ,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

Печоринъ, герой Лермонтова, нигдѣ не можетъ найти себѣ покоя. Онъ мѣняетъ временно мѣсто, знакомыхъ, мѣняетъ роды занятій, думая этимъ помочь себѣ. И въ высшей степени интересно, что Онѣгинъ и Печоринъ, не смотря на тоску, которая грызетъ ихъ постоянно, не даетъ имъ нигдѣ покоя, ничего не могутъ сдѣлать для самихъ себя. Эти мученики жизни, жалкіе скитальцы, остаются въ томъ обществѣ, среди котораго родились, и помираютъ, не найдя содержанія, смысла жизни. А Обломовъ — герой Гончарова? Не будемъ тревожить героевъ другихъ писателей Гоголя, Писемскаго, который написалъ даже „Русскіе лгуны".

Не всегда отрадное и бодрящее находимъ мы и въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ. У нихъ встрѣчается больше,

кажется, печальныхъ, грустныхъ строкъ, чѣмъ жизнерадостныхъ, полныхъ надежды и ободренія человѣка. Вотъ что мы читаемъ у одного изъ нихъ, лира котораго пользуется особенною любовію современнаго общества. Въ своемъ, прекрасномъ, въ извѣстномъ родѣ, стихотвореніи подъ заглавіемъ „Во мглѣ", онъ пишетъ:

Была пора,—мы въ жизнь вступали
Могучей, твердою стопой;
Сомнѣнья злыя не смущали
Тогда нашъ разумъ молодой.
Мы дѣтски вѣровали въ счастье,
Въ науку, правду и людей.
И смѣло всякое ненастье
Встрѣчали грудью мы своей.
Мечты насъ гордо призывали
Жить для другихъ, другимъ служить,
И всѣ мы горячо желали
Не безполезно жизнь прожить.
Мы думали, что близко время,
Когда мы всюду свѣтъ прольемъ,
Когда цѣпей тяжелыхъ бремя
Мы съ мысли скованной сорвемъ;
Когда, какъ дивное сіянье,
Блеснутъ повсюду надъ землей
Свобода, честность, правда, знанье,
И трудъ высокій и святой.
Мы выходили на дорогу
Съ желаньемъ пользу принести,
И достигали по—немногу
До края нашего пути;
Мы честно шли, и отъ начала
Вплоть до заката нашихъ дней
Звучалъ намъ голосъ идеала:
„Впередъ за міръ и за людей!"
Но годы тѣ давно промчались:
Жизнь шла обычной чередой...
И съ прошлымъ мы навѣкъ разстались
И жизнью зажили иной.
Забыли мы свои желанья;
Они прошли для насъ, какъ сны,

И наши прошлыя мечтанья
Намъ стали странны и смѣшны:
Мы входимъ въ міръ, все отрицая,
Безъ жажды пользу приносить;
Нашъ пошлый смѣхъ, не понимая,
Готовъ все свѣтлое клеймить;
Зовемъ мы предразсудкомъ чувство,
Въ груди у насъ сомнѣній адъ,
Сорвавъ вѣнецъ златой съ искусства,
Мы увѣнчали имъ развратъ.
И грязь презрѣнія бросая
Въ тѣхъ, кто еще силенъ душей,
Проходимъ жизнь мы, попирая
Святыню дерзкою рукой! [1])

Поэтъ въ своихъ произведеніяхъ еще не одинъ разъ возвращается къ этимъ правдивымъ, но крайне печальнымъ думамъ о дѣйствительной жизни,—жизни безъ всякихъ прикрасъ—такъ, какъ она есть. Вотъ одно еще изъ подобныхъ его стихотвореній:

Завѣса сброшена: ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ заманчивыхъ, ни счастья впереди;
Покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...
Какъ мало прожито—какъ много пережито!
Надежды свѣтлыя, и юность, и любовь...
И все оплакано... осмѣяно... забыто,
Погребено—и не воскреснетъ вновь...
Я въ братство вѣровалъ, но въ черный день невзгоды
Не могъ я отличить собратьевъ отъ враговъ;
Я жаждалъ для людей познанья и свободы,—
А міръ—все тотъ же міръ безсмысленныхъ рабовъ;
На грозный бой со зломъ мечталъ я встать сурово
Огнемъ и правдою карающихъ рѣчей,—
И въ храмѣ истины—въ священномъ храмѣ слова,
Я слышу оргію крикливыхъ торгашей!..
Любовь на мигъ... любовь забава отъ безді
Любовь—не жаръ души, а только жаръ въ

---

[1]) *С. Я. Надсонъ.* Стихотворенія. Изд. 9-ое. Стр. 5—6. СПБ.

Любовь—больной кошмаръ, тяжелый чадъ похмѣлья—
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, промчавшейся любви!..
Бѣдна, какъ нищая, и какъ рабыня лжива,
Въ лохмотья яркія пестро наряжена—
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть вглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобой
Она лицомъ къ лицу—и ты поймешь обманъ
Ея величія, подъ ветхой мишурой,
И красоты ея—подъ маскою румянъ.

Или вотъ еще подобныя же строки, заимствованныя нами изъ другаго стихотворенія того же автора.

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита предъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ.
Насъ томитъ безвѣрье, насъ грызетъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы изподтишка!..
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
О, проклятья стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!

Встрѣчаясь и борясь съ различными житейскими невзгодами, юный борецъ и поэтъ не только устаетъ душей, но и почти совершенно теряетъ вѣру въ святое и великое Провидѣніе. Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ „Два горя“ онъ пишетъ:

О, еслибъ я зналъ, что надъ нами
Царитъ справедливый, всевидящій Богъ
И нашими правитъ судьбами!
Но вѣра угасла въ усталой груди;
Въ ней нѣтъ благодатнаго свѣта...
Мнѣ некому больше молиться!.. [1])

[1]) *С. Я. Надсонъ.* Тамъ же. Стр. 123—124.

Созерцая окружающую жизнь, жизнь людей вѣковъ минувшихъ, припоминая „море крови къ сердцу вопіющей,—море слезъ неотомщенныхъ“, поражаясь „роковой безцѣльностью всего“ и самъ утомленный „безцѣльностью пути“, созерцая всю борьбу и свои жгучія сомнѣнія, юный пылкій поэтъ говоритъ:

Для чего такъ поздно понялъ я,
Что въ борьбѣ и смутѣ мірозданья
Цѣль одна—покой небытія? [1]).

Не будемъ тревожить музы другихъ нашихъ поэтовъ. Приведемъ лишь въ заключеніе знаменательныя слова одного поэта, который такъ характеризуетъ жизнь всѣхъ людей:

Намъ суждены лишь благіе порывы,
А свершить ничего не дано. [2])

Вотъ типъ тѣхъ героевъ, которые очень часто выводятся въ нашей изящной литературѣ. Вотъ какъ осуществляется, судя по ея героямъ, великая идея служенія ближнему. Припоминая дѣятельность молодого поколѣнія, и простирая свои взоры къ грядущему будущему, нельзя крѣпко не задуматься. Въ самомъ дѣлѣ, почему столь безкорыстные, горячіе обѣты положить свою душу на поприщѣ служенія ближнему не увѣнчиваются успѣхомъ? Почему у всѣхъ этихъ героевъ достаетъ энергіи всего лишь на нѣсколько лѣтъ? Почему такъ скоро они падаютъ предъ неумолимой дѣйствительностью и становятся въ ряды тѣхъ, надъ которыми только что смѣялись и которыхъ такъ презирали за ихъ дѣятельность? Можетъ быть потому, что ложны ихъ идеалы и ненормальны средства для осуществленія ихъ. Можетъ быть потому, что не тверды ихъ обѣты, или можетъ быть потому, что такова участь всѣхъ юношескихъ, святыхъ, горячихъ и безкорыстныхъ обѣтовъ. Это—все не праздные вопросы. Страшно подумать, что тебя и все молодое поколѣніе ожидаетъ одинаковая участь со всѣми трудившимися прежде. Ужели придется стать въ ряды большинства людей, жить безъ живой мысли и живого дѣла? А если нѣтъ, то каковы средства, ко-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 91.
[2]) *М. Ю. Лермонтовъ.*

торыми долженъ руководиться всякій желающій навсегда сохранить свои юношескіе обѣты? Какой избрать жизненный путь? Ровно черезъ годъ передо мной откроется поприще самостоятельной жизни и дѣятельности. Нужно раньше разобраться въ хаосѣ мучительныхъ, жизненныхъ вопросовъ, чтобы не блуждать впослѣдствіи по распутіямъ міра. Что будетъ чувствовать честный кормчій корабля, которому ввѣрены сотни драгоцѣнныхъ жизней человѣческихъ, по выходѣ въ открытое море, когда онъ не зналъ, куда вести свой корабль, и доведетъ ли онъ его благополучно до какой-либо тихой и безмятежной пристани?

Въ современныхъ идейныхъ теченіяхъ можно наблюдать и еще бо́льшую смуту мысли. Въ литературѣ уже отмѣченъ фактъ полной „дехристіанизаціи" нѣкоторой части общества [1]). Вотъ двѣ отличительныя черты этого новаго направленія: стремленіе къ всеобщему земному счастію, какъ самой главной и послѣдней цѣли существованія человѣчества, и стремленіе къ обожествленію человѣка. Желаніе счастія и именно земного, посюсторонняго счастія неразрывно связано съ самымъ существованіемъ всякаго человѣка. Это стремленіе освящено и христіанствомъ. Но у многихъ оно стало теперь первою и послѣднею цѣлію ихъ бытія. И понятно почему. Когда потусторонній міръ отвергнутъ, когда отвергнута мысль о потустороннемъ воздаяніи, какъ нѣчто „дѣтское" и „незрѣлое", гдѣ тогда должны быть сосредоточены всѣ ихъ надежды, мысли, чувства и думы? Конечно, на землѣ и только на землѣ. Устроеніе земной жизни, созиданіе земного благополучія, этого новаго земного рая, „реальнаго", а „немечтательнаго", стало ихъ первой и послѣдней заботой. Итакъ, небесный идеалъ сведенъ на землю, скоро преходящему придали значеніе неизмѣннаго, къ моменту стали относиться, какъ къ вѣчности, на землѣ, среди всѣхъ превратностей жизни, среди обманчивости и призрачности существованія, захотѣли создать дѣйствительный, незыблемый рай. Если на знамени христіанства начертано: *Богочеловѣкъ*, то на знамени проповѣдниковъ новаго ученія начертано:

---

[1]) *А. Введенскій*. Изъ итоговъ вѣка. „Бог. Вѣстн." 1901 г. Янв. Письма о соврем. искусствѣ. М. 1899. *С. Глаголевъ*. На рубежѣ двухъ столѣтій. „Душепол. чтеніе" 1900 г. Янв.

человѣкобогъ. Для нихъ ужъ нѣтъ Христа Спасителя, Богочеловѣка, они сами теперь стали богами. Не нужно болѣе Христа Спасителя,—вотъ ихъ вопль, дикій вопль! Представители этого новаго направленія прежнія основы жизни назвали „банкротами“ и открыто требуютъ ихъ замѣны „болѣе совершенными и пригодными“ началами жизни. Вотъ что напр., мы читаемъ въ произведеніи одного выразителя мыслей людей описываемаго нами направленія. „Спасти міръ путемъ милосердія немыслимо, можно спасти его только водвореніемъ справедливости. Вотъ крикъ, раздающійся со всѣхъ концовъ земнаго шара. Евангеліе оказалось тутъ безсильнымъ. Страданія человѣчества нисколько не уменьшились. Да, Евангеліе—не болѣе, какъ устарѣлый сводъ законовъ, совершенно непримѣнимый къ современнымъ обществамъ! Нужно освободиться отъ его вліянія. И какое странное заблужденіе видѣть законодателя во Христѣ, который жилъ въ другомъ обществѣ, среди другихъ условій, въ другія времена! Ни одно общество не могло бы существовать, если бы его вздумали подчинить предписаніямъ Евангелія... Но требованіе справедливости восторжествуетъ въ концѣ концовъ. Несчастный, обманутый бѣднякъ не вѣритъ больше въ блага будущей жизни, онъ требуетъ своей доли счастія на землѣ. Любовь и трудъ будутъ признаны основными законами жизни. Безсмысленный кошмаръ ада уступитъ мѣсто торжествующей, вѣчно творящей природѣ. Старая семитическая мечта будетъ побѣждена свѣтлымъ разумомъ, опирающимся на современныхъ данныхъ науки. Въ теченіе восемнадцати вѣковъ христіанство тормозило движеніе человѣчества на пути къ истинѣ и справедливости. Движеніе это будетъ возстановлено лишь въ тотъ день, когда человѣчество причислитъ Евангеліе къ книгамъ мудрецовъ, не придавая ему значенія абсолютнаго законоположенія“ [1])... Итакъ, великія христіанскія начала и основы жизни—милосердіе и любовь—отжившія начала дѣятельности. Они должны быть замѣнены одною холодною, суровою справедливостію!

Вотъ и средство для водворенія новаго порядка на землѣ. Это—ни болѣе, ни менѣе, какъ адскій снарядъ. Благодаря этому война должна исчезнуть съ лица земли, всюду рас-

[1]) *Эмиль Зола*. Парижъ. Перев. Лихт. стр. 195—196.

пространится справедливость, народы будутъ жить въ полномъ мирѣ и согласіи другъ съ другомъ. „Какое облегченіе почувствуютъ народы въ тотъ день, когда страшный снарядъ, обладающій силою сразу уничтожить цѣлыя арміи, цѣлые города, упразднить войну, приведетъ народы къ разоруженію. Такимъ образомъ будетъ, наконецъ, убита война, сгубившая столько народовъ"... „Я подношу одновременно всѣмъ народамъ страшное оружіе разрушенія, которое я въ началѣ мечталъ вручить одной Франціи. Обладая подобной силой, они поймутъ безцѣльность взаимнаго истребленія и сложатъ оружіе [1])".

Но христіанство прежде всѣхъ провозгласило на землѣ миръ; и до сихъ поръ день и ночь зоветъ оно всѣхъ къ миру. Но оно зоветъ къ миру путемъ внутренней работы каждаго надъ самимъ собою, борьбы съ своими грѣхами и путемъ личнаго усовершенствованія каждаго, а не путемъ насилія и адскихъ машинъ. Путь крови, эшафота чуждъ христіанству. И вотъ то самое, что составляетъ святыню христіанства, что привлекало къ нему всегда милліоны людей, считается теперь отжившимъ свой вѣкъ. Путь грубѣйшаго кроваваго насилія считается выше нравственнаго воздѣйствія. Внѣшняя матеріальная сила признается выше духовной. Всѣ жалуются на то, что полнаго счастія, а по временамъ даже и относительнаго, нѣтъ на землѣ. Христіанство вмѣстѣ съ лучшими мыслителями всѣхъ вѣковъ говоритъ, что счастіе человѣка зависитъ отъ его внутренняго перерожденія, отъ его реформы своей личной жизни. Въ противномъ случаѣ, гдѣ бы ни жилъ человѣкъ, всюду онъ останется недоволенъ самъ собой и будетъ вопіять о счастіи. Представители же новаго направленія говорятъ, что только внѣшняя сила даетъ счастіе. Вотъ прислушайтесь хотя къ этимъ словамъ, что другое они означаютъ? „Знайте, что землю наслѣдятъ тѣ, на чьей сторонѣ окажется здоровье и многочисленность" [2]).

Величайшая христіанская добродѣтель — смиреніе также осмѣяна и признана не только ненужной, [3]) но и даже

[1]) Тамъ же. Стр. 265.

[2]) *Эмиль Зола.* Плодовитость. Стр. 160.

[3]) *Ницше* и мн. др. Ср. „Вѣра и Церковь" 1901 г. ст. И. *Николина* о „Смиреніи".

прямо вредной. Вмѣсто смиренія гордость и грубая сила поставлены на пьедесталъ и восхваляются на тысячи ладовъ.

Говорить ли о Толстовцахъ? Они хотятъ построить всю свою жизнь—частную, общественную—создать новый бытъ, новый строй, порядокъ жизни безъ Бога, безъ Христа, безъ церкви, безъ таинствъ, безъ христіанства. Все уничтожено, все упразднено. Настойчивые и упорные въ проведеніи своихъ воззрѣній, они пошли въ деревни и тамъ образовали уже особыя Толстовскія колоніи, чтобы провести въ самую жизнь эти новыя начала жизни.

Итакъ, когда я ѣхалъ въ Кронштатдъ, мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что написано на знамени вѣры у хорошихъ людей, хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ и служатъ обществу эти люди, откуда они почерпаютъ силы и такое самоотверженіе для служенія тысячамъ немощной братіи, какъ препобѣждаютъ свои житейскія невзгоды, какъ хранятъ они свои юношескіе, горячіе, добрые обѣты въ чистотѣ до послѣднихъ дней своей жизни. Хотѣлось почерпнуть изъ богатой сокровищницы уроки для себя и своего будущаго служенія, чтобы впослѣдствіи смѣло, съ распростертыми и любвеобильными объятіями идти на встрѣчу каждому заблуждающемуся и страждущему, съ непоколебимой надеждой уврачевать его язвы мучительныя и заставить его снова склониться къ подножію креста Христова, въ которомъ — единственный источникъ всей нашей духовной жизни.

II.

Читатель легко пойметъ теперь чувства и настроенія, которыми была переполнена моя душа въ день отъѣзда въ Кронштадтъ. Пусть для этого онъ только на нѣкоторое время представитъ себя въ моемъ положеніи. Какъ радуется земледѣлецъ, видя, что его многіе труды Господь увѣнчалъ обильной, благодатной жатвой, или какъ радуется благочестивый паломникъ, видя вдали ту святую обитель, къ которой онъ шелъ изъ далекой стороны, перенося всѣ невзгоды пути; такъ радовался и я, отправляясь къ о. Іоанну. День отправленія къ нему для меня былъ большимъ праздникомъ. Я забылъ всѣ и скорби, которыя всего лишь нѣсколько дней тому назадъ тяжелымъ бременемъ лежали на

мнѣ. Приходилось болѣе мѣсяца быть постоянно въ чрезвычайномъ напряженіи, а двѣ ночи пришлось даже провести безъ сна [1]). Но теперь было забыто все. Усталости и утомленности не чувствовалъ никакой. Печальныя настроенія оставили такъ же быстро меня, какъ легкій туманъ оставляетъ землю при восходѣ солнца. Въ душѣ царило тихое, мирное, свѣтлое, радостное настроеніе. Даже и физически чувствовалъ себя какъ то особенно бодрымъ и подвижнымъ. Вообще чувствовалось какъ то особенно легко, весело и оживленно. Такія настроенія далеко не часто осѣняютъ душу человѣка: они—рѣдкіе наши гости. Испросивши себѣ благопожеланій у своихъ друзей и знакомыхъ, полные различныхъ думъ о томъ, чѣмъ кончится наша поѣздка, наконецъ, мы [2]) отправились въ Кронштадтъ.

Намъ предстоялъ длинный переѣздъ въ 700 верстъ, съ нѣсколькими пересадками, безсонными ночами. Кромѣ того, въ дорогѣ угрожала скука. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ заняться, находясь больше сутокъ исключительно въ дорогѣ? По крайней мѣрѣ, я еще никогда не проводилъ столько времени въ пути. Но все это нисколько не могло ни поколебать, ни развѣять нашего добраго настроенія. Оно не оставляло насъ всю дорогу; каждая новая станція, полустанокъ, отъ которыхъ становился къ намъ ближе Кронштадтъ, только еще болѣе увеличивали его въ насъ. Въ это время мы были даже не въ состояніи понять, что въ дорогѣ можно скучать. Мы не замѣчали даже около себя скучающихъ и сонливыхъ физіономій. Все, что встрѣчалось намъ на дорогѣ, казалось такимъ же веселымъ, радующимся, какъ и мы сами. Казалось, что всѣ обращали на насъ вниманіе, всѣ были заняты нами. Конечно, разговоръ нашъ вращался около одного вопроса: „что-то будетъ? что-то увидимъ?“

Въ такомъ настроеніи находились мы, а поѣздъ мчалъ насъ все дальше и дальше отъ С—ва П—да. Мы ѣхали лѣсами, переѣзжали черезъ рѣки, пробѣгали по громаднымъ насыпямъ, миновали болѣе полсотни хорошихъ и плохихъ вокзаловъ, различныхъ платформъ. Проѣхали мимо нѣсколькихъ городовъ. Немного уже осталось и до главной нашей

---

[1]) Разумѣю экзамены.

[2]) Насъ ѣхало 9 человѣкъ.

станціи Петербурга. Наконецъ вотъ и она. Мы слѣзаемъ. Такъ вотъ онъ Петербургъ, краса и гордость Россіи... Вотъ тотъ городъ, побывать въ которомъ давно я мечталъ и считалъ эту минуту одной изъ счастливѣйшихъ въ своей жизни. Вотъ они роскошные дворцы, музеи, государственныя зданія, библіотеки, памятники, мосты. Всюду массы народа,куда то бѣгущаго и спѣшащаго. Насъ то и дѣло обгоняли на великолѣпныхъ рысакахъ прекрасныя кареты, ландо, пролетки, коляски.

Ѣдемъ мимо Казанскаго собора. Красавецъ—соборъ. Двѣ великолѣпныя высокія колоннады идутъ отъ него въ направленіи къ Невскому проспекту, образуя собою громадный открытый полукругъ. Это какъ бы двѣ какія гигантскія руки, которыя манятъ суетливую толпу Невскаго проспекта зайти въ этотъ храмъ. Храмъ какъ будто вѣчно, днемъ и ночью, говоритъ прохожему: „Путникъ, будетъ тебѣ носиться по волнамъ моря житейскаго; будетъ блуждать среди опасностей для твоей жизни и въ непроглядной тьмѣ; опомнись, зайди въ эту тихую, безмятежную пристань. Здѣсь нѣтъ мѣста страстямъ, здѣсь нѣтъ враговъ и недоброжелателей; нѣтъ и строгихъ судей. Приди сюда: вѣдь это домъ самаго любвеобильнаго Отца, какого ты еще не встрѣчалъ въ этомъ мірѣ, того Отца, который принялъ въ свои объятія съ великою радостію и любовію блуднаго сына. Приди сюда: здѣсь покой, миръ и тишина. Здѣсь ты забудешь свои страданія и невзгоды. Въ душу, истерзанную сомнѣніями и несчастіями, здѣсь прольется благодатный миръ и покой. Прежнія мучительныя состоянія смѣнятся радостнымъ настроеніемъ, слезы отчаянія—слезами радости“.

Вотъ гигантъ Исаакій, мрачный, но мощно поднимающійся къ небу, какъ бы какой необыкновенный великанъ, который поднялъ не одну тысячу пудовъ, стоитъ твердо, нисколько не колеблясь и даже нисколько не сотрясаясь. Для него не опасны никакія невзгоды. Когда смотришь на него, такъ и чудится, какъ будто онъ говоритъ тебѣ: „Смотри, прохожій, на меня; ты видишь, какъ мощно поднялся я къ небу; поднимайся такъ и ты. Ты видишь, какъ я господствую надъ всѣми невзгодами, такъ же господствуй надъ ними и ты. Вѣдь для тебя это гораздо легче, чѣмъ для меня: я—великанъ, колоссъ, краса, гордость и удивленіе многихъ созданъ тобой“. И чувствуешь себя какъ то бодрѣе, выслушавъ

эту безмолвную, но краснорѣчивую, убѣдительную рѣчь гиганта-колосса.

Много возникало въ душѣ различныхъ думъ, когда мы ѣхали этимъ чуднымъ городомъ. Но какъ ни интересовали насъ всѣ эти рѣдкости, однако мы не остановились сейчасъ въ Петербургѣ, чтобы осмотрѣть ихъ: мы ѣхали не въ Петербургъ, а въ Кронштадтъ. Поэтому спѣшили скорѣе быть тамъ, куда мы стремились. Съ вокзала мы отправились прямо на Кронштадтскую пароходную пристань. Послѣ довольно продолжительныхъ скитаній по городу на довольно неборзыхъ столичныхъ извозчикахъ, нанятыхъ на жалкіе студенческіе гроши, мы добрались до пристани. Большими буквами на парапетѣ пристани написано: „въ Кронштадтъ". Когда я прочиталъ эти слова, то почувствовалъ, что мое сердце забилось гораздо усиленнѣе. Это послѣдняя станція; здѣсь не разъ слѣзалъ съ парохода и садился на пароходъ о. Іоаннъ. Еще немного, и мы будемъ у цѣли своего путешествія. Что-то будетъ? Въ головѣ зароились опять всевозможныя догадки и предположенія. Мы взошли на пристань. До отхода парохода оставалось всего только полчаса. Прежде я думалъ, что здѣсь должно быть очень мало пассажировъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому и зачѣмъ ѣхать на небольшой островъ, притомъ населенный преимущественно воинствующимъ народомъ. Что онъ можетъ дать въ сравненіи съ Петербургомъ? Однако я жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ: пассажировъ была полная пристань. Не нужно было никого спрашивать, кто и къ кому ѣхалъ. Почти всѣ ѣхали къ о. Іоанну. Теперь Кронштадтъ и о. Іоаннъ стали синонимами. Когда мы взяли билеты и взошли на пароходъ, всего нѣсколько минутъ намъ оставалось ждать до его отхода. Но вотъ и послѣдній звонокъ. Сходни убраны. Пароходъ дрогнулъ отъ перваго удара колесъ и тихо сталъ подвигаться впередъ. Сначала колеса вертѣлись чуть-чуть; они какъ бы не хотѣли разстаться съ покоемъ, въ которомъ только что находились. Потомъ, уступая силѣ и давленію пара, завертѣлись чаще, и нашъ пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ. Замелькали великолѣпныя зданія Набережной, пароходы и пароходики, корабли... Черезъ четверть часа мы были уже въ открытомъ морѣ.

Одинъ изъ чудныхъ майскихъ дней выпалъ на наше сча-

стье. На небѣ ни облачка. Кругомъ тишина. Ни одна маленькая струйка воздуха не пробѣжитъ и не зарябитъ воду, не зашевелитъ парусъ, не заиграетъ вашими волосами. Море представляется какъ бы какимъ однимъ зеркаломъ громадныхъ размѣровъ. Впереди насъ лежитъ громадная величавая, спокойная водяная равнина, кажется, безъ конца въ ширину и безъ конца въ длину. Здѣсь почти ничто не развлекаетъ глазъ путешественника; ничто не отвлекаетъ его отъ этой величественной картины. Только по временамъ на горизонтѣ покажется одинъ, другой бѣлый парусъ, замѣтишь клубы дыма изъ корабля, идущаго тамъ вдали намъ на встрѣчу, пройдетъ мимо насъ корабль или пароходъ. Солнце величаво совершаетъ свой дневной путь по небу. Не скупясь, оно льетъ массу свѣта на землю, какъ бы стараясь освѣтить каждый уголокъ ея. Невольно среди этой величественной, грандіозной и успокаивающей обстановки погрузишься въ думы; мысль начинаетъ работать какъ то усиленнѣе. Одинъ вопросъ возникаетъ за другимъ.

Изъ всей вереницы вопросовъ, которые возникали въ моей душѣ, я дольше всего остановился на одномъ изъ нихъ. Вотъ мы ѣдемъ, думалъ я, изъ центра, сердца Россіи на самый ея край, на небольшой островокъ, который когда то и населялся не Славянами, а въ недавнее время, да отчасти еще и теперь, является мѣстомъ подвиговъ различныхъ падшихъ людей, высылаемыхъ сюда изъ столицы. Ужели можетъ быть что-нибудь доброе изъ Назарета? И понялъ я въ это время, еще съ небывалой для меня до сихъ поръ ясностію, что вся земля одинаково благопріятна для осуществленія великихъ началъ христіанства: и пустыня, и холодный сѣверъ, и теплый югъ, и центръ Россіи, и самый отдаленный уголокъ ея. Праведникъ вездѣ „будетъ какъ дерево, посаженное при потокѣ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое, и листъ котораго не вянетъ; и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, успѣетъ“. (Пс. I, 3 ст.). Дѣло не въ мѣстѣ, а въ людяхъ, живущихъ тамъ или здѣсь. Вотъ почему св. Василій Великій, когда Модестъ грозилъ ему изгнаніемъ изъ отечества, отвѣчалъ ему:

—Для меня вездѣ земля Господня.

И исторія съ поразительной ясностію подтверждаетъ это. Для истиннаго христіанина, дѣйствительно, вся земля Го-

сподня. Подъ руками дѣятельныхъ христіанъ пустыни превращались въ роскошныя и богатыя мѣста. Бѣдность оставляла свои прежнія жертвы. Духовный мракъ, царившій надъ людьми, разсѣевался. Безсиліе смѣнялось непобѣдимою силой. Жизнь становилась неузнаваемой. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока люди не оставляли то знамя, подъ которымъ они до сихъ поръ трудились. Такъ бываетъ и теперь: всегда жизни больше тамъ, гдѣ святѣе и энергичнѣе выступаетъ человѣкъ. Жизнь и кипучая дѣятельность всегда отливаютъ вмѣстѣ съ людьми съ одного мѣста на другое. Нынѣ процвѣтаетъ югъ, завтра загорается свѣточъ на сѣверѣ, и жизнь бьетъ тамъ ключѐмъ.

Понялъ я теперь особенно ясно и то, какъ справедливы слова, сказанныя нѣкогда Спасителемъ: „не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы". (Мѳ. V, 14). Истинно христіанская дѣятельность имѣетъ особенное свойство: она никогда не можетъ остаться незамѣченной и пройти совершенно безслѣдно. Для этого не нужна ни реклама, ни пропаганда, чѣмъ обыкновенно стараются привлечь къ себѣ вниманіе людей непризванные учители. Для христіанина нужно только одно — трудиться по мѣрѣ своихъ силъ, исполнять втиши завѣты Спасителя, не уклоняться отъ нихъ ни на одну минуту въ сторону. Святая дѣятельность будетъ постепенно останавливать на себѣ вниманіе людей; она заставитъ ихъ говорить о тебѣ, труженикъ; потомъ будетъ одного за другимъ ихъ привлекать къ тебѣ. Вѣрь, къ тебѣ придетъ ихъ столько, сколько ты самъ заслужилъ своею дѣятельностью. Не бойся остаться неизвѣстнымъ міру даже и тогда, если ты пріютился бы гдѣ-нибудь въ пустынѣ, въ непроходимыхъ лѣсахъ. Вѣрь, что и оттуда лучи свѣта достигнутъ до міра, и туда пойдутъ къ тебѣ люди, жаждущіе истины и свѣта. Они будутъ прислушиваться къ каждому твоему слову. Вѣрнымъ залогомъ справедливости сказаннаго можетъ быть жизнь всѣхъ нашихъ подвижниковъ. Куда бы и какъ бы они не скрывались отъ міра, всюду ихъ находили люди и не давали имъ нигдѣ покоя, требуя отъ нихъ наставленія и утѣшенія. Долго, долго и спустя по смерти великихъ подвижниковъ на ихъ могилы продолжали приходить люди, какъ бы умершіе еще были живы и какъ бы они еще бесѣдовали съ пришедшими „усты къ устомъ". Почему же такъ?

„Душа по природѣ христіанка",—сказалъ одинъ христіанскій писатель и учитель. По самой природѣ все доброе и прекрасное—ея родная стихія. Какъ нѣкоторыя растенія сами собой обращаются къ солнцу или какъ путникъ, сбившійся ночною порой съ пути, идетъ на свѣтъ, который завидитъ; такъ и наша душа инстинктивно влечется ко всему доброму. Для нея достаточно только видѣть истинно доброе, понять его, чтобы устремиться къ нему всѣми силами. Этотъ законъ духовной жизни человѣка—законъ постоянный; онъ одинаково наблюдается во всѣ вѣка. Припомните, съ какимъ воодушевленіемъ, съ какой охотой язычники слушали своихъ философовъ, ораторовъ, выдающихся общественныхъ дѣятелей. Припомните, чѣмъ только они не жертвовали для нихъ. Припомните, какъ они отыскивали истинно великихъ людей за самой черной работой, изъ бѣднаго простаго рода, и отсюда приводили ихъ къ занятію самыхъ высшихъ государственныхъ должностей. Припомните, какъ они хранили память о нихъ не одно столѣтіе и послѣ ихъ смерти. Ужъ не будемъ вспоминать, какъ стекался народъ слушать Спасителя, оставляя свои домы, дѣтей, забывая даже о пищѣ. Если мы отъ прошедшаго обратимъ свой взоръ къ настоящему, бѣдному хорошими людьми, какъ говорятъ, то и здѣсь найдемъ подобные примѣры. Кто изъ насъ не знаетъ, что въ каждомъ обществѣ есть люди, предъ которыми невольно благоговѣешь, которыхъ всегда съ радостью слушаешь и готовъ исполнять каждое ихъ слово. Какое бы положеніе они не занимали, ихъ всегда находили люди, жаждущіе свѣта и истины. Это все носители свѣта, провозвѣстники добрыхъ началъ жизни. Различіе лишь въ томъ, что на ихъ духовномъ очагѣ еще не такъ ярко горитъ огонь, какъ въ душахъ другихъ людей, достигшихъ совершенства. Поэтому около однихъ собираются массы народа, около другихъ меньше толпится людей.

Долго сидѣлъ я на палубѣ парохода, погруженный въ эти думы. Наконецъ, я рѣшилъ оставить свое раздумье, идти и присмотрѣться къ публикѣ, которая ѣхала къ о. Іоанну.

Публика была очень интересна по своему составу; въ ней, кажется, были представители всѣхъ сословій и профессій. Я назову лишь только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ группа студентовъ одной Академіи. Одинъ изъ нихъ уже кончилъ

курсъ, другіе еще учатся. Что ихъ привело сюда? Вотъ ученый профессоръ химіи Горнаго Института, написавшій нѣсколько сочиненій по своей спеціальности даже на нѣмецкомъ языкѣ, ѣдетъ тоже въ Кронштадтъ и тоже къ о. Іоанну. Что это такое? Не обманъ ли зрѣнія? Какимъ образомъ попалъ сюда человѣкъ изъ той среды ученыхъ, изъ которыхъ многіе уже давно твердятъ всѣмъ, что въ мірѣ кромѣ матеріи ничего нѣтъ. Съ полной увѣренностію они говорятъ: „Бога, конечно, не существуетъ, религія—вздоръ; вотъ вамъ телескопы и микроскопы, укажите вы намъ Бога, душу человѣка, загробный міръ".... Какъ я послѣ узналъ, г. профессоръ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, дѣйствительно, не хотѣлъ ничего и слышать о Богѣ, душѣ человѣка, ея безсмертіи. Его въ это время вполнѣ удовлетворяли атомы, микроорганизмы и т. п. тонкія существа. Въ погонѣ за ними онъ даже лишился одного глаза во время одного своего опыта. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ онъ жилъ въ полной свободѣ, какъ подсказывалъ ему его разумъ, занятый различными бациллами. И къ чему же пришелъ этотъ человѣкъ? Онъ не могъ вынести этого неестественнаго положенія. Сама природа стала ему говорить, что оно ненормально. Онъ сталъ чувствовать пустоту своей жизни. Онъ, наконецъ, понялъ, что человѣкъ одаренъ не однимъ холоднымъ разсудкомъ, живетъ не одними только исключительно учеными интересами; онъ имѣетъ еще сердце и волю, имѣетъ непреодолимые религіозные и нравственные запросы и стремленія. Полная и довольная жизнь возможна только тогда, когда удовлетворены тѣ и другіе. И вотъ по настоятельному требованію своей природы, прислушиваясь къ протестующему внутреннему голосу, онъ не выдерживаетъ своего ложнаго положенія. Жгучая, постоянная неудовлетворенность всѣмъ окружающимъ заставляетъ его искать разрѣшенія своихъ сомнѣній и приводитъ его къ о. Іоанну.

Вотъ сидитъ довольно молодая дама, изящно одѣтая. Ея костюмъ—послѣднее слово моды и эстетики. Черты лица, движенія, разговоръ,—все обличаетъ въ ней аристократку. Она ѣдетъ также къ о. Іоанну. Глядя на нее, невольно задумаешься. Что заставляетъ ее ѣхать на этотъ маленькій, бѣдный островокъ? Вѣдь, кажется, ничего не придумаешь, чего бы ей не доставало въ жизни. Она живетъ въ роскош-

номъ домѣ, напоминающемъ собою дворецъ. Тамъ картины лучшихъ русскихъ и заграничныхъ художниковъ ласкаютъ ея взоръ. Тамъ собраны лучшія сочиненія всѣхъ геніальныхъ и талантливыхъ писателей—русскихъ и иностранныхъ. Ея слухъ услаждаютъ почти ежедневно звуки чудной, волшебной музыки. Не слышно нигдѣ грубой рѣчи; ея взоръ не встрѣчаетъ грубыхъ и уродливыхъ, безобразныхъ манеръ. Въ ея домѣ собраны лучшіе плоды труда человѣческаго, иногда многолѣтняго и упорнаго. И море, и суша, и глубины земныя, и горы, и воздухъ принесли сюда свои богатые дары. Отовсюду собраны лучшія произведенія людей и лучшіе дары природы. Цѣлый полкъ прислужниковъ окружаетъ ее, стараясь предупредить каждое самое малое ея желаніе. Для нея возможны всѣ самыя высшія и благородныя развлеченія. Для нея почти не существуетъ ни времени, ни пространства: деньги даютъ возможность посѣтить самый отдаленный уголокъ земли, по телеграфу и телефону разговаривать съ тѣмъ, кто живетъ за сотни и тысячи верстъ. Словомъ, кажется, для нея нѣтъ ничего невозможнаго. Но не смотря на всю эту роскошь и богатство, она ѣдетъ изъ своего угла, этого какъ бы волшебнаго царства, къ о. Іоанну. Очевидно, и великолѣпныя палаты, и роскошь, и знатность не могутъ сохранить человѣка отъ сомнѣній, неудовлетворенности и печали. Она, какъ самый рѣдкій воръ, какихъ еще не бывало среди людей, на глазахъ у всѣхъ прокрадывается въ домъ, свиваетъ тамъ прочное гнѣздо и, наконецъ, доводитъ человѣка до того, что онъ оставляетъ свое великолѣпное жилище и бѣжитъ искать себѣ помощи на сторонѣ.

Недалеко отъ этой дамы сидѣлъ извѣстный богатый купецъ. И онъ ѣхалъ къ о. Іоанну. Богатство сдѣлало его маленькимъ князькомъ. Предъ нимъ преклонялись сотни людей, восхваляли его въ рѣчахъ, газетахъ, исполняли каждое его малѣйшее желаніе. Его сила и вліяніе, кажется, не знали границъ. Онъ былъ всюду принятъ. Не было ни одного удовольствія, которое было бы ему недоступно. Онъ не знаетъ конца своимъ владѣніямъ. Все испыталъ въ своей жизни. Это—новый Соломонъ, Соломонъ конца 19 вѣка. И къ чему же пришелъ онъ своимъ опытомъ?

—Много денегъ у меня, говорилъ онъ, много лѣсовъ, земли, луговъ и всякихъ владѣній, но ни на что мнѣ не хочется

теперь смотрѣть. Тяжело мнѣ... Днемъ и ночью гложетъ меня какая то тоска. Я не знаю, что сейчасъ предпринять и куда дѣваться. Я заблудился и не знаю для себя никакого выхода. Заблудился среди бѣлаго дня... Да, среди бѣлаго дня, повторилъ онъ. И это говоритъ не сумасшедшій, а человѣкъ, находящійся въ полномъ разумѣ и здоровьѣ. Мнѣ сказали, что о. Іоаннъ помогаетъ многимъ. Вотъ я и ѣду къ нему, не поможетъ ли онъ и мнѣ?

Таково чистосердечное признаніе богача, крупнаго землевладѣльца. Очевидно, и громадныя богатства не спасаютъ человѣка отъ скорби; скорбь можетъ пробраться и къ богачу и опутать его такою крѣпкой паутиной, что человѣкъ потеряетъ всякую возможность самъ лично освободиться отъ нея.

Не буду описывать другихъ пассажировъ 1-го класса. Тутъ было много людей различныхъ сословій и профессій. Каждый ѣхалъ къ „дорогому батюшкѣ“ съ какимъ либо горемъ или какой-нибудь нуждою. Палуба 2-го класса также была полна. Здѣсь были люди средняго сословія — крестьяне и бѣдняки. Замѣчательную картину представляли крестьяне. Одни изъ нихъ съ котомками за плечами, въ худыхъ лаптяхъ, въ плохой одежонкѣ прошли сотни верстъ, перенесли всѣ невзгоды продолжительнаго путешествія. Нѣкоторые шли даже Христовымъ именемъ въ Кронштадтъ [1]. Что ихъ влекло сюда? Все одно и то же желаніе—посмотрѣть, послушать великаго пастыря и поучиться у него, какъ жить имъ „по-Божьи“. Вѣдь и бѣдность не устраняетъ этихъ вопросовъ изъ души человѣка.

Не буду, читатель, утомлять тебя длиннымъ перечнемъ всѣхъ, кто ѣхалъ къ о. Іоанну. Не буду посвящать и въ ихъ завѣтныя думы, съ какими они къ нему ѣхали. Я не преувеличу, если скажу, что къ о. Іоанну ѣхалъ бѣдный и богатый, знатный и незнатный, ученый и неученый, аристократъ и крестьянинъ. Тутъ были старые и малые, мужчины и женщины. Всѣ большею частію ѣхали о чемъ либо просить о. Іоанна. Одни—матеріальной помощи, другіе—совѣта, третьи—исцѣленія, нѣкоторые принести ему благодарность за оказанную уже имъ ту или другую помощь. Пре-

---

[1]) Шли изъ Томска, Иркутска, Вятки, Смоленска...

красно эта картина описана въ одномъ стихотвореніи. Авторъ его пишетъ:

Про тебя прошла молва,
Тебя по всей Руси узнали.
Въ палаты пышныя дворцовъ,
Въ лачуги къ бѣднымъ поселянамъ
Потокъ живыхъ врывался словъ,
Вставалъ, какъ лучъ передъ туманомъ,
И бралъ свое: душевный мракъ
Свѣтлѣлъ и, истину познавши,
Къ тебѣ склонялся даже врагъ,
Тебя недавно попиравшій.
Проснулась Русь... съ концовъ далекихъ,
Изъ-за лѣсовъ и изъ за-горъ,
Изъ-за степей ея широкихъ
Валитъ народъ ужъ съ давнихъ поръ:
Спѣшитъ познать твое ученье
Принявшій странника вѣнецъ,
Крестьянка дальняго селенья
И благодѣтельный купецъ;
Спѣшитъ къ тебѣ вельможа знатный... [1]).

Говорятъ, число паломниковъ, являющихся къ о. Іоанну въ Кронштадтъ, ежегодно достигаетъ 80000 человѣкъ [2]). На одной первой недѣлѣ великаго поста ихъ бываетъ до 10000 человѣкъ.

Пока я осматривалъ пассажировъ, пароходъ успѣлъ пройти большую часть пути отъ Петербурга до Кронштадта. Вдали уже были видны церкви, городскія зданія, мачты кораблей, стоявшихъ около Кронштадта. Быстро оставивъ І-й классъ, я поднялся на палубу парохода, чтобы отсюда лучше видѣть этотъ знаменитый теперь городъ. Долго и пристально я всматривался въ даль. Мнѣ думалось, что даже его зданія должны были говорить объ о. Іоаннѣ. Но они ничего не говорили. Это были такія же каменныя высокія постройки, какъ и во многихъ другихъ городахъ, о существованіи которыхъ многіе даже совершенно не знаютъ. Среди шпицевъ

---

[1]) *В. Максимовъ.* Сборникъ стиховъ, посвящ. о. Іоанну. СПБ. 1901 г., стр. 17—18.

[2]) *Свѣтъ.* 1900 г. № 2. Ср. *Кормчій.* 1901 г. № 13. Стр. 207.

церквей, легко поднимавшихся къ небу и царившихъ надъ городомъ, мнѣ указали на одинъ. То былъ шпицъ Андреевскаго собора,—мѣста служенія о. Іоанна. И интересно, этотъ холодный, безмолвный памятникъ теперь сталъ для меня дорогъ. Мнѣ показалось, что какъ будто онъ даже видитъ насъ и хочетъ намъ сказать: „здѣсь подъ кровлей этого священнаго храма священнодѣйствуетъ тотъ, къ которому вы ѣдете". Такъ хорошій человѣкъ одухотворяетъ и всѣ вещи, съ которыми онъ соприкасается. И глубокое чувство благодарности возносила моя душа Провидѣнію за то, что оно помогло намъ благополучно достигнуть Кронштадта, въ который мы ѣхали съ такимъ нетерпѣніемъ.

Между тѣмъ пароходъ подвигался все дальше и дальше впередъ; до берега оставалось уже очень немного. Городъ лежалъ предъ нами во всемъ своемъ величіи, весь залитый яркимъ свѣтомъ солнца, стоявшаго почти надъ головой. Еще нѣсколько минутъ, и мы у берега, на твердой землѣ. Пароходъ уменьшилъ ходъ и, наконецъ, сталъ у пристани, слегка покачиваясь на небольшихъ волнахъ. Мы сошли на пристань. Наше вниманіе было остановлено массой публики, которая суетилась здѣсь. Тутъ были мужчины и женщины, старые и малые. Съ саквояжами, сумами, сумками, узелками и узелочками спѣшили всѣ на пароходъ. Не нужно и здѣсь было спрашивать, къ кому ѣздили всѣ эти люди. Это все возвращающіеся отъ о. Іоанна, удовлетворенные. Они уже видѣли великаго пастыря; большинство изъ нихъ говѣло у него. Всѣ они получили отъ него то, что просили, въ чемъ сильно нуждались. Интересно было посмотрѣть на ихъ лица. Я успѣлъ заглянуть нѣсколькимъ въ лицо, и поразился. Напрасно было искать на нихъ слѣдовъ печали, скорби, грусти, которая кладетъ замѣтный отпечатокъ на чело человѣка, рѣзко бросающійся каждому въ глаза. Это были все радостныя лица. О какомъ то особенномъ, неизъяснимомъ мирѣ и спокойствіи душевномъ говорила каждая черта, складка ихъ лица. Такія минуты бываютъ лишь тогда, когда ничто не волнуетъ душу человѣка—ни заботы, ни страсти, ни скорби, ни печали; и какое величіе, особенно чарующее и услаждающее нашъ взоръ, отражается тогда въ лицѣ человѣка. Въ это время болѣе, чѣмъ въ какое другое, можно видѣть до осязательности ясно все великое достоинство человѣка, его

богоподобіе, небесное происхожденіе по всей душѣ и предназначеніе быть царемъ, владыкой міра земного и членомъ въ дому небеснаго Отца, въ небесномъ Іерусалимѣ (Апок. XXI гл.). Не наблюдалъ ли кто моря въ тихую, ясную, теплую лунную ночь? На всемъ пространствѣ, какое только можно окинуть взоромъ, не пробѣжитъ по нему ни одна хотя бы маленькая волна и нигдѣ не зарябитъ воду. Громадныя, поражающія своими размѣрами массы воды покойны... И вся эта громада какъ бы спитъ величаво. Кажется, нѣтъ въ мірѣ ни одной силы, которая могла бы пробудить ее отъ этого сна. Царь природы—человѣкъ представляется ничтожнымъ въ сравненіи съ этою необъятною массою воды. И сколько величія, мощи, спокойствія, важности и какой то очаровательной ласки видишь тогда въ немъ. Впечатлѣніе, какое мы получаемъ отъ моря въ тихую погоду, лишь только отчасти напоминаетъ намъ величіе человѣка, когда онъ бываетъ вѣренъ своему высокому призванію, когда его душа не бываетъ ареной различныхъ пороковъ и страстей.

Я не могъ осмотрѣть всѣхъ паломниковъ, возвращавшихся отъ о. Іоанна. Но думаю, что большая часть ихъ возвращалась съ миромъ въ душѣ и съ свѣтлымъ взоромъ на будущее. Прекрасно кѣмъ то сказано:

Все это ѣдетъ въ путь обратный,
Разсѣя мракъ своей души,
Разсѣя всѣ ея сомнѣнья,
Въ міръ жизни новый погрузясь,
Постигши истину ученья
И какъ бы вновь переродясь.
Скупецъ обратно ѣдетъ добрымъ,
Злодѣй—съ очнувшейся душой,
Упавшій духомъ—съ духомъ твердымъ...
Ты всѣмъ даешь души покой [1]).

Проходя мимо ихъ, я думалъ: счастливые, вы уже достигли того, къ чему стремились. Пусть Богъ благословитъ ваше возвращеніе въ родные домы. Храните, какъ драгоцѣнное сокровище, все, что здѣсь получили въ свое назиданіе. Не забывайте никогда завѣты, данные вамъ здѣсь, и вы бу-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 18.

дете счастливы. Несите ихъ съ собой на родину и повѣдайте о нихъ другимъ, кому не удалось самому быть въ Кронштадтѣ.

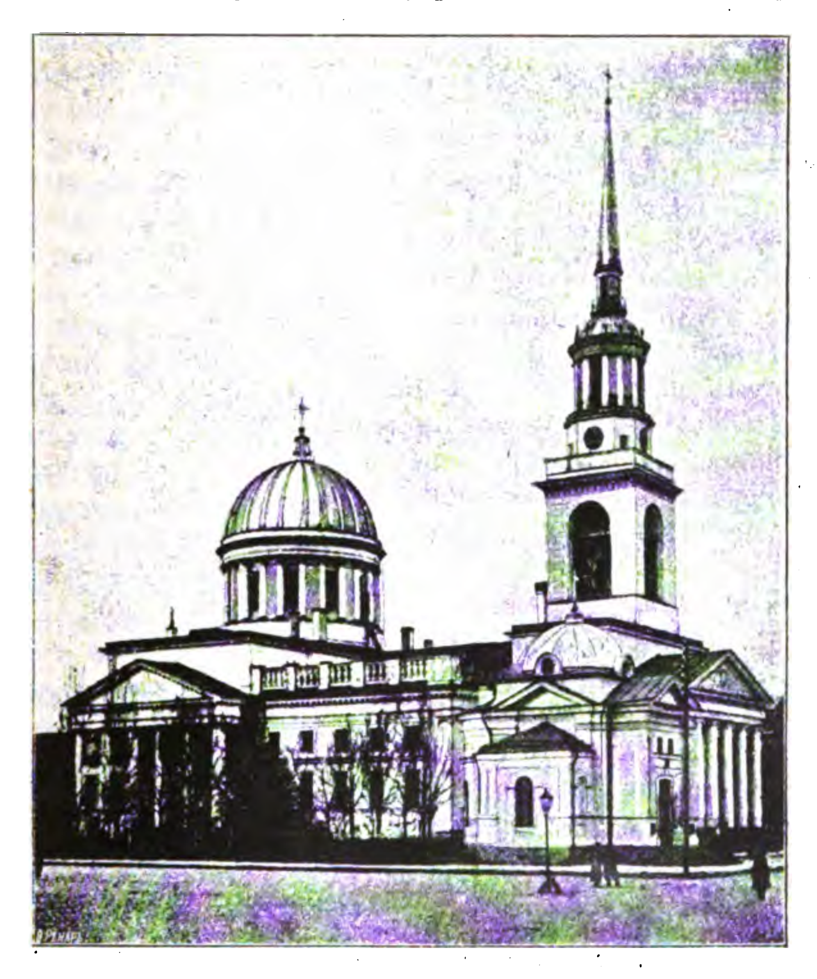
Благословивъ возвращающихся отъ о. Іоанна, мы спѣшили найти дилижансъ, чтобы скорѣе быть у о. Іоанна. У пристани стояло нѣсколько дилижансовъ и было очень много извозчиковъ, въ ожиданіи большого числа пріѣзжающихъ къ о. Іоанну. И ихъ ожиданія, когда о. Іоаннъ бываетъ въ Кронштадтѣ, всегда исполняются въ точности. Нами начинили одинъ дилижансъ, и мы поѣхали въ городъ.

Самый городъ не представляетъ собою ничего особеннаго. Онъ походитъ на многіе русскіе города. Городъ — оживленный, чистый, опрятный, съ множествомъ большихъ хорошихъ домовъ, съ хорошими улицами, тротуарами, садами и пр. По дорогѣ намъ встрѣтилось нѣсколько церквей. Неподалеку отъ православныхъ храмовъ стоялъ католическій костелъ и протестантская кирка. Вотъ истинная чадолюбивая мать—наша св. православная церковь. Она не боится давать строить храмы рядомъ съ своими храмами тѣмъ, которые выступаютъ нерѣдко противъ нея въ качествѣ ея злѣйшихъ враговъ, кто на своей родинѣ ни за что не позволитъ ютиться православному храму вблизи своего.

По дорогѣ наша мысль, конечно, была занята тѣмъ, гдѣ живетъ о. Іоаннъ. По пути къ нему намъ встрѣтился и Андреевскій соборъ. Если бы насъ и не предупреждали, что это тотъ самый храмъ, въ которомъ служитъ о. Іоаннъ, мы догадались бы объ этомъ и сами. Около храма, на широкихъ ступенькахъ, ведущихъ въ соборъ, сидѣло много народа, видимо чего то поджидавшаго. Какъ будто бы здѣсь былъ праздникъ или въ храмѣ была какая либо святыня, которую скоро должны были вынести оттуда. Между тѣмъ былъ будничный день. Почему же такое собраніе народа? Кого здѣсь дожидаются? Надѣюсь, что читатель давно уже догадался—кого. Помолившись у этого священнаго храма, мы отправились прямо на квартиру, которая была для насъ приготовлена добрыми людьми. Она была недалеко отъ храма и, главное, противъ квартиры о. Іоанна. Вотъ мы и на квартирѣ. Наконецъ то мы на мѣстѣ, наконецъ то мы увидимъ того, къ кому пріѣхали изъ-за 700 верстъ.

Въ день нашего пріѣзда въ Кронштадтъ о. Іоанна не было

дома: его увезли въ Петербургъ, и дома онъ долженъ быть лишь въ 1-мъ часу ночи. На утро онъ долженъ былъ пріоб-

Андреевскій соборъ.

щать всѣхъ пріѣхавшихъ. Мы пожалѣли, что о. Іоанна не было въ городѣ. Но что было дѣлать? Остатокъ дня употребили на осмотръ города, а время вечернее до сна въ молитвѣ, подготовляясь къ великимъ таинствамъ исповѣди и св. причастія.

Я никогда не забуду этого вечера. Да и забыть его никогда нельзя. Было уже 10 часовъ. Въ комнатѣ царилъ полумракъ. Передній уголъ весь, почти отъ самаго пола до потолка, и значительная часть стѣны уставлены иконами.

Это почти цѣлый домашній иконостасъ. Предъ иконами теплится до десяти разноцвѣтныхъ лампадокъ, освѣщая святые лики Угодниковъ Божіихъ. Какіе чудные все лики — кроткіе, милосердые, любвеобильные. Они какъ бы живые смотрятъ на тебя; взоръ ихъ проникаетъ въ самую глубь твоей души и какъ бы даже его ощущаешь на себѣ. Они какъ бы простираютъ къ тебѣ свои объятія и влекутъ тебя къ себѣ. Ты вступаешь съ ними въ незримую ни для кого, живую бесѣду. Не словами бесѣдуешь здѣсь. Нѣтъ, всю душу охватываетъ какое то особенное возвышенное, святое, мирное настроеніе. О, какой это великій, благодатный, святой и святѣйшій миръ. Что можетъ сравниться съ нимъ въ этомъ видимомъ мірѣ? Какимъ свѣтомъ наполняется тогда внутренняя духовная храмина человѣка. Какъ ясна становится жизнь наша здѣсь и тамъ за гробомъ съ ея безконечнымъ продолженіемъ. Какъ просто разрѣшаются всѣ наши сомнѣнія и недоразумѣнія. Какъ крѣпнетъ вѣра. Въ эти минуты человѣкъ можетъ идти на всевозможныя пытки и костеръ за Христа безъ всякихъ колебаній и сомнѣній.

Въ комнатѣ, слабо освѣщенной свѣтомъ лампадъ, находилось до 50 человѣкъ, пріѣхавшихъ къ о. Іоанну и остановившихся съ нами въ одномъ домѣ. Всѣ мы стояли съ одними думами и чувствами. У всѣхъ насъ въ эти минуты была какъ бы одна душа и одно сердце. Была между всѣми нами незримая, но великая, сердечная, глубокая связь, соединявшая всѣхъ въ одну родную, тѣсно сплоченную неразрывными узами семью. Правило читалъ студентъ іеромонахъ о. М—й, много учившійся, много видавшій и пережившій на своемъ вѣку, человѣкъ искренній, сердечный, самоотверженный и глубоко религіозный. Смерть жены заставила его раздать свое имѣніе, оставить видное служебное положеніе и отдать всего себя на служеніе людямъ. Годы избороздили его высокое чело и добродушное лицо морщинами. Отъ пережитаго горя во многихъ мѣстахъ уже серебрились въ головѣ и бородѣ его прежде черные волосы. Говорить ли о томъ, какое молитвенное настроеніе осѣняло въ эти минуты всѣхъ насъ? То тамъ, то здѣсь слышались вздохи, исходившіе изъ самой глубины души. Многіе склонились на колѣни. Нѣкоторые тихо плачутъ. Взоры

всѣхъ, можетъ быть, еще съ небывалымъ до сихъ поръ напряженіемъ обращены были къ небу. Казалось, между молящимся и небомъ уже не было никакого болѣе пространства. Душа витала какъ бы у самаго подножія престола Божія и зрѣла своего любвеобильнаго небеснаго Отца.

Глубоко западали въ души молящихся слова канона и акаѳиста. Они начертывались какъ бы какими огненными буквами или какъ бы вырѣзались на скрижаляхъ сердца. Многія строки изъ давно знакомыхъ и хорошо извѣстныхъ священныхъ изреченій теперь получали совершенно новый смыслъ и значеніе; мысль усматривала въ нихъ то, чего прежде не замѣчала. Вотъ слышишь: „Іисусе, хранителю во младости моей: Іисусе, похвало въ старости моей: Іисусе, надеждо въ смерти моей: Іисусе, животе по смерти моей. Іисусе, утѣшеніе на судѣ твоемъ: Іисусе, желаніе мое, не посрами мене тогда. Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя“: Спаситель! Ты, значитъ, моя жизнь отъ начала до конца, во вѣки вѣковъ. Въ Тебѣ все; безъ Тебя я—ничто.

Или до твоего слуха долетаютъ слова: „съ человѣки невмѣстимый пожилъ еси, и болѣзни наша подъялъ еси. Отнюду же ранами твоими мы исцѣлѣвше, пѣти навыкохомъ: аллилуія“. Господи!—невольно при этомъ думаешь,—а мы то что? Невмѣстимый живетъ съ грѣшниками... А мы какъ часто не хотимъ жить и съ праведниками, какъ чуждаемся грѣшниковъ. Ранами твоими мы исцѣлились, а сами какъ врачуемъ другихъ? Мы не можемъ понести самаго ничтожнаго оскорбленія, какое наносятъ намъ, хотимъ всегда непремѣнно отмстить своему врагу. А страдать за другихъ мы совершенно не умѣемъ.

Вотъ снова слышишь: „къ темному западу естеству нашему пришедъ, смирился еси до смерти. Тѣмъ же превознесеся имя Твое паче всякаго имене, и отъ всѣхъ колѣнъ небесныхъ и земныхъ слышиши: аллилуіа“. Спаситель! до смерти Ты смирился. А мы грѣшные? о горе, горе намъ...

Вотъ до твоего слуха доходятъ моленія, обращенныя къ Богоматери, и опять какъ глубоко восторгаешься ими. „Многими содержимъ напастьми, къ Тебѣ прибѣгаю, спасенія искій: о, Мати слова и Дѣво, отъ тяжкихъ и лютыхъ мя спаси“. „Страстей мя смущаютъ прилози, многаго унынія исполнити мою душу: умири, Отроковице, тишиною Сына и

Бога Твоего, Всенепорочная". „Лютыми недуги, и болѣзненными страстьми истязаему, Дѣво, Ты ми помози: исцѣленій бо неоскудное Тя знаю сокровище, Пренепорочная, неиждиваемое".

Вотъ доносятся до слуха твоего молитвы, обращеныя къ Ангелу Хранителю, и падаютъ росой живительной, благодатной на твое холодное сердце. „Врагъ попираетъ мя и озлобляетъ, и поучаетъ всегда творити своя хотѣнія: но ты, наставниче мой, не остави мене погибающа". „Спяща мя злѣ тяготою грѣховною, яко бдяща сохрани, Ангеле Божій, и возстави мя на славословіе моленіемъ твоимъ". „Мыслити ми присно и творити, Господень Ангеле, благая и полезная даруй, яко сильна яви въ немощи и непорочна".

Шелъ первый часъ ночи, когда кончилась наша молитва. Съ неизъяснимымъ миромъ и покоемъ въ душѣ мы легли спать, чтобы раннимъ утромъ быть уже въ храмѣ за богослуженіемъ, которое будетъ совершать самъ о. Іоаннъ. Мы легли всѣ на полу нашей маленькой общей комнаты на чистыхъ постеляхъ, приготовленныхъ для насъ заботливой хозяйкой А. Т. И при этомъ, столь экономическомъ расположеніи, мы могли только едва всѣ помѣститься здѣсь. А о койкахъ нечего было и думать. Правда, намъ тѣсно было и не совсѣмъ удобно, но за то мирно и покойно у всѣхъ было на душѣ, и мы въ этой тѣснотѣ спали такимъ глубокимъ сномъ, какимъ не всегда удавалось засыпать, находясь и въ болѣе удобной обстановкѣ. Намъ предлагали отличное помѣщеніе со всѣми удобствами, предлагали безплатно, но мы рѣшили жить противъ о. Іоанна. А наша квартира была единственная такая квартира въ данномъ мѣстѣ. Поэтому мы предпочли тѣсноту простору, чтобы только быть рядомъ съ о. Іоанномъ, смотрѣть на его домъ, наблюдать огонекъ, едва замѣтный тамъ въ какой то комнатѣ, слѣдить за входами и выходами его изъ дома, гадать, что онъ дѣлаетъ въ извѣстную минуту.

Домъ о. Іоанна.

III.

Почти въ четыре часа утра мы были уже на ногахъ. Въ другомъ мѣстѣ съ трудомъ, съ болью въ головѣ и удручающимъ настроеніемъ всталъ бы въ такой ранній часъ. А здѣсь мы вскочили бодрые, веселые, оживленные, какъ будто бы спали очень долгое время. Помолившись, мы отправились къ утрени. По улицамъ намъ встрѣчались тамъ и здѣсь кучки народа, спѣшившаго съ своихъ квартиръ въ соборъ, словно это былъ какъ бы какой условленный сборный пунктъ. Не смотря на то, что до начала утрени оставалось времени почти еще часъ, въ храмѣ уже было очень много народа. Каждый спѣшилъ придти раньше, чтобы попасть въ церковь и занять получше мѣсто, ближе къ солеѣ и рѣшеткѣ, чтобы отсюда можно было все хорошо видѣть и слышать. Насъ уже съ большими затрудненіями провели въ алтарь. Къ началу утрени громадный храмъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе семи тысячъ человѣкъ, былъ совершенно полонъ народомъ. Пѣвчіе были на клиросѣ, собрались и соборные священнослужители. Не было только о. Іоанна. Всѣ, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидали его.

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ,—зашептали въ алтарѣ собравшіеся здѣсь въ довольно большемъ количествѣ различные привилегированные посѣтители „батюшки“.

Наконецъ, дѣйствительно, вотъ и онъ. О. Іоаннъ вошелъ въ храмъ чрезъ боковыя двери, сдѣланныя въ алтарѣ. До храма его обыкновенно довозятъ на самой быстрой лошади, чтобы народъ не могъ остановить и задержать въ пути. У дверей храма находятся особенные приставники, которые стараются дать о. Іоанну возможность скорѣе пробраться среди народа въ храмъ. Если бы о. Іоаннъ входилъ въ храмъ западными дверями черезъ народъ, то ему, кажется, никогда бы не добраться до алтаря. Для прохода о. Іоанна въ алтарь, вдоль стѣны въ длину всего храма, рѣшеткой отгораживали особое мѣсто. Но и это мало помогало, такъ какъ его и здѣсь постоянно останавливали. Разсказывали, былъ однажды такой случай. О. Іоаннъ хотѣлъ кого то благословить черезъ рѣшетку, когда проходилъ въ алтарь этимъ мѣстомъ. Тотчасъ схватили его руку и начали ее покрывать поцѣлуями, передавая другъ другу.

— Передай мнѣ, передай мнѣ,—слышалось далеко въ народѣ.

Если бы силой не отбили о. Іоанна у народа, то трудно сказать не только о томъ, когда бы онъ пришелъ въ алтарь, но и о томъ, въ какомъ бы видѣ онъ туда пришелъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что дважды ему кусали палецъ до крови съ явнымъ намѣреніемъ откусить его совершенно или на память, или какъ святыню.... Разсказываютъ, что иногда отрывали части даже отъ его одеждъ.

О. Іоаннъ поразилъ меня съ перваго раза. Средняго роста, подвижный, бойкій, лицо озабоченное и строгое, показалось мнѣ. Видно было, что это не обыкновенный человѣкъ, похожій на многихъ людей, которыхъ мы встрѣчаемъ почти на каждомъ шагу. Слушая его распоряженія, можно было назвать его человѣкомъ рѣзкимъ и, пожалуй, грубымъ. Взойдя въ алтарь, онъ началъ радушно привѣтствовать сначала своихъ сослуживцевъ, а потомъ „счастливцевъ", имѣвшихъ возможность видѣть его такъ близко. Въ числѣ послѣднихъ были и мы.

— А здравствуйте, братцы, здравствуйте!—такъ говорилъ онъ, обращаясь къ намъ.

Подходя къ нему подъ благословеніе съ страхомъ и смущеніемъ, мы и не думали о лобзаніи.

— Давайте побратски, давайте побратски, побратски лучше, — говорилъ добрый батюшка и, благословляя насъ, цѣловалъ каждаго изъ насъ.

Все дѣлалъ онъ спѣшно и быстро. Поздоровавшись съ нами, онъ облачился въ ризы краснаго цвѣта и началъ утреню. Говорятъ, красный цвѣтъ—его любимый цвѣтъ. Всѣ съ большимъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Все находили въ немъ необыкновеннымъ. Всѣхъ поражали прежде всего его возгласы. Онъ произносилъ ихъ отрывисто, рѣзко, громко, подчеркивая извѣстныя слова и придавая каждому изъ нихъ особенный смыслъ и значеніе. Это не обыкновенное наше произношеніе — монотонное, пѣвучее, мертвенное, а живое, глубокое, полное смысла и одушевленія. Видно по всему, что это слово льется изъ глубины чистой, глубоко вѣрующей души, полно непоколебимой увѣренности, силы и внутренней мощи. Это слово — плоть, слово — жизнь, слово — дѣйствіе. И молился онъ также необыкновенно. Въ пылу религіознаго увлеченія и

восторга, онъ иногда совершенно оставлялъ крестное знаменіе. О. Іоаннъ или только кланялся или, сложа руки на груди, устремлялъ свои взоры къ небу, или колѣнопреклоненный стоялъ подолгу безъ всякаго движенія. Меня поразилъ особенно одинъ моментъ во время его молитвы. Однажды во время утрени онъ подошелъ къ жертвеннику, сталъ предъ нимъ на колѣни, руки сложилъ крестообразно на жертвенникѣ, голову склонилъ на нихъ. Подъ руками у него были, кажется, всевозможныя записки съ просьбой помянуть больныхъ, умершихъ. Я смотрѣлъ на него изъ-за колоннъ. Волосы прядями ниспадали на плечи; весь онъ былъ освѣщенъ слабымъ утреннимъ свѣтомъ, едва, едва пробивающимся сквозь толщу утренняго сѣвернаго тумана. Онъ находился въ такомъ положеніи около десяти минутъ. Казалось со стороны, что онъ какъ бы умеръ и предъ нами было только его тѣло, оставленное, сброшенное его душей, какъ бы какая одежда. Мнѣ живо вспомнились въ эти минуты тѣ картины, на которыхъ изображено, какъ душа по разлученіи съ тѣломъ съ неба созерцаетъ его. Тѣло тамъ дѣйствительно представляется какъ бы одеждой, оставленной, сброшенной душей. О, какая это молитва, какой священнѣйшій моментъ... Человѣкъ оставляетъ землю и возносится душею на небо, житель земной проникаетъ въ горніе міры, ограниченный разумѣетъ тайны неба, плотяной становится духовнымъ, немощной укрѣпляется, скорбящій утѣшается, сильный становится еще болѣе сильнымъ. Смотря на молящагося о. Іоанна, я невольно переносился мыслію даже въ Геѳсиманскій садъ и представлялъ молящагося тамъ за насъ Спасителя.

И въ алтарѣ, этомъ великомъ христіанскомъ святилищѣ, не давали о. Іоанну покоя. То одинъ, то другой въ удобную минуту подходили къ нему съ различными просьбами и нуждами. Хорошо зная, что каждый изъ находившихся въ алтарѣ, пришелъ сюда, имѣя какую-либо горячую, неотложную нужду, о. Іоаннъ и самъ иногда подходилъ то къ одному, то къ другому. Разспроситъ о нуждѣ, горѣ, дастъ добрый совѣтъ. Давалъ, кажется, нѣкоторымъ и деньги. Одного обласкаетъ, другого потреплетъ по плечу.

Канонъ на клиросѣ читалъ самъ, какъ и всегда. Нельзя было не обратить вниманія на это чтеніе. Умиленіе, востор-

женность, твердость, надежда, упованіе, радость, печаль, глубокое благоговѣніе—все слышалось въ этомъ дивномъ чтеніи. Читаетъ о. Іоаннъ, какъ бы бесѣдуетъ, разговариваетъ съ Спасителемъ, Божіей Матерію и святыми, какъ бы они вотъ здѣсь предъ нимъ находились, а не тамъ, гдѣ-то въ недозримой для насъ выси, въ надзвѣздныхъ заоблачныхъ мірахъ. Голосъ чистый, звучный, рѣзкій. Произношеніе членораздѣльное, отчетливое, отрывистое. Одно слово прочитаетъ скороговоркою, другое протяжно чуть не по слогамъ, третье подчеркнетъ, оттѣнитъ. Ни одно слово не было прочитано имъ безъ смысла и толка. Болѣе важныя по мысли и содержанію слова произноситъ, обратясь даже къ народу, чтобы люди могли глубже постигнуть читаемое. Самъ онъ при этомъ, конечно, всецѣло сосредоточенъ на читаемомъ. Ничто не отвлечетъ его мысли въ это время въ сторону. Онъ какъ бы переживаетъ все, что читаетъ. Переживаетъ побѣды надъ грѣхомъ и зломъ, совершенныя святыми людьми, переживаетъ человѣческія немощи и паденія, переживаетъ времена благоволенія и милости Бога къ людямъ падшимъ и заблудшимъ. Многое изъ читаемаго, повидимому, — это какъ то и чувствуется, — относитъ непосредственно къ самому себѣ. О томъ, что совершается въ это время въ его душѣ, можно судить даже и по его наружности. Душа о. Іоанна настолько проникается мыслями, какія содержатся въ читаемыхъ имъ священныхъ пѣснопѣніяхъ, что онъ не можетъ удержаться отъ самыхъ разнообразныхъ жестовъ. Во время чтенія онъ постоянно какъ бы волнуется и какъ бы неспокоенъ. То какъ бы блаженная улыбка засіяетъ на лицѣ его, когда онъ читаетъ о небесной славѣ Бога, Богородицы и св. Угодниковъ Божіихъ. То какъ бы глубокая мольба начинаетъ срываться съ устъ его, когда онъ читаетъ о немощи, грѣхѣ и паденіяхъ человѣческихъ. То слышишь какъ бы праведный гнѣвъ, глубокое отвращеніе, когда встрѣчаются въ канонѣ слова „сатана", „діаволъ". То слышишь умиленіе, глубокій восторгъ, когда онъ читаетъ о великихъ подвигахъ, побѣдахъ надъ грѣхомъ, какіе совершили св. мученики, подвижники. Иногда онъ наклоняется головой къ самой книгѣ; иногда потрясаетъ ею такъ рѣшительно, такъ кстати, такъ побѣдоносно, такъ чудно-торжественно. Мѣняетъ часто тоны. То наконецъ, во

время пѣнія ирмоса или эктеніи, когда самъ не поетъ съ пѣвчими, преклоняетъ одно или оба колѣна тутъ же на клиросѣ; закроетъ лицо руками и молится, молится. Горячо, умильно молится... Итакъ, не болѣзненно-нервное состояніе о. Іоанна вызываетъ всѣ эти жесты и движенія, какъ гдѣ-то и когда-то писали, а то глубокое проникновенное религіозное настроеніе, въ какомъ бываетъ въ эти минуты о. Іоаннъ. Да иначе и не можетъ быть. Человѣкъ — не духъ; пока мы будемъ въ тѣлѣ, всякое глубокое чувство, всякая горячая искренняя молитва будетъ такъ или иначе отображаться во внѣ. Не скрыть намъ нашихъ искреннихъ, неподдѣльныхъ чувствъ никогда.

По шестой пѣсни и эктеніи восклицаетъ о. Іоаннъ: „кондакъ" и читаетъ его громко, какъ побѣдную пѣснь христіанъ надъ побѣжденнымъ исконнымъ нашимъ врагомъ. Кончивъ чтеніе канона, быстро входитъ въ алтарь и падаетъ въ глубокой молитвѣ предъ престоломъ. Укрѣпивъ себя молитвою, снова идетъ на клиросъ и читаетъ здѣсь „стиховны на хвалитѣхъ". Не забуду никогда я еще одного момента. Начали пѣть стихиры на „стиховныхъ". О. Іоаннъ въ это время уже почти облачился, чтобы служить литургію. На немъ не было только ризы. Быстро, стремительно, скорѣе выбѣжалъ, чѣмъ вышелъ, онъ изъ алтаря на клиросъ, присоединился къ пѣвчимъ и началъ пѣть вмѣстѣ съ ними. Пѣлъ съ воодушевленіемъ, глубокой вѣрой въ каждое слово, регентуя самъ, опять подчеркивая отдѣльныя слова и замедляя темпъ тамъ, гдѣ это было нужно по логическому смыслу, содержанію пѣснопѣнія. Пѣвцы чутьемъ угадывали эти слова, этотъ темпъ и тактъ, и вторили ему съ немалымъ искусствомъ и одушевленіемъ. Пѣніе, сначала не совсѣмъ стройное, быстро стало гармоническимъ, сильнымъ, звучнымъ, мощнымъ, воодушевляющимъ, лилось по всему храму, наполняло всю душу молящагося. Какъ трогательно было смотрѣть на пѣвцовъ въ это время. Пѣла какъ будто бы одна какая святая первохристіанская семья съ своимъ отцомъ во главѣ, пѣла свои побѣдные, священные, великіе гимны.

Такъ отзываются о богослуженіи о. Іоанна, кажется, всѣ, имѣвшіе счастіе присутствовать за нимъ. Вотъ отзывъ объ этомъ богослуженіи одного харьковскаго наблюдателя.

— Службу, по обычаю, о. Іоаннъ началъ одушевленнымъ чтеніемъ канона, умилившимъ всѣхъ. Богослуженіе, совершенное о. Іоанномъ, не поддается описанію. Это служеніе особое, не передаваемое въ словѣ, а непосредственно—ощущаемое и познаваемое вѣрою и любовію. Ласковый взоръ, то умилительный, то скорбный, въ цвѣтущемъ лицѣ сіяніе благорасположеннаго духа, молитвенные вздохи, источники слезъ, источаемыхъ внутренно, порывистыя движенія, огонь благодати священнической, проникающій его· мощные возгласы, пламенная молитва — вотъ нѣкоторыя черты отца Іоанна при богослуженіи. Жизнь о. Іоанна вся во Христѣ. Здѣсь главнѣйшій источникъ его популярности, народной любви къ нему и преданности [1]).

Кончилась утреня, начали звонить къ литургіи. На проскомидіи просфоръ было такъ много, что ихъ приносили сюда цѣлыми большими корзинами. Самъ о. Іоаннъ могъ вынуть только по нѣсколько просфоръ изъ каждой корзины и прочитать только по нѣсколько поминаній и записокъ изъ массы ихъ, поданной въ алтарь для поминовенія богомольцами, собравшимися въ храмъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Да и какъ иначе поступить? Просфоръ иногда подаютъ до пяти тысячъ, а три съ половиною тысячи довольно часто. Многіе во время проскомидіи лично подходили къ о. Іоанну и просили его помянуть своихъ родственниковъ, вынуть хотя одну просфору, такъ что онъ не имѣлъ ни сдной свободной минуты.

Съ о. Іоанномъ служили и іеромонахи, и бѣлые священники въ камилавкахъ и безъ камилавокъ, съ крестами и безъ крестовъ, юные и убѣленные сѣдинами. Это все были „пришельцы". О. Іоаннъ объединялъ всѣхъ; здѣсь были всѣ родные и близкіе другъ другу, хотя бы они встрѣчались еще только впервые. Въ митрѣ съ сіяющимъ крестомъ и цѣпью на груди, съ легкимъ пріятнымъ румянцемъ на лицѣ отъ внутренней теплой молитвы, стоялъ о. Іоаннъ во главѣ собора священнослужителей, собравшихся около него отовсюду.

— Помолитесь, бр. сослужители, да дастъ Господь въ мирѣ намъ совершити божественную службу.

---

[1]) *Котлинъ*. 1901 г. № 233. 17 окт. Ср. Дневникъ Владикавк. свящ.

Какія глубокосодержательныя слова! Какъ дѣйствительно необходимо всякому пастырю въ эти минуты молиться о томъ, чтобы ничто не нарушило его душевнаго мира, чтобы онъ все время пламенѣлъ, какъ серафимъ, одною молитвою, мыслью дальше проникалъ въ чудный небесный міръ.

Отверзты царскія врата. Произнесенъ первый возгласъ. Началась литургія. Вотъ онъ вдругъ неожиданно, порывисто беретъ напрестольный крестъ и съ любовію цѣлуетъ его, обнимаетъ его руками, смотритъ на него такъ умиленно и восторженно, уста шепчутъ слова молитвы, раза три, четыре подъ рядъ лобызаетъ его, прильнетъ къ нему своимъ челомъ... Уста снова что-то шептали.

Возгласы о. Іоаннъ произноситъ такъ же, какъ читаетъ канонъ на утрени. Въ голосѣ слышится и твердая вѣра, и надежда, и умиленіе. Взоръ обращенъ на горнее мѣсто. Иногда онъ произноситъ возгласы, закрывши глаза и углубившись въ себя. Какъ сосредоточенъ, самособранъ во время богослуженія о. Іоаннъ, трудно даже и передать. Все время онъ погруженъ въ такія глубины души, что какъ будто онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не замѣчаетъ, что кругомъ его совершается. Онъ въ своемъ особомъ мірѣ. Онъ въ это время одинъ и не похожъ на другого. Служебника о. Іоаннъ почти не раскрываетъ, такъ какъ всѣ молитвы знаетъ на память. Читаетъ часто въ полголоса. Говорятъ, служебникъ не долженъ быть, такъ сказать, буксиромъ для священника. Молитвенное настроеніе его должно идти дальше служебника. Служебникъ только для начинающихъ и неопытныхъ въ молитвѣ.

Въ богослуженіи о. Іоанна встрѣчаются нѣкоторыя особенности, изъ которыхъ многія, я думаю, самыя главныя невозможно уловить. А какъ это было бы интересно. Вѣдь это все—плоды глубоко-религіознаго настроенія чистой вѣрующей и пламенѣющей души, это—лучшіе благоухающія цвѣтки на пышномъ цвѣткѣ, это—отзвуки изъ „святое святыхъ“ его души. Передамъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Принимая въ царскихъ вратахъ Евангеліе отъ о. протодіакона, о. Іоаннъ сказалъ:

— Миръ ти, брате, благовѣствующу.

Подумайте-ка, что это означаетъ? Какая тутъ кроется глубокая мысль, сколько здѣсь чувства, какое отношеніе къ сво-

ему младшему сослужителю... Какъ мало многіе походятъ въ данномъ случаѣ на о. Іоанна.

Идя съ Св. Дарами во время великаго выхода, о. Іоаннъ въ полголоса говорилъ:

— Его же изведоша вонъ изъ града и распяша.

И опять какъ это глубоко трогательно, какъ свидѣтельствуютъ эти строки о его глубокой самособранности и проникновенности въ тѣ священнодѣйствія, какія онъ совершаетъ. Вся его душа наполнена, проникнута церковно-богослужебной атмосферой. Сколько тутъ души, осмысленности, вѣры во все...

По поставленіи Св. Даровъ на престолъ, о. Іоаннъ читаетъ обычную молитву, прибавляя къ церковнымъ словамъ о ниспосланіи благодати на людей слѣдующія глубокосодержательныя слова: „на всѣхъ разсадницѣхъ юношескихъ и отроческихъ, духовныхъ и мірскихъ, мужескихъ и женскихъ, градскихъ и сельскихъ, и на всемъ неучащемся юношествѣ;—на всѣхъ разсадницѣхъ духовныхъ, монашескихъ—мужскихъ и женскихъ,—на нищихъ людяхъ Твоихъ, вдовицахъ, сирыхъ и убогихъ,—на пострадавшихъ отъ запаленія огненнаго, наводненія, бури и труса,—отъ недорода хлѣба и глада,—на всѣхъ заповѣдавшихъ мнѣ недостойному молиться о нихъ и на всѣхъ людяхъ Твоихъ“.

Лобызая послѣ возгласа „возлюбимъ другъ друга“ сослужащихъ священнослужителей въ оба плеча, говорилъ:

— Христосъ посредѣ насъ живый и дѣйствуяй.

Я стоялъ, пораженный этими словами, и невольно думалъ. Да, вотъ среди насъ, а не тамъ, гдѣ то вдали находится Христосъ Спаситель, находится не мертвый, не какъ отвлеченная какая доктрина, не какъ только историческая извѣстная личность, а живой, „живый и дѣйствуяй“. Онъ среди насъ. И даже „дѣйствуяй“. Жутко становилось, трепетомъ великимъ наполнилась невольно душа. Я готовъ былъ упасть предъ престоломъ.

По тайномъ прочтеніи символа вѣры, онъ прибавляетъ слѣдующую молитву. „Утверди въ вѣрѣ сей и вѣрою сею сердце мое и сердце всѣхъ православныхъ христіанъ; сея вѣры и сего чаянія жити достойно вразуми; соедини въ вѣрѣ сей вся великія христіанскія общества, бѣдственно отпадшія отъ единства св. Православныя каѳолическія и

апостольскія Церкви, яже есть тѣло Твое и ея же Глава еси Ты и Спаситель тѣла,—низложи гордыню и противленіе учителей ихъ и послѣдующихъ имъ, даруй имъ сердцемъ уразумѣть истину и спасительность Церкви Твоея и нелѣностно ей соединитися; совокупи Твоей святѣй Церкви и недугующихъ невѣжествомъ, заблужденіемъ и упорствомъ раскола, сломивъ силою благодати Духа Твоего упорство ихъ и противленіе истинѣ Твоей, да не погибнутъ лютѣ въ своемъ противленіи, якоже Корей, Даѳанъ и Авиронъ, противившіеся Моисею и Аарону, рабамъ Твоимъ. Къ сей вѣрѣ привлецы вся языки, населяющія землю, да единымъ сердцемъ и едиными усты вси языцы прославляютъ Тебя единаго о всѣхъ Бога и благодѣтеля; въ сей вѣрѣ и насъ всѣхъ соедини духомъ кротости, смиренія, незлобія, простоты, безстрастія, терпѣнія и долготерпѣнія, милосердія, соболѣзнованія и сорадованія".

Всѣ говорили мнѣ, что съ о. Іоанномъ совершается что-то необыкновенное во время литургіи. И это вполнѣ справедливо. Чѣмъ ближе подходятъ минуты пресуществленія Св. Даровъ, тѣмъ болѣе и болѣе повышается настроеніе души и начинаетъ отражаться и въ голосѣ, и въ лицѣ о. Іоанна.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, — восторженно восклицаетъ о. Іоаннъ. Что онъ переживаетъ въ эти минуты? Въ своемъ дневникѣ о. Іоаннъ пишетъ: „какъ нельзя болѣе благовременно это благожеланіе апостольское произносится священнодѣйствующимъ, именно въ это время, т. е. предъ совершеніемъ Таинъ. Благодать Іисуса Христа—милующая, очищающая, спасающая, просвѣщающая, укрѣпляющая душу нашу, нужна во всякое время, а теперь, въ эти страшныя, небесныя минуты, когда съ нами служитъ множество воиновъ небесныхъ, съ трепетомъ окружающихъ престолъ Божій,—благодать Божія, просвѣщающая и укрѣпляющая слабыя, разсѣянныя силы духа, особенно нужна намъ для возможнаго пониманія высоты и важности предстоящаго таинства.

Любы Бога и Отца. Въ эти минуты всѣмъ надо восчувствовать безпредѣльную любовь къ намъ грѣшнымъ Бога и Отца, Который „такъ возлюбилъ міръ, что и Сына Своего Единороднаго далъ" есть, да всякъ вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный" (Іоан, 3, 16); и самимъ

возлюбить Его, со Единороднымъ Сыномъ и Духомъ Святымъ, отвергнувъ всѣ житейскія пристрастія.

Причастіе Святаго Духа—необходимо намъ наипаче въ это время, потому что безъ сего причастія не можемъ возлюбить Бога Отца; ибо только духомъ Святымъ можемъ взывать къ Богу съ искреннею любовію: „Авва Отче" (Рим. 8, 15). Ибо только благодать Святаго Духа предочищаетъ, освящаетъ, просвѣщаетъ, умиротворяетъ и укрѣпляетъ насъ къ достойному и благоплодному предстоянію во время святѣйшаго таинства.

Горѣ имѣимъ сердца,—восклицаетъ о. Іоаннъ, обратившись къ народу и поднявши руки горѣ. Взоръ устремленъ къ небу, духъ его витаетъ тамъ, гдѣ стоитъ престолъ вѣчной истины и любви. Тайно при этомъ о. Іоаннъ произноситъ: „возвыси Духомъ Твоимъ Святымъ всѣхъ предстоящихъ здѣ Тебѣ, Богу живота нашего, и отрини отъ сердецъ нашихъ всѣ страсти плотскія и душевныя. И какъ не молиться въ эти минуты за народъ? Народъ отвѣчаетъ: *имамы ко Господу*. Но искренно ли мы отвѣчаемъ? Нѣтъ, или весьма немногіе, потому что сердца большинства людей прикованы къ землѣ разными житейскими пристрастіями. Не легко и не вдругъ сердце вознесется къ небу, ко Господу. Для того, чтобы искренно возноситься сердцемъ къ Богу, нужно христіанину непрестанно жить въ Богѣ, размышлять глубоко о дѣлахъ Его промысла, давать имъ истинную, спасительную цѣну, душой и сердцемъ усвоить ихъ себѣ и быть на землѣ небеснымъ гражданиномъ. А мы приходимъ въ храмъ съ разсѣяніемъ, съ различными житейскими страстями и похотями, пригвождающими насъ къ землѣ. Гдѣ же тутъ *горѣ* сердца? Но гóре намъ, если мы не горѣ имѣимъ сердца въ такія минуты величайшихъ чудесъ милости Божіей къ намъ! Значитъ, мы безчувственны и несмысленны. Въ это время требуется отъ насъ совершенная преданность Господу Іисусу Христу, Пречистой Его Матери, полная довѣренность (вѣра), совершенное упованіе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всѣхъ прошеніяхъ, благодареніяхъ, восхваленіяхъ; при этомъ чистое сердце, ненависть ко грѣху во всевозможныхъ его видахъ и горячая любовь къ правдѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ".

Благодаримъ Господа,—снова восклицаетъ о. Іоаннъ. Пер-

выя два слова молитвы: „Достойно и праведно поклонятися" произноситъ громко, а послѣднія тише, смолкая совершенно подъ конецъ. При тайномъ чтеніи молитвы послѣ словъ: „Ты отъ небытія въ бытіе насъ привелъ еси", о. Іоаннъ добавляетъ для усиленія благодарнаго чувства: въ разумное бытіе и по душѣ безсмертное, т. е. привелъ еси; послѣ словъ „падшихъ насъ возставилъ еси паки"—прибавляетъ: и стократно на кійждо день возставляеши согрѣшающихъ и кающихся. Послѣ словъ: „дондеже насъ на небо возвелъ еси, и царство даровалъ еси будущее", прибавляетъ: Ты и въ самомъ причащеніи нашемъ животворящихъ Твоихъ Таинъ уже возводишь насъ на небо: ибо гдѣ Ты, тамъ небо и небо небесе, и даровавъ Себя Самого вѣрнымъ, Ты вмѣстѣ съ Собою уже даруеши и царство небесное, царство будущее, въ залогѣ пречистаго Тѣла и Крови Твоей".

Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое. Произнося эти слова, онъ дѣлаетъ особенное удареніе на словѣ *Тѣло* и на словахъ: *за вы ломимое.* Послѣднія слова онъ произноситъ, обратившись лицомъ къ народу.

Пійте отъ нея вси,—съ глубокою вѣрой восклицаетъ о. Іоаннъ. Произнося эти слова, онъ не разъ прикасается перстомъ къ чашѣ, какъ бы даже съ силой ударяетъ по ней. Снова подчеркнуты слова: *за вы и за многія изливаемая.* Такъ и слышится въ эти минуты въ голосѣ батюшки: за насъ пролита кровь, за васъ, за тѣхъ самыхъ, что вотъ стоите здѣсь въ данную минуту, а не за тѣхъ только, что стояли у креста. Она пролита не за отвлеченное какое-то человѣчество, а за живыхъ людей, за каждаго бѣдняка, убогаго, богатаго, знатнаго, мужчину и женщину. Твоя грудь едва прикрыта рубищемъ, и за тебя пролита кровь. Ты забылъ и отвергъ Бога, и за тебя пролита эта святѣйшая кровь. За ваши грѣхи, стоящіе здѣсь, страдалъ Христосъ.

По произнесеніи словъ установленія, о. Іоаннъ въ какомъ-то необыкновенномъ восторгѣ читаетъ: *„о Божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа!* А что чувствуетъ онъ въ эти минуты? Здѣсь бездна любви,—говоритъ онъ, любви Божества къ роду человѣческому. Есть о чемъ подумать каждому безпристрастно углубляющемуся въ судьбы Божіи касательно рода человѣческаго и въ себя самого. Священный трепетъ пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ, по всему существу всякаго

непредубѣжденнаго, не связаннаго житейскими сластьми и похотьми человѣка, когда онъ сердечнымъ ухомъ слушаетъ сіи слова изъ устъ священнослужителя. О, любовь совершеннѣйшая, любовь всеобъемлющая, любовь крѣпчайшая! „Господь сый всѣхъ и Зиждитель Богъ, созданное Безстрастный обнищавъ Себѣ соедини, и пасха, за яже хотяше умрети, Самъ Сый Себе предпожре: ядите, вопія, тѣло Мое и вѣрою утвердитеся.“ Что мы приносимъ въ благодарность Богу за эту любовь къ намъ? Питаемъ ли алчущихъ, напояемъ ли жаждущихъ? одѣваемъ ли нагихъ? посѣщаемъ ли больныхъ и въ темницѣ заключенныхъ? А вѣдь въ лицѣ ихъ, какъ членовъ своихъ, требуетъ нашей помощи Самъ Христосъ, Спаситель нашъ, Себе пожершій за насъ.“

Твоя отъ Твоихъ,—возглашаетъ о. Іоаннъ, дѣлая особенное удареніе на словѣ *о всѣхъ*, произнося его болѣе протяжно, чѣмъ другія. Чувствуетъ его душа, какъ люди, собравшіеся во множествѣ въ этомъ храмѣ, нуждаются въ небесной помощи, и онъ горячо молится за всѣхъ.

„Когда произношу слова: *Твоя отъ Твоихъ*,—пишетъ онъ,—то представляю торжественность и величіе данной минуты, когда архіерей или священникъ, стоя лицомъ къ лицу съ вѣчною, совершенною, неизмѣнною правдою Отца небеснаго, карающаго грѣхъ,—приноситъ отъ лица всѣхъ и за всѣхъ единую безмѣрную, всеправедную, умилостивительную жертву Христа Сына Божія, единую могущую преклонить на милость Бога Отца, искупить весь міръ отъ праведнаго проклятія и исходатайствовать всѣмъ вѣрующимъ прощеніе грѣховъ и благословеніе, а усопшимъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя—оставленіе согрѣшеній и покой со святыми,—Жертву, которою оправдались всѣ святые, Богу угодившіе отъ вѣка, и въ благодареніе за коихъ она также приносится.“

Преложивъ духомъ Твоимъ Святымъ. Аминь,—искренно вѣрующимъ тономъ возглашаетъ о. Іоаннъ, и какъ бы еще для большаго увѣренія въ этой истинѣ находящихся въ алтарѣ, дополняетъ: *Богъ явися во плоти. Слово плоть бысть и вселися въ ны*. И еще что-то шептали уста его, но я успѣлъ разобрать только „окружаемый ангельскими воинствами.“ Но и безъ словъ, по выраженію лица, было видно, что мысль о. Іоанна всецѣло занята св. Тайнами. Да и было, и есть—о

чемъ подумать здѣсь. „Кто постигнетъ величіе благодѣянія, подаваемаго намъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ въ таинствѣ Евхаристіи или Причащенія? Вполнѣ—никто, ни даже умъ ангельскій. Ибо благодѣяніе это безпредѣльно и необъятно, какъ и Самъ Богъ, Его благость, премудрость и всемогущество. Какая любовь къ намъ грѣшнымъ ежедневно сказуется въ Литургіи! Какая близость Божія къ намъ! Вотъ Онъ тутъ на престолѣ ежедневно, существенно, всѣмъ Божествомъ и человѣчествомъ предлагается и вкушается вѣрными или вносится іереемъ въ домы вѣрныхъ и предлагается болящимъ. Какое чудное общеніе, какое растворение Божества съ нашимъ падшимъ, немощнымъ, грѣховнымъ человѣчествомъ, но не съ грѣхомъ, который сжигается огнемъ благодати. Какое счастіе, блаженство нашей природы, пріемлющей въ себя Божество и человѣчество Христа Бога и соединяющейся съ Нимъ. Въ этомъ принятіи внутрь себя съ вѣрою—наше очищеніе, освященіе, избавленіе отъ грѣховъ и враговъ нашихъ, обновленіе наше, сила наша, утвержденіе сердца нашего, миръ нашъ, свобода наша, слава наша, жизнь и безсмертіе наше. О, сколько благодѣяній подается намъ отъ Бога чрезъ Литургію! Какъ же къ ней христіане относятся? Большею частію съ обыкновенною холодностью, не вниманіемъ, равнодушіемъ. Причащаются Св. Таинъ весьма рѣдко, какъ бы по необходимости и заведенной привычкѣ, разъ въ годъ. Чего же они лишаютъ себя, какого божественнаго сокровища безцѣннаго, какого безсмертнаго, животворящаго дарованія Божія, какой помощи Божіей! Вотъ отчего нѣтъ нынѣ истинной жизни въ православныхъ христіанахъ, жизни по духу Христову. Вотъ почему умножились пороки и бѣдствія. Вотъ почему вооружилась противъ насъ вся тварь въ месть врагамъ Божіимъ, всѣ стихіи: и вода, и огонь, и воздухъ, и смерть во всѣхъ видахъ“.

Первая Евхаристія.

Глубокія чувства переживаетъ о. Іоаннъ въ эти минуты. Его великое благоговѣніе къ Св. Таинствамъ обнаружива-

ется и въ томъ, что онъ много разъ, неспѣшно, безъ крестнаго даже знаменія, преклоняетъ главу свою предъ ними. Слезы обильно лились изъ его глазъ. То одинъ, то другой платокъ вынималъ онъ изъ кармана и отиралъ ихъ. О чемъ плакалъ этотъ дивный мужъ? Не бываетъ слезъ безъ глубокаго душевнаго волненія. Нѣтъ слезъ безъ чувства любви и живой мысли. Если бы кому-нибудь удалось, такъ сказать, анализировать слезу о. Іоанна, то какое бы богатѣйшее содержаніе можно было найти въ ней. Настроеніе о. Іоанна такъ высоко въ эти минуты, что невольно передается другимъ и повышаетъ въ значительной мѣрѣ настроеніе всѣхъ здѣсь присутствующихъ въ это время. Многіе почти въ экзальтированное состояніе приходятъ въ эти минуты. Мнѣ разсказывали, что нѣкоторые не разъ видѣли надъ престоломъ въ моментъ пресуществленія Св. Даровъ ангеловъ. Небожители какъ бы сослужители земножителю при совершеніи имъ таинства.

Строгій по отношенію къ себѣ, о. Іоаннъ въ данномъ случаѣ весьма строго относится и къ мірянамъ. „Во время *Тебе поемъ* вся церковь, всѣ предстоящіе въ храмѣ должны молиться со священнодѣйствующими, чтобы Отецъ небесный ниспослалъ Духа Своего Святаго на насъ и на предлежащіе Дары—и читать про себя молитву: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа*. Въ это время ни одна душа не должна оставаться хладною, но всякая душа должна быть воспламенена любовію къ Богу. Въ это время да будутъ души наши, какъ свѣтильники горящіе, какъ кадило горящее и благоухающее, какъ дымъ ѳиміама, восходящій *горѣ*: ибо въ эту минуту совершается страшное, животворящее таинство—претвореніе Духомъ Божіимъ хлѣба и вина въ Пречистое Тѣло и Кровь Христову, и на престолѣ является Богъ во плоти“.

Послѣ возгласа: *Изрядно о Пресвятѣй*, поминая всякое епископство православныхъ, о. Іоаннъ добавляетъ: „помяни, Господи, всѣхъ православныхъ епископовъ, носителей Духа Твоего, званія и сана Твоего, правды Твоея, власти Твоея и суда Твоего, святыни Твоея, безсмертія Твоего, новотворенія Твоего и обоженія Твоего, носителей ума Твоего и сердца Твоего, свѣтлости и великолѣпія Твоего,—*всякое пресвитерство*—и прибавляетъ тайно: ему же ввѣрилъ еси служеніе

примиренія человѣковъ съ Богомъ, покаянія, пакибытія, обновленія, просвѣщенія, благословенія, умноженія рода черезъ таинство, брака, освященія и обоженія и всѣ пренебесныя таинства, кромѣ рукоположенія,—да будетъ оно достойно своего званія, и да право жительствуетъ и священнодѣйствуетъ и богоугоднѣ приноситъ молитвы Тебѣ Владыцѣ о всѣхъ и за вся;—*помяни во Христѣ діаконство*, вспомоществующее священству и служащее пренебеснымъ тайнамъ и всякій священническій чинъ. Еще приносимъ Ти словесную сію службу о вселеннѣй,—о святѣй, соборнѣй и апостольстѣй Церкви, изъ всѣхъ народовъ составленной, и въ бури міра сего и князя тьмы сущія Церкви умири и твердое благочестіе въ нихъ насади; о Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ, о Супругѣ его, о Наслѣдникѣ его,—Надеждѣ Церкви Твоея, и о всемъ царствующемъ Домѣ"... Не говорю о его пламенной молитвѣ за умершихъ. Она отличается необыкновеннымъ дерзновеніемъ и глубиной.

Діаконъ началъ эктенію предъ „Отче нашъ".

При тайномъ чтеніи молитвы, положенной на этой эктеніи: *Тебѣ предлагаемъ животъ нашъ.. сподоби насъ причаститися... съ чистою совѣстію*, о. Іоаннъ, прибавляетъ слѣдующее: „въ дерзновеніе предъ всѣми людьми твоими, въ искорененіе тлетворныхъ, льстивыхъ, досаждающихъ, насилующихъ, омрачающихъ, посрамляющихъ, отъ Тебе разлучающихъ и душу умерщвляющихъ страстей, — въ насажденіе, возвращеніе, утвержденіе въ душахъ всякія истинныя, живоносныя добродѣтели,—во исполненіе премудрости—во еже научити вся люди вѣрѣ и заповѣдемъ Твоимъ,—въ просвѣщеніе свѣта моего предъ людьми Твоими, яко да видятъ моя добрая дѣла и прославятъ Тебе, Отца нашего, иже на небесѣхъ, да не вотще ношу толикій — горній, ангельскій, боготворящій, владычественный санъ священства,—не въ судъ или осужденіе".

Не забыть никогда еще одного момента изъ этого времени. Во время эктеніи, по прочтеніи тайной молитвы, о. Іоаннъ склонился надъ престоломъ и въ глубокомъ благоговѣніи молился. Затѣмъ онъ взялъ въ свои руки дискосъ съ Св. Тѣломъ, поднялъ его немного надъ престоломъ и, вперивъ свой взоръ, сосредоточенно молился предъ нимъ. Потомъ онъ взялъ въ свои руки потиръ съ Св. Кровію, прильнулъ

къ нему челомъ, и долго горячо молился. Не произнесъ онъ въ это время ни одного слова, не сдѣлалъ ни одного движенія, и глаза его были почти постоянно закрыты. Какая глубина воодушевленія, мистическаго погруженія въ тайны нашей жизни во Христѣ, какое проникновенное созерцаніе этихъ тайнъ! Какая трогательная, умилительная, незабвенная картина. Какъ она трогаетъ, возвышаетъ, возбуждаетъ, очищаетъ, просвѣтляетъ самое черствое, загрубѣлое, окаменѣлое сердце. Я не разъ впослѣдствіи падалъ духомъ. Но стоило мнѣ только вспомнить эти минуты, какъ въ меня вливалась откуда то незримо новая, живая струя, и я снова оживалъ духомъ.

Возгласъ: *и сподоби насъ, Владыко,* заканчиваетъ словами *и глаголати: Отче нашъ.* Нельзя не видѣть глубокой мысли и въ этомъ прибавленіи. Отъ лица всѣхъ предстоящихъ въ храмѣ онъ исповѣдуетъ, что Богъ—Отецъ всѣхъ насъ и что мы всѣ—родные братья другъ другу. Какъ важно хоть одно мгновеніе пережить эти часто забываемыя нами слова о всеобщемъ братствѣ нашемъ, братствѣ не на бумагѣ и въ мысляхъ только, а въ самой дѣйствительности.

По прочтеніи молитвы: *Вѣрую и исповѣдую,* о. Іоаннъ тайно говоритъ слѣдующія слова: „Господь во мнѣ лично, Богъ и человѣкъ, ипостасно, существенно, непреложно, очистительно, освятительно, побѣдотворно, обновительно, обожительно, чудотворительно, что я и ощущаю въ себѣ". Итакъ, для о. Іоанна въ эти минуты Христосъ Спаситель не только съ нимъ, но и въ немъ самомъ, Христосъ не какъ отвлеченное какое понятіе, а какъ дѣйствительная, живая Личность, не какъ только одно представленіе о Христѣ, мысль о Христѣ, но и живое дѣйствованіе Христа въ немъ, ощущаемое реальнымъ образомъ сердцемъ благочестиваго пастыря. Многіе ли изъ насъ переживаютъ такія думы и чувства въ эти минуты?

Вотъ пріобщился о. Іоаннъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Лицо его измѣнилось. Нѣтъ болѣе на немъ и слѣда той утомленности и какой-то скорби или грусти, какія можно было видѣть, когда онъ только что входилъ сегодня утромъ въ храмъ. Необыкновенная духовная радость, необыкновенный миръ и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь въ каждой чертѣ его лица. Его лицо

какъ бы свѣтилось, какъ бы издавало какое сіяніе. Теперь я хорошо понимаю, что означаетъ нимбъ, изображаемый на иконахъ около головы св. Угодниковъ. О. Іоаннъ теперь готовъ былъ снова трудиться безъ всякой устали съ утра до самой поздней ночи; онъ запасся теперь силами на всѣ предстоящіе ему дневные труды и заботы. Лица, близко стоявшія къ нему, говорили мнѣ, что такая перемѣна бываетъ съ нимъ каждый разъ, когда онъ приступаетъ къ св. Тайнамъ. Еще говорили мнѣ, что онъ въ св. Тайнахъ почерпаетъ силы для несенія того труда, который несомнѣнно превышаетъ всякія человѣческія силы. И это вполнѣ справедливо.

Воззрѣнія о. Іоанна на богослуженіе чрезвычайно замѣчательны и достойны всякаго вниманія. Ими объясняется весьма многое изъ его поведенія, жизни и дѣятельности. „Божественная служба,—пишетъ онъ въ дневникѣ своемъ,—есть для меня безцѣнное и величайшее благо въ жизни; въ Богослуженіи—вся жизнь нашей души, все ея сокровище;—тутъ ея родина, ея воспитаніе, врачеваніе, ея пища и питіе, ея сила и слава, ея святыня и жизнь". „Какъ велико милосердіе Божіе къ намъ грѣшнымъ, — говорилъ однажды о. Іоаннъ И. Т. [1]). Какое неоцѣненное небесное утѣшеніе оставилъ Онъ намъ на землѣ въ своей святой церкви. И вѣдь каждый день дается намъ эта радость и сладость духовная; мы здѣсь воспѣваемъ св. Угодниковъ Божіихъ, воспоминаемъ подвиги преподобныхъ, страданія мучениковъ, доблести святителей, апостоловъ, и наипаче преблагословенную нашу Заступницу, Матерь Божію, — переносимся мысленно въ дни ихъ земной жизни, видимъ высокіе примѣры для подражанія. Вѣдь и они были такіе же люди, какъ и мы, но любили Господа и съумѣли угодить ему. Мы здѣсь воспѣваемъ ихъ и ублажаемъ; а они въ свою очередь, какъ бы въ воззданіе намъ за любовь къ нимъ, поминаютъ насъ предъ престоломъ Божіимъ на небѣ, молятся за насъ, какъ за своихъ младшихъ братьевъ, и мы это чувствуемъ осязательно, ощутительно! Ты вѣришь этому"?

— Вѣрю, батюшка, какъ не вѣрить?

---

[1]) *Игуменія Таисія.* О. протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, какъ пастырь. СПБ. 1893 г.

„Да, истинно—какъ не вѣрить, а къ сожалѣнію есть вѣдь несчастные, невѣрующіе, надобно молиться за нихъ! А литургія-то божественная, какое дивное таинство! Это предвкушеніе будущаго блаженства, это — тайна небесная, Ангеламъ непостижимая. А мы люди грѣшные совершаемъ, священнодѣйствуемъ“. „Бѣдные человѣки, — пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—еслибы вы знали, еслибы вполнѣ уразумѣли, какого великаго сокровища, какого дара вы лишаете себя, отдаляясь отъ св. чаши! Какого божественнаго, безцѣннаго, животворящаго, безсмертнаго дарованія Божія, какой помощи въ вашихъ душевныхъ нуждахъ и немощахъ!—Вотъ отчего нѣтъ истинной жизни въ христіанахъ православныхъ, жизни по духу Христову,—оттого, что они отдаляются отъ Христа! Вотъ почему умножились въ людяхъ пороки и бѣдствія! Вотъ почему противъ насъ вооружилась вся тварь,—въ месть врагамъ Божіимъ, отступившимъ отъ своего Творца! Вся природа, всѣ стихіи: воздухъ, вода, огонь, смерть во всѣхъ ея видахъ казнятъ отступившаго отъ Источника жизни! Вотъ зрѣлище божественное — Литургія! Зрѣлище безконечной любви, премудрости, всемогущества, правды, святости и обновленія существа человѣческаго, растлѣннаго грѣхомъ, ощущеніе безконечной сладости, красоты, свѣта, блаженства: ибо въ семъ таинствѣ сокрыты для смыслящихъ и благочестивыхъ безконечная сладость, красота, свѣтъ, блаженство, святость, правда вѣчная, всемогущество, благость и премудрость Божія: не насытится сладкимъ и свѣтлымъ созерцаніемъ умъ, восхищеніемъ и блаженствомъ сердце, при размышленіи объ этомъ таинствѣ безпредѣльной любви Божіей къ погибающему роду человѣческому.

О, сколько благодѣяній подаетъ намъ Богъ ежедневно въ Божественной литургіи! — А какъ христіане къ ней относятся?

Холодно, равнодушно, невнимательно. Какая безграничная любовь Бога къ намъ грѣшнымъ ежедневно сказуется въ божественной литургіи! Какая близость Бога къ намъ. — Вотъ Онъ тутъ,—на престолѣ;—*пріиди и виждь*! *Вкусите и видите*! Какое чудное общеніе! какое счастіе и блаженство нашей природы въ этомъ принятіи Христа внутрь себя,—очищеніе, обновленіе, миръ, величіе, свобода, слава, жизнь и безсмертіе! О, бѣдные, бѣдные люди, чего вы лишаете себя

пустыми предлогами суетныхъ житейскихъ попеченій! Говоришь, „я недостоинъ, грѣшенъ“,— покайся,— здѣсь очистилище,—здѣсь *Сынъ Божій, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти*, а не праведныхъ!—Говоришь: „я занятъ, не имѣю времени“,—*шесть дней дѣлай, и твори въ нихъ дѣла твои*, а хотя одинъ въ недѣли—седьмой *удѣли Господу Богу твоему. Воздадите кесарева кесареви, а Божія — Богови. Упразднитеся и уразумѣйте*. Для всего мы находимъ время: для пищи и питія, для отдыха и покоя, для дѣлъ житейской суеты, для забавъ, театровъ, игрищъ нерѣдко вредныхъ и грѣховныхъ въ угожденіе страстямъ нашимъ,—для всего есть время, а посѣтить храмъ Божій, отслушать съ надлежащимъ вниманіемъ божественную литургію,—тѣмъ болѣе—поговѣть и причаститься св. Таинъ намъ нѣтъ времени, нѣтъ досуга. Между тѣмъ мы знаемъ, что первыхъ временъ христіане *бяху выну въ церкви, хваляще и благословяще Бога;* знаемъ, что они приступали къ св. трапезѣ каждую недѣлю, каясь и исповѣдуя грѣхи свои вслухъ предъ всею церковію“.

Такъ пишетъ о. Іоаннъ, такъ проповѣдуетъ въ церкви, такъ учитъ по домамъ вездѣ, гдѣ бываетъ, и собственнымъ своимъ примѣромъ подтверждаетъ свое ученіе, самъ ежедневно болѣе 35 лѣтъ пріобщаясь св. Таинъ, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда онъ бываетъ въ дорогѣ. Итакъ, вотъ этому-то ежедневному пріобщенію онъ и приписываетъ ту силу и крѣпость, которая поддерживаетъ и ободряетъ его въ изумительныхъ его трудахъ среди обширной дѣятельности. „Господь подкрѣпляетъ меня, съ Которымъ ежедневно я соединяюсь чрезъ св. причащеніе; иначе гдѣ бы я могъ почерпнуть силы для такихъ постоянныхъ, усиленныхъ трудовъ, которыми стараюсь служить во славу святаго имени Его и во спасеніе ближнихъ моихъ!“.

Замѣчательна молитва о. Іоанна предъ совершеніемъ богослуженія, записанная имъ въ дневникѣ. „О, святѣйшая, всемогущая, всеблагая Глава Церкви Своей, Господи Іисусе Христе, Альфа и Омега, Начало и Конецъ! Даждь мнѣ недостойному благодать совершать святыню Твою, т. е. Богослуженіе Твое свято, мирно и твердо: очисти сердце мое отъ всякія страсти и отъ всякаго навѣта вражія! Воспламеняй меня небеснымъ огнемъ Твоимъ и не только меня, но и всѣхъ предстоящихъ и молящихся тебѣ со мною во

время моего служенія! Смиряй сердца надменныхъ вѣка сего; покори умы ихъ твоей истинѣ, и сердца ихъ Твоему Слову; возсозидай, обновляй люди Твоя, Господи!—Я немощенъ, но Твоя сила въ немощѣхъ моихъ да совершится". Когда причастились всѣ сослужащіе, о. Іоаннъ приступилъ къ раздробленію св. Агнца для причащенія мірянъ. Раздробляя Агнецъ онъ съ необыкновенной быстротой. Въ служебникѣ не положено никакихъ молитвъ въ данномъ случаѣ. Но чтобы во время такого св. дѣла не смущали душу его какія либо праздныя мысли, о. Іоаннъ снова шепчетъ молитвы. До моего слуха доносились отрывочныя выраженія изъ канона Симеона Логоѳета „на распятіе Господне и плачъ Богородицы".

IV

Наконецъ, настало время общей исповѣди. Мы всѣ вышли изъ алтаря на солею и стали около о. Іоанна. Необыкновенно величественная картина развернулась предъ нами. Съ довольно высокой солеи можно было видѣть самые отдаленные уголки обширнаго храма. Предъ нами было море головъ. Въ храмѣ было,—говорили,—не менѣе пяти тысячъ человѣкъ. Какъ волнуется море, такъ волновалось и это море людей. Достаточно было небольшого толчка съ той или другой стороны, какъ вся масса людей отклонялась въ противоположную сторону, потомъ совершенно естественно, сама собой, для сохраненія равновѣсія, направлялась въ другую сторону. Въ эти минуты предъ нами была уже не масса отдѣльныхъ людей, а какъ бы одинъ человѣкъ, единое тѣло, одинъ живой организмъ, двигавшійся туда и сюда. Все слилось и объединилось въ этой массѣ. Нѣтъ болѣе никакихъ раздѣленій. Богатый и бѣдный, знатный и незнатный, ученый и неученый, мужчина и женщина,—всѣ были вмѣстѣ, у всѣхъ была въ эти минуты одна душа и одно сердце, какъ у первохристіанъ. Теперь болѣе чѣмъ когда либо я понялъ Ап. Павла, который говоритъ, что христіане, не теряя своихъ природныхъ свойствъ и особенностей, составляютъ единое, нераздѣльное тѣло. Какъ въ тѣлѣ человѣческомъ много различныхъ членовъ и они, выполняя свое назначеніе каждый по особымъ, ему присущимъ законамъ, все таки

составляютъ единое тѣло, единый живой организмъ; такъ и въ церкви Христовой много различныхъ членовъ, она состоитъ изъ милліоновъ христіанъ съ различными дарованіями и жизнями, но всѣ они составляютъ единое тѣло, одинъ живой, нераздѣльный организмъ.

О. Іоаннъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ въ смиренномъ видѣ безъ митры и началъ говорить поученіе предъ исповѣдію. Онъ началъ его безъ обычныхъ нашихъ словъ „во имя Отца и Сына и Св. Духа“.

Начало общей исповѣди.

— Грѣшники и грѣшницы, подобные мнѣ! Вы пришли въ храмъ сей, чтобы принести Господу Іисусу Христу Спасителю нашему покаяніе въ грѣхахъ и потомъ приступить къ св. Тайнамъ,—такъ началъ свое поученіе о. Іоаннъ. Приготовились ли къ воспринятію столь великаго Таинства?

Знаете ли, что великій отвѣтъ несу я предъ престоломъ Всевышняго, если вы приступите, не приготовившись. Знайте, что вы каетесь не мнѣ, а Самому Господу, Который невидимо присутствуетъ здѣсь, Тѣло и Кровь Котораго въ настоящую минуту находятся на жертвенникѣ.

Сказавши еще нѣсколько прочувствованныхъ словъ, о. Іоаннъ продолжалъ:

— Слушайте... буду читать покаянныя молитвы. И тотчасъ же началъ читать ихъ, обратясь лицомъ къ народу. „Боже Спасителю нашъ,—читаетъ восторженно, громогласно и умилительно о. Іоаннъ, — прости рабовъ твоихъ сихъ". Слова „твоихъ сихъ" читаетъ протяжно, разбивая ихъ по слогамъ. При этомъ своей раскрытой десницей проводитъ надъ главами внизу стоящихъ и молящихся, какъ бы отдѣльно указывая каждаго милосердому Судіи. Тогда невольно дрогнуло у каждаго сердце. Каждый чувствовалъ, что вотъ онъ именно, а не кто-либо другой, сейчасъ долженъ дать отчетъ Богу за прожитое время, за всѣ свои дѣла. Не укрыться ему теперь за другими отъ этого Судіи.

Продолжается чтеніе молитвы. Голосъ пастыря все возвышается и возвышается. Иногда, во время чтенія, онъ еще выразительнѣе, какъ пророкъ грознаго и праведнаго Судіи, указуетъ перстомъ въ толпу, въ ту или другую сторону храма... Всѣ эти и подобные этимъ жесты весьма трогательны, чрезвычайно поясняютъ смыслъ читаемаго и производятъ на массу сильное впечатлѣніе.

Прочитавши первую покаянную молитву, о. Іоаннъ заявляетъ что ее нужно „протолковать" и продолжаетъ свое поученіе. Говоритъ, конечно, безъ тетрадки. Говоритъ просто, безъ всякихъ ораторскихъ пріемовъ. Въ одномъ мѣстѣ ему ни какъ не удавалось правильно построить фразу. Проповѣдникъ остановился на нѣсколько мгновеній и потомъ, заявивъ, что онъ „не такъ сказалъ", спокойно продолжалъ свою рѣчь. Слово его отличалось внутренней силой, властностью (1 Кор. 2. 4; 4, 20) и нисколько не напоминало чтенія мальчикомъ хорошо вызубреннаго урока. Говорилъ онъ съ глубокой вѣрой въ каждое свое слово, готовый за каждое слово даже пострадать, потому что все говорилъ отъ сердца, говорилъ то, что самъ своимъ личнымъ опытомъ хорошо извѣдалъ. Это не были только „хорошія фразы",

тщательно собранныя изъ всевозможныхъ сборниковъ и книжекъ. Вотъ что онъ говорилъ народу.

— Въ этой молитвѣ къ Богу Отцу, Первому Лицу Пресвятой Троицы, Господу Всеблагому, Всесвятому, Вездѣсущему, Премудрому, Всесоздавшему, Всемогущему, Всеправящему, Страшному всякой твари, св. церковь молитъ Господа, чтобы Онъ даровалъ помилованіе грѣшникамъ и грѣшницамъ, простилъ бы имъ прегрѣшенія, всякія беззаконія, совершенныя или по легкомыслію, или по необдуманности, вольно или невольно, простилъ бы и помиловалъ бы, какъ нѣкогда помиловалъ пророка и царя Давида, тяжко согрѣшившаго предъ Богомъ. Прогуливаясь однажды на террасѣ своего дворца, онъ увидѣлъ купающуюся очень красивую женщину, молодую еврейку, плѣнился ея красотою и пожелалъ сдѣлать ее своею женою. Но эта еврейка была за мужемъ. Чтобы исполнить свое грѣховное желаніе, Давидъ отправилъ ея мужа на войну и приказалъ поставить его на опасное мѣсто, гдѣ и сразили его непріятельскія стрѣлы. Такимъ образомъ Давидъ достигъ своей преступной цѣли и, упоенный грѣховною страстію, не хотѣлъ думать о томъ, какое тяжкое прегрѣшеніе совершилъ предъ Богомъ. Но Господь Богъ умилосердился надъ грѣшникомъ и послалъ къ нему пророка Наѳана для вразумленія и наставленія. Пророкъ обличилъ царя въ беззаконіи и убѣждалъ его раскаяться. Тогда царь созналъ свой тяжкій грѣхъ и ужаснулся его. Посыпавъ главу свою пепломъ въ знакъ смиренія, началъ горько плакать и искренно, горячо каяться предъ Господомъ. И Господь услышалъ его скорбную мольбу, и простилъ его грѣхъ. Св. Духъ, Который оставилъ его послѣ согрѣшенія, снова вселился въ него послѣ его раскаянія и не оставлялъ его до конца дней его. Царь Давидъ свое искреннее и сердечное сокрушеніе о грѣхахъ выразилъ въ псалмахъ, въ которыхъ благодарилъ и прославлялъ Бога. Онъ оставилъ послѣ себя книгу Псалтирь, употребительнѣйшую въ православной церкви. Его 50-й псаломъ: „Помилуй мя, Боже“ представляетъ собою прекрасный и ничѣмъ незамѣнимый образецъ сердечнаго покаянія.

Братія, царь Давидъ былъ человѣкъ благочестивый, кроткій, незлобивый, мудрый, имѣвшій даръ пророчества, хорошій былъ человѣкъ, и то согрѣшилъ, не услѣдилъ за собою,

укралъ единственную жену! Царь, пророкъ, св. мужъ—и палъ такъ глубоко! О, какъ легко согрѣшить человѣку. Нужно быть бдительнымъ къ своей душѣ, нужно всегда слѣдить за собою, обуздывать свои чувства. Нужно каждый день и часъ, каждую минуту слѣдить за собой и предвидѣть заранѣе грѣховныя желанія свои и оберегать себя отъ искушеній, ибо дьяволъ, какъ левъ рыкающій, бѣгаетъ за нами и ищетъ, кого бы поглотить. Для этого нужно обдумывать и взвѣшивать каждый свой шагъ и всякій свой поступокъ.

Другой царь Манассія отпалъ отъ Бога и впалъ въ идолопоклонство, занимался волхвованіями, вызываніемъ духовъ, былъ спиритъ по нынѣшнему, и дѣтей своихъ училъ тому же. Неблагодарный, гордый, онъ презиралъ народъ, любившій Бога, а себялюбивыхъ, подобныхъ себѣ, ласкалъ и приближалъ. Своими беззаконіями онъ прогнѣвалъ Бога; долготерпѣніе Господне истощилось. Во время войны Іудеевъ съ Ассиріянами, Манассія былъ взятъ въ плѣнъ, руки и ноги его были закованы въ колодки, а въ носъ было продѣто кольцо. Въ такомъ позорномъ видѣ, какъ звѣря, его провели по Вавилону и бросили въ смрадную темницу, гдѣ и держали три мѣсяца. Братія, человѣкъ не можетъ жить безъ наказаній, этихъ истинно посѣщеній Божіихъ, за которыя мы всегда должны бзагодарить Бога. Иногда только наказанія могутъ отрезвить человѣка, просвѣтить его духовное око, указать ему его дѣйствительное, а не имъ самимъ вымышленное, положеніе. И Манассія, только находясь въ тяжкомъ плѣну, опомнился, созналъ свои грѣхи предъ Господомъ и созналъ свое ничтожество и безсиліе. Теперь онъ понялъ, что онъ червь, что гордиться ему нечѣмъ, потому что предъ Господомъ всѣ равны. Всѣхъ Богъ создалъ одинаково, создалъ изъ одной персти и въ персть всѣхъ обратитъ. И началъ Манассія усердно молиться, каяться, день и ночь плакать о своихъ заблужденіяхъ. Господь услышалъ его мольбы и простилъ его. Царь Манассія составилъ покаянную молитву, которая читается теперь великимъ постомъ на повечеріи.

Въ лицѣ этихъ двухъ царей, Давида и Манассіи, тяжко согрѣшившихъ, св. церковь представляетъ намъ, бр., образцы искренняго и глубоко-сердечнаго покаянія. Господь Богъ—страшный Судія всей земли. Онъ не посмотритъ ни на чье

лицо: мужчина или женщина, отрокъ или отроковица, царь или простолюдинъ, баринъ или мужикъ, генералъ или солдатъ, богатый или бѣднякъ. Предъ Нимъ всѣ равны: Онъ смотритъ на сердца, смотритъ, каково упованіе человѣка, какова его вѣра, каковы его дѣла. Съ людей высокостоящихъ, образованныхъ Господь больше взыщетъ, чѣмъ съ простолюдиновъ, когда они грѣшатъ, пьянствуютъ или прелюбодѣйствуютъ. Братія, ахъ какъ силенъ грѣхъ! Грѣхи—это воры, разбойники, которые постоянно обкрадываютъ насъ. Они облекаются обыкновенно въ благородныя, заманчивыя одежды и дѣлаютъ насъ бѣдняками предъ Богомъ и даже врагами Его. Кто изъ насъ безъ грѣховъ? Кто не гордъ? Кто не честолюбивъ? Кто не обижалъ другъ друга? Кто не оболгалъ ближняго своего?

Поученіе, повидимому, простенькое, не хитро-витіеватое,—такое поученіе, которое можетъ составить и произнести безъ особеннаго затрудненія всякій сельскій священникъ. Я много слыхалъ объ о. Іоаннѣ, какъ проповѣдникѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его проповѣди. Но начало его проповѣди,—да проститъ мнѣ великій пастырь,—я слушалъ съ довольно большимъ холодомъ въ душѣ и даже разочарованіемъ. Равнодушно, повидимому, относился къ проповѣди и народъ. Но далѣе я не знаю, что случилось со мною и съ этой доселѣ безмолвной массою людей. Какое-то особенное настроеніе, незримо откуда то сходившее въ души слушателей, начало овладѣвать толпой. Сначала слышались то тамъ, то здѣсь лишь легкіе вздохи; то тамъ, то здѣсь можно было наблюдать слезу, медленно катившуюся по лицу умиленнаго слушателя. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше можно было слышать глубокихъ вздоховъ и видѣть слезъ. А о. Іоаннъ, видя ихъ, о нихъ то больше всего и напоминалъ въ своемъ поученіи. И я что-то необыкновенное началъ ощущать въ себѣ. Откуда-то, изъ какой-то недовѣдомой глубины души, что-то начало подниматься во мнѣ, охватывая все существо мое. Сзади меня и напротивъ, на правомъ клиросѣ, стояли доселѣ, повидимому, равнодушныя, болѣе любопытствующія лица. Но вотъ и они преклоняютъ колѣна и проливаютъ слезы. И у меня растеплилось сердце черствое, огрубѣлое. Скатилась слеза и у меня изъ глазъ, слеза чистая, покаянная, слеза святая, слеза благодатная, слеза жи-

вительная, слеза спасительная. А что творилось въ это время въ народѣ! Изъ всѣхъ сторонъ кричали:

— Батюшка, прости, батюшка, помилуй; всѣ мы грѣшники; помолись, помолись за насъ.

Бушевало море. Стало такъ шумно, что больше ничего не было слышно изъ рѣчи о. Іоанна.

— Тише, тише, слушайте,—громко кричалъ о. Іоаннъ, властно призывая рукой всѣхъ къ молчанію. На нѣсколько мгновеній смолкалъ этотъ великій шумъ, но потомъ съ новой силой онъ раздавался опять, начинаясь сначала гдѣ-либо въ одномъ мѣстѣ, а потомъ постепенно охватывая всѣхъ молящихся. Какъ сильный громъ перекатывается по необъятному небу, такъ перекатывались изъ края въ край по громадному храму народные вопли о молитвѣ, прощеніи и помилованіи. Съ немалымъ трудомъ пришлось водворить въ храмѣ тишину. О. Іоаннъ начинаетъ читать далѣе вторую молитву предъ покаяніемъ. Читаетъ ее также съ глубокимъ чувствомъ и выразительностью. Прочитавши молитву, онъ снова началъ „толковать" ее.

Въ этой молитвѣ, которую я сейчасъ произнесъ, св. церковь молитъ Первопастыря, чтобы Онъ, Многомилостивый простилъ наши неправды, наши грѣхи, помиловалъ, избавилъ насъ отъ вѣчной муки, простилъ беззаконныя намѣренія, мысли наши и беззаконные поступки. Св. церковь молитъ Іисуса Христа, Сына Божія, взявшаго на Себя грѣхи всего міра и своею пречистою кровію омывшаго нечистоту душъ нашихъ, помиловать насъ, какъ двухъ евангельскихъ должниковъ, которые сами не могли заплатить большой долгъ заимодавцамъ, какъ блудницу, которая своими слезами омывала ноги Христа и отирала ихъ своими волосами. Господь Богъ видѣлъ ея истинное раскаяніе, желаніе загладить свои грѣхи и, даровавъ ей прощеніе, отпустилъ ее съ миромъ. Точно также и всѣ кающіеся искренно сегодня въ грѣхахъ своихъ получатъ прощеніе и избавленіе отъ вѣчной муки. Намъ дано въ жизни очень много времени одуматься, чтобы мы поскорбѣли, погоревали, поплакали о душѣ своей. Но люди лѣнятся, не хотятъ заботиться о своей душѣ, не хотятъ бороться съ грѣхами, которые, какъ тати и разбойники, врываются въ ихъ души, не хотятъ воевать съ ними, отгонять ихъ. Господь Богъ дѣлаетъ все для любя-

щихъ Его, а которые дерзко отталкиваютъ десницу Божію—не желаютъ сами себѣ добра, сами идутъ на погибель. А безъ Бога мы и одной секунды существовать не можемъ: своею жизнію, дыханіемъ, воздухомъ, которымъ дышемъ, свѣтомъ солнечнымъ, пищей, питіемъ, — всѣмъ обязаны мы Христу. Мы должны Ему безъ конца, мы Его—неоплатные должники. Мы призываемся быть „народомъ святымъ", „людями обновленія", „царскимъ священіемъ". Вѣдь намъ сказано: „святи будите, якоже святъ есмь Азъ".

При этомъ снова въ народѣ поднялся прежній шумъ.

— Батюшка, батюшка,—кричали отвсюду,—прости, помолись. И снова нельзя стало разобрать ничего.

— Тише, тише, слушайте, тише, — говорилъ о. Іоаннъ. Мало по малу снова въ храмѣ водворяется тишина, прерываемая по временамъ только глубокими вздохами да слезой, безмолвно катящейся по лицу слушателя.

Господь Богъ, страшный и праведный Судія, — продолжаетъ о. Іоаннъ свою прерванную рѣчь. Онъ не помиловалъ падшихъ ангеловъ, возгордившихся противъ Самого Бога, но осудилъ ихъ на вѣчную муку. Мы грѣшники, грѣшимъ каждую минуту и своими грѣхами прогнѣвляемъ Господа. Отчего же намъ такое снисхожденіе? Богъ Отецъ послалъ въ міръ Сына Своего возлюбленнаго, Который принялъ на Себя грѣхи всего міра, пострадалъ за грѣхи людей, снялъ съ людей проклятіе, тяготѣвшее надъ ними со времени грѣхопаденія первыхъ людей. Господь Іисусъ Христосъ своими крестными страданіями избавилъ насъ отъ вѣчной муки. Это могъ сдѣлать только Сынъ Божій, а не человѣкъ. Богъ Отецъ отдалъ всю власть суда надъ людьми Іисусу Христу. Господь Іисусъ Христосъ далъ власть апостоламъ, а тѣ архіереямъ и священникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ грѣшному іерею Іоанну—разрѣшать кающихся, прощать или не прощать грѣхи ихъ, судя по тому, какъ люди каются. Если человѣкъ искренно кается, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, то священникъ разрѣшаетъ его отъ грѣховъ. Наоборотъ, если человѣкъ кается не искренно, то священникъ не отпускаетъ ему грѣхи, чтобы онъ опомнился. Итакъ, чтобы получить прощеніе грѣховъ, необходимо каяться искренно, горячо, сердечно. А у насъ что за покаяніе? Всѣ мы

только верхушечки, стебельки грѣховъ срываемъ. Нѣтъ, корни, корни грѣховъ нужно вырывать...

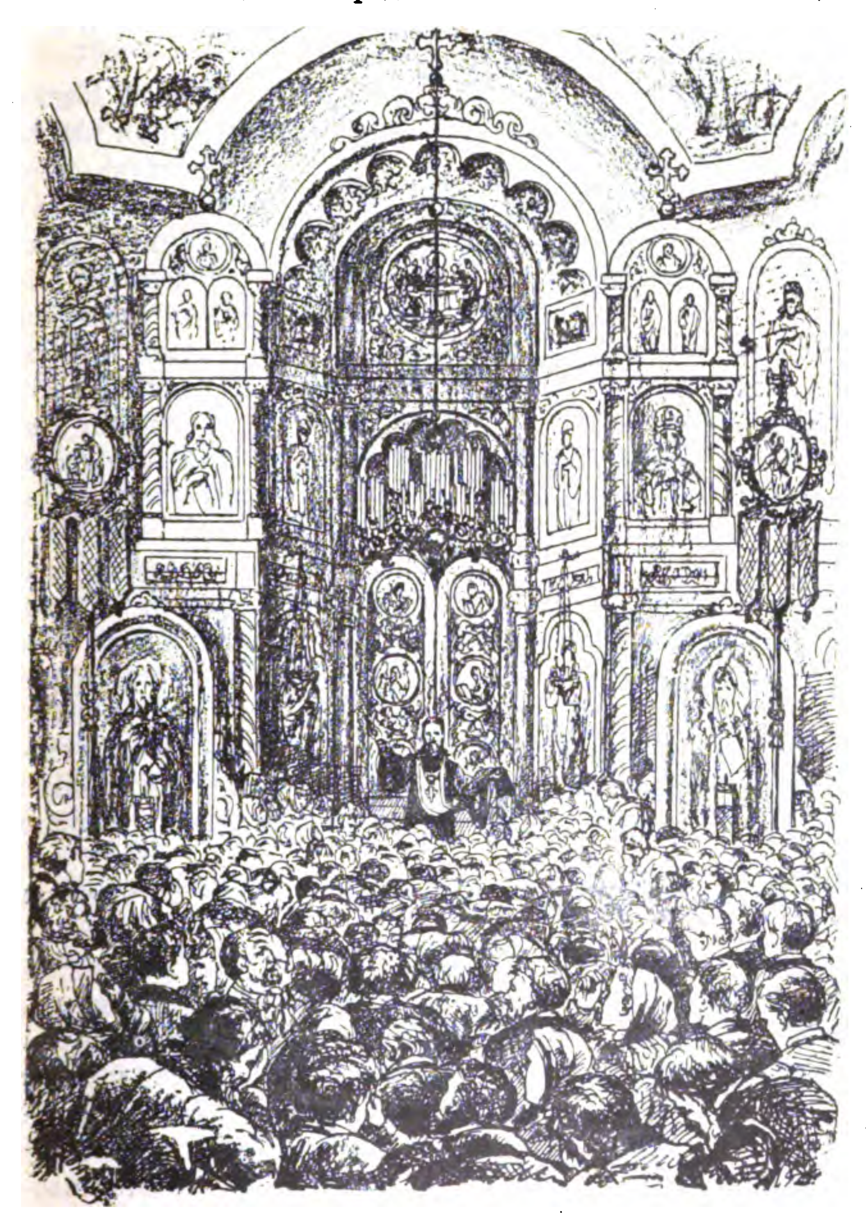
Что же такое покаяніе? Покаяніе есть даръ Божій, дарованный Богомъ ради заслугъ Сына Своего возлюбленнаго, исполнившаго всю правду Божію. Покаяніе есть даръ, данный для самоосужденія, самообличенія, самоукоренія. Покаяніе есть твердое и неуклонное намѣреніе оставить свою прежнюю грѣховную жизнь, исправиться, обновиться, возлюбить Господа всею душею, примириться съ Богомъ, съ своею совѣстію. Покаяніе есть твердое упованіе, надежда, что милосердый Господь проститъ всѣ наши прегрѣшенія. Кто не кается, тотъ дѣлается врагомъ церкви. Какъ гнилые сучки или вѣтки отпадаютъ отъ дерева, такъ и грѣшники нераскаянные отпадаютъ отъ Главы церкви Христа. Самъ Христосъ есть Лоза виноградная, а мы вѣточки, питающіяся жизнію, соками этой лозы. Кто не будетъ питаться соками этой дивной лозы, тотъ непремѣнно погибнетъ. Раскольники погибаютъ въ заблужденіи, пашковцы тоже погибаютъ, погибаютъ и толстовцы. Всѣ они грѣшники не раскаянные. Сами гибнутъ и другихъ влекутъ на погибель.

Братія и сестры, каетесь ли вы? Желаете ли исправить свою жизнь? Сознаете ли грѣхи свои? Лѣнились вы Богу молиться? Пьянствовали, прелюбодѣйствовали, обманывали, клятвопреступничали, богохульствовали, завидовали, хитрили, злобствовали, злословили, воровали? Да, много, много грѣховъ у насъ, братія и сестры, всѣхъ ихъ и не перечесть... Слово кончено. Обращаясь къ народу, о. Іоаннъ властно и громко теперь говоритъ:

— Кайтесь, кайтесь, въ чемъ согрѣшили!

Что произошло въ эти минуты, невозможно передать. Напряженіе достигло самой высшей степени и одинаково захватило всю массу. Это былъ уже не тихій и спокойный народъ, а море бушующее. Пламя огня, охватившее внутренность зданія, даетъ о себѣ знать сначала незначительными огненными языками, вырывающимися извнутри то тамъ, то здѣсь, и густыми облаками дыма. Потомъ, пробившись наружу, оно съ страшной силой поднимается вверхъ и почти мгновенно распространяется по всему зданію, перелетаетъ быстро на сосѣдніе дома. Въ эти минуты человѣку остается

только безмолвно почти смотрѣть на совершающееся предъ нимъ. Нѣчто подобное представляла собою и толпа въ дан-

Конецъ общей исповѣди.

ный моментъ. Стоялъ срашный, невообразимый шумъ. Кто плакалъ, кто громко рыдалъ, кто падалъ на полъ, кто стоялъ въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Многіе вслухъ предъ всѣми

исповѣдовали свои грѣхи, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что ихъ всѣ слышали:

— Не молимся, ругаемся, сердимся, гнѣвливы, злы и т. п. доносилось изъ всѣхъ частей храма.

Трогательно было смотрѣть въ это время на о. Іоанна. Онъ стоялъ, глубоко растроганный и потрясенный всѣмъ. Уста его шептали молитву, взоръ былъ обращенъ къ небу. Стоялъ онъ молча, скрестивши руки на груди, стоялъ какъ посредникъ между небеснымъ Судіей и кающимися грѣшниками, какъ земной судія совѣстей человѣческихъ. По лицу его катились крупныя слезы. Онъ закрылъ свое лице руками, но и изъ-подъ нихъ капали на холодный церковный полъ крупныя слезы. О чемъ же онъ плакалъ? Кто можетъ изобразить его душевное состояніе въ эти минуты? О. Іоаннъ плакалъ, соединяя свои слезы съ слезами народа, какъ истинный пастырь стада Христова, скорбѣлъ и радовался душою за своихъ пасомыхъ. А эти овцы заблудшія, грѣшныя, увидя слезы на лицѣ своего любимаго пастыря и понявъ состояніе его души въ настоящія минуты, устыдились еще больше самихъ себя и разразились еще большими рыданіями, воплями, стонами, и чистая рѣка слезъ покаянія потекла еще обильнѣе къ престолу Божію, омывая въ своихъ струяхъ загрязненныя души. Громадный соборъ наполнился стонами, криками и рыданіями; казалось, весь храмъ дрожалъ отъ потрясающихъ воплей людей.

— Кайтесь, кайтесь,—повторялъ отъ времени до времени о. Іоаннъ.

Иногда онъ обращался своимъ взоромъ въ какую-либо одну часть храма и тамъ всѣ чувствовали на себѣ его взоръ. Тотчасъ въ этомъ мѣстѣ начинали громче раздаваться голоса, замѣтно выдѣляясь въ общемъ хорѣ голосовъ и заражая еще болѣе толпу. Потомъ опять вездѣ царилъ одинъ тонъ, чтобы усилиться снова тамъ, куда обратится своими взорами о. Іоаннъ. Какъ могуче владѣлъ онъ всей этой массою народа—онъ былъ какъ бы какой магъ или чародѣй. Скажи о. Іоаннъ народу, чтобы онъ шелъ за нимъ въ эти минуты, и онъ всюду пошелъ бы за своимъ пастыремъ... Въ такомъ состояніи кающіеся находились не менѣе пяти минутъ. Наконецъ, о. Іоаннъ отеръ свои слезы красненькимъ

платкомъ, перекрестился въ знакъ благодарности за слезы покаянныя народныя.

— Тише. тише, братья,—слышится его голосъ. Не скоро въ храмѣ водворяется желательная тишина. Но мало по малу все смолкаетъ. Слышны одни только вздохи, да слезы струятся по щекамъ молящихся то тамъ, то здѣсь.

— Слушайте,—говоритъ протяжно о. Іоаннъ. Мнѣ, какъ и всѣмъ священникамъ, Богъ даровалъ власть вязать и разрѣшать грѣхи человѣка... Слушайте, прочитаю молитву разрѣшительную. Наклоните головы свои: я накрою васъ епитрахилью, благословлю, и получите отъ Господа прощеніе грѣховъ.

Тысячи головъ смиренно преклоняются, читается разрѣшительная молитва. Беретъ о. Іоаннъ конецъ своей епитрахили, проводитъ имъ по воздуху на всѣ четыре стороны и благословляетъ народъ. Какая торжественная и таинственная минута! Примиряется небо съ землей; грѣшники съ Безгрѣшнымъ.

Послѣ разрѣшительной молитвы всѣмъ чувствовалось какъ то особенно легко. Какъ будто бы громадное какое бремя у каждаго свалилось съ груди. Эти минуты живо напомнили мнѣ минуты счастливаго, радостнаго, чистаго и беззаботнаго, святого дѣтства. Радостный, освобожденный отъ тяжкаго бремени грѣховнаго, народъ вздохнулъ свободно и со слезами благодарности смотрѣлъ на кроткое, сіяющее духовнымъ торжествомъ лицо своего добраго „батюшки" пастыря, который вывелъ такъ благодѣтельно своихъ овецъ изъ мрачныхъ дебрей грѣха на свѣтлый путь добродѣтели, къ лучезарному дому Отца небеснаго.

Люди, заслуживающіе всякаго вниманія и довѣрія, намъ разсказывали нѣчто весьма любопытное относительно общей исповѣди о. Іоанна. Въ то время, когда народъ приноситъ искреннее и глубокое покаяніе въ своихъ грѣхахъ, нѣкоторые изъ богомольцевъ видятъ на солеѣ Спасителя благословляющимъ народъ и разрѣшающимъ его отъ всѣхъ грѣховъ. Объ этомъ недавно сообщалось даже и въ печати. Вотъ каковъ религіозный подъемъ духа народа въ эти минуты, вотъ какихъ размѣровъ достигаетъ его напряженіе!

Затѣмъ послѣдовалъ выносъ Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Послѣ громогласнаго прочтенія

всѣми молитвы: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую", началось причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ, благодатно пріемлемыхъ очищенными и примиренными съ Богомъ душами. Что дѣлалось кругомъ въ это время? Народъ устремился волной къ св. чашѣ. Сколько благоговѣнія, восторга, тихой радости можно было видѣть и читать на лицахъ всѣхъ. Какія сцены, нигдѣ даже невиданныя мною, постоянно повторялись здѣсь.

Вотъ что я видѣлъ и слышалъ:

— Господи, сподоби причаститься св. Таинъ.

— Дорогой, золотой батюшка, причасти.

— Батюшка-голубчикъ, причасти.

— Батюшка, причасти. Я больная. Почки болятъ. Умираю.

— Батюшка, и я нездорова, причасти,

— Батюшка, причасти; двѣ недѣли не причащалась.

Вотъ стоитъ старушка на колѣняхъ въ сторонѣ, недалеко отъ о. Іоанна, и проситъ необыкновенно жалобнымъ старушечьимъ голосомъ, едва произнося слова своимъ беззубымъ ртомъ:

— Батюшка, причасти.

Она какъ бы замерла, застыла въ этомъ положеніи. И кажется, никто не услышитъ ее въ этомъ всеобщемъ почти смятеніи и шумѣ. Но вотъ услышана и она.

— Боженька, причасти,—вдругъ я слышу недалеко отъ себя.

— Я не Боженька, а простой человѣкъ,—спокойно, безъ всякаго волненія и смущенія, но твердо и рѣшительно отвѣчаетъ о. Іоаннъ.

Вся окружающая атмосфера была наполнена ласковыми словами, обращенными къ о. Іоанну. Она какъ бы была вся соткана изъ этихъ однихъ словъ. Приносятъ дѣтей причащать. Тамъ вдали гдѣ-то раздается вдругъ шумъ, напоминающій собою почти штурмъ или баталію. Это посадскіе хотятъ пробраться черезъ всякія рѣшетки и черезъ ряды полиціи, чтобы причаститься. Нѣкоторые, болѣе дерзновенные и храбрые, оттѣснивши простыхъ, робкихъ деревенскихъ мужичковъ, успѣваютъ уже пробраться къ самымъ ногамъ о. Іоанна. Но, увы, батюшка ихъ не только не причастилъ, но и еще пригрозилъ, что въ случаѣ новаго шума съ ихъ стороны, онъ отлучитъ ихъ даже отъ св. причастія на три мѣсяца.

— Цѣлуй чашу-то, благодари Бога, — многимъ говорилъ

о. Іоаннъ, причащая ихъ. Благодари Бога! А какъ часто, дѣйствительно, мы забываемъ дѣлать это...

Сколько слезъ я видѣлъ, стоя рядомъ съ о. Іоанномъ. У нѣкоторыхъ слезы брызгали моментально, когда они подходили къ св. чашѣ. Какъ бы какой источникъ у нихъ открывался сразу. Умиротворенные всѣ уходили отъ чаши. А тамъ вдали медленно двигалась впередъ, наступая на передніе ряды, темная, сѣрая масса. Думалось, и конца ей не будетъ. Все смѣшалось въ этой толпѣ. Со стороны казалось, что какъ бы двигалось одно какое громадное чудовище, наступавшее постепенно на тебя.

Былъ при этомъ однажды и весьма скорбный случай. „Такъ 17 мая произошло событіе, о которомъ невозможно говорить безъ слезъ горечи, сожалѣнія и стыда. Произошло несчастіе, громко вопіющее о недостаткѣ нашихъ нравовъ. Дѣло въ слѣдующемъ: о. Іоаннъ Кронштадтскій, извѣстя всѣхъ о скоромъ отъѣздѣ въ свое родное село Суру (Арханг. губ.), служилъ на прощанье обѣдню. Народа набралось въ храмъ до 5,000 человѣкъ и, когда почтенный пастырь вышелъ со св. Дарами, чтобы пріобщить все это множество людей, принесшихъ покаяніе среди общей исповѣди, толпа хлынула впередъ и стѣснилась съ такою неудержимою силою, произвела такой ужасный переполохъ, что въ одно мгновеніе, изъ благообразно и молитвенно настроенной, обратилась въ нѣчто поражающее. Лица, за минуту красныя, покрытыя потомъ, вдругъ поблѣднѣли, исказились; раздались отчаянные крики страданія и испуга,—призывы къ спасенію... Духота сдѣлалась невообразимая, одежда на людяхъ обратилась въ клочья, многія, особенно женщины и дѣти, падали, и тѣла ихъ топтали наваливавшіе впередъ задніе ряды. Желѣзная рѣшетка солеи едва выдерживала этотъ страшный натискъ. Къ счастью еще случившаяся вблизи военная команда, подъ начальствомъ пристава, успѣла явиться на помощь: изувѣченныхъ стали выносить изъ церкви въ ограду. Тамъ происходили потрясающія сцены страданій: однихъ, въ полубезчувственномъ состояніи, пріобщали священники, сослужившіе о. Іоанну; другимъ—искалѣченнымъ, изуродованнымъ — подавалась первая медицинская помощь; одна женщина, задавленная на смерть еще въ соборѣ, была вынесена сюда—уже трупомъ.

Исполненный скорби и ужаса, о. Іоаннъ вышелъ къ народу и дрожащимъ, глубоко потрясеннымъ голосомъ укорялъ толпу за ея безумное поведеніе.

— Знаете ли вы, заключилъ пастырь свою взволнованную рѣчь:—что можетъ быть покаяніе нѣсколькихъ тысячъ васъ не исправятъ грѣха этой одной смерти! Молитесь-же!" [1])

Болѣе двухъ часовъ продолжалось причащеніе многочисленнаго народа. Вотъ св. Дары унесены въ алтарь. Вотъ снова появился съ ними предъ лицами народа батюшка...

— *Всегда, нынѣ и присно*,—громогласно пронеслось всюду по всему собору. И едва ли не каждый въ это время думалъ: о, если бы это было такъ и въ дѣйствительности.

Когда св. Дары были перенесены на жертвенникъ, о. Іоаннъ припалъ къ нимъ и долго такъ стоялъ. Потомъ онъ всталъ и опять припалъ. Онъ какъ бы не хотѣлъ съ ними разставаться, не могъ насладиться лицезрѣніемъ ихъ.

Послѣ благодарственной молитвы о. Іоаннъ вышелъ на амвонъ съ крестомъ и радостнымъ возгласомъ поздравилъ всѣхъ съ принятіемъ святѣйшихъ Таинъ Христовыхъ, во вѣки вѣковъ служащихъ освященіемъ и очищеніемъ душъ нашихъ.

Сіяющій радостью народъ, съ безпредѣльною и восторженною любовію къ своему дорогому наставнику, единодушно, искренно, горячо благодарилъ его за поздравленіе. Приложившись къ св. кресту, всѣ спѣшили по домамъ, чтобы встрѣтить тамъ дорогого пастыря, ежедневно посѣщающаго своихъ пасомыхъ въ квартирахъ для пріѣзжающихъ.

Разоблачившись, окруженный значительнымъ числомъ людей, собравшихся въ алтарѣ, батюшка сталъ просматривать болѣе неотложныя письма и телеграммы. Вынимая изъ конвертовъ деньги, небрежно совалъ ихъ по всѣмъ карманамъ. А часть ихъ здѣсь же сейчасъ и раздавалъ различнымъ людямъ. Отвѣчалъ на различные вопросы. Подписалъ кому-то двѣ карточки. Подносятъ еще.

— Не буду больше подписывать. Это тщеславіе. Къ чему тщеславиться?

— Батюшка, подпиши; батюшка, подпиши,—молятъ его.

— Не буду, не буду...

---

[1]) *Свѣтъ*. 1900 № 132.

Нарѣзавши антидору, сталъ раздавать его присутствующимъ со словами:

— Берите и съ молитвой вкушайте; это—вотъ лучше.

Батюшку позвали благословить одну интеллигентную молодую особу. Она лишилась маленькой дѣвочки, которую очень любила и которую поэтому очень оплакивала. Батюшка потрепалъ ее по плечу, сталъ гладить по головѣ, смотрѣть въ глаза, обласкалъ, приласкалъ:

— Что ты? Что ты? Что съ тобой, родная?

— Полно, полно, не плачь. Ей вѣдь тамъ лучше будетъ. Эхъ, ты бѣдная. Богъ пошлетъ тебѣ еще пятерыхъ и лучшихъ дѣтей.

— Не плачь же. Не будешь плакать?

— Не буду,—говоритъ почти уже спокойно дама.

— Спасибо за послушаніе,—твердо отвѣчаетъ о. Іоаннъ.

Все это было такъ тепло и мило сказано, что дама совершенно успокоилась и пошла съ миромъ въ свой домъ. Мужъ, обрадованный всѣмъ случившимся, далъ батюшкѣ пачку денегъ со словами:

— Раздайте бѣднымъ.

Дама пошла съ мужемъ домой, а наблюдавшіе всю эту сцену начали снова тѣсниться къ о. Іоанну, просили благословенія, горячо цѣловали руки, крестъ и даже одежду батюшки, падали предъ нимъ на колѣни, о чемъ-то со слезами умоляли его. Многіе просили посѣтить ихъ отдѣльно, называя свои квартиры. Не давали ему даже выдти изъ храма. Когда мы собирались домой, было уже почти 12 часовъ. А иногда въ Андреевскомъ соборѣ богослуженіе съ 5 часовъ утра продолжается, благодаря массѣ причастниковъ, даже до полчаса третьяго [1]).

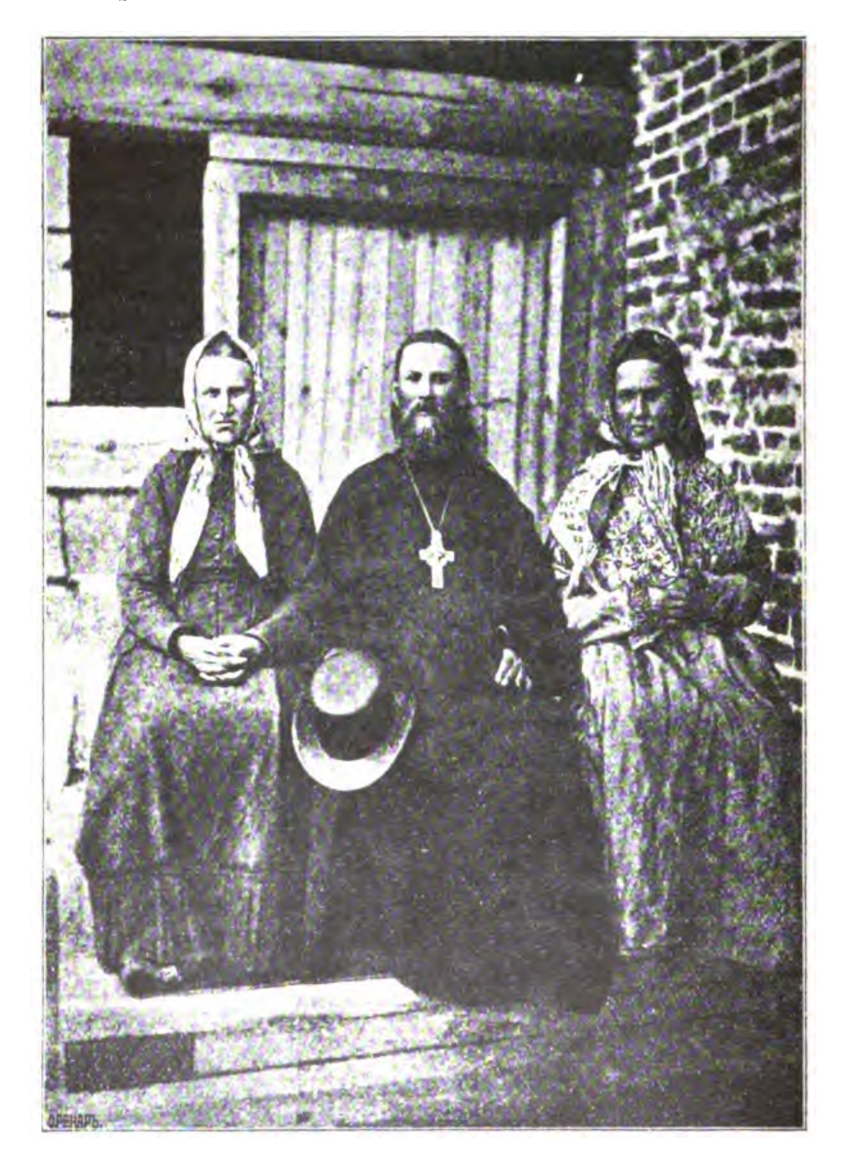
V.

Недолго мы оставались дома. Едва успѣли выпить по стакану чаю, а кто и просто такъ холодной воды, какъ надо было спѣшить въ фотографію П. П. Шаумана. Настоящій день былъ для насъ особо счастливымъ днемъ. О. Іоаннъ далъ намъ слово сняться съ нами. Восторгамъ нашимъ, казалось, не будетъ конца. Сидѣть рядомъ съ человѣкомъ, котораго глубоко чтишь, которому преданъ всей душей, за ко-

---

[1]) *Русскій Паломникъ.* 1900 г. № 35 стр. 587.

торымъ готовъ идти вездѣ и всюду, вспоминать впослѣдствіи минуты пребыванія съ нимъ, — это великое счастіе и великая радость. Поэтому мы не шли, а скорѣе бѣжали въ

О. Іоаннъ съ своими сестрами.

ту фотографію, гдѣ обыкновенно снимался о. Іоаннъ. Мы какъ бы не чувствовали никакого утомленія послѣ столь продолжительнаго богослуженія и послѣ столькихъ часовъ,

проведенныхъ въ большомъ напряженіи. Немного мы блуждали по незнакомымъ намъ улицамъ Кронштадта, чтобы благополучно добраться до фотографіи Шаумана. Здѣсь насъ уже поджидали. О. Іоанна еще не было; да и не скоро онъ долженъ былъ вырваться изъ рукъ громадной толпы народа, осаждавшаго его въ храмѣ. Въ ожиданіи его прибытія, мы занялись осмотромъ большихъ коллекцій фотографическихъ карточекъ.

Наше вниманіе было сосредоточенно главнымъ образомъ на карточкахъ о. Іоанна. Какая ихъ была масса и какъ онѣ были разнообразны. Кажется, здѣсь всѣ моменты духовной жизни о. Іоанна и всѣ самыя случайныя обстоятельства его внѣшней жизни были запечатлѣны и увѣковѣчены. Какъ было пріятно смотрѣть на эти карточки, ловить улыбку на лицѣ о. Іоанна, читать его завѣтныя думы, видѣть его горячую любовь къ людямъ. На однѣхъ карточкахъ о. Іоаннъ изображался одинъ. Вотъ онъ снятъ во весь ростъ. Стоитъ бодро, твердо, лаской освѣщено его кроткое, чистое, святое лицо. Глаза устремлены куда-то вдаль. Со стороны кажется, что какъ будто онъ идетъ куда-то съ распростертыми руками спасать людей, готовый весь міръ заключить въ свои объятія. Здѣсь онъ изображенъ сидящимъ. Голова склонилась немного на бокъ и опирается на руку. Выраженіе лица какое то грустно-радостное, задумчивое. Кажется, глубокая дума о людяхъ-страдальцахъ лежитъ у него на душѣ и придаетъ его настроенію оттѣнокъ святой грусти.

На другихъ фотографіяхъ онъ снятъ не одинъ. Вотъ онъ снятъ съ своими родными сестрами, одѣтыми въ самое простое сельское платье; головы ихъ покрыты простыми платками. Всѣ трое сидятъ на скамейкѣ около своего родного дома, въ далекой отсюда Сурѣ. Какая трогательная идиллія. Бѣдныя сестры, думали ли онѣ когда-либо, что ихъ братъ такой же бѣдный, какъ и онѣ, будетъ нѣкогда такъ великъ и извѣстенъ вездѣ и всюду? Конечно, нѣтъ. Видна крѣпкая братская увѣренность другъ въ другѣ. Нѣтъ никакой чопорности, надутости. Все мило и просто. Чѣмъ-то необыкновеннымъ, захватывающимъ душу и сердце, вѣетъ отъ этой группы. Вотъ о. Іоаннъ снятъ со старушкой матерью, одѣтой также весьма просто и повязанной въ чепчикъ. Послѣднее время она жила въ Кронштадтѣ все время. Здѣсь она

и окончила дни своей жизни, здѣсь же на кладбищѣ и погребена. Надъ ея могилой теперь красуется великолѣпный памятникъ. Его создала нѣжная любовь сына къ матери.

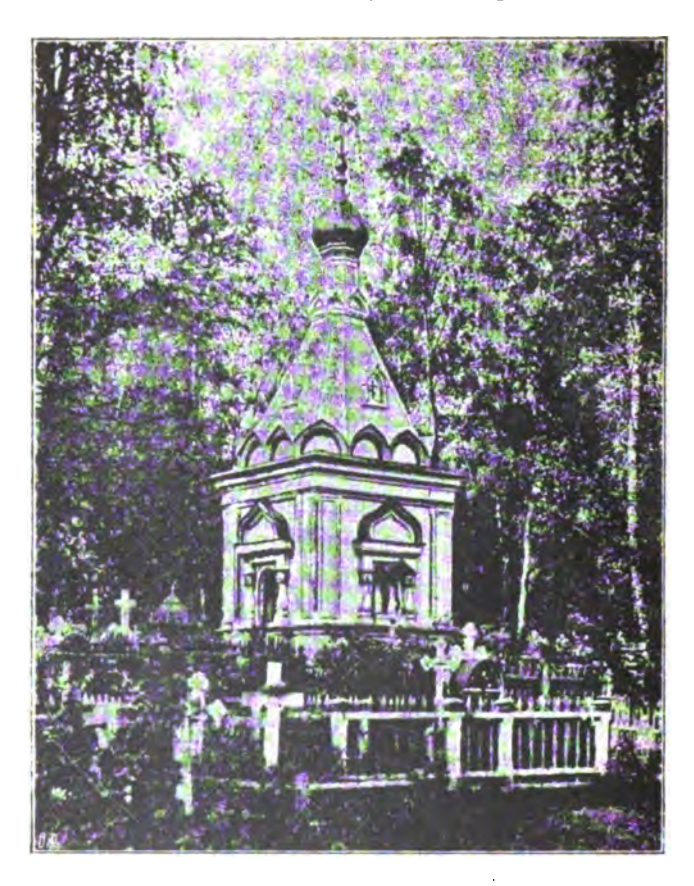
Мать о. Іоанна.

Вотъ здѣсь онъ снятъ идущимъ въ полѣ по своей родной землѣ. Тамъ онъ сфотографированъ въ группахъ различныхъ общественныхъ дѣятелей, пожелавшихъ сняться вмѣстѣ съ нимъ. И наша группа, думалъ я, скоро присоединится къ этимъ группамъ и будетъ предметомъ любопытства многихъ. Здѣсь о. Іоаннъ снятъ въ моментъ его бесѣды съ многочисленными толпами народа. На одной фотографіи онъ изображенъ стоящимъ на балконѣ, а кругомъ

внизу — море головъ. На другой его сняли стоящимъ въ рубкѣ волжскаго парохода. Пристань, набережная, лодки и всевозможныя суда переполнены народомъ. Вотъ онъ молится, тамъ благословляетъ, здѣсь разговариваетъ съ народомъ. Далѣе, на карточкахъ изображались всевозможные виды родного края о. Іоанна: старинная бѣдная церковь, новая церковь, созидаемая о. Іоанномъ, старый домикъ, въ которомъ родился о. Іоаннъ, поля, лѣса, луга, горы, гдѣ въ дѣтствѣ любилъ онъ гулять, рѣка, извивающаяся лентой около Суры. На однѣхъ карточкахъ о. Іоаннъ снятъ въ ростъ, на другихъ въ полуростъ, на третьихъ—въ профиль. Здѣсь онъ былъ снятъ съ наградами, тамъ безъ наградъ. Тутъ на немъ были одни кресты, тамъ другіе. Здѣсь такія рясы, тамъ—иныя, и все новыя и новыя, одна другой лучше и роскошнѣе. Однѣ изображали его еще довольно молодымъ, другія значительно постарѣвшимъ. Среди этой громадной и столь разнообразной коллекціи всевозможныхъ фотографій о. Іоанна, были по размѣрамъ всякія, начиная отъ небольшой визитной и кончая столь громадными, что онѣ по своей величинѣ могли спорить съ полотномъ довольно приличныхъ размѣровъ.

Пересматривая въ сотый разъ всѣ эти карточки и группы, я не могъ не обратить вниманія на одно обстоятельство, весьма любопытное и замѣчательное. Не было, кажется, ни одной карточки въ этомъ морѣ карточекъ, на которой о. Іоаннъ былъ бы снятъ совершенно одинаково. Что ни карточка, то у него было иное выраженіе лица. По временамъ эта разница достигала такихъ размѣровъ, что трудно даже было узнать о. Іоанна. Кому его не пришлось видѣть, тотъ несомнѣнно не узналъ бы его здѣсь. Заинтересовавшись этимъ, мы спросили людей, близко знающихъ о. Іоанна, чѣмъ объясняется такое различіе фотографій, изображающихъ одно и то же лицо. Оказывается, что мы подмѣтили нѣчто весьма вѣрное и характерное. Выраженіе лица о. Іоанна мѣняется часто и иногда съ поразительной быстротой. Вотъ почему онъ и выходитъ на карточкахъ столь различно. Отчасти это я и самъ замѣтилъ, слѣдя за о. Іоанномъ во время богослуженія. Дѣйствительно, его лицо замѣчательно въ эти минуты и выраженіе его часто мѣняется, становясь то печально-грустнымъ, то скорбнымъ, то радостнымъ, дышащимъ

силою и мощью, то радостно-скорбнымъ. Иногда солнце, заливая массою свѣта землю, чудно играетъ своими золо-

Памятникъ на могилѣ матери.

тыми лучами на зелени, цвѣтахъ, деревьяхъ, переливая всѣми цвѣтами радуги, нѣжно и поразительно разнообразно мѣняя свои тоны, сгущая и ослабляя свои краски. Что-то подобное можно было наблюдать и въ лицѣ о. Іоанна. Оно свѣтилось какимъ то необыкновеннымъ свѣтомъ, который то усиливался, то ослабѣвалъ, появлялся то въ глазахъ, то на щекахъ. Мнѣ невольно вспомнился въ эти минуты древній разсказъ о томъ, какъ нѣкогда хотѣли снять изображеніе съ Христа Спасителя. Но не смотря ни на какія усилія, это имъ не удавалось, потому что выраженіе лица Спасителя постоянно мѣнялось. По моему мнѣнію, эти карточки, столь разнообразно передающія черты о. Іоанна, имѣютъ большое

значеніе. Онѣ живописуютъ намъ исторію его внутренней жизни, исторію его духовнаго роста, радостей и скорбей, его

О. Іоаннъ на балконѣ предъ народомъ.

горячую молитву и искреннюю скорбь о грѣшномъ мірѣ, смѣну настроеній, вызываемыхъ въ немъ окружающими его людями. Пересмотрѣвши всѣ коллекціи карточекъ, мы начали пріобрѣтать ихъ. Каждый старался выбрать болѣе удачныя и болѣе выдающіяся фотографіи. Мы покупали не только фотографіи о. Іоанна, но и фотографіи, на которыхъ онъ былъ снятъ съ своими родственниками или въ своихъ родныхъ архангельскихъ краяхъ. Покупали не только для себя, но и для своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Каждый изъ насъ захватилъ ихъ не по одному десятку [1]).

Время шло почти незамѣтно въ теченіи этихъ выборовъ среди восторговъ, разсужденій, замѣчаній, совѣтовъ. Вдругъ раздалось: „ѣдетъ“. Почти всѣ мы бросились толпой къ подъѣзду, чтобы встрѣтить здѣсь дорогого батюшку. Хотя мы не говорили никому о томъ, что изъ собора о. Іоаннъ поѣдетъ въ фотографію сниматься съ нами, но у подъѣзда фотографіи стояла уже порядочная толпа народа, ожидая

---

[1]) Не имѣя возможности помѣстить въ одномъ мѣстѣ нашего дневника всѣхъ портретовъ о. Іоанна, мы помѣщаемъ ихъ на дальнѣйшихъ страницахъ дневника. Помѣщаемые нами портреты составляютъ конечно, самую незначительную часть всей громадной коллекціи фотографическихъ портретовъ о. Іоанна.

его прибытія. Какимъ то неизвѣстнымъ образомъ люди уже успѣли открыть нашъ секретъ. Быстро благословивъ нѣкоторыхъ, о. Іоаннъ взошелъ въ домъ. Мы окружили его. Я и одинъ мой товарищъ подхватили его подъ руки и стали быстро подниматься на головокружительную высоту, чуть не подъ облака, гдѣ была устроена самая фотографія. О. Іоаннъ, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, нисколько не отставалъ отъ насъ, быстроногихъ юнцовъ. Онъ былъ веселъ, постоянно улыбался и ласково по дорогѣ шутилъ надъ нашимъ усердіемъ. Хотя и высоко было подниматься, но мы шли не долго до фотографской вышки, терявшейся почти подъ небесами. Вотъ мы и на мѣстѣ. Восторгамъ нашимъ не было конца. О. Іоаннъ разговаривалъ неутомимо то со всѣми вмѣстѣ, то съ каждымъ порознь. Говорилъ о многомъ; говорилъ о насъ. Мы дѣлились съ батюшкой своими впечатлѣніями и благодарностью за величайшее утѣшеніе, доставленное имъ намъ сегодня въ храмѣ. Вотъ насъ начали разсаживать. О. Іоаннъ занялъ почетное мѣсто въ серединѣ, около него—мы юнцы. Каждому изъ насъ хотѣлось сидѣть рядомъ съ нимъ: всѣ тѣснились и жались къ нему. Чтобы угодить намъ и распредѣлить насъ съ большей экономіей, насъ расположили слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ насъ сѣлъ прямо на полу у ногъ его, немного склонивъ голову на руку о. Іоанна. Онъ считалъ для себя великой наградой это положеніе и готовъ былъ бы сидѣть все время „при ногу его". Двое сидѣли рядомъ съ о. Іоанномъ, двое стояли позади его, а остальные занимали уже менѣе цѣнныя мѣста, но они не только были довольны, но гордились еще и этимъ.

Во время разсаживанія насъ, о. Іоаннъ добродушно шутилъ надъ фотографомъ, который часто подбѣгалъ къ нему, поправляя то крестъ, то рясу, то голову, прося наконецъ сдѣлать веселое выраженіе лица. Это выходило, что называется, уже по заказу. Какъ пріятно было въ эти минуты всѣмъ намъ, какъ хорошо у всѣхъ было на душѣ. Всѣмъ хотѣлось, чтобы эти минуты не прекращались никогда, чтобы мы все время были въ этой прекрасной, отеческой, милой обстановкѣ.

Во время возни съ нами фотографа, разговоръ не прекращался. О. Іоанна спрашивали то объ одномъ, то о другомъ.

Но вотъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ задалъ ему такой вопросъ, во время котораго всѣ какъ то особенно присмирѣли, притихли и стали съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшимъ разговоромъ. Одинъ изъ нашихъ спрашивалъ, какъ смотритъ о. Іоаннъ на монашество и благословитъ ли онъ его избрать этотъ путь жизни. Я съ замираніемъ сердца ждалъ отвѣта. Предложенный вопросъ былъ и мой жизненный, жгучій вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго я немало трудился и теоретически, и практически. Мнѣ помогали рѣшать этотъ вопросъ и мои товарищи, которыхъ я отъ всей души любилъ и уважалъ. Мнѣ много говорили „за" и „противъ" монашества. Изъ любви ко мнѣ, большинство мнѣ совѣтовали жениться, рисуя самыя фантастическія картины счастья семейной жизни и того, какимъ я буду хорошимъ семьяниномъ. Говорили даже, съ какимъ удовольствіемъ они будутъ тогда приходить ко мнѣ пить чай. Не преминули, конечно, упомянуть и о томъ, что нынѣ вѣкъ пара и электричества, что приближается конецъ 19-го вѣка и грядетъ 20-й вѣкъ,—вѣкъ свободы и полнаго счастія.

Вдохновившись, сосредоточенно, ясно и раздѣльно о. Іоаннъ отвѣчалъ на искусительный вопросъ слѣдующее:

— Я не знаю ничего лучшаго въ положеніи юноши, какъ отдать всего себя на служеніе церкви со всѣми своими почти еще нетронутыми и непочатыми силами. Объ одномъ только при этомъ нужно заботиться, чтобы пройти свой жизненный путь благочестно. Если вы это чувствуете, то Богъ благословитъ васъ.

Больше о. Іоаннъ ничего не сказалъ. Я хотѣлъ было предложить ему тотъ же самый вопросъ, но меня такимъ образомъ совершенно неожиданно предупредили. Выслушавъ такой отвѣтъ, я уже счелъ лишнимъ второй разъ спрашивать о. Іоанна объ одномъ и томъ же. Теперь изъ области колебаній я переходилъ въ область болѣе опредѣленныхъ думъ о своемъ жизненномъ будущемъ пути. И дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, мнѣ не нужно было спрашивать о. Іоанна о своемъ пути. Въ прошедшемъ году я получилъ отъ него дневникъ „моя жизнь во Христѣ" съ собственноручною подписью и благожеланіями. До сихъ поръ я храню эту книгу, какъ святыню. Въ томъ же году отъ о. Іоанна я получилъ письмо, въ которомъ онъ извѣ-

щалъ меня, что на мою родину, по моей просьбѣ, онъ послалъ сребропозлащенные богатые св. сосуды, облаченія, воздухи, иконы. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти предметы были очень цѣнны: о. Іоанну каждый несетъ свой самый лучшій даръ. Его письмо ко мнѣ оканчивалось словами: „Вашъ покорнѣйшій слуга“ и проч. Какимъ смущеніемъ и трепетомъ наполнилась душа юнаго студента, когда онъ читалъ эти строки... Онъ не забудетъ этого великаго смиренія пастыря никогда [1]).

Когда пришелъ мой часъ окончательно избрать путь новой жизни, о. Іоаннъ прислалъ мнѣ въ благословеніе небольшую икону св. Митрофана въ сребропозлащенной ризѣ съ глубоко сердечной и бодрящей надписью. Да хранитъ его Господь на многіе, многіе годы. Можетъ быть, только благодаря ему я пошелъ твердо и рѣшительно путемъ той жизни, какимъ сейчасъ иду.

Другой изъ нашихъ сотоварищей во время сниманія просилъ благословенія у о. Іоанна на служеніе церкви въ санѣ священника, и онъ получилъ это благословеніе. Замѣчу кстати. Изъ всей нашей дружины, снимавшейся съ о. Іоанномъ, только двое не облеклись въ священныя одежды. Прочіе же или постриглись въ монашество, или пошли во священники. Да и эти двое, отдавшіе себя впослѣдствіи міру въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, были люди свѣтскаго происхожденія. Случайно они попали въ Академію и чувствовали себя все время въ ней гостями... Поэтому, выходя изъ Академіи, они затерялись гдѣ-то въ водоворотѣ свѣтской суетливой жизни, отъ прелестей и соблазновъ которой не хотѣли и не смогли отрѣшиться.

Наконецъ насъ сняли. О. Іоаннъ быстро поднялся и пошелъ, чтобы скорѣе быть у тѣхъ, которые съ такимъ усердіемъ и терпѣніемъ тамъ внизу его ждали. Мы тѣсно окружили его со всѣхъ сторонъ, и не шли, а почти бѣжали вмѣстѣ съ нимъ по крутымъ лѣстницамъ внизъ, поддерживая его на пути подъ руки и продолжая осаждать различными вопросами. А спросить было о чемъ: каждаго изъ насъ родственники и знакомые нагрузили въ достаточной мѣрѣ различными просьбами къ о. Іоанну. На половинѣ нашего пути

[1]) Письмо это помѣщено въ началѣ дневника.

Наша группа.

Къ стр. 81.

изъ-подъ облачныхъ сферъ на землю, мы должны были проходить комнатой, въ которой разсматривали и покупали фотографическія карточки о. Іоанна. Въ этой комнатѣ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, насъ ожидалъ столъ съ небольшимъ „утѣшеніемъ". Хозяйка дома убѣдительно просила о. Іоанна благословить трапезу. О. Іоаннъ уступилъ ея настойчивымъ просьбамъ. Мы, конечно, были приглашены раздѣлить съ нимъ „утѣшеніе". О. Іоаннъ налилъ себѣ вина рюмку, также каждому изъ насъ налилъ по рюмкѣ и чокнулся со всѣми, высказывая при этомъ различныя благожеланія намъ. Нашимъ восторгамъ не было конца. Мы не отступали ни на одну минуту отъ о. Іоанна. Одинъ просилъ себѣ стаканъ чаю, изъ котораго онъ только что немного отпилъ. Другой просилъ его положить въ стаканъ сахару, третій благословить стаканъ. Такъ почти постоянно поступаютъ всѣ, бывающіе вмѣстѣ съ о. Іоанномъ. Угощая насъ, о. Іоаннъ просилъ насъ не стѣсняться и кушать все предложенное намъ радушными гостепріимными хозяевами. При этомъ онъ высказалъ весьма замѣчательный взглядъ на пищу. „Многіе,—говорилъ онъ,—гордятся хорошей трапезой, столомъ и, кушая богатыя яства, какъ бы священнодѣйствуютъ. Пища для нихъ является какимъ то божествомъ, предъ которымъ они преклоняются, которому они служатъ. Но что выше: человѣкъ или пища? Конечно, человѣкъ. Все истлѣетъ, все уничтожится, только останется существовать одинъ человѣкъ. Поэтому мы должны не благоговѣть предъ пищей, какова бы она ни была по качеству, а смотрѣть на нее какъ бы свысока. Вкушая самыя лучшія произведенія природы, мы дѣлаемъ имъ честь тѣмъ, что воспринимаемъ ихъ въ себя". При такомъ взглядѣ на пищу, человѣкъ уже не будетъ служить и покланяться рабски ей. И дѣйствительно, при такомъ взглядѣ на пищу, центръ тяжести совершенно перемѣщается. Пища будетъ у ногъ человѣка, какою бы роскошью не отличалась она.

Мы завалили о. Іоанна накупленными карточками, прося подписать ихъ намъ на память. Жалко намъ было о. Іоанна, потому что ему приходилось очень много писать. Но съ другой стороны, каждому изъ насъ хотѣлось привезти карточки своимъ роднымъ и знакомымъ съ его собственноручной подписью. Въ это время о. Іоанномъ, по моей просьбѣ, былъ

подписанъ большой портретъ, предназначенный одному профессору нашей Академіи, котораго я особо глубоко чтилъ и уважалъ. Конечно, этотъ портретъ я доставилъ по назначенію.

Удовлетворивъ добрую половину нашихъ просьбъ, о. Іоаннъ оставилъ насъ, чтобы самому идти къ народу, который тамъ на улицѣ терпѣливо ждалъ его. Мы почти вслѣдъ за нимъ отправились на нашу квартиру, гдѣ онъ обѣщался посѣтить и насъ. Когда мы пришли на свою квартиру, то всѣ комнаты уже были полны народомъ. Собравшіеся были въ напряженномъ состояніи. И понятно—почему. Скоро они будутъ говорить „усты къ устамъ“ съ нимъ. Скоро они будутъ прикасаться къ его одеждѣ, слышать его голосъ, обращенный къ тому или другому въ частности, опредѣляющій личное горе каждаго человѣка. Никто изъ нихъ не видалъ еще такъ близко дорогого батюшку, какъ скоро они должны были увидѣть его. Такая близость какъ то невольно наэлектризовывала всѣхъ. У воротъ нашего дома стояла большая толпа, которую полицейскіе не пускали во дворъ. Иначе произошла бы страшная давка и никто бы ничего не увидалъ и ни о чемъ не успѣлъ бы спросить добраго батюшку. Намъ недолго пришлось ждать дорогого батюшку. Раздалось знакомое „ѣдетъ“, и мы всѣ бросились снова встрѣчать о. Іоанна. Подхватили его съ коляски подъ руки, стали протискиваться вмѣстѣ съ нимъ черезъ толпу. Видя наше усердіе, о. Іоаннъ улыбался и, шутя добродушно, говорилъ:

— Тѣсными вратами и узкимъ путемъ приходится входить къ вамъ.

Началась снова бесѣда; посыпались опять вопросъ за вопросомъ. Каждый спѣшилъ спросить, о чемъ не успѣлъ спросить о. Іоанна въ фотографіи. О. Іоаннъ по прежнему охотно отвѣчалъ намъ всѣмъ. Мы показали ему въ это время письмо одного нашего знакомаго, зараженнаго духомъ штундизма и толстовства. Будучи искреннимъ человѣкомъ, онъ горячо просилъ у о. Іоанна разрѣшенія своихъ недоумѣній. О. Іоаннъ началъ читать въ слухъ все это длинное посланіе. Въ немъ говорилось о бездушности нашего богослуженія, о его отрѣшенности и отъединенности отъ дѣйствительности жизни, о необходимости реформировать всю нашу жизнь, прибли-

зить ее къ жизни сектантовъ, отличающейся строгостью нравовъ, богатствомъ, благими начинаніями и многими другими свѣтлыми сторонами. Много было при этомъ высказано о. Іоанномъ замѣчательнаго и достойнаго вниманія. Много глубокихъ, жизненныхъ и весьма правдивыхъ замѣчаній. Онъ говорилъ о великомъ значеніи нашего богослуженія, того самаго богослуженія, которое юный скептикъ такъ старательно отрицалъ, о значеніи великомъ, безпримѣрномъ христіанскаго храма. О. Іоаннъ говорилъ:

— Въ храмѣ предлагается высшая школа дѣйствительной, высокой, благородной, полезной и благотворной жизни человѣка. Церковныя наши пѣснопѣнія — это восторженные. побѣдные гимны христіанъ. Въ нихъ воспѣвается не пустошь, а борьба и побѣда мучениковъ, подвижниковъ, пастырей, мірянъ надъ царящимъ въ мірѣ зломъ. Въ нихъ начертывается свѣтлый, могучій, святой идеалъ христіанской жизни,—идеалъ, который невольно влечетъ къ себѣ всякую душу, отзывчивую на все доброе, святое, честное, благородное и возвышенное. Эти гимны—лучшая христіанская поэзія. Голосъ церковныхъ чтеній, пѣсней, молитвъ и моленій, — это голосъ душъ нашихъ, излившійся отъ сознанія и чувства нашихъ духовныхъ нуждъ и потребностей. Это лучшій голосъ всего человѣчества, сознающаго и чувствующаго свою бѣдность, свое окаянство, свою грѣховность, свою нужду въ Спасителѣ, нужду въ благодареніи и славословіи за безчисленныя благодѣянія и безконечныя совершенства Божіи. Чудны эти молитвы и пѣсни; онѣ—дыханіе Духа Святаго! Но бѣда вся въ томъ, что онѣ часто достигаютъ только до нашего слуха, не проникая во внутреннѣйшее святилище наше. Если бы мы были болѣе внимательны въ храмѣ, какими бы чудными намъ казались и всѣ наши пѣснопѣнія, постоянно, сколько бы разъ мы не слушали ихъ. Говорю—постоянно. Кто слушаетъ внимательно церковныя пѣснопѣнія, тотъ каждый разъ будетъ находить въ нихъ все новый и новый смыслъ. Не только въ цѣломъ пѣснопѣніи онъ будетъ открывать новыя глубокія мысли, но и въ каждомъ отдѣльномъ выраженіи ихъ. Я испыталъ это не одинъ разъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ прогрессистовъ почитаютъ церковь врагомъ для себя. Но если есть кто любвеобильнѣе, благожелательнѣе и мудрѣе въ своей любви къ людямъ, то

это церковь. Все, что есть сообразнѣйшаго съ нашей природой и благопотребнѣйшаго для нея,—все это заключается въ церкви, какъ сокровищницѣ, подобно тому какъ въ Евангеліи заключены глаголы Живота. Церковь есть истиная мать всего человѣчества, право вѣрующаго во Христа, самый вѣрный другъ христіанъ. Она сочувствуетъ и отвѣчаетъ всѣмъ существеннымъ потребностямъ души и тѣла христіанина дѣятельнымъ пособіемъ или подаяніемъ помощи силою Господа. Наша вѣра и церковь подобна почтеннѣйшей, святой, богомудрой, нестарѣющейся старицѣ, — въ которой всегда живетъ юный, живой и оживляющій всѣхъ вѣрныхъ чадъ ея духъ. Какъ предъ старцами мы всегда держимъ себя съ великимъ почтеніемъ, уважая ихъ сѣдины и мудрость—плодъ вѣковой опытности, и каждое ихъ слово высоко цѣнимъ и прилагаемъ къ жизни, такъ особенно должны почитать церковь, благоговѣть предъ ея святостью, древностью, непоколебимой твердостью, предъ ея богопросвѣщенной мудростью и духовною опытностью, предъ душеспасительными ея заповѣдями и постановленіями, ея богослужеженіемъ, таинствами и обрядами.

Есть ли на землѣ мѣсто выше, святѣе, благотворнѣе, какъ храмъ Божій? Нѣтъ. Христіанинъ безъ церкви, какъ рыба безъ воды, не можетъ жить истинною жизнію: церковь его стихія. Всей душей люби храмъ, благоговѣй предъ нимъ, ибо изъ него исходитъ твоя жизнь, твое освященіе, твоя сила, помощь, слава, честь, изъ него—вѣчная жизнь: тутъ всѣ твои духовныя сокровища. О, святая невѣста Христа, мать наша, Церковь Божія! Ты день и ночь носишь въ матерней груди чадъ своихъ всѣхъ, начиная съ іерарха до клирика и простолюдина, съ Царя до воина и простого подданнаго. Ты о всѣхъ печешься и болѣзнуешь, о всякихъ благахъ ходатайствуешь: о благораствореніи воздуха, изобиліи плодовъ земныхъ, о избавленіи отъ скорби и нужды, о заступленіи, помилованіи и сохраненіи благодатію. Какъ не почитать церковь уже за то одно, что она спасла въ нѣдрахъ своихъ несмѣтное число людей, переселивъ ихъ въ мѣсто вѣчнаго покоя и радости и, не забывая ихъ по преставленіи, оглашаетъ ихъ донынѣ на землѣ вѣчною хвалою и прославленіемъ ихъ доблестей, какъ вѣрныхъ чадъ своихъ! Гдѣ вы найдете болѣе признательнаго друга, болѣе нѣжную мать?

Церковь—Божіе, какъ бы великое, святое семейство, въ которомъ—Отецъ Богъ, Матерь наша—Пресвятая Богородица, Матерь Господа Іисуса Христа, старшіе братья — ангелы и святые человѣки, и мы всѣ—братья единоутробные, порожденные церковію въ одной купели крещенія.

Какъ прекрасна, глубоко продуманна, воспитательна и самая обстановка православнаго храма! Что въ сравненіи съ нимъ всѣ молитвенные домы, какіе гдѣ-либо только существуютъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ святомъ, высокомъ обществѣ видитъ себя христіанинъ въ храмѣ, окруженный ликами св. ангеловъ и св. угодниковъ! Взираю на иконы въ храмѣ: на Твою икону, Господи, на икону Пречистой Матери Твоей, св. ангеловъ, архангеловъ, на лики святыхъ, украшенные золотомъ и серебромъ, и думаю самъ въ себѣ: какъ Ты почтилъ и украсилъ наше естество! Твоимъ свѣтомъ сіяютъ святые Твои, Твоею благодатію они святы, побѣдивъ грѣховность и отмывъ грѣховныя скверны плоти и духа; Твоею славою они славны, Твоимъ нетлѣніемъ они нетлѣнны. Слава Тебѣ, толико почтившему, просвѣтившему и возвеличившему наше естество! Вотъ Твои апостолы и іерархи, живые образы Тебя, верховнаго, прошедшаго небеса Посланника Отчаго, Іерарха и Пастыреначальника. Твоя доброта, Твоя премудрость, Твоя сила, красота духовная, власть, величіе, святыня въ нихъ сіяетъ. Вотъ мученики Твои, Твоею силою одолѣвшіе страшныя мученія, въ Твоей крови они убѣлили одежды душъ своихъ. Вотъ преподобные Твои, постомъ, бдѣніемъ, молитвою пріявшіе чудесные дары Твои, дары исцѣленій, прозорливости. Твоя сила укрѣпила ихъ стать выше грѣха и всѣхъ демонскихъ козней. Твое подобіе сіяетъ въ нихъ, какъ солнце. Въ храмѣ, его расположеніи и частяхъ, въ иконахъ, богослуженіи съ чтеніемъ св. писаній, пѣніемъ, обрядами начертана образно, какъ на картѣ, въ лицахъ, въ общихъ чертахъ, вся ветхозавѣтная, новозавѣтная церковная исторія, все божественное домостроительство человѣческаго спасенія. Величественно зрѣлище богослуженія нашей православной церкви для тѣхъ, кто понимаетъ его, кто вникаетъ въ его сущность, духъ, значеніе, смыслъ.

Итакъ, каждый изъ насъ— членъ церкви, той самой, къ которой принадлежатъ и эти святые. Стоя въ храмѣ, окру-

женный ликами столь великихъ и святыхъ людей, носителями и выразителями правды жизни, свѣточами всего человѣчества, христіанинъ какъ бы находится на самомъ небѣ. Онъ непосредственно примыкаетъ къ сонму святыхъ людей. Между небомъ и землей уже какъ бы устраняется всякое средостѣніе. Младшіе естественно обязаны почтеніемъ къ старшимъ, естественно подчинены имъ, какъ несовершенные, просятъ у старшихъ молитвъ за себя у Бога. Какое сильное побужденіе къ нравственному измѣненію и стремленію къ той же нестарѣющейся жизни, къ какой стремились и они, и достигли! Церковь — надежная дорога къ вѣчному животу. Иди по ней неуклонно, держись ея—и дойдешь до небеснаго царствія. Если уклонишься на распутія своемудрія и невѣрія, пеняй тогда самъ на себя: ты заблудишься и погибнешь. „Азъ есмь истина, путь и животъ“ (Іоан. 14, 6),—говоритъ Спаситель. У насъ только одна спасительная дверь, которой проходятъ люди въ царство истины, добра, свѣта, небесной красоты,—это Христосъ. Наше богослуженіе не только не отрѣшено, не отъединено отъ дѣйствительной жизни, но и связано съ нею такими узами, о какихъ многіе и не подозрѣваютъ. Своимъ богослуженіемъ православная церковь воспитываетъ всѣхъ насъ въ гражданъ земныхъ и небесныхъ. Жизнь — вѣчно волнующееся море, а церковь — вѣчно тихая пристань. Въ благоустроенной пристани все найдется для всякаго пловца; и въ церкви все заключено, что нужно человѣку для его разумной и добродѣтельной жизни. Пусть мѣняются люди, появляются на свѣтъ новыя поколѣнія, пусть возникаютъ разнообразнѣйшія ученія, пусть люди успѣваютъ во внѣшнемъ прогрессѣ, они всетаки никогда не опередятъ своимъ развитіемъ церкви, потому что ея духовныя богатства неистощимы и вѣчны. Потому надо неотложно, разумно,. благоговѣйно и охотно посѣщать богослуженіе, особенно въ праздничные дни, участвовать въ таинствахъ покаянія и причащенія, внимательно относиться ко всѣмъ установленіямъ и канонамъ церкви. А удаляющіеся отъ церкви и богослуженія дѣлаются жертвою своихъ страстей и погибаютъ. Въ храмѣ мы научаемся вѣрности, мужеству,. терпѣнію, кротости, незлобію, смиренію, нестяжательности, воздержанію, чистотѣ, цѣломудрію, самоотверженію, безропотному перенесенію всѣхъ скорбей, любви не только къ

ближнимъ, но и къ врагамъ своимъ, научаемся и другимъ многоразличнымъ добродѣтелямъ.

Богослуженіе всегда бодритъ и живитъ меня, — продолжалъ о. Іоаннъ. Оно даетъ мнѣ силы переносить все, что я ни встрѣчаю на своемъ жизненномъ пути. Благодарю всеблагую, всесвятую премудрую матерь мою—церковь Божію, спасительно руководствующую меня въ этомъ временномъ житіи и воспитывающую меня для гражданства небеснаго; благодарю ее за всѣ чины молитвъ, богослуженія, таинствъ, обрядовъ. Благодарю ее за посты, столь для меня благодѣтельные въ духовномъ и тѣлесномъ отношеніи. Чрезъ нихъ я здравъ духомъ и тѣломъ, покоенъ, бодръ, легокъ. Безъ поста мнѣ было бы крайне тяжело, какъ это испытано не во время поста. Благодарю непорочную матерь мою, церковь Божію, восхищающую меня небеснымъ своимъ служеніемъ, восторгающую горѣ, къ небеси духъ мой, просвѣщающую умъ мой небесною истиною, указывающую мнѣ пути живота вѣчнаго, избавляющую отъ насилія и безчестія страстей, дѣлающую жизнь мою блаженною.

Велика Твоя любовь, Господи! Ты всего Себя истощилъ ради любве ко мнѣ. Взираю на крестъ и дивлюсь Твоей любви ко мнѣ и къ міру, потому что крестъ есть наглядный отпечатокъ Твоей любви къ намъ. „Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя". Твои животворящія Тайны, Господи, также служатъ всегдашнимъ громкимъ доказательствомъ Твоей къ намъ грѣшнымъ любви, ибо это божественное Тѣло Твое было за меня, за всѣхъ насъ ломимо; эта кровь за меня, за всѣхъ насъ изливалась. Господи! славлю чудеса св. Таинъ Твоихъ надъ вѣрными Твоими, которымъ я преподавалъ оныя. Славлю исцѣленія безчисленныя, которымъ я былъ свидѣтелемъ. Славлю дѣйствіе ихъ во мнѣ всеспасительное. Славлю Твое милосердіе ко мнѣ, въ нихъ и черезъ нихъ мнѣ являемое, силу Твою животворную, въ нихъ дѣйствующую. Господи! за толикую любовь Твою ко мнѣ какъ не любить Тебя отъ всего сердца моего, ближняго, какъ самого себя, любить не только любящихъ меня, но и враговъ моихъ? О, если бы все мы это постигали, какъ мало было бы у насъ отщепенцевъ, какъ всѣ мы любили бы и чтили св. храмъ Божій, какъ мало бы говорили о прелести жизни людей, оставившихъ

лоно Христовой церкви! Если бы сектанты и невѣрующіе поняли высоту и красоту христіанскаго идеала и нашего богослуженія, то они устремились бы всѣ опять въ наши храмы, забывъ свои молитвенные домы и своихъ лжепастырей руководителей.

Далѣе о. Іоаннъ говорилъ намъ о только что совершенномъ имъ богослуженіи, о той необыкновенной радости, какою оно наполняетъ душу священнослужителя, о той мощи, какую оно даетъ всякому молящемуся. Заходила рѣчь о массахъ народа, бывшаго нынѣ въ храмѣ, и о возможномъ здѣсь вліяніи на него пастырей, о неподозрѣваемой многими великой силѣ пастырства, съ которой не можетъ сравниться никакая другая сила въ мірѣ. Говорилъ объ условіяхъ пастырства и подвига въ настоящее время. „Жизнь не худа и теперь. Условія жизни одни и тѣ же, и люди одни и тѣ же, что были раньше; только надо намъ трудиться и нести тотъ же подвигъ, какой несли первохристіане. И въ далекомъ будущемъ жизнь нисколько не измѣнится. Труженики и дѣятели всегда возможны и всегда будутъ всѣми привѣтствуемы. Говорю опять, только нужно трудиться и работать надъ собою день и ночь. Царство Божіе на землѣ, внутрь насъ, а не гдѣ-то тамъ въ далекихъ пространствахъ солнцъ и созвѣздій, не на какихъ то таинственныхъ, намъ невѣдомыхъ островахъ“.

О. Іоаннъ далъ отвѣты и на всѣ другія недоумѣнія, какія высказывалъ въ своемъ письмѣ къ нему нашъ юный совопросникъ. Отвѣты поражали насъ ясностью, жизненностію и правдивостью. Мы всѣ восторгались ими. И нельзя было не удивляться, когда съ поразительной простотой и легкостью разрѣшались всѣ коллизіи, повидимому, неразрѣшимыя, устранялись и разбивались въ прахъ всѣ силлогизмы, повидимому, самые несокрушимые. Въ каждомъ словѣ его слышалась поразительно глубокая вѣра: мы слушали „не препретельныя слова“, а видѣли „явленіе духа и силы“. Такое слово невольно, какъ то мистически увлекаетъ слушателей и настраиваетъ ихъ на новый тонъ. Люди, владѣющіе подобнымъ словомъ, — вожди народа и полновластные владыки душъ и сердецъ человѣческихъ!...

Въ то время, какъ мы говорили съ о. Іоанномъ, радушная и гостепріимная хозяйка приготовила небольшую тра-

пезу и просила о. Іоанна благословить ее. Какъ ни торопился о. Іоаннъ, однако согласился еще нѣсколько минуть провести вмѣстѣ съ нами. Какъ и у П. П. Шаумана, онъ ласково угощалъ всѣхъ насъ дарами своихъ почитательницъ. На столѣ оказалась одна рюмка, а насъ было много. Батюшка скоро вышелъ изъ этого затрудненія.

— Господа, у насъ съ вами одна жизненная чаша: и на столѣ стоитъ одна чаша. Давайте и выпьемъ изъ одной чаши,—сказалъ онъ.

Налилъ себѣ рюмку, отпилъ изъ нея немного и началъ по очереди насъ угощать тѣмъ, что тамъ оставалось, наливая рюмку снова, когда въ ней оставалось уже очень мало. Подходя къ каждому изъ насъ, онъ говорилъ что-либо милое, сердечное, ласковое, доброе. Къ нѣкоторымъ изъ насъ подходилъ два раза, къ другимъ—три. Ко мнѣ подходилъ два раза. Какъ все было здѣсь просто, мило, сердечно и любезно. Потомъ, о. Іоаннъ разрѣзалъ самъ бѣлый хлѣбъ и началъ угощать имъ всѣхъ насъ по очереди. Слышались благословенія, благожеланія. То одна голова, то другая голова юнцовъ исчезала въ объятіяхъ дорогого батюшки. Нѣкоторыхъ онъ цѣловалъ въ лобъ, въ голову. Какъ хорошо намъ было тогда. У насъ у всѣхъ была не только какъ бы одна душа, но и какъ бы одно тѣло. Никому изъ насъ не хотѣлось, чтобы эти минуты прекращались хоть когда-нибудь. Но о. Іоанна давно уже поджидали въ сосѣднихъ комнатахъ. Мы отняли у него не мало драгоцѣннаго времени. Какъ ни пріятно было намъ, а пора была и прощаться съ нами. Благословивъ еще разъ насъ, о. Іоаннъ вышелъ отъ насъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ его ждали люди, пришедшіе и пріѣхавшіе отовсюду, здоровые и больные, скорбящіе и радостные, богатые и бѣдные. Черезъ полузатворенныя двери видно было, какъ каждый старался какъ можно ближе подойти къ батюшкѣ и передать ему свое горе.

Вотъ одна женщина спрашиваетъ:

— Батюшка, обижаютъ меня дома, некуда головы мнѣ приклонить!

— Кто обижаетъ? говоритъ о. Іоаннъ.

— Домашніе, батюшка!

— Иди домой, помирись. Больше,—дастъ Богъ, — не будутъ обижать.

Женщина съ глубокою вѣрой выслушиваетъ эти слова и идетъ домой совершенно успокоенной.

Другая спрашиваетъ:

— Сынъ пропалъ у меня, родимый, какъ молиться мнѣ за него, за здравіе или за упокой?

— Домой иди,—сказалъ о. Іоаннъ,—тамъ увидишь.

Третья проситъ батюшку благословить ея дочь, которую она просватала:

— Богъ благословитъ,—сказалъ о. Іоаннъ. Былъ бы мужъ богобоязненный и добрый, любилъ бы ее, а тебя почиталъ.

Кто-то спросилъ, итти ли ему въ монастырь.

Батюшка подробно справился, кто онъ, подумалъ ли прежде, чѣмъ рѣшаться на такой шагъ, разспросилъ о семейныхъ обстоятельствахъ его, затѣмъ благословилъ идти въ ближайшую обитель.

Вопросовъ подобныхъ предлагалось очень много, и на всѣ о. Іоаннъ находилъ что сказать: плачущихъ утѣшалъ, больнымъ давалъ совѣты, всѣхъ благословлялъ, прибавляя:

— Богъ благословитъ, буди вамъ по вѣрѣ вашей!

Слова о. Іоанна глубоко западали въ душу каждаго,—это было видно по лицамъ людей, слушавшихъ съ полнымъ умиленіемъ дорогіе совѣты батюшки. Точно обновленнымъ отходилъ отъ него всякій изъ нихъ. Это все обычныя сцены въ домахъ, какіе посѣщаетъ о. Іоаннъ.

Вотъ какъ описываетъ ихъ еще одинъ очевидецъ.

— Батюшка, причитала женщина, низко кланяясь,—племянникъ мой, сапожникъ, о которомъ я вамъ онамеднясь докладывала.. Пьетъ безъ просыпу, то есть жаднѣе на водку, чѣмъ овца на зелень. И до тѣхъ поръ, говоритъ, буду испивать, пока батюшка не благословитъ снять съ него мѣрку для сапогъ... Какъ, говоритъ, сниму съ него мѣрку—такъ, говоритъ, и всю болѣзнь съ меня разомъ сниметъ!..

— Ну, ладно, снимай! сказалъ батюшка.

Субъектъ съ фіолетовымъ носомъ, захлебываясь отъ восторга, сталъ снимать мѣрку.

— Батюшка, дорогой, прими ты мое смиренное приношеніе!—Запричитала странница. Сподобилъ меня Господь къ Святымъ Угодникамъ сходить, о твоемъ здоровьи въ каждомъ мѣстѣ по просфорѣ подать... Вотъ эту вынула о твоемъ здравіи у Тихона Задонскаго... Вотъ эту у Тихона Ка-

лужскаго... А вотъ тае двѣ у Троице-Сергія и въ Кіевской Лаврѣ... Батюшка, прими, батюшка, не оставь,—со слезами заключила она.

Отецъ Іоаннъ принялъ тарелку съ просфорами, поставилъ ее на столъ возлѣ себя и улыбнулся ясной и веселой улыбкой.

— Ну, спасибо, милая, за труды, спасибо!—ласково проговорилъ онъ.

Вотъ двѣ старыя дѣвы. У каждой изъ нихъ было въ рукахъ по большому пакету. Торопливо развернувъ пакеты, одна поднесла отцу Іоанну два шитыхъ шелками „воздуха" для причастной чаши, а другая—богато изукрашенный покровъ для Плащаницы. Обѣ все время низко кланялись.

— Батюшка, благословите принести въ даръ Андреевскому собору отъ грѣшныхъ трудовъ! заговорила взволнованно первая сестрица съ „воздухами".

— Батюшка! заторопилась вторая сестрица „съ покровомъ", перебивая первую, благословите и мнѣ пожертвовать храму вашему! Тоже все сама сработала по обѣщанію!.. Батюшка, дорогой, не оставьте!..

Батюшка благословилъ обѣихъ сестрицъ и полуукоризненно покачалъ головой..

— Голубушки мои, спасибо! Только вѣдь ничего не надо вашему собору—богатъ онъ и такъ. Благодареніе Господу, всего у него теперь въ полномъ достаткѣ. Вотъ, ежели въ какое бѣдное село послать ваше рукодѣліе,—это дѣло иное! Не мало еще по нашимъ деревнямъ бѣдныхъ храмовъ,—тамъ это куда какъ пригодится!..

— Какъ батюшка соизволишь—такъ тому и быть,—заголосили растроганно сестрицы.

— Изъ Рыбинска... на пострадавшихъ отъ неурожая! съ трудомъ переводя дыханіе, проговорилъ краснощекій парень.

— А! произнесъ отецъ Іоаннъ тѣмъ тономъ, который показывалъ, что онъ отлично зналъ, отъ кого исходило пожертвованіе и, протянувъ пакетъ расторопному псаломщику, проговорилъ:

— Иванъ Павловичъ, прими! [1])

Растроганный до глубины души всѣмъ, что только что

---

[1]) *Нива.* 1892 г. Кн. 10. „У о. Іоанна Кронштадтскаго".

видѣлъ, слышалъ, ощутилъ своимъ сердцемъ, я вышелъ во дворъ. Былъ прекраснѣйшій солнечный день. Воздухъ обильно напоенъ свѣжестью всюду кругомъ распускающейся зелени. Было какъ то необыкновенно мягко, тепло. За воротами, которыя были заперты, раздавались голоса людей, поджидавшихъ батюшку. Когда я стоялъ въ глубокой задумчивости, перебирая въ своей памяти все видѣнное мною, недалеко отъ меня что-то промелькнуло въ воздухѣ. Это что то такъ быстро пронеслось мимо меня, что я не успѣлъ даже ясно различить его очертаній. Я пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ вслѣдъ за этимъ аэролитомъ послышался глухой звукъ отъ паденія этого „чего-то" на сырую землю. Что же оказалось? Когда я подходилъ къ тому мѣсту, то увидѣлъ поднимающагося съ земли паломника съ котомкой за плечами, обутаго въ лапти. Бѣдному такъ хотѣлось проникнуть въ огражденный дворъ, что онъ, не имѣя возможности проникнуть въ него вратами, рѣшилъ „прелазить инудѣ". Забрался на дерево, съ него хотѣлъ перебраться чрезъ заборъ, но какъ то оступился и спутешествовалъ неожиданнымъ способомъ на землю, успѣвши только перевернуться въ воздухѣ съ своей котомкой. За то скоро...

О. Іоаннъ ѣдетъ.

О. Іоаннъ уже выходилъ изъ нашего дома, окруженный народомъ и залитый весь солнечнымъ свѣтомъ. Лицо его казалось озабоченнымъ, взоръ устремленъ куда-то вдаль.

Онъ какъ бы не видѣлъ толпы. Всѣ тѣснились къ нему, ловили его руки, хватали его за полы рясы, въ нѣсколько голосовъ спрашивали его, другіе о чемъ-то горячо молили. Все это обычныя сцены тамъ, гдѣ появляется о. Іоаннъ. Батюшка не только благословлялъ и подавалъ духовную милостыню бѣднымъ страдальцамъ и мученикамъ жизни, но и многихъ надѣлялъ щедро вещественною милостынею. Наконецъ, мы усадили дорогого батюшку. Распахнулись ворота, сильная рѣзвая лошадь быстро покатила пролетку. Мы долго провожали глазами дорогого гостя. За нимъ бѣжала пестрая толпа, окружая его коляску со всѣхъ сторонъ. Словно это была какая особая почетная стража. Отъ быстраго бѣга у бѣжавшихъ болтались за плечами сумки, слетали шапки, платки, трепались волосы. Сначала многіе ничуть не отставали отъ лошади, окружая по прежнему коляску со всѣхъ сторонъ. Потомъ толпа начала рѣдѣть. Многіе стали понемногу отставать и возвращаться обратно. Но было нѣсколько такихъ скороходовъ, которые не отставали отъ лошади ни на одинъ вершокъ. О. Іоаннъ скрылся отъ насъ, окруженный этими своими хотя уже немногими, но весьма усердными спутниками.

Говорятъ, что такое усердіе до слезъ трогаетъ о. Іоанна, и онъ иногда останавливается среди дороги, чтобы обласкать бѣгущихъ за нимъ. Мнѣ казалось сначала очень жестокимъ со стороны о. Іоанна не обращать вниманія на столь усердствующую толпу и не идти на встрѣчу ея горячимъ желаніямъ. Но потомъ я понялъ, что только одна глубокая любовь къ людямъ вынуждаетъ его такъ поступать въ эти минуты. Если бы онъ сталъ останавливаться вездѣ и всюду, то и сотой части не посѣтилъ бы тѣхъ больныхъ и несчастныхъ, которые вездѣ ожидаютъ его, не успѣлъ бы хотя бы по два, по три слова сказать тысячамъ людей, пришедшихъ къ нему отовсюду. Мнѣ вспомнился въ эти минуты невольно одинъ разсказъ. Одинъ свѣтскій человѣкъ говорилъ одному архипастырю, что апостолы ходили пѣшкомъ, а нынѣшніе архипастыри ѣздятъ на четвернѣ въ каретахъ. Архипастырь остроумно замѣтилъ своему собесѣднику, что тогда паства сама бѣжала за пастырями, а теперь ее и на четвернѣ не догонишь. За о. Іоанномъ и теперь, далеко не въ первохристіанскія времена, слѣдуетъ столько

народа, что онъ принужденъ бываетъ даже бѣжать отъ толпы на самой быстрой лошади, чтобы не быть ею взятымъ совершенно въ плѣнъ.

Многіе и изъ посторонниxъ,—слыхалъ я,—ставятъ отцу Іоанну въ вину его популярность. Но вотъ вопросъ: ищетъ ли онъ ея? Не ищетъ и не искалъ. Напротивъ, онъ вездѣ и всегда избѣгаетъ всякаго проявленія благодарности, прячется отъ разныхъ депутацій и народныхъ демонстрацій. При видѣ встрѣчающей его тысячной толпы, онъ неоднократно говорилъ:

— Что мнѣ съ ними дѣлать? Научите, куда отъ нихъ укрыться...

Пробовалъ о. Іоаннъ просить своихъ почитателей съ церковной каѳедры держать себя скромнѣе и не устраивать ему тріумфовъ. Въ рѣдкихъ бесѣдахъ съ представителями печати онъ просто чуть не умолялъ ихъ не печатать о случаяхъ исцѣленія его молитвами и вообще не писать о его дѣятельности. Наконецъ, придумывалъ онъ разные потаенные входы и выходы, но все напрасно! Чѣмъ больше избѣгалъ онъ огласки и популярности, тѣмъ больше его преслѣдовали. Въ концѣ концевъ, махнувъ на все рукою, онъ сдѣлался совершенно равнодушенъ ко всему окружающему и не замѣчаетъ, кажется, что происходитъ вокругъ. Затрутъ ли его толпой, онъ будетъ стоять и ждать, пока кто нибудь не высвободитъ его, или сами осаждающіе не сдѣлаются снисходительнѣе. Встрѣчаютъ ли, провожаютъ ли его, онъ раскланивается, терпѣливо все выслушиваетъ и какъ посторонній свидѣтель идетъ далѣе своею дорогою. За всѣ 35 лѣтъ священнослуженія, отецъ Іоаннъ не только ни разу не вызвалъ какой-либо демонстраціи, но не далъ даже малѣйшаго повода заподозрить его въ желаніи стать предметомъ демонстративнаго чествованія. Мало того, когда онъ замѣчалъ только желаніе съ чьей либо стороны эксплоатировать его популярность, онъ рѣзко и рѣшительно порывалъ съ такими свои отношенія [1]).

Куда же такъ стремительно теперь ѣхалъ о. Іоаннъ?

Многихъ ждалъ дневной покой, только не ждалъ онъ о. Іоанна. И мало потрудившіеся отдыхали въ полдень,

---

[1]) Тамъ же.

только некогда было отдыхать о. Іоанну. Его съ нетерпѣніемъ ждали пріѣхавшіе издалека и остановившіеся въ Домѣ Трудолюбія, на частныхъ квартирахъ, въ гостинницахъ. А пріѣзжающихъ иногда бываетъ такъ много, что они ютятся даже на чердакахъ, сѣновалахъ, паперти собора. Никакія квартиры не могутъ всѣхъ ихъ вмѣстить. Всѣхъ нужно было посѣтить, всѣмъ сказать слово ласки, утѣшенія, ободренія, оказать помощь матеріальную и, можетъ быть, другую, болѣе важную и иногда болѣе нужную и цѣнную... А вечеромъ, не заходя домой, онъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ его многіе также ожидали, и тамъ нужны были и его молитва, и его помощь, и его слово ласки, ободренія и утѣшенія.

Если бы мы могли присутствовать и тамъ вмѣстѣ съ о. Іоанномъ, то увидали бы не мало незабвенныхъ сценъ. Вотъ что говоритъ, наприм., одинъ очевидецъ.

— Въ числѣ другихъ лицъ я имѣлъ утѣшеніе присутствовать на домашней молитвѣ о. Іоанна въ одной знакомой мнѣ семьѣ.

Былъ поздній вечеръ. Среди толпы молящихся то вырисовывались, при слабомъ освѣщеніи просторной залы, знакомыя и незнакомыя лица, то стушевывались въ темныхъ пятнахъ угловъ. У освѣщеннаго столика съ освященной водой ярко виднѣлась фигура пастыря и отчетливо раздавалась его вдохновенная молитва — импровизація. О. Іоаннъ напоминалъ намъ, что, гдѣ мы собираемся во имя Христа,—тамъ и Онъ посреди насъ, готовый услышать нашу молитву. Батюшка призывалъ милость и помощь Божію во всѣхъ нашихъ нуждахъ —тѣлесныхъ и духовныхъ. Онъ не позабылъ, что въ числѣ молящихся находятся и дѣятели печатнаго слова, и просилъ для нихъ дара разумѣнія правды...

По окончаніи молитвы о. Іоаннъ присѣлъ отдохнуть у стола, гдѣ заботливая хозяйка дома непремѣнно желала угостить и батюшку и насъ, толпой окружавшихъ его, прислушивавшихся къ каждому его слову [1]).

Потомъ, мы видимъ его переходящимъ изъ дома въ домъ. Начинается восхожденіе по лѣстницамъ 4-хъ и 5-ти этаж-

---

[1]) *Московск. Вѣдомости* 1900 г. Дек. м.

ныхъ домовъ, спусканіе въ темные и сырые подвалы къ жаждущимъ слышать его слово и молиться съ нимъ. И такой трудъ приходится человѣку въ 70 лѣтъ. Если изъ Петербурга не увезутъ куда батюшку на край свѣта, то онъ вернется домой опять лишь только въ первомъ часу ночи.

Но часто изъ Петербурга ему приходится ѣхать въ другой городъ. Иногда онъ цѣлыхъ двѣ недѣли не можетъ возвратиться домой. И это не утомляетъ его. Въ газетѣ „Котлинъ“ мы, наприм., читаемъ о немъ слѣдующее.

15-го октября, протоіерей І. И. Сергіевъ возвратился въ Петербургъ изъ своего двухнедѣльнаго путешествія, посѣтивъ Москву, Нижній Новгородъ, Царицынъ, Астрахань, Харьковъ и др. города. Не смотря на столь продолжительное и, казалось бы, утомительное путешествіе, такъ какъ вездѣ встрѣчали и провожали его громадныя массы народа и весьма многіе съ нетерпѣніемъ ждали его совѣта, утѣшенія или благословенія, высокочтимый о. протоіерей возвратился бодрымъ, жизнерадостнымъ и прямо съ вокзала желѣзной дороги прослѣдовалъ въ церковь Леушинскаго подворья, гдѣ служилъ литургію. Церковь была полна богомольцевъ, которымъ о. Іоаннъ сказалъ назидательное слово.

Поздно вечеромъ 15-го октября, высокочтимый о. Іоаннъ успѣлъ прибыть въ Кронштадтъ, къ себѣ на квартиру. Не смотря на поздній часъ и дождевую погоду, по Андреевской улицѣ и въ особенности у воротъ церковнаго дома, стояла толпа народа въ ожиданіи своего любимаго батюшки. Въ 12 часовъ ночи онъ пріѣхалъ, встрѣченный радостными привѣтствіями. А 16-го октября, въ 6 часовъ утра, о. Іоаннъ уже былъ въ соборѣ бодрый, моложавый и громкимъ голосомъ читалъ и пѣлъ канонъ. За ранней обѣдней, совершенной о. Іоанномъ въ сослуженіи 5 священниковъ, 2 діаконовъ, онъ сказалъ предъ причащеніемъ слово въ объясненіе положеннаго на этотъ день Евангелія. Рѣчь любвеобильнаго пастыря была проникнута увѣщаніемъ къ почитающей его паствѣ любить ближнихъ, отрѣшиться отъ корыстолюбія, скупости, себялюбія и прочихъ грѣховъ, и быть достойными имени Христіанина, достойными послѣдователями Христа Сына Божія [1]).

---

[1]) *Котлинъ* 1901 г. № 233. Окт. 17.

Для переѣздовъ о. Іоанна изъ Кронштадта въ Петербургъ и обратно, существуетъ даже особый пароходъ купца П. А. Мотина „Любезный“, отданный во всецѣлое распоряженіе батюшки. Вслѣдствіе этого батюшкѣ никогда не приходится терять напрасно времени въ ожиданіи пароходовъ, отходящихъ съ пристани лишь въ опредѣленные часы и минуты. Тотъ же купецъ зимой возитъ его до берега по льду на саняхъ съ необыкновенной быстротой. На машинѣ о. Іоаннъ ѣдетъ большею частію съ курьерскими поѣздами. Весьма часто для него снаряжается даже особый отдѣльный поѣздъ. Но не смотря и на эти исключительно счастливыя обстоятельства, дающія ему возможность необыкновенно быстро перекочевывать съ одного мѣста на другое, о. Іоаннъ успѣваетъ понемногу,—и то далеко не вездѣ и всюду,—побывать.

Такъ проходитъ день о. Іоанна. Съ ранняго утра и до самой поздней ночи, онъ все на людяхъ и на ногахъ. Жизнь о. Іоанна не дѣлится на общественную и частную, какъ у всѣхъ вообще людей. У него нѣтъ частной, *своей* жизни. Онъ весь и всецѣло принадлежитъ народу. Генералъ, инженеръ, ученый, ораторъ, министръ, возвратившись домой, перестаетъ быть генераломъ, ученымъ, ораторомъ, министромъ. Каждый изъ нихъ въ это время отдается семьѣ, знакомымъ, невиннымъ развлеченіямъ, часамъ отдыха. У о. Іоанна этого не случалось, говорятъ, въ теченіе 35 лѣтъ ни разу. Возвращаясь домой послѣ продолжительнаго и утомительнаго труда, онъ находитъ у себя множество народа, желающаго его видѣть, десятки новыхъ неотложныхъ приглашеній, сотни писемъ и просьбъ.

У каждаго изъ насъ, имѣющихъ свой уголокъ и домашній очагъ, есть опредѣленный часъ для подкрѣпленія себя пищею. Имѣетъ ли такое время о. Іоаннъ? — спрашивалъ я нѣкоторыхъ въ Кронштадтѣ. Говорятъ, завтракать или обѣдать онъ попадаетъ домой въ году всего, можетъ быть, нѣсколько разъ. Гдѣ же онъ обѣдаетъ? Вездѣ и нигдѣ, всегда и, можно сказать, никогда. По причинѣ множества посѣтителей онъ никогда не можетъ назначить часа посѣщенія и никогда почти не можетъ попасть ни на какую вечерю. Поэтому ему приходится терпѣливо довольствоваться малымъ. Тамъ съѣстъ что-либо изъ фруктовъ, здѣсь выпьетъ стаканъ чаю, тутъ скушаетъ кусокъ булки или нѣсколько шту-

чекъ печеній. Нерѣдко случается, что въ теченіе цѣлаго дня ему не приходится подкрѣпиться надлежащимъ образомъ. Но онъ и не ищетъ этого, довольствуясь вполнѣ тѣмъ немногимъ, что Богъ пошлетъ ему тамъ или здѣсь во время дня.

Удивительно мало и спитъ о. Іоаннъ. Далеко даже не всегда 3—4 часа глубокой ночи въ сутки всецѣло принадлежитъ о. Іоанну. Весьма часто онъ проводитъ ихъ въ вагонѣ желѣзной дороги, въ каретѣ, а иногда и совершенно не спитъ. Какой гигантскій трудъ! И этотъ трудъ ему приходится нести не въ теченіе какого-либо одного дня или нѣсколькихъ дней, а въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, годовъ, десятилѣтій. Невольно мнѣ вспомнились въ эти минуты наши постоянныя жалобы на нервы, недосыпаніе, недоѣданіе, на пресловутое переутомленіе. Если бы каждый изъ насъ такъ трудился, какъ трудится о. Іоаннъ, я не знаю, что было бы съ нами и какихъ бы исторій еще не повыдумали бы мы въ свое оправданіе и извиненіе. Можетъ быть, нѣкоторые отъ одного представленія такого труда не выдержали и заболѣли бы. Говорятъ немало о чудесахъ о. Іоанна. Я ихъ не видалъ своими глазами, но разсказамъ о нихъ вполнѣ вѣрю. По моему глубокому убѣжденію, уже одна эта многотрудная жизнь о. Іоанна сама по себѣ представляетъ собою величайшее чудо. Только человѣкъ благодатный можетъ выносить въ теченіе столькихъ лѣтъ такую массу непрерывнаго труда, напряженія, столь много всевозможныхъ лишеній. О, если бы намъ въ теченіе всей своей жизни сдѣлать хотя бы сотую часть того, что дѣлаетъ о. Іоаннъ безъ всякаго, повидимому, труда и усилій. О, какъ мы были бы счастливы тогда!

VI.

Къ вечеру о. Іоаннъ уѣхалъ въ Петербургъ, а мы остались въ Кронштадтѣ. Чтобы не терять напрасно времени, всѣ отправились продолжать нашъ осмотръ города и изученіе обширной паствы о. Іоанна, собравшейся къ нему отовсюду. Мы посѣтили нѣсколько частныхъ квартиръ, на которыхъ обыкновенно останавливаются гости о. Іоанна. Немало успѣли встрѣтить различныхъ людей—мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ—и поговорить съ ними на темы, горячо насъ интересовавшія. Мы собрали за это время не мало различ-

ныхъ и весьма цѣнныхъ свѣдѣній. Теперь мы узнали о томъ, что дѣлается о. Іоанномъ за предѣлами храма и церковной ограды. И опять какая необозримая величественная картина безкорыстной святой и необыкновенно полезной дѣятельности Кронштадтскаго пастыря развернулась предъ нами.

Среди различныхъ недуговъ, которыми болѣютъ многіе изъ современныхъ людей, особенное мѣсто несомнѣнно занимаетъ пьянство.

О. Іоаннъ говоритъ:

— Нѣтъ *зла* столь великаго и гибельнаго, нѣтъ *врага* сильнѣйшаго, какъ народное пьянство. Я видѣлъ добраго и хорошаго семьянина, который спился и съ ножемъ бросался на жену, чуть не зарѣзалъ ея, а жена такая кроткая, добрая. Только одно вино, одно вино превратило этого семьянина въ звѣря. И сколько подобныхъ примѣровъ. Пьянство не только есть непотребство, оно рождаетъ массу другихъ пороковъ и преступленій. Оно развращаетъ цѣлыя деревни, села, города!

Ребенокъ-идіотъ оказывается у отца, пившаго запоемъ. Дитя хронически больное, оказывается, было зашиблено въ пьяномъ видѣ нянькой. Юноша-пьяница оказывается сыномъ пропойцы-отца, жестоко бившаго дѣтей во „хмелю"... Чахоточная мать—жертва пьяныхъ оргій мужа. Разслабленный „25-лѣтній" старецъ—герой безшабашныхъ кутежей. „Нищій-милліонеръ"—часто бывшій мотъ и кутила, спустившій наслѣдство разгуломъ. Кто не борется теперь съ этимъ недугомъ? И правительство, и земство, и частные люди. Устраиваются различныя больницы...

Никто еще не родился пьяницей, а сдѣлался имъ въ жизни,—продолжаетъ о. Іоаннъ. Конечно, часто наслѣдственное предрасположеніе играетъ здѣсь роль, но корень и причина зла кроется внутри, въ насъ самихъ. Если сила вѣры властна настолько, чтобы поднять насъ со смертнаго одра, то она имѣетъ достаточно мощи заставить насъ пить умѣренно, то есть остановиться на той рюмкѣ, послѣ которой мы перестаемъ носить образъ и подобіе Божіе, приближаемся къ животному...

И еще:

— Не бояться, а презирать мы должны врага. Плохой воинъ, который боится встрѣчи съ непріятелемъ. Если ты будешь бѣгать отъ водки, какъ отъ властнаго твоего соблазнителя, то рано или поздно попадешь къ нему въ лапы...

О какихъ поразительныхъ случаяхъ полнаго перерожденія самыхъ падшихъ людей разсказывали намъ въ Кронштадтѣ. Намъ разсказывали о множествѣ горькихъ пьяницъ, которые, по молитвѣ о. Іоанна, возвращались отсюда съ твердой рѣшимостью больше никогда не пить, и свой обѣтъ сохранили до конца дней. Изъ множества подобныхъ примѣровъ мы приведемъ хотя два-три [1]).

Предъ нами стоялъ невозможный оборванецъ.

— Разскажите намъ ваше прошлое, — обратился я къ Б—ву. Это назидательно выслушать тѣмъ, которые еще только-что вступили на вашъ путь.

— Хорошо... Тайны у меня нѣтъ. Слушайте.

Б—въ началъ:

— Я получилъ отъ отца домъ и тысячъ полтораста капитала. Кромѣ того, за женою мнѣ дали триста тысячъ. Кажется, состояніе крупное, и я могъ бы съ такими средствами не только безбѣдно прожить свой вѣкъ, обезпечить семью, но и принести пользу отечеству, какъ гражданинъ, предприниматель, промышленникъ, производитель, капиталистъ... Вѣдь я человѣкъ образованный, былъ на службѣ.

Б—въ задумался. На лбу образовались крупныя складки, на глазахъ выступили слезы.

— Да будутъ прокляты всѣ эти ликеры, редереры и клико! О, о! Съ какою радостью согласился бы я теперь вытянуть всѣ жилы, отдать по каплямъ всю кровь, пожертвовать жизнью, лишь бы вернуть это прошлое, вернуть не столько деньги, сколько пропитую совѣсть, честь, нравственность, силы, бодрость тѣла и духа! Почему теперь? Потому что здѣсь въ Кронштадтѣ, въ этой укромной тихой обители Кронштадтскаго пастыря, открылись мои духовныя очи.

Б—въ стиснулъ зубы. На лицѣ его отразилась нестерпимая мука, та душевная боль, въ сравненіи съ которой страданія физическія кажутся пустяшными.

---

[1]) Изъ опасенія, чтобы не сообщить чего-либо неправдоподобнаго, мы будемъ дальше разсказывать преимущественно о таковыхъ фактахъ, которые уже были обнародованы на страницахъ различныхъ газетъ, журналовъ, брошюръ, и такимъ образомъ уже провѣрены критикой. Приведемъ эти разсказы въ значительномъ сокращеніи. Болѣе подробно читатель можетъ познакомиться съ ними по указаннымъ сочиненіямъ.

— Такъ вотъ я вамъ разскажу... Дононъ, Контанъ, Пивато и „Медвѣдь“ свидѣтели того, что я платилъ по 3 руб. штуку сигаръ и по 2 1/4 руб. за рюмочку стараго вина. Они же свидѣтели, что я отдавалъ, иногда подъ рядъ нѣсколько дней, по 400—600 руб. за обѣдъ или ужинъ „вдвоемъ“. Но этого мало. Я настолько награждалъ подъ пьяную руку своихъ спутниковъ, что приходилось расплачиваться векселями, хотя въ карманѣ меньше 2—3 тысячъ никогда не держалъ. Одинъ ресторраторъ разскажетъ вамъ, какъ шесть дней подъ рядъ я не выходилъ изъ его аппартаментовъ, разумѣется, въ обществѣ милой компаніи. А три мои поѣздки за границу? Лучше не разсказывать подробности! Когда наличныя суммы изсякли и пришлось платить по векселямъ, я заложилъ домъ, но, конечно, нисколько не сократилъ расходовъ. Мнѣ казалось, что иначе нельзя жить. Ну, развѣ могъ я отказать Жозефинѣ въ коляскѣ или Маргаритѣ въ колье? Или перестать посѣщать Донона и Пивато и ходить въ греческія кухмистерскія? Все это невозможно, и я заложилъ подъ вторую закладную, сталъ закладывать бумаги, брилліанты. Такъ протянулъ около года. Но вотъ кредиторы разомъ нагрянули, продали квартиру, вещи, и мы перешли съ женой и съ дѣтьми въ меблированную комнату. Ни средствъ, ни надежды впереди. Сразу я перешелъ на сивуху, сталъ пить запоемъ и со ступеньки на ступеньку дошелъ до ночлежнаго дома,—жена стала ходить стирать поденно.

Б—въ зарыдалъ, и откинулся на спинку стула.

— Боже, Боже, какъ гадко, пошло прожито, но еще гаже и пошлѣе моя кабацкая жизнь. Тутъ я окончательно все потерялъ, и если не сдѣлался воромъ и преступникомъ, то благодаря только вдругъ явившемуся внутреннему влеченію въ Кронштадтъ и какой-то неопредѣленной, смутной надеждѣ на что-то лучшее, на помощь и избавленіе по молитвѣ отца Іоанна.

— Что же побудило васъ обратиться къ отцу Іоанну?— спросилъ я, когда онъ нѣсколько успокоился.

— Это былъ какой-то внутренній голосъ, настойчиво посылавшій меня въ Кронштадтъ. Какъ всегда я жаждалъ водки и не могъ побороть жажды, пока не осушалъ косушки, такъ и этого голоса я не могъ заглушить, пока не пріѣхалъ въ Кронштадтъ и не увидѣлъ батюшки. И знаете, что я во-

все не надѣялся добиться свиданія съ отцомъ Іоанномъ, котораго окружають тысячи народа. Но онъ самъ меня примѣтилъ въ толпѣ, велѣлъ пропустить и долго-долго бесѣдовалъ со мной. Эта бесѣда и сейчасъ у меня отдается въ ушахъ, хранится въ сердцѣ. Батюшка говорилъ мнѣ:

— Не отчаивайся: пока ты еще живъ—все можно исправить. Рѣшись только твердо стать на новый путь и загладить прошлое добрыми дѣлами.

— Эти слова остановили меня на перилахъ Александровскаго моста, съ котораго я хотѣлъ броситься въ Неву, чтобы покончить свои ужасные разсчеты съ жизнью. Я говорю— „ужасные“, потому что такъ пошло, преступно, гнусно и зловредно прожечь жизнь, какъ я прожегъ, можетъ только ужасный негодяй.

— Не слишкомъ ли вы строго относитесь къ себѣ?

— Что вы, что вы! Да вѣдь имени нѣтъ моимъ поступкамъ! Изъ роскоши, богатства я довелъ жену съ тремя малолѣтними дѣтьми до рубища, нищеты, билъ ихъ, истязалъ, тащилъ въ кабакъ послѣднюю подушку изъ-подъ ребенка, оставляя малютку спать на голомъ полу. Моя жена—красавица. Посмотрите, на кого она теперь похожа. Несчастная женщина, недѣлями немытая, нечесаная, кажется, дошла до идіотизма. А вѣдь она играла не такъ давно роль въ обществѣ, была первая на балу, устраивала пріемы, имѣла салонъ.

— Во сколько лѣтъ вы прожили состояніе?

— Смѣшно сказать—въ шесть лѣтъ! Брилліанты, золотые приборы, серебряные сервизы, драгоцѣнные камни,—все это наполняло нашу квартиру, убранную лучшими обойщиками и мебельщиками въ восточномъ вкусѣ. Выигрышные билеты, процентныя бумаги наполняли ящики моихъ столовъ, какъ тюки. И въ шесть лѣтъ я сумѣлъ дойти до балахона и резиновыхъ опорокъ. Не вѣрится?

— Право, не вѣрится,—согласился я. Что же васъ затянуло такъ въ кабакъ?..

— Ахъ, вѣдь это особый міръ, особая жизнь!.. Сейчасъ же у меня образовалась своя семья—собутыльниковъ, свои друзья и интересы... Я все забылъ, кромѣ этой семьи, а семья забыла все, кромѣ полштофа. И мы жили одними полштофами, направивъ всѣ помыслы на добычу этихъ полштофовъ!.. Моя

жена-страдалица, несчастныя дѣти, родственники, всѣ, всѣ сдѣлались моими врагами, которыхъ я готовъ былъ мучить, истязать... А единственный нашъ покровитель, нашъ общій „папаша", нашъ любимый другъ и покровитель былъ цѣловальникъ извѣстнаго кабака на Обводномъ каналѣ. За своего „папашу" мы готовы были въ огонь и въ воду! Если вамъ разсказать нашу жизнь, наши похожденія, у васъ волосы дыбомъ станутъ!.. Эхъ, не вспоминать лучше!..

Отецъ Іоаннъ замѣтилъ Б--ва въ толпѣ въ „Домѣ Трудолюбія" и самъ велѣлъ ему приблизиться. Трудно, почти невозможно передать впечатлѣніе, которое произвелъ на него Кронштадтскій пастырь, и тѣ чувства, которыя онъ испытывалъ въ эту знаменательную минуту. Еще при входѣ въ церковь „Дома Трудолюбія" Б—въ услышалъ звонкій отчетливый голосъ, читавшій часы. Этотъ голосъ проникъ въ самую душу и дѣйствовалъ, какъ цѣлебный бальзамъ на рану. Каждое слово отзывалось въ мозгу, и мысленно Б—въ его повторялъ, чувствуя, что этотъ голосъ, эти слова производятъ въ немъ внутренній переворотъ. Точно воскъ около огня, таяли горести, злоба. Мрачное настроеніе смѣнялось какимъ-то тихимъ, радостнымъ состояніемъ. Онъ постепенно забывалъ все настоящее и уносился куда-то далеко-далеко, въ хорошій, невѣдомый міръ. Не надо было спрашивать, *чей* это голосъ. Читалъ о. Іоаннъ. Б—въ не спускалъ глазъ съ царскихъ вратъ. Молиться онъ не могъ. Вѣдь ровно двадцать-три года онъ не былъ въ храмѣ Божіемъ, и 23 года его уста не произносили молитвы! Б—въ никогда не былъ атеистомъ и еще меньше врагомъ религіи, а просто относился къ вѣрѣ совершенно равнодушно, и ему не приходилось думать о церкви, молитвѣ, Богѣ, Спасителѣ. Не шло все это въ голову, некогда было сосредоточиться, да и желанія не являлось задаваться религіозными вопросами. Жилъ, какъ живутъ тысячи другихъ. А въ эту минуту въ душѣ у него дѣлалось что-то небывалое. Онъ испытывалъ незнакомое влеченіе къ чему-то неземному. Душа рвалась въ какое-то неопредѣленное пространство, гдѣ нѣтъ ничего тлѣннаго, житейскаго, обыденнаго. Предъ глазами рисовались образы, которымъ учили насъ въ дѣтствѣ, но которые давно заволокло туманомъ: Образъ распятаго Спасителя, кроткій ликъ Божіей Матери, легіонъ ангеловъ, поющихъ хвалебные гимны. О,

какъ хорошо было въ ту минуту на душѣ! Онъ дрожалъ весь отъ избытка новыхъ сладостныхъ чувствъ и упалъ на колѣни, перенесясь мыслію на небо, къ престолу Царя царствующихъ, Господа господствующихъ.

О. Іоаннъ.

Вотъ началась литургія. Опять знакомый отчетливый голосъ. Но онъ не всталъ съ колѣнъ и не хотѣлъ отрывать мыслей отъ неба. Никогда въ жизни, въ лучшіе годы своихъ кутежей, онъ не чувствовалъ себя такъ легко, радостно, хорошо... Онъ не смѣлъ обратиться къ Богу

съ молитвой, считая себя недостойнымъ вступить въ бесѣду съ Отцомъ небеснымъ. Но и вернуться къ земному ни за что не хотѣлъ. Ему жаль было потерять это мысленное созерцаніе небесныхъ величій. Онъ оставался нѣмымъ свидѣтелемъ у подножія престола небеснаго. Кончилась литургія, народъ заволновался, всѣ двинулись къ св. причастію. Пришлось и ему встать. Тутъ онъ увидѣлъ священника съ чашей,—самаго обыденнаго священника, худощаваго, небольшого роста, съ бородой и синими кроткими глазами. Могъ ли онъ сомнѣваться, что это былъ *онъ*? Да, изъ тысячи священниковъ онъ узналъ бы его по этимъ глазамъ и этому выраженію лица!

Образъ священника и его взглядъ, устремленный на него, были такъ живы въ мозгу, точно наяву... „Иди въ Домъ Трудолюбія", говорилъ ему этотъ образъ... Куда? Какой „Домъ Трудолюбія"? Онъ остановился на улицѣ, сталъ смотрѣть кругомъ и увидѣлъ большую вывѣску: „Домъ отца Іоанна"... Народъ столпился тамъ... Побѣжалъ и Б—въ... Ихъ впустили въ общую залу, гдѣ было уже человѣкъ 200 богомольцевъ... Б — въ прижался въ самомъ заду около стѣнки... Прошло съ полчаса... Общее движеніе и волненіе головъ возвѣстило прибытіе отца Іоанна... Знакомый голосъ раздался за рѣшеткой, ограждающей иконы и приспособленія для водосвятія. Б—въ не рѣшался итти къ св. кресту. Ему казалось, что о. Іоаннъ прогонитъ, закричитъ, предастъ анаѳемѣ. Онъ все больше жался къ стѣнѣ, прятался за спины другихъ. И вдругъ опять тотъ же пристальный взглядъ, пронизывающій до глубины души. Опять онъ точно манитъ, зоветъ. На этотъ разъ ему не казалось. Онъ видѣлъ, что толпа раздвинулась, давая ему дорогу, а сосѣди схватили его за руки:

Что жъ ты не идешь, батюшка зоветъ тебя, иди скорѣй.

Вся кровь бросилась ему въ голову. Онъ точно горѣлъ, перестал видѣть, слышать и очнулся только тогда, когда почувствовалъ на своемъ плечѣ руку отца Іоанна и услышалъ его тихій голосъ:

— Ты вѣдь ко мнѣ пришелъ. Хорошо сдѣлалъ; давай, помолимся вмѣстѣ. Ты очень несчастенъ, но пути Господа неисповѣдимы... Мы не знаемъ, какою дорогою Онъ ведетъ насъ къ Себѣ. Но ты идешь къ Нему, и это—великое счастье

для тебя. Не сойди только съ пути своего. Господь да укрѣпитъ тебя... Давно ли ты пересталъ пить?...

— Пересталъ пить?—переспросилъ онъ.—Но откуда же вы, батюшка, знаете, что я пилъ и пересталъ пить?

— Не трудно, сынъ мой,—отвѣтилъ батюшка,—узнать въ тебѣ несчастнаго пьяницу. Ты не злой человѣкъ, христіанинъ не умеръ въ тебѣ, но врагъ побѣдилъ тебя, забралъ въ руки и вотъ куда привелъ. Но могло хуже быть. Врагъ могъ погубить душу твою. Ты могъ умереть во грѣхѣ, безъ покаянія. Возблагодари Господа за милость Его и проси помощи Его въ борьбѣ съ врагомъ!

Отецъ Іоаннъ отвелъ его въ сторону къ св. иконамъ, и Б--въ опустился на колѣни. Первый разъ за 23 года Б—въ возвелъ очи къ небу, и губы его прошептали слова молитвы. О, что было у него за состояніе! Онъ трепеталъ отъ какого-то радостнаго волненія. На душѣ сдѣлалось такъ легко, какъ не бывало никогда. По лицу катились слезы. Онъ примирился въ эту минуту со всѣми въ мірѣ, со всѣми врагами и недругами. Ему хотѣлось всѣхъ ихъ обнять, чтобы имъ всѣмъ было такъ же хорошо, какъ ему въ эту минуту.

— Благій Человѣколюбче! Иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, посѣти же неизреченнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего раба, яко да не погибнетъ до конца дѣло руки Твоя... Господи! Имя Тебѣ—Любовь: не отвергни меня, заблуждающагося человѣка. Имя Тебѣ—Сила: подкрѣпи меня, изнемогающаго и падающаго. Имя Тебѣ—Свѣтъ: просвѣти душу мою, омраченную житейскими страстями. Имя Тебѣ — Миръ: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебѣ — Милость: не преставай миловать меня!

Съ каждымъ словомъ молитвы слезы умиленія, раскаянія и радости душили бѣднаго пьяницу все болѣе и болѣе, пока онъ наконецъ не зарыдалъ. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ. Когда онъ пришелъ въ себя, о. Іоанна уже не было. Комната была пуста, только членъ попечительста Х—въ оставался около него по просьбѣ батюшки, которому необходимо было ѣхать.

— Батюшка сказалъ, чтобы вы на дняхъ пришли на исповѣдь и причастились св. Таинъ у него. Если у васъ

нѣтъ денегъ, батюшка оставилъ вамъ 10 рублей, — сказалъ г. Х—въ.

Эти десять рублей были для Б—ва очень дороги, потому что и онъ и семья нѣсколько дней уже голодали. Жена откуда-то добыла 50 к. ему на дорогу въ Кронштадтъ, а сама, вѣрно, осталась съ дѣтьми безъ гроша. Счастливый, радостный вернулся Б—въ домой. Давно не видала его семья такимъ. Сейчасъ же они перебрались въ свѣтлую комнату, купили пищи, сапожишки дѣтямъ. На новосельѣ всѣ вмѣстѣ помолились. Раньше у нихъ небыло принято читать молитвъ, въ послѣднее время не было даже иконы. Дѣти не знали „Отче нашъ". Теперь рѣшили молиться всѣ вмѣстѣ каждое утро и вечеръ. Тихо, мирно и счастливо прошелъ этотъ день. На слѣдующее утро Б—въ пошелъ на Никольскую площадь и нанялся поденщикомъ катать дрова. Это были первыя деньги (1 р. 10 к.), которыя онъ *заработалъ* своимъ трудомъ. До сихъ поръ онъ только проживалъ, тратилъ и моталъ. Онъ даже не наживалъ, не хотѣлъ сдѣлать какой-нибудь оборотъ, располагая значительными средствами, а уже заработать, правду сказать, и не сумѣлъ бы: вѣдь онъ ровно ничего не зналъ, не умѣлъ и ничему не учился. Теперь онъ воистину *заработалъ*, протаскавъ нагруженныя тачки съ 7 час. утра до 9 вечера. И странно! Онъ не ощущалъ никакой тяжести, не чувствовалъ утомленія и рвался работать, точно хотѣлъ наверстать этимъ потерянное, прожитое, миновавшее, заглушить совѣсть. Физическая простая работа была для него еще тѣмъ пріятнѣе, что онъ могъ мысленно сосредоточиваться на своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ и переноситься далеко-далеко въ небесную лазурь, гдѣ его взору представлялся престолъ Всевышняго, царство мира и добра, жизнь загробныхъ существъ. Ахъ, какъ хорошо жить душою какъ можно больше тамъ, тамъ! Какими пустыми, ничтожными кажутся всѣ наши „злобы", когда перенесешь мысль съ неба на землю! Тамъ вѣчность, слава, миръ, служеніе престолу Творца, а здѣсь— хлѣбъ плохо сегодня выпеченъ, водка разбавлена водою, или рюмка пятачкомъ дороже и т. п. И изъ-за этого люди готовы подымать скандалъ, шумѣть, драться, судиться... А радость духовная? Можетъ ли она сравниться съ радостью земною? Онъ имѣлъ постоянную ложу въ театрѣ, былъ зна-

комъ со многими „звѣздами“ балета и оперетки, пилъ какъ воду лучшія заморскія вина и въ результатѣ—зѣвалъ, страдалъ головными болями, скучалъ и часто жалѣлъ потраченнаго времени, силъ. Всякое удовольствіе было дорого и желательно, пока нельзя было его получить, а какъ только получалъ—чувствовалъ пустоту, скуку. Развѣ это настоящая радость, наслажденіе? А теперь, когда онъ молился, и когда вся душа его трепетала, всѣ фибры его тѣла нѣмѣли въ тихомъ, нѣжномъ покоѣ, когда сердце переполнялось восторженнымъ порывомъ,—онъ воистину былъ счастливъ, счастливъ такъ, какъ раньше не имѣлъ даже представленія, понятія. И это счастье ни отъ кого не зависѣло, никто не могъ его похитить, оно всегда съ нимъ, при немъ и въ немъ. Бывало, считаешь себя „счастливымъ“ въ обществѣ какой-нибудь красавицы,—думалъ онъ. Но эта красавица упорхнетъ, оставитъ пустой бумажникъ, и счастье превращается въ миражъ. Да и какое это „счастье“, когда оно несетъ одни страданія, болѣзни и разочарованія. Новое же счастье, которое онъ нашелъ, не только постоянно, прочно, неизмѣнно, но оно и *вѣчно*, загробно. Это счастье самую смерть дѣлаетъ радостной...

Три дня Б—въ каталъ дрова... Сильный, здоровый, бодрый, веселый, онъ, казалось, былъ совершенно доволенъ своею судьбою... Семья повеселѣла, была сыта и тоже довольна. Рубля съ гривенникомъ безъ пьянства хватаетъ за глаза на всѣ скромныя нужды... У нихъ получились даже сбереженія, такъ что на четвертый день Б—въ не пошелъ работать, а съ первымъ пароходомъ поѣхалъ въ Кронштадтъ къ о. Іоанну...

— Прежде исправь свою жизнь, а потомъ приступай къ св. Тайнамъ,—звучали у Б—ва слова батюшки...

Но онъ, кажется, исправилъ свою жизнь! Онъ примирился со всѣмъ свѣтомъ, со всѣми друзьями и недругами, съ обстановкой, работой... Примирилъ душу свою съ церковью, блуднымъ сыномъ которой онъ пробылъ 28 года! Но ему предстояла еще нелегкая задача — *загладить прошлое*. Загладить добрыми дѣлами. Какъ я, простой дровокатъ, хотя и кончившій гимназію, владѣвшій когда-то домами, могу сдѣлать кому-нибудь добро? Какія добрыя дѣла я могу творить? Съ такими мыслями сѣлъ онъ на первый пароходъ и поѣхалъ въ Кронштадтъ...

Отецъ Іоаннъ служилъ раннюю обѣдню въ церкви городской думы въ тотъ день, когда Б—въ съ первымъ пароходомъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ. Служба уже началась. Б—въ съ трудомъ пробрался въ храмъ и сталъ въ отдаленіи. Въ церкви была масса причастниковъ. Ихъ не трудно было отличить по праздничному наряду и особо благоговѣйному настроенію. Б—въ опустился на колѣни. Онъ чувствовалъ себя совершенно спокойно, какъ человѣкъ, который долго что-нибудь искалъ и нашелъ, и, послѣ прилива первой радости, успѣлъ освоиться съ мыслью о находкѣ. Его спокойствіе граничило съ состояніемъ полнаго счастія и довольства. Если бы его спросить въ эту минуту, чего онъ желалъ бы больше всего, онъ отвѣтилъ бы: остаться здѣсь.

Онъ уже не боялся возносить мысли свои къ небу, присутствовать духомъ предъ престоломъ Всевышняго и молиться горячо, сердечно. Напротивъ, онъ чувствовалъ себя *тамъ* какъ въ родномъ, близкомъ и дорогомъ домѣ, какъ въ нѣжно любимомъ отечествѣ. Ничто не нарушало его спокойствія, не отравляло его самаго радужнаго настроенія духа и не разстраивало нервовъ. Даже съ своимъ прошлымъ онъ примирился какъ съ неизбѣжнымъ, которого вернуть невозможно!

Какъ только о. Іоаннъ вышелъ съ св. чашею, Б—въ поспѣшилъ покинуть храмъ.

Но неужели я не увижу еще дорогого батюшки? Неужели я не получу его благословенія?—думалъ онъ.

— Куда же вы пошли?—окликнулъ кто-то Б-ва, назвавъ его по фамиліи.

Онъ нѣсколько испуганно обернулся на окликъ. Передъ нимъ былъ членъ попечительства X.

— Я отстоялъ обѣдню, хочу на пароходъ,—отвѣчалъ Б—въ какъ бы машинально.

— Постойте. Батюшка хотѣлъ васъ видѣть. Идите въ „Домъ Трудолюбія“. Знаете, вамъ мѣсто нашлось: управлять домомъ и вести агентуру заграничнаго асфальта. Хорошее мѣсто.

— Помилуйте. Я ничего не знаю и не умѣю. Я все еще не могу научиться тачку возить! Спасибо—товарищи учатъ и помогаютъ.

— Вѣдь это батюшка васъ рекомендуетъ. Вы постарай-

тесь оправдать его довѣріе: онъ очень къ вамъ расположенъ...

— О, если бы мнѣ подъ страхомъ смертной казни велѣли выпить теперь рюмку водки, я не согласился бы ни за что! Одно воспоминаніе о прошломъ заставляетъ меня дрожать отъ ужаса.

— Это прекрасно, но вы помните, что тѣло ваше слабо, а врагъ силенъ и караулитъ васъ каждую минуту... Соблазна больше, чѣмъ мы думаемъ, и поэтому часто гибнемъ тамъ, гдѣ меньше всего ожидаемъ... Старайтесь чаще видѣться съ батюшкой, чаще говѣть и какъ можно больше молиться. Помните, батюшка говорилъ: „Молитва—вода живая, которою душа утоляетъ жажду свою"...

— Да я счастливъ никогда не терять батюшки изъ виду...

— А вотъ хотѣли ѣхать, не получивъ благословенія... Пойдемте.

Они вошли въ отдѣльный номеръ „Дома о. Іоанна", и остались ждать. Отецъ Іоаннъ пришелъ только черезъ часъ, и сейчасъ же пожелалъ видѣть Б—ва.

— Ну, какъ ты работаешь? Я молился за тебя. Богъ далъ тебѣ покаяніе. Ты можешь совсѣмъ теперь исправить свою жизнь.

Б—въ упалъ на колѣни и припалъ къ одеждѣ пастыря. Его душа была переполнена счастьемъ.

— А когда ты думаешь говѣть у меня?

— Батюшка, я еще не могу. Я не достоинъ.

— Кайся, кайся. Пріиди ко Христу съ вѣрою и покаяніемъ, и Онъ дастъ тебѣ миръ. Когда приготовишься, приходи, я исповѣдаю тебя. Нѣтъ ли враговъ у тебя, не обидѣлъ ли кого? Припомни и примирись, раньше чѣмъ приступать къ св. Тайнамъ.

Б—въ молчалъ и тихо плакалъ.

— Господь сказалъ: „Гдѣ двое или трое собрались во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ". Вотъ насъ съ тобой двое, и Господь среди насъ. Въ присутствіи Господа я желаю тебѣ навсегда разстаться съ порочною жизнью, перестать пить и кутить, начать новую трудовую жизнь и славить имя Его пресвятое!

О. Іоаннъ положилъ на голову бѣдняка руку и троекратно

перекрестилъ его. Нервная дрожь прошла по всему тѣлу Б—ва. Ему казалось, что онъ получилъ извнѣ новую силу—мощную, несокрушимую. Когда онъ поднялся съ колѣнъ, батюшки уже не было.

Б—въ больше теперь не пилъ. Дѣла его быстро поправились.

Въ тѣ времена, когда Б—ва окружала роскошь, богатство, толпа льстецовъ и прихлебателей, онъ не чувствовалъ въ себѣ столько сознанія собственнаго достоинства, какъ сейчасъ. Конечно, это достоинство всецѣло относилось къ духовному общенію съ Спасителемъ, но тѣмъ не менѣе косвенно оно вліяло и на него самого. Это „общеніе" онъ хранилъ и почиталъ, какъ величайшую драгоцѣнность и залогъ своего существованія.

Жена и дѣти его воскресли къ новой жизни, помолодѣли, поздоровѣли. Для дѣтей намѣчены уже были школы, никто не зналъ больше никакой нужды ни въ чемъ [1])...

Вотъ другой подобный примѣръ.

Былъ въ Петербургѣ довольно крупный серебряникъ. Онъ былъ человѣкъ семейный и на 32 году жизни, когда у него было четверо дѣтей, жена и старуха мать, началъ пить запоемъ. Въ это время дѣла его шли блестяще. Онъ имѣлъ капиталъ, много выгодныхъ заказчиковъ. Въ мастерской у него работало до 25 подмастерьевъ, такъ что производство его можно было назвать почти фабричнымъ.

Петръ Ермолаевичъ человѣкъ былъ тихій, хорошій семьянинъ и хотя съ слабымъ характеромъ, но добрый и отчасти даже набожный. Пить онъ началъ въ компаніи пріятелей, пріучаясь съ ними постепенно просиживать цѣлые вечера въ трактирахъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался постояннымъ гостемъ трактира, увеличивалась его компанія собутыльниковъ. Онъ пріучался все больше выпивать, все меньше занимался въ мастерской своимъ дѣломъ, скучалъ въ своей семьѣ, дома бывалъ золъ и раздражителенъ, пересталъ слѣдить за заказами и т. д. Благодаря этому его фирма потеряла репутацію аккуратной, исполнительной и добросовѣстной мастерской.

---

[1]) *Н. Н. Животовъ.* Пьяницы у о. Іоанна Кронштадскаго Москва. 1895. стр. 8 слл.

Число заказчиковъ начало быстро уменьшаться. Отказались отъ службы лучшіе подмастерья, словомъ, все пошло къ упадку. Все это еще больше повліяло на П. Е., и вотъ онъ началъ уже пить запоемъ. Домой являлся безчувственно пьянымъ, опохмѣлялся съ утра полштофомъ и уходилъ въ трактиръ, гдѣ просиживалъ теперь сплошь цѣлые дни. Мало по малу дошло и до закрытія мастерской. П. Е. пропивалъ вещи свои и чужія, билъ безъ причины жену и дѣтей, кралъ въ семьѣ даже необходимые предметы, продавалъ ихъ для выпивки. Съ трактира ему пришлось перейти на кабакъ, потому что въ послѣднемъ водка наполовину дешевле.

Въ $2^1/_2$ года отъ достатка и приволья Петра Ермолаевича осталось одно воспоминаніе!.. Женѣ удалось какъ-то съ дѣтьми уѣхать на родину въ деревню, а П. Е. сдѣлался настоящимъ „золоторотцемъ“ въ рубищѣ, ночуя сплошь и рядомъ подъ заборомъ или, въ лучшемъ случаѣ, въ ночлежномъ пріютѣ. Въ берлогахъ и отвратительныхъ трущобахъ П. Е. встрѣчалъ такихъ же, какъ и онъ, голодныхъ, оборванныхъ забулдыгъ, которые жили когда-то также не хуже его: въ достаткѣ, привольѣ, счастьѣ, почти богатствѣ...

Лѣтъ 5 считался П. Е. горькимъ пьяницей, пропивая всякій грошъ, который ему удавалось достать. Онъ пробовалъ служить, но послѣ первой же получки жалованья исчезалъ. Его снова встрѣчали съ подбитыми глазами, опухшимъ лицомъ, съ трясущимися руками и ногами. Нѣсколько разъ попадалъ онъ въ нищенскій комитетъ, въ больницы, и разъ даже его заподозрили въ кражѣ, хотя до преступленія онъ все-таки не доходилъ. Казалось, П. Е. все потерялъ. Изъ прежнихъ собутыльниковъ и знакомыхъ никто его не узнавалъ, а внѣшній его видъ какъ бы говорилъ, что ему не остается ничего другого, какъ просить у Бога прекращенія своей страдальческой жизни.

Еще въ хорошія времена своей жизни П. Е. слышалъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Въ одну изъ минутъ невольнаго (за отсутствіемъ „пятачка“) отрезвленія, онъ вспомнилъ о Кронштадскомъ пастырѣ.

— И у меня точно упало что-то внутри, — разсказываетъ Петръ Ермолаевичъ,—такъ стало весело, радостно на душѣ. За все время моего пьянства у меня не было болѣе пріятнаго ду-

шевнаго ощущенія... Я упалъ на колѣни, пробовалъ молиться—не могъ; слова молитвы не шли на память... Я рѣшилъ сейчасъ же идти пѣшкомъ въ Ораніенбаумъ, оттуда какъ нибудь пробраться въ Кронштадтъ.

Сказано, сдѣлано. П. Е. направился къ Балтійскому вокзалу. Было лѣто. Начинало смеркаться, и Петръ Ермолаевичъ въ ночь тронулся по шпаламъ въ путь... Онъ шелъ бодро. На душѣ было легко, какъ не бывало съ начала трактирнаго сидѣнья. Всѣ мысли, всѣ надежды этого получеловѣка, почти потерявшаго „образъ и подобіе", сосредоточивались на отцѣ Іоаннѣ, котораго онъ никогда еще не видалъ и о которомъ никогда прежде не думалъ... Вотъ онъ уже въ Ораніенбаумѣ. Не имѣя у себя ни гроша денегъ, П. Е. хотѣлъ было вернуться обратно. Но какой-то внутренній голосъ заставилъ его смѣшаться съ толпой и бѣжать на пристань...

— Отецъ Іоаннъ, отецъ Іоаннъ,—слышалъ онъ кругомъ.

Большого труда стоило П. Е. протискаться въ толпѣ такъ, чтобы взглянуть на своего „избавителя", отъ котораго теперь зависѣла вся его будущность.

Петръ Ермолаевичъ такъ сроднился теперь съ мыслью о своемъ возрожденіи черезъ о. Іоанна, что потерять эту надежду для него значило бы потерять все..

Вотъ онъ увидѣлъ приближавшагося пастыря, котораго, казалось, толпа несла на своихъ плечахъ... Онъ увидѣлъ это ясное, съ выраженіемъ великой любви лицо священника, и весь задрожалъ отъ волненія, объятый какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ... Отецъ Іоаннъ въ это время поравнялся съ нимъ... Не помня себя отъ избытка чувствъ, охватившихъ его точно морскимъ приливомъ, и не будучи въ состояніи произнести ни слова, П. Е. упалъ на землю подъ ноги о. Іоанна. Рыданія сдавили грудь несчастнаго пьяницы, въ глазахъ его потемнѣло, онъ лишился чувствъ...

Долго-ли пролежалъ Петръ Ермолаевичъ безъ сознанія, онъ и самъ не помнитъ, но очнулся онъ подъ кустомъ на берегу залива, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ онъ увидѣлъ въ первый разъ о. Іоанна. По всей вѣроятности, кто-нибудь изъ толпы отнесъ или, вѣрнѣе, оттащилъ безчувственнаго П. Е. въ сторону, и онъ пролежалъ тамъ, принятый за пьянаго.

Часы на станціи пробили двѣнадцать. Въ дали показались три фонаря съ яркими дрожащими огнями. Ѣхалъ о. Іоаннъ. Поѣздъ мчался, и прежде чѣмъ П. Е. успѣлъ добѣжать до платформы, локомотивъ остановился. Народу почти не было, но вагонъ, въ которомъ сидѣлъ о. Іоаннъ, все-таки быстро окружила кучка, человѣкъ 20 людей. Откуда они взялись, П. Е. никакъ понять не могъ.

— Батюшка,—простоналъ П. Е., съ трудомъ догоняя удалявшагося священника.

Отецъ Іоаннъ остановился и повернулся къ бѣжавшему мелкими шагами оборванцу. Они встрѣтились лицемъ къ лицу... П. Е. почувствовалъ на себѣ взгляды „батюшки". Онъ не могъ выдержать приливъ чувствъ и упалъ въ ноги, крѣпко ухватившись за рясу о. Іоанна.

— Встань, голубчикъ,—ласково, но твердо, почти повелительно сказалъ пастырь,—пойдемъ на пароходъ.

П. Е. вскочилъ, какъ бы отъ дѣйствія электрическаго тока, и, не смѣя поднять глазъ на священника, пошелъ сзади. На пути попадались встрѣчные, подходившіе подъ благословеніе. П. Е. казалось, что они какъ-то враждебно на него смотрятъ, точно онъ провинился предъ ними.

Вотъ и пароходъ. Отецъ Іоаннъ, не оборачиваясь, прошелъ по трапу на пароходъ. П. Е.—за нимъ. Скоро по отходѣ парохода съ пристани, матросъ обратился къ нему съ словами:

— Пожалуйте въ рубку, васъ батюшка проситъ.

Батюшка сидѣлъ въ каютѣ, когда П. Е. вошелъ, едва передвигая ноги и низко опустивъ голову.

— Здравствуй, подойди ближе,—сказалъ отецъ Іоаннъ своимъ мягкимъ голосомъ,—какъ зовутъ тебя?

— Петромъ,—прошепталъ я, не смѣя двинуться съ мѣста.

— Ну, подойди, Петръ, сядь вотъ тутъ со мной.

Отецъ Іоаннъ указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собой, и я машинально исполнилъ его приказаніе, не смотря на то, что сидѣть рядомъ съ батюшкой считалъ чуть-ли не святотатствомъ.

— Разскажи же мнѣ свое прошлое. Какъ дошелъ ты до этихъ лохмотьевъ? пилъ, вѣрно?

— Пилъ, батюшка,—рыдая повторилъ я.

— Ничего, ты успокойся. Помни, что любящимъ Бога все во благо... Если ты потерялъ все, но помнишь и любишь

Бога, ты еще ничего не потерялъ. Мало хорошаго дойти до этого рубища черезъ кабакъ; но кто знаетъ, какими путями ведетъ насъ Господь къ Себѣ. Можетъ быть, иначе ты никогда и не вспомнилъ бы о Богѣ, о Славѣ Его, для которой мы должны жить. Всякое дыханіе хвалитъ Господа, травка—и та Его хвалитъ, а ты человѣкъ, отецъ семьи, быть можетъ, хозяинъ многихъ рабочихъ, ты самъ забылъ Бога и другимъ мѣшалъ Его славить...

Чѣмъ больше говорилъ батюшка, тѣмъ легче становилось на душѣ П. Е. Сердце его билось съ такою силой; точно хотѣло разорваться. Все существо было переполнено какимъ-то радостнымъ трепетомъ.

— Для человѣка страшно духовное рубище, а не тлѣнное. Въ лохмотьяхъ можно быть глубоко счастливымъ и уготовить себѣ жизнь вѣчную, а въ нищетѣ духа никакія сокровища земныя не дадутъ человѣку ни счастья, ни спасенія...

Разговоръ продолжался въ томъ же направленіи. П. Е. становился съ каждымъ словомъ воодушевленнѣе. Рыданія стихли, въ голосѣ слышалась твердость, даже нѣкоторая увѣренность. Превращеніе изъ робкаго, приниженнаго, забитаго оборванца въ человѣка съ твердой волею, рѣшимостью и почти восторженностью совершилось такъ быстро, что П. Е. недоставало только костюма, чтобы сдѣлаться совершенно неузнаваемымъ. Объ этомъ превращеніи П. Е. до сихъ поръ вспоминаетъ, какъ о величайшей минутѣ въ своей жизни. Онъ выросъ въ собственныхъ глазахъ. Онъ почувствовалъ въ себѣ то человѣческое достоинство, которое онъ обязанъ охранять пуще всего въ жизни, и въ душѣ своей ощущалъ наплывъ небывалой еще радости. Когда пароходъ присталъ къ пристани, П. Е. не прятался уже въ темноту и не опускалъ низко голову. Напротивъ, онъ весь выпрямился, слегка откинувъ назадъ голову, и каждое движеніе сопровождалось такою увѣренностью, точно его кто сейчасъ произвелъ въ коммерціи совѣтника или наградилъ большимъ орденомъ...

Ты найди себѣ ночлегъ гдѣ-нибудь; а завтра приходи къ ранней обѣднѣ, въ соборъ. Мы помолимся съ тобою, потомъ ты исповѣдуйся, причастись св. Таинъ и поѣзжай обратно въ Петербургъ.

Отецъ Іоаннъ протянулъ руку П. Е., и онъ почувствовалъ присутствіе бумажекъ.

Возьми, это тебѣ пригодится. Тебѣ надо одѣться и привести себя въ порядокъ.

П. Е. хотѣлъ что-то сказать, протестовать, но на пароходъ хлынула уже толпа. Отецъ Іоаннъ въ одну минуту оказался окруженнымъ, и П. Е. не могъ болѣе до него пробраться.

Петръ Ермолаевичъ нашелъ въ рукѣ 94 руб. Такой суммы онъ не имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, но деньги нисколько не радовали его, и онъ совершенно равнодушно сунулъ ихъ въ карманъ своей дырявой куртки. Гдѣ-то на башенныхъ часахъ пробило два. Въ Кронштадтѣ все было закрыто и тихо, улицы пустынны. Начинало свѣтать... П. Е. пошелъ бродить, отыскивая Андреевскій соборъ. Ходить пришлось долго, пока на загоравшемся горизонтѣ обрисовался высокій куполъ и колокольня бѣлаго собора. Обширная площадь, красивая желѣзная рѣшетка, безукоризненная чистота и мощный видъ огромнаго, совсѣмъ новаго, точно сейчасъ только выстроеннаго собора произвели на П. Е. отрадное впечатлѣніе.

Онъ поднялся по ступенямъ на паперть, сталъ на колѣни и принялся молиться... Долго простоялъ такъ оборванецъ въ такомъ положеніи, но никакъ не могъ сосредоточить свои мысли на Богѣ, не могъ забыть все окружающее и отдаться молитвѣ.

Съ первымъ ударомъ колокола потянулись къ собору вереницей богомольцы. По всѣмъ улицамъ, примыкающимъ къ собору, шла цѣлыми партіями самая разнообразная публика. Женщины съ дѣтьми, купцы, чиновники, офицеры, старики и молодые. П. Е. диву дался: точно въ Свѣтлое Христово Воскресенье народъ спѣшилъ къ заутрени.

Когда кончилось богослуженіе, народъ не „повалилъ изъ церкви“, какъ всегда бываетъ при „шапочномъ разборѣ“. Напротивъ, всѣ остались на своихъ мѣстахъ и только ближе столпились около амвона. Каждый *ждалъ*... Кто благословенія, кто исповѣди, кто имѣлъ просьбу къ батюшкѣ, словомъ, у всѣхъ было какое нибудь „дѣло“.

— Пойдемъ, я тебя исповѣдую, а завтра за ранней обѣдней ты пріобщишься св. Таинъ,—сказалъ о. Іоаннъ П. Е.

Они пошли въ сторону къ аналою. П. Е. опустился на колѣни...

О. Іоаннъ.

Исповѣдь сопровождалась продолжительнымъ наставленіемъ пастыря, послѣ чего онъ всталъ на колѣни рядомъ съ П. Е. и помолился. Благословивъ затѣмъ исповѣдника, батюшка сказалъ:

— Иди съ миромъ и старайся не грѣшить. Не допускай прежде всего мыслей грѣховныхъ: послѣ мыслей придутъ дѣла худыя, тогда труднѣе бороться. Если почувствуешь тяжесть борьбы и увидишь, что тебѣ не справиться самому со зломъ, бѣги къ духовному отцу своему и проси его пріобщить тебя св. Таинъ. Это великое и всесильное оружіе въ борьбѣ съ пьянствомъ. Не стыдись передъ священникомъ назвать свой грѣхъ настоящимъ именемъ и не скрывай его въ душѣ своей. Иначе нельзя получить прощенія и силы въ борьбѣ. Православная церковь никому изъ сыновъ своихъ не отказываетъ въ св. Таинствахъ, а литургія совершается у насъ ежедневно. Ступай...

Впослѣдствіи П. Е. много и охотно разсказывалъ о „сильномъ душевномъ потрясеніи своемъ“ послѣ исповѣди.

На другой день онъ причастился Св. Таинъ, предварительно перемѣнивъ свой внѣшній видъ. Въ Кронштадтѣ П. Е. купилъ себѣ бѣлье, платье и вернулся въ Петербургъ вполнѣ приличнымъ господиномъ. Прежде всего онъ нанялъ небольшую квартирку, купилъ верстакъ и оставшіеся 18 руб. послалъ женѣ, прося ее сейчасъ же ѣхать къ нему вмѣстѣ съ дѣтьми.

— Я, по милости Божіей и молитвамъ о. Іоанна Кронштадтскаго, сдѣлался опять человѣкомъ,—писалъ онъ женѣ. Возвращайся ко мнѣ, забудь и прости прошлое. Я твердо увѣренъ, что святая православная церковь не будетъ имѣть больше основанія считать меня заблудшимъ, погибшимъ сыномъ. Съ помощью Божіей, я надѣюсь вести трудовую жизнь христіанина.

П. Е. писалъ правду. На второй день по возвращеніи въ Петербургъ, онъ безъ труда получилъ работу для одного магазина. За аккуратное и безукоризненное выполненіе, при умѣренныхъ цѣнахъ, скоро завалили его работой, такъ что онъ въ первый же мѣсяцъ нанялъ себѣ подмастерьевъ, а черезъ годъ имѣлъ уже опять собственную мастерскую. Жена тотчасъ исполнила требованіе своего мужа и не раскаявалась въ этомъ. Поведеніе П. Е. не только не давало ей повода быть чѣмъ нибудь имъ недовольной, но, напротивъ, бо́льшей заботливости и предупредительности нельзя было и желать. Каждое воскресенье и праздникъ семья ходила въ церковь, каждый вечеръ посвящался чтенію св. писанія

и молитвѣ. Подроставшія дѣти опредѣлены были въ учебныя заведенія. Ни одинъ бѣднякъ не получалъ у П. Е. отказа въ помощи. Предметомъ особаго его попеченія была мѣстная приходская церковь. Онъ золотилъ ризы и церковную утварь, ремонтировалъ паникадила, покупалъ иконы, словомъ, дѣлалъ все зависящее отъ него для украшенія и благолѣпія храма.

— Церковь дала мнѣ все; пожалѣю-ли я чего нибудь для нея,—говорилъ часто П. Е.

Года черезъ два Петръ Ермолаевичъ открылъ уже свой магазинъ, а недавно купилъ каменный домъ. Онъ ясно видѣлъ, что каждая его жертва на церковь, каждая помощь бѣднымъ возвращается сторицею, въ видѣ хорошихъ заказовъ, выгодныхъ работъ, и поэтому не скупился на добрыя дѣла. Чѣмъ больше онъ раздавалъ, тѣмъ больше пріобрѣталъ, оправдывая слово св. писанія — рука дающагося не оскудѣетъ [1]).

Вотъ предъ нами третій подобный же оборванецъ—нѣкто И—въ. Онъ ежедневно напивался, устраивалъ оргіи и моталъ деньги безъ счета, полагая, вѣроятно, что состояніе его неистощимо. И точно, оно было велико: 11,000 десятинъ земли на югѣ, два дома въ Петербургѣ и около 30,000 р. въ бумагахъ. И такія-то состоянія спускаются въ столицѣ въ нѣсколько лѣтъ! Правда, около И—ва многіе нажили деньги. Напримѣръ, когда онъ продалъ свои имѣнія за 700,000 руб., то купившіе сейчасъ же перепродали одинъ лѣсъ на вырубъ за 650,000 руб., а затѣмъ распродали землю, по участкамъ, почти за милліонъ и оставили себѣ нѣсколько чудныхъ дачъ съ фруктовыми садами и богатѣйшимъ инвентаремъ. Точно такъ же и два дома его были заложены въ Тульскомъ банкѣ за сумму въ полтора раза больше той, которую ему заплатили, и одни комиссіонеры заработали тутъ около 30 тысячъ рублей. Я не говорю про многочисленную толпу прихлебателей, которая питалась и жила нѣсколько лѣтъ на его счетъ. Десятки актрисъ и пѣвицъ сохранили отъ И—ва на память крупные брилліанты, массивные браслеты, броши и прочія драгоцѣнности. Я могъ бы назвать

---

[1]) Біографія о. Іоанна Кронштадтскаго. СПБ. 1895 г. изд. т. ф. Кузина стр. 63 слл.

трехъ рестораторовъ, въ карманы которыхъ перешло не меньше 200 тысячъ рублей изъ капиталовъ И—ва. Тупая, жирная физіономія И—ва не выражала ничего, кромѣ апатіи и пресыщенія. И обманывали и обсчитывали его, какъ хотѣли. Никогда онъ не заводилъ никакого спора, ни у кого не спрашивалъ отчета, никого не повѣрялъ, хотя кругомъ его не было ни одного человѣка сколько-нибудь къ нему расположеннаго, и ни одинъ не жалѣлъ его, не питалъ къ нему симпатіи. Составляя до цинизма недобросовѣстные счета, нѣкоторые фыркали ему прямо въ носъ, а онъ какъ младенецъ качалъ головой въ знакъ согласія. Жизнь въ такомъ состояніи толстовскаго непротивленія или, лучше сказать, гончаровской обломовщины совершенно засосала И—ва. Послѣдніе часы онъ только пилъ въ возраставшей пропорціи. Игра. актрисы, театры—все ему надоѣло, и онъ ограничивался тѣмъ, что, вставая въ 2 часа дня, начиналъ пить и съ небольшими перерывами пилъ до разсвѣта. Когда состояніе его пошатнулось, онъ встрепенулся, попробовалъ было проявить какую-нибудь дѣятельность, но было поздно. Конечно, человѣкъ знающій, опытный и энергичный легко могъ сберечь при разгромѣ кой какія крохи, которыхъ хватило бы для безбѣднаго существованія. Но И—въ не въ состояніи былъ даже оріентироваться. Посыпались пени, взысканія, описи судебныхъ приставовъ и публичныя продажи. У него все продали съ молотка до послѣдней кровати, которая по закону не подлежитъ продажѣ, а у него продали. Меньше чѣмъ въ мѣсяцъ, И—въ изъ Креза превратился въ безпріютнаго нищаго. У него рубля не осталось за душой. Всѣ его бросили, отшатнулись отъ него. Не покинула его одна только... жажда и страсть къ выпивкѣ. Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, ему хотѣлось выпить, напиться, забыться... Новый владѣлецъ его дома, бывшій его же старшій дворникъ, сжалился надъ нимъ и далъ ему временно свѣтлый уголъ... У него же онъ выпрашивалъ на выпивку... Первое время послѣ Донновъ и „Самаркандовъ“ ему трудно было мириться съ вертепами Боровой, Глазовой и Обводнаго канала. Но здѣсь у него скоро составилась своя компанія, завелись друзья, и жизнь потекла своимъ чередомъ... Жизнь вѣчно во хмелю. Хмель дѣйствовалъ на И—ва какимъ-то примиряющимъ образомъ... Трезвый — онъ вспоми-

налъ прошлое, прожитое, клялъ себя и другихъ, скрежеталъ зубами отъ безсильной злобы. А во хмелю — онъ все забывалъ и предавался созерцанію... полштофа. Жаль только, что для такого состоянія было мало выпитаго: сколько бы онъ ни выпилъ, но его тянуло все къ новой косушкѣ...

Былъ моментъ, когда И—въ остановился на мысли о самоубійствѣ. Дѣйствительно, это былъ единственный и во всѣхъ отношеніяхъ лучшій исходъ. Впереди ничего. Въ настоящемъ нищета. Прошлое погибло безвозвратно. Ни привязанностей, ни цѣли въ жизни. Одни страданія. А смерть? Она не страшила И—ва. Вѣдь умирать все равно надо! Что ждетъ его за гробомъ? Ничего или... или... Да не все ли это равно. Вѣдь умереть отъ холеры или петли не то ли же самое? Какая разница? А за что и ради чего онъ будетъ переносить всѣ эти страданія и невзгоды? Чистый „барышъ"— умереть какъ можно скорѣе? Надеждъ нѣтъ, силы слабѣютъ, здоровье приходитъ въ упадокъ. Совсѣмъ уже примирившись съ мыслью о самоубійствѣ, И—въ пошелъ выпить „какъ слѣдуетъ" послѣдній разъ. Онъ прошелъ по Обводному каналу и только-что хотѣлъ свернуть въ „свой" пріютъ, какъ увидѣлъ огромную толпу бѣжавшаго народа. Женщины и мужчины, въ опоркахъ и бархатныхъ нарядахъ, бѣжали безъ оглядки, какъ на пожаръ. И—въ остановился въ недоумѣніи. Что бы это могло быть? Онъ пошелъ за толпой. Всѣ бѣжали къ Балтійскому вокзалу.

— Чего это они бѣгутъ? — спросилъ онъ одного прохожаго.

— Батюшку встрѣчаютъ.

— Батюшку? Отца Іоанна? Ахъ, да: это многопрославленный Кронштадтскій священникъ. Я слышалъ, читалъ о немъ, — думалъ про себя И—въ. Удивительный человѣкъ. Что же? Попрошу его благословенія на тотъ свѣтъ; можетъ-быть, легче будетъ умирать. Никогда не видѣлъ его, а пишутъ и разсказываютъ много о немъ. Правда ли все это? Однако, вонъ какъ бѣгутъ, толкаются, спѣшатъ, лѣзутъ. Цѣпь жандармовъ не можетъ сдержать. Чу-да-ки!... Вотъ онъ въ церкви.

— Господи, буди милостивъ ко мнѣ грѣшному! Боже, помоги мнѣ,—простоналъ онъ...

Его шопотъ пронесся по храму и заставилъ присутство-

вавшихъ обернуться... И—въ давилъ себѣ рукой горло. Изъ-подъ ногтей выступила кровь...

— Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы,—произнесъ голосъ надъ самымъ ухомъ И—ва. Онъ выпустилъ свое горло и, повернувъ лицо, увидѣлъ рядомъ съ собой отца Іоанна. Кроткій пастырь положилъ ему на плечо руку и сказалъ:

— Плачь, сынъ мой, о грѣхахъ своихъ! Это на пользу тебѣ въ будущемъ. Путь спасенія не усыпанъ розами, и тернія много на немъ, но за то сладокъ вѣнецъ!.

— Батюшка, силъ моихъ больше нѣтъ,—простоналъ И—въ, падая на колѣни.

— Силъ много *тамъ!* Проси—и дастся тебѣ! Мы немощны, и никто не устоялъ бы противъ врага, но Господь милосердъ. Онъ—Заступникъ и Помощникъ нашъ. Его именемъ сильны мы. Помолимся вмѣстѣ...

Отецъ Іоаннъ положилъ руку на голову И--ва и сталъ читать молитву. И—въ не слѣдилъ за словами молитвы и даже не понималъ ихъ, но чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ въ немъ совершается переворотъ и утихаетъ борьба, исчезаютъ мучительныя видѣнія, наступаетъ тишина и миръ. Пастырь кончилъ и благословилъ его.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, да дастся тебѣ сила и крѣпость въ борьбѣ съ врагомъ! Да побѣдишь ты его и будешь жить во Христѣ! Силою данной мнѣ власти благословляю тебя!

Все стихло. И—въ поднялся съ колѣнъ. Пастыря не было уже. Но странно: ему казалось, что отецъ Іоаннъ тутъ, и благотворная, удивительная сила его съ нимъ. Что это за сила, онъ не знаетъ, но переворотъ въ немъ произошелъ чудесный. Такого спокойствія и мира, какъ сейчасъ, онъ не запомнитъ во всю жизнь. Исчезло сразу все, что терзало и мучило его. Смолкли въ душѣ голоса, такъ смущавшіе его. Онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и пошелъ къ выходу.

И — въ черезъ недѣлю исповѣдался и пріобщился св. Таинъ у отца Іоанна. Призраки прошлаго перестали терзать его душу. Онъ совершенно успокоился, примирился съ жизнью и смотрѣлъ другими глазами на будущее.

Теперь онъ бѣжалъ оттуда, гдѣ собирались люди порочные, чтобы нечаянно его не замѣшали въ эту толпу и не

оскорбили въ его лицѣ прообразъ Христа Спасителя. Онъ бѣжалъ отъ всякаго дѣла, не достаточно чистаго, честнаго... Онъ не могъ поступить на службу, какъ ему предлагали, въ трактиръ, гдѣ спаиваютъ посѣтителей. Не принялъ онъ мѣста въ нѣсколькихъ лавкахъ, гдѣ обвѣшиваютъ, обманываютъ.

— Не могу я этого дѣлать. Ни за какія тысячи не могу!

— Ну, такъ умирай съ голоду!—говорили ему.

— О, я гораздо охотнѣе умру съ голоду честнымъ человѣкомъ, чѣмъ разбогатѣю мошенникомъ. Я лучше отдамъ послѣднюю копейку ближнему, чѣмъ возьму обманомъ грошъ у богача. Этотъ грошъ лишитъ меня того, что мнѣ теперь дороже всего въ жизни.

Почти мѣсяцъ И—въ искалъ дѣла, работы, занятія. Онъ въ дѣтствѣ хорошо столярничалъ, плотничалъ и любилъ это занятіе. Поэтому рѣшилъ заняться прежнимъ ремесломъ и пошелъ съ предложеніемъ услугъ по мастерскимъ. За одинъ хлѣбъ и койку его взяли строгать брусья гдѣ-то на Васильевскомъ островѣ. Прошло всего двѣ недѣли, и безъ его даже просьбы хозяинъ положилъ ему маленькое жалованье. Черезъ годъ онъ сдѣлался мастеромъ, а черезъ два — компаньономъ хозяина.

Теперь И—въ владѣетъ домами, капиталомъ и дѣлаетъ крупныя пожертвованія на добрыя дѣла.

Пьянство никогда не манитъ его, и хмельного онъ не беретъ ничего въ ротъ [1]).

VII.

И до путешествія моего въ Кронштадтъ, я немало слыхалъ о случаяхъ скораго выздоровленія отъ различныхъ болѣзней, по молитвамъ о. Іоанна. По пріѣздѣ же въ Кронштадтъ, я узналъ объ этой сторонѣ служенія о. Іоанна людямъ еще больше. Почти въ каждомъ домѣ намъ говорили что-либо объ этомъ. Почти каждый новый встрѣчный сообщалъ намъ что-либо новое изъ этой области. Много намъ разсказывали о выздоровленіи то одного, то другого безнадежно больного, исключительно по молитвамъ о. Іоанна. Та-

[1]) *Н. Н. Животовъ.* Цит. соч. стр. 27 слл.

кихъ случаевъ уже болѣе сотни занесено на страницы различныхъ газетъ, журналовъ, брошюръ объ о. Іоаннѣ. А сколько ихъ еще никѣмъ не занесено на страницы нашей лѣтописи общественной жизни. Сколько ихъ хранитъ одна только память народная и живое народное преданіе.

Нельзя прежде всего не сказать хотя бы нѣсколько словъ о поразительно глубокой, нѣжной и чистой любви къ больнымъ о. Іоанна. Онъ былъ однажды въ Кіевѣ. Находясь здѣсь, посѣтилъ лазаретъ Левашовскаго пансіона. Въ числѣ больныхъ о. Іоанну указали дѣвочку, которая страдала тяжелымъ тифомъ, и у которой незадолго предъ этимъ вскрытъ былъ обширный гнойникъ позади уха. „Едва о. Іоаннъ взглянулъ на больную, вся его фигура внезапно озарилась огнемъ чувства. Онъ быстро подошелъ къ больной, палъ къ кровати и, стоя на колѣняхъ, приникъ къ лицу страдалицы, осыпая ее искреннѣйшими ласками и поцѣлуями. Тутъ сказалась вся богато-одаренная душа о. Іоанна. Какъ самая любящая мать, ласкалъ и утѣшалъ онъ болящую:

— Милое дитя, тебѣ не больно... страдалица ты моя,—говорилъ онъ.

Воцарилось совершенное безмолвіе, и вся сцена произвела глубочайшее впечатлѣніе. Возможно было вспомнить сказанныя слова, но нѣтъ средствъ передать тонъ, оттѣнки голоса и всѣ переливы несравненной мелодіи чувствъ, которая вылилась изъ души любвеобильнаго пастыря. Мы присутствовали при самыхъ глубокихъ проявленіяхъ, на которыя способна человѣческая душа. Тутъ все сказалось: и пылъ беззавѣтнаго святого чувства, и безграничная любовь, и захватывающая душу жалость, и скорбь у постели больного человѣка, и наконецъ несравненная симпатія, со всѣми оттѣнками и модуляціями могучаго чувства“ [1]).

Въ этой поразительно глубокой любви о. Іоанна къ больнымъ заключается и простая разгадка того дерзновенія молитвы, съ какимъ онъ обыкновенно обращается за больныхъ къ Богу. Вотъ нѣсколько стоокъ, весьма краснорѣчиво свидѣтельствующихъ объ этомъ Въ своемъ „Дневникѣ“ о. Іоаннъ пишетъ: „Младенцы Павелъ и Ольга по безпредѣльному милосердію Владыки и ~~по молитвѣ~~ моего непотребства исцѣ-

[1]) Профес. *И. С. С—скій*, Душепол. Чтевіе. 1900 г. Стр. 544.

лились отъ одержавшаго ихъ духа немощи. У Павла-малютки немощь разрѣшилась сномъ, малютка-Ольга получила спокойствіе духа, и личико изъ темнаго сдѣлалось яснымъ. *Девять разъ* я ходилъ молиться съ *дерзновеннымъ* упованіемъ, надѣясь, что упованіе не посрамитъ, что толкущему отверзется, что хоть за неотступность дастъ мнѣ Владыка просимое; что если неправедный судія удовлетворилъ, наконецъ, утруждавшую его женщину, то тѣмъ болѣе Судія всѣхъ, праведнѣйшій, удовлетворитъ мою грѣшную молитву о невинныхъ дѣтяхъ, что Онъ призритъ на *трудъ мой*, на *ходьбу мою*, на молитвенныя слова и колѣнопреклоненія мои, на *дерзновеніе мое*, на *упованіе мое*. Такъ и сдѣлалъ Владыка; не посрамилъ меня грѣшника. Прихожу въ *десятый* разъ,— младенцы здоровы".

Разсказываетъ онъ самъ и о другомъ поразительномъ исцѣленіи, совершонномъ имъ. „Нѣкто, бывши смертельно боленъ воспаленіемъ желудка девять дней, и не получивши ни малѣйшаго облегченія отъ медицинскихъ пособій,—лишь только причастился въ девятый день по утру животворящихъ Таинъ, къ вечеру сталъ здоровъ и всталъ съ одра болѣзненнаго. Причастился онъ съ твердою вѣрой. Я молился о немъ Господу, чтобы Онъ исцѣлилъ его.

— Господи!—говорилъ я: исцѣли раба Твоего отъ болѣзни его. Достоинъ есть, ему же даси сія, любитъ бо священниковъ Твоихъ и дары своя присылаетъ имъ.

Молился и въ церкви у престола Господня за литургіей. Молился между прочимъ такъ:

— Господи! Животе нашъ! Какъ мнѣ помыслить легко объ исцѣленіи, такъ Тебѣ легко исцѣлить всякую болѣзнь; какъ мнѣ помыслить легко о воскресеніи изъ мертвыхъ, такъ Тебѣ легко воскресить всякаго мертвеца. Исцѣли убо раба Твоего Василія отъ лютой его болѣзни и не допусти ему умереть, да не предастся рыданію жена и дѣти его,—и благопослушливый Владыка помиловалъ. А то былъ на волосокъ отъ смерти. Слава всемогуществу, благости и благопослушству Твоему, Господи!

Вотъ и еще подобный случай, о которомъ разсказываетъ также самъ о. Іоаннъ. „Дивлюсь величію и животворности божественныхъ Таинъ: старушка, харкавшая кровью и обезсилѣвшая совершенно, ничего не ѣвшая, — отъ причастія

св. Таинъ, мною преподанныхъ, въ тотъ же день начала поправляться. Дѣвушка, совсѣмъ умиравшая, послѣ причастія св. Таинъ, въ тотъ же день начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тѣмъ какъ она была почти въ безпамятствѣ, металась сильно и ничего не ѣла и не пила". „Господи! какъ я Тебя восхвалю, какъ я Тебя прославлю".

Вотъ о. Іоаннъ свидѣтельствуетъ о многихъ чудесахъ, совершенныхъ по молитвѣ его. „Господи! какъ я Тебя восхвалю, какъ я Тебя прославлю за силы Твои, за чудеса исцѣленій отъ св. Таинъ Твоихъ, явленныя на мнѣ и на многихъ людяхъ Твоихъ, которымъ я, недостойный, преподалъ послѣ таинства покаянія сіи святыя, небесныя, животворящія Твои Тайны! Вотъ они исповѣдаютъ предо мною силу Твою, благость Твою, во всеуслышаніе говорятъ, что Ты простеръ на нихъ чудодѣйствующую руку Твою и подъялъ ихъ съ одра болѣзни, съ одра смертнаго, когда никто не чаялъ, что они будутъ живы,—и вотъ послѣ причащенія Тѣла и Крови Твоей, Жизнодавче, они вскорѣ ожили, исцѣлѣли, въ тотъ же часъ и день почувствовали на себѣ жизнедательную Десницу Твою. А я, Господи,—очевидецъ дѣлъ Твоихъ,—не прославилъ Тебя доселѣ во всеуслышаніе, къ утвержденію вѣры людей Твоихъ, и не знаю, какъ и когда прославить Тебя, ибо всякій день занятъ какими либо дѣлами. Ты Самъ сотвори Себѣ имя, Господи, якоже и сотворилъ еси; Самъ прослави имя Твое, Тайны Твоя".

Перечисленными случаями, конечно, не исчерпана далеко еще лѣтопись исцѣленій, совершенныхъ о. Іоанномъ. Исцѣленные имъ есть и въ пышныхъ палатахъ, и въ бѣдныхъ крестьянскихъ хижинахъ. Силу молитвы его испытали на себѣ и старцы, и юноши, и дѣти, и женщины, и просвѣщенные, и мало просвѣщенные. Изъ массы подобныхъ случаевъ мы приведемъ лишь нѣсколько.

Одинъ очень важный въ Петербургѣ человѣкъ пригласилъ о. Іоанна помолиться объ его исцѣленіи. Онъ уже года два лежалъ на болѣзненномъ одрѣ.

Вотъ прибылъ о. Іоаннъ. Это—небольшого роста, сухощавый священникъ. Съ перваго взгляда ничего особеннаго нельзя было найти въ лицѣ священника. Это—самое обыкновенное, типичное русское лицо, со слѣдами еще несошед-

шаго лѣтняго загара, съ чертами неправильными. Но вотъ онъ поднялъ глаза — и впечатлѣніе сразу измѣнилось. Въ

О. Іоаннъ.

этихъ голубыхъ глазахъ столько свѣта и блеска, что, казалось, они все вокругъ себя озаряютъ. При видѣ этого нервноподвижнаго лица, озаряемаго ясными голубыми глазами, полными необыкновеннаго свѣта и глубокаго выраженія, совсѣмъ забывался, какъ-то исчезалъ весь человѣкъ. Въ нихъ сила, какая-то власть. Отъ ихъ взгляда дѣлалось какъ-то

жутко. Глаза священника, если долго смотрѣть на нихъ, умиротворяли, утѣшали.

Когда священникъ взошелъ въ комнату, все лицо его дышало весельемъ и радостью. Веселье и радость сказывались во всѣхъ его живыхъ, нѣсколько порывистыхъ движеніяхъ. Онъ прежде всего взглянулъ на образъ, висѣвшій въ углу, широко перекрестился, перевелъ взглядъ свой на больного, поспѣшно подошелъ къ нему и упалъ на колѣни. Онъ зналъ только то, чего просилъ у Бога — и просилъ всѣмъ существомъ своимъ, всею своею вѣрою, волею, душою.

Онъ молилъ подать ему, по божественному обѣщанію, силу, исцѣляющую немощи и бѣсовъ изгоняющую...

— Чрезъ слабость мою прояви Твою силу!.., — шептали его губы.

И онъ просилъ съ непреодолимой силой любви къ ближнему. Онъ стучалъ все громче и громче въ завѣтную, обѣтованную дверь. Онъ весь преобразился, черты его лица освѣтились, глаза таинственно блистали, трепетъ пробѣгалъ по его тѣлу, капли пота струились по лбу его. Наконецъ мольба его была услышана. Онъ почувствовалъ, какъ влилась въ него свѣтлая, дивная, могучая сила. Ему уже давно было знакомо это ощущеніе.

Онъ поднялся съ колѣнъ и направился къ кровати. Теперь въ немъ уже не было волненія, ни странныхъ движеній, ни трепета. Онъ спокойно подошелъ къ неподвижно лежавшему больному и положилъ ему свою руку на голову.

— Встань и помолимся вмѣстѣ!—тихо сказалъ онъ.

Въ этихъ словахъ не чувствовалось требованія, но они были такъ сказаны, что, очевидно, ихъ нельзя было ослушаться.

— Я не могу шевельнуться! — явственно произнесъ больной.

Тогда о. Іоаннъ еще разъ возложилъ на него руку и еще разъ повторилъ:

Встань и помолимся вмѣстѣ!

И больной всталъ съ кровати, опустился на колѣни рядомъ съ священникомъ, начавшимъ громко читать молитву. Когда молитва была окончена, о. Іоаннъ благословилъ больного, глядѣвшаго на него съ умиленіемъ, а затѣмъ помогъ ему лечь на кровать.

— Для Бога все возможно!—спокойно и съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ онъ, — только вѣруйте, только молитесь... „Просите—и дастся вамъ... толцыте — и отверзется"... И жизнь, и смерть—все въ десницѣ Господней.

На другой день больной выздоровѣлъ [1]).

Въ журналѣ „Воскресный день" за 1888 годъ напечатанъ слѣдующій замѣчательный случай.

У матери одного, довольно извѣстнаго въ Кронштадтѣ, семейства открылась въ ногахъ водяная болѣзнь. При всей помощи врачебной науки, какою больная при своихъ средствахъ могла пользоваться, болѣзнь непрерывно продолжалась цѣлыхъ четыре года. Созванный на пятый годъ болѣзни совѣтъ врачей нашелъ, что въ лучшемъ случаѣ жизнь больной можно продлить лишь на одну недѣлю. Жажда жизни у больной такъ велика, что она согласилась перенести операцію, чтобы затянуть свою жизнь на пять, на шесть дней. Однако ранѣе этого больная пожелала помолиться Богу вмѣстѣ съ о. Іоанномъ. Приглашенный въ домъ страдавшей, о. Іоаннъ отслужилъ здѣсь молебенъ, послѣ котораго, по особой просьбѣ больной, сталъ молиться о выздоровленіи ея. По окончаніи молитвы, смиренный пастырь посовѣтовалъ привести больную на слѣдующій день къ литургіи въ соборный храмъ. Въ наступившую за этимъ же днемъ ночь, неизлѣчимая больная почувствовала въ себѣ облегченіе. Вся опухоль въ ея ногахъ опала. Черезъ три дня она стояла уже въ мѣстномъ соборѣ и усердно благодарила Господа.

Однажды о. Іоаннъ былъ приглашенъ въ имѣніе Николаевку, принадлежащее вдовѣ тайнаго совѣтника М. Н. Калугиной, находящееся въ двадцати верстахъ отъ города Сумы, Харьковской губерніи. 23-го Іюля, въ домѣ г-жи Калугиной, послѣ совершенія молебствія, къ отцу Іоанну обратилась съ чувствомъ глубокой благодарности, со слезами на глазахъ, жена мѣстнаго благочиннаго протоіерея отца Андрея Ставр—аго. Упавши предъ о. Іоанномъ на колѣни, она разсказала слѣдующее:

— Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я страдала страшнымъ нервнымъ разстройствомъ. Болѣзнь моя была невыносима.

---

[1]) Біографія о. Іоанна. Стр. 17 слл.

Въ минуты проявленія припадковъ мои мученія были на столько тяжелы, что я впадала въ безчувственное состояніе и всѣ члены мои нѣмѣли. Обращалась я за совѣтомъ къ врачамъ. Тратила на это большія деньги. Но все было напрасно. Болѣзнь моя не поддавалась никакому лѣченію и усиливалась все болѣе и болѣе. Но вотъ вы, въ прошедшемъ году, посѣтили нашъ край. Мнѣ хотѣлось лично побывать у васъ, попросить вашего благословенія и молитвы объ исцѣленіи моемъ отъ тяжелаго недуга. Болѣзнь-же моя была настолько въ то время тяжела, что я не въ состояніи была съ своей постели встать, а не только ѣхать куда-либо. Это мнѣ приносило еще бóльшія страданія. Наконецъ, мой мужъ поѣхалъ къ вамъ, и я попросила его обратиться къ вамъ съ просьбой помолиться заочно о моемъ выздоровленіи. И вотъ, въ то самое время, когда вы, послѣ совершенія молебствія, молились о моемъ исцѣленіи, я почувствовала внезапное облегченіе въ своей болѣзни. Немедленно я телеграфировала о томъ своему мужу, прося его передать вамъ мою искреннюю благодарность за ваши чудодѣйственныя молитвы обо мнѣ. Вслѣдъ затѣмъ я получила отъ мужа отвѣтную телеграмму, въ которой онъ сообщалъ мнѣ, что вы посылаете мнѣ ваше благословеніе и надежду на полное мое выздоровленіе.

И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я начала быстро поправляться. И теперь, какъ видите, я совсѣмъ здорова. И въ эту вашу поѣздку къ намъ сочла долгомъ лично явиться къ вамъ съ моей безпредѣльной благодарностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, засвидѣтельствовать предъ всѣми о совершившемся на мнѣ чудѣ, которое Милосердый Господь совершилъ по молитвѣ вашей, уважаемый батюшка.

Въ это-же время изъ толпы народа выдѣлился крестьянинъ изъ г. Сумъ и объяснилъ, что сынъ его, пятнадцатилѣтній мальчикъ, страдалъ тяжкою болѣзнью. У малютки были сведены руки и ноги, благодаря чему несчастный страдалецъ претерпѣвалъ сильныя мученія. Долго онъ возился съ своимъ сыномъ, возилъ его къ разнымъ докторамъ, обращался къ всевозможнымъ знахарямъ и знахаркамъ. Но никакія лѣкарства, ни разныя нашептыванія деревенскихъ знахарей и знахарокъ нисколько не улучшили положенія страдальца. И вотъ, въ прошлогодній пріѣздъ въ Харьковъ о.

Іоанна, въ имѣніе Николаевку, пользуясь добротою владѣлицы имѣнія г-жи Калугиной, онъ и рѣшился обратиться къ нему съ просьбою помолиться объ исцѣленіи его недужнаго ребенка. Добрѣйшій батюшка исполнилъ эту просьбу. Сразу же послѣ молитвы о. Іоанна, ноги и руки страдальца стали постепенно выправляться и, въ концѣ-концовъ, въ теченіе года, совсѣмъ выпрямились. Въ настоящій-же пріѣздъ отца Іоанна, мальчикъ его, совсѣмъ здоровый, пришелъ лично благодарить о. Іоанна и просить у него благословенія.

И такъ, что не могли сдѣлать врачи земные, то сдѣлалъ Врачъ Небесный—Господь, чрезъ молитву отца Іоанна [1]).

Одна изъ жительницъ Петербурга со слезами радости разсказывала слѣдующее:

Сынъ ея захворалъ какою-то неразгаданною болѣзнью. Немедленно былъ приглашенъ домашній врачъ. Испробовали всѣ средства къ излѣченію загадочной болѣзни, но медицинская помощь оказалась безполезною. Жизнь ребенка все гасла и гасла. Наконецъ, доктора отказались отъ леченія больного и объявили, что положеніе его безнадежно, и онъ вскорѣ помретъ.

Убитая горемъ, несчастная мать письменно обратилась съ просьбою въ Кронштадтъ къ отцу Іоанну, чтобы онъ пріѣхалъ къ ней въ домъ въ Петербургъ отслужить молебенъ и помолиться вмѣстѣ съ нею о выздоровленіи ея больного ребенка. Просьба ея была немедленно исполнена. Отецъ Іоаннъ пріѣхалъ, отслужилъ молебенъ и благословилъ больного малютку.

Тотчасъ по отъѣздѣ отца Іоанна, больной крѣпко заснулъ, и когда проснулся, то сталъ для всѣхъ совершенно неузнаваемъ. Признаковъ болѣзни не было и слѣда. Малютка подозвалъ мать и радостно воскликнулъ:

— *Мама, я совсѣмъ здоровъ! Позволь встать съ постели!* Нельзя представить себѣ, какова была радость матери! Ребенокъ ея, дѣйствительно, всталъ съ постели и здоровъ по настоящее время.

Мать, возблагодаривъ Господа за оказанную ей милость, немедленно отправилась въ Кронштадтъ, чтобы лично поблагодарить отца Іоанна за чудесное исцѣленіе ея любимаго

---

[1]) *Русскій Листокъ* 1891 г. № 340.

малютки. Но безсребренникъ отецъ Іоаннъ отклонилъ отъ себя благодарность и скромно сказалъ:

— *Не намъ, не намъ, а имени Твоему*, и что, если она хочетъ благодарить его, то пусть лучше окажетъ помощь бѣднякамъ, помня слова Спасителя: *„понеже сотворите единому отъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотворите“* (Матѳ. 25, 40), или слова Ветхаго Завѣта: *„милуяй нища, взаимъ даетъ Богови, по даянію же его воздастся ему!“* (Притч. 19, 17). Для него нѣтъ лучшей благодарности, какъ видѣть вѣрное исполненіе словъ Спасителя [1]).

На дняхъ о. Іоанну писала изъ Харькова одна женщина: „Высокочтимый, глубокоуважаемый и дорогой Батюшка! Послѣ того, какъ я Вамъ послала телеграмму, и письмо, моему душевно-больному мужу, воину Владиміру, сдѣлалось лучше и доктора, которые вначалѣ предполагали у него прогрессивный параличъ мозга, теперь склонны думать, что это острый психозъ, безусловно излѣчимый... Я твердо вѣрю, что такая перемѣна произошла, благодаря Вашей дивной молитвѣ, а поэтому дорогой и милый Батюшка, на колѣняхъ умоляю Васъ молиться о бѣдномъ, изстрадавшемся мужѣ, чтобы Господь за ужасныя, десятимѣсячныя страданія даровалъ ему полное изцѣленіе души и тѣла. Я молюсь и сама, дорогой Отецъ Іоаннъ, но не считаю себя достойной, чтобы моя грѣшная молитва дошла до великаго Престола Всевышняго Господа нашего Іисуса Христа...

Кланяюсь Вамъ до земли, дорогой духовный Отецъ мой, цѣлую Ваши ноги, край Вашей одежды и со слезами умоляю не оставить своими горячими молитвами моего горячо любимаго душевно-больнаго мужа, воина Владиміра. Если удостоите, дорогой и родной мой Батюшка, написать нѣсколько словъ,—то это будетъ большою поддержкою и утѣшеніемъ въ моемъ тяжеломъ горѣ“ [2]).

Замѣчательный случай произошелъ съ сестрою извѣстнаго поэта, нынѣ умершаго, В. Г. Бен—овой, проживающей на Петербургской сторонѣ, по Большой Пушкарской улицѣ, близъ церкви Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. В. Г., въ началѣ Великаго поста 1888 года, занемогла ост-

---

[1]) *Русскій Листокъ* 1891 г. № 314.

[2]) Съ подлиннаго письма.

рымъ ревматизмомъ, который потомъ осложнился воспаленіемъ легкихъ. Нужно замѣтить, что В. Г. уже довольно преклонныхъ лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, когда воспаленіе легкихъ крайне опасно и въ большинствѣ случаевъ смертельно. Врачи признали ея положеніе безнадежнымъ. Больная не могла двинуть ни однимъ членомъ. Тогда она рѣшилась пригласить отца Іоанна. Пріѣхавъ, послѣдній, съ первыхъ словъ предложилъ ей пріобщиться Св. Тайнъ, на что В. Г. сейчасъ-же охотно согласилась, хотя родные ея отчасти противились этому.

— Соединитесь съ Господомъ,сказалъ почтенный пастырь,— и Господь возставитъ васъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ поправиться, батюшка, я стара... Дай Богъ умереть спокойно, былъ отвѣтъ больной.

— Сестра о Христѣ! — возразилъ отецъ Іоаннъ — не наше дѣло знать времена или сроки, которые *Отецъ положилъ въ Своей власти*, отвѣчу я тебѣ словами Апостола. Соединитесь со Христомъ, ибо во власти Его все возможно.

Съ этими словами отецъ Іоаннъ снялъ дароносицу и, поставивъ ее на столъ, приготовленный для молитвы, сказалъ, указывая на нее:

— Вотъ, въ этой дароносицѣ —Пречистое Тѣло и Кровь Христовы, а подъ видомъ Ихъ, Онъ Самъ, Всеблагій, вошелъ въ твой домъ. Вѣруй, чрезъ сердечное покаяніе соединись съ Нимъ, вѣра твоя спасетъ тебя. Не смотри на года. Онъ и дочь Іаира умершую воскресилъ, какъ-же тебя, болящую, возставить не можетъ?

Проговоривъ это, отецъ Іоаннъ сталъ передъ образомъ на колѣни и началъ горячо молиться, послѣ чего исповѣдалъ и пріобщилъ больную.

Потомъ, онъ упрекнулъ окружающихъ, зачѣмъ ее раньше не пріобщили, и когда послѣдніе сказали, „она, батюшка, говѣла“, отецъ Іоаннъ возразилъ:

— Первые христіане пріобщались Св. Тайнъ каждый день, а вы и больного пріобщить не хотите. Бѣжать Христа не хорошо. Благословивъ всѣхъ, почтенный пастырь удалился.

На другой день больная почувствовала себя лучше, а черезъ нѣсколько дней, къ удивленію врачей, совершенно поправилась и черезъ полторы недѣли могла ѣхать за городъ для окончательнаго возстановленія силъ.

Дѣвица N. находилась въ услуженіи въ Петербургѣ, въ богатомъ домѣ г. Д. Ры—ва. Она много лѣтъ страдала болью спины съ часто повторяющимися колотьями и мучительною рѣзью въ желудкѣ. Положеніе несчастной было невыносимо. Она не могла ходить, не могла и лежать. Своимъ мученіямъ она не видѣла конца. Обращалась эта страдалица къ знаменитымъ спеціалистамъ столицы врачамъ гг. Ман—ину, Гар—му и другимъ. Надо отдать имъ справедливость, что они много принимали мѣръ къ излѣченію болѣзни ея. Но всѣ ихъ старанія приносили скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, вслѣдствіе чего она вынуждена была оставить всѣ совѣты врачей. Въ эти-то тяжелые для нея часы, больная обратилась за помощью къ отцу Іоанну Кронштадтскому. Она много читала объ исцѣленіяхъ по его молитвамъ и сама была вѣрующая. Обязанности службы лишали ее возможности лично съѣздить къ досточтимому о. Іоанну. Въ виду этого, она послала ему письмо, прося его помолиться объ ея исцѣленіи. И чтоже? На третій день, какъ было послано письмо, больная увидѣла во снѣ о. Іоанна въ часовнѣ, находящейся въ одной изъ улицъ столицы. Подойдя къ ней, онъ благословилъ ее и прикоснулся рукою. Проснувшись на утро, больная почувствовала себя совершенно здоровой. Еще недавно она не могла ходить, а теперь стала весела, спокойна и могла ходить совершенно свободно. Въ настоящее время, какъ здоровая, она ходитъ въ церковь и благодаритъ Господа за поданное ей по молитвѣ о. Іоанна исцѣленіе [1]).

А вотъ еще нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ. Мой дядя (Иванъ Петровичъ Голубовъ), гуртовщикъ по профессіи, имѣющій постоянное жительство въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, былъ въ прошломъ году разбитъ параличемъ. У него отнялась правая рука и нога. Онъ принужденъ былъ лежать въ постели около 3 мѣсяцевъ. Лучшіе доктора не въ силахъ были помочь несчастному. Тогда дядя, какъ къ послѣднему средству, обратился къ о. Іоанну. позвавъ его къ себѣ отслужить молебенъ. О. Іоаннъ не преминулъ пріѣхать къ нему, отслужилъ молебенъ, окропилъ больного святою водою, заставилъ его немного выпить ея. На другой день, приговоренный къ смерти почувствовалъ уже

---

[1]) *Петербургскій Листокъ.* 1890 г. 10 сентября.

большое облегченіе. Съ тѣхъ поръ здоровье его съ каждымъ днемъ улучшалось. Въ настоящее время, не смотря на то, что не обращается ни къ одному врачу, Голубовъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ. Рука и нога, отнявшіяся у него было совершенно, дѣйствуютъ такъ же хорошо, какъ и до начала болѣзни.

У второго священника церкви Пр. Сергія, что въ Рогожской, о. Василія Соболева, на правой рукѣ появился, вслѣдствіе неизвѣстной причины, наростъ, дѣлавшійся день ото дня болѣе и болѣе, и принявшій въ концѣ концовъ такіе размѣры, что о. В. Соболевъ не могъ совершать нѣкоторыя требы. Врачи совѣтовали ему сдѣлать операцію, на что о. Василій не согласился. Находясь по своимъ дѣламъ въ Кронштадтѣ, онъ зашелъ къ о. Іоанну, вѣря въ силы его молитвы. О. Іоаннъ помолился вмѣстѣ съ нимъ, коснулся руки о. Василія и, какъ говоритъ самъ о. Соболевъ: „я сразу замѣтилъ уменьшеніе опухоли“. Когда-же возвратился въ Москву— нароста на рукѣ какъ будто и не было.

Этотъ случай можетъ подтвердить всѣмъ желающимъ самъ лично о. В. Соболевъ. (Рогожская, церк. Пр. Сергія). *Д. Ф. Голубовъ* [1]).

Въ одномъ зажиточномъ купеческомъ семействѣ г. Одессы появился тифъ. Прилипчивость этой болѣзни знаетъ каждый изъ читателей. Сначала въ этомъ семействѣ захворали всѣ дѣти. Мать ихъ, любившая своихъ дѣтей до обожанія, не смотря ни на какіе протесты своего мужа,—отца заболѣвшихъ дѣтей, настаивавшаго на изолированіи своихъ больныхъ дѣтей отъ другихъ здоровыхъ и объ отправкѣ ихъ въ больницу, не допустила этого и стала сама ухаживать за больными дѣтьми. Но вскорѣ и она заразилась этою болѣзнію и слегла. Приглашены были знаменитости и свѣтила медицины Одессы.

Искусство врачей спасло дѣтей. Они всѣ выздоровѣли; болѣзнь-же чадолюбивой матери не поддавалась никакому леченію. Испробованы были всѣ средства облегчить страданіе больной, и все оказалось тщетнымъ. Наконецъ, мужемъ больной у постели ея былъ собранъ консиліумъ врачей Одессы. Осмотрѣвъ больную, врачи всѣ единогласно сознались въ

---

1) *Русскій Листокъ*. 1891 г. № 347.

своемъ безсиліи. Они сказали убитому горемъ мужу, что на выздоровленіе больной его жены нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ позаботился пригласить священника и приготовить больную къ иной жизни. Но несчастный мужъ не потерялъ своего мужества. Онъ питалъ все еще надежду на выздоровленіе больной своей жены.

Въ минуту приговора врачей, мужъ вспомнилъ объ о. Іоаннѣ Кронштадскомъ, и надежда въ его сердцѣ на выздоровленіе больной жены еще болѣе увеличилась. Немедленно же онъ послалъ къ нему въ Кронштадтъ телеграмму, въ которой, объяснивъ положеніе своей жены, просилъ помолиться о выздоровленіи ея. Больная заснула, и когда проснулась, то вся сіяющая отъ радости сказала, что она видѣла во снѣ отца Іоанна, котораго знала лишь по его фотографіи. Отецъ Іоаннъ подошелъ къ ней, утѣшилъ ее. Возложивъ на голову больной свои руки, благословилъ ее и сказалъ, чтобы она надѣялась на милосердіе Божіе и что она скоро поправится.

И дѣйствительно, больная немедленно почувствовала облегченіе въ своей болѣзни и стала быстро поправляться. Она вскорѣ совершенно выздоровѣла, и жива и здорова до сихъ поръ.

Какъ мужъ ея, такъ и она сама, немедленно изъ Одессы прибыли въ Кронштадтъ, чтобы поблагодарить о. Іоанна лично за его заочныя молитвы и исцѣленіе. Но о. Іоаннъ, не принимающій никакихъ благодарностей, отклонилъ отъ себя ихъ, благословилъ пріѣзжающихъ и при отъѣздѣ ихъ обратно въ Одессу сдѣлалъ имъ пастырское наставленіе [1]).

Всему Петербургу извѣстенъ случай съ графиней Ш—вой. У графини сдѣлался антоновъ огонь, и цѣлый консиліумъ врачей призналъ смертельный исходъ единственнымъ. Графиня обратилась къ о. Іоанну, который пріѣхалъ и молился въ сосѣдней комнатѣ. Больная получила облегченіе, и жива по настоящее время. Надо замѣтить, что на консиліумѣ участвовалъ и покойный С. П. Боткинъ, такъ что отнести найденное у графини общее зараженіе крови къ разряду нервныхъ пустяковъ никакъ нельзя.

---

[1]) *Русскій Листокъ* 1891 г. № 343.

Много лѣтъ Т—въ прожилъ въ расколѣ, не зная истинной церкви и не получая ея благодати, въ видѣ таинствъ и молитвъ... Вѣроятно такъ онъ и прожилъ бы до гроба, еслибы... если бы до него не дошли слухи о подвижнической жизни о. Іоанна Кронштадтскаго.

— Сказки все разсказываютъ, говорилъ старикъ, когда ему попалась брошюрка о жизни кронштадтскаго пастыря. Тѣмъ и кончилъ....

Случилось Т—ву какъ-то простудиться и захворать. Доктора нашли у него воспаленіе легкихъ и объявили, что въ его возрастѣ болѣзнь эта неизлечима, онъ „сгоритъ“ отъ высокой температуры, и потому предложили ему пригласить духовника и сдѣлать завѣщательныя распоряженія.

И вотъ онъ на краю могилы... Готовясь перейти въ иной міръ, гдѣ нѣсть печали и воздыханія, Т—въ вспомнилъ про „сказки“ объ о. Іоаннѣ.

— Дѣти мои,—сказалъ онъ окружавшимъ его сыновьямъ. Чувствую я, что въ грѣхахъ тяжкихъ прожили мы жизнь, не зная и не имѣя благодати церкви... Отцы наши увѣряли, что православная церковь еретическая, а посмотрите—вонъ какіе подвиги дѣлаютъ ихъ священники... Задумалъ я, дѣти мои, примириться передъ смертью съ святою Церковью и просить батюшку изъ Кронштадта пріѣхать ко мнѣ многогрѣшному...

— Воля твоя для насъ священна, отецъ,—отвѣтили сыновья. Хочешь—мы пошлемъ въ Кронштадтъ письмо или сами съѣздимъ.

— Пошлите телеграмму... Попросите помолиться и, если милость будетъ, пріѣхать... Сами при мнѣ будьте... Докторъ говоритъ, что я сутки проживу, не больше...

Сыновья въ точности исполнили приказаніе родителя, но, пославъ телеграмму, умолчали, что умирающій не принадлежитъ къ православной церкви...

Ровно черезъ сутки, подъ вечеръ слѣдующаго дня, у дома Т—ва остановилась карета, и тотчасъ же собралась толпа народа...

— Не отецъ-ли Іоаннъ пріѣхалъ, заволновались Т—вы и выбѣжали на улицу... Изъ кареты выходилъ въ это время бодрый священникъ и, благословляя на-право и на-лѣво народъ, пробирался къ калиткѣ...

Отецъ Іоаннъ никогда не бывалъ въ этой мѣстности и никто не указывалъ ему, гдѣ живетъ Т—въ, но онъ прямо

О. Іоаннъ.

шелъ къ двери и, увидѣвъ на крыльцѣ старшаго сына Т—ва, прямо обратился къ нему:

— Веди меня къ отцу.

Между тѣмъ второй сынъ, находившійся у постели умирающаго, былъ удивленъ еще болѣе...

Окна въ комнатѣ были завѣшаны, старикъ лежалъ неподвижный; какъ вдругъ онъ встрепенулся, приподнялся на подушкахъ и сталъ пристально смотрѣть на дверь:

— Что тамъ такое?! Пустите,—шепталъ онъ, пустите скорѣе. Сынъ подумалъ, что умирающій бредитъ, пробовалъ уложить его на подушки, но въ эту минуту открылась дверь, и на порогѣ появился о. Іоаннъ.

Батюшка былъ въ черной рясѣ съ крестомъ на груди и со сложенными руками... Ясное, всегда симпатичное лицо его было сосредоточено и серьезно...

Отецъ Іоаннъ подошелъ къ постели и поднялъ руку надъ головой больного.

— Не печалуйся, уповай на Господа... Онъ милосердъ и многомилостивъ...

Умирающій спустилъ съ кровати ноги и почувствовалъ себя настолько бодрымъ, чтобы встать...

— Погоди, лягъ, сказалъ батюшка,—и помолимся...

— Не смѣю я молиться, отецъ святой,—заплакалъ больной, я по старой вѣрѣ живу безъ священства и церкви...

— Господь никого не отталкиваетъ и много прощаетъ намъ грѣшнымъ... Пока ты живешь, время не ушло принести истинное покаяніе и просить о милосердіи... Если Богу угодно, Онъ продлитъ жизнь твою, и ты будешь славить имя Его Святое!..

— Прости, Господи, заблужденіе мое,—проговорилъ больной!..

Отецъ Іоаннъ обратился къ иконамъ и опустился на колѣни... Пали на землю и всѣ присутствовавшіе...

Нѣсколько минутъ длилась полная тишина... Затѣмъ, батюшка сталъ читать молитву... Общее настроеніе было настолько сосредоточенное и торжественное, что никто не замѣтилъ, какъ въ комнату вошелъ докторъ и, постоявъ въ дверяхъ, опять вышелъ...

Молитва кончена... Отецъ Іоаннъ подошелъ къ больному и благословилъ его.

— Если ты будешь здоровъ, прибавилъ онъ, не забудь своихъ обѣтовъ...

И вышелъ...

Невозможно описать и передать то радостное, восторженное настроеніе, которое ощущалъ больной... Никакія удачи въ жизни, никакія удовольствія и впослѣдствіи никогда не приводили его въ такое состояніе. Онъ ощущалъ его впервые...

— Теперь готовъ я умереть... Сладко умереть съ такою трепетною душою,—говорилъ старикъ...

Но онъ не умеръ, а быстро сталъ поправляться и черезъ недѣлю уже былъ на ногахъ [1]...

Не только изъ всѣхъ концовъ Россіи несется къ о. Іоанну добрая вѣсть объ исцѣленіяхъ отъ различныхъ болѣзней по его молитвамъ. Не мало такихъ извѣстій онъ получаетъ и изъ-за границы, отъ людей иновѣрныхъ. Приведемъ хотя одно такое письмо.

Досточтимый о. Протоіерей.

„Не было случая, чтобы искренняя вѣра посрамила человѣка и не доставила ему утѣшенія и здравія душевнаго и тѣлеснаго". Съ такими словами Вы обратились ко мнѣ. Какъ справедливы эти слова! Я глубоко увѣровалъ въ ихъ правоту и потому обратился къ Вашему Высокопреподобію въ моей нуждѣ. И Господь помогъ. Ваша молитва была услышана, и моя дорогая жена, удрученная столь тяжкою болѣзнію, поправилась въ короткое время; стала бодрой и здоровой, и уже немного остается ждать до окончательнаго ея выздоровленія. Поэтому я благодарю не только Господа Бога, но и Васъ за Ваше доброе дѣло. Вмѣстѣ со мною благодаритъ Васъ отъ всего сердца и моя жена. При первой же возможности мы предпримемъ къ Вамъ паломническое путешествіе, чтобы лично выразить Вашему Высокопреподобію нашу благодарность и спросить Вашего благословенія для себя.

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Вильгельмъ Пфанкухъ.

(Baumschulenveg. bei Berlin).

Не будемъ приводить другихъ многочисленныхъ подобныхъ добрыхъ вѣстей изъ-за границы.

Я не привожу ни одного случая, свидѣтельствующаго о глубокой наблюдательности о. Іоанна, его глубокомъ прозрѣніи въ самыя сокровенныя тайники души человѣческой и въ прошлое человѣка. А между тѣмъ эти случаи также весьма многочисленны. О нихъ можно читать во многихъ газетахъ и журналахъ [2]).

Весьма любопытенъ и слѣдующій фактъ. Народная фантазія окружила о. Іоанна ореоломъ какого то чудотворца-кудес-

---

[1]) Біографія о. Іоанна Кронштадтскаго. Стр. 95 слл. Ср. *Нива*. 1892 г. м. Окт.

[2]) *Кормчій*. 1901 г. № 15, стр. 231.

ника. Намъ приходилось слышать разсказы о томъ, какъ люди, несправедливые по отношенію къ нему, будто бы лишались совершенно зрѣнія, а потомъ, по молитвамъ того же о. Іоанна, снова получали его. Нѣчто подобное имѣло будто бы даже мѣсто въ жизни одного очень высокопоставленнаго лица. Разсказывали о томъ, какъ люди, желавшіе пошутить надъ о. Іоанномъ, почти умирали, а потомъ снова воскресали, исключительно по его же молитвамъ. Разсказывали о томъ, какъ о. Іоаннъ узнавалъ тайныя думы различныхъ проходимцевъ и обличалъ ихъ. Приходятъ, напр., къ нему праздные люди съ затаенною и тщательно скрываемою цѣлью—просто только поболтать съ нимъ. О. Іоаннъ, еще не видавши ихъ, высылаетъ имъ стаканъ съ водой и ложечкой, прося ихъ поболтать...

Подобнымъ и другимъ многочисленнымъ различнымъ фактамъ можно, конечно, не довѣрять. Но они весьма любопытны и характерны въ одномъ отношеніи. Никакая самая смѣлая фантазія въ своихъ созданіяхъ не отправляется отъ несуществующихъ явленій. Въ основѣ самой запутанно исторической легенды всегда лежитъ какое либо зерно правды. Снимите покровъ съ этой легенды, и вы увидите его во очію. И здѣсь, слагая объ о. Іоаннѣ такіе разсказы, русскій народъ, очевидно, отправляется отъ несомнѣнныхъ, дѣйствительныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто тамъ или тутъ Можетъ быть, народная фантазія только путаетъ многое, преувеличиваетъ и смѣшиваетъ. Всѣ подобные разсказы несомнѣнно свидѣтельствуютъ о присущей о. Іоанну какой-то таинственной, необыкновенной силѣ. А это вполнѣ справедливо и засвидѣтельствовано многими людьми, принадлежащими къ самымъ различнымъ слоямъ общества и партіямъ,—и глубоко образованными, и мало просвѣщенными.

Читатель, слушая эти разсказы, ты, можетъ быть, скажешь:

— Чудесъ нынѣ нѣтъ. Это давно доказано всѣми учеными. Что вы называете чудомъ, есть лишь просто результатъ дѣйствія различныхъ таинственныхъ силъ,—магнетизма, наконецъ... Кто же нынѣ будетъ вѣрить чудесамъ?

Позволь тогда и мнѣ тебѣ сказать: христіанинъ ты или нѣтъ? Конечно, ты скажешь: да, я—христіанинъ.

Тогда открой Евангеліе, слово Христа, Которому ты не мо-

жешь не вѣрить, и прочитай слѣдующія знаменательныя строки:

— Увѣровавшихъ будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы. (Мрк. XVI, 17—18 Ср. Мѳ. XVII, 20). Вѣдь эти слова сказаны не на воздухъ. Они относятся къ намъ христіанамъ и, конечно, не содержатъ въ себѣ никакой неправды. А къ кому относятся слова Христа Спасителя: „все, чего не попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите?“ (Мѳ. XXI, 22),—опять къ намъ христіанамъ. И эти слова—не пустой звукъ. Когда ученики удивлялись великимъ чудесамъ, совершаемымъ ихъ Учителемъ, то Спаситель отвѣчалъ имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ: „Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ“. (Іоан. 14, 12). Почему же ты послѣ этого теперь удивляешься разсказамъ о чудесахъ? Маловѣріе и отчужденность отъ Христа Спасителя заставляетъ насъ такъ обыкновенно думать и говорить. Вотъ мой искренній отвѣтъ на твой вопросъ. И нынѣ не мало всюду совершается чудесъ, только мы слѣпы и глухи: потому и не видимъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, перебери въ своей памяти хотя событія своей жизни и ты непремѣнно увидишь, какъ не разъ чудно спасала тебя десница Божія. Буди! Буди!

VIII.

Въ настоящее время особенно много пишутъ о помощи бѣднякамъ, нищимъ, безпріютнымъ дѣтямъ. Конечно, все это прекрасно. Но почти никто не говоритъ и не пишетъ о бѣдности духовной. А сколько такихъ людей у насъ? Они встрѣчаются вездѣ и всюду, начиная отъ пышныхъ хоромъ и кончая бѣдной квартиркой послѣдняго сельскаго учителя. Жизнь представляетъ множество поводовъ сбиться съ торной дороги, потерять жизненную нить и пониманіе всего окружающаго. И какія муки переживаютъ эти люди? Страданія бѣдняковъ и больныхъ весьма часто — ничто въ сравненіи съ тѣми страданіями, какія переживаютъ люди больные и бѣдные духомъ, эти дѣйствительно—несчастные страдальцы.

Нигдѣ не находя отвѣта на свои жгучіе жизненные вопросы, они бываютъ часто на краю погибели. Вотъ занесена уже рука съ револьверомъ. Еще одинъ мигъ, и жизни не стало. Нужно ли говорить о томъ, какъ великъ подвигъ того, кто прольетъ хоть одну каплю свѣта въ душу такого человѣка и вернетъ его къ жизни? Подъ вліяніемъ о. Іоанна и при его помощи, многія подобныя натуры не только выбирались изъ хаоса мучившихъ ихъ сомнѣній, но и становились впослѣдствіи прекраснѣйшими людьми.

Мы разскажемъ о нѣсколькихъ подобныхъ субъектахъ, у которыхъ уже почти совсѣмъ порвалась жизненная нить, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Вотъ предъ нами одинъ такой человѣкъ. Назовемъ его Михаиломъ Петровичемъ. Онъ молодой еще человѣкъ, красивый и хорошо воспитанный, изъ порядочной семьи. Вмѣстѣ съ дипломомъ, благодаря протекціи, онъ получилъ хорошее мѣсто. Впереди ему предстояла отличная карьера. Словомъ, М. П. имѣлъ все отъ жизни для безбѣднаго и счастливаго существованія въ обществѣ.

— Все, чего можно было желать, я имѣлъ — говорилъ впослѣдствіи М. П. Я никогда не задумывался надъ жизнью, надъ своими отношеніями къ обществу и окружающимъ. Да и зачѣмъ было думать или давать себѣ отчетъ, когда всегда все шло точно по приказу. Мнѣ казалось, что всегда все такъ будетъ. Я ничего не желалъ, кромѣ того, что дается безъ всякихъ головоломныхъ рѣшеній. Я, напримѣръ, искалъ хорошенькихъ женщинъ и находилъ ихъ безъ труда. Нѣсколько десятковъ рублей, истраченныхъ на ложи, цвѣты, лошадей, доставляли мнѣ быстро успѣхъ. О какихъ либо послѣдствіяхъ мнѣ нечего было безпокоиться, потому что въ настоящемъ для меня было все. Хорошій обѣдъ, квартиру, добрыхъ друзей, развлеченіе можно было имѣть съ меньшими хлопотами. А еще что? Развѣ это не полная жизнь, развѣ нужно еще что нибудь?

Жизнь, однако, оказалась неполной. То, что легко давалось, скоро надоѣдало, не представляло уже интереса и становилось скучнымъ, приторнымъ. А кругомъ М. П. все было такимъ. Тоска, скука, хандра постепенно закрадывались въ его душу и начали отравлять существованіе. Онъ даже доходилъ до мысли о самоубійствѣ...

— Надо жениться, рѣшилъ М. П.

Въ нашъ вѣкъ это рѣшеніе самое заурядное. Наука, знанія, искусство, слава, польза общества и т. п. очень рѣдко дѣлаются предметомъ увлеченія для человѣка, познавшаго пустоту своего существованія. Чаще всего человѣкъ средняго ума и не придетъ къ подобному сознанію безъ какого либо сильнаго, или нравственнаго, или душевнаго потрясенія. Но если явится непрошенное сознаніе, какъ у М. П., то прямой и самый простой способъ рѣшенія — жениться! Будетъ жена, дѣти, обязанности семьянина, и слѣдовательно, нѣтъ болѣе пустоты. Сильная любовь или увлеченіе для такой женитьбы не требуются: нужно только найдти подходящій для будущей семьи индивидуумъ, что вовсе не трудно.

Жена нашлась. Мих. Пет. сдѣлался семьяниномъ и былъ совершенно счастливъ, какъ вдругъ жена его сбѣжала съ какимъ-то французомъ, а самъ М. П., въ видѣ „растрепаннаго субъекта", очутился въ Кронштадтѣ...

Напрасно было бы разспрашивать М. П., какъ и почему все это случилось. Онъ младенчески отвѣчалъ на всѣ вопросы:

— Рѣшительно понять не могу. Все у ней было, всего довольно, и я души въ ней не чаялъ...

О. Іоаннъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и замѣтилъ М. П., сидѣвшаго на паперти Андреевскаго собора. Батюшка подозвалъ его и велѣлъ завтра прійти къ ранней обѣднѣ въ „Домъ Трудолюбія".

Но только чрезъ пять дней о. Іоанну удалось побесѣдовать съ М. П.

— Что же вы хотите отъ меня? — Началъ о. Іоаннъ тономъ полнаго равнодушія и съ такимъ выраженіемъ серьезности, какого никогда не видали на его добромъ лицѣ разные оборванцы нищіе и больные...

— Человѣку всегда послѣ легче будетъ, когда онъ самъ прямо и громко назоветъ свое положеніе истинными словами,—продолжалъ батюшка.

— У меня жена ушла... Убѣжала,—произнесъ М. П., едва выговаривая слова.

— Ну?

— И я... я... страшно страдалъ!..

— Страдали? Теперь вы страдаете меньше...

— Меньше,—произнесъ радостно М. П., сознавая, что съ момента его пріѣзда въ Кронштадтъ, онъ дѣйствительно сталъ меньше страдать. Это облегченіе казалось ему случайнымъ, временнымъ, какъ бы затишьемъ передъ бурей. Но теперь онъ почувствовалъ, что рана его получила цѣлительный бальзамъ, и выздоровленіе совершается быстро. Какъ, почему и откуда идетъ облегченіе,—онъ, конечно, не сознавалъ, но чувствовалъ, что ему необыкновенно легко и пріятно около батюшки...

— Кто живетъ въ Богѣ, тому страданія не тяжелы, а кто любитъ Бога, тому все во благо...

Подумай хорошенько, не въ прошломъ ли твоемъ лежитъ причина всего настоящаго? Такъ ли ты жилъ, какъ подобаетъ жить христіанину, доброму, честному и порядочному гражданину? Не заслужилъ ли ты самъ того, что жена тебя бросила?

— Ахъ, она, батюшка...

— Нѣтъ, постой. Мы не объ ней будемъ говорить, а о тебѣ самомъ. Женился ты чистымъ?

— Увы, батюшка, нѣтъ. Я много грѣшилъ...

— Такъ! Ты женился, положимъ по любви, невѣста тебѣ нравилась, а скажи, сколько ты за женой взялъ приданаго?

— Шестьдесятъ тысячъ.

— И сколько употребилъ на уплату своихъ долговъ?

— Около половины...

— Сколько времени ты зналъ свою жену до свадьбы?

— Мы познакомились за двѣ недѣли до свадьбы... Я хотѣлъ жениться, искалъ невѣсту, меня съ ней и познакомили...

— Такъ! Значитъ, и не знаешь, любила ли она тебя, не знаешь, какъ хотѣла бы она устроить свою жизнь, могъ ли ты дать ей то, чего она желала, стоили ли вы оба другъ друга?

— Нѣтъ, батюшка...

— Такъ! Ну, теперь ты, по совѣсти, разбери свои поступки и самъ рѣши: честно ли ты поступалъ съ женою, стоилъ ли ты семейнаго счастья? Ты суди себя, а не ее...

Часа два длилась бесѣда батюшки съ М. П. и закончилась молитвою. Съ перваго класса гимназіи М. П. не молился до этого дня... Онъ оставилъ церковь „Дома Трудо-

любія“ почти въ восторженномъ настроеніи и, вспоминая о женѣ, онъ уже не мечталъ о кровавой мести, не упивался надеждой—смертью француза вознаградить свою честь...

Дня черезъ два батюшка опять встрѣтилъ М. П. и спросилъ, что онъ дѣлаетъ въ Кронштадтѣ.

— Я хочу у васъ исповѣдаться и причаститься.

— Добро, а примирился ли ты съ врагами своими?

— Я самъ первый врагъ себѣ и другимъ, батюшка,— отвѣчалъ М. П. Мнѣ просить надо прощенія у другихъ, а не имъ у меня... Я сегодня молился даже за нихъ...

— Хорошо: Приходи вечеромъ въ соборъ, мы побесѣдуемъ.

Черезъ недѣлю М. П. вернулся въ Петербургъ и принялся за работу. Перерожденіе его было полное. Все свободное время онъ проводилъ за молитвою и чтеніемъ св. Писанія. Въ театрахъ, на гуляньяхъ его не видали, но въ подвалахъ и углахъ нищихъ, обездоленныхъ онъ появлялся не рѣдко. Товарищи сослуживцы были поражены перемѣной въ М. П., и всѣ единогласно находили, что онъ сдѣлался необыкновенно добръ, внимателенъ и предупредителенъ ко всѣмъ, не пропуская ни одного случая быть кому нибудь полезнымъ. Онъ интересовался литературой, новыми полезными открытіями, художествомъ и во всемъ тщательно избѣгалъ тѣхъ грѣховъ, какими была богата его прошлая жизнь. Начальство съ своей стороны ставило М. П. въ образецъ многимъ [1]).

А вотъ и еще примѣръ. М. Бѣлинскій въ своемъ послѣднемъ разсказѣ вывелъ одного послѣдователя графа Толстого, который „образумился“ подъ вліяніемъ проповѣди праведнаго священника. О. Іоанну пришлось однажды дѣйствительно образумить рьянаго толстовца... Это—пожилой уже господинъ, съ университетскимъ образованіемъ, нѣкто Э—чъ, уѣхавшій недавно учителемъ въ Ригу... Онъ дошелъ подъ вліяніемъ теоріи графа Толстого до рѣшенія покончить съ собою самоубійствомъ, потому что не былъ въ силахъ „вмѣстить въ себя аскетизма, пессимизма и идеализма „великаго“ мыслителя“.

— Не стоитъ жить, позорно жить,—рѣшилъ Э—чъ и сталъ

---

[1]) Дѣти о. Іоанна Кронштадтскаго. Изд. Кузина СПБ. 1892 г. Стр. 8 сл.

сводить счеты съ земною жизнью. Въ эти мрачные дни ему довелось увидѣть какъ-то толпу народа, бѣжавшую за каретой. Онъ заинтересовался и узналъ, что въ каретѣ сидитъ Кронштадскій батюшка...

— Полоумные,—сказалъ онъ небрежно и хотѣлъ было забыть о толпѣ, каретѣ, но не могъ и сталъ думать...

Вотъ какъ передавалъ онъ свои мысли:

— Почему эта толпа бѣжитъ за каретой? Сознаніе своей немощности, слабости и отсюда преклоненіе предъ сильнымъ, стойкимъ, самоотверженнымъ и гуманнымъ священникомъ... А развѣ мнѣ и всякому другому недоступно быть самоотверженнымъ и гуманнымъ? Развѣ такая жизнь не укладывается въ рамки Толстого и не можетъ благотворно вліять на окружающихъ? Конечно—да, но укладывается ли Толстой въ рамки Кронштадскаго священника? Увы, далеко нѣтъ, какъ въ отношеніи религіозной ясности, такъ и нравственной правды... Если я, если всѣ живущіе обратятся въ послѣдователей Толстого, то міръ прекратится, и 9 изъ 10, сознавая немощь, подобно мнѣ, будутъ искать яду или петли. А по стопамъ Кронштадскаго протоіерея можно идти, не ломая жизни, не прибѣгая къ отшельничеству, и какъ свѣтло, легко тогда будетъ на душѣ...

Развивая свои сомнѣнія въ истинѣ ученія графа Толстого, Э—чъ обратился лично къ о. Іоанну, и услышалъ отъ него очень рѣзкій приговоръ объ авторѣ новѣйшихъ „утопій"... Поѣздки Э—ча въ Кронштадтъ участились, и въ результатѣ онъ нашелъ ту „истину", которую искалъ, и тотъ „сладкій душевный покой", ради котораго готовъ былъ лишить себя жизни.

Этотъ фактъ, сколько мнѣ извѣстно, не единичный и, слѣдовательно, беллетристъ имѣлъ полное основаніе взять его для своихъ разсказовъ [1]).

Вотъ случай съ одною барышней изъ привиллегированной семьи Б—фъ.

Въ прошломъ году Б—фъ, жившая съ подругою, познакомилась съ одною веселой жизни дамою и завязала съ нею

[1]) Біографія о. Іоанна Кронштадтскаго. Изд. Кузина СПБ. 1895 г. Стр. 107 сля.

дружескія отношенія. Въ результатѣ явились загородные сады, рестораны, и Б—фъ очутилась чуть ли не на краю погибели... Не имѣя силы порвать новыя знакомства, Б—фъ обратилась письменно къ о. Іоанну, умоляя его помолиться за нее:

— Ненавижу эту жизнь, презираю ее, а какъ наступаетъ вечеръ, меня тянетъ за-городъ или въ театръ... Тамъ пріятели, знакомые, рестораны, ужины... Забыла Бога, забросила Евангеліе... Спасите меня...

Нечего и говорить, что о. Іоаннъ не отказалъ въ молитвѣ и посовѣтовалъ Б—фъ пріѣхать къ нему, исповѣдаться и причаститься св. Таинъ. Однако Б—фъ не сразу исполнила совѣтъ... Первое время въ ней происходила какая-то отчаянная борьба. И послѣ того, какъ уже было отослано письмо къ о. Іоанну, она не могла устоять противъ искушенія. Да и окружающіе, видя колебанія пріятельницы, всѣми силами старались удержать ее въ своей компаніи:

— Полно тебѣ ханжить. Вѣдь годы уходятъ, надо-же вспомнить чѣмъ нибудь молодость. Будетъ еще тебѣ время богомольничать... Ну, что же ты дѣлать будешь? Отчего не повеселиться?.. Посмотри на другихъ, всѣ такъ живутъ...

Соблазнъ великъ, и Б—фъ вечеромъ опять была въ „Аркадіи“, а оттуда въ „Ярославцѣ“... Наконецъ, она твердо рѣшила бросить все и начала со своей подруги, которой предложила уѣхать отъ нея... На слѣдующій день она уѣхала въ Кронштадтъ, а возвратившись, забыла и думать о недавнихъ друзьяхъ. Сначала она поступила на мѣсто и въ усиленномъ трудѣ находила для себя цѣль жизни, а вскорѣ вышла за-мужъ за прекраснаго человѣка и теперь живетъ совершенно счастливо.

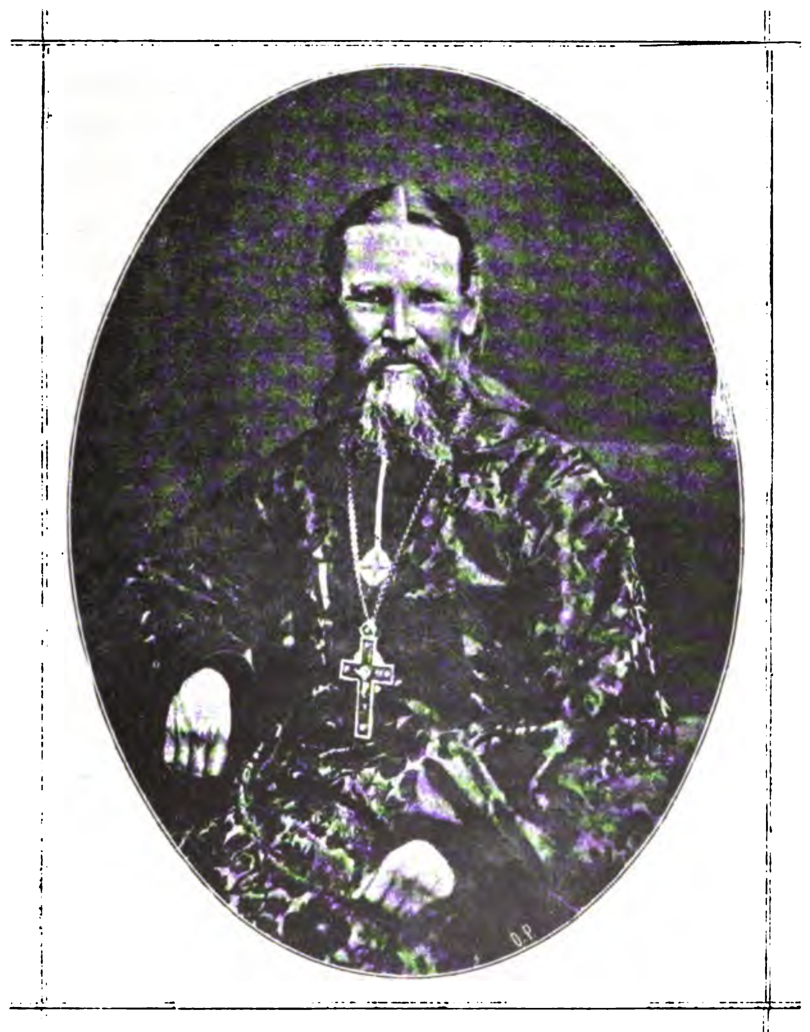
— А вѣдь я была на краю гибели, вспоминаетъ Б—фъ свое прошлое, и если бы не о. Іоаннъ, моя жизнь была бы совершенно разбита...

— Не допускай грѣха въ мысляхъ, гони молитвою мысленный соблазнъ, и ты никогда не дойдешь до паденія,—сказалъ ей въ напутствіе отецъ Іоаннъ; и эти слова теперь она хранитъ, какъ завѣтъ и правило жизни...

Прибавлю еще, что и подруга Б—фъ скоро принуждена была, „по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ“, бросить

разгульную жизнь, но она дорого поплатилась за прошлое веселье [1]).

Я не буду говорить о множествѣ другихъ людей, нашедшихъ подъ вліяніемъ о. Іоанна утраченный ими смыслъ жизни. Такіе люди считаются сотнями. Они принадлежатъ

О. Іоаннъ.

ко всѣмъ слоямъ общества. Ихъ можно встрѣчать во всѣхъ концахъ Россіи. Возвратившись къ жизни, они стали отличными членами общества. Имена многихъ изъ нихъ постоянно

---

[1]) Тамъ же. Стр. 118 сл.

на устахъ общества. Ихъ жизнь и дѣятельность теперь въ миньятюрѣ представляетъ собою жизнь и дѣятельность самого ихъ духовнаго врача о. Іоанна.

А сколько еще есть другихъ людей, также спасенныхъ о. Іоанномъ отъ неменьшей погибели, отъ неменьшей тьмы и блужданій по распутіямъ міра?

Я не буду говорить о поразительнѣйшихъ случаяхъ возвращенія въ церковь благодаря о. Іоанну различныхъ интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ сектантовъ—невѣровъ, простецовъ и вожаковъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, проведшихъ въ расколѣ почти всю свою жизнь. А такіе случаи весьма многочисленны. Я знаю напр. одного богача, бывшаго прежде старообрядцемъ, а теперь, подъ вліяніемъ о. Іоанна, ставшаго православнымъ. Въ своей жизни и дѣятельности въ настоящее время онъ является положительно образцомъ для всѣхъ горожанъ. Свои громадныя богатства употребляетъ исключительно на благоукрашеніе храмовъ и на нищихъ. Ежедневно свыше 200 человѣкъ самыхъ отчаянныхъ бѣдняковъ толпятся на его дворѣ, ожидая отъ него помощи. На дняхъ писали:

21 ноября, въ Кронштадтѣ, въ Андреевскомъ соборѣ, передъ обѣдней, было совершено присоединеніе къ православію 8-ми сектантовъ, пріѣхавшихъ къ отцу Іоанну Кронштадтскому. Это—семейство Бурыхъ, состоящее изъ отца и его 7-хъ дѣтей, принадлежащее раньше къ толку безпоповщины. Обрядъ носилъ торжественный характеръ. У каждаго новообращеннаго былъ воспріемникомъ кронштадтскій житель [1]). Не будемъ приводить другихъ многочисленныхъ подобныхъ фактовъ.

IX.

О. Іоаннъ въ своемъ служеніи ближнимъ не ограничивается только раздаяніемъ духовной милостыни и помощи. Весьма часто онъ идетъ на встрѣчу горю и нуждѣ и съ матеріальной лептой, съ златницей въ рукахъ... Намъ такъ много разсказывали въ Кронштадтѣ о его благотворительности, что о размѣрахъ ея нельзя составить и приблизительнаго представленія. Несомнѣнно только одно, что она выражается

---

[1]) *Моск Вѣд.* 1901 г. № 323.

въ громадныхъ цифрахъ, даже не въ десяткахъ, а въ сотняхъ тысячъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что вся благотворительность о. Іоанна ежегодно простирается болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей. И кажется, едва ли они далеки отъ истины. Возьмите одинъ „Домъ Трудолюбія“,—что онъ стоитъ? На одно обезпеченіе его будущей дѣятельности,—когда у „Дома“ не будетъ притока постороннихъ пожертвованій,—въ настоящее время имѣется свыше полмилліона рублей, да на такую же сумму недвижимаго имущества [1]). Возьмите, далѣе, подворье для Сурской обители, что строится о. Іоанномъ въ Петербургѣ. Смѣта для зданій подворья представлена на семь сотъ тысячъ. Но, несомнѣнно, этихъ денегъ не хватитъ. Если не половину, то треть этой суммы придется еще прибавить. Что стоятъ, далѣе, его постройки на родинѣ: каменный большой храмъ, училище, лавочка и цѣлый потомъ даже монастырь? Вотъ что самъ о. Іоаннъ говорилъ на торжествѣ освященія чуднаго храма въ Сурѣ.

— Слава Богу! Это не сонъ и не привидѣніе! Это дѣйствительность, видимая глазами и осязаемая руками! Это дѣйствительно величественный, художественный, благоукрашенный, сіяющій златомъ и особенно чудными ликами Господа, Богоматери и святыхъ Его, храмъ Божій въ удаленномъ отъ града бѣдномъ селеніи, въ которомъ, хотя и доселѣ стоятъ два деревянныхъ храма, но, по причинѣ древности, крайне ветхихъ и близкихъ къ разоренію.

И кому же суждено Богомъ создать этотъ величественный храмъ Богу и угодникамъ Его? Не человѣку, отличающемуся знатнымъ родомъ или званіемъ или богатствомъ, но человѣку неродовитому, сыну бѣднаго сельскаго причетника, служившаго въ томъ же селѣ, въ которомъ, по крайней мѣрѣ, три съ половиной столѣтія преемственно въ разное время священствовали іереи изъ рода Сергіевыхъ. Да, это не сонъ, это радостная дѣйствительность, что сынъ бѣднаго причетника, на которомъ Господь удивилъ и не перестаетъ удивлять милости и щедроты свои, воздвигъ, изволеніемъ и содѣйствіемъ Божіимъ, прекрасный, неветшающій храмъ во славу Всетворцу-Богу. Благодарю Бога, что въ этой далекой, бѣдной веси, бѣдной и жалкой, воздвигнутъ этотъ

---

[1]) *Русскій Паломникъ*. 1900 г. № 52, стр. 888.

благолѣпный храмъ. Слава Богу за всѣ Его милости ко мнѣ и ко всѣмъ намъ. Благодареніе Богу и за то особенно, что Онъ помогъ мнѣ воздвигнуть храмъ сей однимъ усердіемъ благочестивыхъ христіанъ, пребывающихъ въ обѣихъ столицахъ Россіи и въ другихъ градахъ. Никого я не просилъ. Сами они, движимые усердіемъ къ Богу и храму Его, лишь услышали, что я возъимѣлъ намѣреніе устроить на родинѣ своей новый храмъ вмѣсто ветхихъ,—стали присылать мнѣ на воздвиженіе его свои матеріальныя жертвы. Вы видите здѣсь плоды вѣры и усердія къ Богу и церкви Его русскихъ людей—и между ними—даже благовѣрнаго Государя Великаго Князя Георгія Михайловича, пожертвовавшаго всѣ иконы для иконостаса.

А благотворительность о. Іоанна бѣднымъ города Кронштадта? Оня положительно изумительна. Нерѣдко о. Іоанну невыносимо тяжело становится въ этой вѣчной, неустанной борьбѣ съ нищетой и нуждой. Вотъ почему однажды онъ былъ даже принужденъ съ церковной каѳедры сказать жителямъ города:

— Братія! предъ Богомъ говорю, что я полагаю половину своего достоянія на нищихъ. Пожалѣйте и меня, избавьте меня отъ лишней тяготы, распредѣлите благотворительность болѣе правильнымъ образомъ. Слѣдуйте моему примѣру! Братія! нищихъ нельзя забывать.

Личный секретарь о. Іоанна говорилъ намъ, что за мѣсяцъ іюнь имъ послано по почтѣ различнымъ просителямъ 25000 рублей, а 28 августа по 192 переводамъ въ одинъ день болѣе 13000 рублей. Мы смотрѣли этотъ списокъ переводовъ. Онъ весь испещренъ значительными суммами. Сто, двѣсти, триста рублей пестрятъ вездѣ и всюду. Эти цифры представляютъ собою какъ бы уже норму, меньше которой почти не принято отсылать. А сколько лично самъ раздаетъ батюшка, о чемъ не только никто ничего не знаетъ, но и онъ самъ не знаетъ и не можетъ знать. Изъ кармановъ, туго начиненныхъ деньгами, онъ даетъ направо и налѣво, часто даже не справляясь съ тѣмъ, сколько кому далъ. По истинѣ лѣвая рука не знаетъ, что дѣлаетъ правая. Извѣстны люди, которымъ онъ давалъ сразу свыше тысячи рублей. Золоторотцамъ нѣкоторымъ батюшка также сразу давалъ почти по сто рублей—(94 р.). Однажды я просилъ ба-

тюшку помочь сколько-нибудь бѣднымъ ученикамъ Н—ской семинаріи и черезъ три дня получилъ отъ него 300 рублей. Пріѣзжаютъ къ нему питомцы одной школы, онъ даетъ имъ на дорогу 800 рублей. Давалъ онъ и вполнѣ состоятельнымъ людямъ по 500 рублей. Говорятъ, онъ гораздо больше раздаетъ самъ своими руками, чѣмъ успѣваетъ посылать по почтѣ его секретарь. Больше также и получаетъ онъ поручно, чѣмъ по почтѣ. А почта ежедневно не малыя суммы приноситъ о. Іоанну. По словамъ секретаря, и теперь денежной корреспонденціи съ почты ежедневно приносятъ кругдымъ счетомъ 200 пакетовъ. Въ какія же суммы превратятся эти ежедневныя 200 пакетовъ къ концу года? Люди весьма свѣдущіе намъ говорили, что почта, когда о. Іоаннъ еще мало выѣзжалъ изъ Кронштадта, доставляла ему почти милліонъ рублей ежегодно. Многіе присылаютъ свои пожертвованія о. Іоанну даже чрезъ Редакцію „Русскаго паломника." Страницы этого журнала иногда испещрены именами и фамиліями подобныхъ жертвователей.

На какія добрыя начинанія не откликался только о. Іоаннъ? Куда и кому только не жертвовалъ и не жертвуетъ о. Іоаннъ? Его щедрая благотворительность обратила на себя вниманіе даже Государя Императора, и съ высоты Трона посылалась ему, кажется, не разъ монаршая благодарность. Жертвуетъ о. Іоаннъ громадныя суммы по 50000 рублей на монастыри, по 1000 рублей на храмы. Жертвуетъ тысячи на школы и больницы. Какое общество въ Россіи не считаетъ его своимъ членомъ? Нѣтъ епархіи въ цѣлой Россіи, въ которую бы онъ не сдѣлалъ тѣхъ или другихъ приношеній отъ своихъ щедротъ. Не только въ Россіи, но и за предѣлами ея, почти во всѣхъ государствахъ, русскіе люди получали его лепту или на храмы, или на школы, или на больницы, или на дѣла миссіи. Не только общества и церкви, находящіяся за границей, получали отъ него помощь, но многое множество и частныхъ людей, проживающихъ вдали отъ родины. Мало того, о. Іоаннъ жертвуетъ не только православнымъ христіанамъ, но и инославнымъ, и не только христіанамъ, но и иновѣрцамъ. Такъ недавно о. Іоаннъ пожертвовалъ значительную лепту въ пользу какого-то еврейскаго благотворительнаго общества. Мѣсяцъ тому назадъ онъ послалъ пожертвованіе татарамъ. При распредѣленіи

пожертвованій о. Іоаннъ руководится слѣдующимъ правиломъ:

— У Бога нѣтъ ни эллиновъ, ни іудеевъ. У меня своихъ денегъ нѣтъ. Мнѣ жертвуютъ, и я жертвую. Я даже часто не знаю, кто и откуда прислалъ мнѣ то или другое пожертвованіе. Потому и я жертвую туда, гдѣ есть нужда и гдѣ эти деньги могутъ принести пользу [1]...

Однажды обратились къ о. Іоанну католики съ просьбой помочь имъ пріобрѣсти приличный колоколъ для своего костела. Не одинъ разъ они обращались съ просьбою о помощи въ свою консисторію. Но оттуда не получали ни привѣта, ни отвѣта. Вынужденные обстоятельствами, они принуждены были обратиться за помощію къ о. Іоанну. И не ошиблись въ своемъ разсчетѣ. О. Іоаннъ, не говоря ни одного слова, далъ имъ нужную сумму для пріобрѣтенія колокола со словами:

— Да славятъ они Бога.

Жертвуетъ о. Іоаннъ православнымъ китайцамъ [2].

Не буду приводить никакихъ другихъ примѣровъ благотворительности о. Іоанна. Да и не важно, и не интересно это. Служеніе о. Іоанна русскому народу заключается не въ брянцаніи денегъ и не въ раздаяніи ихъ направо и налѣво, а въ чемъ-то другомъ, болѣе высокомъ и важномъ. Есть что-то въ его жизни и дѣятельности другое, что заставляетъ ежедневно однообразнымъ темпомъ течь къ нему этотъ золотой потокъ, проноситься надъ его головой этимъ тучамъ съ золотымъ дождемъ. Говорятъ, каждый день о. Іоаннъ ложится безъ копейки въ карманѣ, не смотря на то, что на другой день для поддержанія только различныхъ благотворительныхъ учрежденій ему нужно болѣе тысячи рублей. И не было случая, чтобы этотъ другой день обманывалъ его. Съ ранняго утра снова пополнялись его карманы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жили прежнею жизнію всѣ его благія учрежденія. Его вѣра въ будущій день въ данномъ случаѣ, кажется, подобна вѣрѣ св. Ап. Петра, который, оставивъ лодку, сначала твердо, безбоязненно пошелъ по волнамъ Геннисаретскаго озера на встрѣчу Христу Спасителю. Повторяю, въ жизни и дѣятель-

---

[1]) *Русскій Паломникъ.* 1900 г. № 42, Стр. 704.

[2]) Тамъ же. № 52, стр. 300.

ности о. Іоанна есть болѣе важное, чѣмъ деньги. Это болѣе важное представляетъ собою то самое, что заставляетъ устремляться къ ногамъ о. Іоанна золотой потокъ. На этомъ-то главномъ и должно быть сосредоточено все наше вниманіе. Да и завелъ я рѣчь о благотворительности о. Іоанна лишь потому, чтобы показать, что можетъ еще сдѣлать на св. Руси простой, скромный служитель алтаря Господня. Понимаете ли отсюда, чѣмъ мы бѣдны? Бѣдны мы не деньгами, какъ говорятъ многіе нынѣ, а духомъ. Деньги вездѣ и всюду рядомъ съ нами, но бѣда наша въ томъ, что мы не умѣемъ ихъ привлечь къ себѣ, не умѣемъ расположить людей къ жертвѣ на дѣло святое и благое.

X.

Быть въ Кронштадтѣ и не видать „Дома Трудолюбія" это значитъ не видать многаго. Вотъ почему при первой возможности мы отправились осмотрѣть непонятное до этого времени для насъ учрежденіе.

Осмотръ дорогого дѣтища о. Іоанна начали съ храма. Храмъ по своимъ размѣрамъ мало напоминаетъ домовую церковь, а богатство его внутренней отдѣлки невольно переноситъ мысль къ большимъ городскимъ приходскимъ храмамъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ мы осматривали этотъ храмъ, — мѣсто великаго просвѣтительнаго подвига о. Іоанна. Если бы мысленно представить хотя только отчасти все, что видѣли эти стѣны, то душа невольно наполняется чувствами удивленія и смущенія. Десятки тысячъ людей побывали здѣсь съ своимъ горемъ и нуждой. На церковный помостъ здѣсь склоняли свои колѣна старцы и юноши, мудрецы и простецы, богачи и бѣдняки, знатные и незнатные, грѣшники и праведники. Стѣны церковныя здѣсь не разъ видѣли слезы человѣческія и стоны, вырывавшіеся изъ самой глубины наболѣвшей души. Сколько людей уходило отсюда обновленными, съ вѣрою въ свои силы и съ свѣтлымъ взоромъ на будущее. У скольких людей здѣсь возжигался, почти уже совершенно потухшій, ихъ жизненный свѣтильникъ. Какая мало зримая, но гигантская внутренняя работа надъ душой человѣческой совершалась здѣсь многіе годы. Я назвалъ бы это мѣсто

великой лѣчебницей, въ которой совершалось и совершается оздоровленіе всего русскаго народа. Я охотно назову это мѣсто новою банею (Ср. Тит. 3, 5), въ которой люди омывались и омываются отъ самой страшной внутренной скверны. Сравниваю я это мѣсто и съ могучимъ потокомъ, съ кристально чистой, холодной водой, которая оживотворяетъ, бодритъ человѣка, въ какомъ бы печальномъ положеніи онъ ни былъ. О, если бы у насъ было больше такихъ храмовъ, какъ сильны и могущественны были бы мы, какъ мало бы пришлось намъ ограждать себя всевозможными внѣшними мѣрами отъ всякихъ нестроеній и различныхъ враговъ.

Въ храмѣ „Дома Трудолюбія“ особенно поразила насъ ризница. Св. сосудовъ мы насчитали болѣе десяти. Всѣ они отличались цѣнностью и изяществомъ работы. Каждый сосудъ имѣлъ что-либо такое особенное, характерное, чего не было въ другомъ сосудѣ и чѣмъ онъ замѣтно выдѣлялся изъ ряда другихъ сосудовъ. Искусство, знаніе, мастерство,— все вложено въ работу. Здѣсь были и большіе, и малые, и средніе сосуды. Не смотря на то, что сосуды постоянно разсылались и разсылаются по бѣднымъ приходамъ, число ихъ однако не сокращалось. Не буду говорить о многихъ другихъ весьма цѣнныхъ вещахъ ризницы, чтобы сказать нѣсколько словъ объ облаченіи о. Іоанна. И облаченія отличались обиліемъ, необыкновенною цѣнностью. рѣдкостью, и изяществомъ. Я, вѣроятно, не ошибусь, если скажу, что едва ли есть еще какая другая домовая церковь въ цѣлой Россіи, гдѣ была бы такая ризница. Однѣхъ хорошихъ ризъ намъ показали до сорока. Ризы были парчевыя, бархатныя и шелковыя. Намъ показывали такія ризы, изъ которыхъ каждая по стоимости превышала тысячу рублей. Были, кажется, въ три тысячи и болѣе. Оплечья однѣхъ были богато расшиты золотомъ, другихъ—убраны жемчугомъ и каменьями, третьихъ — цѣнными иконами, четвертыхъ — художественно разрисованы. Одна риза была сдѣлана въ Японіи изъ тончайшаго и бѣлѣйшаго японскаго шелка, отдѣланная чудными и дорогими кружевами вмѣсто парчевыхъ гасовъ. Это—даръ бывшаго моряка, нѣсколько разъ объѣхавшаго всю землю, а теперь нашего руководителя о. М., тоже студента Академіи. Среди всевозможныхъ цвѣтовъ, какими пе-

стрѣла эта богатая ризница, чаще всего встрѣчался красный. Это,—опять сказали намъ,—самый любимый цвѣтъ батюшки. Въ ризницѣ же показали намъ громадныхъ размѣровъ сундукъ, наполненный до верха различными цѣнными подношеніями о. Іоанну. Это были не церковные все предметы, а предметы или роскоши, или вещи, необходимыя въ домашнемъ употребленіи. Какая ихъ была масса. Они сложены здѣсь безъ всякаго порядка и безъ особенной бережливости. Объ употребленіи же ихъ не могло быть и. рѣчи. Подъ церковью въ небольшой комнатѣ, гдѣ послѣ богослуженій переодѣвается о. Іоаннъ, намъ показали много самаго тонкаго, дорогого, разнообразнаго бѣлья. Все это были щедрые дары его почитателей. Намъ говорили, что у о. Іоанна такъ много рясъ, что онъ могъ бы каждый день надѣвать новую рясу. Нѣкоторые изъ его почитателей умоляютъ его хотя однажды надѣть на себя ихъ щедрый даръ. Каждая ряса необыкновенно цѣнна по своей стоимости. Объ изяществѣ и красотѣ, разнообразіи этихъ чудныхъ рясъ нѣтъ нужды и говорить: все здѣсь верхъ совершенства Говорятъ, будто бы ни у кого въ цѣлой Россіи нѣтъ такихъ рясъ. Его мѣховыя рясы стоятъ болѣе 1000 рубл., шапки о. Іоанна стоятъ по 300 р., но то, и другое онъ спокойно даритъ болѣе дерзновенному какому нибудь просителю. И это—все дары его искреннихъ почитателей, которые для дорогого батюшки ничего не пожалѣютъ.

Разсказывали намъ, что о. Іоанну приносятъ въ даръ не только эти сравнительно малыя вещи, но и цѣлые даже дома, стоящіе большихъ денегъ. Такъ недавно въ конторѣ одного изъ петербургскихъ нотаріусовъ былъ совершенъ рѣдкій нотаріальный актъ: дарственная запись отъ имени нѣкоей Терентьевой отцу Іоанну Кронштадскому на домъ, находящійся на одной изъ бойкихъ петербургскихъ улицъ [1]). Ему приносятъ въ даръ цѣлыя свои состоянія. О. Іоанну дарятъ довольно значительныхъ размѣровъ пароходъ, устроенный спеціально для него одного,—пароходъ со всевозможными удобствами и приспособленіями.

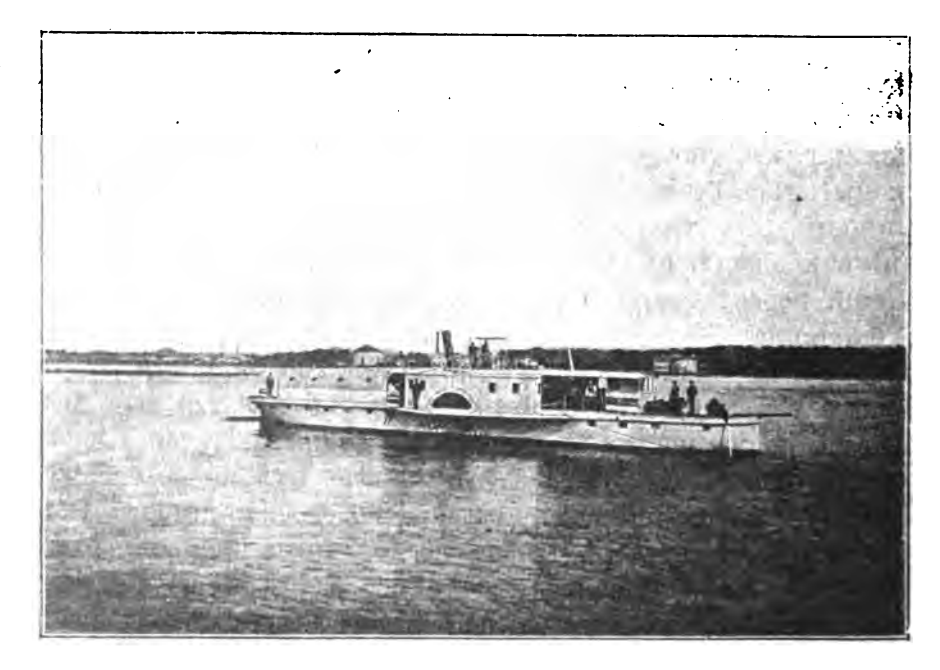
Пароходъ называется: „Святитель Николай“.

По мысли жертвователей на этомъ пароходѣ о. Іоаннъ

---

[1]) *Моск. Вѣд.* 1901. № 53. Февр. 23. Ср. *Русск. Пал.* 1900 г. и мн. др.

долженъ былъ безъ всякихъ пересадокъ доѣзжать прямо до своей родины. И о. Іоаннъ не разъ совершалъ на немъ свое

Пароходъ о. Іоанна.

путешествіе на родину. Теперь этотъ пароходъ о. Іоаннъ, кажется, подарилъ своей Сурской обители. Находясь въ полномъ распоряженіи обители, онъ въ настоящее время совершаетъ рейсы по рѣкѣ Сурѣ.

Сколько поднесено о. Іоанну различныхъ иконъ, начиная отъ самой бѣдной—дара крестьянина,—и кончая самой богатой, стоящей не одну тысячу рублей. Сколько поднесено наперсныхъ крестовъ съ различными драгоцѣнными украшеніями. Сколько пожертвовано митръ различныхъ цвѣтовъ и различныхъ достоинствъ. Изъ священныхъ даровъ, поднесенныхъ о. Іоанну въ различное время, мнѣ особенно нравится хоругвь. Не цѣна хоругви меня прельщаетъ въ данномъ случаѣ, а великій смыслъ этого священнаго дара. Дѣйствительно, о. Іоаннъ какъ бы имѣетъ свое особое священное знамя, какого почти никто другой не имѣетъ. Я мысленно представляю его, стоящимъ подъ этимъ знаменемъ какъ бы на какой высокой горѣ, съ которой открывается видъ на

всю вселенную. И какъ чуденъ, прекрасенъ онъ въ этомъ положеніи... Онъ молчаливо всѣмъ людямъ твердо и рѣшительно показываетъ, куда лежитъ ихъ жизненный путь.

Для него устраиваютъ то тамъ, то здѣсь теплый и прекрасный уголокъ. въ которомъ онъ могъ бы отдохнуть душой и согрѣться при ежедневныхъ путешествіяхъ во всѣ времена года въ столицу и обратно.

Ему шлютъ чудные дары изъ далекихъ иноземныхъ странъ. Дарятъ роскошнѣйшія ширмы необыкновенно дорогой тонкой японской работы. На дняхъ Лондонское библейское общество командировало въ Кронштадтъ депутацію изъ 3-хъ членовъ для врученія о. Іоанну Кронштадскому почетнаго посоха [1]).

Но довольно говорить объ этомъ подробно. Скажу вообще слѣдующее.

Слушая о дарахъ, принесенныхъ о. Іоанну со всѣхъ концовъ свѣта, положительно не можешь указать, чего бы ему еще не было принесено. А если и есть такіе предметы и вещи, то не знаешь, чего не можетъ принести ему любовь народная и чѣмъ она еще не сможетъ пожертвовать ради него. Даже нѣкоторыя молитвы о. Іоанна положены на ноты и расходятся въ значительномъ количествѣ. Когда у него спрашивали разрѣшеніе на это, то онъ отвѣчалъ:

— Съ моей стороны нѣтъ препятствій къ переложенію на ноты моихъ печатныхъ изреченій и молитвенныхъ воззрѣній къ Богу... Печатайте и пойте [2]).

Разсматривая всѣ эти вещи, я думалъ, какъ глубоко справедливы слова Спасителя, сказанныя намъ христіанамъ: „ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ“. (Мѳ. 6, 33). О. Іоанну, искавшему прежде всего царствія Божія въ теченіе всей своей жизни, дѣйствительно, все это и приложилось. А мы, ища этого „всего“, большею частію начинаемъ съ противоположнаго. Ищемъ сначала „всего“, а потомъ уже царствія Божія. Вотъ почему то и другое такъ мало намъ удается. Идемъ въ царскіе чертоги не съ параднаго подъѣзда, а съ чернаго, задняго хода, и удивляемся въ простотѣ души своей, какъ это мы не можемъ проник-

---

1) *Рус. Слово.* 1901 г. № 303.

2) *В. Орловъ.* Три духовныхъ хора. М. 1896 г.

нуть въ чудный дворецъ, не смотря на всѣ свои усилія и старанія.

Изъ церкви насъ повели въ кабинетъ о. Іоанна, сдѣланный для него въ Домѣ Трудолюбія его почитателями. Кабинетъ поразилъ насъ своей роскошью. Мраморъ, бронза, дорогія картины, роскошныя портьеры, чудная мебель, прекрасныя зеркала, великолѣпные ковры, — вотъ обстановка этого тихаго и уютнѣйшаго уголка о. Іоанна. Среди портретовъ были портреты особъ царской фамиліи съ собственноручными подписями.

Любовь не знаетъ границъ и ничего не щадитъ для любимаго человѣка. Насъ повели на четвертый этажъ зданія подъ самую крышу, гдѣ былъ устроенъ второй кабинетъ для о. Іоанна. И здѣсь была та же роскошь, что и въ первомъ кабинетѣ. Но послѣдній имѣлъ и нѣкоторыя, незамѣнимыя преимущества сравнительно съ первымъ. Строители дома замѣтили, что отсюда открывается чудный видъ на море, окрестности Кронштадта и рѣшились воспользоваться этимъ. Любя дорогого батюшку и устраивая этотъ кабинетъ, они хотѣли дать ему возможность любоваться чудными видами природы, открывающимися отсюда. И дѣйствительно, съ этой головокружительной высоты былъ волшебный видъ. Отсюда видна была значительная часть города, далѣе разстилались окрестности, покрытыя садами, зеленѣющими лугами, а еще далѣе, тамъ полосой, въ видѣ правильно изогнутаго серпа, виднѣлось море, огибающее островъ. Какъ пріятно было смотрѣть на эту полоску моря, освѣщенную лучами солнца, склоняющагося къ закату. Она казалась то серебряной полосой, то отливала всѣми цвѣтами радуги, то принимала золотистый оттѣнокъ. Тамъ царила какая то необыкновенная, вдохновляющая тишина. Тамъ было такъ хорошо, что не хотѣлось даже уходить оттуда.

Послѣ осмотра кабинетовъ о. Іоанна мы начали осмотръ всевозможныхъ учрежденій Дома Трудолюбія. Не отрицая частной благотворительности, о. Іоаннъ всегда ратовалъ и ратуетъ за необходимость общественной, разумной благотворительности, которая въ состояніи принести болѣе обильные и благопріятные плоды сравнительно съ частной. „У первыхъ христіанъ,—говоритъ о. Іоаннъ въ одномъ изъ своихъ поученій,—было все общее богатые и достаточные добровольно

жертвовали своимъ имѣніемъ и деньгами; собранное хранилось у предстоятелей церкви, которые употребляли оное на содержаніе бѣдныхъ, странныхъ, заключенныхъ въ узахъ и другимъ на помощь нуждающимся. Есть у насъ родъ сокровищницы, пишетъ одинъ церковный учитель, каждый ежемѣсячно, или когда пожелаетъ, вноситъ въ нее, сколько можетъ и сколько хочетъ. Эти подаянія употребляются на пропитаніе и погребеніе бѣдныхъ, на содержаніе дѣтей, лишившихся родителей, на старцевъ, уже не выходящихъ и не могущихъ работать, на облегченіе участи несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе"... Съ первыхъ годовъ священства въ душѣ о. Іоанна возникла мысль о созданіи какого-либо подобнаго большого просвѣтительно-благотворительнаго учрежденія. Онъ задумалъ устроить такое учрежденіе, которое бы давало каждому возможность получать помощь не какъ подаяніе, а какъ награду за извѣстный трудъ. Давая возможность каждому заработать на насущныя потребности, это учрежденіе такимъ образомъ должно было охранять бѣдняка отъ бездны паденія, чего далеко не всегда достигаетъ частная милостыня, пріучающая многихъ къ тунеядству. Такимъ учрежденіемъ оказался „Домъ Трудолюбія", построенный о. Іоанномъ въ 1882 году.

Не имѣя самъ средствъ для такого громаднаго предпріятія, о. Іоаннъ обращается за помощію ко всѣмъ гражданамъ города. Онъ пишетъ къ гражданамъ города два посланія, полныя необыкновенной силы, прелести, теплоты.

„Кому не извѣстны рои кронштадскихъ нищихъ-мѣщанъ, женщинъ и дѣтей разнаго возраста?—пишетъ о. Іоаннъ. Кто не видалъ и того, что между нищими-мѣщанами есть много людей молодыхъ и здоровыхъ, представляющихъ изъ себя весьма жалкую фигуру по своей крайне грязной и изорванной одеждѣ, трясущихся у преддверія храмовъ или у лавокъ и заборовъ въ ожиданіи подаянія отъ какого-либо благодѣтеля? Но всякій-ли додумывается до настоящей причины такого множества бѣдныхъ въ Кронштадтѣ? Вѣроятно, многимъ или некогда было вникнуть въ истинную причину этого зла, потому что всякій преслѣдуетъ свои житейскія цѣли, свои удовольствія, или многіе останавливались на той мысли, что нищета — неизбѣжное зло всѣхъ городовъ, не исключая, конечно, и селъ. Многимъ гражданамъ, вѣроятно,

и не приходилось видѣть полную картину кронштадтской нищеты,—картину, далеко неотрадную. Такъ позвольте-же, достопочтенные граждане, остановить ваше высокое вниманіе и на дѣйствительныхъ причинахъ нищеты, и на этой картинѣ нищеты. Это нужно для всѣхъ насъ. Какъ не знать того, что такъ близко къ намъ, съ чѣмъ мы живемъ, что составляетъ, такъ сказать, ежедневный фазисъ нашей жизни, хотя часто и не совсѣмъ-то пріятный.

Причинъ кронштадтской нищеты и бѣдности множество. Вотъ главныя: бѣдность отъ рожденія, бѣдность отъ сиротства, бѣдность отъ разныхъ бѣдственныхъ случаевъ, напр., отъ пожара, отъ кражи, бѣдность отъ неспособности къ труду по причинѣ старости, или болѣзни, или калѣчества, или по маловозрастности, бѣдность отъ потери мѣста, бѣдность отъ лѣности, бѣдность отъ пристрастія къ хмѣльнымъ напиткамъ, и въ наибольшей части случаевъ, отъ недостатка труда и отъ недостатковъ средствъ, съ которыми-бы можно было взяться за трудъ: порядочной одежды, обуви, насущнаго хлѣба, инструмента или орудія. Но отъ чего особенно много нищихъ именно въ Кронштадтѣ? Въ это тоже стоитъ вникнуть.

Хотите удостовѣриться въ множествѣ нищихъ въ Кронштадтѣ? Выйдите по утру, часовъ 9 или 10, въ субботу и вы во множествѣ увидите ихъ въ гостинномъ дворѣ и по всѣмъ улицамъ. Въ этотъ день они собираютъ милостыню, какъ въ день сборный, въ который бываетъ имъ подача по 1/4 коп., рѣдко по грошу, и вы увѣритесь въ справедливости сказаннаго. Да это еще далеко не все: сколько есть больныхъ, старыхъ и малыхъ, не могущихъ ходить за подаяніемъ! Хорошо-бы для ознакомленія съ количествомъ кронштадтскихъ нищихъ привести въ извѣстность число ихъ! А угодно кронштадтской публикѣ видѣть непривлекательную картину бѣдности нашихъ нищихъ? Вы заранѣе отказываетесь ее видѣть, вы отворачиваете лицо! Не гнушайтесь, вѣдь это члены наши, вѣдь это братья наши, хоть и непривлекательные по наружному виду. Вотъ эта картина: представьте сырые, далеко ушедшіе въ землю подвалы домовъ нѣкоторыхъ улицъ, въ которыхъ по преимуществу помѣщаются наши нищіе; тутъ помѣщается по 30, 40 и 50 человѣкъ въ жильѣ, иногда положительно какъ сельди въ

бочкѣ; тутъ старые и взрослые, и малыя дѣти, тутъ и младенцы, сосущіе сосцы, въ сырости, въ грязи, въ духотѣ, въ наготѣ, а часто и въ голодѣ. Интересующійся самъ можетъ провѣрить истину этихъ словъ. Но къ чему же я утомляю такой картиной воображеніе читателей, привыкшихъ къ изящной обстановкѣ? Не для того, конечно, чтобы читатель только сказалъ: слава Богу, что я не родился въ бѣдности или не живу въ бѣдности; слава Богу, что у меня есть капиталецъ—и я обезпеченъ; слава Богу, что я живу съ комфортомъ и во всякомъ довольствѣ; или: я свою лепту вношу въ богадѣльню, на пріютъ, до этихъ нищихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Нѣтъ, господа, это дѣло касается до всѣхъ жителей города, какъ живущихъ на жалованьѣ, такъ и купцовъ, мѣщанъ и прочихъ имѣющихъ какое либо состояніе. Въ чемъ же дѣло? спрашиваете вы. Въ томъ дѣло, чтобы всему кронштадтскому обществу, духовному, военному, чиновничьему, торговому, мѣщанскому образовать изъ себя попечительство или братство при разныхъ церквахъ, по примѣру существующихъ попечительствъ и братствъ въ нѣкоторыхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ С.-Петербургѣ, и соединенными силами заботиться о прісканіи для нищихъ общаго жилья, рабочаго дома и ремесленнаго училища.

Не пугайтесь, господа, громадности предпринимаемаго дѣла. Доброму дѣлу поможетъ Богъ, — а гдѣ Богъ, тамъ скоро явится все какъ-бы изъ ничего. Начальство города, конечно, будетъ этому содѣйствовать и, если можно, уступитъ братству одно или два изъ ненужныхъ казенныхъ зданій, напримѣръ, соляной пустой магазинъ противъ дома Касаткина, или одно изъ пустыхъ зданій за канавой близъ Лѣтняго сада, такъ какъ братство будетъ содѣйствовать предначертаніямъ самого правительства о водвореніи между нищими труда и довольства. Умъ хорошо, а два лучше; съ міру по ниткѣ—бѣдному рубашка; кто чѣмъ можетъ, тотъ тѣмъ и поможетъ. Если городу угодно было принять къ себѣ такое множество нищихъ-мѣщанъ, то онъ, конечно, долженъ взять на себя и обязанность занять чѣмъ нибудь этихъ праздныхъ людей, сдѣлать ихъ осѣдлыми; иначе выйдетъ и возрастетъ неизбѣжное зло, воровство и грабительство, и мирные граждане не будутъ безопасны вездѣ и всегда. Пора сдѣлать что либо рѣшительное относительно

кронштадтскихъ мѣщанъ или устроить для нихъ рабочій домъ и для дѣтей ремесленную школу, или-же, какъ крайнюю мѣру, выпроводить часть ихъ куда нибудь въ другое мѣсто.

Итакъ, братья, всѣ, кого интересуетъ благо человѣчества, пусть соберутся и сплотятся въ дружное общество, и будемъ посвящать свои досуги и собирать нравственныя и матеріальныя силы согражданъ на пріисканіе дома трудящихся и на снабженіе его потребными вещами, также и на устройство ремесленнаго училища.“

Вотъ второе воззваніе глубокоуважаемаго пастыря по тому же поводу:

„Муравьи дѣлаютъ муравейники, въ которыхъ имъ бываетъ и зимою тепло и сытно; звѣри — логовища; пчелы — ульи: птицы—гнѣзда, пауки—паутины, а люди — дома, магазины хлѣбные и магазины съ разными товарами, церкви, театры, мосты, желѣзныя дороги, броненосныя суда, пароходы, крѣпости и проч. Всякому животному дано отъ Бога, вложено въ природу его умѣнье довольствовать себя, защищать себя отъ вреднаго дѣйствія стихій, или отъ живыхъ непріятелей; а человѣка, существо богоподобное (въ нравственномъ идеалѣ), царя видимой твари, Богъ надѣлилъ разумомъ, съ помощью котораго онъ изобрѣлъ разныя полезныя науки и искусства, и такъ какъ человѣкъ созданъ для общежитія, и все множество людей должно, по намѣренію Божію, составлять одно тѣло, а порознь члены, то для благоденствія и довольства, для удовлетворенія многочисленныхъ нуждъ человѣчества или обществъ человѣческихъ, премудрость Божія и наука, отъ Бога данная, сообщила каждому человѣку, кромѣ общихъ, особенные таланты или способности и умѣнье: иному власть, искусство, силу управлять людьми, другому искусство и власть учить и назидать другихъ; иному сочинять, составлять планы и проэкты, а другимъ приводить ихъ въ исполненіе, иному искусство нападать на непріятеля или защищаться отъ него; тому умѣнье вести торговлю, этому производить заводское или фабричное мастерство; иному данъ талантъ ковать или отливать; другому владѣть долотомъ, топоромъ и пилою; иному шить сапоги, а другому умѣнье шить одежду; иному прясть, ткать или вязать, иному варить и печь. Что ка-

сается кронштадтскаго общества, то оно такъ населенно и разнообразно, что въ немъ, по милости Божіей, есть люди всякаго рода, всякаго дѣла, всякаго умѣнья или искусства: и люди власти и капитала, по желанію и инициативѣ которыхъ могутъ дѣлаться всякія добрыя дѣла; есть у насъ и инженеры, и архитекторы, и лѣсовщики, и плотники, и столяры, и печники, и кровельщики, и кузнецы, и литейщики, и портные, и сапожники, и пекаря, и кухмистеры. Но рука руку моетъ, и палецъ палецъ (manus manum lavat, et digitus digitum): *сильные должны носить немощи немощныхъ* [1]). При такомъ богатомъ разнообразіи силъ нашего общества, при такой его талантливости, при такомъ множествѣ людей и образованныхъ, и дѣльныхъ, и искусныхъ, и съ состояніемъ, хотя и не громаднымъ, было-бы и предъ Богомъ грѣшно и предъ людьми стыдно оставлять такое множество нашихъ членовъ (разумѣю нашихъ мѣщанъ) оторванными, изолированными отъ общественнаго тѣла, и отъ его благосостоянія. Отчего не связать ихъ съ общественнымъ организмомъ, соорудивъ для нихъ помѣщеніе и давъ каждому изъ нихъ дѣло, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ способны къ разнымъ мастерствамъ,—и съ дѣломъ давъ имъ хлѣбъ и все нужное? Опять я обращаюсь къ обществу съ покорнѣйшею просьбою, обратить дѣятельное вниманіе на кронштадтскихъ нищихъ мѣщанъ, приписанныхъ Палатою къ Кронштадту и и неимѣющихъ въ немъ никакой осѣдлости, пріискать или сдѣлать для нихъ общее помѣщеніе и каждому дать соотвѣтственно его силамъ трудъ, которымъ они могли-бы кормиться или одѣваться. Во имя христіанства, во имя человѣколюбія, гуманности взываю: поможемъ этимъ безпріютнымъ бѣднякамъ: поддержимъ ихъ и нравственно и матеріально; не откажемся отъ солидарности съ ними, какъ съ человѣками и собратами, и докажемъ, что чувство человѣколюбія въ насъ еще живуче и себялюбіе не заѣло насъ. Такъ какъ прежде всего нужна здѣсь матеріальная помощь, то я дѣлаю первый починъ, вношу ежегодно въ кассу общества, которое приметъ на себя хлопоты по этому дѣлу, *семдесятъ рублей*, съ тѣмъ, чтобы не подавать на улицахъ и у церкви нищимъ. Братья, во имя Христа и Креста возвышаю мой

[1]) Рим. 15, 1.

голосъ: кто еще?... Ужели муравьямъ и пчеламъ мы дадимъ преимущество предъ собою? Теперь многимъ городамъ Россіи извѣстна кронштадтская нищета; они ожидаютъ, что мы сдѣлаемъ что нибудь къ отвращенію ея. Посѣщающіе Кронштадтъ русскіе и иностранцы удивляются и множеству и крайней лохмотности и неопрятности нашихъ нищихъ; нигдѣ, говорятъ они, не видали мы нищеты въ такомъ множествѣ и въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ въ Кронштадтѣ.

Какъ хорошо было-бы по всѣмъ этимъ причинамъ устроить Домъ Трудолюбія! Тогда-бы многіе и изъ нихъ могли обращаться въ этотъ домъ съ требованіемъ сдѣлать намъ за извѣстную плату то или другое дѣло, ту или другую вещь, а мѣщане наши жили-бы, да трудились и благодарили Бога, да своихъ благодѣтелей. И нравственно многіе поднялись-бы. А если-бы кто, будучи здоровъ, не захотѣлъ работать, того изъ города долой: Кронштадтъ не разсадникъ тунеядцевъ.

Други и братья! Примите это заявленіе къ своему сердцу, да поближе, какъ свое собственное дѣло. Нѣкоторые не хотятъ слышать о рабочемъ домѣ, потому что, говорятъ, это есть карательное заведеніе, а мы не имѣемъ права карать.

Какое карательное заведеніе? Это прямое благотворительное заведеніе: развѣ не доброе, не гуманное дѣло спасать людей отъ лѣности, праздности, апатіи, тунеядства? Если споръ изъ за словъ, то перемѣните названіе и назовите его вмѣсто Рабочаго Дома хоть Муравейникомъ, или Пчельникомъ, все равно, какъ хотите, только не откладывать-бы добраго дѣла, напрашивающагося на скорое исполненіе, въ долгій ящикъ.“

Итакъ, сколько лѣтъ о. Іоаннъ лелѣялъ эту мысль, сколько самаго напряженнаго труда было употреблено на осуществленіе ея, сколько проведено безсонныхъ ночей, сколько передумано, сколько препобѣждено всевозможныхъ препятствій на этомъ пути великаго созиданія. А когда читаешь, сколько пожертвовано о. Іоанномъ на Домъ Трудолюбія въ короткое время, то на первый разъ не хочется даже и вѣрить. Такъ въ одномъ, наприм., 1888-мъ году имъ было пожертвовано 57320 р. 92 к., въ 1890-мъ году 29005 р. и т. д. Были часы и дни въ исторіи этого любимаго дѣтища о. Іоанна, когда оно едва не погибло навсегда. Вотъ почти только что отстроены дома, стоившіе столькихъ денегъ и трудовъ. Но

вдругъ въ одномъ изъ многочисленныхъ сосѣднихъ „веселыхъ“ домовъ глухою ночью вспыхнулъ пожаръ, сразу охватившій нѣсколько зданій и угрожавшій юному Дому Трудолюбія. Явились пожарные, которые начали дѣятельно отстаивать сосѣдніе дома. О. Іоаннъ, выйдя на улицу, съ ужасомъ увидѣлъ, что столько лѣтъ лелѣянное имъ дѣтище готово погибнуть въ пламени свирѣпствовавшаго пожара. Тогда онъ немедленно обратился къ бывшему на пожарѣ полиціймейстеру съ просьбою обратить вниманіе на опасность, угрожающую богоугодному заведенію. Но просьба его не была уважена. Какъ Домъ Трудолюбія, такъ и другія постройки, принадлежавшія Попечительству, превратились въ груды пепла. Всякій другой на мѣстѣ о. Іоанна растерялся бы и лишился всякой энергіи. И это вполнѣ понятно. Дѣло еще въ проэктѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ необыкновенными усиліями, медленно, шагъ за шагомъ, подвигалось впередъ, встрѣчая на пути своемъ препятствія со стороны разныхъ лицъ. Вотъ оно, наконецъ, начинаетъ осуществляться и уже не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, — и вдругъ въ одну ночь все погибаетъ... Какъ бы поступили очень многіе на мѣстѣ о. Іоанна? Упали бы духомъ...

Но ничто и никогда не могло сокрушить или поколебать энергію о. Іоанна. Постигшее его бѣдствіе онъ принялъ за испытаніе Божіе, что и высказалъ въ своей проповѣди въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Горячо онъ любилъ свое дѣтище. Насколько онъ былъ возмущенъ полученнымъ отказомъ въ помощи на пожарѣ, видно изъ того, какъ онъ съ несвойственной ему рѣзкостью обличаетъ косвеннаго виновника бѣдствія. „Вотъ и опять постигло насъ бѣдствіе,—обращается онъ къ своимъ прихожанамъ,—не внѣшній непріятель нашелъ на насъ съ огнемъ и мечемъ, а врагъ внутренній, тайный, облеченный во все оружіе мерзости и продажной дружбы, и полнаго безучастія къ постигшей бѣдѣ,— безучастія, говорю, людей, которые на то и поставлены и существуютъ, чтобы служить общественной безопасности. Да, злая рука безстыднаго ночного порока умышленно произвела пожаръ и причинила великое бѣдствіе, — и кому же? Большею частію бѣднѣйшимъ жителямъ нашего города, которые были призрѣны въ домѣ Попечительства“. Въ концѣ своихъ смѣлыхъ обличеній о. Іоаннъ высказываетъ свою

обычную твердую надежду на благость Божію. „Кто знаетъ.., можетъ быть, и это бѣдствіе попущено Богомъ между прочимъ для того, чтобы пробудить общественную благотворительность и чрезъ нее—однихъ облегчить и утѣшить, а другихъ чрезъ милостыню сдѣлать достойными большихъ милостей и помиловать ихъ". И дѣйствительно, надежды о. Іоанна скоро оправдались. Страховая премія, обильныя пожертвованія, получавшіяся со всѣхъ сторонъ, много помогли о. Іоанну. Сгорѣвшій Домъ Трудолюбія скоро снова былъ построенъ и 10 Октября 1882 года торжественно освященъ.

О. Іоаннъ такъ любилъ свое дорогое дѣтище, что ни быстрый успѣхъ осуществленія его сердечнаго желанія, ни торжественная обстановка, сопровождавшая освященіе Дома, не могли изгладить изъ его памяти тяжелыхъ чувствъ и нравственныхъ мукъ, какія онъ пережилъ въ бѣдственную ночь пожара построекъ Андреевскаго приходскаго Попечительства. Въ пространномъ словѣ, сказанномъ въ день освященія, онъ говорилъ между прочимъ:

„Дивно устройство этого Дома по милости Божіей. Начатый постройкою весною прошлаго года, при ничтожныхъ сначала средствахъ, но Божьей помощью и добрыхъ людей доведенный вчернѣ до конца въ три этажа, онъ осенью сгорѣлъ въ бывшій пожаръ по той улицѣ, гдѣ онъ строенъ, какъ и деревянные дома Попечительства вмѣстѣ съ нимъ. Прискорбно, больно было видѣть въ пламени эти богоугодныя заведенія"...

Но теперь Домъ Трудолюбія ростетъ и ширится, съ каждымъ годомъ захватывая все большія и большія сферы вліянія на населеніе. Вотъ благодѣтельныя учрежденія Дома Трудолюбія. Я ихъ всѣ перечислю въ порядкѣ [1]).

1. *Пенькощипная.* Въ теченіе отчетнаго года работающихъ въ Пенькощипной было 22643 человѣка, выщипавшихъ 3468 п. 37 фун. пеньки. За работу уплачено вмѣстѣ съ рубкою троса 2673 р. 70 к. Среднимъ числомъ приходится въ

---

[1]) Въ данномъ случаѣ я буду руководиться не только своими личными наблюденіями, но и отчетомъ Андреевскаго Попечительства за 1892 г., пополняя его по мѣстамъ болѣе новыми данными отчета того же Попечительства за 1896 годъ.

день 63 человѣка рабочихъ, пеньки выщипывается около 10 пуд., средній заработокъ на одного человѣка въ день 12 коп. Рабочіе работаютъ въ закрытомъ, свѣтломъ, тепломъ помѣщеніи. Работа эта напоминаетъ собою скорѣе вязаніе чулокъ, чѣмъ серьезную работу. Глядя на работающихъ, сначала подумаешь, что они занимаются какими то пустяками. Пенькощипная—въ высшей степени благодѣтельное и мудрое учрежденіе въ ряду различныхъ подобныхъ учрежденій Дома Трудолюбія. Въ ней человѣку дается возможность заработать кусокъ насущнаго хлѣба. Здѣсь не требуется особой силы, особаго здоровья. Старый и малый, женщина и мужчина, больной и здоровый, въ погоду и непогоду, могутъ легко здѣсь заработать себѣ не только кусокъ насущнаго хлѣба, но еще и на относительно хорошій ночлегъ. Пріятно смотрѣть на трудящихся людей. Царитъ тишина. Среди тишины мѣрно раздается голосъ старца, читающаго трудникамъ что-либо назидательное. И уходятъ люди отсюда не только съ насущнымъ хлѣбомъ, но и съ хлѣбомъ духовнымъ.

2. *Женская мастерская.* Въ отчетномъ году въ мастерской обучалось отъ 48 до 50 дѣвочекъ. Окончившихъ четырехлѣтніе курсы и получившихъ свидѣтельства на званіе мастерицъ было 9. Учебныхъ дней въ отчетномъ году было 169, занятія начинались, какъ и въ прежніе годы, въ 9 часовъ утра и оканчивались въ 6 часовъ вечера, съ перерывомъ для обѣда отъ 1 до 3-хъ часовъ по полудни. Шитье и кройка преподавались по методѣ Глодзинскаго. Платные заказы исполнялись по таксѣ, утвержденной Совѣтомъ. Въ теченіе года ученицами заработано 321 р. 86 коп. Для учрежденій Попечительства шили безплатно. Безплатной работы для учрежденій Попечительства мастерской исполнено на 183 р. 65 к. Ко дню Ангела Предсѣдателя Попечительства о. Іоанна учительницею и ученицами мастерской приготовлены полдюжины полотняныхъ сорочекъ, которыя и были поднесены глубокочтимому батюшкѣ.

Ученицъ съ платою въ одинъ рубль въ продолженіи года обучалось 15, курсовая ученица съ платою въ 25 рублей за курсъ была одна.

3. *Сапожная мастерская.* Въ отчетномъ году организація сапожной мастерской оставалась та же, какъ и въ предше-

ствующіе годы, характеръ ея былъ вполнѣ учебный. Мастерская представляетъ возможность малолѣтнимъ бѣднякамъ научиться честно заработывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Въ настоящее время взрослыхъ подмастерьевъ нѣтъ, а помощниками главному мастеру служатъ мальчики имъ самимъ выученные. Занятія въ мастерской происходятъ ежедневно съ 3-хъ до 5 часовъ, въ свободное отъ классныхъ занятій время. Сапожный мастеръ, человѣкъ опытный и основательно знающій свое дѣло, обучаетъ мальчиковъ, а жена его слѣдитъ за нравственнымъ воспитаніемъ ихъ и завѣдываетъ хозяйственной частью мастерской. Починка старой обуви дѣтямъ Пріюта служитъ практикою ученикамъ, а по достиженіи ими опытности въ этомъ мастерствѣ приступаютъ къ изготовленію новой обуви. Жалованіе, получаемое мастеромъ, весьма небольшое. Вслѣдствіе этого ему дано право принимать частные заказы. Долголѣтняя практика показала, что подобный порядокъ веденія дѣла весьма полезенъ. Онъ поддерживаетъ постоянное стремленіе мастера совершенствовать свое искусство и заслужить большее довѣріе заказчиковъ. Обувь, изготовляемая въ мастерской о. Іоанну, Предсѣдателю Попечительства, и другимъ заказчикамъ всегда заслуживала одобреніе и благодарность мастеру. Къ 1-му Января 1896 года учениковъ въ мастерской было 16: постоянно живущихъ 12 и 4 приходящихъ.

4. *Призрѣніе бѣдныхъ женщинъ.* Въ Домѣ Трудолюбія по неспособности къ труду и бѣдности призрѣваются 22 женщины. При одной изъ нихъ находится дѣвочка дочь. Всѣ они пользуются безплатнымъ помѣщеніемъ и небольшимъ денежнымъ пособіемъ въ размѣрѣ 3-хъ рублей въ мѣсяцъ. Расходъ Попечительства на содержаніе призрѣваемыхъ—одежду, обувь, пищу доходитъ до 8800 рублей въ годъ.

5. *Безплатная амбулаторная Лѣчебница.* Приходящихъ больныхъ въ теченіе 1896 года было 2721 человѣкъ. Лѣчебницу посѣщали главнымъ образомъ люди бѣдные, не имѣющіе возможности лѣчиться на свои средства. Преобладающими болѣзнями въ отчетномъ году были наружныя: сыпи, раны, язвы, ушибы, порѣзы, вывихи и др. Причиною заболѣваній были дурныя условія гигіенической жизни, бѣдность, а также занятіе различными ремеслами. Лѣчебницу часто посѣщаютъ пріѣзжіе богомольцы, которые, имѣя хрониче-

скія наружныя болѣзни, пріѣзжаютъ къ о. Іоанну за исцѣленіемъ. Затѣмъ слѣдуютъ болѣзни грудныхъ органовъ—бронхиты, воспаленіе легкихъ. Особенно много дѣтей заболѣвало воспаленіемъ легкихъ. Заболѣваютъ преимущественно люди бѣдные, которые не имѣютъ теплой одежды, а потому часто подвергаются простудѣ. Большая часть дѣтскихъ болѣзней, по всей вѣроятности, происходитъ отъ недостаточно хорошаго ухода и присмотра за дѣтьми. Всѣмъ приходящимъ больнымъ, за небольшимъ исключеніемъ, давались изъ Лѣчебницы лѣкарства, а также производились соотвѣтствующія перевязки.

Въ отчетномъ году была привита предохранительная оспа дѣтямъ, приходящимъ въ Лѣчебницу изъ Дома Трудолюбія, въ количествѣ 68 человѣкъ. Городскія аптеки, по рецептамъ врачей Лѣчебницы Дома Трудолюбія, отпускали лѣкарства съ нѣкоторою уступкой.

6. *Безплатное начальное народное училище.* Помѣщеніе для училища отличается просторомъ, опрятностію, обиліемъ свѣта и воздуха. На стѣнахъ всюду навѣшаны картины религіознаго и патріотическаго содержанія. Въ 1897 году въ школѣ учащихся было 279 человѣкъ. Занятія въ школѣ ведутся по программѣ, утвержденной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и продолжаются ежедневно, кромѣ субботъ, съ 9 час. утра до 2½ час. пополудни, а въ субботу до 12 час. пополудни. Время занятій раздѣляется на 5 уроковъ, съ перерывами между ними въ 10 минутъ и получасовымъ отдыхомъ для завтрака между 3-мъ и 4-мъ урокомъ. Предъ началомъ ученія поются: молитвы утреннія, предъ началомъ ученія, молитвы за царя и прочитывается Евангеліе, соотвѣтствующее дню. По окончаніи класса поются молитвы: „Достойно есть“, молитва послѣ ученія и молитва за царя.

Три раза въ недѣлю даются уроки закона Божія и одинъ разъ въ недѣлю урокъ пѣнія. Въ классѣ мальчиковъ два раза въ недѣлю бываетъ гимнастика. Дѣвочки ежедневно послѣ классныхъ занятій отъ 3 до 5 час. подъ руководствомъ учительницы занимаются рукодѣліемъ, которое преимущественно состоитъ изъ шитья, вязанья, вышиванья, плетенія кружевъ. Работы дѣтей участвовали въ базарѣ, устроенномъ предъ Рождествомъ Христовымъ въ залахъ Дома Трудолюбія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая,

и пользовались вниманіемъ публики. Мальчики ежедневно въ то же время занимались ручнымъ трудомъ по системѣ Соломона подъ руководствомъ учителя школы. Въ воскресные и праздничные дни дѣти собирались для слушанія Божественной литургіи въ домовую церковь Дома Трудолюбія, а на четвертой недѣлѣ великаго поста говѣли, исповѣдывались и причащались св. Таинъ. Въ это время говѣли также и ихъ наставники. Большинство дѣтей пользовалось книгами изъ школьной библіотеки для чтенія на дому, а въ праздничные дни посѣщали безплатно же духовно-нравственныя чтенія, ведущіяся въ Домѣ Трудолюбія.

Всѣ дѣти принимали участіе въ празднованіи именинъ Предсѣдателя Попечительства. Окончившіе курсъ удостоились получить изъ рукъ о. Іоанна свидѣтельства объ окончаніи курса, похвальные листы, фотографическія карточки. 27-го Декабря въ залахъ Дома Трудолюбія была устроена елка, на которую собрались многіе изъ членовъ Совѣта, а также всѣ дѣти съ своими родителями въ количествѣ 350 человѣкъ. Послѣ пѣнія дѣтьми хоромъ праздничнаго тропаря и гимна „Боже, Царя храни", начались игры и пѣніе. Наконецъ, дѣтямъ были розданы лакомства и подарки, распредѣленные сообразно успѣхамъ ихъ и матеріальному и семейному положенію каждаго. Въ день Ангела дорогого батюшки дѣтямъ также было предложено угощеніе, а въ день Пасхи дѣти получили для разговѣнья по куличу, яйцу и мѣшечку лакомствъ. Дѣти произвели на насъ всѣхъ весьма хорошее впечатлѣніе. Это были милые, ласковые, благовоспитанные школьники. Они прекрасно спѣли намъ нѣсколько молитвъ, хорошо отвѣчали на всѣ наши вопросы. Особенно насъ поразила ихъ необыкновенная любовь къ своему рѣдкому Попечителю. Оказывается, они молятся ежедневно о его здравіи. Добрые, юные молитвенники, да хранитъ васъ Господь въ жизни отъ всего худого и злого. Будьте честными гражданами земли русской. Будьте гордостью для своихъ бѣдныхъ родителей.

7. *Классы ручного труда при школѣ Попечительства.* Совѣтъ Попечительства въ заботахъ о нравственномъ, физическомъ развитіи и матеріальномъ подъемѣ дѣтей той бѣдной среды, съ которой онъ имѣетъ дѣло, не могъ не сознавать, что одной начальной школы недостаточно для этой среды.

Поэтому за все время существованія Попечительства, съ самаго его возникновенія, пріученіе дѣтей къ тому или другому труду, къ изученію нѣкоторыхъ ремеслъ составляло одну изъ самыхъ серьезныхъ его заботъ. По отношенію къ дѣвочкамъ усилія Совѣта не остались безплодны; но по отношенію къ мальчикамъ они не вполнѣ отвѣчали задачамъ его,—вмѣстѣ съ начальнымъ образованіемъ, получаемымъ въ школѣ, указать средства и путь къ самопомощи и самодѣятельности. Имѣя въ виду это, Совѣтъ рѣшилъ ввести обученіе по системѣ Отто Соломона. Система „ручного труда" Отто Соломона направлена къ тому, чтобы въ ребенкѣ развить любовь къ труду, укрѣпить волю и нервы, внушить уваженіе къ серьезности физической работы, развить мускулатуру и ловкость рукъ, вѣрность глаза, снаровку, сметку и научить употребленію наиболѣе необходимыхъ инструментовъ; направить разумно и производительно свободное время, чрезъ удовлетвореніе дѣтскаго стремленія, присущаго этому возрасту,—производить, дѣлать, творить; и воспитать въ учащихся вниманіе, аккуратность, прилежаніе и настойчивость, а чрезъ нихъ поддержать въ юношѣ доброе и серьезное настроеніе. Въ виду такихъ широкихъ педагогическихъ задачъ, классъ ручного труда не имѣетъ задачи научить какому-либо мастерству, что въ два года невозможно. Онъ имѣетъ въ виду лишь дать пріемы и навыкъ къ ремеслу, научить употребленію главныхъ инструментовъ. Такъ какъ преимущественно въ ручномъ трудѣ производится обработка дерева, то, пройдя курсъ ручного труда, ученикъ пріобрѣтаетъ навыкъ и пріемы столярнаго мастерства.

Работы по дереву начинаются съ изготовленія небольшихъ и легкихъ предметовъ, переходя постепенно къ болѣе труднымъ и болѣе крупнымъ. Такимъ образомъ выдерживается строгая педагогическая система перехода отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Сначала ученикъ овладѣваетъ вполнѣ какимъ-либо однимъ пріемомъ и инструментомъ, затѣмъ переходитъ къ болѣе труднымъ пріемамъ и болѣе сложнымъ инструментамъ. Такъ напримѣръ: на первомъ предметѣ ученикъ вмучивается владѣть ножемъ, на второмъ—ножемъ и напилкомъ, на третьемъ—болѣе сложными столярными инструментами: верстакомъ и фуганкомъ, на четвертомъ пріобрѣтаетъ пріемъ пристругивать

фурганкомъ плоскость подъ угольникъ, поперекъ слоя, на донцѣ въ торецъ и пр. Работы учениками исполняются по моделямъ. Модели представляютъ въ хозяйствѣ изъ себя предметы первой необходимости, и изъ нихъ нѣтъ ни одного предмета роскоши. Вотъ перечень первыхъ двухъ десятковъ моделей: указка, грабильный зубецъ, колышекъ для цвѣтовъ, пара ярлычковъ, линейка квадратная, пара мотушекъ, вѣшалка, ножъ для бумаги, лопатка для тѣста, ручка для молотка, линейка плоская, лопаточка для масла, треугольникъ, ложка, точеная ручка для стамески, кухонная доска, подставка для цвѣточныхъ горшковъ, совочекъ, скамейка подъ ноги, топорище. Продѣлавъ всѣ модели, ученикъ можетъ идти дальше и дѣлать болѣе крупные предметы, какъ напримѣръ: табуреты, скамьи, столы. Всѣ модели, по окончаніи учениками курса въ училищѣ, поступаютъ *въ полную собственность ученика*. Такимъ образомъ ученикъ въ школѣ все время работаетъ на себя. Ученикъ изготовляетъ каждую модель самъ, отъ начала до конца, пользуясь несложнымъ чертежомъ и моделью учителя. Учитель же только руководитъ и указываетъ наилегчайшіе пріемы и нужные инструменты. Идя дальше и дѣлая все больше и больше моделей, ученикъ начинаетъ надѣяться на свои силы, научается преодолѣвать трудности, самъ пріучаетъ себя работать.

Въ отчетномъ году классъ ручного труда посѣщало 30 человѣкъ, раздѣленныхъ на двѣ группы по 15 человѣкъ въ каждой. Каждая группа занималась черезъ день по два часа, т. е. 6 часовъ въ недѣлю. Занятія происходили отъ 3 до 5 пополудни во всѣ дни, когда занятія были въ Народномъ училищѣ. Обучающіеся были въ возрастѣ отъ 10 до 13 лѣтъ. Дѣти охотно посѣщали классъ ручного труда. Изъ 60—70 мальчиковъ въ классѣ всѣ выразили желаніе посѣщать уроки ручного труда, но изъ нихъ были выбраны только болѣе взрослые. какъ болѣе способные по своимъ силамъ къ этимъ занятіямъ.

8. *Военная гимнастика*. Военная гимнастика въ отчетномъ году находилась въ завѣдываніи одного капитана 2 ранга, принявшаго на себя этотъ трудъ безмездно, не смотря на многочисленныя занятія его въ различныхъ казенно-учебныхъ заведеніяхъ. Гимнастика сдѣлалась любимымъ занятіемъ дѣтей и много способствовала какъ развитію ихъ здоровья,

такъ и общей выправкѣ. Она оживляла монотонную жизнь школьника и давала рѣзвымъ дѣтскимъ силамъ большой просторъ. Благодаря гимнастикѣ даже школьныя занятія шли значительно успѣшнѣе.

9. *Зоологическая коллекція Народнаго училища Андреевскаго Попечительства.* Зоологическая коллекція состоитъ изъ типичныхъ представителей млекопитающихся, птицъ и рыбъ. Коллекція эта представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для прохожденія курса зоологіи, но въ начальномъ училищѣ приходится пользоваться только нѣкоторыми животными изъ разныхъ классовъ. Въ программѣ училища нѣтъ зоологіи, какъ отдѣльнаго предмета; понятія о животныхъ выясняются на предметныхъ урокахъ. Коллекція помѣщается въ классѣ мальчиковъ въ двухъ большихъ витринахъ. Коллекція принесена въ даръ Попечительству П. С. Мищенко, мастеромъ таксидермическаго искусства, какъ доказательство его глубокаго почитанія Предсѣдателя Попечительства о. Іоанна.

10. *Безплатная дѣтская библіотека.* Безплатная дѣтская библіотека, основанная при начальномъ Народномъ училищѣ Попечительства 25 Марта 1878 года, въ отчетномъ году вступила въ пятнадцатый годъ своей скромной дѣятельности. Въ учебный сезонъ 1896 года, т. е. Январь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь выдано было для прочтенія: 117 дѣвочкамъ 1300 томовъ и 90 мальчикамъ 1387 томовъ, а всего 207 дѣтямъ 2687 томовъ. Такъ какъ многіе томы, для экономіи въ переплетахъ, содержатъ въ себѣ по два, по три сочиненія, то дѣйствительное количество прочитанныхъ дѣтьми книгъ безъ преувеличенія должно считать 4500.

11. *Книжная лавка.* Книжная лавка Попечительства продолжала торговлю книгами и картинами исключительно религіозно-нравственнаго содержанія, имѣя цѣлію распространеніе Слова Божія, твореній св. Отцовъ и сочиненій извѣстныхъ духовныхъ пастырей. Шли также въ продажу азбуки и календари. Покупателями были по преимуществу простой народъ, мелкіе ремесленники и нижніе воинскіе чины морского и военнаго вѣдомствъ. Послѣдніе въ особенности много покупаютъ книгъ предъ уходомъ въ безсрочные отпуска. Охотно покупаютъ книги и новобранцы по приходѣ своемъ въ Кронштадтъ.

Всѣхъ книгъ въ теченіе отчетнаго года было продано свыше 1400 экземпляровъ, начиная отъ копѣечныхъ изданій Троицкихъ листковъ и кончая Четьи-Минеей св. Димитрія Ростовскаго, стоющей болѣе 27 рублей. Перечень нѣкоторыхъ книгъ, проданныхъ въ отчетномъ году, можетъ служить прекрасной иллюстраціей того, какія преимущественно книги охотнѣе читаются покупателями лавки. Всего продано: Библій на русскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ 37 экз., Новаго Завѣта—271 экз., молитвослововъ—276 экз., псалтырей—138 экз., поученій св. Іоанна Златоуста (по 3 р. 25 к.) — 14 экз., поученій Путятина—7 экз., мѣсяцесловов, часослововъ, требниковъ, служебниковъ и пр.—71 экз., душеполезныхъ размышленій — 109 экз., отдѣльныхъ житій св. Угодниковъ — 1620 экз., священныхъ исторій различныхъ авторовъ—85 экз., духовно-нравственныхъ брошюръ: „Плачъ кающагося грѣшника, указаніе пути въ царство небесное. Христіанскія пѣснопѣнія, Духовныя стихотворенія іеродіакона Евгенія, Путь ко спасенію, Сѣятель, Сердце человѣческое, О пьянствѣ"—1128 экз., Троицкихъ листковъ болѣе 700 экз., образовъ дешеваго изданія — 485 экз., картинъ — 840 экз., поминаній—903 экз., и проч.

12. *Изданія Андреевскаго Попечительства.* Въ отчетномъ году было продано бесѣдъ о. Іоанна на 600 р. 26 к., альбомовъ „Виды Суры" на 31 р. 40 к. и брошюръ „Празднованіе 35-лѣтняго юбилея о. Іоанна" на 21 р. 80 к., а всего на 653 р. 46 к. Кромѣ того, по распоряженію Предсѣдателя Попечительства, высылались безплатно въ различные города и мѣстечки изданія Попечительства.

13. *Безплатная народная Читальня.* Въ отчетномъ году Читальня была открыта 292 дня. Число записавшихся взрослыхъ 408, дѣтей 422. Ими сдѣлано 6451 посѣщеніе, въ среднемъ выводѣ по 7 на каждаго. Въ теченіе отчетнаго года получались Читальнею слѣдующія періодическія изданія: „Недѣля", „Наука и жизнь", „Вѣра и разумъ", „Русскій Паломникъ", „Церковныя Вѣдомости", „Вѣстникъ Краснаго креста", „Вѣстникъ Иностранной Литературы", „Воспитаніе и Обученіе", „Русскій начальный учитель", „Всемірная библіотека", „Сѣверъ", „Нива", „Стрекоза", „Свѣтъ", „Царь колоколъ", „Школьное обозрѣніе", „Санитарное дѣло", „Семейные вечера", „День", „Кронштадскій Вѣстникъ", „Южный Край",

„Природа и люди“, „Чтеніе для солдатъ“, „Досугъ и дѣло“, „Родникъ“, „Дѣтское чтеніе“, „Новое Время“, „Фельдшеръ“, „Акушерка“, „Новь“ и многія другія какъ свѣтскія, такъ и духовныя изданія.

Читальня служила тѣмъ самымъ людямъ, для которыхъ она учреждена, т. е. лицамъ рабочаго класса, мелкимъ торговцамъ, извозчикамъ, прислугѣ, нижнимъ чинамъ и мелкому люду чиновному. Они составляли 45% всѣхъ записавшихся. Ученики и ученицы элементарныхъ школъ составляли 46%, такъ что на долю всѣхъ остальныхъ приходилось только 9%. Женщины составляли всего 11% изъ числа всѣхъ записавшихся. Въ характерѣ посѣщеній въ отчетному году замѣтна весьма утѣшительная перемѣна. Прошлый годъ далъ значительное число записей въ первые мѣсяцы и, даже вѣрнѣе, въ первые дни по открытіи Читальни. Записывались многіе изъ любопытства, съ цѣлію осмотрѣть новое учрежденіе. Поэтому посѣщенія записавшихся носили чисто случайный характеръ. Постоянныхъ посѣтителей было очень мало. Составъ читателей мѣнялся чуть не ежедневно. За отчетный годъ мало по малу образовался постоянный контингентъ посѣтителей, такъ что въ извѣстные дни и даже часы дня можно было всегда встрѣтить одну и туже публику. Лица, записывающіяся вновь, приходили въ сопровожденіи ея постоянныхъ чтецовъ, которые, будучи хорошо знакомы съ порядками Читальни, руководили новичками. Лица эти не бросали Читальню черезъ мѣсяцъ или два, какъ это было въ минувшемъ году, а дѣлались ея постоянными посѣтителями. Публика сжилась теперь съ Читальней. Посѣщенія Читальни стали для нея просто необходимостью, а интересы Читальни—близкими и дорогими ея сердцу. Случалось заболѣть библіотекарю, случался больщій противъ обыкновенаго приливъ публики, когда одному приходилось крайне тяжело. Въ такихъ случаяхъ являлся кто-либо изъ постоянныхъ посѣтителей съ предложеніемъ помочь, услужить, предлагали безвозмездно переписку каталоговъ и проч. Фактъ въ высшей степени утѣшительный, доказывающій, какъ народная Читальня необходима и какъ цѣнитъ ее народъ.

Переходя теперь къ вопросу о томъ, что читалось посѣтителями, можно сказать, что за два года существованія

Читальни вкусъ ея посѣтителей выяснился настолько хорошо, что, узнавъ профессію посѣтителя, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, можно было сказать, что онъ потребуетъ. Такъ нижніе чины читаютъ главнымъ образомъ книги духовнаго содержанія, далѣе идутъ полныя собранія сочиненій русскихъ классическихъ писателей и, наконецъ, текущіе журналы и газеты. Рѣже требуются иллюстрированныя изданія: „Нива", „Всемірная иллюстрація" и другія. Въ каждое посѣщеніе каждый матросъ беретъ обыкновенно одну толстую духовную книгу или что-нибудь изъ русскихъ классиковъ. Просидѣвъ за ней 2—3 часа, спрашиваетъ двѣ-три текущія газеты и, наконецъ, въ видѣ дессерта—старый иллюстрированный журналъ для картинокъ. До газетъ нижніе чины большіе охотники.

Служащіе въ разныхъ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ читаютъ почти исключительно одни періодическія изданія. Книгъ по беллетристикѣ читаютъ мало. Если читаютъ ихъ, то преимущественно въ приложеніяхъ: „Свѣта", „Нивы", „Луча" и др. Газеты и журналы составляютъ 79%, беллетристика 21%.

Воспитанники гимназіи и реальнаго училища посѣщаютъ Читальню также ради газетъ и журналовъ. Журналы и газеты составляютъ 73%, дѣтскія книги 15%, беллетристика 12%.

Ученики элементарныхъ школъ въ отчетномъ году читали беллетристику только по выбору библіотекаря. Они не оставили безъ вниманія ни одного отдѣла каталога; особенную любовь проявили къ иллюстрированнымъ изданіямъ. Перелистывая картинки, эта публика производила шумъ. Интересныя картинки привлекали вниманіе сосѣдей, и начинался нежелательный въ Читальнѣ обмѣнъ мыслей. Въ виду устраненія этого неудобства и отвлеченія дѣтей отъ постояннаго разглядыванія картинокъ рѣшено было выдавать только по одной книгѣ съ картинами въ вечеръ. Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ ученики начали мѣнять выдаваемыя имъ для чтенія книги каждые 10—15 минутъ подъ предлогомъ, что данная и даже ими самими выбранная книга уже читана раньше или даже, что прочитана въ эти 10 минутъ. Тогда установленъ былъ по сдачѣ книгъ маленькій экзаменъ и, если оказалось, что книга не читана, то или рекомендовалось про-

читать ее съ бóльшимъ вниманіемъ или удалиться изъ Читальни. Указанныя два правила оказали весьма благотворное вліяніе на поддержаніе порядка и благочинія среди этого многочисленнаго и крайне недисциплинированнаго класса посѣтителей. Дѣтскія книги составляли 34%, иллюстрированныя изданія 44%, беллетристика 26%.

Дѣвочки воспитанницы элементарныхъ школъ вели себя несравненно тише, серьезнѣе и читали, повидимому, съ вниманіемъ. Иллюстрированныя изданія брали, только почитавъ 1 или 2 часа. Дѣтскія книги составляютъ 52%, иллюстрированныя изданія 30%, богословіе 5%, беллетристика 12%.

Рабочіе съ фабрикъ и другихъ промышленныхъ заведеній такъ же, какъ и ученики элементарныхъ школъ, почтили своимъ вниманіемъ всѣ отдѣлы каталога, въ общемъ отдавая явное предпочтеніе беллетристикѣ. Потомъ, читали газеты и журналы и, наконецъ, книги духовнаго содержанія. Беллетристика составляла 36%, журналы и газеты 35%, богословіе 15%, военные разсказы 14/%.

Малолѣтніе рабочіе читали преимущественно: Гоголя, Князя Серебрянаго А. Толстого, дѣтскія книги и въ заключеніе историческія. Беллетристика составляла 48%, богословіе 12%, дѣтскія книги 35%, исторія 5%.

Прислуга, сторожа, разсыльные и прочіе служилые люди требовали книги по различнымъ отдѣламъ въ такомъ процентомъ отношеніи: Богословіе 10%, беллетристика 26%, журналы и газеты 50%, иллюстрированныя изданія 14%.

Въ теченіе отчетнаго года книги требовались по всѣмъ отдѣламъ каталога. Требованія въ общемъ распредѣлялись такимъ образомъ: Богословіе 7%, беллетристика 24%, біографіи 1%, военные разсказы 2%, исторія 2%, біографіи и путешествія 1%, естествовѣдѣніе 7, 10%, педагогія, философія и психологія 1, 10%, дѣтскія книги и учебники 19%, журналы и газеты 21%, смѣсь и справочныя книги 2, 10%, иллюстрированныя изданія 22%. По авторамъ требованія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Гоголь, А. Толстой, Пушкинъ, Достоевскій, Данилевскій, Тургеневъ, Григоровичъ, Вс. Крестовскій, Лермонтовъ и друг.

14. *Платная библіотека при Читальнѣ.* Изъ платной библіотеки книги выдавались на домъ съ залогомъ въ одинъ

и два рубля и съ платою по 30 коп. въ мѣсяцъ. Для платной библіотеки выписывались слѣд. журналы: „Русское богатство“, „Образованіе“, „Міръ Божій“, „Вѣстникъ Иностранной литературы“ и друг. Отъ платныхъ читателей въ теченіе года получено 108 р. 66 коп.

15. *Комнаты для пріѣзжающихъ въ домѣ имени о. Іоанна.* Въ отчетномъ году комнаты для пріѣзжающихъ располагали слѣдующими помѣщеніями въ домѣ. Въ первомъ этажѣ два общихъ зала—мужское и женское—по 22 кровати каждое и по четыре комнаты. Во второмъ этажѣ для пріѣзжающихъ семь комнатъ, въ третьемъ—12 и въ четвертомъ 4 дешевыхъ квартиры, изъ которыхъ три безплатныхъ. Остальное помѣщеніе было занято убѣжищемъ. Валовой приходъ отъ комнатъ въ теченіе отчетнаго года выразился въ 6802 р. 29 к.

16. *Убѣжище для призрѣнія сиротъ и Дневное пристанище.* Въ отчетномъ году въ Убѣжищѣ постоянныхъ пансіонеровъ состояло 84, изъ которыхъ мальчиковъ было 37, а дѣвочекъ 47. Выбывшіе воспитанники и воспитанницы въ теченіе года окончили курсъ Народнаго училища Дома Трудолюбія и, по достиженіи 13—16 лѣтняго возраста, помѣщены въ благонадежныя мѣста. Одинъ помѣщенъ въ школу садоводства въ Царскомъ Селѣ, другой взятъ и усыновленъ однимъ купцомъ по благословенію о. Іоанна, двѣ дѣвочки отданы въ Петербургъ въ мастерскую верхняго платья, одна дѣвочка въ Павловскій институтъ, двѣ взяты родными для опредѣленія въ мастерскую, четыре въ прислуги, одна въ сестры милосердія и т. д.

Въ отчетномъ году обучалось въ Народномъ училищѣ мальчиковъ 9, дѣвочекъ 20, въ Рисовальномъ классѣ 5 мальчиковъ, въ сапожной мастерской 7 человѣкъ. Въ Народномъ училищѣ въ отчетномъ году съ успѣхомъ окончили и получили свидѣтельства 3 мальчика и 3 дѣвочки. Младшіе воспитанники и воспитанницы подъ руководствомъ Начальницы и ея Помощницы обучались молитвамъ, рукодѣлію и первоначальной грамотѣ. Еженедѣльно два раза, по вторникамъ и пятницамъ, были уроки пѣнія и спѣвки церковнаго хора подъ руководствомъ регента, заслужившаго одобреніе Предсѣдателя за стройное и благоговѣйное пѣніе. Главное вниманіе воспитателей было обращено на воспитаніе дѣтей Убѣжища въ правилахъ вѣры православной. День

ихъ начинался и кончался молитвой. Предъ завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ и послѣ ихъ, молитвы частью громко читаютъ, частью поютъ. Предпраздничные и праздничные дни, въ дни великаго поста, всѣ бываютъ безъ исключенія въ церкви Дома Трудолюбія. Воспитанницы Убѣжища шьютъ себѣ платья, бѣлье, помогаютъ кухаркѣ въ приготовленіи кушаній, прачкамъ въ стиркѣ и уборкѣ бѣлья и вообще празднаго времени не имѣютъ. Такъ воспитанницами сшито: простынь 20, наволочекъ 60, рубашекъ 20, кальсонъ 52, передниковъ 215, тюфяковъ 15, рубашекъ мужскихъ 37, платьевъ 148, верхнихъ штановъ 38, платковъ носовыхъ 60, чулокъ 30 паръ, чехловъ 40. Рукодѣльныхъ работъ: вышито полотенце шелками по канаусу въ подарокъ своему высокочтимому Попечителю о. Іоанну ко дню его Ангела. По заказу другихъ лицъ: 4 антимакасара, 2 полотенца, 3 дѣтскихъ платья, дѣтское приданое по дюжинѣ всего, 3 блузы, 2 платья и проч. Въ 1892 году дѣти Убѣжища приготовили много очень изящныхъ и полезныхъ вещей на базаръ, устроенный предъ Рождествомъ Христовымъ въ залахъ Дома Трудолюбія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Витрина съ издѣліями дѣтей на базарѣ привлекла всеобщее вниманіе.—Были мы и на кухнѣ. Дежурная дѣвочка давала намъ толковые отвѣты на всѣ вопросы, какіе мы ей предлагали. Со всѣмъ, что касается поварского искусства, она ознакомлена очень хорошо. Въ кухнѣ у ней всюду образцовая чистота.

Дѣти въ Дневномъ пристанищѣ ежедневно находились съ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, получая утренній чай, завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Дѣтей было всего мальчиковъ и дѣвочекъ 49 человѣкъ.

17. *Народная столовая.* Народная столовая при Домѣ Трудолюбія открыта ежедневно въ теченіе 11 часовъ, а именно: съ 6 до 9 ч. утра, съ 11 ч. до 3 ч. пополудни и съ 5 до 9 ч. вечера. Въ эти часы бѣдные получали щи, кашу и хлѣбъ (черный, полубѣлый и ситный), и могли пользоваться кипяткомъ для чая. Кромѣ продаваемой пищи, кухня изготовляла обѣды, по заказамъ жертвователей и по постановленіямъ Распорядительнаго Совѣта, для извѣстнаго числа бѣдныхъ и совершенно безплатно. Исполняла также заказы Тюремнаго комитета и Мѣщанской Управы. Народная сто-

ловая въ отчетномъ году снабжала пищею приходящихъ за извѣстную плату, многихъ взрослыхъ и дѣтей, по распоряженію Совѣта, безплатно, арестованныхъ при полиціи по заказу Тюремнаго комитета за 9 коп. въ день, учениковъ и ученицъ сапожной и женской швейной мастерскихъ и др. Принимала заказы отъ частныхъ лицъ на обѣды для бѣдныхъ, снабжала обѣдами бѣдныхъ. Отпускала хлѣбъ разныхъ сортовъ: въ дѣтское Убѣжище при Домѣ Трудолюбія, въ Загородный пріютъ для нищенствующихъ дѣтей. Въ дни св. Пасхи, Рождества Христова, въ царскіе дни, а также въ день Ангела Предсѣдателя Попечительства, въ день престольнаго праздника домовой церкви Дома Трудолюбія, по постановленію Совѣта, изъ народной столовой отпускалось безплатно обѣдовъ на 400—800 бѣдныхъ. Количество мяса или рыбы при этомъ увеличивалось почти вдвое въ сравненіи съ обыкновенными обѣдами. Въ той же степени улучшается пища и при заказныхъ безплатныхъ обѣдахъ, которые иногда дополняются присылкой припасовъ жертвователями. Вся дѣятельность Народной столовой въ отчетномъ году выражается крупными цифрами, которыя наглядно свидѣтельствуютъ о полезности этого учрежденія какъ для бѣдныхъ людей Кронштадта, такъ и для пріѣзжающихъ бѣдныхъ къ о. Іоанну. Каждый бѣднякъ изъ столовой можетъ получить обѣдъ и ужинъ, состоящій изъ щей, каши, хлѣба съ небольшимъ количествомъ мяса всего за 3 коп., а съ чаемъ и сахаромъ на одинъ разъ за 10 коп. въ день. Не имѣя этихъ средствъ, бѣднякъ можетъ просуществовать на 6 коп. въ день. Въ столовой ему дадутъ обѣдъ и ужинъ, состоящій изъ хлѣба и щей.

Хлѣбъ въ отчетномъ году продавался по слѣд. цѣнамъ: черный хлѣбъ 1½ коп. за фунтъ, бѣлый ржаной 2 коп., полубѣлый и ситный по 3 коп., пироги по 4 коп., щи и супъ по 1 коп., каша по 2 коп. за порцію. Мы пробовали всѣ кушанья Народной столовой и нашли ихъ очень хорошими. Достаточно выдаютъ въ столовой и чаю съ сахаромъ на столь микроскопическую сумму, какъ 2 коп. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какое благодѣтельное, разумное и практически полезное это учрежденіе. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего говорятъ слѣдующія цифры. Число порцій, отпущенныхъ бѣднымъ изъ столовой въ теченіе года, достигаетъ

грандіозныхъ размѣровъ. Такъ порцій щей было отпущено 90983, чернаго хлѣба 1734 п. 30 ф., бѣлаго 1438 п. 9 ф., полубѣлаго 245 п. 19 ф., ситнаго 1019 п. 12 ф., пироговъ и ватрушекъ 177 п. 16 ф. Отъ продажи отпущенныхъ столовой кушаній валового дохода выручено 9432 р. 42 к. Не смотря на поразительную дешевизну стола, Народная столовая имѣетъ еще остатокъ отъ своихъ операцій, выражающійся въ сотняхъ рублей. Вотъ почему нельзя горячо не желать, чтобы подобныя учрежденія нашли самое широкое распространеніе по всей Россіи.

18. *Загородный пріютъ.* (Домъ милосердія имени о. Іоанна). Въ теченіе отчетнаго года практика показала, что нищенствующихъ дѣтей, для которыхъ пріютъ былъ предназначенъ, было очень не много, да и тѣ имѣютъ родителей, не желающихъ отдавать отъ себя своихъ дѣтей. Поэтому 4-го Ноября дѣти Загороднаго пріюта,—26 дѣвочекъ и 4 мальчика,—переведены въ Убѣжище при Домѣ Трудолюбія. Зданіе, гдѣ помѣщался Пріютъ, предназначено служить лѣтомъ дачею для дѣтей Убѣжища. Это уже почти слишкомъ... По этому нельзя не сказать великое спасибо дѣятелямъ Дома Трудолюбія за такое отеческое ихъ вниманіе къ бѣднымъ дѣтямъ. Пріютъ имѣлъ расходовъ въ теченіе года 3874 р. 50 к. Дѣти произвели на насъ необыкновенно пріятное и отрадное впечатлѣніе. Они чисты, опрятны, ласковы. Нѣкоторыя изъ дѣтей прекрасно читали различныя молитвы, хотя чтецъ часто почти и не отдѣлялся отъ пола: такъ онъ былъ малъ. Когда я смотрѣлъ на дѣтей, расположившихся за столомъ, то они мнѣ казались кучкою маленькихъ милыхъ грибовъ въ лѣсу.

19. *Рисовальные классы.* Бѣдные ученики обучаются здѣсь безплатно. Состоятельные платятъ небольшую плату, которая поступаетъ въ пользу учителя рисованія. Безплатныхъ учениковъ было въ отчетномъ году 10 человѣкъ, платныхъ учениковъ,—ученицъ, малолѣтнихъ и взрослыхъ—18 человѣкъ.

20. *Огороды.* Огородъ за городомъ въ рощѣ на землѣ, принадлежащей Попечительству, и два сосѣдніе съ нимъ, арендуемые у другихъ владѣльцевъ, даютъ достаточное количество всевозможныхъ овощей для различныхъ учрежденій Дома Трудолюбія. Капусты, картофелю, свеклы и прочихъ

продуктовъ здѣсь собирается столько, что ихъ не только хватаетъ для Дома Трудолюбія, но и еще остается часть, которая и продается. На огородахъ работаютъ призрѣваемыя женщины и дѣти Пріюта. Въ отчетномъ году отъ продажи овощей выручено было 437 р. 54 к.

21. *Домъ Андреевскаго Попечительства въ Кронштадтѣ по Высокой улицѣ за №№ 126, 127, 128.* Въ этомъ домѣ большинство квартиръ, по распоряженію о. Іоанна, отданы бѣднымъ безплатно. Въ трехъ квартирахъ устроены номера для пріѣзжающихъ богомольцевъ за плату и два общихъ платныхъ помѣщенія—мужское и женское—каждое на 20 кроватей. Безплатно живущихъ въ домѣ, большею частію престарѣлыхъ женщинъ вдовъ съ дѣтьми, больныхъ, лишенныхъ возможности заработывать кусокъ насущнаго хлѣба,—84 человѣка. Они помѣщаются въ 43 комнатахъ. Въ подвальномъ этажѣ главнаго дома на улицу два большихъ помѣщенія назначены для приходящихъ бѣднѣйшихъ богомольцевъ, паломниковъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ право прожить здѣсь безплатно трое сутокъ. Каждое изъ этихъ помѣщеній устроено на 30 мужчинъ и на 30 женщинъ. Въ нихъ имѣются кубы для пользованія горячей водой. Въ 4-мъ этажѣ этого дома помѣщается часовня, гдѣ ежедневно членъ Совѣта П. О. Якубовскій читаетъ акаѳисты. Слушателей собирается до 200 и болѣе человѣкъ. Этотъ П. О., съ которымъ мы познакомились, весьма замѣчательный человѣкъ. Весь свой досугъ, всѣ свои силы онъ отдалъ различнымъ учрежденіямъ Дома Трудолюбія. На него возложено много различныхъ обязанностей, которыя онъ выполняетъ съ усердіемъ, достойнымъ всякаго вниманія. Его въ Кронштадтѣ рѣдкій кто не знаетъ.

Вновь выстроенное каменное 2-хъ этажное зданіе вмѣщаетъ въ себѣ въ нижнемъ этажѣ: лавку, свѣтлую просторную прачешную, катокъ, въ 2-мъ этажѣ—сараи для дровъ. Попечительство выручило отъ этого дома 2301 р. 80 к., а израсходовало 28109 р. 49 к.

22. *Народныя чтенія.* По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ залахъ Дома Трудолюбія велись духовныя бесѣды и объяснялось воскресное Евангеліе, а въ 6 часовъ вечера устраивались чтенія съ свѣтовыми картинами. Иногда эти чтенія сопровождались пѣніемъ духовныхъ концертовъ дѣ-

тями Пріюта подъ управленіемъ регента. Пѣніе весьма нравилось публикѣ и значительно увеличивало число слушателей. Въ теченіе года было 12 чтеній. Чтенія посѣтили 2902 человѣка, изъ которыхъ платныхъ было 1158 человѣкъ и безплатныхъ 1744 человѣка. Такимъ образомъ на каждомъ чтеніи было въ среднемъ 264 слушателя.

23. *Воскресная школа.* Въ седьмомъ учебномъ году съ основанія школы въ число ея учениковъ записалось 167 человѣкъ. Изъ нихъ мужчинъ было 133 человѣка, женщинъ 34 человѣка. По возрасту учащіеся распредѣлялись такъ. Отъ 10 до 20 лѣтъ было 136 человѣкъ, отъ 20 до 30 было 28, отъ 30 до 43 всего 3 человѣка. Такимъ образомъ большинство поступившихъ въ школу было моложе 20 лѣтъ. Подготовка учениковъ была различная. Были ученики, окончившіе школы — портовую, мачтовую, пароходнаго завода и проч. Эти ученики составили старшую группу. Были и такіе ученики, которые умѣли читать, но не умѣли писать. Нѣкоторые умѣли то и другое, но не знали ариѳметики. Совсѣмъ неграмотныхъ записалось 23 человѣка. Такая различная степень подготовки учениковъ требовала дѣленія на группы, и чѣмъ эти группы были меньше, тѣмъ успѣхъ занятій обезпечивался больше. Вслѣдствіе этого въ Воскресныхъ школахъ желательно имѣть большій персоналъ учащихъ. Учебныхъ дней въ минувшемъ году было 19, число учащихъ—13. Всѣ учащіеся были раздѣлены на 8 группъ. Нѣкоторые изъ учениковъ посѣщали школу два года, другіе — три года, а нѣкоторые — цѣлыхъ пять лѣтъ. Не мало привлекаетъ учениковъ въ школу выдача книгъ для чтенія на домъ, а малолѣтнихъ ежегодная Рождественская елка съ подарками.

24. *Ночлежный пріютъ.* Ночлежный пріютъ открытъ на 110 мѣстъ: на 86 мужчинъ и 24 женщины. Но обыкновенно ночевало въ немъ болѣе указаннаго числа и еще многимъ приходилось отказывать въ ночлегѣ за положительнымъ недостаткомъ мѣста. Мужской ночлежный пріютъ занимаетъ два большія свѣтлыя зала, въ которыхъ поставлены желѣзныя кровати съ деревянными щитами. Матрацы и одѣяла имѣетъ только женское отдѣленіе; мужское же лишено ихъ во избѣжаніе загрязненія. Въ женскомъ отдѣленіи я обратилъ особенное вниманіе на множество иконъ

щины. Нужда и горе у всѣхъ людей одинаковы, и цѣль жизни у всего человѣчества одна. Поэтому добрымъ людямъ дѣлить нечего. Дѣятели Андреевскаго Попечительства дѣлаютъ великое, святое, доброе дѣло благотворительно-просвѣтительной помощи населенію, не задаваясь никакими партійными счетами; и они вполнѣ довольны этимъ. Несомнѣнно, они весьма справедливо поступаютъ въ данномъ случаѣ. Когда тонетъ человѣкъ, мы не разсуждаемъ, кому тащить его изъ воды, — одной партіи или другой. Всѣмъ нужно дѣйствовать дружно, честно, свято, безкорыстно...

Поразила меня ихъ благотворительно-просвѣтительная дѣятельность и съ другой стороны. Они благотворили всѣмъ: и образованнымъ, и необразованнымъ, лицамъ православнаго исповѣданія и инославнаго. Рука дающаго не различала, кому она даетъ. И эта щедрая милостыня, несомнѣнно, привлекла къ нимъ сердца многихъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые никогда не питали хорошихъ чувствъ ни къ чему православному. Итакъ, дѣятели Попечительства вносили свѣтъ просвѣщенія и культуры во всѣ слои общества,— брошеннаго, забытаго, оставленнаго, придавленнаго судьбой. Идя къ этой цѣли, они не щадили ничего — ни своихъ средствъ, ни своихъ силъ. Что было прежде здѣсь и что стало потомъ, прекрасно изображено въ одномъ стихотвореніи, посвященномъ о. Іоанну:

Днемъ и ночью здѣсь слышался жалобный стонъ
И души наболѣвшей рыданья,
Стариковъ, вдовъ, сиротъ и покинутыхъ женъ,
Угнетенныхъ судьбой, преступившихъ законъ
И лишенныхъ надеждъ упованья.
Стоны тѣ доходили до сытыхъ людей,
Ихъ душевный покой нарушая,
Отъ нужды отойти всѣ спѣшили скорѣй,
Развѣ грошъ мѣдный броситъ иной богатей,
Бѣдняка же при этомъ ругая...
Міръ тотъ, пастырь, ты зналъ, бѣдность самъ испыталъ,
Потому и вступилъ въ него смѣло,
Словомъ добрымъ согрѣлъ бѣдняковъ, обласкалъ,
Напоилъ, накормилъ, что имѣлъ—отдавалъ,
Безкорыстно вершилъ Божье дѣло.
Сразу понялъ бѣднякъ, что не врагъ ты ему....

Домъ Трудолюбія.

Къ стр. 191.

Лучъ надежды въ душѣ появился,
Постепенно разсѣялъ суровую тьму,
Съ омерзеніемъ нищій отбросилъ суму,
И ему честный трудъ полюбился.
Но ты дальше все шелъ въ состраданьѣ своемъ.
За труды свои лепту сбирая,
Ты воздвигъ бѣднякамъ Трудолюбія Домъ,
Далъ и пищу, и трудъ, пріютилъ сиротъ въ немъ,
Отъ растлѣнія ихъ сберегая.
Сколько юныхъ птенцовъ вырвалъ ты изъ когтей
Нищеты злой, жестокой, суровой!
Воспиталъ, обучилъ, сдѣлалъ честныхъ людей,
Отъ сумы, отъ тюрьмы спасъ отцовъ, матерей,
Указавъ имъ пути жизни новой [1]).

Идя на свою квартиру, я думалъ невольно о томъ, какъ много мы сдѣлали бы, если бы такіе Дома Трудолюбія сплошною сѣтью покрыли всю Россію. Сколько бы въ нихъ было осушено слезъ дѣтей, немощныхъ старцевъ, людей больныхъ, потерпѣвшихъ ту или другую неудачу на жизненномъ пути. Сколько было бы пролито свѣта въ темную массу и сколько бы юныхъ было сохранено отъ паденій, преступленій, острога. Думалъ я еще и о томъ, какую бы громадную пріобрѣло силу наше духовенство и какъ бы поднялось, возвысилось оно въ глазахъ всего народа и общества, если бы только стало въ рядахъ дѣятелей такихъ Домовъ Трудолюбія. Оно приблизилось бы тогда къ идеалу первохристіанскихъ пастырей, вѣдавшихъ преимущественно личную нужду и личное горе ближнихъ, все служеніе тогда не было бы отрѣшеннымъ отъ жизни: Оно сняло бы съ себя тотъ жестокій упрекъ, какой возводятъ на него сектанты, обличая его въ ничегонедѣланіи, въ холодности, безсердечности и эгоизмѣ. Нужно подумать объ этомъ еще и потому, что мы теперь теряемъ все болѣе и болѣе связь съ обществомъ, и все болѣе и болѣе отъединяемся отъ жизни. Мы упускаемъ изъ своихъ рукъ часто даже то, что мы главнымъ образомъ должны были бы вѣдать. Я разумѣю, напр., участіе наше въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Если насъ вытѣснятъ и отсюда, то многимъ скоро станетъ почти не-

---

[1]) *В. Максимовъ.* Соч. цит. Стр. 21—22.

чего дѣлать, они окажутся за бортомъ жизненнаго корабля.

Дай Богъ, чтобы росли и ширились по обширной Руси эти великія и чрезвычайно благодѣтельныя учрежденія. Пусть проникають они не только въ города, но и въ самыя незначительныя мѣстечки нашего отечества.

XI.

Неотразимо мощно вліяніе о. Іоанна на народъ, приходящій къ нему изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ необъятной нашей родины: и отъ „Камы многоводной“, и отъ „матушки Москвы“, и „съ Урала“, и „съ Алтая“, и „отъ Финскихъ хладныхъ скалъ“. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на пришедшихъ къ нему, и вы удивитесь, какая перемѣна совершается со всѣми въ Кронштадтѣ. Какая радость, какой восторгъ начертанъ у всѣхъ на лицахъ. Какая увѣренность въ своихъ силахъ. Какъ глубоко пробуждены добрые порывы души. Любовью здѣсь пламенѣютъ сердца всѣхъ. Здѣсь въ людяхъ не встрѣтишь ни малѣйшей тѣни эгоизма и самолюбія. Гордый богачъ, не узнавая и самъ себя, охотно дѣлится своимъ достаткомъ съ неимущимъ бѣднякомъ. Аристократъ радушно ведетъ бесѣду съ невѣждой. Здѣсь всѣ подали другъ другу руки, назвали себя братьями,—и не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ.

Неотразимо мощно вліяніе о. Іоанна и на природныхъ жителей Кронштадта. Говорятъ, теперь не узнаешь Кронштадта: такъ онъ измѣнился подъ его сильнымъ вліяніемъ сравнительно съ недавнимъ своимъ прошлымъ. Не могли не замѣтить этого даже и мы, не смотря на свое непродолжительное пребываніе въ городѣ. Здѣсь возникла цѣлая серія образцовыхъ грандіозныхъ благотворительно—просвѣтительныхъ учрежденій, въ которыхъ работаютъ лица, начиная отъ самыхъ высокопоставленныхъ и высокообразованныхъ и кончая скромными и бѣдными тружениками. Баронесса, князь, графъ, генералъ — вотъ титулы, которыми пестрятъ списки Кронштадтскихъ дѣятелей.

Ежедневно болѣе тысячи нищихъ, 1500 или 1700, а иногда и до трехъ тысячъ человѣкъ, здѣсь получаютъ милостыню, какъ свою „неотъемлемую пенсію“ на кусокъ насущнаго хлѣба.

Прежде эти деньги раздавалъ самъ о. Іоаннъ.

Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ этого тысячнаго „Строя“, давшій себѣ трудъ сдѣлать надъ нимъ свои наблюденія [1]).

Чуть загорѣлся востокъ... Съ моря потянуло прохладой... Спитъ еще Кронштадтъ, и только „посадская голь“ начала вылѣзать изъ своихъ „щелей“—грязныхъ вонючихъ угловъ, въ низенькихъ ветхихъ домишкахъ.—Боже, неужели здѣсь живутъ люди, думалъ я, обходя въ первый разъ посадскія трущобы, точно вросшія въ землю. Оказалось, что не только живутъ, но живутъ плотнѣе и скученнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ богадѣльняхъ или казармахъ. Нары понадѣланы рядами, а мѣстами еще въ два этажа! Голыя доски, полутемная нетопленная изба, смрадная, нестерпимо пахучая атмосфера—вотъ общіе признаки посадскихъ „щелей“.

Только что пробило 5 часовъ утра, какъ изъ убогихъ посадскихъ избушекъ начали выскакивать фигуры, мужскія и женскія, въ какихъ-то „маскарадныхъ“ костюмахъ: кто въ кацавейкѣ и большихъ калошахъ, кто въ зипунѣ съ торчащими клоками ваты; на головѣ остовъ цилиндра, соломенная въ дырахъ шляпа и т. п. Нѣкоторыя изъ женщинъ держатъ на рукахъ закутанныхъ дѣтей. Болѣе взрослыя дѣти, держась за платье матерей, боязливо прижимаются къ нимъ. Толпа растетъ съ каждой минутой. Рядомъ съ оборванцемъ, въ солдатской шинели и опоркахъ, вы увидите дрожащаго отъ холода молодого человѣка въ приличномъ на видъ пальто. Рядомъ со странникомъ—простого крестьянина, вынужденнаго вслѣдствіе безработицы протягивать руку. Всѣ торопятся, точно по дѣлу бѣгутъ... Это—„армія о. Іоанна“.

— Не опоздать бы, не ушелъ бы...

Только это у всѣхъ и на умѣ, потому что если „опоздать“ или „онъ“ ушелъ, то—день голодовки и ночлега подъ открытымъ небомъ.

Конечно, этотъ „онъ“—отецъ Іоаннъ, „отецъ“ и единственный печальникъ всей кронштадтской подзаборной нищеты... Безъ него половина „посадскихъ“, вѣроятно, давно извелась бы отъ холода и голода.

— Куда же вы такъ торопитесь?—спросилъ я одного обор-

---

[1]) Приложеніе къ газ. *День* за май мѣс. 1891 г.

ванца, когда первый разъ знакомился съ „золотой ротой Кронштадта".

— Въ „строй"—отвѣчалъ онъ,—кто опоздаетъ къ раздачѣ—послѣ не получитъ.

Я пошелъ тоже за бѣжавшими...

На дворѣ было холодно и совсѣмъ еще темно; фонарей въ этихъ улицахъ въ Кронштадтѣ нѣтъ, такъ что ходить приходится почти ощупью. Мы прошли нѣсколько улицъ, пока на горизонтѣ обрисовался куполъ Андреевскаго собора.

— Гдѣ „строиться?" — спрашивали золоторотцы другъ друга...

— У батюшки, у батюшки... Онъ сегодня не служитъ въ соборѣ.

Когда я подошелъ къ дому, въ которомъ живетъ отецъ Іоаннъ, тамъ собралось уже нѣсколько сотъ оборванцевъ, и народъ продолжалъ стекаться со всѣхъ сторонъ.

— Стройся, стройся,—слышались голоса.

Сотни собравшейся голи начали становиться вдоль забора, начиная отъ дома отца Іоанна по направленію къ „Дому Трудолюбія". На одной сторонѣ становились мужчины, на противоположной панели женщины. Меньше чѣмъ въ 5 минутъ образовалась длинная лента изъ человѣческихъ фигуръ, примѣрно въ полверсты. Бѣдняки стояли въ три колонны, т. е. по три человѣка въ рядъ, такъ что занимали всю панель; женщинъ было гораздо меньше мужчинъ.

Всѣ ждали...

Еще не было 6 час., когда изъ калитки хорошо знакомаго „золоторотцамъ" дома вышелъ „батюшка"... Толпа заколыхалась, но всѣ остались на мѣстахъ, обнаживъ только головы.

Отецъ Іоаннъ снялъ свою шляпу, сдѣлалъ поклонъ своимъ „дѣтямъ", перекрестился на виднѣющійся вдали храмъ и пошелъ по „строю".

— Разъ, два, три... десять... двадцать...

Двадцатый получилъ рубль для раздѣла съ 19-ю коллегами. Опять: „разъ, два, три... десять... двадцать" и опять рубль. Такъ до самаго конца „строя". Только что кончился счетъ, вся толпа бросилась съ своихъ мѣстъ къ „батюшкѣ".

Кто становился на колѣни, кто ловилъ руку „батюшки“ для поцѣлуя, кто просилъ благословенія, молитвы; нѣкоторые разсказывали свои нужды... И отецъ Іоаннъ всѣхъ удовлетворилъ, никому не отказалъ; видно было, что почтенный пастырь сроднился съ этой средой, понимаетъ ихъ безъ словъ, по одному намеку, точно такъ же, какъ и толпа понимаетъ его по однимъ жестамъ...

Окруженный и сопровождаемый своими „дѣтьми“, о. Іоаннъ медленно движется къ собору Андрея Первозваннаго (или церкви „Дома Трудолюбія“) для служенія ранней обѣдни. Исчезъ „батюшка“ въ дверяхъ храма, и толпа разсѣевается по городу, лишь ничтожная часть остается на паперти для сбора подаяній. Это уже профессіональные нищіе, которыхъ, однако, сравнительно очень немного, и напрасно нѣкоторые полагаютъ, будто о. Іоаннъ размножаетъ нищихъ.

Бѣдняки привыкли смотрѣть на заботы о нихъ почтеннаго пастыря, какъ на что-то должное, почти законное. Если иногда случается, что при раздѣлѣ „строй“ получаетъ по 2 коп. на человѣка, вмѣсто ожидавшихся 3-хъ, то раздаются громкіе протестующіе голоса:

— Не брать, ребята, ничего не брать, не надо. Этакъ завтра батюшка по копейкѣ дастъ. Что-жъ мы будемъ на улицѣ ночевать что ли? (Въ ночлежномъ пріютѣ взимается по 3 коп. съ человѣка).

— Митричъ, ступай депутатомъ къ батюшкѣ; скажи, что меньше 3-хъ мы не беремъ.

Впрочемъ, эти голоса никогда не одерживали побѣды и оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ. Ни „Митричъ“, и никто другой никогда не рѣшились бы идти съ протестомъ, а такъ погалдятъ, пошумятъ, возьмутъ, конечно, то, что даютъ, и разбредутся по домамъ.

Бывали случаи, что иногда нищіе, особенно зимой, останавливали сани, въ которыхъ везутъ о. Іоанна, высаживали его оттуда и просили у него денегъ. Сердобольный батюшка, конечно, никогда не отказывалъ въ помощи этимъ своимъ оригинальнымъ просителямъ.

Теперь о. Іоаннъ уже не раздаетъ нищимъ самъ денегъ. Вмѣсто него деньги выдаются имъ особенными довѣренными лицами у „Петербургскихъ воротъ“. Каждый проситель получаетъ въ сутки, кажется, девять копеекъ.

Мнѣ приходилось не разъ слышать, какъ осуждаютъ многіе о. Іоанна за эту раздачу денегъ. Давать деньги такимъ людямъ, говорятъ, все равно, что бросать ихъ въ воду. Но я думалъ и думаю другое. Въ самомъ дѣлѣ, эти крохотныя лепты не спасаютъ ли бѣдняковъ отъ окончательной погибели, отъ полнаго озвѣрѣнія? Не поддерживаютъ ли онѣ въ ихъ душахъ ужъ едва мерцающія искры надежды на людей, вѣры въ добро и все святое? Не пошли ли бы они въ противномъ случаѣ войной на богатыхъ и зажиточныхъ людей? Не привожу многихъ другихъ соображеній...

А какая, дѣйствительно, масса здѣсь нищихъ. Здѣсь какъ бы въ фокусѣ сосредоточено все горе людское, всѣ болѣзни, всевозможныя лишенія, всѣ рубища и лохмотья. Тутъ вы встрѣтите людей всѣхъ возрастовъ, начиная отъ безпомощнаго почти еще совсѣмъ ребенка и кончая глубокимъ старикомъ, въ которомъ едва-едва уже мерцаетъ и теплится жизнь. А каковъ внутренній міръ этой голытьбы? Сколько нужно имѣть силы духа, чтобы научиться изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ съ великимъ состраданіемъ и лаской нѣжной смотрѣть въ глаза этой нищетѣ, этому убожеству, этимъ рубищамъ, слушать этотъ вѣчный стонъ человѣчества. Несомнѣнно, велики тѣ люди, что служатъ здѣсь постоянно и безкорыстно этой меньшей нашей братіи. Не знаю, многіе ли бы изъ тысячи согласились нести это великое бремя.

Многіе изъ бывавшихъ въ Кронштадтѣ говорили мнѣ о томъ, какія тяжелыя чувства испытали они, смотря на эту массу безпомощныхъ рукъ, протянутыхъ къ нимъ за подаяніемъ въ теченіе самаго непродолжительнаго времени.

Раздать всѣ деньги невозможно, а проходить спокойно мимо поразительной нищеты—совѣстно и тяжело. Отвѣчать на просьбы о помощи „не имѣю денегъ",—хотя бы даже значительная часть денегъ уже и была раздана, значитъ говорить неправду, лгать.

Я не забуду, кажется, никогда слѣдующей замѣчательной сцены. Одинъ пріѣзжій батюшка по выходѣ изъ собора, гдѣ онъ служилъ вмѣстѣ съ о. Іоанномъ, былъ окруженъ нищими. Умиленный богослуженіемъ, онъ щедрою рукою раздавалъ свои трудовые гроши налѣво и направо. Но число

просителей не только не уменьшалось, но все болѣе увеличивалось. Вотъ у него уже почти и нечего раздавать. Батюшка забываетъ и свое доброе настроеніе, и свою жалость по отношенію къ бѣднымъ, бѣжитъ отъ нищихъ и садится на перваго попавшагося извозчика, чтобы только избавиться отъ этой голодной, убогой толпы. Но нищіе бѣгутъ за нимъ слѣдомъ, ухватываются за пролетку. Пролетка трогается, бѣгутъ за пролеткой. Нѣкоторые не отстали отъ лошади и добѣжали до Дома Трудолюбія, гдѣ остановился батюшка. Пришлось расплачиваться и здѣсь. Само собой уже являлось нѣкоторое чувство и боли, и досады, и недовольства чѣмъ-то...

Повторяю опять, какъ же велики тѣ, что цѣлые годы находятся въ общеніи съ этими обездоленными и безпомощными людьми...

Нѣкоторые изъ Кронштадцевъ отдали все свое имѣніе на дѣло благотворительности. Другіе принесли на то же самое дѣло всѣ свои силы и весь свой дневной досугъ. Есть между ними такіе самоотверженные, которые по высотѣ своей жизни и безкорыстной дѣятельности напоминаютъ самыхъ отборныхъ иноковъ древней церкви.

И религіозная жизнь бьетъ ключемъ въ Кронштадтѣ. Въ нѣкоторыхъ домахъ читаются міряними почти постоянно акаѳисты, на которые собирается множество народа. Здѣсь же въ присутствіи народа читаются поученія, различныя сочиненія назидательнаго характера. Такъ входимъ, наприм., мы въ домъ купца Быкова. Нашему взору представляется нѣчто въ родѣ храма. Помѣщается онъ на пятомъ этажѣ большого каменнаго дома, вдали отъ всякой мірской и житейской сутолоки. Какъ это напомнило мнѣ первохристіанскія времена. Тогда первые христіанскіе храмы ютились въ подобныхъ укромныхъ уголкахъ домовъ.

Молитвенная комната въ домѣ Быкова занимаетъ собою большое помѣщеніе (ок. 20 × 18 арш.) и не уступаетъ по своимъ размѣрамъ многимъ небольшимъ нашимъ храмамъ. Комната раздѣлена на три части. Всюду видны иконы. Я насчиталъ болѣе ста иконъ, но мною еще далеко не всѣ онѣ были сосчитаны. Не мало на стѣнахъ и священныхъ изображеній изъ жизни различныхъ угодниковъ Божіихъ. Восточная стѣна молитвеннаго собранія вся заставлена ико-

нами въ нѣсколько ярусовъ. Многія иконы большихъ размѣровъ, въ ризахъ и дорогихъ кіотахъ, расположены въ такомъ же приблизительно порядкѣ, въ какомъ онѣ обыкновенно располагаются въ иконостасахъ. Предъ иконостасомъ по срединѣ его, стоитъ столъ, покрытый чистой пеленой. На столѣ позлащенный стеклянный кивотъ, въ которомъ находится икона (Успеніе Божіей Матери), привезенная изъ Іерусалима и вся убранная цвѣтами. Рядомъ съ нею на аналогіи—образъ съ частями св. мощей различныхъ угодниковъ и съ частію животворящаго древа Господня. Кругомъ идетъ деревянная перегородка съ дверцами по срединѣ. Надъ первою частію молитвеннаго собранія высится маленькій куполъ съ небольшимъ паникадиломъ. Чтецъ помѣщается обыкновенно за рѣшеткой, предъ столомъ съ иконой Успенія, и здѣсь читаетъ положенныя службы. Народъ помѣщается сзади и наполняетъ собою всю комнату. Комната можетъ вмѣстить въ себя только 400 человѣкъ, а желающихъ помолиться здѣсь иногда бываетъ гораздо больше. Изъ опасенія, чтобы отъ множества богомольцевъ не провалились потолки, пускаютъ сюда далеко не всѣхъ. При мнѣ богомольцевъ здѣсь было болѣе 100 человѣкъ. Замѣчательная картина представилась моимъ глазамъ.

Былъ жаркій день. Не смотря на 4 часа вечера, солнце пекло еще немилосердно. Улицы были пусты. Изрѣдка лишь кто пройдетъ, скорѣе пробѣжитъ, или проѣдетъ извозчикъ, потомъ опять—полное безлюдье и полная тишина. Всѣ заняты своими домашними дѣлами. Только здѣсь жизнь.... Сюда собрались отовсюду. Вотъ флотскій солдатикъ, вотъ мужичекъ въ грубой сермягѣ, вотъ старушка изъ Архангельской губерніи, вотъ монахъ, блаженный съ страшно спутавшимися и свалявшимися волосами. Тутъ были все болѣе бѣдные, какъ будто бы они всѣ сговорились, чтобы собраться здѣсь въ извѣстный установленный часъ. Трогательно смотрѣть на эти загорѣлыя лица, одушевленныя молитвой, и на эти загрубѣлые отъ работы пальцы рукъ, что постоянно слагались для крестнаго знаменія. Какъ живо напомнило мнѣ это собраніе первые дни христіанства, когда христіане собирались гдѣ-либо въ подобномъ укромномъ мѣстѣ на молитву. Бѣдны они были средствами къ жизни, не имѣли никакихъ внѣшнихъ преимуществъ. Но за то какъ были богаты духов-

ными силами и какой чарующей нравственной красотой свѣтились лица этихъ труженниковъ и страдальцевъ.

Служба шла здѣсь въ такомъ порядкѣ. Сначала было прочитано малое повечеріе, потомъ,—акаѳистъ Іоанну Предтечѣ. Чтецъ читалъ акаѳистъ съ глубокимъ одушевленіемъ. Во время чтенія мысли чтеца не блуждали тамъ гдѣ-то далеко отсюда. Видно, что онъ переживалъ каждую мысль акаѳиста. Отвѣтомъ на это чтеніе было общее народное одушевленное пѣніе припѣва: „радуйся“ и „аллилуія“. Поютъ всѣ рѣшительно. Когда я слушалъ это пѣніе, невольная дрожь пробѣгала у меня по всему тѣлу. И опять предо мною изъ далекой глубины вѣковъ возставали времена первохристіанскія, когда народъ принималъ широкое участіе въ богослуженіи. И думалъ я; какъ сильны стали бы мы въ борьбѣ съ различными сектами, если бы у насъ возстановлено было въ храмахъ общее народное пѣніе...

По прочтеніи акаѳиста, дружно и одушевленно пропѣли всѣ: величаніе Іоанну Предтечѣ, „Достойно есть“, „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво“. Послѣ этого было прочитано три краткихъ житія дневныхъ святыхъ. Чтеніе было опять толковое, внятное и разумное. Вотъ почему во время чтенія одни глубоко вздыхали, другіе тихо плакали, третьи крестились, четвертые тихо повторяли отдѣльныя слова изъ житія. Нѣкоторыя мѣста житій замѣтно производили весьма сильное впечатлѣніе на слушателей. Не забоду я, какъ заволновались всѣ, когда чтецъ прочиталъ:

— Муринъ Епископъ говорилъ: я бѣлый въ крещальной одеждѣ, а внутри черный. А мы, бр. хр., тамъ и тутъ черны.

И понесетъ народъ это слово о внутренней бѣлизнѣ и чистотѣ вездѣ и всюду, и сохранитъ его въ качествѣ драгоцѣнной жемчужины до самаго гроба.

По прочтеніи каждаго житія пѣли величаніе святому, какъ побѣдителю грѣха и доброму воину Христову. Понятно теперь—почему это пѣніе отличалось необыкновеннымъ одушевленіемъ. Живыя и краснорѣчивыя картины разнообразныхъ высокихъ подвиговъ людей, намъ во всемъ подобныхъ, невольно будили свѣтлыя чувства въ душѣ даже великаго грѣшника. Каждый невольно думалъ, что и для него возможно болѣе свѣтлое и радостное будущее.

По прочтеніи дневныхъ житій святыхъ, чтецъ возгласилъ:

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ.

И какъ это благовременно было теперь. Былъ еще день. Лѣтнее солнце заливало своимъ свѣтомъ весь народъ. Оно наполняло всю храмину. Не осталось въ ней ни одного уголка, который не былъ бы освѣщенъ его лучами. Но намъ нуженъ и другой свѣтъ, духовный, болѣе даже важный, чѣмъ этотъ свѣтъ вещественный. И все собраніе какъ бы едиными устами и единымъ сердцемъ запѣло трогательнѣйшій церковный гимнъ:

— Слава въ вышнихъ Богу.

Послѣ великаго славословія собраніе пропѣло: „помилуй насъ, Господи", „Господи, помилуй насъ", „милосердія двери" Затѣмъ чтецъ прочиталъ „иже на всякое время" и сдѣлалъ отпустъ. По отпустѣ было пропѣто всѣми: „Взбранной воеводѣ". Затѣмъ читавшій испросилъ прощенія у всего собранія. Всѣ дружно, въ одинъ голосъ, отвѣчали ему, прося въ свою очередь и у него прощенія. Нѣкоторые, кромѣ того, еще и благодарили его за доставленное имъ утѣшеніе и назиданіе.

И долго, долго народъ не расходился изъ этого дома молитвы. Одни прикладывались къ св. иконамъ. Другіе читали назидательныя сказанія подъ изображеніями жизни и подвиговъ различныхъ святыхъ. Третьи не хотѣли уходить и стояли просто такъ. На всѣхъ лицахъ можно было читать, что они уходятъ отсюда не съ пустою душей, не такими, какими нерѣдко уходятъ изъ другихъ молитвенныхъ собраній. Меня особенно поразила одна женщина. Облокотившись на подоконникъ окна, она о чемъ-то тихо плакала. Я долго со стороны наблюдалъ за нею, а она все продолжала плакать. Мнѣ весьма хотѣлось узнать, о чемъ она плакала. Но это мнѣ не удалось. Такъ и осталось это для меня тайной. А слезы ея не были слезами пустыми...

Сколько же тысячъ людей „окормлялось" духовно въ этомъ домѣ въ теченіе хотя бы только десяти лѣтъ, а онъ существуетъ уже значительно больше. Сколько тысячъ людей никогда не забудутъ въ своей жизни часовъ, проведенныхъ въ этомъ домѣ молитвы...

Кстати нѣсколько словъ здѣсь скажу о чтецѣ. Онъ—быв-

шій полковникъ—морякъ. Прошлое его не совсѣмъ безупречно. А теперь, подъ вліяніемъ о. Іоанна, съ нимъ произошла крупная перемѣна. Онъ не только не куритъ, но и не пьетъ даже, и вотъ уже болѣе десяти лѣтъ всего себя отдалъ на служеніе ближнимъ. У него нѣтъ ничего для себя; нѣтъ даже досуга. Онъ себѣ не принадлежитъ. Весь день онъ работаетъ для другихъ изъ года въ годъ. И онъ собою представляетъ не единственный примѣръ. Не мало подобныхъ людей можно указать и еще въ Кронштадтѣ. Возьмемъ, напр., хотя бы нашего руководителя о М., о которомъ я уже упоминалъ. Вспомнимъ еще одну замѣчательную женщину.

Случайно она познакомилась съ сочиненіями о. Іоанна Ильича Сергіева. Послѣднія произвели на нее сильное впечатлѣніе и возбудили желаніе посѣтить этого батюшку. Наконецъ, вотъ она въ Кронштадтѣ. На вопросъ ея, куда, въ какой монастырь ей пристроиться, уважаемый пастырь совѣтовалъ ей выбрать себѣ мѣсто подвиговъ по ея собственному усмотрѣнію. Послѣ года путешествія по монастырямъ Олимпіада Мартыновна и спутница ея вернулись обратно въ Кронштадтъ и здѣсь остались на постоянное житье; только лѣтомъ онѣ уѣзжали молиться по святымъ мѣстамъ.

Въ Кронштадтѣ О. М. прожила года три. Твердо помнила она слова св. ап. Павла: „Непрестанно молитеся“ и, дѣйствительно, ихъ исполняла. Часа въ четыре она вставала и молилась, затѣмъ посѣщала церковныя службы. Вообще до полудня обязательно проводила время въ молитвѣ. Иногда и послѣ, часовъ до двухъ, до трехъ, тоже молилась, если не въ церкви, то въ часовнѣ. Затѣмъ обѣдала. Но обѣдъ былъ всегда постный и очень скудный; многочисленнымъ бѣднякамъ, которыхъ она кормила у себя, подавали обѣды несравненно лучше, чѣмъ самой Олимпіадѣ Мартыновнѣ. Послѣ вечерни она читала св. книги и передъ сномъ еще молилась. Спать ложилась послѣ двѣнадцати и въ часъ ночи, да и позже, а иногда на молитвѣ и засыпала. Она никогда не была безъ дѣла. Иногда сидѣла съ иголкой и шила для бѣдныхъ. Много дѣлала она добрыхъ дѣлъ, но мало кто зналъ про нихъ, какъ будто и сама она не знала о нихъ. Получая ежемѣсячно 600 р. дохода, она всѣ эти деньги употребляла на пользу бѣдныхъ. Олимпіада Мартыновна

умерла отъ чахотки. Уже 6-го января 1900 года она съ тр домъ пришла въ церковь причаститься Св. Таинъ и больш не выходила изъ дому. Болѣзнь все усиливалась. Большим лишеніемъ было для нея опускать церковное богослужені и только еженедѣльныя посѣщенія отца Іоанна и причащ ніе Св. Таинъ были для нея единственнымъ утѣшеніем въ скорби. Но тихо и безропотно перенесла она долгую б лѣзнь. Восемь мѣсяцевъ страдала она. Послѣдній разъ б тюшка посѣтилъ ее въ день ея смерти, долго бесѣдовал утѣшалъ ее и напоминалъ о несравненномъ царствіи Б жіемъ. Въ заключеніе, просилъ ее взглянуть на него послѣ ній разъ. Предчувствіе батюшки сбылось: во время его о сутствія О. М. скончалась. Благодаря своей щедрой благ творительности, покойная О. М. была извѣстна во многих монастыряхъ Россіи. Отпѣваніе тѣла покойной состо лось 7-го сентября въ Андреевскомъ соборѣ. Въ 9 утра, около квартиры на Андреевской улицѣ, стояла больша толпа народа. Ждали пріѣзда досточтимаго батюшки о. Іоанн обѣщавшаго исполнить предсмертное желаніе покойной - отпѣть ее. Ровно въ 9 час. о. Іоаннъ пріѣхалъ, и началс выносъ. Роскошный бѣлый глазетовый гробъ несли на ру кахъ подруги покойной. Послѣ заупокойной литургіи, совер шонной соборнѣ, о. Іоаннъ произнесъ слово на текстъ из посланія св. апостола Павла. Въ немъ батюшка выяснил присутствующимъ происхожденіе смерти. Онъ говорилъ:

— Виновникъ смерти—грѣхъ. Не было бы грѣха — не бы бы и смерти... Участь человѣка—бороться противъ грѣх загладить грѣхъ и получить блаженство. Всю жизнь бор лись святые и за то увѣнчаны были... Вотъ такъ старалас жить и эта блаженная дѣвица Олимпіада... Я ее называ блаженной потому, что она блаженно жила" [1]... И это вс подъ вліяніемъ о. Іоанна.

Купецъ Н. А. Мотинъ далъ обѣтъ охранять о. Іоанна,— драгоцѣннѣйшаго молитвенника землиРусской,—и хранитъ его до сихъ поръ непоколебимо. Лѣтомъ онъ сопровождаетъ его на своемъ пароходѣ „Любезный", сохраняя его отъ толпы и давая ему покой хотя во время переѣзда. Зимой возитъ

---

[1]) *Русскій Паломникъ.* 1900 г. № 42, стр. 703—704.

,съ необыкновенной быстротой, по льду до берега, со-
яя опять отъ народа и также отъ стужи[1]).

Іоаннъ для многихъ въ Кронштадтѣ является какъ бы
ьей и вершителемъ ихъсудебъ. Началась ссора семействъ,
личныя семейныя неурядицы, идутъ къ батюшкѣ. Рѣ-
ніе батюшки обыкновенно полагаетъ конецъ всякимъ
рамъ и пререканіямъ. Семья забываетъ все и начинаетъ
гь прежнею тихою, мирною жизнію. Скорбь ли какая на-
гнетъ кого, идутъ къ о. Іоанну за утѣшеніемъ. А въ жизни
кдаго мало ли бываетъ такихъ минутъ? Нуждается ли
) въ ходатайствѣ предъ сильными, идетъ опять къ о. Іо-
ну. Для него широко открыты двери всѣхъ сильныхъ и
енитыхъ людей. ВъКронштадтѣ мнѣ говорили, что о. Іоаннъ
некоторыхъ ходатайствовалъ будтобы даже предъ самимъ
сударемъ. Не говорю о тѣхъ случаяхъ, когда къ батюшкѣ
ращаются за матеріальною помощію. Такихъ случаевъ чрез-
чайно много. Къ нему приходятъ за деньгами даже люди,
оигравшіеся въ карты и находящіеся на краю погибели.
атюшка не отказываетъ и многимъ изъ нихъ. Мало того,
ь нему обращаются за денежною помощію люди состоятель-
ые, и получаютъ ее, если въ ней только, дѣйствительно,
уждаются. Нѣкоторымъ изъ такихъ лицъ онъ ' ымъ прихо-
итъ на помощь, какъ только до него дойдетъ вѣсть о без-
ыходномъ положеніи того или другого семейства. Дастъ де-
егъ для уплаты срочнаго векселя, поможетъ выдти изъ ка-
ого-либо другого затруднительнаго положенія,— и вѣчная
лубокая благодарность дорогому батюшкѣ слышится изъ
устъ получившихъ отъ него помощь.

Къ голосу батюшки въ городѣ прислушиваются всѣ. Го-
ворятъ, не бываетъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося
событія, торжества, на которое бы не былъ приглашенъ о.
Іоаннъ. Прежде чѣмъ начинать что-либо новое, городъ почти
всегда обращается за благословеніемъ къ батюшкѣ. Какъ
трогательна эта крѣпкая нравственная связь паствы съ па-
стыремъ. Какъ переноситъ она мысль и въ далекое русское
прошлое, и еще въ болѣе далекое первохристіанское время,
когда между пастыремъ и пасомыми именно и были такія

[1]) *Русск. Пал.* 1900 г. № 26, стр. 439. Ср. *Котлинъ*. 1901 г. Дек. м.

глубокія, живыя, постоянныя связи, когда пастырь не казался своему приходу почти лишнимъ и ненужнымъ человѣкомъ.

Были мы въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ. И здѣсь все напоминаетъ о дорогомъ батюшкѣ. Въ комнатахъ вездѣ много иконъ съ постоянно горящею предъ ними одною или нѣсколькими лампадами. На столикахъ подъ иконами стоятъ чистыя фарфоровыя вазы съ водою и свѣчами для водосвятнаго молебствія, на случай прибытія о. Іоанна. На стѣнахъ почти во всѣхъ комнатахъ въ хорошихъ рамахъ висятъ портреты о. Іоанна съ его собственноручными подписями. Нѣкоторые помѣщаютъ портреты о. Іоанна даже вмѣстѣ съ иконами. Не смотря на то, что о. Іоаннъ весьма сильно порицаетъ подобныхъ своихъ почитателей, съ гнѣвомъ иногда бросаетъ отсюда свой портретъ на полъ, однако это почти нисколько не помогаетъ дѣлу. И послѣ этого еще можно встрѣтить его портреты на столь видномъ и почетномъ мѣстѣ. Намъ самимъ въ одномъ домѣ пришлось видѣть портреты о. Іоанна рядомъ съ иконами.

Поднялось и улучшилось и нравственное настроеніе Кронштадцевъ. Почти не стало слышно болѣе о тѣхъ постоянныхъ грубыхъ порокахъ, какими прежде отличались случайные жители этого города. Ласковость, привѣтливость, гостепріимство стали теперь отличительною чертою многихъ. А прежде, говорятъ, далеко не каждый отваживался на путешествіе въ Кронштадтъ. По его улицамъ въ то время не безопасно было ходить не только ночью, но и днемъ даже. Не то наблюдается здѣсь нынѣ: вездѣ и всюду тишина и спокойствіе. Жители Кронштадта теперь не представляютъ своей жизни безъ о. Іоанна. Достаточно въ данномъ случаѣ сказать о проводахъ о. Іоанна жителями города, когда онъ уѣзжаетъ лѣтомъ на свою родину или въ другое какое мѣсто, чтобы тамъ хотя немного отдохнуть душой.

Каждый разъ, когда о. Іоаннъ отправляется въ продолжительное путешествіе, въ Кронштадтѣ происходитъ необычайное движеніе. Въ день отъѣзда обыкновенно о. Іоаннъ служитъ въ Андреевскомъ соборѣ литургію и напутственный молебенъ. Храмъ въ это время бываетъ переполненъ. Всѣ усиленно молятся о своемъ любимомъ пастырѣ. Вотъ послышались слова напутственныхъ молитвъ, и со всѣхъ сторонъ раздались умоляющіе голоса

— Батюшка, не оставляй насъ!

— Прiѣзжай скорѣе!...

— Богъ да благословитъ твой путь...

Нужно ли говорить о томъ, что подобные проводы пастыря своими пасомыми—слѣдствiе того единенiя и любви, которыя существуютъ между о. Iоанномъ и его паствой. Проводить на пристань его—собирается почти весь городъ. Когда пароходъ отвалитъ отъ пристани, еще долго слышатся крики провожающихъ любимаго пастыря. Среди ихъ не мало находится всегда и плачущихъ.

Отъѣздъ о. Iоанна изъ Кронштадта.

Съ такимъ же сердечнмъ участiемъ провожаютъ о. Iоанна и жители столицы. Петербургскiе почитатели о. Iоанна, узнавши объ отъѣздѣ его въ дальнее и продолжительное путешествiе, собираются также обыкновенно проводить его на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги. Вокзалъ въ этотъ день представляетъ собою необычайную, во время отхода курьерскаго поѣзда, по многолюдству картину. Самая разношерстная толпа наполняетъ въ эти часы дебаркадеръ. Тутъ собираются и офицеры, и простолюдины въ различныхъ зипунахъ, и деревенскiя бабы съ плачущими дѣтьми на рукахъ, и роскошно

одѣтыя дамы, и франты разныхъ возрастовъ и положеній Словомъ, странное сочетаніе костюмовъ и лицъ на каждомъ шагу представляетъ контрастъ за контрастомъ. Чувство всеобщей любви къ о. Іоанну соединяетъ всѣхъ безъ различія положеній въ одно цѣлое, связанное самыми тѣсными, неразрывными узами.

Говорятъ, Кронштадтъ до неузнаваемости мѣняется съ отъѣздомъ о. Іоанна. Городъ точно опустѣлъ, замеръ и принялъ какой-то печальный видъ. Не видно народныхъ массъ, что наполняли почти всѣ улицы и переулки его. Не видно болѣе людей, стоящихъ на углахъ и ожидающихъ проѣзда батюшки, чтобы взглянуть хотя на одно мгновеніе на дорогое для всѣхъ его лицо. Куда-то спрятались и нищіе, толпами бѣгавшіе за его экипажемъ. Во время отсутствія о. Іоанна замѣтно пустѣетъ храмъ. Сокращается торговля. Если булочныя прежде не всегда успѣвали заготовлять массу хлѣба, нужнаго для посѣтителей о. Іоанна, то теперь и значительно меньшая часть товара залеживается подолгу въ магазинахъ. Падаютъ даже цѣны товаровъ; извозчикъ, заработывавшій прежде въ день три рубля, по отъѣздѣ о. Іоанна, заработываетъ два-полтора рубля. Уѣзжая изъ Кронштадта, о. Іоаннъ словно половину жизни города увозитъ съ собой. Эти картины отчасти наблюдали и мы, когда о. Іоаннъ уѣзжалъ изъ Кронштадта даже на нѣсколько часовъ въ Петербургъ. Дѣйствительно, тогда пустѣли улицы, пустѣли храмы. Видно было, что въ жизни города произошла какая-то перемѣна, чего-то ей не достаетъ.

Кронштадтскіе жители въ настоящее время съ тугой сердечной вспоминаютъ о недавнемъ, счастливомъ для нихъ, прошломъ.Не будучи въ такой степени обремененъ посторонними посѣтителями и собственными отлучками ради нуждъ страждущаго человѣчества, о. Іоаннъ въ минувшіе годы болѣе принадлежалъ имъ. Тогда онъ часто самъ безъ предварительнаго приглашенія посѣщалъ своихъ пасомыхъ, особенно если гдѣ случалось какое горе, или какая болѣзнь, или люди нуждались въ вразумленіи, назиданіи, благоустроеніи. А теперь большею частію онъ самъ сталъ лишь дорогимъ гостемъ въ Кронштадтѣ...

XII.

Такова жизнь въ Кронштадтѣ, когда находится въ немъ о. Іоаннъ. Но только ли въ одномъ Кронштадтѣ совершается то, что мы тамъ видѣли? Полноводный, могучій потокъ орошаетъ луга и поля не только на мѣстѣ своего начала, истока, но и на пространствѣ тысячъ верстъ. И полная жизненная, духовная чаша о. Іоанна, переливаяся черезъ края, далеко, далеко течетъ за предѣлы Кронштадта. Всюду, куда только не попадаетъ изъ нея эта живительная струя, она производитъ то же самое, что совершается въ Кронштадтѣ. Я могу безъ преувеличенія, кажется, въ данномъ случаѣ назвать всю Россію однимъ сплошнымъ Кронштадтомъ о. Іоанна. И это вполнѣ справедливо [1].

Вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ, лѣтомъ 1890 года о. Іоаннъ посѣтилъ Харьковъ. Вѣсть о скоромъ прибытіи о. Іоанна въ городъ быстро облетѣла всѣ сосѣднія веси и селенія. Когда о. Іоаннъ еще былъ далеко отъ Харькова, народъ выходилъ на встрѣчу ему въ громадномъ количествѣ. Ближайшія же станціи къ Харькову были биткомъ набиты народомъ еще задолго до прихода поѣзда съ дорогимъ гостемъ. О. Іоанну всюду приходилось выслушивать массу просьбъ, при чемъ многіе усердно и убѣдительно просили его посѣтить ихъ. Между прочимъ, о. Іоаннъ былъ приглашенъ къ одному изъ харьковскихъ помѣщиковъ П. Рыжову крестить ожидаемаго младенца. Г. Рыжовъ встрѣтилъ о. Іоанна въ Курскѣ и услышалъ отъ него замѣчательное извѣстіе. Въ минувшую ночь почтенный пастырь видѣлъ сонъ, будто у Рыжова родился сынъ, былъ крещенъ и названъ Борисомъ. Этотъ сонъ исполнился въ точности. Но вотъ и Харьковъ. На вокзалѣ до того было многолюдно, что желѣзнодорожная администрація вынуждена была, для охраненія о. Іоанна отъ давки, отцѣпить его вагонъ и, переведя вагонъ на запасный путь, прицѣпить къ поѣзду, отходящему

---

[1]) Въ данной главѣ я считаю необходимымъ отчасти пополнить свой дневникъ фактами и событіями изъ жизни о. Іоанна, которые совершались уже послѣ нашей поѣздки въ Кронштадтъ. Они еще болѣе уяснятъ для читателя и подтвердятъ тѣ истины, которыя я раскрываю въ своемъ дневникѣ.

въ Полтаву. На ближайшей отъ Харькова станціи „Рыжово“ вагонъ былъ отцѣпленъ, и о. Іоаннъ, сопровождаемый несмѣтной толпой народа, отправился въ имѣніе „Рыжовка“. Здѣсь для него былъ приготовленъ въ саду домъ—особнякъ на все время его пребыванія въ Харьковѣ.

Въ первые дни о. Іоанну жилось въ „Рыжовкѣ“ относительно тихо и спокойно. Но что началось совершаться здѣсь черезъ два-три дня, трудно передать. Надобно было самому быть свидѣтелемъ пребыванія о. Іоанна въ „Рыжовкѣ“, чтобы имѣть полное представленіе о томъ, что тамъ въ эти дни творилось. Народъ толпился вездѣ и всюду. Онъ наполнялъ даже и садъ. Цвѣты и клумбы въ саду были потоптаны и стерты съ лица земли. Вмѣсто отдыха для о. Іоанна начались тѣ же трудовые дни, какіе онъ проводитъ въ Кронштадтѣ. Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ему приходится бывать. За время пребыванія о. Іоанна въ имѣніи „Рыжовка“, у него успѣло побывать приблизительно около 100 тысячъ человѣкъ. Бывали дни, когда подъ благословеніе къ нему подходило по 7—8 тысячъ въ день. Послѣ первыхъ двухъ дней пребыванія о. Іоанна въ „Рыжовкѣ“, она буквально очутилась въ осадномъ положеніи. Тысячи народа располагались лагеремъ около имѣнія. Тутъ и чай пили, и закусывали, и спали. Нѣкоторые ожидали очереди по нѣсколько сутокъ. „Рыжовка“ находится въ 10 верстахъ отъ Харькова. Каждый почти поѣздъ привозилъ туда пассажировъ не менѣе 500 человѣкъ. На каждый поѣздъ выдавалось билетовъ столько, сколько въ другое время не продается и въ два мѣсяца. Благодаря необыкновенному скопленію пассажировъ, къ поѣзду прицѣплялось по 10—12 добавочныхъ вагоновъ. Для поддержанія порядка былъ откомандированъ сюда усиленный отрядъ полиціи.

Сильно волновался и городъ. Еще задолго до пріѣзда о. Іоанна онъ уже началъ говорить о немъ.

„Онъ спасъ мою жену, - разсказывалъ одинъ. Она уже умирала, всѣ доктора отказались лѣчить ее. Я послалъ ему телеграмму. „Молитесь, буду и я молиться“,—отвѣчалъ онъ. И вдругъ въ ея болѣзни произошелъ неожиданный переломъ, поразившій врачей, и она теперь совершенно здорова.—Онъ спасъ моего сына, — говорилъ другой. Такихъ разсказовъ сотни ходило по городу. И вотъ, когда о. Іоаннъ

пріѣхалъ въ городъ, онъ буквально былъ осажденъ людьми, которые усердно просили его посѣтить тотъ или другой домъ, гдѣ въ то время находились больные. Много чрезвычайно трогательныхъ сценъ можно было наблюдать тогда въ каждомъ домѣ, который посѣщалъ о. Іоаннъ. Едва успѣетъ онъ куда либо пріѣхать, на улицѣ сейчасъ выростаетъ толпа. Многіе просятъ у хозяевъ позволенія войти въ домъ. Если такое позволеніе получается, то комнаты быстро наполняются народомъ. Входитъ о. Іоаннъ. Присутствующіе окружаютъ его, тѣснятся, цѣлуютъ его руки, благоговѣйно подходятъ подъ благословеніе. Родители съ трогательнымъ довѣріемъ подносятъ къ нему своихъ маленькихъ дѣтей для благословенія. Многіе приводятъ больныхъ и увѣчныхъ, чтобы онъ возложилъ на нихъ руки. И сколько умиленія, сколько ожиданія чего-то необыкновеннаго сквозитъ во всѣхъ этихъ устремленныхъ па него взорахъ! Вотъ молодая дѣвушка изъ интеллигентныхъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ она долгое время ждала о. Іоанна. Оттѣсненная толпой, дѣвушка оказалась позади всѣхъ и со слезами смотритъ на добраго пастыря. Но вотъ о. Іоаннъ замѣчаетъ ее, и самъ подходитъ къ ней. Въ слезахъ она опускается на колѣни предъ кроткимъ служителемъ алтаря и прижимаетъ къ своимъ губамъ край его одежды. О. Іоаннъ поднимаетъ ее, благословляетъ, цѣлуетъ въ лобъ, и она уходитъ отъ него счастливая, радостная, умиленная.

— Батюшка! — раздается около о. Іоанна голосъ какой-то женщины съ ребенкомъ въ рукахъ. Благословите: больной! О. Іоаннъ гладитъ по головкѣ блѣдное, исхудалое дитя, потомъ наливаетъ изъ своего стакана на блюдечко чай.

— На, на,—говоритъ, поднося блюдце ко рту ребенка.—Выпей-ка, выпей!—И ребенокъ послушно пьетъ чай изъ рукъ незнакомаго ему человѣка.

— Ничего, — благословляя, говоритъ о. Іоаннъ, — дастъ Богъ, будетъ здоровъ.

Если бы о. Іоаннъ рѣшился удовлетворить просьбы всѣхъ харьковскихъ жителей, которые хотѣли принять его у себя дома и помолиться вмѣстѣ съ нимъ, то ему, несомнѣнно, пришлось бы прожить въ Харьковѣ не полторы—двѣ недѣли, а нѣсколько мѣсяцевъ.

15-го Іюля, по просьбѣ харьковскаго архіепископа Амвро-

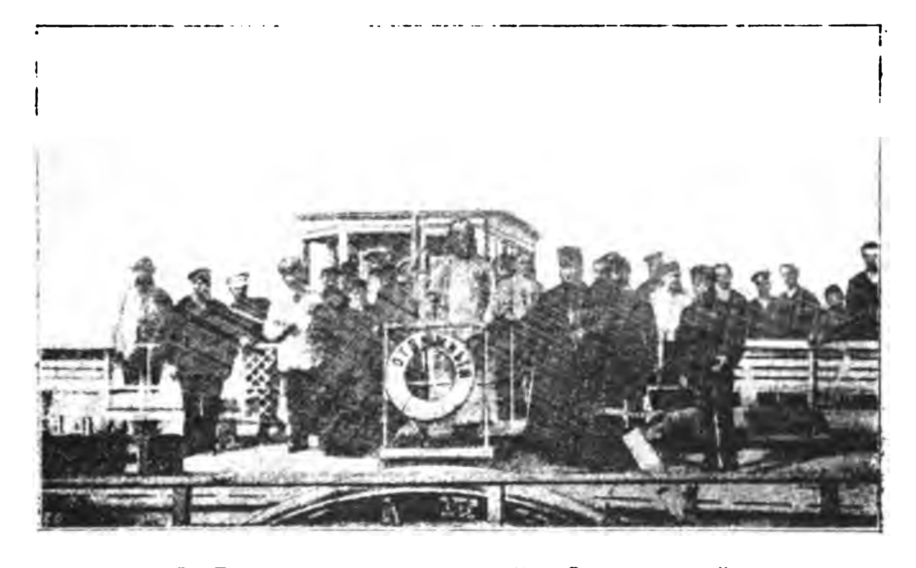
сія, о. Іоаннъ служилъ литургію въ городскомъ соборѣ въ первый и единственный разъ. Совершалъ онъ литургію въ сослуженіи всего городского духовенства. И „это была бѣда, а не служба“, какъ выражается одинъ изъ очевидцевъ. Толпа напирала и едва не врывалась, тѣснимая задними рядами въ алтарь. Пѣвчіе пѣли въ алтарѣ. Въ алтарѣ же передъ царскими вратами дѣлались всѣ выходы. Желѣзныя рѣшетки послѣ богослуженія оказались въ соборѣ поломанными натискомъ толпы. Съ трудомъ выбрался о. Іоаннъ изъ собора, въ одномъ подрясникѣ и безъ шляпы. Стеченіе народа около собора было также необыкновенное. Вся площадь и прилегающія къ ней улицы сплошь были заняты народомъ. Никакія полицейскія мѣры не могли здѣсь быть достаточными для водворенія порядка. При такихъ условіяхъ понятнымъ становится, почему о. Іоаннъ не могъ принять приглашенія отъ нѣкоторыхъ настоятелей церквей и старостъ—совершить богослуженіе въ какомъ-либо изъ городскихъ храмовъ. Вслѣдствіе полной невозможности совершать молебствія въ церквахъ, о. Іоаннъ, не желая обижать харьковцевъ, рѣшился, по предложенію преосвященнаго Амвросія, отслужить 20 Іюля молебенъ на соборной площади. Небывалое зрѣлище въ этотъ день представляла собою соборная площадь, а также и сосѣднія улицы и переулки. Народъ тѣснился такъ, что, какъ говорятъ, яблоку было некуда упасть. Всѣ крыши домовъ были усѣяны желающими видѣть Кронштадтскаго пастыря. Въ этотъ день, по свидѣтельству многихъ, на молебствіи присутствовало болѣе 60 тысячъ человѣкъ. Энтузіазмъ народа во время молебна возросъ до такой степени, что когда было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, толпа не выдержала и закричала: „ура“.

Насколько благотворно отразилось посѣщеніе о. Іоанна на харьковцахъ, и насколько они остались ему благодарны, видно изъ адреса, поднесеннаго депутаціей отъ жителей города Харькова о. Іоанну въ день его 35-лѣтняго юбилея священствованія. Кромѣ того, харьковцы поднесли ему тогда драгоцѣнное евангеліе. Многіе послѣ отъѣзда о. Іоанна сдѣлали цѣнные вклады въ храмы, богатыя пожертвованія на дѣла благотворительности. А сколько людей дало горячій обѣтъ исправиться и вести жизнь новую. И сколько изъ

нихъ, дѣйствительно, выполнили этотъ прекрасный свой обѣтъ [1]).

Путешествіе о. Іоанна по Волгѣ было какимъ-то тріумфальнымъ шествіемъ. Трудно сказать, кого такъ встрѣчали вездѣ и всюду въ это время, какъ встрѣчали тогда о. Іоанна, гдѣ бы онъ не появлялся.

24-го Іюня, совершивъ литургію въ Рыбинскомъ женскомъ монастырѣ, о. Іоаннъ отправился на пароходѣ „Отважный“

О. Іоаннъ на пароходѣ „Отважный“.

внизъ по Волгѣ. До Костромы пароходъ къ берегу не приставалъ. Только въ самомъ началѣ пути о. Іоаннъ выѣзжалъ на лодкѣ на прибрежную дачу управляющаго Рыбинской пристанью г. Хлѣбникова и противъ дачи управляющаго пароходствами г. Ратькова-Рожнова служилъ для его семейства водосвятный молебенъ на палубѣ парохода. Въ это время пароходъ, конечно, стоялъ. Теперь палуба парохода приняла своеобразный видъ, который обращалъ на себя особенное вниманіе многочисленныхъ посѣтителей „Отважнаго“. На бѣлой стѣнѣ рубки 1-го класса было повѣ-

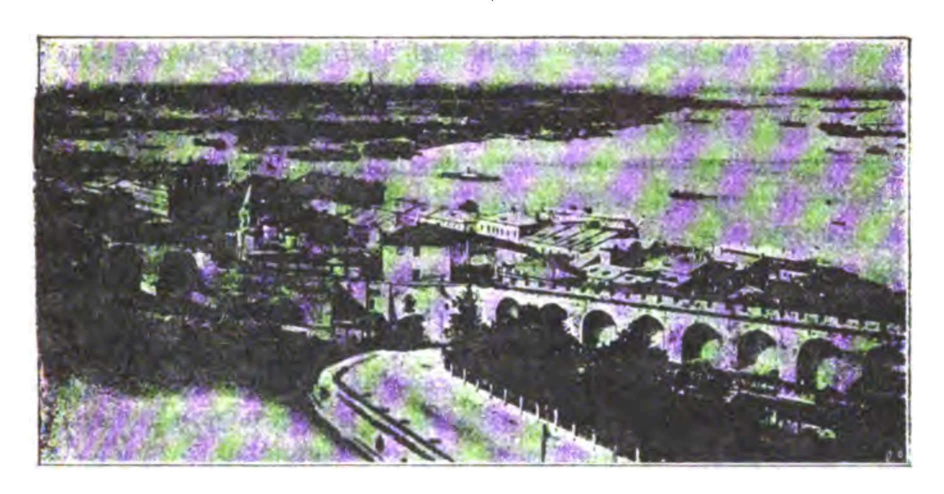
[1]) *А. А. Зыбинъ.* Очеркъ жизни и дѣятельности Кронштадтскаго Протоіерея отца Іоанна Ильича Сергіева. Стр. 158 слл. Петроградъ. 1893 года.

шено нѣсколько иконъ, предъ которыми всегда горѣла лампада. У стѣны стоялъ покрытый столъ съ водосвятной чашей. На немъ во время богослуженія полагались св. крестъ и св. евангеліе. Слѣва отъ стола — аналой съ богослужебными книгами. Все это такъ и оставалось за все время путешествія о. Іоанна на пароходѣ, вслѣдствіе частаго совершенія здѣсь утреннихъ богослуженій и водосвятныхъ молебновъ.

Къ вечеру пароходъ прибылъ въ Кострому. По всей набережной виднѣлось море головъ. Всѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали о. Іоанна. Многіе выѣзжали въ лодкахъ и съ другого борта входили на пароходъ. Стоило большихъ усилій охранять о. Іоанна отъ натиска массы, когда онъ выходилъ на берегъ посѣтить одну тяжко больную въ городѣ. На другой день на палубѣ парохода была отслужена утреня, а за нею водосвятный молебенъ. Въ это время пароходъ стоялъ у пристани г. Юрьевца. И пароходъ, и пристань были переполнены молящимися. Въ числѣ больныхъ, приводимыхъ на пароходъ, особенно обращалъ на себя вниманіе одинъ разслабленный. Его не привели,—онъ совсѣмъ не могъ ходить, — а именно по евангельски принесли на носилкахъ для благословенія къ о. Іоанну. Всѣмъ присутствовавшимъ батюшка раздавалъ въ благословеніе крестики.

Не доѣзжая верстъ 12 до Нижняго-Новгорода, о. Іоаннъ былъ встрѣченъ на особомъ пароходѣ нижегородцами. Оба парохода пошли вмѣстѣ одинъ за другимъ. Вѣсть о прибытіи уважаемаго пастыря въ Нижній успѣла быстро облетѣть весь городъ. Пароходъ, отчалившій въ $5^1/_2$ часовъ дня отъ городской Самолетской пристани, былъ полонъ народа, пожелавшаго видѣть о. Іоанна и получить отъ него благословеніе. Немного раньше нѣкоторые отправились отдѣльно привѣтствовать о. Іоанна на баркасѣ рѣчной полиціи. О. Іоаннъ долго любовался прекрасными видами Нижняго-Новгорода. Когда подошелъ отъ города „Геннадій Ратьковъ-Рожновъ“, палуба и мостикъ котораго были полны народа, о. Іоаннъ самъ вошелъ на этотъ пароходъ къ прибывшимъ. Всѣ находившіеся здѣсь получили отъ уважаемаго пастыря горячо желаемое ими благословеніе. Сколько было восторговъ у собравшихся здѣсь. Сколько самой искренней и глубокой радости. Сколько сожалѣній и сѣтованій, что дорогой ба-

тюшка не хочетъ оставаться у нихъ въ городѣ, благословить ихъ домы и семейства.

Нижній-Новгородъ.

Въ исходѣ 7-го часа, „Отважный" тронулся въ дальнѣйшій путь. Въ Казань „Отважный" также не заходилъ, а остановился только въ виду города у нефтянки для пріема нефти. Объ этой кратковременной остановкѣ тотчасъ же узнали на пароходныхъ пристаняхъ, и всѣ семейства агентовъ и служащихъ по пароходству поспѣшили въ лодкахъ къ нефтянкѣ получить благословеніе отъ высокочтимаго пастыря. О. Іоаннъ благосклонно принялъ всѣхъ на пароходъ, милостиво бесѣдовалъ съ прибывшими, ласкалъ дѣтей и благословилъ всѣхъ, давши каждому по образку на молитвенную память. Граждане Казани не могли не скорбѣть о томъ, что только немногимъ счастливымъ избранникамъ удалось воспользоваться проѣздомъ о. Іоанна, между тѣмъ какъ всѣ желали видѣть своимъ гостемъ достоуважаемаго батюшку. Оставалась надежда на посѣщеніе о. Іоанномъ Казани на обратномъ пути съ низовья. Поэтому многіе послали своимъ роднымъ, знакомымъ, служащимъ, проживающимъ въ низовыхъ приволжскихъ городахъ, телеграммы, усердно прося извѣстить ихъ о времени обратнаго проѣзда о. Іоанна по Волгѣ.

Въ Ставрополѣ „Отважный" былъ встрѣченъ самарскимъ протоіереемъ и нѣкоторыми гражданами г. Самары, при-

бывшими сюда на особомъ пароходѣ. Благословивъ всѣхъ встрѣчавшихъ на своемъ пароходѣ, о. Іоаннъ по просьбѣ послѣднихъ перешелъ къ нимъ на пароходъ и тамъ отслужилъ съ водосвятіемъ молебенъ „хотящимъ по водамъ плыти“. Затѣмъ „Отважный“ двинулся далѣе внизъ по Волгѣ. Не доѣзжая до города, „Отважный“ былъ встрѣченъ еще пароходомъ, на которомъ находились члены самарской городской Управы и нѣсколько гласныхъ городской Думы съ самарскимъ городскимъ головой. Вотъ какъ описываетъ эту встрѣчу одинъ изъ участниковъ. „Лица всѣхъ путниковъ сіяли радостью отъ ожиданія увидѣть того человѣка, котораго чтитъ вся Россія, — православные и иновѣрцы,— имя котораго извѣстно и далеко за предѣлами Россіи. Всѣмъ намъ казалось, что пароходъ медлитъ слишкомъ, а тутъ, какъ нарочно, поднялся вѣтеръ, забушевали волны и полилъ дождь. Около дачи „Аннаево“ намъ встрѣтился пароходъ Мясникова, высадившій на „Отважный“ немногихъ самарцевъ, успѣвшихъ выѣхать на встрѣчу о. Іоанна раньше насъ. Вскорѣ послѣ того мы завидѣли и „Отважнаго“, капитанъ котораго далъ намъ знать, чтобы нашъ пароходъ подъѣхалъ къ его палубѣ. Нельзя выразить того, что испытывали наши сердца при вступленіи на палубу „Отважнаго“. Наше волненіе еще болѣе усилилось, когда мы узнали, что немедленно будемъ приняты о. Іоанномъ. Еще минута, и мы входимъ въ рубку 1-го класса и стоимъ предъ великимъ русскимъ пастыремъ. Его доброе, кроткое, сіяющее лицо, его ласкающій взоръ, его вкрадывающійся въ душу голосъ насъ умиляетъ до слезъ. Онъ удостоиваетъ насъ не только драгоцѣннаго каждому благословенія, но и поцѣлуя. Какое счастье выпало для Самары: онъ говоритъ намъ, что остается у насъ сутки, что радъ видѣть самарцевъ, что благодаритъ насъ за встрѣчу“ [1]). Городской голова просилъ о. Іоанна отслужить на площади предъ вновь строющимся соборомъ молебенъ, на что получилъ полное согласіе. Сообщилъ объ открытіи въ Самарѣ Дома Трудолюбія, первый вкладъ на устройство котораго былъ сдѣланъ о. Іоанномъ.

Между тѣмъ пароходъ приближался къ пристани. Буквально весь берегъ былъ запруженъ народомъ, который мас-

---

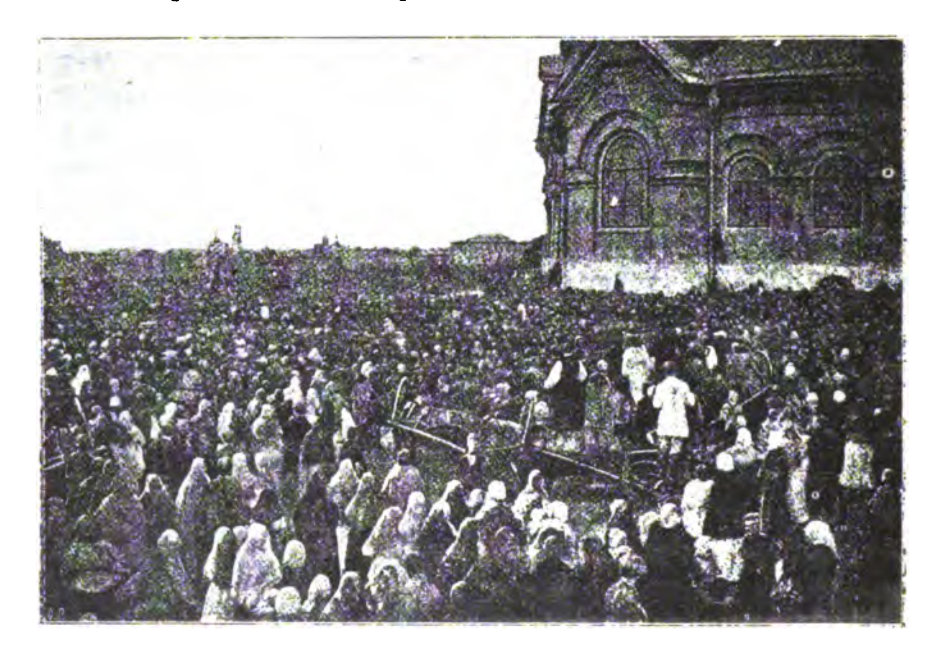
[1]) *Самарская Газета*, 1894 г. мѣс. Іюнь 27 и сл. дни.

сами направлялся сюда уже съ ранняго утра. Народъ не расходился, не смотря на то, что скоро всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ изъ телеграммы, что о. Іоаннъ прибудетъ въ Самару въ три часа. Съ большимъ напряженіемъ и нетерпѣніемъ всѣ желали скорѣе видѣть одного изъ самыхъ популярныхъ духовныхъ пастырей православной церкви и получить отъ него благословеніе. Но вотъ прибылъ и „Отважный" и присталъ къ пристани. Когда пароходъ остановился у пристани, о. Іоаннъ привѣтствовалъ всѣхъ собравшихся еще съ палубы. Нѣкоторое время онъ медлилъ выходить на берегъ, бесѣдуя на палубѣ парохода съ властями города, явившимися сюда принять благословеніе высокочтимаго гостя Самары. Въ это время г. городской голова, выйдя къ народу, объявилъ, что завтра 28 Іюня батюшка будетъ служить въ Казанскомъ соборѣ утреню и литургію, а въ 12 часовъ молебенъ у новаго собора.

По улицамъ, по которымъ проѣзжалъ о. Іоаннъ, народъ собирался въ такомъ количествѣ, что для поддержанія порядка нужна была помощь полиціи. Въ 9 часовъ вечера въ сопровожденіи также полиціи о. Іоаннъ прибылъ обратно на Самолетскую пристань. Преподавъ благословеніе ожидавшей его на пристани публикѣ, чтобы не быть снова осажденнымъ толпой, онъ переѣхалъ на своемъ пароходѣ на другой берегъ Волги, гдѣ и провелъ ночь.

Утромъ 28 Іюня, около 7 часовъ, нѣсколько лодокъ выѣхало встрѣтить дорогого гостя. Около дебаркадера пароходнаго общества „Самолетъ", съ разсвѣта уже толпилась масса народа, такъ что полиція опять вынуждена была очищать дорогу о. Іоанну до экипажа. Въ семь часовъ утра, при громаднѣйшемъ стеченіи народа, въ Казанскомъ соборѣ началась утреня, а за нею и литургія, совершенная о. Іоанномъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Соборный храмъ, конечно, далеко не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ слушать и видѣть богослуженіе дорогого пастыря. Въ 12½ часовъ дня на площадь, съ восточной стороны вновь строющагося каѳедральнаго собора, были вынесены хоругви, собралось многочисленное духовенство въ дорогихъ облаченіяхъ. Здѣсь на обширномъ помостѣ, нарочито сооруженномъ для этой цѣли передъ храмомъ, о. Іоанномъ было совершено съ мѣстнымъ духовенствомъ водосвятное молеб-

ствіе. Невозможно было окинуть взглядомъ ту массу народа, какая собралась сюда. Народъ наполнялъ не только площадь,

О. Іоаннъ въ Самарѣ.

но и близъ лежащія улицы, стоялъ въ окнахъ собора, на балконахъ, въ экипажахъ и т. п. Въ помощь полиціи для порядка были приглашены войска. Солдаты, взявшись за руки, живою цѣпью окружали и охраняли помостъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторымъ удалось взобраться на помостъ даже черезъ перила. По окончаніи молебна о. Іоаннъ сѣлъ въ карету и уѣхалъ, охраняемый отъ массъ народа конными полицейскими солдатами.

Во время раздачи освященной о. Іоанномъ воды тѣснота и давка были невообразимыя. Проѣзжая мимо Алексѣевскаго дѣтскаго пріюта, о. Іоаннъ благословилъ дѣтей, вышедшихъ на балконъ, благословилъ воспитанницъ Николаевскаго сиротскаго дома, рядами стоявшихъ на улицѣ въ ожиданіи проѣзда батюшки.

Городъ почтилъ дорогого гостя обѣдомъ. На обѣдѣ присутствовали: преосвященнѣйшій Гурій, г. вице-губернаторъ, члены городской Управы и другіе почетные гости. Во время обѣда было высказано много благожеланій дорогому ба-

тюшкѣ. Проводить о. Іоанна на пристань собрались: г. вице-губернаторъ, правитель канцеляріи начальника губерніи, высшіе гражданскіе и военные чины города. О. Іоаннъ ѣхалъ въ сопровожденіи городского головы и нѣкоторыхъ другихъ гражданъ г. Самары, ѣхалъ снова подъ охраною полиціи. По обѣимъ же сторонамъ спуска къ дебаркадеру шпалерами была расположена рота солдатъ. Тутъ были и офицеры ихъ. Входъ на дебаркадеръ посторроннимъ лицамъ, изъ опасенія давки и могущихъ произойти несчастій съ людьми, былъ строго воспрещенъ и разрѣшался лишь по особо уважительнымъ причинамъ. Благодаря лишь такимъ мѣрамъ и присутствію всѣхъ чиновъ полиціи съ г. полиціймейстеромъ во главѣ, проводы о. Іоанна на пароходъ обошлись безъ всякой суматохи и обычной въ такихъ случаяхъ давки. Вскорѣ съ „Отважнаго“ былъ поданъ сигнальный свистокъ, и пароходъ съ стоящимъ на его балконѣ дорогимъ и рѣдкимъ гостемъ для Самары въ 3 часа отчалилъ отъ берега. О. Іоаннъ раскланивался съ народомъ, благодарилъ за радушный пріемъ и благословлялъ остающуюся на берегу публику.

На „Отважномъ“ поѣхали провожать о. Іоанна до Сызрани городской голова и нѣкоторыя другія лица. До Сызрани же съ провожающей публикой отправился еще спеціальный пароходъ „Самарянинъ“. За отходящимъ пароходомъ выплыло нѣсколько лодокъ съ людьми, желавшими еще разъ взглянуть на уважаемаго пастыря. Любовь самарцевъ по отношенію къ о. Іоанну, кажется, не имѣла границъ. Одинъ мѣстный рыбопромышленникъ, желая чѣмъ либо выдающимся ознаменовать пріѣздъ къ нимъ о. Іоанна, поднесъ ему въ подарокъ, какъ особенную рѣдкость, недавно пойманную стерлядь—аршинникъ. Посѣщеніе о. Іоанна не осталось не отмѣченнымъ и въ лѣтописяхъ Самары. Въ ознаменованіе посѣщенія и молитвеннаго пребыванія въ г. Самарѣ о. Іоанна, преосвященный Гурій обратился къ своей паствѣ съ воззваніемъ, въ которомъ всѣхъ пригласилъ къ посильнымъ пожертвованіямъ на сооруженіе каменнаго храма съ церковною при немъ школою въ за-самарской слободѣ. Владыка первый отъ себя лично сдѣлалъ и пожертвованіе на такой достойный памятникъ общаго благочестиваго восторга, вызваннаго въ жителяхъ Самары посѣщеніемъ о. Іоанна.

Имъ же было выражено желаніе, чтобы предполагаемый храмъ былъ сооруженъ въ честь того св. угодника Божія, имя котораго носитъ о. Іоаннъ Кронштадскій.

Въ день прибытія о. Іоанна въ Саратовъ народъ уже съ утра двинулся къ пароходнымъ пристанямъ и толпился около архіерейскаго дома. Ко времени же прибытія „Отваж-

Въ Саратовѣ на пристани.

наго" на берегу стояло множество публики. Для встрѣчи уважаемаго пастыря на пароходномъ самолетскомъ дебаркадерѣ находились, во главѣ съ г. начальникомъ губерніи, старшій предсѣдатель судебной палаты, городской голова, нѣкоторые гласные Думы, полиціймейстеръ, игуменія женскаго монастыря, высшее городское духовенство. Въ 5 часовъ вечера раздался привальный свистокъ „Отважнаго". Когда пороходъ подошелъ къ пристани, о. Іоаннъ, стоя у борта верхней палубы, привѣтствовалъ г. губернатора-князя и всѣхъ встрѣчавшихъ:

— Здравствуйте, ваше сіятельство, съ праздникомъ васъ! Я къ вамъ въ гости пріѣхалъ. Здравствуйте, православные. Здравствуйте, сестры-монахини!

— Милости просимъ,—отвѣчалъ на эти привѣтствія г. начальникъ губерніи, а нѣсколько человѣкъ изъ публики стали махать шляпами и платками. Когда поданы были сходни, на пароходъ вошли именитыя лица города съ начальникомъ губерніи княземъ Мещерскимъ. Поднявшись на рубку, они подходили подъ благословеніе къ о. Іоанну, который цѣло-

валъ всѣхъ встрѣчавшихъ его представителей города. На приглашеніе ихъ посѣтить Саратовъ отвѣчалъ своимъ согласіемъ. Поразительное впечатлѣніе на толпу произвело появленіе о. Іоанна. „Толпа зашевелилась, задрожала; болѣе благоразумные люди отошли къ стѣнкамъ и периламъ. Еще минута, двѣ спокойныхъ, и трудно описать, что произошло. Какой-то стихійный потокъ, неистовые крики полицейскихъ: „дайте дорогу, пустите"! — смѣшивающіеся съ плачемъ и истеричными возгласами: „батюшка, благослови", вопли женщинъ и дѣтей, которыхъ чуть не задавили. Быстро, точно скатились, а не сошли, пронеслись мимо насъ нѣсколько полицейскихъ, затѣмъ о. Іоаннъ, котораго за одну руку поддерживалъ начальникъ губерніи князь Мещерскій, за другую городской голова и ближайшія къ нимъ лица... „Чистую" публику, стихійно бросившуюся за ними, тѣсня и давя другъ друга, еле удалось остановить. Внизу на берегу надежная цѣпь полицейскихъ предохранила о. Іоанна и его свиту отъ давки. Онъ былъ быстро посаженъ въ карету, которая съ нѣсколькими верховыми впереди умчалась по направленію къ архіерейскому дому" [1]). О степени энтузіазма, съ какимъ народъ встрѣчалъ о. Іоанна въ Саратовѣ, можно судить, наприм., по тому, что одна женщина, не дождавшись еще совершенной остановки парохода, съ берега прямо въ одеждѣ бросилась въ воду, чтобы обратить на себя вниманіе батюшки и скорѣе увидѣть его.

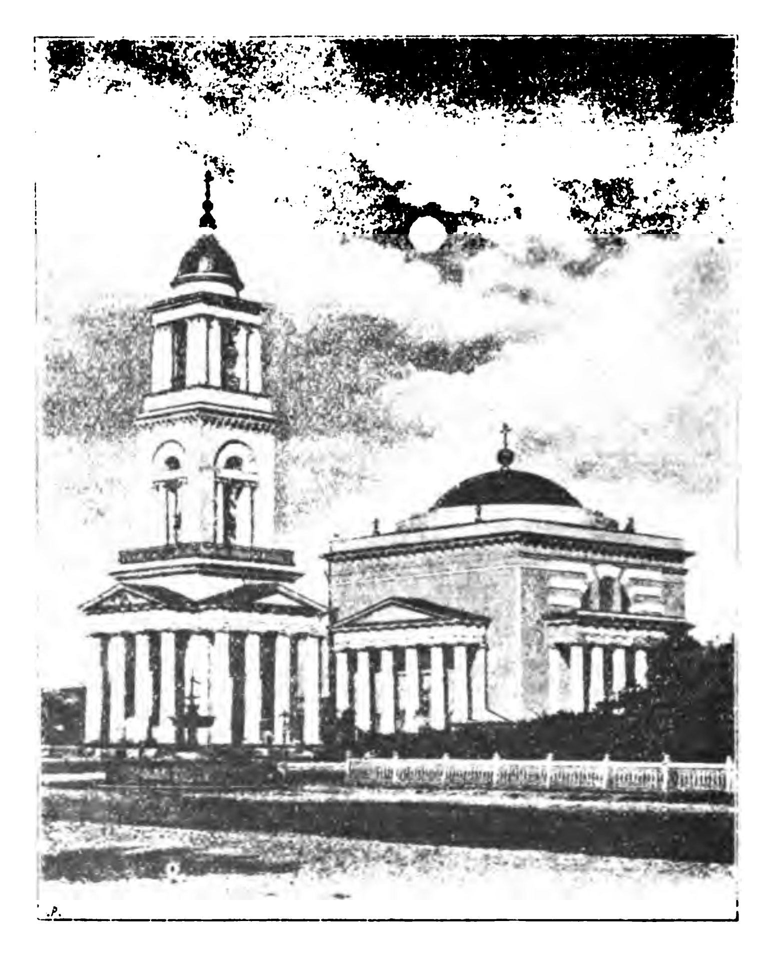
О. Іоаннъ остановился у преосвященнаго Николая. Вмѣстѣ съ владыкой выходилъ на балконъ къ народу, стоявшему густой толпой во дворѣ архіерейскаго дома и томившемуся въ ожиданіи получить благословеніе батюшки. Вечернее богослуженіе о. Іоаннъ слушалъ въ домовой церкви владыки при громадномъ стеченіи молящихся. Такъ какъ о. Іоаннъ остался ночевать въ покояхъ преосвященнаго, то нѣкоторые изъ народа всю ночь провели во дворѣ архіерейскаго дома.

„Саратовскій Листокъ" слѣдующій день пребыванія о. Іоанна въ Саратовѣ описываетъ такъ. „30 Іюня въ $6^1/_2$ часовъ раздался благовѣстъ къ утренѣ въ каѳедральномъ соборѣ. Скоро

---

[1]) *Саратовскій Листокъ.* 1894 г. мѣс. Іюнь 30 и сл.

со двора архіерейскаго дома выѣхала карета съ преосвященнымъ Николаемъ и о. Іоанномъ. Народъ окружилъ ка-

Каѳедральный соборъ.

рету такой толпой, что лошади могли идти только шагомъ. Около собора стояла такая густая масса народа, что не было никакой возможности пробраться черезъ нее съ передняго входа. Преосвященному Николаю вмѣстѣ съ о. Іоанномъ съ трудомъ удалось пройти въ нижнее помѣщеніе собора, откуда они внутреннимъ ходомъ поднялись наверхъ. Въ церковь стали пускать народъ только тогда, когда уже началась заутреня. Толпа двигалась все ближе и ближе къ алтарю, желая ближе видѣть о. Іоанна. Многіе даже влѣзали на перила около клиросовъ. Снаружи вся площадь была запол-

нена народомъ. Нижняя часть колокольни, крыши надъ боковыми входными дверями, ограда бульвара,—все это буквально было покрыто людьми.

Литургію о. Іоаннъ совершалъ самъ. Послѣ нея начался молебенъ. Послѣдній предполагали служить на площади, но когда вынесли иконы на паперть, то увидѣли, что соборъ окружала такая масса, что нести иконы далѣе было положительно невозможно. Пришлось молебенъ служить у входа. Народъ стѣною двинулся къ паперти. Послышались крики... По окончаніи молебна о. Іоаннъ благословилъ всѣхъ крестомъ, и процессія снова двинулась въ храмъ.

Окончена обѣдня. Карета съ о. Іоанномъ съ трудомъ прослѣдовала черезъ массы народа, не смотря на то, что впереди ѣхало 6 конныхъ стражниковъ. Народъ снова собрался около архіерейскаго дома, на балконъ котораго скоро вышли преосвященный вмѣстѣ съ о. Іоанномъ. Послѣдній благословилъ народъ и благодарилъ за столь радушный пріемъ, какой ему всѣ здѣсь оказывали. Улицы въ это время такъ были переполнены народомъ, что по Московской и Полицейской было пріостановлено даже движеніе. О. Іоаннъ посѣтилъ именитыхъ гражданъ города и Думу. При входѣ въ помѣщеніе Думы великій пастырь громко привѣтствовалъ гласныхъ:

— Миръ вамъ, почтенные гласные. Здравствуйте, добрые люди! Въ Думѣ былъ отслуженъ молебенъ, при пѣніи пѣвчихъ Александровскаго хора. Послѣ молебна всѣ подходили къ кресту. О. Іоаннъ благословлялъ всѣхъ, а преосвященный Николай кропилъ св. водою. Затѣмъ о. Іоаннъ и владыка вышли на балконъ, съ котораго дорогой батюшка окропилъ всю толпу народа, стоявшаго внизу, св. водой. Толпа крестилась и просила благословенія. Многіе при этомъ кричали:

— Спасибо, родной! живи многія лѣта!..

О. Іоаннъ былъ чрезвычайно тронутъ этимъ восторженнымъ пріемомъ и о саратовцахъ говорилъ, что „эта встрѣча радуетъ его, какъ доказательство религіозности и добраго направленія умовъ саратовцевъ. Изъ того, что въ радушной встрѣчѣ приняли одинаковое радушное сердечное участіе преосвященный, г. начальникъ губерніи и городской голова,—эти представители духовной власти, административной и общественнаго управленія, о. Іоаннъ заключаетъ, что

эти три власти, при своемъ воздѣйствіи на населеніе, одушевлены одною цѣлію, объединяются въ одномъ направленіи — въ духѣ религіи и вѣры. Только такое направленіе способно дать правильную жизнь отечеству и охранить его отъ тѣхъ безпорядковъ, отъ того вольнодумства, которымъ страдаетъ Западная Европа. Именно потому, что тамъ правители и народъ уклонились отъ религіи, возникло вольнодумство и вслѣдъ за нимъ разные безпорядки, которые завершились появленіемъ анархистовъ" [1]).

Вездѣ появленіе о. Іоанна было выдающимся событіемъ, вездѣ массы народа встрѣчали и провожали дорогого гостя. Но проводы въ Саратовѣ, по степени энтузіазма провожавшихъ, по своей грандіозности, наконецъ, при всемъ этомъ, по замѣчательному порядку, дѣйствительно выдѣляются изъ ряда другихъ проводовъ, какіе только выпадали на долю о. Іоанна въ этотъ разъ.

Къ назначенному для отъѣзда о. Іоанна времени, къ Самолетской пристани были собраны войска въ помощь полиціи, которыя образовали по ту и другую сторону проѣзда на набережной цѣпь. Вмѣстѣ съ о. Іоанномъ на пристань прибыли самъ преосвященный Николай, г. начальникъ губерніи и прочія власти. Владыка и начальникъ губерніи вошли вмѣстѣ съ о. Іоанномъ на пароходъ. На пристани всѣ стояли съ непокрытыми головами, а когда въ 3 часа дня пароходъ тронулся, духовенство во главѣ съ своимъ архипастыремъ трижды пропѣли многолѣтіе въ честь отъѣзжавшаго гостя. Впечатлѣніе отъ этихъ торжественныхъ проводовъ получалось самое трогательное. Плакали не только прощавшіеся съ батюшкой, но и сопровождавшіе его не могли удержаться отъ слезъ. Съ прибрежныхъ фабрикъ и заводовъ въ окрестностяхъ города салютовали свистками, когда „Отважный" проходилъ мимо нихъ. О. Іоаннъ остался очень доволенъ всѣмъ, что онъ видѣлъ въ Саратовѣ, и на первой попутной телеграфной станціи была отправлена съ парохода „Отважнаго" привѣтственная телеграмма саратовскому владыкѣ со всею его богохранимою паствою.

Утромъ 1-го Іюля пароходъ „Отважный" останавливался въ Дубовкѣ, а потомъ у нефтянки въ виду г. Царицына,

[1]) Тамъ же.

конечнаго пункта, въ нынѣшнемъ путешествіи о. Іоанна по Волгѣ. Во время стоянки сюда стали подходить лодки, подошелъ и пароходъ, который остановился рядомъ съ „Отважнымъ“. На пароходѣ, переполненномъ публикою, находились воспитанницы Царицынскаго пріюта, которыя пропѣли входное „Достойно“. Здѣсь же была депутація отъ горожанъ съ представителями городского духовенства, приглашавшая усердно о. Іоанна посѣтить ихъ городъ. Отчасти вслѣдствіе утомленія, отчасти по недостатку времени, о. Іоаннъ не могъ исполнить просьбы царицынцевъ и проѣхалъ только мимо города, а послѣ поворота парохода въ обратный путь, съ пароходной палубы привѣтствовалъ все множество горожанъ, наполнявшихъ набережную и пристани. Тогда вслѣдъ за нимъ пошли четыре парохода съ публикой, и лишь только „Отважный“ остановился опять у нефтяной баржи, съ провожавшихъ пароходовъ стали спѣшно сходить на баржу многочисленные пассажиры. О. Іоаннъ вышелъ было къ нимъ для благословенія, но скоро долженъ былъ удалиться на палубу своего парохода, въ виду быстро накоплявшейся на нефтянкѣ публики. Въ числѣ провожавшихъ, расположившихся по борту нефтяной баржи, были воспитанницы Царицынскаго пріюта до 50 человѣкъ съ своею молодою начальницею, которыя стройно пропѣли: „Достойно есть“, „Спаси, Господи, люди Твоя“, и небольшой гимнъ. Простившись съ жителями г. Царицына, благословивъ всѣхъ, о. Іоаннъ отправился на „Отважномъ“ обратно вверхъ по Волгѣ.

„Было очень жарко. Наступившая теплая ночь давала пассажирамъ „Отважнаго“ полную возможность больше обыкновеннаго находиться на палубѣ парохода, любоваться своеобразной красотой береговъ широкой царственной рѣки, съ отвѣсными почти скалами и буграми,—этими, по легендарнымъ сказаніямъ, излюбленными притонами грозныхъ волжскихъ разбойниковъ. А когда пытливая мысль направлялась еще дальше въ глубь вѣковъ минувшихъ, то ей представлялся вопросъ: не было ли нѣкогда покрыто водою и все береговое пространство низовьевъ исполинской Волги, потому что за сотни верстъ выше ея устья находятъ, говорятъ, на поляхъ, вдалекѣ отъ береговъ остатки, свойственные только морскому дну. Нѣтъ ли какой связи между стариннымъ наз-

ваніемъ Каспійскаго моря Хвалынскимъ моремъ и названіемъ города Хвалынска"? [1]).

Въ воскресеніе 3-го Іюля утромъ пароходъ „Отважный" остановился у пристани села Алексѣевки, Хвалынскаго уѣзда, Саратовской губерніи. „Второго Іюля, въ 8 часовъ вечера, была получена телеграмма, что о. Іоаннъ Кронштадтскій 3-го числа, проѣздомъ изъ Саратова до Самары, будетъ въ селѣ Алексѣевкѣ и намѣренъ отслужить утреню въ мѣстномъ храмѣ,—пишетъ одинъ очевидецъ. Такое неожиданное извѣстіе до того поразило жителей села Алексѣевки, что многіе изъ нихъ сначала не хотѣли вѣрить этому. „Мыслимое ли дѣло, говорили они, чтобы тотъ, который не удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ городовъ, не смотря на ихъ просьбы, могъ прибыть въ наше село"? Между тѣмъ вѣсть о пріѣздѣ о. Іоанна быстро понеслась по селу, наполняя неподдѣльною радостью сердца обывателей. Многіе плакали и со слезами на глазахъ громко взывали:

— Господи, откуда это намъ, за что Ты посылаешь намъ грѣшнымъ такую благодать?

— Всюду заговорили про великаго гостя, многіе пришли къ своему батюшкѣ посовѣтоваться, какъ бы лучше встрѣтить его. Дѣйствительно, было надъ чѣмъ подумать. Церковь, по случаю ремонта ея, внутри вся была загромождена подмостками въ нѣсколько ярусовъ. Общимъ мнѣніемъ было положено подмостки разобрать и все привести въ должный порядокъ. Нисколько не мѣшкая, было приступлено къ работѣ. Всѣ до того усердно работали, что къ 10 часамъ, сверхъ ожиданія, все было убрано, и храмъ какъ бы обновился, все въ немъ приняло видъ благоприличія и благопристойности.

На слѣдующій день, рано утромъ въ 4-мъ еще часу, народъ сталъ собираться къ храму и располагаться въ двѣ линіи по тому направленію, откуда долженъ былъ проѣхать о. Іоаннъ. Въ массѣ собравшагося отовсюду народа замѣтно было не мало раскольниковъ, которые пришли посмотрѣть того, про кого слышали такъ много, по ихъ мнѣнію, невѣроятнаго. Священникъ съ представителями с. Алексѣевки отправился на пароходную пристань, отстоящую отъ села почти въ двухъ верстахъ. Въ 6-мъ часу съ парохода прі-

[1]) *Я. И. З-кій* О. Іоаннъ Кронштадтскій на Волгѣ лѣтомъ 1894 г. Стр. 61. СПБ. 1895 г.

ѣхалъ нарочный и велѣлъ звонить къ утренѣ, сказавъ, что о. Іоаннъ пріѣхалъ. Когда раздался первый благовѣстъ большого колокола, то невольно дрогнули сердца всѣхъ присутствующихъ и, набожно крестясь, всѣ съ сіяющей на лицахъ радостью говорили:

— Слава Богу, пріѣхалъ о. Іоаннъ Кронштадтскій.

— Пошло движеніе въ народѣ: каждый, толкая и тѣсня другого, старался занять мѣсто повиднѣе и повыгоднѣе. Каждому хотѣлось стать поближе къ дорогѣ, чтобы лучше разсмотрѣть о. Іоанна. Но вотъ по дорогѣ показался передовой верховой жандармъ, а за нимъ и тройка... Заколыхалась масса народа, какъ бы гулъ прошелъ по ней съ одного края до другого, и пронеслюсь:

— Ѣдетъ, ѣдетъ!

— Затѣмъ наступила мертвая тишина... Всѣ какъ бы замерли, опасаясь, какъ бы не пропустить, не проглядѣть дорогого гостя. Стоявшіе впереди, встрѣтивъ о. Іоанна, не хотѣли оставаться на мѣстѣ, но устремились за нимъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ о. Іоаннъ къ церкви, тѣмъ болѣе росла толпа сзади его. Никому не хотѣлось отстать. Почтенные старички и старушки—и тѣ позабыли про свою дряхлую старость, и они тутъ же въ толпѣ среди своихъ сыновъ и внуковъ бѣжали, не отставая отъ нихъ. Когда поѣздъ остановился, густой толпой окружили крестьяне о. Іоанна и, не сводя съ него глазъ, съ умоляющимъ взоромъ просили у него всѣ благословенія. Весело и бодро вышелъ онъ изъ экипажа и благословилъ всѣхъ подходившихъ къ нему. Съ сіяющимъ и радостнымъ лицомъ онъ вошелъ въ храмъ и, помолившись здѣсь, ласково привѣтствовалъ всѣхъ словами:

— Миръ всѣмъ, дорогіе мои братія и сестры"!

Благовѣстъ замѣнился трезвономъ во вся. Въ началѣ богослуженія о. Іоаннъ находился въ алтарѣ. Когда же запѣли стихиры на „Господи воззвахъ", онъ въ епитрахили ярко-краснаго цвѣта вышелъ на клиросъ и вмѣстѣ съ пѣвчими пѣлъ. Невыразимо сильное впечатлѣніе на молящихся о. Іоаннъ произвелъ чтеніемъ предъ царскими вратами канона св. Троицѣ и рядовыхъ воскресныхъ. Это было не простое чтеніе, а живое, восторженное прославленіе Бога, соединенное съ плачемъ о грѣховности человѣческой природы. Во время чтенія душа внимательнаго христіанина прихо-

дила то въ восторгъ и умиленіе, то падала подъ гнетомъ сознанія своей грѣховности, то снова возбуждалась и восторгалась, то опять повергалась въ слезный плачъ о своихъ грѣхахъ. И такое возбужденное состояніе у молящихся продолжалось во все время богослуженія. Вслѣдъ за утреней

Храмъ въ селѣ Алексѣевкѣ.

безъ выхода началась литургія, которая была отслужена о. Іоанномъ въ сослуженіи нѣсколькихъ священниковъ. Священный восторгъ и умиленіе при совершеніи литургіи незамѣтно отъ о. Іоанна переходили и на молящихся, такъ что всѣ они, горѣ имѣя сердца, едиными усты и единымъ сердцемъ съ дерзновеніемъ славили Бога. Послѣ литургіи о. Іоаннъ съ крестомъ въ рукахъ вышелъ къ народу и, подпуская ко кресту, сказалъ присутствовавшимъ краткое, но сильное и убѣдительное наставленіе.

— Съ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія поздравляю васъ, братія и сестры,—такъ началъ свою рѣчь о. Іоаннъ. Свѣтлая радость замѣтно играетъ на вашихъ лицахъ. Я желаю и молю Бога, чтобы радость ваша была чиста и свята. Я радуюсь, что вы радуетесь. Радуюсь и вмѣстѣ скорблю... Скорблю о вашей братіи отпадшей, о такъ называемыхъ старообрядцахъ, которыхъ въ вашемъ селѣ, какъ я слышалъ, очень много.

Къ нимъ мое слово, слово истины и любви"... Въ дальнѣйшемъ наставленіи о. Іоаннъ выяснилъ, что внѣ церкви православной нѣтъ спасенія, что отчужденіе отъ нея не останется безнаказаннымъ, что противленіе ея пастырямъ неминуемо влечетъ за собою вѣчную погибель подобно тому, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ погибли противники Моисея, Божія посланника.

Въ заключеніе о. Іоаннъ обратился къ глаголемымъ старообрядцамъ съ слезнымъ воззваніемъ, чтобы они оставили свое пагубное упорство, не ходили бы, какъ овцы безъ пастыря, но смѣло и безбоязненно слѣдовали бы голосу законныхъ церковныхъ пастырей, которые приведутъ ихъ въ жизнь вѣчную. Послѣ этого, передавъ крестъ іеромонаху, о. Іоаннъ вошелъ въ алтарь и здѣсь, стоя на колѣняхъ предъ престоломъ, положивъ на него руки, въ молчаніи долго молился. Когда онъ окончилъ молитву, по выходѣ изъ алтаря ему былъ представленъ мѣстный волостной старшина, руководитель старообрядцевъ безпоповцевъ, человѣкъ развитой и разсудительный. Батюшка спросилъ его, почему онъ пребываетъ въ расколѣ? Развѣ потому, что родители благословили его на это? На утвердительный отвѣтъ старшины о. Іоаннъ сказалъ, что въ настоящемъ случаѣ и родительскимъ внушеніямъ слѣдовать нельзя. При этомъ онъ напомнилъ своему собесѣднику, что Спаситель, заповѣдавшій самоотверженную любовь ко всѣмъ людямъ, не только къ родителямъ, а даже ко врагамъ, въ то же время говорилъ: „аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестеръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ". (Лк. 14, 26). На это старшина замѣтилъ, что трудно отстать отъ того, къ чему человѣкъ привыкъ съ малыхъ лѣтъ.

— Конечно, не легко,—сказалъ на это о. Іоаннъ,—потому что всякая привычка, какъ пьянство, табакокуреніе дѣлается для человѣка второю природою, но при усиліяхъ и содѣйствіи Божіемъ возможно и необходимо преодолѣть всякую душевредную привычку. Съ отеческою нѣжностью, именемъ Божіимъ убѣждалъ о. Іоаннъ своего собесѣдника, какъ родного сына, одуматься, оставить свое гибельное заблужденіе и перейти въ спасительное лоно православной церкви. Видимо тронутый искренностью и сердечностью этой рѣчи, собесѣдникъ тутъ же выразилъ свое согласіе послѣдовать со-

вѣтамъ о. Іоанна, сказавъ: „я очень радъ, что вижу васъ, батюшка!“ и по обычаю православныхъ принялъ отъ него благословеніе и просилъ его молитвъ. Вдохновенныя слова высокочтимаго пастыря, очевидная ихъ благоплодная дѣйственность и вообще необычайность случая не могли не произвести и на всѣхъ присутствовавшихъ самаго сильнаго впечатлѣнія. Быстрое и очевидное признаніе правоты убѣжденій о. Іоанна со стороны лица, пользующагося по своему служебному положенію и по своимъ личнымъ достоинствамъ особеннымъ авторитетомъ и уваженіемъ въ глазахъ раскольниковъ, несомнѣнно, еще болѣе усилило впечатлѣніе отъ словъ высокочтимаго пастыря. Благословляя по пути всѣхъ подходящихъ, о. Іоаннъ изъ храма направился въ домъ мѣстнаго священника, которому вручилъ 100 рублей для передачи одной бѣдной многосемейной женщинѣ. Отсюда въ сопровожденіи причта отбылъ на пароходную пристань. Здѣсь уже многіе ожидали его прибытія и на берегу, и на пароходной пристани, украшенной зеленью. Благословляя провожавшихъ, о. Іоаннъ раздавалъ на память о себѣ крестики. Въ 1-мъ часу дня пароходъ отплылъ, унося съ собою о. Іоанна, стоявшаго на верхней палубѣ. Оставшіеся на пристани смотрѣли за удаляющимся пароходомъ дотолѣ, пока онъ не скрылся на поворотѣ. Мирно сталъ расходиться собравшійся народъ, говоря:

— Вотъ милость-то Божія. Кого Богъ привелъ видѣть-то! [1])

Слѣдующая остановка была въ Ставрополѣ. Ставропольская пароходная пристань выдавалась своимъ особеннымъ убранствомъ. Какъ барьеры, такъ и карнизы пристани были покрыты красною матеріею, и сверхъ того колонки были перевиты зелеными вѣтками, а карнизы украшены еще и букетами изъ полевыхъ травъ и цвѣтовъ. Изъ красной же матеріи, по зеленымъ вѣткамъ сдѣлана была дорожка отъ пристани на песчаный берегъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось совершить молебствіе. Дорожка эта по обѣимъ сторонамъ была усажена деревцами. На пристани и на берегу стояло множество народа, а поодаль со всѣхъ сторонъ,—множество экипажей разнаго рода, прибывшихъ за 6 верстъ изъ Ставрополя для встрѣчи о. Іоанна. Лишь только паро-

---

[1]) *Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости.* 1894 г. мѣс. Іюль.

ходъ остановился и поданы были сходни, на палубу къ о. Іоанну явились городскія власти съ цѣпями на груди и два мѣстныхъ священника. По приглашенію послѣднихъ батюшка сошелъ на берегъ и вмѣстѣ съ ними совершилъ подъ открытымъ небомъ, на приготовленномъ мѣстѣ, водосвятное молебствіе. Пѣли пѣвчіе изъ города.

Уже поздно приближался пароходъ къ Симбирску. Здѣсь ожидали о. Іоанна раньше. Ко времени предполагаемаго пріѣзда батюшки Самолетская пароходная пристань положительно была запружена народомъ. Мѣстный корреспондентъ пишетъ: „нашему тишайшему Симбирску рѣдко приходилось наблюдать такое массовое движеніе. Хотя потомъ быстро распространилось извѣстіе, что о. Іоаннъ прибудетъ въ Симбирскъ не ранѣе 12 часовъ ночи, толпа у пристани не только не рѣдѣла, но еще болѣе увеличивалась. Лишь только показался пароходъ „Отважный“, на встрѣчу ему отъ пристани отвалилъ пароходъ „Энергичный“, на которомъ находился г. губернаторъ, о. ректоръ семинаріи, игуменія женскаго монастыря, городской голова съ депутаціей отъ города и нѣкоторыя другія высшія лица города Симбирска. Когда оба парохода встрѣтились, пассажиры „Энергичнаго“ перешли на пароходъ „Отважный“ и здѣсь на палубѣ, принявъ благословеніе о. Іоанна, сгруппировались около него и бесѣдовали съ нимъ до самой остановки парохода у города. Въ это время о. Іоанну передали телеграмму отъ преосвященнаго Варсонофія, не находившагося тогда въ Симбирскѣ. Было уже 12 часовъ ночи. Въ глубокомъ молчаніи народъ приготовился встрѣтить уважаемаго пастыря. Привѣтствуя всѣхъ собравшихся, о. Іоаннъ обѣщалъ завтра служить въ городѣ. За позднимъ временемъ онъ на берегъ не выходилъ и скоро удалился въ свою каюту. Медленно и неохотно народъ расходился по домамъ. Нѣкоторые остались на всю ночь на берегу у пристани, чтобы утромъ улучить случай поговорить съ батюшкой или хотя принять отъ него благословеніе. Пароходъ же во избѣжаніе всякихъ безпокойствъ отчалилъ отъ берега и остановился на ночь нѣсколько дальше.

Вѣсть, что о. Іоаннъ будетъ служить въ каѳедральномъ соборѣ, быстро облетѣла весь городъ. Съ ранняго утра 5-го Іюля народъ массами сталъ собираться на соборную пло-

щадь. Описать, что дѣлалось въ это время въ народѣ, невозможно. Такіе моменты не описываютъ, а ихъ только чувствуютъ. Утреню и вслѣдъ за нею литургію о. Іоаннъ совершалъ въ соборѣ при огромномъ стеченіи народа и въ сослуженіи 10 священниковъ. По окончаніи литургіи былъ отслуженъ молебенъ на особо устроенномъ помостѣ на площади. Всюду, гдѣ послѣ богослуженія не появлялся о. Іоаннъ, собирались тысячи народа, жаждавшаго получить отъ него благословеніе. Къ о. Іоанну приводили больныхъ, а нѣкоторыхъ несчастныхъ даже и приносили. Съ невыразимымъ умиленіемъ и глубокою вѣрою молились они, видя предъ собою такого дѣйственнаго молитвенника, какъ о. Іоаннъ, о которомъ такъ много слышали, къ которому такъ сильно до сихъ поръ стремились.

О. Іоаннъ благодарилъ симбирцевъ за радушный пріемъ. Какъ радушно встрѣтили его въ Симбирскѣ, такъ радушно и проводили. Провожали его: г. губернаторъ, ректоръ семинаріи, городской голова и другія власти города. Для охраны пути, по которому проѣзжалъ о. Іоаннъ, шпалерами расположились три роты солдатъ. Прощаясь сердечно съ провожавшими, батюшка раздавалъ въ благословеніе всѣмъ крестики.

Поднявшись выше города до лагеря Симбирскаго кадетскаго корпуса, пароходъ „Отважный“ остановился. По берегу противъ лагеря были выстроены рядами кадеты во главѣ съ самимъ директоромъ корпуса и воспитателями. О. Іоаннъ высадился въ поданную лодку и подъѣхалъ къ берегу. Когда онъ благословилъ всѣхъ кадетъ, ими стройно было пропѣто многолѣтіе и „Спаси, Господи“. Здѣсь на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ съ русскимъ полотенцемъ поднесли батюшкѣ хлѣбъ-соль.

Казанцы очень сожалѣли, что о. Іоаннъ не посѣтилъ ихъ города проѣздомъ внизъ по Волгѣ. Въ своей скорби они только утѣшались надеждою, что удостоятся принять его на обратномъ пути. Ихъ горячимъ желаніямъ было суждено исполниться. Еще наканунѣ ожидаемаго пріѣзда съ 8 часовъ вечера Самолетская пристань на Волгѣ начала переполняться громадною массою народа, которая постепенно росла все болѣе и болѣе. Весь путь отъ Казани до пристани всю ночь до утра былъ усѣянъ пѣшеходами, экипа-

жами. Вагоны конно-желѣзной дороги, отходя одинъ вслѣдъ за другимъ, не могли вмѣщать всѣхъ желающихъ ѣхать. Къ разсвѣту не только Самолетская пристань, но и весь Приволжскій берегъ былъ сплошь усѣянъ народомъ, не спавшимъ всю ночь и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ направлявшимъ постоянно свой взоръ на низовую часть Волги". Вотъ въ началѣ 6-го часа утромъ 6-го Іюля на горизонтѣ показался наконецъ „Отважный". Быстро на встрѣчу ему помчалось до 5 пароходовъ, стоявшихъ подъ парами и переполненныхъ пассажирами. Впереди всѣхъ шелъ казенный пароходъ „Свіяга", гдѣ находился казанскій городской голова и другіе представители города. Когда этотъ пароходъ поравнялся съ „Отважнымъ", о. Іоаннъ съ верхней палубы привѣтствовалъ встрѣчавшихъ. Пароходы остановились и черезъ поданный траппъ пассажиры „Свіяги" перешли на „Отважнаго". Городской голова первый принялъ благословеніе о. Іоанна, затѣмъ подошли одинъ за другимъ подъ благословеніе и остальные. Между тѣмъ „Отважный" успѣлъ причалить къ пристани, представлявшей собой одну лишь сплошную массу головъ, колыхавшуюся на подобіе волнъ. Только что о. Іоаннъ сошелъ на пристань, какъ буквально былъ сбитъ съ ногъ и стиснутъ громадной толпой. Идти далѣе не представлялось никакой возможности, и пришлось вернуться обратно. Положеніе оказалось очень затруднительнымъ. Тогда городской голова вышелъ къ толпѣ, въ самую ея средину, и нѣсколько разъ громко произнесъ, что о. Іоаннъ не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока толпа не разступится и не дастъ свободнаго прохода, что такое поведеніе толпы вовсе лишитъ Казань счастія увидѣть въ стѣнахъ своихъ о. Іоанна и что его можно будетъ увидѣть въ соборѣ, гдѣ онъ сегодня отслужитъ обѣдню. Эти слова произвели желаемое дѣйствіе. Стоявшіе впереди, взявшись за руки, образовали двѣ сплошныя цѣпи съ свободнымъ проходомъ. Но по мѣрѣ приближенія о. Іоанна къ приготовленнымъ экипажамъ, напоръ становился сильнѣе, такъ что уже не было возможности сдержать его. Сдавленный со всѣхъ сторонъ, о. Іоаннъ медленно двигался впередъ, не отказывая однако никому въ благословеніи.

Между прочимъ онъ съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ благословилъ и расцѣловалъ одного ребенка, родители ко-

тораго, поднося его къ о. Іоанну, заявили, что этотъ ребенокъ спасенъ отъ явной смерти заочными молитвами уважаемаго пастыря. „Съ необыкновенными усиліями о. Іоаннъ, наконецъ, былъ извлеченъ изъ тысячной толпы и буквально внесенъ въ коляску, куда рядомъ съ нимъ сѣлъ городской голова. Лишь только коляска, конвоируемая верховыми полицейскими стражниками, тронулась, за нею кинулась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Нѣкоторые съ явнымъ рискомъ бросались къ подножкѣ экипажа, схватывали и цѣловали руку о. Іоанна, прикасались къ его одеждѣ и затѣмъ подносили прикасавшуюся руку къ своимъ губамъ. Многіе становились на колѣни и творили крестное знаменіе. Иные бросали конверты въ коляску. По всему пути отъ пристани до города и по всѣмъ улицамъ, по которымъ слѣдовалъ экипажъ о. Іоанна, народъ низкими поклонами привѣтствовалъ дорогого гостя. На всѣхъ перекресткахъ улицъ, по которымъ слѣдовалъ экипажъ о. Іоанна, стояли цѣлые толпы. Въ крѣпости трудно было проѣзжать по причинѣ массы народа, бѣжавшаго отовсюду туда, и за множествомъ экипажей, мчавшихся къ собору“.

Въ соборѣ сначала была отслужена утреня, на которой о. Іоаннъ, по обыкновенію, читалъ канонъ, а непосредственно за нею литургія, совершенная о. Іоанномъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. „Въ алтарѣ по преимуществу собралось казанское духовенство, которое съ напряженнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ слѣдило за служеніемъ о. Іоанна. Церковь до того была переполнена народомъ, что войти въ нее не было никакой возможности. Толпа стояла крѣпкой стѣной въ упоръ къ иконостасу, что не могло не затруднять священнодѣйствія. Духота была такъ сильна, что какъ въ церкви, такъ и въ алтарѣ съ потолка буквально лилъ дождь. Не только церковь,—народъ переполнялъ всю паперть, архіерейскій дворъ и всю площадь и улицу, ведущую къ собору“. По окончаніи богослуженія въ соборѣ, чтобы охранить о. Іоанна отъ неминуемой и опасной давки, пришлось провести его изъ собора чрезъ архіерейскіе покои чернымъ ходомъ. Но и тутъ оказалось такое стеченіе народа, что экипажъ не могъ подъѣхать, и стоило чрезвычайныхъ усилій вырвать и вынести о. Іоанна, поднятаго и увлекаемаго толпой, которая бросилась вслѣдъ за умчавшимся экипажемъ.

По просьбѣ г-жи Х., о. Іоаннъ отслужилъ въ ея домѣ водосвятный молебенъ. Но изъ опасенія быть задушеннымъ толпой въ мѣстахъ остановокъ, отъ посѣщенія другихъ домовъ о. Іоаннъ вынужденъ былъ рѣшительно отказаться.

Въ Казани, какъ и въ другихъ городахъ, о. Іоанна чествовали обѣдомъ, гдѣ было произнесено не мало тостовъ за здоровье дорогого батюшки. Посѣтивъ именитыхъ людей г Казани, о. Іоаннъ отправился на пароходную пристань. Вся дорога отъ города до Устья и все Устье опять были сплошь покрыты народомъ, который теперь собрался здѣсь, чтобы проводить дорогого пастыря. По спуску къ пристани, у которой стоялъ „Отважный“, были шпалерами расположены солдаты. Но не смотря на это, нѣкоторые изъ публики успѣли подойти подъ благословеніе къ о. Іоанну еще на берегу, а иные проникли даже на пароходъ. Замѣчательно, что одинъ татаринъ былъ очень доволенъ, когда ему удалось получить благословеніе о. Іоанна. На пароходѣ находились городскія власти и нѣкоторые представители отъ духовенства. „О. Іоаннъ, не смотря на утомленіе, остался чрезвычайно доволенъ своимъ посѣщеніемъ Казани, горячо благодарилъ городского голову, благословилъ его образомъ, призывая благодать Божію на дальнѣйшее управленіе его „просвѣщеннымъ и столь значительнымъ и благочестивымъ городомъ“, которому пожелалъ „истиннаго счастія и божественнаго покрова“. Въ 6-мъ часу „Отважный“ тронулся вверхъ по Волгѣ, сопровождаемый казеннымъ пароходомъ „Свіяга“, съ городскимъ головой и нѣсколькими пассажирами. Тысячи людей,—сплошь усѣявшихъ берегъ Устья, пароходныя пристани, разныя судна и лодки,—съ обнаженными головами и низкими поклонами, молча провожали отходящій пароходъ. На верхней палубѣ парохода стоялъ дорогой путешественникъ, творя горячую молитву за православный казанскій народъ. „Пристань, усѣянная народомъ, уже почти исчезла изъ вида, а о. Іоаннъ, ярко озаренный красными лучами солнца, заходящаго за высокія волжскія горы, стоялъ вдохновенный на палубѣ, высоко поднявъ лѣвую руку съ своей соломенной шляпой, а правой совершая крестное знаменіе“...

Также трогательна и торжественна была встрѣча о. Іоанна и въ Нижнемъ-Новгородѣ. На пароходъ встрѣчать выѣзжали всѣ именитыя лица города. Среди нихъ былъ извѣстный и

почтеннѣйшій губернаторъ Барановъ, баронъ Дельвигъ, Рукавишниковы и многіе другіе выдающіеся общественные дѣятели, извѣстные на всю Россію. Также волновался и простой народъ, какъ онъ волновался въ другихъ мѣстахъ. Также всѣ наперерывъ спѣшили къ дорогому батюшкѣ, чтобы получить отъ него благословеніе. Также наконецъ восторженно, сердечно и провожали его всѣ, какъ провожали и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ только пришлось ему быть въ эту поѣздку. Глядя со стороны на эти встрѣчи и проводы, казалось, какъ будто бы уговорились всѣ встрѣчать и провожать о. Іоанна вездѣ и всюду по одному ритуалу. Между тѣмъ какъ, конечно, никто и не думалъ ни съ кѣмъ уговариваться. Очевидно, добрыхъ людей всѣ встрѣчаютъ и провожаютъ одинаково. Для этого не нужно и уговариваться: сама природа подскажетъ, какъ нужно поступить въ данномъ случаѣ.

XIII.

Не только въ центрѣ Россіи такъ радушно, восторженно, горячо, сердечно встрѣчали и провожали о. Іоанна, но и на окраинахъ нашихъ мы можемъ наблюдать не иныя картины. Появленіе о. Іоанна и тамъ вызывало большое движеніе въ народѣ и собирало около него цѣлыя тысячи людей. Вотъ о. Іоаннъ на сѣверной нашей окраинѣ, въ чуждой намъ по духу и религіозному міросозерцанію Финляндіи, въ городѣ Выборгѣ. Батюшка пріѣхалъ туда 9 февраля вечеромъ. Къ приходу поѣзда въ вокзалѣ, на площади передъ вокзаломъ, на платформѣ, въ царскихъ комнатахъ, чрезъ которыя долженъ былъ прослѣдовать о. Іоаннъ, вездѣ сновали густыя толпы народа, которыя съ нетерпѣніемъ ожидали о. протоіерея. На встрѣчу на вокзалъ прибыло все мѣстное православное духовенство, во главѣ съ высокопреосвященнымъ архіепископомъ Николаемъ, къ которому по прибытіи въ Выборгъ прежде всего и прослѣдовалъ о. Іоаннъ. Въ тотъ же вечеръ о. Іоаннъ посѣтилъ четыре православныхъ семейства, гдѣ совершалъ молебствія о здравіи членовъ этихъ семействъ. Ночной покой о. протоіерею былъ предоставленъ въ домѣ коммерціи совѣтника Ѳ. И. Сергіева. Въ четвергъ, 10 февраля, о. Іоаннъ молился въ каѳедральномъ соборѣ за утрен-

нимъ богослуженіемъ, за которымъ самъ читалъ положенный по уставу канонъ, а послѣ утрени, въ сослуженіи мѣстнаго духовенства, совершалъ божественную литургію. Глубокое религіозное чувство пастыря молитвенника съ неотразимою силою сообщалось массѣ молящихся, и истинное духовное умиленіе проникало души всѣхъ предстоявшихъ въ храмѣ. За богослуженіями все время присутствовалъ и высокопреосвященный владыка. Въ концѣ литургіи, по заамвонной молитвѣ, о Іоаннъ произнесъ, обратясь къ народу, простое, но полное искренняго чувства и глубокаго назиданія слово. Когда окончилась литургія, высокопреосвященный архіепископъ Николай вышелъ съ о. Іоанномъ на солею храма, сердечно благодарилъ о. Іоанна отъ себя и отъ присутствовавшихъ въ храмѣ за доставленное имъ православному населенію г. Выборга высокое духовное утѣшеніе. Владыка выразилъ желаніе, чтобы „великій молитвенникъ земли Русской“ и въ будущемъ не оставлялъ своимъ посѣщеніемъ край, который нуждается въ подъемѣ религіознаго духа. Литургія окончилась около 10 часовъ, и сряду же послѣ нея о. Іоаннъ отправился посѣщать больныхъ и совершать молебствія въ частныхъ домахъ. До двухъ часовъ пополудни о. Іоаннъ посѣтилъ около 20 семействъ, и въ каждомъ домѣ толпы народа, какъ будто выроставшія изъ земли, обступали его съ просьбами о благословеніи. Въ теченіи этого же времени онъ преподалъ слово назиданія и совершилъ краткое молитвословіе для всѣхъ учащихъ и учащихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Выборга, которые были собраны въ помѣщеніи женской гимназіи, доставилъ духовное утѣшеніе выборгской военной семьѣ, сошедшейся для молитвы съ о. Іоанномъ въ залѣ офицерскаго собранія. Отвѣдавъ въ 3 часа дня почти съ поспѣшностію хлѣба и соли у соборнаго старосты Д. М. Маркелова, неутомимый 70-лѣтній старецъ съ бодростью юноши всталъ изъ-за трапезы и вплоть до отхода поѣзда (въ 7 час. вечера) продолжалъ свои молитвенныя посѣщенія еще многихъ православныхъ семействъ. Истинно трогательна и умилительна была картина прощанія съ христіанскимъ пастыремъ, свидѣтелями которой были не одни православные, но и многіе иновѣрцы [1]).

---

[1]) *Сѣвѣръ.* 1900 г. № 46.

Вотъ страничка изъ пребыванія о. Іоанна на западной нашей границѣ среди людей, не только также чуждыхъ намъ, но и весьма недружелюбно настроенныхъ по отношенію къ намъ. О. Іоаннъ посѣтилъ Теолинскій женскій монастырь.

Теолинская обитель, открытая въ 1894 году близъ посада Сопоцкина, Сувалкской губ., съ первыхъ дней своего существованія устроялась и содержалась почти исключительно щедрыми пожертвованіями отца Іоанна. Въ теченіе шестилѣтняго своего существованія названная обитель получила отъ о. Іоанна около 50,000 руб. На эти средства выстроено помѣщеніе для сестеръ и куплено имѣніе Юзефатово, лежащее въ шести верстахъ отъ монастыря, обработывая которое личнымъ упорнымъ трудомъ, сестры обители питаютъ въ Теолинской школѣ-пріютѣ около ста дѣвочекъ окрестнаго уніатскаго населенія.

Встрѣченный на станціи желѣзной дороги „Гродно“ настоятелемъ Сопоцкинской церкви и ризничей Теолинскаго монастыря, о. Іоаннъ прибылъ въ Сопоцкинъ въ 9 часовъ утра. При въѣздѣ въ посадъ его встрѣтили мѣстные православные жители во главѣ съ гминнымъ судьей Слюсаревскимъ, который поднесъ ему хлѣбъ-соль. Принявъ хлѣбъ-соль, о. Іоаннъ отбылъ въ монастырь, гдѣ игуменья Людмила, вмѣстѣ съ сестрами и дѣтьми, призрѣваемыми обителью, встрѣтила его также съ хлѣбомъ-солью. Въ монастырѣ привѣтствовали о. Іоанна пріѣхавшіе съ этою цѣлью Сувалкскій губернаторъ Э. А. Ватаци, предсѣдатель Сувалкскаго окружного суда Сольскій, начальникъ Сувалкской учебной дирекціи Чеботаревъ и другія лица.

Послѣ этого о. Іоаннъ въ трапезной монастырской церкви совершилъ утреню, а потомъ божественную литургію при благолѣпномъ и стройномъ пѣніи сестеръ обители. Храмъ былъ полонъ молящимися. Въ концѣ литургіи о. Іоаннъ обратился съ рѣчью къ упорствующимъ бывшимъ греко-уніатамъ, въ которой убѣждалъ ихъ возвратиться въ лоно православной церкви, потому что внѣ общенія съ церковію нѣтъ спасенія. Послѣ литургіи о. Іоаннъ осматривалъ монастырскій корпусъ, больницу и школу-пріютъ. Въ школѣ дѣти поднесли о. Іоанну просфору на прекрасно вышитомъ ими шелками полотенцѣ, и одна изъ учениц привѣтство-

вала о. Іоанна стихами, составленными въ честь его пріѣзда учительницей Теолинской школы Клименко.

Поблагодаривъ дѣтей за ихъ любовь и привѣтствіе, о. Іоаннъ благословилъ каждую дѣвочку и пожелалъ имъ успѣха въ наукахъ.

Послѣ обѣда о. Іоаннъ пожелалъ посмотрѣть купленное на его пожертвованія имѣніе. По дорогѣ въ имѣніе, при въѣздѣ въ посадъ Сопоцкинъ, собрались всѣ Сопоцкинскіе евреи, пожелавшіе привѣтствовать о. Іоанна. Мѣстный аптекарь поднесъ о. Іоанну хлѣбъ-соль съ слѣдующими словами: „Сопоцкинское еврейское общество честь имѣетъ преподнести хлѣбъ-соль и сердечно привѣтствуетъ пріѣздъ вашего высокопреподобія въ нашъ посадъ. Мы твердо увѣрены, что ваше высокопреподобіе не откажете и нашему обществу, такъ давно жаждавшему, наравнѣ съ остальными, улицезрѣть васъ и услышать изъ устъ дорогого всему русскому населенію батюшки—пастырское благословеніе“.

Потомъ духовный раввинъ Рабиновичъ обратился къ о. Іоанну съ слѣдующею рѣчью.

„Въ Талмудѣ (Мидрашѣ) находимъ, что однажды одинъ философъ спросилъ у рабби Гамліела слѣдующее: „У насъ есть праздники и у васъ, но есть ли такой день, который мы празднуемъ всѣ вмѣстѣ“? Рабби Гамліелъ отвѣтилъ: „Такой день есть, а именно день, въ который падаетъ дождь, когда онъ нуженъ, потому что онъ тогда полезенъ всѣмъ“. То же самое мы можемъ сказать въ честь вашего высокопреподобія. Есть благочестивые мужи, которые только заботятся о своихъ единовѣрцахъ. Ваше же высокопреподобіе, какъ намъ всѣмъ извѣстно, озабочиваетесь о всѣхъ страждущихъ, безъ различія національности и религіи. А потому вы заслуживаете любви и чести отъ всѣхъ. И я осмѣливаюсь выразить вамъ отъ здѣшняго еврейскаго общества нашу признательность и глубочайшее уваженіе“.

Поблагодаривъ евреевъ за привѣтствіе и принявъ ихъ хлѣбъ-соль, о. Іоаннъ уѣхалъ въ монастырское имѣніе, гдѣ осматривалъ службы, кирпичный и известковый заводы и нашелъ все въ образцовомъ порядкѣ. По пріѣздѣ изъ имѣнія, о. Іоаннъ посѣтилъ настоятеля Сопоцкинской церкви, гдѣ пробылъ около часа въ бесѣдѣ о дѣлѣ православія въ здѣшней мѣстности. Весь вечеръ о. Іоаннъ провелъ въ

кругу собравшихся настоятельницы и сестеръ обители. Во время бесѣды игуменія Людмила поднесла о. Іоанну икону Божіей Матери, написанную въ монастырской живописной.

Въ пятницу утромъ о. Іоаннъ въ со служеніи съ шесть священниками въ монастырскомъ храмѣ совершилъ утреню и литургію, послѣ которой, напутствуемый благопожеланіемъ сестеръ Теолинской обители и дѣтей, призрѣваемыхъ въ ней, уѣхалъ въ Гродно [1]).

Замѣчательно въ этомъ отношеніи и путешествіе о. Іоанна въ Крымъ, совершенное имъ въ 1895 году.

Вѣсть о пребываніи о. Іоанна въ Крыму быстро распространилось по всему округу, и уже 10-го октября домъ, въ

Я л т а.

которомъ онъ жилъ, началъ осаждаться народомъ, желавшимъ видѣть уважаемаго и рѣдкаго въ настоящіе дни пастыря. Преобладающимъ элементомъ въ данномъ случаѣ, конечно, были русскіе. Но въ толпѣ не мало можно было ви-

---

[1]) *Церковныя Вѣдомости.* 1900 г. № 41. стр. 1666—1667.

дѣть также и татаръ, караимовъ, явившихся сюда не изъ одного только простого любопытства. Толпа начинала обыкновенно собираться съ трехъ часовъ ночи и дежурила до шести. Въ это время въ подъѣздѣ появлялся батюшка, удѣлявшій много времени на пріемъ всѣхъ, желавшихъ получить отъ него благословеніе. Инородцы подходили къ о. Іоанну послѣдними и такъ же, какъ и русскіе, смиренно преклоняли головы. Онъ возлагалъ на нихъ свои руки и разспрашивалъ ихъ о нуждахъ, скорбяхъ, не касаясь вопроса объ ихъ религіи. Нужно было видѣть ихъ, чтобы понять, что переживали и испытывали эти люди, искавшіе утѣшенія у православнаго священника. Въ Крыму къ о. Іоанну даже являлась еврейская депутація, состоявшая изъ шести человѣкъ. Евреи приносили благодарность о. Іоанну за его пожертвованія еврейскому обществу.

11-го числа о. Іоаннъ служилъ утреню и обѣдню въ Ялтинскомъ соборѣ при огромномъ стеченіи народа.

12-го ѣздилъ въ имѣніе великаго князя Александра Михаиловича „Ай-Тодоръ", гдѣ въ дворцовой церкви также служилъ литургію. Изъ „Ай-Тодора" посѣтилъ имѣніе князя Юсупова. Отсюда увлекли его въ Алупку въ великолѣпнѣйшее имѣніе князя Воронцова. 13-го о. Іоаннъ служилъ обѣдню въ дворцовой церкви нижней Оріанды. 14-го посѣтилъ удѣльное имѣніе Масандра. Отсюда отправился въ богатое имѣніе графа Орлова-Давыдова подъ названіемъ Селямъ. Пребываніе въ Селямѣ ознаменовалось, кромѣ радушнаго пріема, крупнымъ пожертвованіемъ графа, пожелавшаго пополнить неприкосновенный капиталъ Кронштадтскаго Дома Трудолюбія. На указанный предметъ въ разъ жертвователь ассигновалъ 10 тысячъ рублей. Кромѣ того, отъ него же въ это время получено на учрежденіе въ Домѣ Трудолюбія стипендіи имени Императора Александра III двѣ съ половиной тысячи рублей.

15-го о. Іоаннъ совершалъ богослуженіе въ селѣ Аутка, находящемся невдалекѣ отъ Ялты. Храмъ наполняли не только православные, но и греки, татары, типичныя физіономіи которыхъ рѣзко выдѣлялись и обращали на себя всеобщее вниманіе. Вдумчиво, сосредоточенно вглядывались они въ православнаго священника, и видно было по ихъ искрившимся глазамъ, что они такъ же, какъ и православ-

ные, исполнены благоговѣнія и вѣры къ великому русскому пастырю. Въ Ливадію къ о. Іоанну приносили больного, разбитаго параличемъ, татарина. Откуда то издалека его несли. Онъ имѣлъ измученный, усталый видъ. Глаза его безпокойно блуждали и точно искали спасенія въ каждомъ, къ кому бы они не обращались. Молодые татары, принесшіе его на своихъ плечахъ, спросили спутника о. Іоанна ломанымъ русскимъ языкомъ:

— А что, бачка, лѣкарь-то Божій дома?

— Дома.

— Кажи ему, что до него у насъ дѣла есть.

— А вотъ погодите, батюшка скоро выйдетъ.

— А ты скажи, чтобы скорѣе шелъ, а то старику-то тяжело больно.

О. Іоаннъ не заставилъ себя долго ждать. Приблизившись къ группѣ вѣрующихъ магометанъ, окружавшихъ носилки, на которыхъ неподвижно лежалъ больной, онъ ласково съ нимъ заговорилъ. Старикъ татаринъ силился улыбнуться, но улыбка ему не давалась. О. Іоаннъ возложилъ на его голову свои руки. Толпа на мгновеніе притихла, и видно было. что она переживала какія то новыя ощущенія, непонятныя. но волнующія и пробуждающія мысль. На всѣхъ присутствующихъ эта трогательная сцена произвела сильное впечатлѣніе.

И это былъ не единственный случай въ жизни о. Іоанна. Однажды къ о. Іоанну обратился татаринъ, у котораго умирала жена.

— Батышка!—говоритъ онъ. Слышалъ я, что твой Богъ сильнѣе нашего Аллаха. По твоей молитвѣ у сосѣда поправился ребенокъ, помолись за жену мою.

— Изволь. Помолимся вмѣстѣ. О. Іоаннъ опустился на колѣни и сталъ читать молитву. Татаринъ билъ себя въ грудь и повторялъ за нимъ слова молитвы. Они молились около часа. Когда поднялись, на глазахъ у татарина блестѣли слезы.

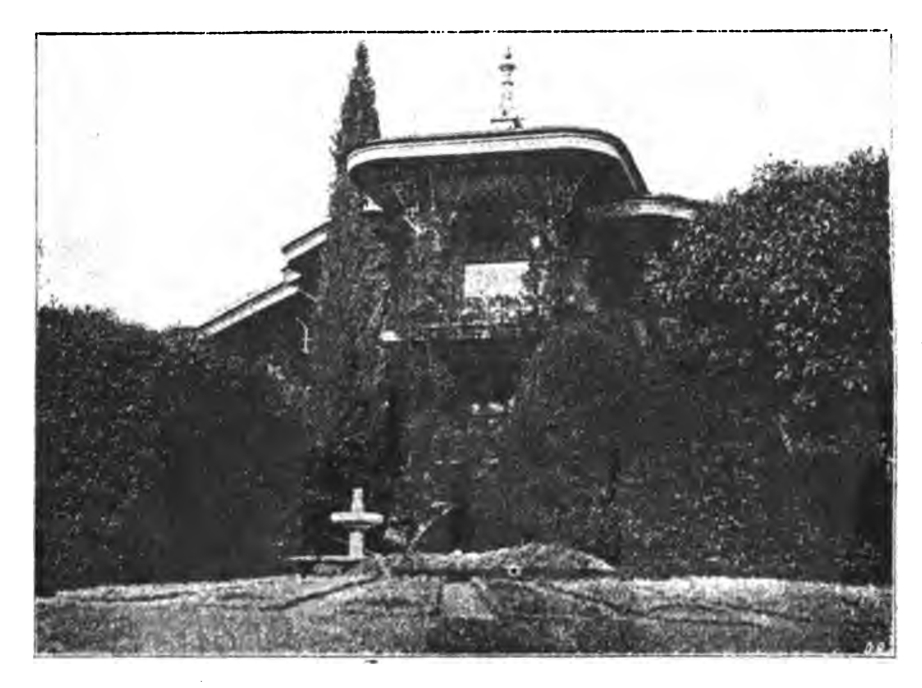
— Ступай съ миромъ домой.

Жена татарина выздоровѣла, и онъ со всѣмъ своимъ семействомъ принялъ Православіе [1]).

---

[1]) *Н. Животовъ.* Цит. соч. стр. 38.

16-ое о. Іоаннъ провелъ въ Гурзуфѣ. Служилъ здѣсь обѣдню, принималъ народъ и сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. 17-го опять служилъ утреню и литургію — на этотъ разъ въ Оріандѣ. По окончаніи ея, въ сопровожденіи придворнаго протодіакона, въ полномъ облаченіи, съ св. Дарами отправился въ Ливадійскій дворецъ, въ которомъ напутствовалъ великаго страдальца Царя-Миротворца. Какое великое счастье

Ливадія.

выпало на долю скромнаго, смиреннаго Кронштадтскаго пастыря. Бѣдная, захудалая Сура, какъ ты счастлива, имѣя такого служителя Божія. „20-го октября Государь Императоръ пожелалъ видѣть меня,—разсказываетъ самъ о. Іоаннъ. Я поспѣшилъ явиться тотчасъ по совершеніи литургіи и оставался въ Высочайшемъ присутствіи до самой блаженной кончины Государя. Государь Императоръ выразилъ желаніе, чтобы я возложилъ мои руки на главу Его, и, когда я держалъ, Его Величество сказалъ мнѣ:

— Васъ любитъ народъ.

— Да,—сказалъ я,—Ваше Величество, Вашъ народъ любитъ меня. Тогда онъ изволилъ сказать:

— Да, потому что онъ знаетъ, кто вы и что вы.

Послѣ сего Августѣйшій Больной сталъ чувствовать сильные припадки удушья, и въ уста Его постоянно вводили кислородъ посредствомъ насоса. Я стоялъ у изголовья Его кресла.

— Не тяжело ли Вашему Императорскому Величеству, что я держу руки на головѣ,—спросилъ я.

Нѣтъ,—изволилъ отвѣтить Государь,—мнѣ легче, когда вы держите надо мною руки.

Это отъ того, что я явился тотчасъ по совершеніи литургіи и дланями своими я держалъ Пречистое Тѣло Господне и былъ причастникомъ Святыхъ таинъ" [1]).

Такъ народная молва донесла имя о. Іоанна до царскихъ Палатъ. Государь и Государыня обратили свое вниманіе на пастыря, о которомъ всѣ вездѣ и всюду говорили. И сердцу цареву сталъ милъ и дорогъ этотъ служитель алтаря. Теперь о. Іоаннъ уже много лѣтъ извѣстенъ при Дворѣ. Вотъ уже не мало лѣтъ прошло, какъ ни одно выдающееся событіе въ царской семьѣ не обходилось безъ его участія. Такъ онъ присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ жизни Царя-Миротворца. По волѣ Государя Императора, принималъ участіе во всѣхъ печальныхъ церемоніяхъ во время перевезенія почившаго Государя изъ Ливадіи въ Петербургъ, перенесенія его съ николаевскаго вокзала въ Петропавловскій соборъ, въ отпѣваніи и погребеніи. 14-го ноября 1894 года, по Высочайшей волѣ, присутствовалъ при совершеніи брака Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ большой церкви Зимняго Дворца. 14-го ноября 1895 года присутствовалъ при совершеніи таинства крещенія первородной дочери Государя Великой Княгини Ольги Николаевны. 14-го мая, по волѣ Его Величества, былъ командированъ въ Москву для присутствія при священномъ короновавіи и помазаніи Ихъ Императорскихъ Величествъ, участвовалъ въ этотъ день въ служеніи литургіи въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ вмѣстѣ съ старѣйшими русскими архипастырями.

О. Іоаннъ лично посылалъ не разъ привѣтствія Государю и имѣлъ счастіе получать на нихъ отвѣтъ. Такъ 3-го апрѣля,

---

[1]) *Прот. Іоаннъ Сергіевъ.* Послѣдніе часы жизни Государя Императора Александра III. (Церк. Вѣдом. 1894 г., стр. 1656).

какъ сообщаетъ „Котлинъ“, на имя протоіерея отца Іоанна Сергіева была получена отъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы слѣдующая телеграмма:

„Воистину воскресе. Императрица и Я отъ всей души благодаримъ васъ и просимъ не оставлять Насъ и впредь въ вашихъ молитвахъ къ Творцу вселенной.

Николай“.

Телеграмма, посланная на Имя Ихъ Императорскихъ Величествъ отцемъ Іоанномъ, была слѣдующаго содержанія:

„Христосъ воскресе. Да совершитъ воскресшій всесильный Творецъ и міра Правитель всѣ чаянія Ваши, какъ Отца и Монарха, какъ Матери и Царицы. Вѣрноподданный Кронштадтскій протоіерей Іоаннъ Сергіевъ“ [1]).

Въ Ливадіи 19-го о. Іоаннъ скромно праздновалъ свои имянины. Не смотря на то, что о. Іоаннъ находился вдали отъ мѣста своего служенія, добрые люди и здѣсь его нашли и не забыли. Въ Ливадіи о. Іоаннъ получилъ однѣхъ только поздравительныхъ телеграммъ 289 штукъ. Отсюда можно судить, какъ велика популярность о. Іоанна въ предѣлахъ нашего отечества,—видно, съ какой глубокой вѣрой относится къ его молитвамъ вся Россія. Въ самомъ дѣлѣ, откуда только не было телеграммъ? Были телеграммы изъ Казани, Воронежа, Астрахани, Москвы, Екатеринославля, Сергіева-Посада, Славянска, Кіева, Летичева, Новоборжеска, Константиновки, Ростова на Дону, Одессы, Николаева, Керчи, Старицъ, Курска, Тифлиса, Ярославля, Риги, Ставрополя, Пензы, Смоленска и т. д. Были телеграммы отъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ и отъ самыхъ послѣднихъ бѣдняковъ. Поздравляли о. Іоанна со днемъ его Ангела люди православные, и инославные, и даже иновѣрные. Не только большіе города, но и села, мѣстечки, станціи прислали ему свои привѣтствія въ этотъ знаменательный день въ его жизни. Перечислить всѣ привѣтствія невозможно: для этого потребовалась бы цѣлая книга. Многія изъ присланныхъ телеграммъ отличаются глубиною чувства и могутъ вызвать слезы на глазахъ самаго черстваго человѣка [2]). Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ..

---

[1]) Рус. Слово. 1901 г. № 95. 8 апр.

[2]) *И. Ц. Киселевъ.* О. Іоаннъ (Кронштадтскій) въ Крыму. Стр. 12 сл. СПБ. 1895 г.

„Два года боленъ горломъ, пища не проходитъ, питаюсь молокомъ и водой, доктора отказались пользовать, совѣтуютъ операцію. Благословите, прошу отслужить молебенъ, ибо имѣю семь человѣкъ дѣтей“ [1]. „Постигло насъ бѣдныхъ великое горе, отнимаютъ послѣдній кусокъ хлѣба. Прошу со слезами на глазахъ помолиться о насъ Богу, о перемѣнѣ этого несчастія“ [2]. „Мужъ мой десять лѣтъ безъ должности, имѣю четверо дѣтей. Страдаю... Помолитесь найти должность“ [3]. „Помолитесь о выздоровленіи единственнаго умирающаго сына — малютки“ [4]. „Помолитесь, больная имѣла одного сына, была надежда, кормилецъ мой теперь утонулъ. Страдаю, бѣдность, помогите“ [5]. А вотъ еще телеграмма—едвали не самая любопытная—изъ города Баку. „Помолитесь за здоровье масульманина Галидула“. Масульманинъ проситъ православнаго священника помолиться о его здравіи, это весьма любопытный фактъ. Былъ ли подобный примѣръ въ Россіи до о. Іоанна? Масульмане крестились, переходили въ христіанство, но чтобы больной масульманинъ на время отвращался отъ Аллаха и Магомета и прибѣгалъ къ помощи Спасителя, это, кажется, безпримѣрное явленіе [6].

А вотъ еще интересное посланіе къ о. Іоанну. „Добрый батюшка, отецъ Іоаннъ! Прошу у васъ благословенія на законный бракъ. Съ Екатериной или Прасковьей? Жду отвѣта“.

Не менѣе волновался и нашъ малонаселенный сѣверъ, когда онъ встрѣчалъ въ своихъ предѣлахъ Кронштадтскаго пастыря. И здѣсь при встрѣчахъ о. Іоанна можно было наблюдать одну и ту же картину вездѣ и всюду, гдѣ бы онъ не появлялся, какую мы уже наблюдали. Откуда то и здѣсь встрѣчать его собирались люди въ громадномъ количествѣ. Со стороны казалось, что ихъ какъ будто бы родили непроходимые лѣса и болота. И путь о. Іоанна по безлюдному нашему сѣверу напоминалъ собою скорѣе тріумфальное шествіе, чѣмъ шествіе скромнаго русскаго пастыря.

---

1) Новочеркасскъ.
2) Николаевъ.
3) Одесса.
4) Екатеринославль.
5) Одесса.
6) Тамъ же.

До Вологды о. Іоаннъ ѣдетъ обыкновенно по желѣзной дорогѣ. Въ Вологдѣ садится на пароходъ, съ котораго не сходитъ до самой своей дорогой родины. „Въ день пріѣзда о. Іоанна въ Вологду, съ 4-хъ часовъ народъ уже началъ приливать, и къ 8-ми часамъ вся набережная пристань, балконы, барки, лодки,—все было переполнено народомъ. Въ 9 часовъ вечера о. Іоаннъ подъѣхалъ на маленькомъ пароходикѣ и взошелъ на рубку Костровскаго парохода. Увидя о. Іоанна, многотысячная толпа народа стала привѣтствовать дорогого батюшку. Многіе просили его помолиться о нихъ:

— Батюшка, помолись за насъ грѣшныхъ!

О. Іоаннъ отвѣчалъ имъ:

— Молюсь, молюсь!

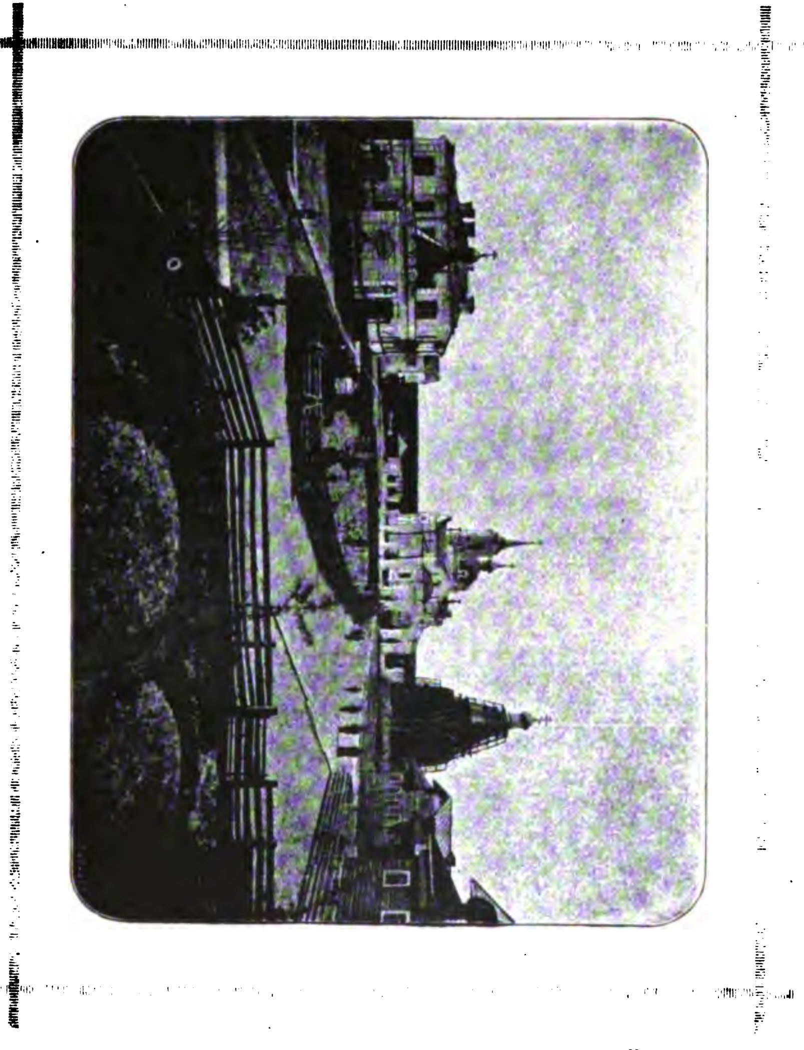
При этомъ онъ снялъ шляпу и началъ молиться на близъ стоящую церковь, потомъ на всѣ стороны благословилъ народъ и поклонился. Въ отвѣтъ на такое вниманіе къ нимъ со стороны высокочтимаго пастыря всѣ начали въ свою очередь кланяться и креститься. Многіе плакали... Чудная была картина... Любой художникъ могъ бы увѣковѣчить ее на полотнѣ. Простившись такъ трогательно съ вологжанами, о. Іоаннъ поѣхалъ внизъ по рѣкѣ Вологдѣ на свою родину. 9-го Іюля пароходъ пришелъ въ Тотьму. Прямо съ парохода о. Іоаннъ отправился въ монастырь. Тамъ, конечно, никто не зналъ и не предполагалъ даже о его пріѣздѣ. Здѣсь о. Іоаннъ горячо молился предъ нетлѣнными мощами великаго угодника Ѳеодосія Тотемскаго. Когда онъ съ своими спутниками вернулся на пристань, то на пароходъ было уже мудрено пробраться. Толпы народа со всѣхъ сторонъ текли рѣкой. Проводить на пароходъ о. Іоанна пріѣхалъ и живущій на покоѣ бывшій архангельскій архіерей. 10-го Іюля рано утромъ пароходъ пришелъ въ Устюгъ. О. Іоаннъ на непродолжительное время ѣздилъ въ городъ. Но изъ спутниковъ его не всѣ рѣшились сходить на берегъ, рискуя совсѣмъ не попасть на пароходъ по причинѣ массы народа, которая съ каждой минутой все увеличивалась. 11-го Іюня днемъ пароходъ прибылъ въ селеніе Красноярскъ, въ которомъ поселяне встрѣтили и проводили о. Іоанна пѣніемъ: „Слава въ вышнихъ Богу“ и „Достойно есть“. Въ 11 часовъ ночи пароходъ былъ уже въ Архангельскѣ. Въ Архангельскѣ были тѣ же торжественныя встрѣчи, тѣ же во-

сторги народа, что и вездѣ. Сердца архангельцевъ въ данномъ случаѣ бились въ унисонъ съ сердцами всѣхъ истинно русскихъ людей. Во встрѣчахъ также принимали участіе—преосвященный владыка, г. начальникъ губерніи и всѣ выдающіеся общественные дѣятели города. Послѣ длиннаго ряда восторженныхъ овацій архангельцы въ 6 часовъ вечера проводили о. Іанна въ дальнѣйшій путь. 14-го утромъ пароходъ былъ въ Матигорахъ. Здѣсь живетъ сестра о. Іоанна А. Н. Добрая старушка и ея мужъ, какъ лунь сѣдой священникъ, приняли о. Іоанна и его спутниковъ съ истинно родственнымъ радушіемъ. У нихъ о. Іоаннъ служилъ утреню и литургію. Послѣ обѣда онъ долго гулялъ и любовался по истинѣ чудной картиной, разстилавшейся на необозримое пространство. Село Мати-горы очень мѣтко носитъ свое названіе. Оно расположено на высокой горѣ, съ которой открывается дивный видъ на Сѣверную Двину съ ея безчисленными островами и рукавами. Благословенная рѣка—эта Сѣверная Двина. Она широка, какъ море. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она достигаетъ ширины 12 верстъ. Четверо сутокъ мы ѣхали отъ Архангельска до Суры, — разсказывалъ спутникъ о. Іоанна,—и что это были за приснопамятные и дорогіе дни!...

16-го Іюня пароходъ остановился у Усть-Покшеньги. О. Іоанну надо было побывать тамъ у благочиннаго и посѣтить одного священника, товарища по семинаріи. Пароходу онъ велѣлъ ѣхать дальше и принять его у извѣстнаго мѣста. Мы поѣхали, да и потеряли его. На Пинегѣ въ этомъ мѣстѣ идутъ острова. Часа 3 или 4 мы взадъ и впередъ гуляли. Пароходъ то и дѣло давалъ свистки. Наконецъ, издали увидѣли его идущаго въ сопровожденіи цѣлой толпы поселянъ. Всѣ мы несказанно обрадовались ему. Тотчасъ причалили къ берегу, соскочили на берегъ и побѣжали къ нему. О. Іоаннъ весело насъ встрѣтилъ. 17-го въ пять часовъ утра мы прибыли въ Веркольскій монастырь. И здѣсь мы были встрѣчены торжественно, радушно и гостепріимно.

Мы были уже недалеко отъ Суры. Сегодня пароходъ долженъ былъ прибыть въ Суру. Какая радость наполнила, охватила всѣхъ. О. Іоаннъ все время былъ на палубѣ.

Тихо плещетъ по зеркальной
Зыби Пинеги родной

Сура.

Къ стр. 212.

„Николай-Святитель“ славный,
Пароходикъ небольшой.
Онъ спѣшитъ, онъ ускоряетъ
Свой обычный ровный ходъ,
Иль кого-то догоняетъ
По волнамъ Пинежскихъ водъ.
А на трапѣ одиноко,
Скрестивъ руки на груди,
Средоточенный глубоко,
Іерей стоитъ въ тѣни.
Взоръ, на небо устремленный,
Полнъ высокихъ, свѣтлыхъ думъ,
Весь въ молитву погруженный
Вдохновенный свѣтлый умъ.
Кто же это?—Пастырь скромный,
Онъ—Кронштадтскій Іоаннъ,
Онъ стремится въ край знакомый
И къ родимымъ берегамъ.
Онъ былое вспоминаетъ,—
Какъ дитятею здѣсь былъ;
Словно вновь переживаетъ,
Какъ съ родителями жилъ [1]).

Къ 4-мъ часамъ всѣ собрались около него. Вотъ проѣхали послѣднее село съ деревянной церковью. Вотъ миновали Засурье. Пароходъ повернулъ круто направо, и Сура, какъ на ладони, открылась предъ нами.

Вотъ и село родное
Показалось на горѣ,—
Сердцу близкое, святое,
Сколько чувствъ встаетъ въ душѣ!
„Сура, Сура дорогая!
„Сура, родина моя!
„Колыбель моя святая,
„О, тебя-ль вновь вижу я?!“
Молвилъ Пастырь и рукою
Онъ село благословилъ,
Самъ предъ нимъ склонясь главою
Слезу тихую сронилъ [2]).

1) *Иг. Таисія*. Сурская женская обитель. СПБ. 1901. Стр. 3—4.
17 2) Тамъ же. Стр. 4.

Въ эту минуту раздался торжественный, точно на Пасху, колокольный звонъ въ Сурѣ. О. Іоаннъ радостно снялъ шляпу и сталъ молиться почти на три рядомъ стоящія храма. Два изъ нихъ отъ древности совсѣмъ почернѣли, а третій стоялъ среди нихъ величественный, бѣлый какъ снѣгъ. Потомъ онъ обратился къ намъ и сказалъ:

— Покорно прошу ко мнѣ въ Суру!—и всѣмъ подалъ руку. Всѣ суряне высыпали съ духовенствомъ во главѣ встрѣтить своего великаго земляка. Прямо съ парохода о. Іоаннъ проѣхалъ въ новую церковь. Помолившись въ церкви, о. Іоаннъ, нисколько не отдохнувъ, прошелъ въ только что выстроенную церковно-приходскую школу. Осмотрѣвши ее во всѣхъ подробностяхъ, отправился въ другія мѣста по своимъ дѣламъ, которыхъ у него въ Сурѣ оказалось весьма много. Да и вообще въ теченіе всего времени своего пребыванія въ Сурѣ, съ утра до самой ночи, онъ былъ въ хлопотахъ. Во все онъ входилъ самъ непосредственно; ничего не ускольз-

О. Іоаннъ на родинѣ.

нуло отъ его вниманія. Вся Сура для него была какъ бы однимъ сплошнымъ домомъ, въ которомъ все и всѣ были ему близки и дороги. Какъ пріятно видѣть его ѣдущаго

туда или сюда на простой лошадкѣ въ своихъ родныхъ и милыхъ краяхъ... Только уже къ вечеру онъ вступилъ въ домъ, приготовленный для него, куда пригласилъ и своихъ спутниковъ.

Много весьма любопытныхъ сценъ можно было видѣть въ это время. Въ каждый прiѣздъ многiе изъ Сурянъ обратятся къ о. Iоанну съ различными своими просьбами.

— Вотъ, Иванъ Ильичъ, домъ строить хочу,—обращается къ нему довольно видный крестьянинъ.

— Да зачѣмъ тебѣ, Григорiй, новый домъ-то? Вѣдь и старый у тебя хорошъ.

— Сына старшаго къ веснѣ собираюсь отдѣлить, Иванъ Ильичъ.

— А зачѣмъ дѣлить-то?

— Да ужъ такое дѣло, пусть его своимъ хозяйствомъ живетъ. Опять и бабы не всегда въ ладахъ.

Словно — дѣло-то и неподходящее, Григорiй; не лучше ли бы еще вмѣстѣ пожить? Поговорилъ бы ты съ сыномъ, а съ бабами-то справляться можно. А то вѣдь, посуди самъ, нехорошее дѣло—эти раздѣлы-то.

— Это точно, Иванъ Ильичъ. Изъ одного хозяйства теперь два приходится дѣлать. Извѣстное дѣло, тамъ и тутъ всего не хватаетъ.

— Вотъ видишь. Лучше ужъ устройтесь по Божески— въ мирѣ и согласiи.

Крестьянинъ задумывается, мнется на мѣстѣ, переступаетъ съ ноги на ногу.

— Оно извѣстно... лучше бы, ежели бы всѣ вмѣстѣ.

— Ну, вотъ и сдѣлай, ты вѣдь глава въ домѣ-то.

Благословивъ мужичка, идетъ далѣе по селу о. Iоаннъ. Тамъ просятъ у него совѣта, здѣсь помощи, тутъ приглашаютъ посмотрѣть какую либо новую покупку, важную въ крестьянскомъ обиходѣ. Никому и ни въ чемъ обыкновенно не отказываетъ о. Iоаннъ [1]).

19-го Iюня послѣ обѣдни о. Iоаннъ совершилъ панихиду въ только что устроенной имъ часовнѣ надъ могилой своего отца и литiю на могилѣ своего дѣда священника о. Михаила.

---

[1]) Ср. *Кормчiй*. 1901 г. № 31, стр. 423 сл.

Былъ въ часовнѣ надъ могилой
Незабвеннаго отца:
Прахъ родимый оросила
Сына теплая слеза.
Да и каждый, кто въ то время
На могилѣ предстоялъ
И, молитвѣ сына внемля,
Отца старца поминалъ,
Думалъ такъ: „Ты, знать, велики
„Добродѣтели свершилъ,
„Старецъ добрый, что Владыки
„Милость въ сынѣ получилъ!..
„А когда влачилъ ты бремя
„Доли сельскаго чтеца,—
„Могъ ли чаять ты въ то время
„Такой милости Творца!..“ [1])

Побывалъ въ убогомъ домикѣ, гдѣ родился.

Домъ о. Іоанна.

Домикъ древній, обветшалый,
Ужъ безъ крыши, безъ крыльца,

---

[1]) Тамъ же. 6—7. стр.

Но прикрыть какъ бы футляромъ,
Чтобъ не рухнулъ до конца.
Въ этомъ домикѣ родился
Сынъ Ильи—чтеца, Іоаннъ,
Выросъ, грамотѣ учился,
Горе впервые узналъ;
Здѣсь же онъ для всѣхъ безвѣстно,
Среди сельской тишины,
Началъ путь свой скорбный, тѣсный,
Сокровенъ, отъ всѣхъ вдали.
Здѣсь и первая молитва
Сердца дѣтскаго лилась,
Здѣсь любви священной искра
Въ сердцѣ отрока зажглась.
Благодать на немъ почила,
Богъ Себѣ его избралъ
И въ немъ свѣтлое свѣтило
Своей церкви намѣчалъ.
И теперь въ благоговѣньи
Домикъ свой онъ посѣтилъ;
Предъ иконами въ смиреньи
Онъ колѣна преклонилъ.
На скамью присѣлъ онъ, молвивъ:
„Здѣсь я мальчикомъ сидѣлъ!“
И былое все припомнивъ,
Судьбы Божіи воспѣлъ [1]).

Весь этотъ день въ школѣ шла самая кипучая работа. Учитель и вновь прибывшая учительница разбирали и приводили въ порядокъ книги и учебныя пособія, писали и принимали мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ въ первый же день поступило 60 человѣкъ. Нельзя налюбоваться на школу, выстроенную на средства о. Іоанна. Комнаты большія, высокія, свѣтлыя; вся она такъ просто, удобно и практично устроена, что сдѣлала бы честь любому городу. Освященіе школы было весьма трогательно и торжественно. Послѣ литургіи, при колокольномъ звонѣ, о. Іоаннъ съ крестомъ въ рукахъ и все духовенство въ полномъ облаченіи, съ пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній, отправились въ школу. Здѣсь

[1]) Тамъ же. 7—8.

въ главной комнатѣ предъ большимъ образомъ всѣхъ святыхъ былъ отслуженъ водосвятный молебенъ. Св. водой домъ кропилъ самъ о. Іоаннъ. При этомъ онъ произнесъ теплое, задушевное поученіе, прося учителя и учительницу усердно заниматься обученіемъ и воспитаніемъ ввѣренныхъ имъ дѣтей, а дѣтей—повиноваться своимъ руководителямъ и воспитателямъ. Потомъ стали по списку вызывать поступившихъ въ школу дѣтей. О. Іоаннъ возлагалъ на голову каждаго изъ нихъ свою руку. Всѣмъ дѣтямъ были розданы евангелія, псалтыри и разныя другія книжки религіознаго содержанія. Когда все кончилось, о. Іоаннъ пришелъ въ свой домъ. Открывъ окно и посмотрѣвъ на любимое свое дѣтище—школу, онъ перекрестился. Въ это время вся площадь была залита народомъ, пришедшимъ сюда на торжество со всѣхъ сторонъ. Увидя о. Іоанна въ окнѣ, всѣ упали на колѣни и со слезами благодарили его за школу. Въ народѣ только и были слышны слова:

— Спасибо тебѣ, батюшка. Спаси тебя, Господи! Помилуй тебя Богъ!

О. Іоаннъ на это отвѣчалъ:

— Зачѣмъ мнѣ кланяетесь? Бога благодарите.

Онъ не разъ благословлялъ ихъ изъ окна, самъ кланялся имъ, отвѣчая на ихъ усердные поклоны, молился за нихъ. По загорѣлымъ, грубымъ щекамъ мужиковъ слезы катились ручьемъ. О. Іоаннъ, повидимому, до глубины души былъ тронутъ этой искренней, горячей благодарностью сурянъ. И дѣйствительно, нельзя безъ слезъ смотрѣть на неподдѣльное выраженіе искренней благодарности крестьянъ, которая не поддается даже описанію. Много говорятъ и пишутъ о томъ, что нашъ сѣрый мужикъ не умѣетъ ни чувствовать, ни выражать благодарности, но это большая несправедливость по отношенію къ нему. Если нашему крестьянину сдѣлать дѣйствительную пользу или помочь ему въ нужное и страдное для него время, то онъ гораздо глубже умѣетъ чувствовать, цѣнить и высказывать свою благодарность, чѣмъ любой привиллегированный умникъ. Живое доказательство этого тогда у всѣхъ было предъ глазами: отъ поклоновъ вся площадь, какъ море, волновалась.

Гостей у о. Іоанна набралось на торжествѣ очень много. Не смотря на большое утомленіе, онъ весьма ласково и ра-

душно самъ угощалъ всѣхъ, чѣмъ Богъ послалъ. Въ 6 часовъ вечера, помолившись Богу, мы отправились съ о. Іоанномъ на пароходъ, чтобы плыть обратно въ Кронштадтъ. Вся масса народа побѣжала къ берегу, чтобы еще въ послѣдній разъ посмотрѣть на своего дорогого пастыря. Многіе чуть не въ водѣ кланялись ему въ ноги. О. Іоаннъ со всѣми прощался, всѣхъ благословлялъ.

Съ колокольнымъ же трезвономъ
Провожали всѣ отца;
Дѣти пѣли дружнымъ хоромъ,
А прощаньямъ нѣтъ конца.
Но и вотъ уже отчалилъ
Пароходъ отъ береговъ,
А народъ стоитъ въ печали,
Звонъ гудитъ колоколовъ.
Берегъ изъ виду терялся,
Пароходъ ужъ далеко,
А трезвонъ все раздавался;
Но вотъ скрылось и село.
И отецъ Іоаннъ безмолвно,
Средоточенный стоитъ,
Взоръ молитвы тайной полонъ,
На глазахъ слеза блеститъ.
Есть о чемъ ему подумать,
О чемъ Господа просить,
Лишь Ему печаль повѣдать,
Душу лишь предъ Нимъ излить.
Онъ великіе подъемлетъ
Ради родичей труды,
Мыслью присно Богу внемлетъ,
Какъ бы души ихъ спасти.
Но не всякъ то понимаетъ
И на гласъ его идетъ,—
Вотъ о чемъ онъ воздыхаетъ
И въ молитвѣ слезы льетъ.
Да услышитъ же моленье
Господь вѣрнаго слуги!
И да дастъ ему терпѣнье
До конца свой крестъ нести! [1]).

---

[1]) Тамъ же. Стр. 10—11.

И долго, долго еще о. Іоаннъ не могъ оторваться глазами отъ своей дорогой, родной Суры. Долго, долго онъ еще смотрѣлъ въ ту сторону, какъ бы молясь, чтобы Господь разсѣялъ мракъ этой темной стороны и просвѣтилъ бы ее свѣтомъ своей божественной, небесной истины. И нужно вѣрить, что недалеко то время, когда не останется ни одного раскольника въ этой темной сторонѣ и когда народъ просвѣщенный станетъ жить въ довольствѣ и въ радости [1]).

Въ новый пріѣздъ о. Іоанна на родину въ 1900-мъ году 20 іюня состоялось освященіе женской обители, устроенной батюшкой.

Девятнадцатаго іюня, въ воскресенье, въ 6 часовъ вечера, была торжественно отслужена всенощная въ новомъ храмѣ женской общины, посреди его, у стола съ принадлежностями престола и жертвенника, приготовленныхъ къ освященію. Съ о. Іоанномъ за всенощной было въ служеніи: 8 священниковъ и 6 дьяконовъ, пѣли монахини. По окончаніи всенощной духовенство и гости были приглашены о. Іоанномъ къ вечернему чаю въ помѣщеніе, занимаемое имъ. На другой день 20-го, въ 9 часовъ, колоколъ новаго общиннаго храма возвѣстилъ о водосвятномъ молебнѣ, а затѣмъ начался чинъ освященія новаго храма о. Іоанномъ и духовенствомъ, участвовавшимъ наканунѣ во всенощномъ бдѣніи.

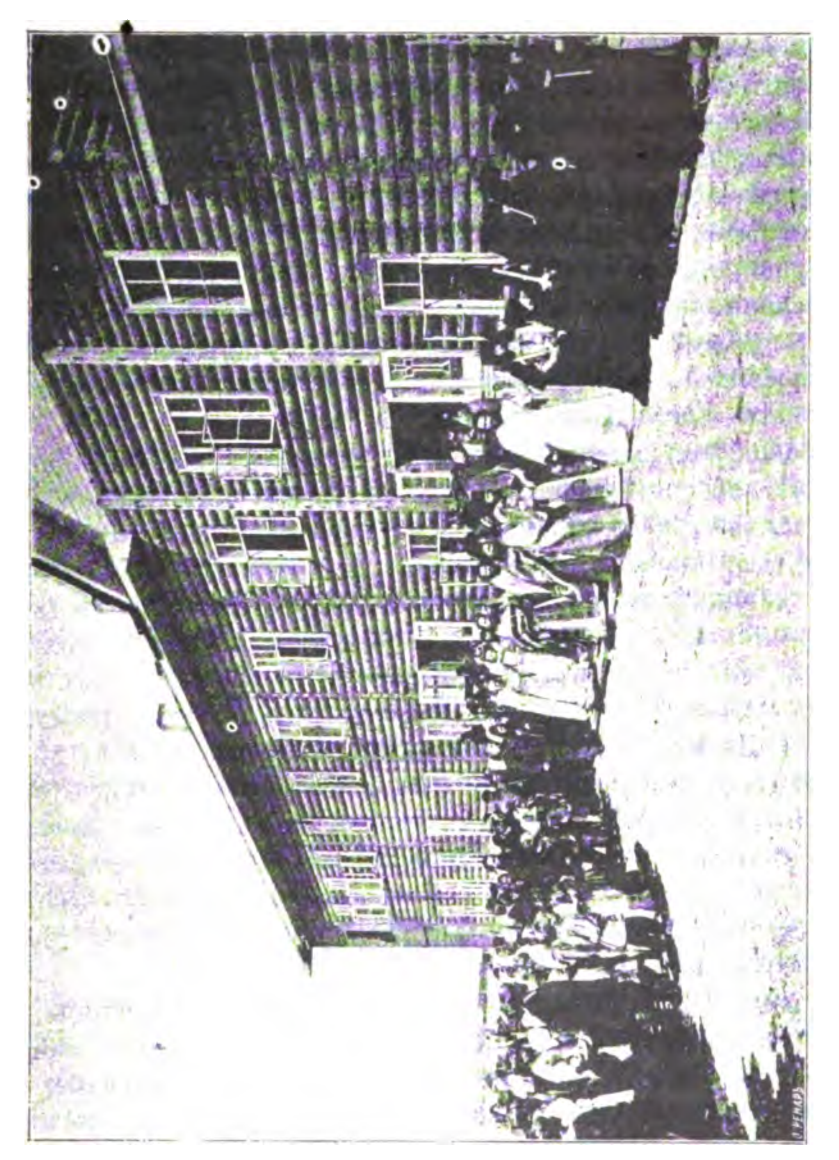
По освященіи храма была совершена съ особою торжественностью литургія, по окончаніи которой о. Іоанномъ произнесено глубоко содержательное слово о значеніи и цѣляхъ женской обители и объ обязанностяхъ насельницъ ея, посвятившихъ себя Богу.

О. Іоаннъ говорилъ:

— Чудно промышляющій объ общемъ нашемъ спасеніи Господь сподобилъ меня основать въ родномъ моемъ селѣ монашескую обитель и освятить при ней этотъ новый храмъ.— Это величайшая милость Божія ко мнѣ и къ сестрамъ юной обители и къ жителямъ этого селенія, такъ какъ обитель прежде всего есть святое мѣсто постоянныхъ богоугодныхъ подвиговъ молитвы, послушанія и всякой христіанской добродѣтели и можетъ служить прекраснымъ живымъ примѣ-

[1]) *А. Нарцизова*. Письма о путешествіяхъ съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ на его родину и въ другія мѣста. Спб. 1894 г.

ромъ благочестія и трудовой жизни для всѣхъ окружающихъ.

Крестный ходъ около монастыря

Обители издавна, съ первыхъ вѣковъ христіанства, ограждались стѣнами, отдѣляющими ихъ отъ мірскихъ жилищъ,— и выходъ изъ нихъ не всегда и не во всякое время дозволялся, ради сохраненія безмолвія и тишины братіи или сестеръ и ради удаленія ихъ отъ мірской суеты. Такъ и настоящая обитель ограждена заборомъ кругомъ въ знакъ

того, что сестры должны и сами себя ограждать и хранить отъ всякихъ соблазновъ житейскихъ и быть святымъ и избраннымъ стадомъ добраго Пастыреначальника Христа, пребывая неисходно въ оградѣ Его.

Дорогія сестры! Хочу побесѣдовать съ вами о томъ, какъ вамъ жить и подвизаться въ этой святой обители. Первымъ вашимъ дѣломъ, сестры, должно быть богомысліе и молитва; вторымъ—всегдашнее воздержаніе въ пищѣ и питіи, чистота помысловъ и чувствъ, тѣлесный трудъ и безпрекословное послушаніе, обученіе себя кротости и смиренію по Христовой заповѣди: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* (Мѳ. 11, 29). Вотъ ваши главныя обязанности."

Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ строки, гдѣ батюшка говорилъ сестрамъ о трудѣ.

„Монахини должны постоянно трудиться, т. е. заниматься какимъ либо ручнымъ трудомъ, и для этого монахинямъ назначаются различныя послушанія по мѣрѣ надобности обители. Онѣ должны безпрестанно подчиняться начальницѣ или старшей сестрѣ, ропотъ и непокорность въ обители не терпимы, также сварливость, осужденіе, пересуды, болтливость; они подвергаютъ виновныхъ изверженію изъ обители: *измите злаго отъ васъ самихъ* (1 Кор. 5, 13), говоритъ св. Ап. Павелъ. Сестры должны навыкать съ каждымъ днемъ кротости и смиренію, какъ заповѣдалъ намъ кроткій и смиренный Христосъ Господь: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ.*

Въ потѣ лица твоего ты будешь ѣсть хлѣбъ твой (Быт. 3. 19), сказалъ Господь Адаму, обреченному на тяжелые труды за грѣхъ свой.

И вамъ, духовныя сестры, скажу также: вы пришли въ обитель искупать грѣхи свои молитвою, покаяніемъ, смиреніемъ, послушаніемъ, воздержаніемъ, трудами. Искупайте-же грѣхи свои трудами духовными и тѣлесными и достигайте спасенія душъ вашихъ со славою вѣчною. Будьте вѣрны Господу, обручившему васъ Себѣ, какъ невѣстъ Своихъ, и оправдайте дѣломъ свою вѣрность."

По окончаніи литургіи и молебна, былъ прочитанъ Высочайшій указъ объ открытіи Сурской женской общины. О. Іоаннъ въ краткихъ словахъ объяснилъ важное значеніе указа.

Въ 2 часа дня, духовенство и всѣхъ гостей, присутствовавшихъ на освященіи, пригласили въ помѣщеніе читальни, устроенной также о. Іоанномъ, гдѣ уже были накрыты столы для обѣда. Деревянное зданіе читальни очень просторное, свѣтлое. Длина его 5 саженъ, ширина 4 сажени и высота $7^1/_2$ арш.; освѣщается оно 8 большими окнами. Надъ входомъ въ читальный залъ устроены очень вмѣстительные хоры. Въ связи съ залой читальни находится довольно большое жилое помѣщеніе, отдѣленное отъ зала передней, для платья приходящихъ, здѣсь же и входъ съ улицы.

Приглашенные къ обѣду, болѣе 70 мужчинъ и дамъ, размѣстились за двумя большими столами, поставленными въ длину зала. Сервировка стола не оставляла желать ничего лучшаго, какъ и самый обѣдъ. Забывалось, что это за 2000 верстъ отъ столицъ, на глубокомъ сѣверѣ, куда 9 лѣтъ назадъ впервые пришелъ пароходъ, и гдѣ на него сбѣгались мужчины, женщины и дѣти смотрѣть, какъ на чудище какое.

По благословенію о. протоіерея Іоанна Ильича, была прочитана молитва; по окончаніи ея послушницы новой обители быстро начали разносить гостямъ кушанья. На хорахъ раздалось стройное духовное пѣснопѣніе монахинь, продолжавшееся въ теченіе всего обѣда. Первый тостъ былъ провозглашенъ хозяиномъ, о. Іоанномъ, за здравіе Государя Императора и всей Царствующей Семьи. Отвѣтомъ было громкое, единодушное „ура!“ присутствующихъ за обѣдомъ и народа, стоящаго кругомъ зданія читальни и у открытыхъ оконъ.

Здравицы преосвященнѣйшему митрополиту с.-петербургскому Антонію, епископу архангельскому Іоанникію были предложены также о. Іоанномъ. Присутствующіе гости и монахини съ хоръ отвѣтили на это предложеніе троекратно пропѣтымъ многолѣтіемъ.

Многими изъ присутствующихъ провозглашались тосты и рѣчи, посвященные дорогому хозяину о. Іоанну, благодѣтелю родины, устроителю женской общины, устроителю великолѣпныхъ мѣстныхъ храмовъ, школъ и другихъ мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій. Изъ рѣчей, посвященныхъ о. Іоанну, отличалось особой глубиной мысли и поэтической формой стихотвореніе—поэма игуменіи Леушинскаго женскаго монастыря м. Таисіи, въ которой она рисуетъ ве-

ликую личность о. Іоанна, его дивныя дѣла во славу Божію и на пользу человѣчества.

Мѣстный священникъ о. Александръ особенно хорошо выразилъ глубокую благодарность сурянъ своему великому земляку о. Іоанну. Батюшка говорилъ:

„Дорогой батюшка!

Позвольте мнѣ какъ одному изъ участниковъ сегодняшняго церковнаго торжества поздравить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благодарить васъ за устройство и освященіе Сурской женской обители. День этотъ, день освященія и открытія обители, навсегда останется знаменательнымъ и историческимъ днемъ въ Сурскихъ церковныхъ лѣтописяхъ. Въ этотъ день, такъ сказать, дано новое направленіе религіозно-нравственному и экономическому развитію Суры. Девять лѣтъ тому назадъ вы, дорогой батюшка, впервые послужили нравственному и матеріальному поднятію дорогой для вашего сердца Суры. Въ словѣ своемъ на освященіи Сурскаго приходскаго храма вы, батюшка, ярко и правдиво описали нравственное и матеріальное состояніе Суры. Вы сказали, что съ крайнимъ прискорбіемъ замѣтили, что многіе изъ сурянъ находятся въ полномъ невѣжествѣ и нищетѣ—ходятъ темными полуголодными нищими, оборванными,—вамъ жаль стало ихъ, и вотъ ваше любвеобильнѣйшее сердце сказалось—вы пришли имъ на помощь.

Вы построили для Сурянъ великолѣпнѣйшій каменный трехпрестольный храмъ, сіяющій золотомъ и особенно чудными ликами Спасителя, Богоматери и святыхъ его,—двухклассную церковно-приходскую школу съ женскимъ отдѣленіемъ при ней, гдѣ дѣти Суряне учатся закону Божію, чтенію, письму, а дѣвочки, кромѣ того, и рукодѣлію,—пріютъ для сиротъ, обучающихся доступнымъ и необходимымъ ремесламъ,—вы, наконецъ, основали общественную лавку—для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія безъ приплаты комиссіонныхъ % и лихвеннаго барыша.

Этого мало. Ваше любвеобильное сердце не останавливается на этомъ. И вотъ вы воздвигаете новый свѣточъ для дорогой намъ Суры, женскую обитель. Конечно, всѣмъ извѣстно, что иноческія обители способствуютъ не только религіозно нравственному просвѣщенію, но и улучшенію матеріальнаго быта мѣстнаго населенія. Руководствуясь этимъ

убѣжденіемъ, вы въ дорогой для васъ Сурѣ учредили обитель, чтобы ежедневнымъ совершеніемъ Богослуженія по уставу св. Церкви, соблюденіемъ постовъ, неустаннымъ трудомъ дать живой примѣръ мѣстному населенію необходимости непрестанной молитвы и трудолюбія.

Не малая честь въ благоустройствѣ св. обители Сурской принадлежитъ и высокочтимой матушкѣ игуменіи Таисіи. Сколько безсонныхъ ночей—это на глазахъ у насъ—провела эта великая старица въ благоукрашеніи и подготовленіи св. обители къ освященію. А сколько нравственнаго труда подняла она, этого описать не возможно. Не мало заботъ и хлопотъ выпало на долю настоятельницы юной обители монахини Варвары, но, конечно, главные заботы и труды ей еще предлежатъ впереди.

Благодарны мы, Суряне, глубоко благодарны вамъ, Батюшка!

Милосердый Господь да продлитъ драгоцѣннѣйшую жизнь нашего великаго земляка и благодѣтеля о. протоіерея Іоанна Ильича и жизнь его вѣрной и неустанной помощницы въ благоустройствѣ св. обители игуменіи Таисіи! Да умудритъ онъ, Премудрый, и начальницу юной обители монахиню Варвару въ развитіи и нравственномъ совершенствованіи св. обители. И всѣмъ намъ участникамъ и участницамъ сегодняшняго рѣдкаго церковнаго торжества подастъ мирная своя и премирная благая и многая лѣта.“

Внѣшній видъ общины простъ, но красивъ и производитъ пріятное впечатлѣніе. Зданіе общины двухъэтажное, бревенчатое, крытое желѣзомъ, имѣетъ, кромѣ помѣщеній—для трапезной, кухни, кладовыхъ, двадцать просторныхъ высокихъ свѣтлыхъ келлій, въ которыхъ можетъ помѣщаться въ каждой 3 и 4 сестры. На востокъ, зданіе оканчивается куполомъ съ крестомъ надъ церковью. Церковь въ два свѣта, высокая, просторная, могущая вмѣстить съ хорами болѣе 600 человѣкъ. Иконостасъ пяти-ярусный, рѣзной, липоваго дерева, не золоченый и не крашеный, что очень красиво и гармонично,—съ иконами свѣжаго, блестящаго письма [1]). Ходовъ въ церковь два: одинъ изъ корридора нижняго этажа,

---

[1]) Иконы исполнены въ иконописной мастерской Леушинскаго монастыря.

а другой изъ верхняго—прямо на хоры. Такое расположеніе ихъ представляетъ много удобствъ: во первыхъ—для молитвеннаго уединенія и во вторыхъ—во избѣжаніе дурного вліянія на здоровье сестеръ осеннихъ непогодъ и зимнихъ морозовъ, доходящихъ до 40° и болѣе, во время переходовъ изъ келлій въ храмъ, если бы онъ былъ отдѣльно. Община обнесена новымъ высокимъ заборомъ, внѣ ея ограды принадлежатъ ей и находящіеся вблизи: зданіе читальни (гдѣ происходилъ обѣдъ), и историческій домикъ старый - дьяческій, гдѣ о. Іоаннъ провелъ свое дѣтство. Теперь домикъ этотъ заключенъ въ другой, составляющій какъ бы чехолъ для предохраненія его отъ непогодъ и проч. вліяній времени. [1])

Общественная лавка, пароходъ „Св. Николай Чудотворецъ", паровая мельница, кирпичный заводъ и % съ капитала, переданнаго о. Іоанномъ новой общинѣ, будутъ составлять обезпеченіе существованія ея. Строющееся въ Петербургѣ, на Карповкѣ, подворье Сурской Іоанно-Богословской общины и доходы отъ трудового послушанія монахинь также будутъ служить для той же цѣли. Подворье, говорятъ, будетъ стоить значительно болѣе 700000 руб., а можетъ быть и болѣе милліона.

XIV.

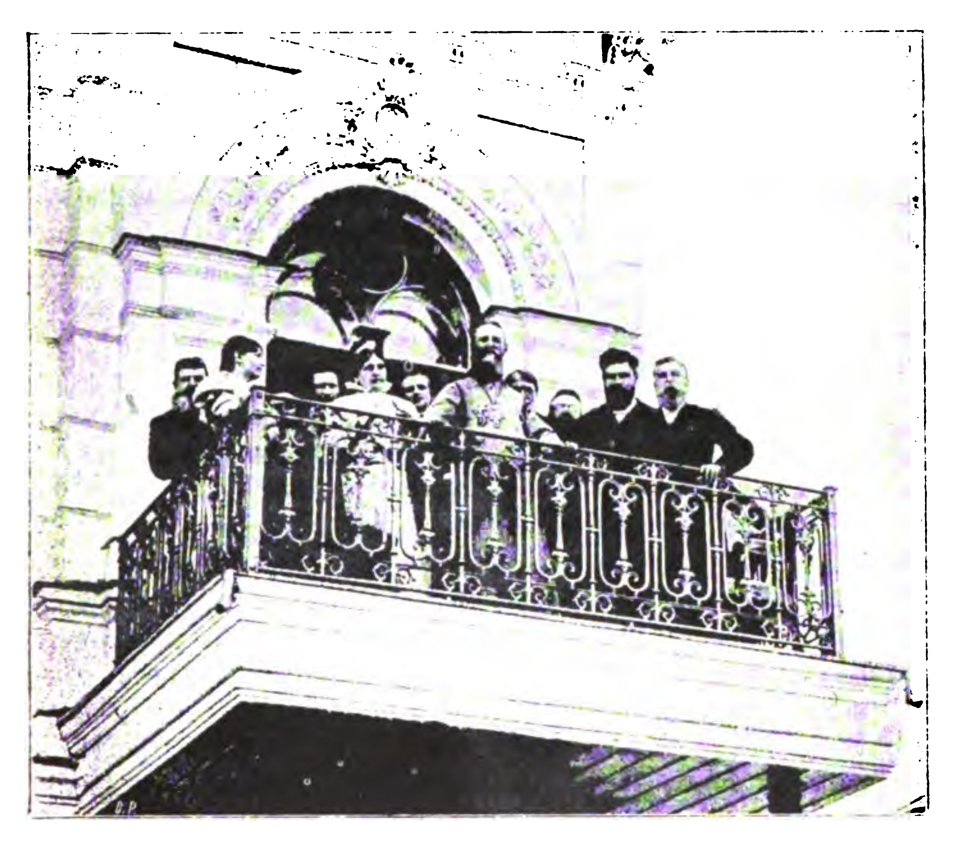
Говорить ли еще о путешествіи о. Іоанна по рѣкѣ Шекснѣ, о пребываніи его въ Горицкомъ монастырѣ? Говорить ли о пребываніи его въ другихъ монастыряхъ, городахъ, селахъ, небольшихъ мѣстечкахъ? Говорить ли о пребываніи о. Іоанна въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, высшихъ и низшихъ?

Невозможно перечислить всѣхъ мѣстъ, куда приглашали о. Іоанна раздѣлить и горе, и радости людей. Трудно пересказать, въ какихъ учрежденіяхъ онъ не бывалъ, призываемый сюда начальствующими и служащими. Невозможно пересказать, какія благія начинанія обществъ и отдѣльныхъ людей своей молитвой не освящалъ о. Іоаннъ. Его приглашали всюду, начиная отъ царскаго дворца и кончая послѣдней хижиной крестьянина бѣдняка. Кажется, безъ преувеличенія всю обширную св. Русь въ данномъ случаѣ можно назвать какъ бы однимъ сплошнымъ приходомъ о. Іоанна.

---

[1]) *П. П. Шауманъ*. Соч. цит.

Онъ освящаетъ мѣсто, выбранное для построенія гомеопатической больницы въ память Императора Александра II, освящаетъ при ней впослѣдствіи больничную церковь, посѣщаетъ снова больницу, осматриваетъ ее во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, бесѣдуетъ со всѣми больными [1]). Закладываютъ храмъ въ Озеркахъ, въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ,—для совершенія чина

О. Іоаннъ говоритъ съ народомъ. (Въ городѣ Устюжнѣ).

закладки приглашаютъ о. Іоанна [2]). Нужно освятить новый храмъ, сооруженный на мѣстѣ разобранной деревянной Суворовской церкви въ Кончанскомъ,—приглашаютъ опять о. Іоанна. Приглашаютъ о. Іоанна освящать Виндавскую санаторію [3]). Служитъ о. Іоаннъ въ церкви Института слѣ-

[1]) *Р. П.* 1900. № 35—589.
[2]) Ib.
[3]) *Р. П.* 1900. № 24—397.

пыхъ, что на Песочной улицѣ въ Петербургѣ. По окончаніи литургіи обращается къ несчастнымъ слѣпымъ съ словомъ назиданія, полнаго нѣжной ласки и горячей къ нимъ участливости [1]). Онъ лично благословляетъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ пріобрѣтеніи тысячепудоваго колокола Софроніевой пустынью, Курской губерніи. Благодарные иноки, кромѣ священныхъ изображеній и изрѣченій, на одной сторонѣ колокола отливаютъ надпись, посвященную о. Іоанну, на другой—рельефное изображеніе о. Іоанна. Самый колоколъ называютъ именемъ этого пастыря: „Іоаннъ Кронштадтскій“ [2]). О. Іоаннъ принимаетъ дѣятельное участіе въ возстановленіи Важеозерской Никифоровской обители, находящейся среди почти непроходимыхъ лѣсовъ въ пустынномъ, безлюдномъ Олонецкомъ краѣ. Благодаря его заботамъ, надъ св. мощами преп. Никифора и Геннадія въ обитель сооружается новая цѣнная рака. Освящать эту св. раку въ далекую и глухую пустынь пріѣзжалъ самъ о. Іоаннъ [3]). О. Іоаннъ служитъ въ лѣчебницѣ въ Москвѣ. Освящаютъ церковь Шестаковской общины въ Тверской губерніи,—вмѣстѣ съ высшимъ чернымъ духовенствомъ приглащаютъ непремѣнно и о. Іоанна [4]). Его приглашаютъ освятить церковь въ колоніи прокаженныхъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи. Онъ посѣщаетъ прокаженныхъ, снимается съ ними [5]). Служитъ онъ въ церкви Константиновскаго межевого института и обращается къ учащимся съ живымъ, сердечнымъ, теплымъ словомъ [6]). Служитъ въ церкви 3-го Александровскаго военнаго училища въ Москвѣ и произноситъ здѣсь глубокое слово о воинѣ-христіанинѣ [7]). Служитъ въ Ярославлѣ и обращается съ словомъ къ рабочимъ Ярославской большой мануфактуры [8]). Служитъ въ Москвѣ, въ церкви богадѣльни братьевъ Боевыхъ [9]), въ храмѣ общины „Утоли моя пе-

---

[1]) *Р. П.* 1901. № 40—667.
[2]) *Р. П.* 1900. № 42—701.
[3]) *Р. П.* 1900. № 42—698.
[4]) *Свѣтъ* 1900 г, № 45.
[5]) *Нива* 1900 г.
[6]) *С. П.* 1894 г. 3 окт.
[7]) *С. П.* 1893 г. 27 окт.
[8]) *С. П.* 1894 г. 14 іюля.
[9]) *С. П.* 1894 г. 21 іюля.

чали“ [1]). Освящаетъ храмъ въ селѣ Пенинскомъ, Гдовскаго уѣзда [2]), находится на торжествѣ обновленія храма въ селѣ Опольѣ, Ямбургскаго уѣзда [3]). Онъ служитъ въ церкви лѣ-

О. Іоаннъ на освященіи Виндавской санаторіи.

чебницы Лепехиной въ Москвѣ [4]), въ Московскомъ пріютѣ слѣпыхъ [5]). Московское техническое училище Императора Николая I празднуетъ столѣтній юбилей,—служитъ пригла-

---

1) *С. П.* 1894 г. 22 іюля.
2) *С. П.* 1900 г. 17 августа.
3) *С. П.* 1900 г. 13 ноября.
4) *С. П.* 1898 г. 19 мая.
5) *С. П.* 1898 г. 20 августа.

шаютъ о. Іоанна. Наступаетъ храмовой праздникъ церкви при Институтѣ путей сообщенія,—зовутъ служить о. Іоанна [1]. О. Іоаннъ присутствуетъ на полувѣковомъ юбилеѣ фотографіи Голике. Его молитва и благословеніе и тамъ производитъ „глубоко-трогательное впечатлѣніе" [2]. Справляетъ свой храмовой праздникъ коммерческое С.-Петербургское училище, служитъ здѣсь опять о. Іоаннъ. Присутствуетъ о. Іоаннъ на освященіи нижняго храма въ Веркольской обители [3]. Служитъ въ Архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ [4]. Служитъ въ церкви Зимняго Дворца. Приглашаютъ служить о. Іоанна въ Финляндію въ имѣніе Свято-Троицкой женской общины Линтула [5]. Освящаетъ о. Іоаннъ придѣльный храмъ Преполовенской церкви въ г. Устюжнѣ [6]. Освящаетъ придѣлъ въ г. Лугѣ [7]. Открываютъ новый пассажъ въ Петербургѣ,—для совершенія молебствія приглашаютъ о. Іоанна. Послѣ молебствія присутствовавшіе на торжествѣ просятъ о. Іоанна сняться съ собою [8]. О. Іоаннъ совершаетъ молебенъ по случаю закладки новой спасательной Ораніенбаумской станціи общества спасанія на водахъ [9]. Служитъ молебенъ о. Іоаннъ при открытіи въ С.-Петербургѣ гомеопатической больницы [10]. Совершаетъ литургію въ Толгскомъ монастырѣ [11].

Въ газетахъ очень часто приходится читать объ о. Іоаннѣ такія замѣтки.

„Вчера со скорымъ поѣздомъ николаевской ж. д. прибылъ въ Москву изъ Петербурга протоіерей о. Іоаннъ Сергіевъ. Въ теченіе дня о. Іоаннъ посѣтилъ многихъ своихъ почитателей, знакомыхъ и больныхъ, у которыхъ совершалъ молебствія. Вечеромъ съ курьерскимъ поѣздомъ о. Іоаннъ выѣхалъ обратно въ Петербургъ".

---

[1] 1898 г. 23 ноября.
[2] *Моск. Вѣд.* 1902 г. 1 янв.
[3] 1897 г. 15 іюня.
[4] 1897 г. 22 іюля.
[5] 1896 г. 12 авг.
[6] 1896 г. 6 іюня.
[7] 1896 г. 12 ноября.
[8] *Нива.* 1900 г.
[9] 1891 г. 15 мая.
[10] 1892 г. 17 окт.
[11] 1893 г. 11 іюня.

„17 января со скорымъ поѣздомъ Николаевской жел. дор. прибылъ въ Москву протоіерей отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадтскій). Съ вокзала отецъ Іоаннъ отправился въ лѣчебницу Лепехина (на Покровкѣ), въ церкви которой соборнѣ совершилъ божественную литургію, которой предшествовалъ канонъ, прочитанный уважаемымъ пастыремъ. Во время литургіи пѣлъ прекрасный хоръ пѣвчихъ, который получилъ за это благодарность отца Іоанна. Въ концѣ литургіи отецъ Іоаннъ произнесъ прочувствованное слово, послѣ чего благословлялъ молящихся, во множествѣ переполнившихъ небольшой храмъ[1]).

О. Іоаннъ въ колоніи прокаженныхъ.

Посѣтивъ затѣмъ нѣкоторыхъ больныхъ и знакомыхъ, высокочтимый пастырь со скорымъ поѣздомъ Московско-Казанской ж. д., въ 1 ч. 20 м. дня, выѣхалъ изъ Москвы въ Самару.“

Замѣчательно пребываніе о. Іоанна и среди сонма нижегородскихъ пастырей.

„3-го октября текущаго года Нижній-Новгородъ посѣ-

---

[1]) *Моск. Вѣд.* № 18 1902 г.

тилъ о. протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, всею Россіею знаемый настоятель Кронштадтскаго Андреевскаго собора, сильный благодатію Божіею, пастырь-молитвенникъ. Преосвященный Назарій, епископъ Нижегородскій, воспользовался кратковременнымъ посѣщеніемъ многоуважаемаго пастыря: собралъ городскихъ священниковъ въ своихъ покояхъ и просилъ о. Іоанна побесѣдовать съ ними.

Въ 6 часовъ вечера изъ внутреннихъ покоевъ вмѣстѣ съ владыкою вошелъ въ залъ о. Іоаннъ и, низко кланяясь собравшемуся духовенству, сказалъ:

— Здравствуйте, досточтимые отцы и братіе, сопастыри!

Предъ нами стоялъ благообразный старецъ. Лице его ясное, открытое, пріятно и сердечно улыбающееся, именно благодушно мирное, благодатное лицо. Свѣтлые, довѣрчивые, ласковые глаза, твердая увѣренная рѣчь привлекли наше общее вниманіе. Въ о. Іоаннѣ ничего нѣтъ болѣзненно-нервнаго и никакого электричества или магнетизма, которыми, какъ говорили и даже писали, онъ такъ сильно дѣйствуетъ на слушателей и даже исцѣляетъ больныхъ. Этого совсѣмъ въ немъ нѣтъ. Это самый покойный, ровный, жизнерадостный, смиренный и предупредительный служитель Христовъ. Онъ говорилъ съ нами сидя, опустивъ голову. Рѣчь о. Іоанна не блещетъ сравненіями, вообще риторическими украшеніями, простая, искренняя, но настолько сильная вѣрою и убѣжденіемъ, что къ нему вполнѣ приложимы слова св. апостола Павла: „проповѣдь моя не въ препретельныхъ человѣческой мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы“.

Представивъ насъ о. Іоанну, владыка просилъ его подѣлиться съ пастырями ввѣренной ему епархіи своимъ многолѣтнимъ пастырскимъ опытомъ, поучить насъ, какъ и чѣмъ можно благотворно воздѣйствовать на сердца пасомыхъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности.

Внимательно выслушавъ преосвященнаго, о. Іоаннъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Досточтимые отцы и братіе, сопастыри!

Вы сами,—какъ вижу,—люди, украшенные сѣдинами, значитъ, сами богаты опытомъ жизни. Мнѣ васъ нечему учить. Но такъ какъ вы спрашиваете меня, какъ я достигаю благотворнаго дѣйствія на сердца людей, то я вамъ скажу. *Я стараюсь быть искреннимъ пастыремъ* не только на словахъ,

но и на дѣлѣ,—въ жизни. Поэтому я строго слѣжу за собою, за своимъ душевнымъ міромъ, за своимъ внутреннимъ дѣланіемъ. Я даже веду дневникъ, гдѣ записываю свои уклоненія отъ исполненія Закона Божія; повѣряю себя и стараюсь исправляться. Я цѣлый день въ дѣлахъ, съ утра и до поздней ночи. Свое пастырское служеніе я совершаю не только въ Кронштадтѣ, но приходится часто путешествовать для этого по разнымъ мѣстамъ Россіи. Меня осаждаютъ каждый день просьбами, такъ что иногда мнѣ тяжело и не хочется, но я дѣлаю, стараюсь удовлетворять всѣхъ просителей. Гдѣ бы я ни былъ, а особенно въ Кронштадтѣ, я каждодневно самъ совершаю литургію и искренно, сердечно-усердно и благоговѣйно приношу святую безкровную жертву Богу о грѣхахъ своихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. Молящіеся видятъ и чувствуютъ мое искреннее, благоговѣйное служеніе и сами проникаются святыми чувствами и молятся усердно. За каждой воскресной литургіей я проповѣдую живое слово Божіе. Въ моихъ поученіяхъ изображается моя внутренняя жизнь, моя душа; я безпощадно караю грѣхи, пороки и страсти человѣческія, обличаю заблужденія сектантовъ и раскольниковъ. Благодареніе Богу!—я самъ вижу плоды своихъ пастырскихъ трудовъ. Въ Андреевскомъ соборѣ, а онъ большой, народу бываетъ тысячъ до пяти, и все это множество слушаетъ меня, какъ одинъ человѣкъ, никакого шума, толкотни, глаза всѣхъ устремлены на меня. Когда я выхожу изъ храма, меня съ любовію окружаетъ народъ, всѣ съ сіяющими лицами, у всѣхъ видно благодатно-радостное настроеніе. Все это—плоды моей молитвы и проповѣди. Извините меня, досточтимые сопастыри, что я говорю такъ о себѣ. Боже сохрани меня, чтобы я говорилъ это для самохваленія, Боже упаси! Нѣтъ, не я все это дѣлаю, а благодать Божія, почивающая на мнѣ—священникѣ.

Меня часто приглашаютъ для молитвы въ богатые и знатные дома, гдѣ много жертвуютъ. Этими средствами я дѣлюсь съ нищетою, которой такъ много стало въ наше время. Я посылаю свои лепты въ учрежденія и въ бѣдныя церкви, дѣлюсь съ собратіями — пастырями и вообще бѣдными людьми. Кромѣ сего, мой довѣренный ежедневно подаетъ изъ моихъ средствъ тысячѣ бѣдняковъ на хлѣбъ. Но я долженъ сказать, что я не всѣмъ подаю: піяницамъ, вообще

кто надѣется только на свои ноги, попрошайничаетъ,—такимъ я не подаю.

Ко мнѣ часто приносятъ больныхъ, такъ называемыхъ бѣсноватыхъ, и просятъ, чтобы я помолился объ нихъ. Въ этихъ случаяхъ я дѣйствую простотою своей вѣры. Обыкновенно подобные больные очень безпокойны. Когда ихъ приводятъ ко мнѣ, то они плюются, пинаются и при этомъ всегда, какъ замѣчено мною, закрываютъ свои глаза. Но я приказываю открыть глаза. И такъ какъ больной не открываетъ, то я настойчиво требую: „открой глаза!“ и при этомъ самъ устремляю на него свой взоръ. Больной, наконецъ открываетъ глаза, а я, смотря ему въ глаза, говорю: „Именемъ Господа нашего Іисуса Христа запрещаю тебѣ, духъ нечистый, выйди изъ него!“ и благословляю больного. Больной успокоится, начинаетъ молиться, и я пріобщаю его.

О, братіе! Намъ много дано отъ Господа Бога благодати, и если мы сохранимъ этотъ даръ Божій, то мы непобѣдимы.

Вотъ, досточтимые сопастыри, такъ я служу для славы Божіей, для прославленія Церкви Христовой и распространенія вѣры православной. Все это говорю вамъ искренно, какъ сопастырямъ, и по вашему желанію, для пользы пастырскаго служенія Святой Церкви и отечества нашего“.

Около двухъ часовъ бесѣдовалъ съ нами досточтимый о. Іоаннъ. А мы готовы были, кажется, всю ночь сидѣть съ нимъ и слушать его благодатное слово. Къ сожалѣнію, въ 9 час. вечера неутомимый пастырь Христовъ долженъ былъ оставить насъ. Поэтому намъ нужно было разстаться съ досточтимымъ о. Іоанномъ, который со всѣми нами, прощаясь, расцѣловался, говоря: „Святяй и освящаеміи—отъ Единаго вси. Дадимъ, досточтимые сопастыри, другъ-другу братское лобзаніе“ [1]).

Говорить ли еще о другихъ мѣстахъ, куда приглашали о. Іоанна? Не буду, потому что не достанетъ времени повѣствовать о всемъ этомъ. Не буду говорить и потому еще, что новаго ничего не скажу сравнительно съ тѣмъ, что уже сказалъ. Гдѣ бы мы не были вмѣстѣ съ о. Іоанномъ, всюду мы наблюдали бы однѣ и тѣ же, хорошо уже знако-

---

[1]) *Церковныя Вѣдомости.* 1901 г. № 46.

мыя намъ, картины народнаго восторга и глубокаго почитанія замѣчательнаго изъ современныхъ пастырей. Вотъ что чувствовали люди этихъ мѣстъ. Очевидецъ народныхъ восторговъ пишетъ слѣдующее.

„Самое крупное событіе текущей недѣли безспорно заключается въ пріѣздѣ къ намъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Въ наши дни, когда въ суетѣ житейской и въ погонѣ за матеріальными благами и удовольствіями, нерѣдко забываются высшія потребности души и сердца, отрадно видѣть и знать, что эти потребности не исчезли, что онѣ таятся въ глубинѣ сердецъ многихъ изъ насъ, не говоря уже о нашемъ простомъ народѣ, въ которомъ еще съ силою евангельскихъ временъ бьется въ сердцахъ вѣра и надежда. Пріѣздъ къ намъ высокоуважаемаго пастыря, своею христіанскою жизнію и дѣятельностью заслужившаго любовь всей Россіи, воочію показалъ всѣмъ и каждому, какъ глубока еще въ русскомъ народѣ вѣра, какъ богатъ онъ живымъ религіознымъ чувствомъ и тою отзывчивостію сердца, которая дѣлаетъ его воспріимчивымъ къ словамъ и дѣламъ евангельскаго закона. Стоило только появиться среди насъ этому скромному Кронштадтскому пастырю, какъ на встрѣчу ему ринулись тысячи народа, безъ различія классовъ и положеній. Что же и кого они встрѣчали?

Многочисленные портреты и изображенія о. Іоанна даютъ о немъ хотя и правдивое, но не совсѣмъ точное представленіе. На портретахъ не уловлена та безконечная любовь, какая свѣтится въ глазахъ этого добраго пастыря, то бодрое, даже веселое настроеніе, какое одухотворяетъ это лице, съ улыбкой снисхожденія и безпредѣльной терпѣливости. Мы видѣли о. Іоанна подающимъ благословеніе безчисленной массѣ народа и наблюдали его за все время прохожденія этого мятущагося, толпящагося и безъ всякаго порядка лѣзущаго къ нему народа. Взрослые, дѣти, здоровые и больные,—все это обступало его, просило, даже требовало исключительнаго къ себѣ вниманія. И онъ, уставшій и обезсиленный, съ одинаковымъ терпѣніемъ, ровно, спокойно и ласково относился ко всѣмъ, находилъ время и желаніе ободрить, шепнуть слово утѣшенія, приласкать дѣтей, потрепать по щекѣ, погладить по головѣ и отпустить каждаго душевно успокоеннымъ. Бывши какъ то въ Кронштадтѣ, я видѣлъ

изо дня въ день повторявшіяся сцены, происходящія всегда при громадныхъ скопленіяхъ народа. Описыватъ ихъ нечего: все это давно знакомо каждому, кто только знаетъ одно имя о. Іоанна Кронштадтскаго. Въ сущности—онъ мученикъ требовательной толпы, не знающей ни снисхожденія, ни пощады. Въ своемъ экстазѣ толпа безжалостна и ненасытна. Его рвутъ на части. Ему не даютъ ни минуты покоя. Когда онъ спитъ, когда онъ ѣстъ, когда, наконецъ, остается съ самимъ собою?

Жить для другихъ, думать о нихъ и за нихъ, сострадать имъ, облегчать ихъ нужды и удовлетворять ихъ потребности,—словомъ, „положить душу свою за други своя",—это первая евангельская заповѣдь и больше ея нѣтъ и не было. Обратите вниманіе хотя бы на поѣздку о. Іоанна по Волгѣ. Говорятъ, что онъ поѣхалъ отдохнуть. Да развѣ это отдыхъ? Да развѣ ему дадутъ отдохнуть? Куда бы онъ ни заѣхалъ, гдѣ бы онъ ни показался,—всюду и вездѣ къ нему устремляется толпа, и тѣснитъ его, и треплетъ... Въ какой толпѣ нѣтъ страдальцевъ, недугующихъ и обремененныхъ? Собирается къ нему не ликующая толпа, сытая благами душевными и матеріальными, а жаждущая душевнаго покоя, утоленія печали и смягченія страданій. Среди многихъ—большинство именно такое, ищущее мира и облегченія, и вотъ оно стучится у порога о. Іоанна и находитъ здѣсь то, что ищетъ. Саратовцы испытали праздникъ души, и надолго онъ останется у нихъ въ памяти. Безъ сомнѣнія, и въ другихъ городахъ и селахъ, посѣщенныхъ о. Іоанномъ, многіе пережили подобныя же чувства" [1]).

Съ появленіемъ о. Іоанна тамъ или здѣсь замѣтно поднимается религіозное и нравственное настроеніе общества. „Люди всякаго пола, возраста съ появленіемъ о. Іоанна получаютъ какъ бы толчекъ, пробуждающій ихъ отъ духовной спячки и косности. И встаетъ предъ ними что-то свѣтлое, святое, встаетъ изъ глубины души что-то заглушенное и забытое въ суетѣ мірской. Вспоминается „единое на потребу"—царствіе Божіе. Мысль о спасеніи души и сознаніе всего недостоинства и всей немощи своей выражаются въ слезномъ искреннемъ сокрушеніи о грѣхахъ. Рѣдкія и счастливыя

---

1) *Сарат. Листокъ*. 1894 г юля № 138.

минуты такого саморазмышленія не останутся ли навсегда въ памяти тѣхъ, кому довелось ихъ пережить, и не послужатъ ли онѣ для многихъ залогомъ дальнѣйшаго нравственнаго исправленія, улучшенія и усовершенствованія? Кто же не признаетъ этого общенароднаго благодѣтельнѣйшаго подъема религіознаго духа явленіемъ великой важности, явленіемъ особенно знаменательнымъ и въ высшей степени отраднымъ? „Не ставятъ свѣтильника подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ людямъ“ (Мѳ. 5, 15). Слава Богу воздвигшему въ наше маловѣрное время такой свѣтильникъ въ церкви православной, и озаряющій вѣрою, и зажигающій вѣру въ тѣхъ, которые лишены ея утѣшенія“ [1])

Вотъ замѣчательный отзывъ корпораціи Коммерческаго Харьковскаго училища о впечатлѣніи, какое о. Іоаннъ произвелъ на всѣхъ, осчастлививъ ихъ своимъ посѣщеніемъ.

„Этотъ день оставитъ неизгладимое впечатлѣніе въ жизни училища. Училище видѣло истинно-добраго пастыря Христова, чувствовало его живую любовь во Христѣ и на вѣки сохранитъ свѣтлое воспоминаніе о знаменательномъ днѣ 13 октября въ своей лѣтописи, на скрижаляхъ своего сердца. Съ отъѣздомъ о. Іоанна занятія въ училищѣ были прекращены“ [2]).

Вотъ еще замѣчательныя строки объ о. Іоаннѣ извѣстнѣйшаго русскаго профессора-психіатра Н. А. С—каго.

„Пріѣздъ о. Іоанна явился событіемъ для Кіева. Батюшку ждали на улицахъ тысячи народа всякаго званія и состоянія. Многіе провели даже ночь на улицѣ въ ожиданіи увидѣть дорогого батюшку. Одушевленіе было безпримѣрное. Это одушевленіе нельзя иначе охарактеризовать, какъ *мольба, молитва, благоговѣніе, жажда видѣть его, получить его благословеніе.* Не *толпа* искала его, а люди всякаго образованія и всѣхъ возрастовъ. Вы здѣсь увидите и образованнаго человѣка и чернорабочаго, учителя, профессора и студента; вы увидите взрослыхъ и дѣтей, господъ и ихъ прислугу, скромныхъ труженицъ и падшихъ женщинъ, увидите больныхъ, испорченныхъ и преступныхъ людей. Вы встрѣтите здѣсь различныя религіи, различныя національ-

---

1) *Я. И. Э-й.* Цит. соч. Стр. 106—107.

2) *Котлинъ.* 1901 г. № 233., Окт. 17.

ности. Всѣхъ приводитъ къ о. Іоанну одно и то же чувство. Оно заставляетъ людей, пріѣхавшихъ въ каретѣ, выйти изъ экипажа и стать рядомъ съ обыкновеннымъ сѣрымъ человѣкомъ; оно поднимаетъ падшую женщину изъ грязи и дѣлаетъ ее человѣкомъ. Въ присутствіи о. Іоанна у самаго дурного, одичалаго человѣка пробуждается совѣсть, и у всѣхъ испорченныхъ людей освѣжаются и оживаютъ лучшія идеальныя стороны ихъ характера". „Въ теченіе многихъ лѣтъ о. Іоаннъ былъ посредникомъ въ подаяніи той или другой помощи. Но въ послѣдніе годы его значеніе возросло, расширилось и далеко вышло за первоначальный предѣлъ. Теперь это уже не просто пастырь Кронштадтской церкви, но общій молитвенникъ, цѣлитель, народный герой, общій патронъ и совѣтникъ, общій отецъ-батюшка. „Онъ для всѣхъ батюшка",—вотъ слова крестьянина, слышанныя мною. Онъ самый извѣстный и популярный человѣкъ въ Россіи. Всѣ качества, которыми онъ надѣленъ, таковы, что имъ сначала невольно удивляешься и лишь потомъ анализируешь. Всѣ проявленія чувства о. Іоанна отличаются необыкновенной глубиной и полнотой, превосходя обычные предѣлы. Его проницательность и тонкость, съ которыми онъ распознаетъ психическое состояніе человѣка, совершенно исключительны... Не смотря на свои годы, онъ свѣжъ, бодръ, неутомимъ. На лицѣ и во всемъ внѣшнемъ видѣ его отпечатлѣны необыкновенная доброта, кротость и привѣтливость. И вполнѣ понятно стремленіе людей *видѣть* о. Іоанна, *взглянуть* на него. Въ этомъ стремленіи несомнѣнно сказывается потребность видѣть этого исключительнаго, *истиннаго* человѣка, видѣть и научаться. Онъ словомъ, дѣломъ,—своею личностью—воспитываетъ общество. Онъ живой носитель и проповѣдникъ идеаловъ, проводящій ежедневно 15—20 часовъ то въ храмѣ, то подъ открытымъ небомъ, то во многихъ собраніяхъ".

„Можно сказать, что въ теченіе почти цѣлаго дня о. Іоаннъ находится въ состояніи величайшаго психическаго возбужденія, которое является то въ формѣ молитвы безъ словъ, то въ видѣ возвышеннѣйшаго настроенія, граничащаго съ молитвой, то наконецъ въ формѣ мысленнаго переживанія высшихъ идеаловъ. Можно сказать, что то возвышенное настроеніе, которое у обыкновеннаго человѣка на-

ступаетъ изрѣдка, въ исключительныя минуты, у о. Іоанна является обычнымъ и не оставляетъ его въ теченіе цѣлаго дня. О. Іоаннъ представляется обыкновеннымъ человѣкомъ лишь въ минуты крайняго утомленія или во время принятія пищи; во все же остальное время дня онъ находится въ состояніи одушевленія и живетъ самой полной, самой широкой идеальною жизнью, какая только доступна человѣку. Основную видимую черту характера о. Іоанна составляетъ смиренность, кротость и величайшая любовь къ человѣку; съ этими качествами неразлучно связана ласковость въ отношеніи къ людямъ и обаятельность, превосходящая всякія ожиданія... Все это написано на лицѣ о. Іоанна, и всякій, кто даже въ первый разъ видитъ этого человѣка,—вѣритъ и уповаетъ".

„Когда о. Іоаннъ уѣзжалъ изъ Кіева, то по обѣ стороны поѣзда стояли густыя массы публики, больше половины которой составляли воспитанники учебныхъ заведеній, студенты академіи и университета,—люди *не-толпы*. Жизнь о. Іоанна глубоко интересна, поучительна и ждетъ еще изобразителя въ будущемъ, когда настанетъ его полная, крѣпкая слава. Тогда-то во весь ростъ возстанетъ предъ людьми этотъ величавый отецъ народа, этотъ печальникъ о скорбящихъ, этотъ другъ и покровитель дѣтей, кормитель сирыхъ и бѣдныхъ, врачъ больныхъ, утѣшитель скорбящихъ, учитель заблуждающихся, этотъ настоящій пастырь Христовъ. Вотъ къ чьему могильному холму не заростетъ народная тропа, потому что и къ почившему доброму пастырю будутъ стекаться народныя массы, чтобы поклониться его праху и попросить его молитвъ за тѣхъ несчастныхъ и обездоленныхъ, для которыхъ онъ жилъ здѣсь" [1]).

Мы видѣли восторги народа, имѣвшаго счастіе встрѣчать лично о. Іоанна, бесѣдовать съ нимъ, получать отъ него помощь или утѣшеніе. Если бы мы сказали, что теперь видѣли все, что совершаетъ добраго и великаго имя дорогого батюшки на св. Руси, то мы жестоко ошиблись бы. Мы видѣли только немногое и, можетъ быть, я не ошибусь, если скажу, что видѣли самое незначительное изъ того многаго, что въ дѣйствительности совершаетъ о. Іоаннъ. Не нужно

1) *Душеп. Чтеніе.* 1901 г. Дек. Стр. 541 сл.

забывать того, что есть цѣлые милліоны людей, которые не имѣютъ физической возможности лично видѣть о. Іоанна, встрѣчать его, бесѣдовать съ нимъ „усты къ устамъ". А между тѣмъ между ними и о. Іоанномъ есть незримая, внутренняя, глубокая связь. Если бы мы имѣли возможность вскрыть этотъ таинственный незримый міръ, то какой еще новый богатѣйшій матеріалъ открылся бы предъ нами. Его, кажется, не исчерпать бы въ цѣлыхъ десяткахъ томовъ. Объ этомъ отчасти можно судить даже по почтѣ, получаемой о. Іоанномъ. О. Іоаннъ ежедневно получаетъ спеціальную почту, которую возятъ на квартиру его личнаго секретаря изъ почтамта ни болѣе, ни менѣе, какъ платяными корзинами. Массу получается имъ ежедневно телеграммъ и денежныхъ писемъ. Послѣднія обыкновенно распечатываютъ тотчасъ же по полученіи ихъ. Секретарь выписываетъ имена на особую лентообразную бумагу, которую вручаетъ о. Іоанну предъ совершеніемъ литургіи для молитвы. На другую лентообразную бумагу выписываются адреса просящихъ посѣщенія, которыя подносятся батюшкѣ послѣ богослуженія и просматриваются имъ въ алтарѣ. Послѣ телеграммъ и денежной почты секретарь и его помощники приступаютъ къ платяной корзинѣ простыхъ писемъ, изъ которыхъ дѣлаются новые выборки на бумагу въ послѣдовательномъ порядкѣ. Если не хватитъ физическихъ силъ справиться со всей почтой, то послѣднія пачки писемъ называются лишь только счетомъ. Да и возможно ли справиться съ ними, если ихъ часто накопляется до шести даже тысячъ. Въ военномъ мундирѣ секретарь о. Іоанна сказалъ мнѣ, что „вотъ сейчасъ у меня подъ рукою до шести тысячъ писемъ; дни и ночи, не разгибая спины, сижу, дѣлаю разборку имъ" [1]). Мнѣ лично секретарь о. Іоанна сообщилъ слѣдующія данныя по этому вопросу. Писемъ и телеграммъ ежедневно получается о. Іоанномъ до 500; денежной корреспонденціи болѣе 200. Письма, по прочтеніи ихъ, жгутъ цѣлыми мѣшками въ Домѣ Трудолюбія. Сколько же такимъ образомъ горя, сколько слезъ, сколько

---

[1]) *Н. Н. Животовъ.* О. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ Кронштадтскій Протоіерей Андреевскаго собора. Стр. 12—13. М. 1894 г. ср. Поѣздка въ Кронштадтъ къ о. Іоанну (Выписка изъ дневника сельскаго священника). Стр. 19. Воронеж. 1894 г.

нужды неотложной, сколько просьбъ ежедневно выслушиваетъ о. Іоаннъ? Сколько изъявленій глубокой благодарности, радости, клятвенныхъ обѣщаній жить по евангельски, сколько великихъ духовныхъ восторговъ людей, уже вступившихъ на этотъ новый и спасительный путь, почта и телеграфъ ежедневно приносятъ къ ногамъ великаго пастыря? Сколько глубочайшаго раскаянія въ своемъ зазорномъ прошломъ слышится въ этихъ письмахъ къ о. Іоанну? Ему пишутъ знакомые и незнакомые. Это дорогое имя заставляетъ трепетать многихъ на св. Руси. Оно невольно и какъ то непонятно мистически будитъ совѣсть человѣка, заставляетъ задуматься его надъ смысломъ своего существованія, надъ вѣковѣчными вопросами жизни и смерти. Мнѣ приходилось не разъ наблюдать, какъ люди себялюбивые, холодные, маловѣрующіе, подъ вліяніемъ прочитаннаго или выслушаннаго объ о. Іоаннѣ, смягчались душей, становились хоть на нѣсколько мгновеній религіознѣе и обращались всѣми своими помыслами туда, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ этотъ великій пастырь. О. Іоаннъ открывалъ предъ ними хотя на нѣсколько часовъ свѣтъ небесной, святой Христовой жизни. Магнитъ оказываетъ неотразимое вліяніе на желѣзные предметы, притягивая ихъ къ себѣ. И имя о. Іоанна, подобно магниту, притягиваетъ къ себѣ сердца многихъ и заставляетъ ихъ биться усиленнѣе, при одномъ напоминаніи о немъ, хотя бы эти сердца и были отдѣлены отъ него на цѣлыя тысячи верстъ. Я не ошибусь, кажется, если назову о. Іоанна могучимъ возбудителемъ совѣсти народа, его религіозныхъ стремленій, лучшихъ думъ, чувствъ и надеждъ, вѣры въ добро и вѣчность.

Итакъ, въ самомъ дѣлѣ, какая здѣсь совершается новая незримая, великая гигантская работа духа? Кто въ состояніи изобразить ее? Для будущаго историка славной дѣятельности великаго пастыря эти письма будутъ неисчерпаемымъ матеріаломъ, на основаніи котораго онъ освѣтитъ такія стороны дѣятельности о. Іоанна, которыя въ настоящее время ускользаютъ отъ нашего наблюденія.

XV.

Великія духовныя силы великой благодатной души скромнаго пастыря разлились не только по всей св. Руси, но поте-

кли и далеко за предѣлы ея. Слава объ о. Іоаннѣ распространилась по всему христіанскому міру. Да проститъ мнѣ великій пастырь, если я сравню его въ нѣкоторомъ отношеніи съ человѣкомъ, котораго онъ не можетъ любить за его неправомысліе. Имя о. Іоанна почти такъ же прогремѣло, какъ и имя гр. Толстого. Нѣтъ страны, въ которой оно было бы неизвѣстно. Нѣтъ страны, пресса которой не касалась бы дѣятельности этихъ великихъ, каждый въ своемъ родѣ, людей. За помощію къ о. Іоанну обращаются отовсюду и изъ-за границы. Когда мы были въ Кронштадтѣ, о. Іоаннъ говорилъ намъ объ одномъ такомъ письмѣ, которое только что было имъ получено. Письмо написано на нѣсколькихъ языкахъ. Очевидно, писавшіе горячо желали, чтобы оно непремѣнно было прочитано о. Іоанномъ. Писалъ одинъ извѣстный европейскій докторъ. У него опасно заболѣлъ сынъ. Были испробованы всѣ медицинскія средства, но ничто не помогало. Погибалъ на глазахъ у всѣхъ единственный и дорогой сынъ. Что оставалось дѣлать? Любовь не знаетъ никакихъ препятствій. И вотъ, не смотря на различіе вѣроисповѣданій, не смотря на свой естественный докторскій скепсисъ въ помощь божественную, не смотря на полное незнакомство съ человѣкомъ,—ему пишутъ письмо, въ которомъ горячо просятъ помочь несчастной семьѣ. Какъ это многознаменательно и трогательно. Но это развѣ единственное письмо къ о. Іоанну изъ за границы? Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ получилъ болѣе 200 писемъ изъ разныхъ концовъ міра. Изъ Франціи и различныхъ государствъ Германіи, изъ Австріи, Швеціи, Испаніи, Португаліи, Италіи, Англіи, Греціи, изъ далекой Америки, изъ столицъ, неизвѣстныхъ городковъ и даже деревень приходятъ въ Кронштадтъ письма на различныхъ языкахъ, въ которыхъ люди неизвѣстные просятъ о. Іоанна о духовной и матеріальной помощи, помолиться за несчастныхъ и болящихъ. Римъ, Венеція, Неаполь, Мюнхенъ, Вѣна, Грацъ, Парижъ, Нью-Йоркъ, Лондонъ и т. д. — вотъ города, откуда получаетъ свои письма о. Іоаннъ.

Съ вѣрою въ Бога обращаются наши иностранные братья во Христѣ къ смиренному русскому служителю алтаря. Часто едва знакомые съ Россіей и ея религіей, вѣря только глубоко, что молитвы о. Іоанна весьма угодны Богу, люди раз-

наго званія, пола и возраста посылаютъ въ чужую имъ страну, къ незнакомому и чуждому имъ по религіи человѣку, свои слезныя мольбы о помощи. Вѣра въ одного Бога и преклоненіе предъ усерднѣйшимъ Его слугою, не смотря на разницу вѣроисповѣданій, въ данномъ случаѣ объединяетъ людей самыхъ различныхъ націй. Различіе религій не имѣетъ здѣсь никакого значенія. Католики и лютеране обращаются къ пастырю съ такой же вѣрой въ великую силу его заступничества за нихъ предъ Богомъ, какъ и самые убѣжденные православные.

Всѣ получаемыя о. Іоанномъ изъ за границы письма можно раздѣлить на слѣдующія группы. Большая часть заграничныхъ писемъ заключаетъ въ себѣ просьбы помолиться объ исцѣленіи отъ различныхъ болѣзней; просьбы помолиться о внутреннемъ исправленіи, объ увеличеніи вѣры въ людяхъ; просьбы молитвою или помощью матеріальной вывести людей изъ крайней нужды или содѣйствовать осуществленію какого либо предпріятія. Просятъ другіе дать совѣтъ или благословить ихъ на какой-либо новый жизненный шагъ. Иные просятъ отвѣтить на вопросы религіознаго характера. Нѣкоторые выражаютъ чувства благодарности за оказанную имъ помощь и чувства глубокаго благоговѣнія предъ нимъ.

Множество больныхъ тѣлесно и душевно, больныхъ отъ рожденія, или усиленнаго труда, или отъ какого-либо несчастнаго случая, видя, что земные врачи не могутъ имъ помочь, обращаются также къ о. Іоанну. Разсказывая ему о своемъ несчастіи, съ живою вѣрою въ Бога просятъ его помолиться за нихъ небесному Врачу, для Котораго возможно и невозможное. Просятъ сами больные, просятъ и за больныхъ, часто за чужихъ. Иногда просятъ нѣсколько лицъ за одного и того же человѣка, просятъ, повидимому, безъ его даже вѣдома и согласія. Вѣря въ дѣйственность молитвы о. Іоанна, нѣкоторыя лица присылаютъ ему свои фотографическія карточки, обрѣзки волосъ, прося благословить ихъ. Они вѣрятъ, что тогда благословеніе распространится и на нихъ самихъ. Одни умышленно не обозначаютъ своего адреса и не хотятъ отвѣта, твердо надѣясь, что заочной молитвы за нихъ о. Іоанна достаточно для того, чтобы Господь исцѣлилъ ихъ. Другіе просятъ о. Іоанна прислать

имъ освященной воды, лѣкарства. Одна женщина изъ Силезіи, семь лѣтъ лежавшая въ разслабленіи, просила его пріѣхать къ ней и помазать ее елеемъ или хотя помолиться заочно о ея здравіи, объ укрѣпленіи ея вѣры. Она желала, чтобы ее увѣдомили о времени этой благодатной молитвы, чтобы и она могла помолиться вмѣстѣ съ нимъ.

Трогательны просьбы дѣтей, обращенныя къ о. Іоанну. Одинъ шведскій мальчикъ проситъ о. Іоанна помолиться объ исцѣленіи его больной мамы, которая ему дороже всего на свѣтѣ. Другой девятилѣтній мальчикъ, тоже изъ Швеціи, пишетъ: „я чрезъ газеты слышалъ, что вы умѣете лѣчить больныхъ молитвою, а потому прошу васъ помочь моей мамѣ, потому что она заболѣла. Намъ очень скучно однимъ дома, маму увезли въ госпиталь, у нея умопомѣшательство". Многіе больные, прося молитвъ о. Іоанна, исповѣдуютъ предъ нимъ всѣ свои грѣхи, какъ бы они тяжелы не были. Особенно часто въ письмахъ жалуются на недостатокъ вѣры и на равнодушіе къ религіи. Находя въ этомъ причину своей болѣзни, они просятъ его помолиться одновременно и объ ихъ исправленіи.

Люди здоровые физически, но страдающіе отъ какого-либо горя или бѣдности, просятъ помолиться о. Іоанна о томъ, что если Господу неугодно облегчить ихъ участь, то послалъ бы Онъ имъ силы хотя безропотно нести свой крестъ. Многіе просятъ о томъ, чтобы имъ благочестивою своею жизнію заслужить вѣчное блаженство. Есть просьба одной женщины о смягченіи сердецъ двухъ людей, отравляющихъ своимъ характеромъ жизнь близкихъ. Есть письмо, вылившееся, повидимому, изъ глубины души, письмо одного молодого человѣка изъ Силезіи. Молодой человѣкъ пишетъ о своемъ полномъ раскаяніи въ совершенныхъ имъ грѣхахъ и о рѣшительномъ намѣреніи исправиться окончательно. Начало исправленія уже сдѣлано. Онъ сознался въ своихъ дурныхъ поступкахъ противъ различныхъ людей, которые предъ нимъ были совершенно невиновны ни въ чемъ. Добровольно налагалъ на себя наказанія: такъ въ наказаніе за злоупотребленіе по службѣ отказался отъ занимаемаго имъ мѣста. Уступая просьбамъ близкихъ, нуждающихся въ его заработкѣ, спустя нѣкоторое время, онъ снова поступилъ на службу, твердо рѣшившись—не идти болѣе въ разладъ съ своею со-

вѣстью. Вотъ этотъ молодой человѣкъ и проситъ теперь о. Іоанна помолиться о томъ, чтобы ему удалось получить мѣсто.

Просьбъ помолиться о полученіи мѣстъ вообще очень много. Одна бѣдная мать проситъ помолиться о томъ, чтобы ея сынъ выдержалъ экзаменъ, отъ котораго зависитъ вся ихъ будущность. Много бѣдныхъ невѣстъ и жениховъ просятъ содѣйствовать ихъ счастью молитвами и матеріальною помощью. Слыша отовсюду о щедрости о. Іоанна, многіе бѣдняки умоляютъ его вывести ихъ изъ крайней нужды, или дать имъ возможность открыть какое-либо торговое, промышленное заведеніе, или возможность лѣчиться, или просто прилично одѣться, чтобы идти искать себѣ мѣсто. Есть просьба одного епископа Ш. прислать 20 тысячъ франковъ на выкупъ сиротскаго дома изъ рукъ враговъ религіи. Многіе, не рѣшаясь на какой-либо новый или трудный шагъ, просятъ благословенія или совѣта о. Іоанна. Такъ передъ трудными операціями или желая перемѣнить мѣсто, многіе обращаются къ нему за благословеніемъ. Молодая женщина, имѣющая пьяницу мужа, изнемогая отъ горя, не рѣшается, не смотря на увѣщаніе родителей, уйти отъ него съ двумя малолѣтними дѣтьми, пока не получитъ совѣта о. Іоанна, которому собирается рѣшительно послѣдовать.

Обращаются къ о. Іоанну и съ просьбами отвѣтить на предложенные различные вопросы религіознаго характера. Такіе вопросы разсѣяны по разнымъ письмамъ. Изъ массы подобныхъ писемъ замѣчательно письмо одного католическаго священника. Оно исключительно состоитъ изъ этихъ вопросовъ, на которые онъ, незнакомый совершенно съ православіемъ, убѣдительно проситъ о. Іоанна отвѣтить. Кромѣ того, онъ проситъ о. Іоанна и помолиться о немъ, въ чемъ онъ теперь особенно нуждается. Незнакомецъ спрашивалъ въ своемъ письмѣ: „не еретики ли русскіе оттого, что не подчиняются папѣ, и могутъ ли они наслѣдовать вѣчную славу? Какъ начинается, кончается и на какомъ языкѣ у насъ совершается литургія? Какой хлѣбъ употребляется у насъ на литургіи и какъ преподаются св. Дары вѣрующимъ—подъ однимъ видомъ или двумя? Каковы у насъ обряды—крещенія, исповѣди и брака? Обязательно ли у насъ говѣніе? Можетъ ли случиться, что Россія когда-нибудь под-

чинится папѣ?“ Нѣсколько вопросовъ было предложено объ образованіи и бытѣ нашего духовенства. Вотъ вопросы, на которые инославный священникъ проситъ у о. Іоанна подробнаго отвѣта, говоря, что онъ навсегда сохранилъ бы письмо о. Іоанна, какъ драгоцѣнность.

Встрѣчаются письма, полныя глубокихъ чувствъ благодарности о. Іоанну за облегченіе болѣзни, страданій, полученное по его святой молитвѣ. Есть и такія письма, въ которыхъ не заключается никакой просьбы, но лишь выражаются, исходящія изъ глубины сердца, восторженныя чувства по отношенію къ о. Іоанну. Такъ молодая женщина изъ Нью-Йорка пишетъ о. Іоанну только для того, чтобы сказать ему съ особеннымъ удовольствіемъ, что она поздравляетъ его съ новымъ годомъ, сильно желала бы лично его видѣть и присутствовать за богослуженіемъ, совершаемымъ имъ. Такъ какъ она очень счастлива въ своей семьѣ, то просила бы у Бога лишь только продолженія этого счастія. Хорошо извѣстный въ Россіи адмиралъ Жерве, благодаря о. Іоанна за присланный ему, по его просьбѣ, портретъ, пишетъ, что всегда будетъ благословлять случай, доставившій ему возможность видѣть о. Іоанна. Объ этомъ онъ давно мечталъ, желая выразить ему „дань своего почтительнаго восхищенія“.

„Батюшка, — пишетъ адмиралъ Жерве, — я только что получилъ отъ адмиральши П. прекрасный портретъ, присылкою котораго вы оказали мнѣ великую честь, тѣмъ болѣе, что вы прибавили и нѣсколько драгоцѣнныхъ строкъ съ вашей подписью. Не умѣю достаточно благодарить васъ за эту особенную милость, но вы позвольте сказать мнѣ, что между воспоминаніями, которыя я сохраняю о недавней моей поѣздкѣ въ Россію, воспоминаніе о встрѣчѣ съ вами есть одно изъ самыхъ неоцѣненныхъ. Я всегда буду благословлять случай, доставившій мнѣ возможность видѣть васъ, на что вы благосклонно согласились, и чѣмъ я глубоко тронутъ и горжусь. Давно уже желаніе видѣть васъ и выразить вамъ дань моего почтительнаго восхищенія было во мнѣ очень живо, но болѣе, чѣмъ когда-либо, я желалъ привѣтствовать святого, котораго Его Величество Александръ царь позвалъ при приближеніи смерти, который принесъ ему высочайшее утѣшеніе вѣры и усладилъ послѣднія

минуты благороднаго Государя, котораго Россія благоговѣйно почитала, Франція оплакиваетъ, весь міръ уважалъ. Съ глазами, полными слезъ, и съ сердцемъ, полнымъ невыразимаго благоговѣнія, читалъ я трогательный вашъ разсказъ о вашемъ путешествіи въ Ливадію и о тѣхъ печальныхъ минутахъ, когда отлетала душа великаго, добраго, праведнаго, — душа, которую Господь принялъ въ свое лоно. Примите, батюшка, еще разъ выраженіе полной моей благодарности и, такъ какъ вы высказали мнѣ симпатіи къ Франціи-дайте въ вашихъ молитвахъ, угодныхъ Богу, мѣсто моей родинѣ, сердечному, вѣрному, вѣчному другу вашей, а также иногда и подписывающемуся съ глубокимъ почтеніемъ Жерве".

Изъ Граца нѣкая Каролина Р-ръ, дочь домовладѣлицы, пишетъ о. Іоанну слѣдующее. „Ваше преподобіе, болѣе десяти лѣтъ страдаю я сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ, доводящимъ иногда меня до изнеможенія и отчаянія. Доктора мнѣ рѣшительно не помогаютъ—единственная моя надежда на вашу помощь. Недѣлю тому назадъ я прочла въ нашей газетѣ статью, гдѣ подробно описывалась ваша глубоко-христіанская жизнь и сообщались свѣдѣнія о чудодѣйственной силѣ вашихъ молитвъ. Прошу васъ, не откажите помолиться обо мнѣ и о моей бѣдной матери старушкѣ, уже въ теченіе восьми лѣтъ страдающей сильнѣйшей болью ногъ, лишающей ее возможности ходить, отнимающей у нея сонъ и аппетитъ. Я твердо вѣрю, что Господь услышитъ ваши молитвы и освободитъ насъ отъ этихъ болѣзней. Прошу васъ еще сообщить намъ день, когда будете молиться. Мы хотимъ во-первыхъ присоединить свои молитвы къ вашимъ, а во-вторыхъ, и сдѣлать посильное пожертвованіе въ пользу нашихъ бѣдныхъ. Съ руками, поднятыми къ небу, молю васъ, не откажите исполнить нашу просьбу, исцѣлите насъ несчастныхъ страдалицъ!"

24 Іюля 1901 года нѣкто Вильямъ Кузенсъ изъ Лондона пишетъ о. Іоанну:

„Высокочтимый Отецъ!

Не далѣе какъ въ прошедшемъ Сентябрѣ, Вы благосклонно писали мнѣ въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ я просилъ Вашихъ молитвъ для моего болящаго сына. Моя рука дрожала, когда, пиша Вамъ благодарность, я обѣщалъ войдти съ Вами въ сношеніе опять.

Молясь въ удрученномъ состояніи, я услыхалъ наконецъ дивный отвѣтъ о Вашей молитвѣ за насъ. Съ тѣхъ поръ я ежедневно ожидалъ самаго знаменія Божественнаго милосердія. Но доселѣ благому Богу не было угодно поступить съ нами такимъ образомъ, какъ мы надѣялись, такъ что мой дорогой сынъ нисколько не освободился отъ овладѣвшаго имъ духа унынія, этого ужаснаго состоянія. Я знаю, его любитъ Господь Іисусъ и дастъ ему многое по молитвѣ. Пусть мнѣ самому ничего не будетъ возвращено. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, продавъ послѣднюю маленькую собственность, я оставилъ все, чѣмъ владѣлъ когда-либо.

Ваше прежнее дружественное письмо побуждаетъ меня еще разъ просить Вашихъ молитвъ въ надеждѣ, что Богъ скорѣе услышитъ просьбу своего дивнаго ученика, чтобы послать мнѣ помощь. Я имѣю сильную вѣру, что „Ему" все возможно. Но для этого необходимы молитвы того, кто бы имѣлъ дерзновеніе къ „Нему". И этимъ, я знаю, Вы владѣете.

Я рискую быть непонятымъ, зачѣмъ я поднялъ голосъ о такой болѣзни, какъ болѣзнь моего сына. Но я желаю быть преданнымъ Его волѣ, подобно дитяти. Народъ смѣется, почему я выражаю вѣру въ молитву о такихъ вещахъ. Я надѣюсь, что нѣтъ ошибки просить помощи. Но тяжело потерять всякую надежду подъ вліяніемъ ожиданія—въ особенности въ мои годы (мнѣ 66 лѣтъ). Я не имѣю хорошаго друга, которому довѣрилъ-бы удручающую меня скорбь. Я получилъ бы утѣшеніе, если бы Вы были такимъ моимъ другомъ. Итакъ, я снова обрѣтаю свою собственность, которую я имѣлъ—твердую вѣру, что Господь возвратитъ мнѣ моего сына.

Надѣюсь, Вы простите мнѣ, что снова пишу Вамъ такимъ образомъ и выражаю увѣренность, что Вы пожелаете исполнить мою горячую просьбу. Ибо, я знаю, Вы истинный человѣкъ Божій.

Вильямъ Кузенсъ."

Изъ Соединенныхъ Штатовъ 15 Іюля 1901 г. о. Іоанну пишутъ:

„Отецъ Іоаннъ!

Прочитавъ объ удивительной Вашей цѣлительной силѣ, я осмѣлилась писать Вамъ и просить Вашихъ молитвъ о

моемъ отцѣ, матери и самой себѣ. Мой отецъ еще недавно былъ сильнымъ человѣкомъ, но не много лѣтъ тому назадъ опасно заболѣлъ. Онъ не далекъ уже отъ смерти. Моя мать, отличаясь съ малолѣтства слабымъ здоровьемъ, прошлой зимой заболѣла сильнѣе, чѣмъ прежде. Что касается меня самой, то я, будучи нездорова больше шести лѣтъ, неоднократно покушалась прекратить собственную жизнь, но никогда не могла заставить себя сдѣлать столь ужасное дѣло. Всѣ мы представляемъ собою весьма болѣзненную семью и были бы Вамъ очень благодарны, если бы Вы захотѣли помочь намъ. Мы—бѣдный народъ и не можемъ предложить Вамъ денегъ, но я умоляю Васъ, какъ Христа, выслушивавшаго крики бѣдныхъ, не оставлять невыслушаннымъ моего вопля.

Въ надеждѣ на Васъ,

Миссъ Грэйсъ Валькеръ".

Приблизительно такого же содержанія и другія письма, полученныя о. Іоанномъ изъ Берлина, Мюнхена, Рима, Неаполя, Венеціи и другихъ иностранныхъ городовъ [1]).

Вотъ какъ разнообразны по содержанію письма, получаемыя о. Іоанномъ, православнымъ священникомъ, отъ христіанъ другихъ исповѣданій. Предъ свѣтлымъ образомъ человѣка, приближающагося при помощи благодати Божіей къ идеалу христіанина, христіане всѣхъ вѣроисповѣданій, лица всѣхъ званій забываютъ разъединяющія ихъ несогласія относительно догматовъ и обрядовъ. Во имя общаго всѣмъ Бога со всѣхъ концовъ міра, какъ бы по какому предварительному соглашенію, шлютъ они къ о. Іоанну свои мольбы о помощи, шлютъ выраженія невольнаго предъ нимъ благоговѣнія, просятъ его пастырскаго совѣта и благословенія. Лучшія струны человѣческаго сердца находятъ себѣ откликъ въ сердцѣ праведника и, наоборотъ, свѣтлая личность о. Іоанна невольно возбуждаетъ въ каждомъ сердцѣ его лучшія чувства [2]).

---

[1]) *И. П. Киселевъ*. Цит. соч. Стр. 27—28. Намъ весьма хорошо извѣстно, что большая часть этихъ писемъ еще нигдѣ не появлялись въ печати. Будемъ ждать скораго ихъ появленія на свѣтъ.

[2]) *N. N.* Сужденія за границей объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Стр. 4 слл. СПБ. 1895 г.

Итакъ, имя о. Іоанна теперь уже не есть только достояніе одного русскаго народа. Слава о немъ пронеслась по всѣмъ христіанскимъ странамъ, перенеслась за океанъ, всюду возбуждая благоговѣйное удивленіе къ этой личности.

Въ Америкѣ въ одномъ изъ лучшихъ духовныхъ журналовъ „The Churchman" въ теченіе цѣлаго года помѣщались выдержки изъ дневника о. Іоанна „Моя жизнь во Христѣ". А англійскіе, нѣмецкіе и многіе другіе европейскіе журналы соперничали между собою въ сообщеніи фактовъ и событій изъ жизни скромнаго русскаго пастыря. Къ 70-тилѣтней годовщинѣ жизни Кронштадтскаго пастыря опять заговорила о немъ вся западно-европейская печать. Даже такой спеціально экзегетическій лондонскій журналъ, какъ „The Expositor" противъ обычая помѣстилъ въ своей сентябрьской книжкѣ большую статью, въ которой авторъ агличанинъ не только яркими красками характеризуетъ личность о. Іоанна (Father Iohn), но и пытается проникнуть въ самую тайну чудеснаго обаянія этой дивной личности. „Русская церковь,— такъ начинаетъ свою статью авторъ,—церковь св. Андрея и Владиміра, лѣтописца Нестора и Филарета, патріарха Московскаго и родоначальника нынѣ царствующаго дома, преобразователя Никона и Іоанна Кронштадтскаго, мало или даже совсѣмъ не обращала на себя вниманія, не смотря вообще на широкій интересъ, чувствуемый теперь у насъ къ русскимъ дѣламъ" [1]). По мнѣнію автора, это объясняется, съ одной стороны, малымъ знакомствомъ англійскаго общества съ православною церковію, а съ другой, издавна укоренившимися противъ нея предъубѣжденіями, какъ церкви будто бы совершенно безжизненной и узко національной. Англійскій писатель, конечно, не только не раздѣляетъ подобныхъ взглядовъ на нашу церковь, но и опровергаетъ ихъ. Желая ярче и колоритнѣе нарисовать симпатичный образъ Кронштадтскаго пастыря, онъ предпосылаетъ этимъ своимъ строкамъ о немъ краткую характеристику русскаго духовенства. Но вслѣдствіе ли незнанія быта нашего духовенства, вслѣдствіе ли желанія особо возвысить въ глазахъ своихъ англійскихъ читателей о. Іоанна сравнительно съ

---

[1]) *Simpson*. Father Iohn in Relation to the Russian Church. (The Expositor. Septemb. 1890 г.) стр. 161.

другими русскими пастырями, онъ рисуетъ картину жизни духовенства несимпатичными, мрачными чертами. Одну изъ этихъ чертъ онъ заимствовалъ у Пушкина изъ извѣстной его пресловутой „эпитафіи“:

In this cemetery there is a grave,
In this grave there is a bier,
In this bier there is a priest
And in this priest there is some brandy.

На столь мрачномъ фонѣ авторъ далѣе и рисуетъ блестящими чертами нравственный обликъ о. Іоанна. Его жизнь онъ представляетъ совершенно противоположной (contrast, contrasted) сравнительно съ жизнію всего нашего духовенства. Сообщая біографическія свѣдѣнія объ о. Іоаннѣ, англійскій писатель по мѣстамъ пользуется сочиненіями самого о. Іоанна и дѣлаетъ изъ нихъ значительныя буквальныя заимствованія [1]). Описываетъ онъ, всѣмъ намъ хорошо извѣстныя, громадныя стеченія народа въ Кронштадтѣ, народные восторги при встрѣчахъ тамъ съ скромнымъ служителемъ алтаря Господня, широкую благотворительную и просвѣтительную дѣятельность о. Іоанна. Разсказываетъ, какъ однажды о. Іоаннъ, не посмотрѣвши, передалъ одной бѣдной женщинѣ пакетъ съ 1000-ю рублей, только что имъ полученный отъ одного богатаго купца (a rich merchant). Купецъ въ изумленіи обратился къ о. Іоанну, называя сумму денегъ, находящуюся въ пакетѣ. На это о. Іоаннъ спокойно отвѣчалъ: „ея счастье“. Благотворительность о. Іоанна ежегодно выражается въ пожертвованіи имъ многихъ тысячъ рублей (many thousands of rubles annually). Разсказываетъ о чудесахъ о. Іоанна. Самого о. Іоанна характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. „Это человѣкъ средняго роста, не похожій на свои лѣта. Высокое чело съ крупными морщинами высится надъ глазами, сіяющими свѣтомъ необычайной доброты (a light of excessive kindliness). Лицо, особенно круглое около глазъ, покрыто глубокими морщинами и часто принимаетъ выраженіе крайняго утомленія. Щеки довольно румяны, и все лицо сіяетъ благословеніемъ. Онъ видимо всю свою душу влагаетъ въ то, что дѣлаетъ. Когда вы говорите съ нимъ, онъ упорно смотритъ вамъ въ лицо. Онъ застав-

[1]) Ibid. стр. 168 слл.

ляетъ васъ чувствовать, что въ данное время всецѣло отдался вамъ и вашимъ нуждамъ. Вы видите, что во всякомъ случаѣ это сильный человѣкъ, стоящій головой выше обыденнаго уровня,—человѣкъ, котораго не легко сбить и который быстро схватываетъ данное положеніе и вполнѣ входитъ въ него. Когда вы спрашиваете его о чемъ-либо, онъ на мигъ обдумываетъ вопросъ и затѣмъ даетъ ясный, опредѣленный отвѣтъ. По разсказамъ можно бы ожидать застѣнчиваго, нервнаго человѣка, — ничего подобнаго нѣтъ и слѣда. Это прирожденный вождь людей, и вы невольно чувствуете, что находитесь въ присутствіи незауряднаго (no ordinary) человѣка. Человѣкъ по природѣ либеральныхъ наклонностей (of naturally liberal tendencies), онъ оказывается безусловно консервативнымъ въ предѣлахъ извѣстныхъ, строго отмѣченныхъ границъ мнѣнія. Скажите ему, что даже на островахъ извѣстныхъ мореплавателей народъ съ истиннымъ удовольствіемъ и пользой читаетъ его книгу, и онъ кланяется въ благодарномъ смиреніи. Надъ своимъ именемъ онъ всегда ставитъ крестъ, — это секретъ его жизни (it es the secret of his life). Онъ всегда одна и та же любящая, сочувствующая душа для всякаго, и особенно любитъ возлагать свои руки на дѣтей и благословлять ихъ" [1]).

Въ заключеніе своей статьи авторъ говоритъ о причинахъ громаднаго вліянія о. Іоанна, простирающагося безусловно на всѣ классы русскаго общества. Среди многихъ причинъ, до нѣкоторой степени объясняющихъ это явленіе, онъ отмѣчаетъ особенно — его могучее проповѣдническое слово, совершенную нестяжательность, силу исцѣленій, необыкновенную любовь ко всѣмъ людямъ. Свою статью, вообще отличающуюся восторженнымъ тономъ, англійскій авторъ заканчиваетъ слѣдующими многознаменательными строками: „русскій народъ въ лицѣ о. Іоанна имѣетъ въ высшей степени поразительный примѣръ Того, Кто ходилъ по всюду, благотворя" [2]).

Замѣчательная статья объ о. Іоаннѣ была помѣщена и въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ. Пишетъ нѣкто Максъ Берманъ. По мѣткому выраженію Бермана, въ сердцѣ о. Іоанна

---

[1]) Ibid. стр. 176.
[2]) Ibid. стр. 182.

никогда не бываетъ „холодно". Бермана прежде всего поражаетъ удивительно простой и скромный наружный видъ человѣка, котораго глубоко чтятъ многіе милліоны, слово котораго для нихъ сильнѣе закона. Если бы автору не было точно извѣстно, что предъ нимъ стоитъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, этотъ душепопечитель Русскаго народа (Seelsorger des Russischen Volkes), то онъ принялъ бы его за самаго скромнаго сельскаго священника. Описывая наружность о. Іоанна, авторъ восторгается его выразительными „сѣверно-русскими" глазами. Они ясно говорятъ каждому, что не смотря на поразительную внѣшнюю скромность, въ лицѣ о. Іоанна мы имѣемъ дѣло съ незаурядною натурой, что его глаза, по выраженію Спинозы, „смотрятъ на людей и на вещи не для того, чтобъ осмѣять, не для того, чтобъ оплакивать, не съ тѣмъ, чтобы презирать, но за тѣмъ, чтобы понять". И онъ дѣйствительно часто понимаетъ то, что для другихъ остается неразрѣшимой загадкой. Но эти глаза говорятъ еще о большемъ. Они обличаютъ въ немъ необыкновенную энергію воли, благодаря которой распространяется свѣтъ Христовой любви чрезъ моря и земли, и побѣдоносно отражается всякое вліяніе темной силы.

„Отецъ Іоаннъ, который выслушалъ покаяніе милліоновъ людей, находился у кровати тысячъ болящихъ и умирающихъ, видѣлъ, выслушалъ и успокоилъ многія множества труждающихся и обремененныхъ, который одинаково чувствуетъ себя какъ дома, такъ и во дворцѣ, и въ грязнѣйшей хижинѣ послѣдняго бѣдняка, онъ, который для всѣхъ все,—онъ вездѣ не только утѣшитель, но и дѣйствительный помощникъ".

Берманъ припоминаетъ далѣе, что ему писалъ однажды мюнхенскій хирургъ, знаменитый профессоръ Нусбаумъ:

— Ахъ, какъ холодно въ Германіи! У васъ въ Россіи, морозъ гуляетъ по улицамъ, у насъ онъ царитъ въ сердцахъ.

Нусбаумъ былъ ретивымъ католикомъ. И однако, когда ему, находившемуся на смертномъ одрѣ, разсказали про православнаго священника о. Іоанна, то у него глаза загорѣлись юношескимъ огнемъ, и онъ воскликнулъ восхищеннымъ голосомъ:

— Да, это настоящій святой! [1]).

---

[1]) Tägliche Rundschau.

Въ другомъ нѣмецкомъ журналѣ мы встрѣчаемъ еще болѣе лестный отзывъ объ о. Іоаннѣ. Авторъ этой статьи, извѣстный ученый апологетъ Цocклеръ, сравниваетъ о. Іоанна съ выдающимися молитвенниками западными, по силѣ молитвъ которыхъ совершались иногда исцѣленія отъ различныхъ болѣзней. Сравниваетъ онъ его съ патеромъ-княземъ Александромъ Гогенлоэ, жившимъ въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія, и съ американцемъ Александромъ Дови, здравствующимъ еще и въ настоящее время. Тотъ и другой пріобрѣли себѣ большую извѣстность среди народа и интеллигентнаго общества. Но разница, по словамъ автора, между ними и о. Іоанномъ—громаднѣйшая. Между ними и отцомъ Іоанномъ лежитъ такая глубокая пропасть, которую ничѣмъ заполнить нельзя. О. Іоаннъ превосходитъ того и другого и по количеству почитателей, поклонниковъ его молитвенной силы, безкорыстной благотворительности, и по количеству совершенныхъ имъ исцѣленій, и по продолжительности проявленія черезъ него дара чудотвореній, и по высотѣ, поразительной чистотѣ его ученія, и по беззавѣтному самоотверженію ради ближняго, кто бы онъ ни былъ: богатый, бѣдный, крестьянинъ, князь, чиновникъ, больной, здоровый, православный, татаринъ, еврей, протестантъ, католикъ и т. д. Въ числѣ его почитателей находятся такіе люди, какихъ никогда не было ни у Дови, ни у патера-князя. „Къ почитателямъ о. Іоанна принадлежитъ даже сама юная императорская чета". Между тѣмъ какъ Дови отрицаетъ совершенно медицинскую науку, называя служителей ея „слугами діавола", и стремится всѣми силами дискредитировать ее въ глазахъ общества, о. Іоаннъ присутствуетъ при открытіи медицинскихъ обществъ, больницъ, санаторій, жертвуетъ на нихъ свои средства.

Въ своемъ „Домѣ Трудолюбія" онъ имѣетъ Лѣчебницу и штатъ докторовъ, которые оказываютъ медицинскую помощь какъ всѣмъ, находящимся въ Домѣ Трудолюбія, такъ и всѣмъ постороннимъ, обращающимся къ нимъ за помощью. Дови, какъ истый янки, вездѣ и всюду рекламируетъ себя, стараясь изъ всего извлечь выгоду. О. Іоаннъ долгое время запрещалъ писать о себѣ и сильно порицалъ тѣхъ, кто писалъ о немъ. И теперь, говорятъ, не одобряетъ онъ своихъ почитателей, когда они переходятъ отъ словъ

къ дѣлу и начинаютъ писать о немъ въ газетахъ и журналахъ. Дови *самъ* окружаетъ себя поразительною роскошью. Онъ построилъ для себя „дачу“ въ 10000 долларовъ, купилъ элегантный экипажъ съ парой лошадей за 2500 долларовъ. А о. Іоаннъ отказывается и отъ того, что подносятъ ему его усердные почитатели. Самыя цѣнныя изъ подношеній онъ раздаетъ направо и налѣво, бѣднымъ и состоятельнымъ людямъ. Больные за недѣлю пребыванія въ пріютѣ Дови платятъ 10 долларовъ, больные же и гости о. Іоанна—или ничего, или отъ 10 коп. до 30 въ день. Не будемъ приводить другихъ многочисленныхъ фактовъ, которые краснорѣчиво говорятъ о неизмѣримомъ превосходствѣ о. Іоанна надъ его западными какъ бы сотоварищами [1]).

Заслуживаетъ вниманія и фельетонъ журнала „Галичанинъ“, издаваемаго въ Галиціи. Фельетонъ весь посвященъ о. Іоанну и характеризуетъ личность знаменитаго пастыря слѣдующимъ образомъ. „О. Іоаннъ-Сергіевъ Кронштадтскій извѣстенъ яко священникъ „по чину Мелхиседекову“, а сила его молитвы такая, що въ тяжкихъ случаяхъ относятся къ нему не то тысячи, а милліоны людей, щобы о нихъ помолился. О. Іоаннъ получаетъ на молитву значительныя суммы, изъ которыхъ ничего не оставляетъ себѣ, но все роздаетъ нищимъ или жертвуетъ на богоугодныя цѣли и на благотворительныя учрежденія. Въ г. Кронштадтъ ежедневно пріѣзжаютъ тысячи народа, щобы видѣть о. Іоанна и просити его о молитвѣ, но лишь весьма незначительная часть имѣетъ счастіе съ тѣмъ общеуважаемымъ пастыремъ разговаривать, такъ якъ на принятіе и разговоръ съ каждымъ пріѣзжающимъ не хватило бы времени. Предъ домомъ о. Іоанна стоятъ безпрестанно толпы народа, желающія по крайней мѣрѣ дотронутись его одежды и получити хотя бы лишь съ отдаленія благословеніе. Примѣтити же слѣдуетъ, що о. Іоаннъ Кронштадтскій имѣетъ необыкновенный даръ проникнути внутрь каждого поодинокого человѣка и отгадати его честность, нравственность, нужду и бѣдность. Уважаемый Кронштадтскій настоятель собора зналъ и личность, глубоко уважалъ также просвѣтителя Галицкой Руси бл. п. Іоанна На-

---

[1]) Der Beweis des Glaubens. Iannur 1901. S. 23 fg. Ср. *Странникъ*. 1901 г. Дек. Стр. 954—968.

умовича, а свято-андреевское попечительство, учрежденное о. Іоанномъ Кронштадтскимъ и стоящее подъ его правленіемъ и покровительствомъ, опекуется памятникомъ на могилѣ нашего земляка патріота М. Качковскаго, находящейся на Кронштадтскомъ кладбищѣ. Уважаемый Кронштадтскій пастырь знаетъ также о томъ, якую тяжелую борьбу за свое существованіе ведетъ въ настоящую пору Галицкая Русь и якъ самъ онъ сказалъ бывшимъ 1896 года въ Кронштадтѣ представителямъ Галицкой Руси—ежедневно возноситъ за галицко-русскихъ братьевъ свои горячіи молитвы къ Царю царей“ [1]).

Мы не будемъ болѣе приводить выдержекъ изъ другихъ многочисленныхъ иностранныхъ статей, посвященныхъ великой, обаятельной, чарующей личности русскаго пастыря. Изъ нихъ, кажется, можно было бы составить цѣлый обширный томъ. Мы отложимъ это до другого болѣе удобнаго и благопріятнаго времени. А приведенныхъ нами примѣровъ, надѣемся, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ широко и за границей распространилась добрая слава о нашемъ смиренномъ служителѣ алтаря Господня.

Чудныя размышленія нашего маститаго пастыря о Великомъ Богѣ въ настоящее время переведены на многія языки и читаются на всемъ поясѣ земного шара между 30 и 70 сѣв. шир. Они читаются даже въ той части свѣта, въ которой свѣтъ истиннаго Богопознанія пролитъ лишь четыре вѣка тому назадъ, и гдѣ читаютъ ихъ люди, совсѣмъ отличные отъ насъ и цвѣтомъ кожи. Будемъ съ вѣрою надѣяться, что дивныя мысли о. Іоанна о любви къ Богу и человѣку, изложенныя сообразно съ понятіемъ временъ первыхъ апостоловъ, когда было много такихъ, которые лично слышали изъ устъ Божественнаго Учителя заповѣди о блаженствахъ, найдутъ добрую почву и въ мѣстностяхъ южныхъ широтъ, такъ какъ переводъ размышленій о. Іоанна появился уже и въ Австраліи.

Отсюда совершенно понятно, почему многіе изъ иностранцевъ, бывающихъ въ Россіи, считаютъ своею непремѣнною обязанностію посѣтить о. Іоанна. А нѣкоторые пріѣзжаютъ

---

[1]) *Галичанинъ.* 19 окт. 1899 г.

даже и въ Россію спеціально только съ этою цѣлію. Интересна встрѣча о. Іоанна съ Маклаганомъ.

Бирберкъ, изслѣдователь и поклонникъ Восточной церкви, сопровождавшій архіепископа Маклагана, примаса Английской церкви, въ его поѣздкѣ по Россіи, о посѣщеніи имъ о. Іоанна въ Петербургѣ разсказываетъ слѣдующее.

„Возвращаясь изъ картинной галлереи въ Эрмитажѣ, мы нашли у себя телеграмму, извѣщавшую, что о. Іоаннъ заѣдетъ въ теченіе дня. По тому, какъ прислуга гостинницы кучками тѣснилась по корридорамъ, по близости нашихъ покоевъ, можно было видѣть, что извѣстіе это уже пробѣжало мигомъ по всей гостинницѣ. Наконецъ, мы услыхали движеніе въ корридорѣ, точно все устремилось въ одну сторону, и одинъ изъ слугъ, наскоро сунувъ голову въ дверь нашей гостинной, доложилъ, что о. Іоаннъ пріѣхалъ. Я вышелъ въ корридоръ встрѣтить почтеннаго пастыря.

Лицо его было, по обыкновенію, спокойно и сіяло свѣтлой улыбкой. Онъ съ трудомъ подвигался сквозь ряды прислуги, тѣснившей его и старавшейся поцѣловать у него руку или принять отъ него благословеніе. Въ числѣ такихъ я замѣтилъ не только нѣсколькихъ нѣмцевъ-лютеранъ изъ прислуги, но и двухъ татаръ магометанъ, половыхъ изъ ресторана, которые тоже просили у него и получили благословеніе; вліяніе его простирается далеко за предѣлы православнаго населенія. О. Іоаннъ пробылъ съ нами не много болѣе часа и велъ съ архіепископомъ крайне замѣчательный и интересный разговоръ по вопросу о сравнительномъ состояніи бѣдныхъ классовъ въ Англіи и въ Россіи въ религіозномъ отношеніи, особенно въ большихъ городахъ, знакомыхъ каждому изъ нихъ по обширному личному опыту. Когда о. Іоаннъ простился съ нами, въ корридорѣ повторилось опять тоже явленіе, и онъ съ великимъ трудомъ пробрался до подъемной машины: на улицѣ толпа стояла еще гуще и запрудила ему дорогу отъ подъѣзда до кареты“ [1].

Въ 1898 году въ Кронштадтъ пріѣзжалъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ знаменнитаго Эдиссона и обращался съ просьбою къ о. Іоанну записать какую-либо его рѣчь въ фонографѣ. О. Іоаннъ охотно согласился на это и сказалъ

---

[1]) *Русскій Паломникъ*, 1898 г. № 6, стр. 94.

въ фонографъ обращеніе къ Преосвященному Николаю, Епископу Алеутскому. Въ настоящее время въ фонографѣ собраны и воспроизведены рѣчи уже многихъ выдающихся современныхъ дѣятелей. Теперь увѣковѣчены голосъ, и слово и о. Іоанна и долго будутъ передаваться изъ края въ край по бѣлу свѣту [1]).

Итакъ, имя Кронштадтскаго пастыря теперь извѣстно вездѣ и всюду на необозримомъ, необъятномъ пространствѣ Россіи. Извѣстно оно и въ царскихъ чертогахъ, извѣстно и въ бѣдной крестьянской хижинѣ. Извѣстно оно и за предѣлами нашего отечества во всѣхъ земляхъ. Не только оно извѣстно, но и могуче, неотразимо, обаятельно дѣйствуетъ на каждую христіанскую душу. Скромнымъ Кронштадтскимъ пастыремъ принесены такія матеріальныя жертвы, которыя едва ли даже кто можетъ когда-нибудь сосчитать. Люди, близко стоящіе къ нему, утверждаютъ, что онъ будто бы въ теченіе каждаго года употребляетъ на дѣла благотворительности болѣе милліона рублей. А кто можетъ сказать, какъ велики его духовныя жертвы, какъ велика его духовная милостыня, которую онъ подаетъ всѣмъ русскимъ и нерусскимъ людямъ. Можетъ быть, она въ тысячи разъ цѣннѣе всякой его матеріальной жертвы. Скромный Кронштадтскій пастырь принятъ въ царскомъ дворцѣ. Въ дни радости и въ дни печали призываетъ Государь этого пастыря раздѣлить вмѣстѣ съ царской семьей и горе, и радость. Онъ — дорогой и желанный гость великихъ князей и всѣхъ высокопоставленныхъ русскихъ людей. Къ ногамъ его принесено все его искренними почитателями. Нѣтъ ничего на землѣ, чего не пожертвовали бы ему добрые русскіе люди. Онъ—какъ бы какой царь, властно господствующій надъ душами милліоновъ людей.

Останавливаясь мыслію на этихъ поразительныхъ явленіяхъ, невольно задумываешься и спрашиваешь себя: что это совершается на глазахъ у всѣхъ насъ? Въ чемъ заключается тайна обаянія этой великой личности? Гдѣ лежитъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ недоумѣній, вызываемыхъ необыкновенной жизнію и дѣятельностью о. Іоанна? Почему почти всѣ, стре-

---

[1]) *Русскій Паломникъ*. 1898 г. № 20, стр. 319.

мясь быть полезными обществу, всетаки часто остаются даже мало извѣстными людямъ? Почему многіе не могутъ сохранить до конца дней своихъ горячихъ обѣтовъ—служить ближнему и безпомощно падаютъ почти въ началѣ своего добраго пути подъ тяжестію жизненнаго креста? Почему не вліяетъ на о. Іоанна пресловутая „среда“? Въ чемъ—секретъ его жизни?

XVI.

Въ настоящее время много говорятъ и пишутъ о тактѣ. Нѣтъ, кажется, лучшей похвалы человѣку, какъ названіе его человѣкомъ такта, тактичнымъ. Въ тактѣ обыкновенно полагаютъ сущность житейской, практической мудрости. Молодымъ дѣятелямъ всего болѣе внушаютъ узнать и изучить настроеніе общества, среды, въ которой имъ придется вращаться и дѣйствовать. Говорятъ, нужно прежде всего узнать почву, а потомъ и сажать на ней извѣстныя растенія. Дѣятельность наша должна представлять собою всегда только равнодѣйствующую среды и личныхъ нашихъ стремленій и идеаловъ. Въ этомъ заключается, по мнѣнію многихъ, самое простое объясненіе причинъ успѣха людей, прославившихся на томъ или другомъ поприщѣ служенія въ извѣстное время. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ, наприм.. успѣхъ того или другого писателя! Говоря просто, ничего не означаетъ иного—кромѣ того, что такой писатель узналъ настроеніе общества, угадалъ его духъ, стремленія, попалъ въ тонъ. Самый талантливый писатель-матеріалистъ останется почти не замѣченнымъ въ вѣкъ господства идеализма. И наоборотъ, самый геніальный писатель-идеалистъ останется мало понятнымъ въ вѣкъ матеріализма. И писатель романтикъ останется одинокимъ въ годы господства реализма. Ренанъ, надѣлавшій столько шума своими произведеніями, говорятъ, обязанъ своей славой во Франціи почти единственно тому, что онъ вѣрно понялъ ея историческій моментъ, въ который онъ жилъ, попалъ въ тонъ, въ самую живую струю духовной жизни этого народа въ разсматриваемые годы. Выступи съ тѣми же своими произведеніями раньше или позднѣе, и онъ остался бы совершенно въ тѣни. Его сочиненія скромно ютились бы на книжныхъ полкахъ кни-

готорговцевъ на ряду съ произведеніями самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ писателей. На пониманіи духа времени, среды, условій жизни, говорятъ, зиждется и блестящая дѣятельность всѣхъ вообще выдающихся людей,—героевъ, полководцевъ, художниковъ и т. д.

Многіе нынѣ раздѣляютъ этотъ взглядъ. Придерживаясь такой теоріи такта, священникъ на приходѣ старается прежде всего со всѣми „поладить", педагогъ—снискать вниманіе у сослуживцевъ и питомцевъ, чиновникъ—у сильныхъ міра сего. Не долгомъ, не правдой они хотятъ привлечь къ себѣ сердца людей, а своею личностью. Благодаря этому при постоянныхъ разговорахъ о дружбѣ и единеніи, въ государственной и церковной администраціи и въ жизни прихода водворяется ненависть между служащими въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ. Не только маленькіе люди часто такъ поступаютъ, но и большіе нерѣдко поступаютъ не иначе. Папа, по требованію обстоятельствъ, склоняется то на ту, то на другую политическую сторону. Если сильна монархія, онъ говоритъ, что самодержавіе отъ Бога. Если верхъ беретъ республика, хвалитъ республиканское правленіе. Онъ посылаетъ на Востокъ энциклики, въ которыхъ говоритъ о преступности латинизировать уніатское богослуженіе, а въ Галиціи усиленно его латинизируетъ. Подобные люди не хотятъ знать того, что такое представленіе о равнодѣйствующей заставляетъ весьма часто человѣка отказаться совершенно отъ всѣхъ своихъ благихъ начинаній и порывовъ, построить свою жизнь на началахъ общества, стать невольникомъ, рабомъ общества. Случается съ человѣкомъ въ этомъ случаѣ нѣчто весьма странное и неожиданное. Онъ берется искусно балансировать между различными общественными теченіями, чтобы проводить въ жизнь общества свои начала, и вдругъ самъ попадается въ ловушку. Общественнымъ мнѣніемъ онъ придавливается какъ бы какою громадною тяжестью, не будучи въ состояніи изъ-подъ нея даже только шевельнуться.

Если въ такомъ смыслѣ понимать тактъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что о. Іоаннъ далеко человѣкъ не такта. Мало этого, онъ страшный противникъ его въ тѣхъ грубыхъ и несправедливыхъ чертахъ, въ какихъ онъ обыкновенно представляется. Человѣкоугодничество никогда не можетъ

быть дѣйствительнымъ, основнымъ началомъ въ жизни христіанина. Это — начало не созидающее, а разрушающее. Не влаяться всякимъ вѣтромъ ученія нужно, не быть рабомъ всѣхъ прихотливыхъ и часто неразумныхъ велѣній общества, а идти во имя Христа и созидать жизнь на христіанскихъ началахъ. Въ отвѣтъ на всѣ подобныя ученія о тактѣ надо открыто и смѣло заявлять вмѣстѣ съ Ап. Павломъ: „аще человѣкомъ угождалъ быхъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ". Такъ учитъ поступать и слово Божіе, и исторія. Въ библейской исторіи мы постоянно встрѣчаемъ противоставленіе лести и человѣкоугодничества властителей земныхъ неустрашимой правдѣ служителей Божіихъ и народа Божія. Навуходоносоръ, Артаксерксъ, Олофернъ, Филопаторъ, Феликсъ и Фестъ, лживый пророкъ Седекія, священникъ Пасхоръ проходятъ предъ нами—съ одной стороны. А съ другой, встаютъ какъ живые предъ нами: Даніилъ, Мардохей, Іеремія, Амосъ, Іудиѳь, весь народъ Еврейскій, Апостолы и Самъ Спаситель, сказавшій, „какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу, а славы, которая отъ единаго Бога, не ищите". Вотъ—достойные обличители людей, желающихъ созидать дѣло служенія на человѣкоугодіи. Св. Григорій въ прощальной рѣчи своей къ паствѣ проситъ прощенія у пасомыхъ въ томъ, что онъ не величался предъ ними, не старался соревновать съ вельможами въ роскоши, не высился на колесницахъ, заставляя разбѣгаться народъ, какъ предъ страшнымъ звѣремъ. Поэтому паства осталась къ нему холодна, предпочитая ему людей эффекта. „Они ищутъ не іереевъ, но риторовъ, не строителей душъ, но хранителей имуществъ". Но жизнь и слава человѣкоугодниковъ и потворщиковъ не долговѣчна. Эта истина особенно хорошо раскрывается въ книгѣ Судей, въ исторіи Авимелеха, подговорившаго жителей Сихема помочь ему убить 70 братьевъ и воцариться надъ городами Іудеи. Три года благополучно было его царствованіе. Но затѣмъ согласно предсказанію Іоѳама, злой духъ ненависти поселился между нимъ и жителями. Они возстали на него, и Авимелехъ былъ позорно убитъ. Поэтому въ Писаніи мы читаемъ: „сборище нечестивыхъ, какъ скопленіе пакли, а конецъ ихъ пламень огненный" Власть и вліяніе, основанныя не на началахъ правды и любви, а на обманѣ возбуж-

даютъ въ современныхъ людяхъ вмѣсто довѣрія одну ненависть и презрѣніе.

Положа руку на сердце, мы можемъ сказать, что о. Іоаннъ нисколько не льстилъ никогда современному обществу. Замѣчая тѣ или другія добродѣтели въ людяхъ, онъ не только не преувеличиваетъ ихъ, но и не дѣлаетъ, повидимому, даже должной оцѣнки ихъ. Онъ склоненъ, кажется, скорѣе умалять эти свѣтлыя явленія, встрѣчающіяся въ нашей общественной и частной жизни, чѣмъ увеличивать ихъ, или хотя бы только много говорить о нихъ. Наши нравственные успѣхи меркнутъ предъ тѣмъ нравственнымъ великимъ идеаломъ, какой предносится постоянно ему и какой онъ предъявляетъ постоянно всѣмъ. Вотъ что онъ пишетъ о современныхъ христіанахъ въ своемъ „Дневникѣ“.

„Гдѣ я найду истиннаго христіанина, который бы самыми дѣлами своими училъ презирать плоть, какъ скоропреходящую, прилежать о безсмертной душѣ? Гдѣ я найду такого возвышеннаго въ духѣ мужа? На землѣ, между живыми, трудно найти, хотя и есть конечно такіе мужи, но въ церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, въ небесной церкви,—многое множество такихъ людей, какъ звѣздъ на небѣ... Гдѣ я найду истинныхъ христіанъ, которые бы презирали все земное, какъ преходящее, и прилежали всѣми силами о угожденіи Богу, своему безсмертному Царю, о спасеніи душъ своихъ! Гдѣ я найду такого возвышеннаго мужа, который бы, какъ царь, или какъ нѣкій Богъ, презиралъ землю и все земное ради Бога (а не изъ презорства) и мужественно покорялъ своему уму или закону Божію всѣ страсти и пристрастія житейскія, который бы ревновалъ ревностью Божіею о спасеніи душъ братій своихъ, сочеловѣковъ, и заботился о ихъ просвѣщеніи, очищеніи, укрѣпленіи въ вѣрѣ и добродѣтели? Господи! воздвигни Ты такихъ свѣтильниковъ на свѣщницѣ міра сего, на свѣщницѣ церкви Твоей, да проповѣдуютъ они славу Твою, да ревнуютъ они о славѣ Твоей и о спасеніи людей Твоихъ. Господи! вся возможна тебѣ. Доколѣ будемъ отвращаться Тебя, Содѣтеля и Спасителя нашего? Якоже хощеши, Господи, устрой о насъ вещь!“

И не разъ о. Іоаннъ возвращается къ этой мысли. „Такъ-ли живетъ святое и избранное стадо, т. е. христіане православные?—говоритъ онъ. Вѣрою ли ходимъ, свято ли, воз-

держно ли живемъ, въ чаяніи ли второго пришествія Христова и страшнаго суда? Трепещемъ ли вѣчныхъ мукъ? Жаждемъ ли вѣчнаго блаженства? Не къ временной ли жизни прилѣпились? Люди обновленія! внемлите себѣ съ избыткомъ. Съ васъ очень много взыщется. Такъ ли живутъ имѣющіе надежду на воскресеніе и на жизнь будущаго вѣка? Такъ ли живутъ получившіе извѣщеніе и твердое удостовѣреніе отъ Начальника своей вѣры неложнаго, истиннаго въ истинѣ, и несомнѣнности будущихъ мукъ, вѣчныхъ мукъ? Какъ ничтожна земля и земная жизнь въ сравненіи съ небомъ, съ вѣчнымъ царствомъ Христовымъ: И мы такъ прилѣпляемся къ землѣ и такъ не радимъ о спасеніи души, о вѣчной жизни"?

„Братія мои! не всѣ ли мы скоро исчезнемъ съ лица земли и будемъ, какъ бы небывшіе? Гдѣ же дѣла любви? Гдѣ исполненіе заповѣдей творческихъ? Гдѣ духъ Христовъ въ насъ? Гдѣ незлобіе, гдѣ смиреніе, гдѣ любовь къ душамъ, гдѣ безпристрастіе къ временному? Гдѣ ревнованіе о духовныхъ благахъ? Суетные, глупѣйшіе мы люди! Исказили мы образъ душъ нашихъ, исказили жизнь свою, превратили, вверхъ дномъ поставили ее. Вмѣсто Христа діаволу угождаемъ". „Всѣ любимъ жизнь, хлопочемъ о счастливой жизни, а у самихъ жизнь тлѣетъ въ страстяхъ. Отчего? Оттого, что не тамъ, гдѣ нужно, ищемъ жизнь".

Каждый изъ насъ большею частію занятъ съ утра до вечера. Многіе не имѣютъ свободной минуты. Даже ночь, когда все покоится и спитъ, часто не даетъ такимъ людямъ покоя: Но что въ существѣ своемъ представляетъ собою наша жизнь? Что она такое, если ее разсматривать въ отвлеченіи отъ извѣстной среды, времени, вкусовъ и многихъ другихъ условныхъ соображеній? Что она такое сама въ себѣ? Что она предъ судомъ правды Божіей?

Весьма часто нельзя назвать дѣйствительною жизнію то, что мы такъ называемъ сейчасъ. Часто „жизнь наша—дѣтская, неизвинительная игра; мы забавляемся пищей и питіемъ, лакомясь—вмѣсто того, чтобы употреблять ее только вмѣсто необходимаго питанія тѣла и поддержанія тѣлесной жизни; мы забавляемся одеждами—вмѣсто того, чтобы прилично ими прикрывать свое тѣло для предохраненія его отъ вреднаго дѣйствія стихій: мы забавляемся сребромъ и

златомъ, любуясь ими въ сокровищницахъ или употребляя его на предметы роскоши и удовольствій вмѣсто того, чтобы употреблять его на нужды, а избытки раздѣлять нуждающимся; мы забавляемся своими жилищами и многоразличною въ нихъ утварью, богато и изысканно украшая ихъ, — вмѣсто того, чтобы имѣть только прочный и приличный кровъ, защищающій насъ отъ вреднаго дѣйствія стихій, и необходимыя и приличныя для домашняго употребленія вещи; мы забавляемся своими душевными дарованіями, умомъ, воображеніемъ, словомъ—употребляя ихъ только на служеніе грѣху и суетѣ міра сего, только на служеніе земному и тлѣнному, вмѣсто того, чтобы прежде и болѣе всего употреблять ихъ на служеніе Богу, на познаніе Его, Премудраго Творца всякой твари, на молитву, моленія, прошенія, благодареніе, славословіе и на оказаніе взаимной любви и почтенія и только отчасти на служеніе міру сему, имѣющему нѣкогда совершенно прейти; мы забавляемся своими познаніями о мірской суетѣ и губимъ на пріобрѣтеніе ихъ драгоцѣннѣйшее время, данное для приготовленія къ вѣчности; мы нерѣдко забавляемся своею должностью, своими обязанностями, легкомысленно, нерадиво, неправедно, исполняя ихъ и употребляя ихъ для своихъ земныхъ корыстныхъ видовъ; мы забавляемся хорошими лицами человѣческими или прекраснымъ и слабымъ поломъ и употребляемъ ихъ часто для игры страстей своихъ; мы забавляемся временемъ, которымъ надо пользоваться для искупленія имъ вѣчности, а не употребляя его на игры и разныя удовольствія; мы забавляемся, наконецъ, сами собой, дѣлая изъ себя какіе то кумиры, предъ которыми сами преклоняемся и для которыхъ ищемъ поклоненія другихъ. Кто достаточно опишетъ и оплачетъ наше окаянство, нашу великую, громадную суету, наше великое бѣдствіе, въ которое мы сами себя добровольно ввергаемъ? Какой отвѣтъ мы дадимъ безсмертному Царю—Христу Богу нашему, грядущему во славѣ Отца Своего судити живымъ и мертвымъ, объявить совѣты сердечные и принять отвѣтъ отъ насъ о всякомъ словѣ и дѣлѣ! О Горе, горе намъ, носящимъ на себѣ имя Христово, не имѣющимъ въ себѣ нимало духа Христова! Носящимъ на себѣ имя Христово, а не слѣдующимъ ученію Евангелія! Горе намъ, нерадящимъ о толицѣмъ спасеніи! Горе намъ,

не имѣющимъ христіанской вѣры, упованія и любви христіанской! Горе намъ, возлюбившимъ настоящій вѣкъ притворный, привременный, и нерадящимъ объ улученіи того вѣка, который слѣдуетъ за смертію тлѣннаго тѣла нашего, за этою плотскою завѣсой".

Каждый христіанинъ долженъ постоянно помнить, какъ превратенъ этотъ свѣтъ, которымъ онъ увлекается и утѣхамъ котораго онъ не видитъ конца.

Въ этомъ мірѣ все течетъ, все мѣняется. Настоящій міръ—какъ бы какой громадный калейдоскопъ, вращающійся съ поразительной быстротой. Человѣку здѣсь не на чемъ сосредоточить свое вниманіе навсегда. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на Божій міръ. „Тутъ веселіе, музыка,—здѣсь заупокойныя молитвы, пѣніе, плачъ о умершемъ; здѣсь богатство, роскошь, великолѣпіе,—тутъ голая бѣдность, недостатокъ во всемъ, въ приличной и достаточно согрѣвающей одеждѣ, тѣснота, отвратительная грязь, сырость. Здѣсь цвѣтущее здоровье, избытокъ силъ,—тутъ болѣзни, дряхлость, изнеможеніе; здѣсь просвѣщеніе, многознаніе,—тутъ невѣжество, мракъ; или: здѣсь съ свѣтскою образованностью высокое духовное просвѣщеніе и благочестіе, и въ этомъ соединеніи прекрасная и пріятная гармонія, красота духовная; здѣсь же свѣтское просвѣщеніе и при немъ безвѣріе, безнравственность — это духовное безобразіе, дисгармонія, диссонансъ, раздирающій душу; здѣсь успѣхъ во всѣхъ предпріятіяхъ, — тутъ безуспѣшность; здѣсь все легко достается: и деньги, и вѣсъ въ обществѣ, почести, отличія,—тутъ изо всѣхъ силъ бейся и ничего не достигнешь или только при огромныхъ усиліяхъ достигнешь немногаго. Кто разрѣшитъ это видимое противорѣчіе? Одинъ Богъ. Мы можемъ только гадать".

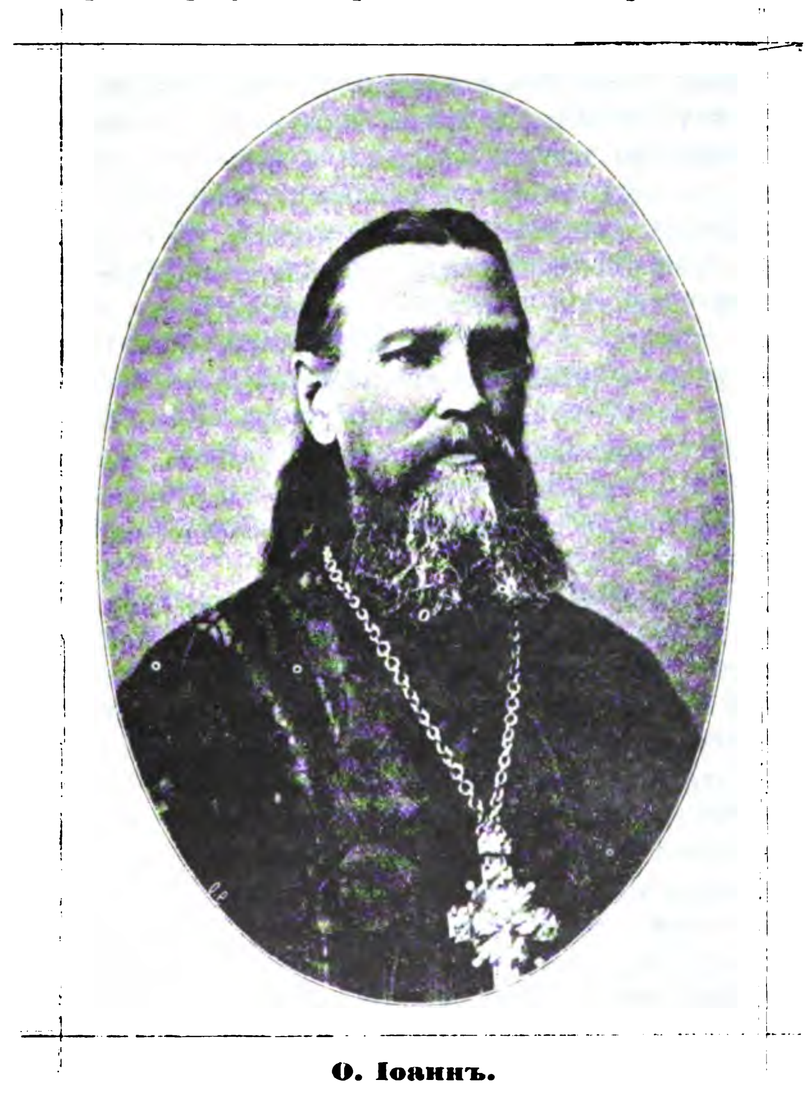
Въ мірѣ одно неизмѣнно, постоянно—это вѣчная, святая, небесная истина. Поэтому всѣ жизненные пути каждаго человѣка должны сосредоточиваться не на землѣ, а на небѣ. Пусть не увлекается человѣкъ богатствами, которыя многихъ влекутъ къ себѣ съ такою неудержимой силой. „Жадный, алчный скупецъ! Деньги ли, хлѣбъ ли тебѣ дали жизнь? Не Богъ ли? Не Слово ли Его дало бытіе и жизнь тебѣ и всѣмъ прочимъ тварямъ? Не Сынъ ли Божій носитъ всяческая глаголомъ силы Своея? Одними ли деньгами,

хлѣбомъ, водою и виномъ поддерживается жизнь твоя? Не о всякомъ ли глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, живъ бываетъ человѣкъ? Не прахъ ли деньги и хлѣбъ? Не всего ли меньше намъ нужно хлѣба для поддержанія жизни своей? Все Словомъ сотворено и Имъ держится. Слово—Источникъ жизни и храненіе ея". „Сребролюбецъ! къ чему приложишь ты любовь сердца своего, когда со смертію обладаніе и услажденіе деньгами твоими и разными сокровищами прекратится? Душѣ, существу духовному, тогда эти сокровища будутъ не нужны, они будутъ ей противны, какъ ядъ, ржа и тля, тлившія ее при жизни и удалившія ее отъ Бога, лишившія ее нетлѣннаго сокровища Бога". „Для чего мнѣ имѣніе? Для того, чтобы имъ существовать мнѣ и моему семейству и моимъ сродникамъ, чтобы подавать бѣднымъ; а не для того, чтобы его скоплять. Мѣрь щедро, чтобы щедро отмѣрилъ тебѣ Богъ по даянію твоему. Притомъ имѣніе или средства къ жизни—Божіи, а не наши, а Богъ Начальникъ живота: Онъ и заботится о поддержаніи нашей жизни чрезъ насъ самихъ и черезъ другихъ, или непосредственно. Сами себе и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ. Мы говоримъ: намъ нужно жить, а животъ нашъ—Богъ; значитъ и всѣ средства къ жизни Богъ подаетъ и подастъ".

Какое зло представляетъ собою наше пристрастіе къ деньгамъ! „Изъ-за пристрастія къ деньгамъ — человѣкъ, часто просящій нашей помощи, дѣлается непріятнымъ, противнымъ человѣкомъ, презираемымъ, ненавидимымъ ни за что ни про что, за свою лишь бѣдность и злополучную долю, за неимѣніе мѣста службы, или за разныя житейскія невзгоды и неудачи въ жизни. Потому надо съ корнемъ вырывать изъ сердца корыстолюбіе и сребролюбіе и быть нестяжательнымъ и щедрымъ".

Стяжанія лишь только окрадываютъ духовныя сокровища человѣка. „Черезъ какую трубочку діаволъ высасываетъ нашу любовь къ Богу и ближнему? Чрезъ пристрастіе къ богатству, къ пищѣ, питью, лакомству, одеждѣ, къ домамъ къ мебели, къ посудѣ богатой, къ книгамъ и т. п. Поэтому то богатство сладости, пищи и питія, богатство красоты одеждъ, домовъ, мебели, посуды должны быть у христіанина въ пренебреженіи. Первѣйшею его заботою въ жизни должно быть

угожденіе Богу и ближнему во благое къ созиданію. О, какъ мудръ долженъ быть христіанинъ въ жизни! Онъ долженъ подобиться многоочитому херувиму—быть весь окомъ, весь умомъ и размышленіемъ непрестаннымъ, кромѣ случаевъ, въ которыхъ требуется неразмышляющая вѣра".

О. Іоаннъ.

Не нужно христіанину увлекаться жизненными удобствами, въ нихъ полагать весь смыслъ своей жизни или ставить въ зависимость отъ нихъ успѣхъ своей дѣятельности. „Злополученъ, кто любитъ чрезъ мѣру всякія удобства въ жизни

и обставилъ себя всевозможными удобствами: онъ будетъ чуждаться всякаго неудобства, изнѣжится и не привыкнетъ къ терпѣнію, между тѣмъ жизнь христіанина вся есть неудобство, путь узкій и шероховатый, есть крестъ, требующій неудобствъ и великаго терпѣнія. Итакъ, не ищи, подвижникъ, со всѣми удобствами жилища и обстановки и не полюби удобствъ міра сего, а возлюби Христа — Крестоносца. Терпи неудобства, привыкай къ неудобствамъ. „Навыкохъ, въ нихъ же есмь, доволенъ быти"—говоритъ Апостолъ. Злополученъ, кто любитъ украшенія и ищетъ украшеній для тѣла своего: онъ не будетъ прилагать должнаго старанія объ украшеніи души своей: вѣрою, любовію, кротостію, смиреніемъ, правдою, терпѣніемъ; особенно злополученъ тотъ, кто ищетъ украшенія почестей: онъ сдѣлаетъ изъ себя постыдный кумиръ, и какъ Навуходоносоръ, будетъ надмеваться предъ неимѣющими его почестей и требовать себѣ поклоненія. Даже и мы, мужчины стали какъ женщины: домогаемся украшеній и, какъ идоловъ какихъ, украшаемъ сами себя, а о внутреннемъ благообразіи мало помышляемъ, даже совсѣмъ забросили внутреннюю храмину или скинію души своей".

Не нужно много заботиться и объ одеждѣ; нужно заботиться о другой болѣе цѣнной одеждѣ. „О нарядной, чистой одеждѣ тѣлесной всѣ хлопочемъ, стараемся всѣ принарядиться со вкусомъ и изяществомъ, а объ одеждѣ нетлѣнной, которая вся осквернена грѣхами и въ которой подобаетъ всѣмъ явиться къ Судіи-Богу, кто помышляетъ? Кто измываетъ ее слезами покаянія, дѣлами милосердія, украшаетъ постомъ, молитвою, бдѣніемъ, богомысліемъ?"

Христіанину нужно постоянно ограничивать себя въ употребленіи пищи и различныхъ напитковъ. „Злополученъ, кто пристрастенъ къ пищи и питію, ревнуетъ о насыщеніи и о наслажденіи: онъ на дѣлѣ увидитъ, когда приступитъ работать къ Господу, что пища и питіе, если мы прилагаемъ къ нимъ сердце, есть обуза тѣла, скорбь и крушеніе духа, и что человѣкъ весьма, весьма немногимъ и простымъ брашномъ можетъ быть насыщенъ". „Пищу и питіе надо употреблять только для укрѣпленія силъ своихъ, а не для лакомства, и не ѣсть, когда природа не требуетъ того. Многіе изъ насъ (и я первый), если не покаются и не исправятся,

будутъ осуждены за то, что не во время ѣли и пили и такимъ образомъ, при разумѣ, жили какъ неразумныя животныя, и омрачили свое неразумное сердце. Вы забавлялись часто пищею и питіемъ, часто ѣли и пили, когда вамъ не слѣдовало ѣсть и пить: „горе вамъ, насыщенные нынѣ, яко взалчете“. „На принятіе пищи обратите самое строгое и дѣятельное вниманіе, ибо отъ пищи и питья, отъ качества и количества ихъ, зависитъ весьма много ваша духовная, общественная и семейная дѣятельность. „Внимлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваши объяденіемъ и пьянствомъ“; а чай и кофе принадлежатъ тоже къ пьянству, если неблаговременно и въ излишествѣ употреблются. О, горе намъ, насыщеннымъ нынѣ и нерѣдко съ пренебреженіемъ взирающимъ на дары Божіи“! „Діаволъ чрезъ плоть нашу и вообще чрезъ вещественность дѣйствуетъ на насъ ко вреду нашему. Такъ чрезъ вино, чай, кофе, чрезъ лакомства, вообще чрезъ деньги, одежду и прочее разжигаетъ наши страсти. Потому надо крѣпко беречься пить много вина, чаю или кофе, или ѣсть лакомства, особенно безъ другой существенной, здоровой и крѣпкой пищи. Эти лакомства надо употреблять уже послѣ всего, въ самомъ умѣренномъ количествѣ“. И это вполнѣ справедливо. Нужно всегда стоять выше всякихъ слабостей и недостатковъ. „Сластолюбецъ, къ чему ты приложишь свою любовь по смерти своей, когда сластей у тебя не будетъ, а ихъ мѣсто займетъ горечь совершеннаго лишенія? Чѣмъ будетъ питаться нетлѣнная душа твоя?—Сласти ей несовмѣстны“.

Пусть никто не заботится много и о своемъ тѣлѣ. „Удивительная вещь: сколько мы ни хлопочемъ о своемъ здоровьѣ, какъ ни бережемъ себя, какихъ здоровыхъ и пріятныхъ кушаньевъ ни ѣдимъ, какихъ здоровыхъ напитковъ не пьемъ, сколько ни отгуливаемся на свѣжемъ воздухѣ, а все въ концѣ концовъ выходитъ то, что подвергаемся болѣзнямъ и тлѣнію. Святые же, презиравшіе плоть, умерщвлявшіе ее постояннымъ воздержаніемъ, лежаніемъ на голой землѣ, бдѣніемъ, трудами, молитвою непрестанною, обезсмертили и душу и плоть свою; наши тѣла, много питаемыя и сластопитаемыя, издаютъ смрадъ по смерти, а иногда и при жизни, а ихъ тѣла благоухаютъ и цвѣтутъ какъ при жизни, такъ и по смерти. Удивительное дѣло: мы, созидая, разру-

шаемъ свое тѣло, а они, разрушая созидали: мы, обливая его благоуханіями, не избѣгаемъ смрада его, а они, не заботясь о благоуханіи тѣла, а о томъ, чтобы душа была благоуханіемъ Бога,—облагоухали свои тѣла. Братія мои! Поймите задачу, цѣль своей жизни. Мы должны умерщвлять свое многострастное тѣло или страсти тѣлесныя". „Попирайте плоть, т. е. страсти ея. Съ грязью наровнѣ надо ставить всю ее и все плотское, нерадѣть о ней. Господи, Твоя сила: помоги! Когда все плотское сочтемъ за ничто, тогда Господь будетъ для насъ все; на развилинахъ въ сердцѣ земности воцарится Господь".

Не долженъ христіанинъ искать и домогаться всевозможныхъ почестей, отличій, земной славы. „Честолюбецъ величавый, искавшій отличій и почестей и любившій ихъ больше всего на свѣтѣ! къ чему приложишь ты любовь свою, когда смерть совлечетъ съ тебя всѣ отличія и покажетъ тебя во всей наготѣ и безобразіи? Что будетъ тогда пищею и жизнію нетлѣннаго духа, удалившагося отъ Бога ради суетныхъ почестей міра сего, боготворившаго себя, подобно идолопоклонникамъ?"

Пусть никто не увлекается и красотою. „Когда увидишь прекрасную дѣвицу или женщину, или прекраснаго юношу, немедленно вознесись къ верховной, святѣйшей Красотѣ, Виновницѣ всякой красоты земной и небесной. Прославь Бога за то, что онъ изъ земли дѣлаетъ такую красоту; подивись въ человѣкѣ красотѣ образа Божія, сіяющаго даже въ поврежденномъ нашемъ состояніи; вообрази, каковъ будетъ нашъ образъ въ состояніи нашего прославленія, если мы его удостоимся; вообрази, какова красота святыхъ Божіихъ, Ангеловъ, Божіей Матери, преукрашенной божественною славою; вообрази неизреченую доброту лица Божія, которое мы узримъ, и не прельщайся земною красотою, этою плотію и кровію. Сладостна похоть, но грѣховна, растлительна и противна Богу. Не прилѣпляйся сердцемъ къ дѣвической или женской красотѣ, а къ единому Господу Богу, создавшему всякую красоту Себе ради, и говори: мнѣ прилѣплятися Богови, единому Богу, благо есть, а не къ плотской красотѣ преходящей".

Ни къ чему во всей этой необъятной вселенной, полной безконечно разнообразной жизни, не долженъ имѣть при-

страстія христіанинъ. „Не имѣй пристрастія не только къ пищѣ и питію, къ одеждѣ, къ просторному и благоукрашенному жилищу, къ богатой утвари домашней, но и къ своему здоровью, даже къ своей жизни не имѣй ни малѣйшаго пристрастія, предавъ всю жизнь свою въ волю Господню, говоря: „мнѣ, еже жити—Христосъ, и еже умрети, пріобрѣтеніе есть“. Пристрастіе къ временной жизни, къ здоровью ведетъ ко многимъ уклоненіямъ отъ заповѣдей Божіихъ, къ потворству плоти, къ нарушенію постовъ, къ уклоненію отъ добросовѣстнаго исполненія обязанностей службы, унынію, нетерпѣнію, раздражительности“. „Все считай за соръ и гной—всякую сладость; ничего земнаго не люби“.

Христіанину нужно твердо помнить, что его пребываніе на землѣ не вѣчно. „Нынѣшнее состояніе на землѣ есть состояніе странствованія. Жилища наши какъ бы шатры (кущи, палатки) страническіе. Таковы были у евреевъ въ пустынѣ Аравійской шатры или становища со скиніей свидѣнія по срединѣ. Мы здѣсь странники, странствующіе къ небесному, вѣчному отечеству. А странники не связываются житейскими заботами на пути, но налегкѣ поспѣшаютъ къ отечеству, и мы не должны связываться житейскими заботами и страстями, ни къ чему не должны имѣть пристрастія“.

Современному человѣчеству, жадно стремящемуся къ возможно большему захвату внѣшнихъ преимуществъ, удовольствій, о. Іоаннъ совѣтуетъ обратить свое вниманіе совершенно на другую область бытія. Почему? Потому что наступитъ время, когда все это внѣшнее будетъ болѣе не нужно человѣку. „Эти руки, любящія брать дары, сложатся на груди и ничего не будутъ брать; эти ноги, любящія ходить на зло и не любящія стоять на молитвѣ, будутъ распростерты на вѣки, не пойдутъ уже болѣе никуда; эти глаза, любящіе и любившіе съ завистью смотрѣть на благополучіе ближняго, закроются, померкнетъ навсегда огонь ихъ, и ничто не прельститъ ихъ; слухъ, часто съ удовольствіемъ отверзавшійся для слышанія злословія и клеветы, помертвѣетъ и никакіе громы не будутъ слышны для него: одну трубу, воскрешающую мертвыхъ, услышитъ онъ, и тогда возстанетъ нетлѣнное тѣло наше или въ воскресеніе живота, или въ воскрешеніе суда. Что же въ насъ будетъ жить по смерти? Что должно составлять предметъ заботъ нашихъ при жизни? То, что

мы теперь называемъ сердцемъ, т. е. внутренній человѣкъ нашъ, душа наша; она должна быть предметомъ нашихъ попеченій. Сердце ваше очищайте всю жизнь вашу, чтобы оно было способно зрѣть Бога; о тѣлѣ же и его потребностяхъ заботьтесь столько, сколько нужно для поддержанія его здоровья, силъ, приличія. Все умретъ, все земля унесетъ съ собою. Старайтесь усовершить то, что въ васъ любитъ и что ненавидитъ, что покойно и что безпокойно, что радуется или печалится, т. е. сердце свое. или внутренняго человѣка".

Многіе изъ современныхъ христіанъ часто бываютъ жалкими рабами различныхъ своихъ страстей и похотей. Души многихъ обуреваются: злобой, гнѣвомъ, ненавистью, невоздержаніемъ, нечистотой, жестокосердіемъ, немилосердіемъ и другими тяжелыми духовными недугами и болѣзнями. Чистоты и святости жизни требуетъ о. Іоаннъ отъ всѣхъ христіанъ. Никого онъ не извиняетъ и не оправдываетъ въ данномъ случаѣ. „Какъ неприлична приглашенному на бракъ зловонная, нечистая одежда, такъ неприличны христіанину нечистыя и зловонныя страсти. Какъ выведутъ съ брачнаго пира человѣка въ раздранныхъ одеждахъ, такъ не будетъ мѣста на вѣчномъ, небесномъ пирѣ христіанамъ, не имѣющимъ брачной одежды. Въ самомъ дѣлѣ, какъ войдетъ въ царство небесное, да и на что тому царство небесное, кто всѣмъ сердцемъ преданъ любви земной, кто весь земной по своей жизни и дѣламъ, и не хочетъ даже помышлять о небесномъ своемъ предназначеніи, не соблюдаетъ заповѣдей Господнихъ, презирая церковь, отвергая ея руководство? Какъ наслѣдовать царство небесное тому, кто не научился царствовать надъ своими страстями?.... Если всякое земное званіе требуетъ предварительнаго упражненія и ознакомленія съ дѣлами его и качествъ, потребныхъ для достойнаго прохожденія его, а невѣжду и неспособнаго не удостоиваютъ того званія, которое не къ лицу ему,—ни по его знаніямъ и ни по его способностямъ,—то небеснаго ли званія—наслѣдника Божія и сонаслѣдника Христова удостоится христіанинъ, только носившій это чтимѣйшее званіе и незнакомый съ обязанностями его, не боровшійся съ грѣхомъ и не стяжавшій ни одной христіанской добродѣтели, всѣмъ сердцемъ преданный страстямъ?...

Ни взойдетъ въ царство небесное чревоугодникъ и пьяница.. Не взойдетъ въ царство небесное тотъ, кто всѣмъ сердцемъ прильнулъ къ нечистымъ удовольствіямъ, и кто сгораетъ огнемъ скотскихъ вожделѣній.. Не взойдетъ въ царство небесное человѣкъ съ жестокимъ сердцемъ, который съ надменностью взираетъ на убогихъ людей... Не взойдетъ никто нечистый. Скажи мнѣ, какъ взойдетъ на небо тотъ, кто всю жизнь работаетъ житейской суетѣ, кто ежедневно томится жгучею жаждой земныхъ удовольствій,—имъ отдалъ свое сердце, къ нимъ прилѣпился, — а къ благамъ духовнымъ, небеснымъ ни малѣйшаго вкуса не развилъ,—не говорю,— не укрѣпилъ, а даже и не развилъ, кто работалъ не Богу? Введите его, пожалуй, хоть для примѣра,—если бы только было позволено,—въ горнія селенія, ему тамъ будетъ скучно: потому что тамъ не то, что здѣсь, нѣтъ любимыхъ его предметовъ, нѣтъ земныхъ сокровищъ, которыми онъ лелѣялъ, ублажалъ свое сердце...

Итакъ, братія христіане, если мы чаемъ царства небеснаго, то намъ надо стяжать *небесные нравы*, должно *небесно* пожить на землѣ".

Какія чудныя строки можно встрѣчать у о. Іоанна также о томъ, что наши страсти и на землѣ-то собственно не даютъ намъ никакого счастія, наполняя нашу душу лишь томленіемъ и великою скорбію. Секунды мнимыхъ удовольствій и почти годы страданій и самаго напряженнаго труда, безсонныхъ ночей,—вотъ что онѣ намъ приносятъ. Стоитъ ли, и разумно ли даже пятнать и грязнить себя въ такомъ случаѣ?

„Истинный христіанинъ постоянно возноситъ умъ свой и сердце свое горѣ и питаетъ ихъ высокими помышленіями и чувствами: ибо на небѣ его сокровище, его блаженство, его сладость, его радости. Къ землѣ же и всѣмъ ея благамъ, какъ грубымъ, преходящимъ, временнымъ, онъ равнодушенъ. Его не привлекаетъ земная красота, сладость, слава, земное богатство, блескъ, роскошь, знатность, земныя радости и увеселенія. Все это ему, какъ страннику, чуждо".

Домъ каждаго христіанина, по мысли о. Іоанна, долженъ быть малымъ храмомъ, малою церковію. Слово Божіе должно непрерывно раздаваться здѣсь. Но не такъ живутъ современные христіане. Чтеніе св. книгъ у многихъ считается теперь признакомъ отсталости. „Гдѣ теперь чтеніе въ домахъ

богодухновенной Псалтири, внушающей такую великую вѣру въ Бога, такое крѣпкое упованіе на Бога въ напастяхъ, въ болѣзняхъ, въ бѣдахъ и скорбяхъ, такую пламенную любовь къ Богу? Гдѣ чтеніе богодухновенныхъ псалмовъ, которое было любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, не простыхъ только, но бояръ и самыхъ князей? Нѣтъ его: за то нѣтъ во многихъ вѣры, упованія христіанскаго и любви къ Богу и ближнему, а есть безвѣріе, отчаяніе, ненависть. Нѣтъ пламенной молитвы, нѣтъ чистоты нравовъ, нѣтъ духа сокрушенія о грѣхахъ и умиленія, нѣтъ правды, мира и радости въ Духѣ Святомъ. Большинство христіанъ проникнуты духомъ міра, духомъ журналовъ и газетъ и вообще свѣтскихъ писателей, кои сами проникнуты въ свою очередь духомъ языческимъ, а не христіанскимъ, духомъ отрицанія богодухновенности Св. Писанія и превозношенія самихъ себя, своего гордаго и напыщеннаго разума духомъ житейской суеты".

Домашнія бесѣды въ настоящее время не освящаются святыми разговорами. „Какъ много теряютъ люди въ домашней бесѣдѣ, для оживленія ея, чрезъ то, что не говорятъ о Богѣ. Какъ одушевлялся, плодился и разнообразился бы ихъ разговоръ. У вѣрующихъ тогда потекли бы рѣки отъ чрева ихъ спасительныхъ словъ. Сколько такіе разговоры доставили бы назиданія, успокоительности, истинной сладости. Между тѣмъ теперь, не говоря о Богѣ въ домашнихъ кружкахъ, а говоря о суетѣ мірской, скоро истощаются въ разговорѣ, скучаютъ и потомъ убиваютъ драгоцѣнное время въ глупыхъ играхъ или въ танцахъ. Врагъ рода человѣческаго подмѣтилъ эту слабость въ людяхъ заниматься суетными, житейскими разговорами и вообще проводить время въ суетныхъ забавахъ; онъ извлекъ и извлекаетъ для себя изъ этой слабости огромную выгоду: завелъ театры, цирки—истое осуществленіе суеты, истинное посмѣяніе надъ суетою людскою; и безумные между людьми, склонные къ суетѣ, къ лѣности и бездѣйствію, охотно посѣщаютъ эти театры, цирки, не находя для себя лучшаго занятія, которое бы доставляло спокойствіе и пріятность ихъ духу. Суета суетствій—всяческая суета! Бога бойся и заповѣди Его храни, да вѣсть сіе всякъ человѣкъ".

Ты проводишь время въ весельи и праздности, забывая,

что ты весь принадлежишь Богу. „Христіанинъ, ты—церковь Бога Живаго, храмъ Его, членъ Его, сынъ или дщерь Его, овца пажити Его, плоть и кость Его, рождіе Его—Лозы истинныя, Господа Іисуса Христа. Ходи же всегда въ живомъ сознаніи и чувствѣ присутствія Божія и Богоматери и какъ бы въ виду всего неба, всѣхъ святыхъ Ангеловъ и святыхъ человѣковъ, которые съ неба взираютъ на насъ, на всѣ входы и исходы наши, на всѣ помышленія, намѣренія, предпріятія и дѣла наши, и суть свидѣтели жизни нашей неподкупные".

Худо молятся христіане дома и въ храмѣ, о. Іоаннъ и здѣсь предлагаетъ свое слово вразумленія и увѣщанія. „Когда лѣниво будешь молиться, то вспомни для пробужденія и поощренія себя: чье у тебя дыханіе, чьи уста, чье зрѣніе? Чьи руки и ноги, чей умъ въ головѣ? Чье сердце, это чувствилище твое? Чья душа, чья сила, чей даръ здравія, чей даръ безсмертія и свободы дивной, стремящейся въ безконечность къ усовершенствованію и добру, къ истинѣ, къ безконечной красотѣ—къ Богу? И тогда вѣрно будешь молиться горячо, со слезами умиленія и благодаренія".

„Молитва есть величайшій, безцѣнный даръ Творца твари человѣку, который черезъ нее можетъ бесѣдовать съ Творцомъ своимъ, какъ чадо съ отцомъ, изливать предъ нимъ чувства удивленія, славословія и благодаренія. А многіе ли дорожатъ этимъ даромъ и спѣшатъ къ молитвѣ, славословію и благодаренію?"

Многіе изъ современныхъ христіанъ не бываютъ въ храмѣ Божіемъ не только въ будни, но и въ праздники, оправдывая себя всевозможными отговорками. Что же говоритъ имъ о. Іоаннъ? Не оправдываетъ онъ ихъ, и не замалчиваетъ ихъ грѣха. Вотъ его слово къ такимъ людямъ. „Ходите ежедневно въ церковь и слушайте чтеніе и пѣніе церковное... Какая мудрость, теплота, горячность, сила, чистота, правда Божія во всѣхъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ! Какое каменное сердце не смягчится отъ нихъ? Какой величайшій грѣшникъ не придетъ въ умиленіе, покаяніе? Какая нечистота грѣховная не очистится отъ такихъ покаянныхъ, мудрыхъ, пламенныхъ моленій? Грѣшники! притекайте чаще въ храмъ, какъ во врачебницу, уврачуетесь и спасетесь".

„А мы молимся нерѣдко дремлющими отъ житейскихъ

страстей сердцами, и говоримъ дреманія сердца своего, а не истинную, живую, горячую, молитву. Свѣчи и лампады напоминаютъ намъ о томъ, что мы должны молиться горячей душой, пламенной... На молитвѣ у каждаго должна быть своя живая мысль, свое теплое чувство... Молитва это минуты наивысшаго напряженія духовнаго человѣка, обнаруженія всѣхъ его самыхъ благородныхъ силъ и дарованій. Молитва не пустое дѣло, а великій и напряженный духовный трудъ, живое переживаніе всего совершеннаго имъ, безпристрастная оцѣнка его намѣреній и рѣшеній, освященіе будущихъ частныхъ предпріятій и всей вообще дѣятельности человѣка. Молитва—жизнь въ области высшаго добра, высшей правды и любви, высшей красоты. Молитва это пребываніе человѣка въ высшемъ общеніи съ небомъ и Богомъ. Человѣкъ во время молитвы озаренъ весь небеснымъ свѣтомъ. Вотъ почему молитва просвѣщаетъ, облагораживаетъ лицо человѣка молящагося и иногда дѣлаетъ его, какъ лицо Ангела".

XVII.

Современное человѣчество часто весьма руководится ветхозавѣтными взглядами, устанавливая взаимныя отношенія людей другъ къ другу. Ветхозавѣтная заповѣдь „око за око" въ практической обыденной жизни является и теперь еще нерѣдко заповѣдью многихъ. А о. Іоаннъ настойчиво проповѣдуетъ современному міру высочайшее ученіе Христа, не смягчая его никакими извиняющими обстоятельствами и соображеніями. Онъ не покровительствуетъ нашей *теплохладности*. Устами великаго Тайнозрителя Кронштадтскій пастырь говоритъ, что христіанинъ не долженъ быть „ни холоденъ, ни горячъ", но „холоденъ или горячъ" (Апок. 3, 15). Тебя обижаютъ? Но ты не обижайся. „На злаго, гордаго, заносчиваго человѣка смотри, какъ на вѣтеръ, и не обижайся его злобою и гордостію, заносчивостію, но будь самъ въ себѣ покоенъ. Врагъ намѣренно раздражаетъ тебя, раздувая страсти человѣческія, или возбуждая въ сердцѣ твоемъ разныя подозрѣнія злого свойства и мечты воображаемыя, воображенія". „Весьма часто мгла духа злобы окружаетъ наше сердце и не даетъ намъ мирно говорить съ нашими ближ-

ними, которые разъ или нѣсколько разъ обидѣли или высказали свое къ намъ недоброжелательство. Надо молить усердно Бога, чтобы Онъ разогналъ эту мглу злобы и наполнилъ сердце наше благости и любви даже и къ врагамъ нашимъ".

О. Іоаннъ.

Предъ тобою превозносятся? Ты не превозносись. „Не огорчайся на людей, выражающихъ свою гордость и спесь, или злобу, изнѣженность и нетерпѣніе въ отношеніи къ тебѣ или

другимъ, но вспомнивъ, что и самъ ты подверженъ тѣмъ же и большимъ грѣхамъ и страстямъ, помолись за нихъ и кротко обойдись съ ними". Тебя осыпаютъ ругательствами? Не отвѣчай тѣмъ же виновнымъ противъ тебя. „Страсть горяча, смутна, необдуманна, зла, стремительна, и потому человѣкъ въ страсти, напр. въ гнѣвѣ, говоритъ много необдуманнаго, невѣрнаго, вымышленнаго, злаго, чего не сказалъ бы въ состояніи спокойномъ. Поэтому, зная самъ по опыту такое спокойство страстей, извиняй горячихъ и раздражительныхъ людей, когда они сыплютъ ругательствами и укоризнами несправедливыми или справедливыми".

Тебя смущаютъ недостатки ближняго твоего? Но ты не смущайся. „Ты озлобляешься на ближняго, презираешь его, говорить съ нимъ мирно и любовно не хочешь за то, что онъ имѣетъ нѣчто грубое, отрывистое, небрежное, непріятное тебѣ въ своемъ характерѣ, въ своей рѣчи, въ своихъ манерахъ,—за то, что онъ сознаетъ свое достоинство, быть можетъ, и больше надлежащаго, или что онъ нѣсколько гордъ и непочтителенъ. Но ты виновнѣе его, врачъ и учитель ближняго: врачу, исцѣлися самъ; врачъ, учитель, научись самъ. Злоба твоя есть горшее зло всякаго зла; злобою развѣ можно исправлять зло? Имѣя бревно, развѣ можно вынимать у другихъ спицу? Зло, недостатки исправляются добромъ, любовію, ласкою, смиреніемъ, кротостью, терпѣніемъ. Признавай себя первымъ изъ грѣшниковъ, которые тебѣ кажутся грѣшниками, или на самомъ дѣлѣ грѣшники; считай себя хуже и ниже всѣхъ; исторгни изъ сердца всякую гордость и злобу на ближняго, нетерпѣніе и ярость, и тогда врачуй другихъ. А то покрывай снисходительною любовію грѣхи другихъ. Аще всѣ беззаконія назриши въ ближнемъ, что будетъ? Вѣчная вражда и нестроеніе, ибо кто безъ грѣха? За то и повелѣно намъ оставлять долги должникамъ нашимъ".

Когда видишь въ ближнемъ недостатки и страсти, молись о немъ; молись о каждомъ, даже о врагѣ своемъ. „Если видишь брата гордаго и строптиваго, горделиво съ тобой или съ другими обращающагося, молись о немъ, чтобы Богъ просвѣтилъ его умъ и согрѣлъ его сердце огнемъ благодати Своей, говори: Господи, научи раба Твоего, въ діавольскую гордость впадшаго, кротости и смиренію и от-

жени отъ сердца его мракъ и бремя сатанинской гордости, гордыни! Если видишь злобнаго, молись: Господи, блага сотвори раба твоего сего благодатію Твоею! Если—сребролюбиваго и жаднаго, говори: Сокровище наше нетлѣнное и богатство неистощимое, даруй рабу Твоему сему, сотворенному по образу и подобію Твоему, познать лесть богатства, и яко вся земная суета, сѣнь и соніе. Яко трава дни всякаго человѣка, или яко паутина, и яко ты единъ богатство, покой и радость наша. Когда видишь завистливаго, молись: Господи, просвѣти умъ и сердце раба Твоего сего къ познанію великихъ, безчисленныхъ и неизслѣдимыхъ даровъ Твоихъ, „ихже пріятъ отъ неисчетныхъ щедротъ Твоихъ, во ослѣпленіи бо страсти своея забы Тебе и дары Твои богатые, и нища себе быти вмѣни, богатъ сый благами Твоими, и сего ради зритъ прелестнѣ на благая рабовъ Твоихъ". Отыми, Всеблагій Владыко, покрывало діавола отъ очію сердца раба Твоего, даруй ему сердечное сокрушеніе и слезы покаянія и благодаренія, да не возрадуется врагъ о немъ, заживо уловленномъ отъ него въ свою его волю, и да отторгнетъ его отъ руки Твоея. Когда видишь пьянаго, говори сердцемъ: Господи, призри милостиво на раба Твоего, прельщеннаго лестью чрева и плотскаго веселія, даруй ему познати сладость воздержанія и поста и проистекающихъ отъ него плодовъ духа. Когда видишь страстнаго къ брашнамъ, и блаженство свое въ нихъ полагающаго, говори: Господи, Сладчайшее Брашно наше, никогда же гиблющее, но пребывающее въ животъ вѣчный, очисти раба Твоего сего отъ скверны чревобъяденія, всего плоть сотворившагося и чуждаго Духа Твоего, и даруй ему познати сладость Твоего Животворящаго духовнаго брашна, еже есть Плоть и Кровь Твоя и святое, живое и дѣйственное слово Твое. Такъ или подобнымъ образомъ молись о всѣхъ согрѣщающихъ и не дерзай никого презирать за грѣхъ его, или мстить ему, ибо этимъ увеличились бы только язвы согрѣшающихъ. Исправляй совѣтами, угрозами и наказаніями, которые бы служили средствомъ къ прекращенію или удержанію зла въ границахъ умѣренности".

И не только нужно молиться за согрѣшающихъ, но и любить ихъ отъ всего сердца. „Ближняго надо еще болѣе любить тогда, когда онъ согрѣшаетъ противъ Бога или про-

тивъ насъ, ибо онъ тогда боленъ, тогда онъ въ бѣдѣ душевной, въ опасности, тогда то и надо помилосердствовать и помолиться о немъ и приложить къ сердцу цѣлительный бальзамъ, пластырь — слово ласки, вразумленія, обличенія, утѣшенія, прощенія, любви. Всѣ грѣхи и страсти, брани и свары суть истинно болѣзни душевныя, — такъ и надо смотрѣть на нихъ. Или всѣ страсти — пожаръ души, великій огонь, свирѣпѣющій внутри, огонь, выходящій изъ адской бездны. Его надо тушить водою любви, которая сильна потушить всякій адскій пламень злобы и другихъ страстей. Но горе и бѣда намъ, нашему самолюбію, когда мы будемъ увеличивать этотъ пламень новымъ адскимъ пламенемъ, своею собственною злобою и раздражительностью, и будемъ такимъ образомъ помощниками духамъ злобы, усиливающимся во всякое время производить всякое душевное запаленіе въ людяхъ посредствомъ многоразличныхъ страстей. Мы сами себѣ снискиваемъ геенскій огонь, и если не раскаемся и не будемъ впредь мудры на добро и просты на зло, то осудимся вмѣстѣ съ діаволомъ и аггелами его на мученіе въ езерѣ огненномъ. Итакъ, не позволимъ побѣждать себя злу, но будемъ побѣждать благимъ злое. Окаянные мы человѣки, какъ мы доселѣ не научились считать всякій грѣхъ великою бѣдою нашей души и сострадать душевно, искренно, съ любовію впадающимъ въ такую бѣду! Для чего не бѣжимъ отъ него, какъ отъ яда, какъ отъ змѣи, для чего коснѣемъ въ немъ? Для чего мы и себя не жалѣемъ, когда подвергаемся какому-либо грѣху? Для чего не плачемъ предъ Господомъ сотворившимъ насъ"?

Часто мы жалѣемъ пожертвовать самымъ малымъ изъ нашихъ стяжаній въ пользу того или другого бѣдняка. Бросивъ злополучному несчастливцу нѣсколько грошей, мы считаемъ по отношенію къ нему свой долгъ совершенно исполненнымъ. Иногда мы благотворимъ, болѣе услаждая и веселя себя. „Ты полною мѣрою вкушаешь блага земныя, подаешь нуждающимся, но себя ласкаешь больше, значитъ дѣлаешь добрыя дѣла безъ малѣйшаго самоотверженія. Не велики дѣла твоихъ благотвореній. А то что еще есть? Какія благотворенія мнимыя? Съ благотворительною цѣлію дѣлаютъ увеселенія, т. е. прежде всего хотятъ намѣренно послужить плоти своей грѣховной, діаволу, а потомъ уже

ближнему и Богу. Да это, господа, вовсе не благотвореніе! Одно только имя благотворенія носитъ". Мы должны поступать въ данномъ случаѣ совершенно иначе. „Богъ Сына Своего Единороднаго не пощадилъ для человѣка,—чего же послѣ этого мы пожалѣемъ для ближняго: пищи ли, питія ли, одежды ли для его одѣянія, денегъ ли на его различныя нужды"? „Каждый день просятъ у тебя милостыни, и давай каждый день охотно, безъ озлобленія, грубости и ропота: ты не свое, а Божіе даешь Божіимъ чадамъ крестоноснымъ, едва имѣющимъ гдѣ главу подклонить; ты приставникъ Божія достоянія, ты слуга вседневный меньшей братіи Христовой, исполняй же дѣло свое съ кротостью и смиреніемъ, не скучай имъ. Просто безъ большихъ трудовъ приходятъ тебѣ деньги; просто, не думая много, и раздавай ихъ. Щедро вознаграждаются труды твои,—будь щедръ къ другимъ самъ. Не по заслугамъ вознаграждаются, — не по заслугамъ и другимъ давай, а ради ихъ нужды". „Какое безконечное ничтожество представляетъ пища и питіе съ одной стороны, и какое безконечное величіе представляетъ изъ себя питаемый ими человѣкъ, — съ другой! Не величайшее ли безуміе, не безбожіе ли жалѣть для человѣка, для этого образа Божія, для этого причастника божественнаго естества, для котораго Богъ будетъ все—жалѣть пищи, питія, одежды, жилища и чего бы то ни было земного! Прахъ да будетъ прахомъ,—безсмертный образъ безсмертнаго Бога да будетъ всегда превознесенъ и предпочтенъ надъ всѣмъ земнымъ, тлѣннымъ, скорогибнущимъ! Поэтому да не щадимъ ничего для нашего ближняго! О, какая великая честь—питать, одѣвать, упокоять образъ Божій. Боже Преблагій и Прещедрый, исполни благости и щедролюбія сердца наши?" Не смотри со скорбію или негодованіемъ на бѣдняковъ, что они ежедневно преслѣдуютъ тебя. „Нищіе ежедневно преслѣдуютъ тебя; это значитъ — милость Божія непрестанно преслѣдуетъ тебя. Кто же будетъ убѣгать отъ милости Божіей?"

Вотъ общій завѣтъ о. Іоанна о томъ, какъ мы должны относиться къ своимъ ближнимъ. „Христіанинъ, помни постоянно, что мы всѣ члены Христовы, всѣ равны предъ Богомъ; царь и воинъ, богатый и бѣдный, вельможа и простолюдинъ. Надо всегда сознавать себя и людей, какъ одно-

тѣло со множествомъ членовъ". Стоя на этой точкѣ зрѣнія, каждый христіанинъ легко можетъ опредѣлить, какъ ему относиться къ тому или другому своему брату, въ тотъ или другой моментъ его жизни и настроенія. Правда, мы немощны и многаго часто не можемъ сдѣлать. Но пусть каждый борется съ собою. „По возможности, ко всѣмъ надо относиться съ любовію, предупредительностью, готовностью къ услугамъ въ случаѣ надобности, съ чувствомъ соболѣзнованія, сострадательности или сорадованія, и не угождать своему самолюбію, не служить своей лѣности, корыстолюбію и самолюбію. Апостолъ говоритъ: *Въ почтительности другъ друга предупреждайте, честію другъ друга больше себе творяще. Должни есмы мы сильніи немощи слабыхъ носити, и не себе угождати*".

Въ частности о. Іоаннъ для распознаванія себя и своихъ отношеній къ ближнему даетъ слѣдующій весьма мудрый совѣтъ.

„Хотите узнать себя, — каковы вы нравственно, каково ваше сердце: угодно или противно Богу, чистое или поросшее терніемъ и бурьяномъ, жизненно или мертво, — наблюдайте за собою, съ какимъ духомъ вы встрѣчаетесь съ вашими сослуживцами, особенно вамъ подручными или вамъ подчиненными,—или съ протягивающей къ вамъ постоянно руку своей нищетой, или съ лицами, просящими вашего заступленія, ходатайства, вашей службы, требы духовной, различной помощи: съ кротостью ли и любовію, съ готовностію ли и усердіемъ, съ сочувствіемъ или совершено равнодушно и холодно, или даже съ гнѣвомъ и презорствомъ? И вы сейчасъ узнаете свое сердечное состояніе: угодно ли оно Богу или противно, христіанинъ вы или низкій самолюбецъ, эгоистъ, поклонникъ своего я—своего чрева, корысти, самости, и чего вы достойны: награды или ада, тьмы кромѣшной и тартара, гдѣ вѣчный скрежетъ зубовъ?...

Бывающія съ нами искушенія, столкновенія съ людьми въ различныхъ обстоятельствахъ житейскихъ показываютъ крайнюю несостоятельность нашей души, ея низкій уровень духовной жизни... Иногда мы негодуемъ непріязнію, озлобленіемъ или завистью къ человѣку, намъ подчиненному, но почему либо лучшему насъ во время самаго исполненія имъ дѣла своего, исполненія правильнаго искуснаго, негодуемъ

только потому, что онъ лучше насъ дѣлаетъ это дѣло, или вообще хорошо. Это уже отъ зависти и низости нашей души самолюбивой и тщеславной"...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто, оставаясь наединѣ сами съ собой, мы готовы обнять весь міръ въ своихъ объятіяхъ. Самые злѣйшіе наши враги кажутся тогда намъ нашими друзьями. О, мы сильны въ это время: нѣтъ на землѣ никого, кому бы мы не были въ состояніи подать свою руку и послужить даже до смерти. Но вотъ мы перешли отъ золотыхъ грезъ къ дѣйствительности и оказываемся людьми, полными безсилія, жалкими, бѣдными. Мы не только не можемъ по христіански посмотрѣть на своего врага, а даже часто и на того, кто больше насъ успѣваетъ въ жизни и по своимъ заслугамъ пользуется большимъ почетомъ сравнительно съ нами. Какъ часто наше сердце наполняется внутреннею тайною радостью, когда мы видимъ своего сослуживца, не говорю даже врага, падающимъ... Какъ мы часто невнимательны къ людямъ, находящимся въ самомъ безъисходномъ, плачевномъ состояніи. Гдѣ наши одушевленныя думы и золотыя рѣчи о служеніи ближнему?

Итакъ, братъ христіанинъ, если хочешь провѣрить себя, на какомъ пути ты стоишь въ своихъ отношеніяхъ къ ближнему, вспомни слова о. Іоанна и повѣрь ими себя. Тогда ты получишь самый точный и опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Жизнь посѣщаетъ человѣка нерѣдко самыми тяжелыми невзгодами и испытаніями. Добрый трудъ не увѣнчивается благими плодами. Иногда дни и ночи непрерывнаго напряженія не даютъ человѣку ничего. Самоотверженіе приводитъ еще къ большему испытанію. Какъ бы само небо отступаетъ отъ нѣкоторыхъ людей, не внемля ихъ непрерывнымъ мольбамъ. О. Іоаннъ не проповѣдуетъ возстанія въ томъ или другомъ видѣ тамъ, гдѣ его другіе не только бы проповѣдывали, но и старались бы всячески организовать. Непоколебимое терпѣніе во всемъ—вотъ его постоянная заповѣдь. „Ты боленъ, и болѣзнь твоя очень мучительна; ты упалъ духомъ, унылъ; мысли одна другой мрачнѣй обуреваютъ тебя; твое сердце и твои уста готовы къ ропоту, хулѣ на Бога. Братъ мой, прими отъ меня искренній совѣтъ: терпи великодушно свою болѣзнь и не только не унывай,

напротивъ, если можешь, радуйся своей болѣзни. Чему же радоваться, спросишь, когда ломаетъ вдоль и поперекъ? Радуйся тому, что Господь взыскалъ тебя временнымъ наказаніемъ, да очиститъ душу твою отъ грѣховъ, „его же бо любитъ Господь, наказуетъ“. Радуйся о томъ, что ты теперь не удовлетворяешь тѣмъ страстямъ, которымъ удовлетворялъ бы, будучи здоровымъ; радуйся, что несешь крестъ болѣзни и, значитъ, идешь узкимъ и скорбнымъ путемъ, ведущимъ къ царствію. Болѣзни на наши глаза представляютъ изъ себя одно только болѣзненное, непріятное, ужасное: рѣдко кому изъ насъ во время болѣзни представляется польза, которую приноситъ душѣ нашей болѣзнь; но у премудраго и всеблагаго Промыслителя Бога ни одна болѣзнь не остается безъ пользы для души нашей. Болѣзни въ рукахъ Промысла то же, что горькія лѣкарства для души нашей, исцѣляющія страсти, худыя привычки и наклонности. Не возвратится тоща ни одна болѣзнь, посланная на насъ“. „Любовь христіанская предпочитаетъ лучше терпѣть всѣ внѣшнія неудобства жизни, тѣсноту, отсутствіе чистаго воздуха, нежели изъ-за внѣшнихъ этихъ и подобныхъ неудобствъ допускать нетерпѣніе, огорченіе, раздраженіе, озлобленіе, ропотъ на стѣсняющихъ насъ по нуждѣ или по капризу характера, или по желанію пожить на чужой счетъ, на чужое спокойствіе. Любовь все терпитъ и переноситъ съ ущербомъ для себя, для своей матеріальной и тѣлесной жизни: ибо гдѣ любовь, тамъ и благодать Божія и всякое добро, тамъ спокойствіе, тамъ довольство. Христіанинъ претерпѣваетъ все, только бы не лишиться благодати Божіей, которая для него величайшее изъ благъ“.

Словомъ, „всякій изъ насъ обязанъ привести себя въ такое состояніе, чтобы духъ нашъ ничѣмъ не возмущался. Надобно быть, подобно мертвому или совершенно глухому и слѣпому, при всѣхъ скорбяхъ, клеветахъ, поношеніяхъ, лишеніяхъ, которыя неминуемо бываютъ со всѣми желающими идти по спасительнымъ стезямъ Христовымъ“.

XVIII.

Мы гордимся быстрымъ развитіемъ у насъ прессы и журналистики. Не безъ удовольствія отмѣчаютъ это явленіе въ

нашей общественной жизни и на Западѣ. Но о. Іоаннъ въ значительной степени умѣряетъ и эти наши искренніе и чисто духовные восторги. Онъ съ грустію и скорбію отмѣчаетъ, что современная пресса часто является носительницей и выразительницей ложнаго знанія и ученія. „Во многихъ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ, которыхъ число умножилось до крайности, дышетъ духъ земной, нерѣдко богопротивный, между тѣмъ какъ христіанинъ есть ґражданинъ не только земли, но и неба и долженъ мудрствовать и о небесномъ. Языческая древняя письменность была, кажется, нерѣдко лучше и чище (Цицеронъ), возвышеннѣе по своему началу и побужденію, чѣмъ письменность иная народовъ христіанскихъ. Ѵпостасное Слово Отчее, Господа нашего Іисуса Христа, непрестанно и крѣпко оскорбляютъ христіанскіе народы, которые должны были бы быть по преимуществу словесными, т. е. богоподобными существами, въ устномъ и печатномъ словѣ, которое тратится во множествѣ попусту и даже къ соблазну христіанъ, свѣтскою письменностью отвлекаемыхъ отъ чтенія слова Божія и писаній св. отцовъ. Въ преумноженіи льстивыхъ словесъ уловляютъ и обольщаютъ редакторы и издатели журналовъ и газетъ словесное стадо Христово. О Слове Божій! Какой отвѣтъ мы дадимъ на страшномъ судѣ Твоемъ“! „Вотъ свѣтскій сочинитель, журналистъ - фельетонистъ. Пишутъ, пишутъ, пишутъ... чего-чего не напишутъ въ продолженіе своей литературной или беллетристической дѣятельности? А о Богѣ, а о Спасителѣ Іисусѣ Христѣ, а о Церкви, о Богослуженіи, о праздникахъ христіанскихъ, о воскресеніи плоти нашей, о судѣ, о загробной жизни—хоть бы вспомянули. Не наша, говорятъ, область, не наше дѣло. Мы отъ міра есмы и отъ міра глаголемъ: и потому міръ насъ слушаетъ; а станешь говорить о Богѣ, пожалуй, и читать насъ не станутъ. Такимъ образомъ свѣтская литература совершенно чужда христіанскаго духа, она даже стыдится духа христіанства“.

Современные христіане мало читаютъ духовныхъ книгъ, нерѣдко оправдывая себя, повидимому, неопровержимыми соображеніями. Говорятъ: „читаешь свѣтскій журналъ или газету; легко и пріятно читается, легко всему вѣрится. Но возьмешь читать духовный журналъ или книгу, особенно церковную, или начнешь читать молитвы,—станетъ тяжело

на сердцѣ, и сомнѣніе будетъ тебя мучить, и невѣріе, и какое то омраченіе, и отвращеніе. Многіе въ этомъ признаются“.

„Всѣ мы желаемъ и домогаемся многаго въ жизни въ различныхъ состояніяхъ и отношеніяхъ, о многомъ хлопочемъ, заботимся, суетимся и часто—только золотое время теряемъ, нужное для необходимыхъ дѣлъ, для душевнаго спасенія. Наприм., читаемъ всякіе журналы, газеты, книги, различнаго, иногда даже довольно сомнительнаго содержанія, а между тѣмъ единственной на потребу книги книгъ—Евангелія—не читаемъ, всей Библіи—тоже, твореній св. отцевъ—тоже, богослужебныхъ книгъ—тоже“.

„Ты читаешь романы, газеты, и въ нихъ прочитываешь немало пустыхъ рѣчей. Съ Богомъ ли ты бываешь въ это время или нѣтъ? Конечно, не съ Богомъ, ибо Богъ не бываетъ въ суетѣ земной; значитъ ты противъ Бога, а это грѣхъ. Собираешь ли ты благодать Божію, читая пустое разглагольствіе въ книгахъ легкаго чтенія? Нѣтъ, ты расточаешь благодать, которую ты пріобрѣлъ, если только пріобрѣлъ въ молитвѣ, въ богомысліи, или въ чтеніи слова Божія и книгъ душеспасительныхъ, или въ благочестивой бесѣдѣ, или въ добрыхъ дѣлахъ“.

Современная наука, по мнѣнію о. Іоанна, также далеко не всегда является выразительницею высокихъ идеаловъ христіанскихъ. „Есть слѣпота духовная, слѣпота добровольная; она особенно царитъ въ нашъ высокопросвѣщенный вѣкъ, вѣкъ цивилизаціи и прогресса. Этой духовной слѣпотой болятъ: и простой народъ, погруженный въ мракъ и бездну раскола, закрывшій очи, чтобы не видѣть, и уши, чтобы не слышать истины, и въ особенности люди ученые, даже высокоученые, по мнѣнію свѣта, и люди богатые, ослѣпляемые собственными порочными наклонностями. Они, эти ученые, на мѣсто вѣры и Церкви поставили разумъ, столь близорукій, омраченный страстями. Они вѣрятъ во всезнаніе и всемогущество человѣческаго разума, вѣрятъ безпрекословно въ его изысканія, хотя часто ошибочныя, но не вѣрятъ слову Божію, отвергаютъ очевидныя истины: безсмертіе человѣческой души и т. д. Они считаютъ ненужною Церковь съ ея божественными—ученіемъ, богослуженіемъ, таинствами, священноначаліемъ... Иногда очевидную историческую истину, принятую Церко-

вію, выворачиваютъ на изнанку и говорятъ вопреки Церкви и самой исторіи. Избави всякаго христіанина отъ такой слѣпоты. Такой слѣпотѣ часто нѣтъ исцѣленія, потому что ученые слѣпцы часто бываютъ заражены неисцѣлимою гордостью, недопускающею, чтобы кто-либо правильнѣе ихъ могъ говорить о томъ, что они утверждаютъ. О, если бы эти ученые пришли къ смиренному убѣжденію, къ которому пришелъ одинъ древній мудрецъ, сказавшій о себѣ: я знаю лишь то, что ничего не знаю". „У христіанъ и науки и литература стали все почти только земныя,—Евангеліе и законъ Божій пренебрегаютъ, житія святыхъ осмѣиваютъ. Вообще у всѣхъ какая-то лихорадочная, земная дѣятельность,—объ угожденіи Богу и о спасеніи души никто почти не думаетъ. Жалкое состояніе". „Современное ложное просвѣщеніе удаляетъ отъ истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, а не приближаетъ къ нему. А безъ Христа суетно все образованіе. Апостолъ говоритъ: „не по своихъ ли похотѣхъ изберутъ себѣ учители чешеми слухомъ". Не это ли дѣлаютъ нынѣ свѣтскіе люди и даже многіе духовные? Не сами ли себѣ они избрали учителей, ласкающихъ ихъ слухъ? Учатся не у единаго Учителя-Христа, изъ Евангелія Его, а у свѣтскихъ журналистовъ, фельетонистовъ, романистовъ, поэтовъ, актеровъ и говорятъ: ахъ, какъ все это занимательно, какъ все это нравоучительно, и если не на словахъ, то на дѣлѣ говорятъ: намъ не надо ни Евангелія, ни Церкви съ ея богослуженіемъ, таинствами и проповѣданіемъ слова Божія. У насъ такіе хорошіе, пренравственные учителя! Господи Іисусе! до чего мы дожили? Отвергли словеса Твои вспять".

У насъ много всякихъ наукъ, но нѣтъ одной науки, которая называется наукою наукъ. А безъ нея — ничто всѣ наши науки. Это наука воспитанія человѣка въ гражданина неба и земли. „Наука наукъ — побѣждать грѣхъ, въ насъ живущій, или дѣйствующія въ насъ страсти; напр., великая мудрость—ни на кого и ни за что не сердиться, ни о комъ не мыслить зла, хотя бы кто и причинилъ намъ зло, а всѣми мѣрами извинять его; мудрость--презирать корысть, сласти, а любить нестяжаніе и простоту въ пищѣ и питьѣ съ всегдашнею умѣренностью; мудрость — никому не льстить, но всякому говорить правду безбоязненно; мудрость—не прель-

щаться красотою лица, но уважать во всякомъ красивомъ и некрасивомъ человѣкѣ красоту образа Божія, одинако-

О. Іоаннъ.

ваго у всѣхъ; мудрость—любить враговъ и не мстить имъ ни словомъ, ни мыслію, ни дѣломъ; мудрость—не собирать себѣ богатства, но подавать милостыню бѣднымъ, да стяжемъ себѣ сокровище неоскудѣваемое на небесахъ. Увы, мы едва не всякую науку изучили, а науку наукъ, науку удаляться

отъ грѣха вовсе не учили и оказываемся часто совершенно невѣждами въ этой нравственной наукѣ. И выходитъ, что истинно мудрые, истинно ученые были святые, истинные ученики истиннаго Учителя-Христа, а мы всѣ, такъ называемые ученые,—невѣжды, и чѣмъ ученѣйшіе, тѣмъ горшіе невѣжды, потому что не знаемъ и не дѣлаемъ единаго на потребу, а работаемъ самолюбію, славолюбію, корысти".

Выходя изъ этихъ общихъ соображеній, о. Іоаннъ даетъ глубокій урокъ современнымъ педагогамъ, гордымъ своими внѣшними знаніями. „Вотъ вамъ полезное замѣчаніе, всѣ современные педагоги! Наукъ то у насъ много, а въ сердцѣ мало, мало, а часто—увы,—нѣтъ ничего. Жизнь то не соотвѣтствуетъ образованію и наукѣ. Но „аще вѣмъ вся тайны и весь разумъ, любве же не имамъ, никая ми польза есть". Обращаясь однажды съ словомъ назиданія къ дѣтямъ, о. Іоаннъ говорилъ имъ слѣдующее:

— Вы учитесь, дѣти, языкамъ — русскому, французскому, нѣмецкому, латинскому: дѣло хорошее; но смотрите, больше учитесь языку любви, самому живому, выразительному, сильному языку. Безъ него—знаніе языковъ не принесетъ существенной пользы. Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій. Въ чемъ же оказывается любовь? А вотъ въ чемъ: любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ. Итакъ, дѣти любезныя, съ науками внѣшними старайтесь успѣвать наиболѣе въ этой внутренней, сердечной наукѣ — въ наукѣ любви, вѣры, молитвы, кротости, смиреніи, обходительности и ласковости, терпѣнія, послушанія, теплоты и цѣломудрія, милосердія и сострадательности къ людямъ, доброжелательства и услужливости, сдержанности во всемъ, безкорыстія и самоотверженія, въ наукѣ очищенія сердца отъ всякихъ нечистыхъ, лукавыхъ и злыхъ мыслей,—въ снисходительности къ человѣческой слабости, въ терпѣливомъ перенесеніи всего. Если будете успѣвать въ этой внутренней духовной наукѣ, то поистинѣ будете пшеницею Божіей, и соберетъ васъ Господь въ жит-

ницу царствія Своего небеснаго, и вы будете благоуспѣшны и во внѣшнихъ наукахъ. Ищущему прежде царствія Божія и правды Его все прочее приложится отъ великодаровитаго Бога. Въ заключеніе скажу вамъ изреченіе одной латинской пословицы: qui proficit in letteris, sed deficit in vita, plus deficit, quam proficit, т. е. кто успѣваетъ въ наукѣ и не успѣваетъ въ жизни или худо живетъ, тотъ болѣе не успѣваетъ, чѣмъ успѣваетъ; тотъ скорѣе идетъ назадъ, чѣмъ впередъ. Примите же это къ свѣдѣнію".

Смотря высоко на христіанскую жизнь, о. Іоаннъ скептически относится и къ различнымъ современнымъ увеселеніямъ, особенно же къ театрамъ. По его глубокому убѣжденію, дѣйствительная жизнь, полная нужды, горя, слезъ, глубокихъ паденій, возстаній, представляетъ для каждаго христіанина болѣе пищи для наученія и полезной дѣятельности, чѣмъ любой театръ съ его фальшивыми, ломающимися героями и героинями. „Оправдываютъ и называютъ игру въ театрѣ полезною и нравоучительною или безвредною, или, по меньшей мѣрѣ, меньшимъ зломъ въ сравненіи съ пьянствомъ и распутствомъ, и съ этою цѣлію стараются заводить повсюду театральныя зрѣлища. Удивительное дѣло, что христіане не нашли лучшаго средства для препровожденія драгоцѣннаго времени, какъ театръ, и по происхожденію и по значенію своему сохраняющій доселѣ характеръ языческій, идолопоклоннический, характеръ суетности, пустоты, вообще показывающій въ себѣ полнѣйшее отраженіе всѣхъ страстей и безобразій міра сего, похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, и лишь рѣдко, рѣдко доблестей сыновъ отечества земного, а не небеснаго. Все небесное, святое, носящее печать христіанства, чуждо театру. Если же когда входитъ на сцену, то какъ предметъ насмѣшки; самое имя Божіе, страшное для всей твари, произносится здѣсь лишь легкомысленно, иногда со смѣхомъ, кощунственно; званія священныя, напр. монашеское,—это ангельское званіе—осмѣивается; уваженіе къ начальству, къ родителямъ, священнымъ лицамъ подрывается, когда публично осмѣиваются нѣкоторыя предосудительныя дѣйствія этихъ лицъ предъ лицомъ всего общества, предъ лицомъ легкомысленной молодежи, даже дѣтей, для которыхъ должны быть священны имена ихъ родителей и начальниковъ. Иногда

довольно одного неуважительнаго или непристойнаго слова относительно старшихъ, чтобы подорвать къ нимъ должное уваженіе. Такъ ли стали христіане легкомысленны, что не находятъ лучшаго средства къ провожденію драгоцѣннаго времени, кромѣ театра... Нѣтъ, какъ хотите, а театръ богомерзкое учрежденіе. Только вникните въ духъ его, и вы согласитесь: это училище безвѣрія, глумленія, дерзкой насмѣшки надъ всѣмъ и развратъ. Горе тому обществу, въ которомъ много театровъ и которое любитъ посѣщать театры. Иногда театръ, правда, бываетъ меньшимъ зломъ для любящихъ злое. Прислушайтесь къ мнѣнію народному, къ мнѣнію тѣхъ, которые посѣщали театры много разъ: они не стѣсняясь говорятъ, что театръ ведетъ къ разврату. Только слѣпые, въ нихъ же богъ вѣка сего ослѣпи разумы невѣрныхъ, говорятъ, что театръ нравоучителенъ". „Что вносятъ театры въ сердца человѣческія? Духъ этого вѣка, — духъ праздности, празднословія, пустословія, смѣхотворства, хитрости и лукавства, духъ гордости, чванства, и никому нимало доброй нравственности не даютъ. Сочинители піесъ и актеры передаютъ народу то, что имѣютъ въ себѣ сами, свой духъ—ни меньше, ни больше. А думаютъ ли актеры о нравственности народной? Имѣютъ ли они въ намѣреніи исправить народные нравы? Нѣтъ и нѣтъ".

Не одобряетъ о. Іоаннъ журналовъ, на страницахъ которыхъ появляются картины и рисунки соблазнительнаго содержанія. Не одобряетъ о. Іоаннъ и современныхъ картинъ, статуй, изображающихъ женскую наготу. Объ этомъ онъ говоритъ слѣдующее. „Чрезъ развратныхъ людей врагъ пускаетъ прелести женскія въ глаза всѣхъ безъ всякой застѣнчивости и опаски. Женская нагота во всякихъ обольстительныхъ и причудливыхъ формахъ печатается во многихъ журналахъ. Я сегодня разорвалъ листъ одного журнала, въ которомъ изображена эта соблазнительная нагота. Развѣ это не наша общечеловѣческая слѣпота? Развѣ для блазненія Господь сотворилъ столь великолѣпно тѣло женщины? Развѣ—она не наша святыня, хвала и честь? Развѣ не должны всѣ благоговѣть предъ дѣлами рукъ Творца,— пречистыми дѣлами пречистыхъ рукъ? Имѣемъ ли мы уваженіе къ себѣ, къ своей личности? Не забываемъ ли мы, Чьихъ мы рукъ дѣло? Вѣнецъ Чьего творенія и Какого

Творца? Святые угодники и угодницы Божіи, святые мужи и жены, и дѣвы всѣхъ вѣковъ и народовъ, прославившіе природу свою добродѣтельною жизнію, возсіявшіе на небѣ и на землѣ свѣтлостью и святостью своего житія,—придите обличите современныхъ легкомысленныхъ, одичавшихъ по причинѣ страстей мужчинъ и женщинъ, питающихся своими соблазнами и вожделѣніями, позорящихъ человѣческую природу. Возвѣстите имъ грозный судъ Божій за попраніе и оскверненіе своихъ нерукотворенныхъ храмовъ, и предохраните еще нерастлѣнныхъ людей отъ угрожающаго растлѣнія чрезъ современную вольную и безстыдную печать."

Не одобряетъ о. Іоаннъ и современную музыку, которая нерѣдко служитъ почти исключительно только низшимъ инстинктамъ человѣческой природы. „Не обольщайся мелодическими звуками инструмента или голоса, а по впечатлѣнію ихъ на душу или по словамъ узнавай, каковъ духъ ихъ. Если звуки навѣваютъ на душу твою чувства тихія, цѣломудренныя, святыя, — слушай и питай ими душу твою. Если же чрезъ нихъ вливаются въ душу твою страсти,— оставь слушать, брось тѣло и духъ музыки."

Нѣтъ никого на землѣ русской, кого бы не осмѣлился обличить о. Іоаннъ, если онъ этого только заслуживалъ. Обличаетъ онъ Толстого. Не одобряетъ о. Іоаннъ воззрѣній его, хотя предъ ними преклоняются тысячи людей и въ Россіи и за границей. Не боится онъ смѣло и безбоязненно, вездѣ и всюду, устно и письменно заявлять, что не слѣдуетъ преклоняться предъ Толстымъ за его мнимо христіанскую проповѣдь. Христіанство безъ Христа Спасителя, св. таинствъ, Церкви—пустой звукъ. Это не чистое христіанство, какъ утверждаетъ Толстой, а его лишь произвольное измышленіе, *Толстовщина*. Не называетъ Толстой хлыстовство христіанствомъ, а хлыстовствомъ; и ученіе его не есть также христіанство, а лишь только Толстовство. Начинаютъ говорить въ печати о свободѣ совѣсти и пропаганды ученія. О. Іоаннъ опять безбоязненно, вопреки мнѣнію многихъ, высказывается противъ такой свободы совѣсти. Проповѣдники и защитники такой свободы не знаютъ и не подозрѣваютъ, что они зальютъ все лицо русской земли кровью, если только будетъ провозглашена въ настоящее время эта свобода совѣсти. И теперь уже есть примѣры разрушенія

сектантами православныхъ храмовъ (Павловка). Что же будетъ тогда, когда неразуміе и фанатизмъ черни не будетъ сдерживаться никакою разумною силою? Нѣтъ распри въ мірѣ страшнѣе, какъ распря во имя религіозныхъ соображеній и побужденій. Нѣтъ такой силы, которая могла бы сдержать такія волненія и движенія. Сколько у насъ погибло раскольниковъ въ пламени? Не сотни, а многія тысячи. Сколько ихъ умирало голодною смертію? Еще и на нашихъ глазахъ совершаются такія исторіи (Тираспольское дѣло). Какія были вездѣ и всюду возстанія во время возникновенія раскола?...

Не будемъ приводить взглядовъ о. Іоанна на другія явленія современной жизни христіанъ. Эти взгляды легко представитъ каждый, исходя изъ общихъ опредѣленій о. Іоанномъ христіанскаго жизнепониманія и жизнеустроенія. Жизненный идеалъ Кронштадтскаго пастыря можетъ быть выраженъ въ немногихъ словахъ. Смыслъ всей жизни каждаго человѣка, его истинная жизнь, а не прозябаніе, видимая только, кажущаяся жизнь, заключается, по его глубокому убѣжденію, въ постоянномъ неуклонномъ стремленіи къ небу. „Лучшія на землѣ минуты это тѣ, въ которыя мы горняя мудрствуемъ, вообще когда познаемъ или защищаемъ истину, эту небесную жительницу или гражданку. Тогда только мы истинно живемъ“. И это вполнѣ справедливо. Наше истинное отечество не на землѣ, а на небѣ. „Человѣкъ гдѣ ни бываетъ, но потомъ все домой возвращается. Такъ и христіанинъ, кто бы онъ ни былъ, знатный или простой, богатый или бѣдный, ученый или невѣжда, гдѣ бы ни былъ, какую бы должность ни занималъ въ обществѣ, что бы ни дѣлалъ, долженъ помнить, что онъ не дома, а въ странствіи, въ пути, и долженъ домой возвратиться—къ отцу, къ матери, къ старшимъ братьямъ и сестрамъ. А домъ этотъ—небо, Отецъ—Богъ, мать—Пречистая Богородица, старшіе братья и сестры—Ангелы и св. Божіи человѣки; что всѣ земныя обязанности, дѣла суть подѣлія, а настоящее дѣло—спасеніе души, исполненіе заповѣдей Христовыхъ, очищеніе сердца“. Немного и нужно человѣку на землѣ. „Что мнѣ нужно? Ничего мнѣ на землѣ не нужно, кромѣ самаго необходимаго. Что мнѣ нужно? Мнѣ нуженъ Господь, нужна благодать Его, царствіе Его во мнѣ. На землѣ мѣсто моего

странствія, моего временнаго обученія, нѣтъ ничего собственнаго моего, все Божіе и временно назначено къ временнымъ мнѣ услугамъ; избытки мои—достояніе ближнихъ неимѣющихъ. Что мнѣ нужно? Мнѣ нужна истинная, христіанская, живучая, дѣятельная любовь, нужно любящее, жалѣющее ближнихъ сердце, нужна радость о ихъ довольствѣ и благополучіи, скорбь о ихъ скорбяхъ и болѣзняхъ, о ихъ грѣхахъ, слабостяхъ, безпорядкахъ, недостаткахъ, несчастіяхъ, бѣдности. Нужно сочувствіе теплое, искреннее во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, радость съ радующимися и плачъ съ плачущими. Полно давать мѣсто самолюбію, эгоизму, стараться жить только для себя и привлекать все только къ себѣ: и богатство, и славу міра сего, и сласти,—не жить, а умирать, не радоваться, а страдать, нося въ себѣ ядъ самолюбія, ибо самолюбіе есть непрестанно подливаемый въ наше сердце веліаромъ ядъ."

Для чего Господь прилагаетъ намъ день ко дню, годъ къ году, десятилѣтіе къ десятилѣтію? „Чтобы мы постепенно отъяли, отбросили лукавство отъ душъ своихъ, каждый своё, и усвоили бы блаженную простоту, чтобы сдѣлались, какъ агнцы незлобивые, какъ младенцы простые, чтобы научились не имѣть ни малѣйшаго пристрастія къ вещамъ земнымъ, а какъ дѣти любящія и простыя прилѣпились бы всѣмъ сердцемъ къ одному Богу и возлюбили бы Его всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душею своею, всею крѣпостію своею и всѣмъ помышленіемъ, а ближняго, какъ себя. Поспѣшимъ же сердечною и слезною молитвою испросить себѣ у Господа простоту сердечную и поревнуемъ, попечемся всѣми мѣрами отбросить лукавства душъ нашихъ: злую подозрительность, зложелательство, злорадство, злобу, гордость, надменность, самохвальство, презорство, нетерпѣніе, уныніе, отчаяніе, обидчивость и раздражительность, бояливость и малодушіе, зависть, скупость, чревоугодіе и пресыщеніе, блудъ мысленный и сердечный, блудъ дѣйствительный, сребролюбіе и вообще страсть къ пріобрѣтенію, лѣность, непослушаніе и все темное полчище грѣховъ. Господи, безъ Тебя не можемъ творити ничесоже. Самъ благослови насъ на дѣло сіе, и Самъ даруй побѣду на враги наши и на страсти наши.—Буди".

Но скажутъ, это путь борьбы, страданій, лишеній, тяжелаго креста?

Предвидя это возраженіе, о. Іоаннъ смѣло и рѣшительно говоритъ, что этотъ путь дѣйствительно—путь борьбы и тяжелыхъ испытаній. „О, какъ многобѣдственна, многотрудна, тяжка земная жизнь. Съ утра до вечера надо ежедневно вести тяжкую брань со страстями плотскими, воюющими на душу, съ начальствами, властями и міродержителями тьмы вѣка сего, духами злобы поднебесными, коихъ лукавство и коварство неизмѣримо злобно, адски искусно, недремлемо!—О, Сладчайшій нашъ Спасителю, призывающій всѣхъ труждающихся и обремененныхъ къ Себѣ,—для успокоенія. Вотъ, Ты видишь: изныло сердце наше и утроба наша отъ борьбы и скорби ежедневной, измождены мы, обезсилены, ходимъ какъ тѣни. Безпрестанно стужаютъ душамъ нашимъ злобные враги наши и усиливаются со всѣми мѣрами вовлечь насъ въ бездну отчаянія. Простри, Владыко, высокую Твою мышцу и избави насъ отъ козней древняго дракона, убійцы". „Отовсюду тѣсно тебѣ на землѣ, все измѣняетъ тебѣ: родственники, друзья, знакомые, богатство, чувственныя удовольствія, твое тѣло, измѣняютъ всѣ стихіи, земля, вода, огонь, воздухъ, свѣтъ, прилѣпись же къ единому Богу, у Котораго нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны, Который единъ есть любовь."

Итакъ, тяжелъ жизненный путь христіанина, но это путь, отъ котораго никто никогда не долженъ отказываться. Пусть бездна страданій разверзается предъ христіаниномъ, истинный христіанинъ не долженъ страшиться ея. „Настоящая жизнь есть изгнанничество... Настоящая жизнь есть тѣсный путь, путь скорбей, лишеній, болѣзней. Чѣмъ тѣснѣе этотъ путь, тѣмъ убѣдительнѣе, вѣрнѣе, что мы стоимъ на истинномъ пути, чѣмъ шире, тѣмъ несомнѣннѣе, что близки къ погибели. Настоящая жизнь есть ежедневная, горчайшая война съ врагами нашего спасенія, особенно съ невидимыми духами злобы поднебесными, неоставляющими насъ ни на одинъ день въ покоѣ, но непрестанно надъ нами коварствующими и возжигающими въ насъ разныя страсти и жалами ихъ наичувствительнымъ образомъ насъ уязвляющими. Помни, что противъ насъ ведется непрерывная война; что не время покоиться, веселиться и развлекаться въ этой жизни, данной для приготовленія къ будущей, ни тогда, когда мы искушаемся бѣдствіями, ни даже тогда,

всецѣло побѣдить въ себѣ тотъ или другой грѣхъ. Раскрывая страницы „Дневника“ о. Іоанна, гдѣ предъ читателемъ

О. Іоаннъ.

проходитъ вся внутренняя сокровеннѣйшая жизнь Кронштадтскаго пастыря, какъ часто встрѣчаешься тамъ съ страницами, полными его глубокихъ сѣтованій, скорби на свои

духовные недочеты. Вотъ читаешь слова его горячей молитвы о скорѣйшей помощи въ борьбѣ съ грѣхомъ. Вотъ читаешь слова благодаренія за божественную помощь, ниспосланную во-время великому молитвеннику. Тамъ слышатся слезы умиленія, здѣсь слезы грусти, скорби. „Съ самаго начала моего священническаго служенія, мнѣ приходилось вести неравную, упорную и жестокую борьбу не на животъ, а на смерть,—разсказываетъ онъ. Съ самаго начала моего священнослуженія я долженъ былъ усиленно молиться Господу силъ, какъ и теперь молюсь, да научитъ Онъ всеблагій руки мои на ополченіе, персты мои на брань, невидимую, упорную, ожесточенную брань. И я не оставленъ безпомощнымъ въ этой спасительной брани. Я возводилъ очи мои, полныя слезъ къ небу, откуда всегда мнѣ приходила помощь, хотя иногда не вдругъ и не скоро, по причинѣ бывшей неопытности моей въ искушеніяхъ на молитвѣ. При непрестанныхъ внутреннихъ искушеніяхъ, я долженъ былъ постоянно обращать душевное око мое внутрь себя, чтобы усматривать нападенія внутреннихъ враговъ, и такимъ образомъ я пріучалъ себя почти къ непрерывному духовному созерцанію и тайной молитвѣ“.

Вотъ опять онъ пишетъ въ „Дневникѣ“. „Господи, Ты непрестанно побѣждаешь во мнѣ адъ, по молитвѣ моей, и если я еще доселѣ не во адѣ, это Твоя милость, ада Побѣдителю, Господи! Слава Тебѣ, Благодѣтелю, Спасе нашъ! Что было бы съ нами безъ Тебя? Мы были бы истые звѣри, и истребили бы другъ друга. Что съ отдѣльными личностями было бы, то и съ отдѣльными народами. Если бы отдѣльныя лица и народы жили по Евангелію Твоему, не было бы тогда вражды, междоусобій, войнъ. Когда мы сознаемъ необходимость для нашего блага временнаго—жить по Евангелію? А теперь какъ мало и читающихъ Евангеліе!“ „Сколько благодѣяній доставила мнѣ доселѣ вѣра Христова! Не говоря о безчисленныхъ другихъ благодѣяніяхъ, скажу объ одномъ: сколько душевныхъ возмущеній, страстей она прогоняла и какъ умиротворяла меня! Сколько исправила кривыхъ стремленій сердца! Сколько разъ грѣхи очищены и душа спасена была отъ духовной смерти! И какъ близокъ Господь нашъ къ вѣрующему. Онъ, какъ воздухъ, какъ дыханіе устъ нашихъ, дыханіе сердца нашего, души нашей“.

„Зачѣмъ во мнѣ непрестанно спѣшится врагъ незримый, смущая, тѣсня, нудя меня къ различнымъ грѣхамъ? Что во мнѣ значитъ этотъ мысленный дождь, эти мысленныя, быстрыя рѣки, подмывающія мысленный домъ души моей и угрожающія мнѣ потопленіемъ и погруженіемъ въ нихъ? Что эти мысленные вѣтры, эти бури, ураганы, нападающіе на мою мысленную храмину, усиливающіеся совсѣмъ сдвинуть ее съ мѣста и разметать по воздуху? Во всѣхъ насъ дѣется тайна беззаконія видимо и невидимо,—и отъ всѣхъ требуется бодрствованіе, крѣпкая вѣра, сильная борьба съ нападающимъ со всѣхъ сторонъ грѣхомъ, сильнымъ, недремлющимъ, во всеоружіи всякихъ прелестей, соблазновъ, ложныхъ ученій, явныхъ и подпольныхъ ересей и расколовъ; нужно намъ великое постоянно мужество, терпѣніе и упованіе на всесильную помощь Божію". „Каждый день измѣняю я Господу Богу моему и бываю невѣренъ Ему въ помыслахъ, чувствахъ, вожделѣніяхъ, въ словахъ и дѣлахъ. Гдѣ строгость ихъ къ себѣ? Гдѣ уваженіе, благоговѣніе къ закону Божію? Гдѣ соблюденіе въ святости сердца своего? О, кто дастъ очесемъ моимъ источникъ слезъ, да плачу день и нощь о грѣхахъ моихъ"? „Какая разбойничья ватага страстей лукавыхъ во мнѣ дѣйствуетъ рано и поздно, утромъ и вечеромъ и днемъ, да и ночью еще въ разныхъ грезахъ! Какой вертепъ мысленныхъ разбойниковъ—душа моя! И какъ неусыпны въ своей злобѣ эти мои мысленные разбойники! Какъ растлѣнно мое сердце! Какъ искаженъ во мнѣ образъ Божій! Сколько мнѣ предстоитъ труда съ самоуправленіемъ! Сколько борьбы упорной, постоянной! Какая борьба мнѣ предстоитъ съ своими страстями! Господи, Сердцевѣдче, Ты мнѣ помоги въ сей войнѣ, Всесильный Вождь своихъ воиновъ". „Грѣхъ ставитъ всю нашу жизнь вверхъ дномъ, наизнанку, всего человѣка извращаетъ, искажаетъ, омрачаетъ, дурачитъ, гадитъ, позоритъ, мучитъ,—жизнь одиночную, общественную и семейную. Подъ вліяніемъ грѣховъ всѣ силы нашей души получили превратное направленіе. Ухъ, какъ все уродливо и наизнанку стало".

Вотъ новыя строки сѣтованія о. Іоанна о себѣ и своихъ духовныхъ немощахъ.

И опять мы встрѣчаемъ слово глубокой скорби пастыря о себѣ. „Кто я?—пишетъ онъ. Съ одной стороны, грѣхъ, бездна

грѣховная, весь противленіе Богу Всетворцу и Вседержителю, достойный всякаго осужденія и муки. Съ другой, совершенная скудость всякою добродѣтелію и немощь для всякой добродѣтели. Такъ я глубоко палъ, растлѣлъ, изнемогъ. Не могу я безъ Спасителя моего творить ничего, по слову Его и по опытамъ моимъ безчисленнымъ. Онъ сотворилъ мнѣ душу и тѣло, Онъ возрастилъ, Онъ образовалъ мои способности. Онъ творитъ во мнѣ все благое, — если я дѣлаю что благое, а мое—только злое. Но, Творче мой и Избавителю мой! Ты сотворилъ меня, я—Твое созданіе, Твой рабъ. Ты управляй мною, Ты и твори чрезъ меня волю Твою, даждь мнѣ благодать волю мою совершенно покорить Твоей волѣ, ибо этого безъ Твоей благодати не могу сдѣлать. Ты, Пастырь мой, паси меня. Ты, Спаситель мой, спаси меня. Ты, свѣтъ мой, просвѣти меня. Ты, сила моя, укрѣпи меня".

„Какъ мы быстры на зло и медленны на добро,—продолжаетъ о. Іоаннъ. Вотъ я хочу быть добрымъ къ врагу и выразить на дѣлѣ свою доброту, но прежде чѣмъ я успѣю въ сердцѣ своемъ сдѣлаться добрымъ, я уже золъ, огненная стрѣла злобы палитъ мои внутренности; хочу быть терпѣливымъ, но прежде, чѣмъ я утвержду сердце въ терпѣніи, я дѣлаюсь раздражителенъ, нетерпѣливъ; хочу быть смиреннымъ, но сатанинская гордость уже нашла во мнѣ просторный уголокъ; хочу быть ласковымъ, между тѣмъ, когда нужно оказать ласку, я оказываюсь грубымъ; хочу быть несребролюбивымъ и щедрымъ, но сребролюбіе и скупость при малѣйшемъ поводѣ, какъ голодные и рыкающіе львы, уже требуютъ себѣ пищи; хочу быть простымъ, довѣрчивымъ, но лукавство и сомнѣніе уже гложутъ мое сердце; хочу быть степеннымъ, сосредоточеннымъ, благоговѣйнымъ въ служеніи Вседержителю, но легкомысліе и сердечная невнимательность предварили меня; хочу быть безпристрастнымъ, воздержнымъ въ пищѣ и питіѣ, но когда увижу пріятную пищу и сяду за столъ, я, какъ невольникъ, увлекаюсь своимъ чревомъ въ пріятный плѣнъ, легко позволяю себѣ выпить и съѣсть больше, чѣмъ сколько требуетъ моя природа; жадность и невоздержаніе опять предваряютъ и пересиливаютъ мое желаніе быть равнодушнымъ къ пищѣ и питію. Я подобенъ тому разслабленному, который 38 лѣтъ лежалъ на одрѣ

своемъ и сколько разъ не приходилъ къ овчей купели, исцѣлявшей всякаго, кто первый опускался въ нее послѣ возмущенія воды Ангеломъ,— „инъ прежде его слазилъ". И когда я, разслабленный грѣхами моими, собираю свои усилія и прихожу самъ въ себя,—съ намѣреніемъ погрузиться въ Богѣ и измѣниться къ лучшему,—инъ прежде меня слазитъ въ мое сердце; грѣхъ, діаволъ упреждаютъ меня въ моемъ собственномъ домѣ, въ моей собственной сердечной купели, не допускаютъ меня до источника живыхъ водъ— Господа, не даютъ мнѣ погрузиться въ очистительной купели вѣры, смиренія, сердечнаго сокрушенія, слезъ. Кто же меня исцѣляетъ?—Одинъ Іисусъ Христосъ. Когда Онъ увидитъ мое искреннее и твердое желаніе исцѣленія отъ душевнаго разслабленія, мою теплую молитву о томъ, тогда скажетъ мнѣ „возьми одръ твой и ходи",—и я встану съ одра сердечнаго разслабленія и пойду, т. е. удобно — по благодати Его—побѣжду всѣ страсти и совершу всякую добродѣтель".

Вотъ снова о. Іоаннъ скорбитъ, что онъ все еще далекъ отъ идеала христіанина. „Сердце мое должно прилѣпляться къ единому Богу, а оно — что за слѣпота и извращеніе? — прилѣпляется къ сластямъ вѣка сего: къ пищѣ, питью, плотской сласти, къ деньгамъ, къ этому праху, къ одеждамъ, къ этому тлѣну, къ цвѣтамъ исчезающимъ, къ узорамъ, къ покроямъ, прельщающимъ глазъ, къ роскошно убраннымъ покоямъ и т. п. Странное дѣло! Меня, христіанина, небеснаго человѣка, занимаетъ все земное и мало— небесное. Я во Христѣ переселенъ на небеса, а между тѣмъ всѣмъ сердцемъ крѣпко прилѣпляюсь къ землѣ и, повидимому, никогда не хотѣлъ бы быть на небѣ, а лучше всегда оставаться на землѣ, хотя земное, при своемъ услажденіи, тяготитъ и мучитъ меня, хотя я и вижу, что все земное ненадежно, тлѣнно, скоро минуетъ, хотя и знаю и чувствую, что ничто земное не можетъ насытить моего духа, умирить, усладить моего сердца, постоянно мятущагося и обуреваемаго суетою земною. Доколѣ же я, небесный человѣкъ, буду земнымъ? Доколѣ буду плотію я, чадо Божіе, иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога родился во св. крещеніи, доколѣ я не устремлюсь весь къ Богу? Господи! привлецы сердце мое къ Тебѣ Духомъ Твоимъ Свя-

тымъ. Господи! отврати сердце мое отъ суеты земной! Господи: безъ Тебя я не могу творить ничесоже".

И опять его сердце полно скорби и сѣтованія.

„Сколько суеты во мнѣ всякій день! Сколько самолюбія, враждебнаго Богу и ближнему! Сколько плотоугодія, сластолюбія, чревоугодія, лѣности мысли, чувства, свободы на добро, на молитву искреннюю, на искреннюю любовь къ Богу и ближнему, на доброхотное служеніе! Какое нужно самопринужденіе, усиліе на все доброе. Окаянные мы человѣки, отчуждившіеся отъ своего Владыки Живота, сотворившаго насъ по образу и подобію Своему". „А сколько во мнѣ безобразныхъ, нелѣпыхъ грѣховъ: лѣности, самолюбія, саможалѣнія, плотоугодія, чревоугодія, сладострастія, нечистыхъ помысловъ, зависти, корыстолюбія, тщеславія, гордости, киченія и лукавства, раздраженія, малодушія, унынія и проч. и проч. Эти и многочисленныя страсти не оскудѣли отъ меня, какъ говорится въ молитвѣ Метафраста. Вотъ какое я чудовище нравственное! Какой я отвратительный, скверный человѣкъ! Правда, я плачу, часто плачу о грѣхахъ моихъ и примиряюсь съ Богомъ и съ своею совѣстью,—и нога моя нерѣдко стоитъ на правотѣ, по слову Давида,—но надолго ли? До случая, до искушенія,—и я опять согрѣшаю тѣми же грѣхами. Правда, я берегусь отъ скверныхъ, грубыхъ, наглыхъ грѣховъ, но кто знаетъ: не палъ ли бы и ими, если бы мнѣ представился удобный случай, отъ котораго меня бережетъ одинъ Богъ въ своемъ премудромъ о мнѣ промышленіи? И наклонности во мнѣ ко всякому грѣху много, много". „Сколь велико и глубоко растлѣніе нашей природы грѣхомъ въ безчисленныхъ его видахъ и направленіяхъ! Это я сознаю и чувствую всякій день, всякій часъ. Каждую минуту, какъ ураганъ онъ готовъ охватить и всколебать, возмутить ее внезапно при малѣйшемъ невниманіи и поблажкѣ своей чувственности, поколебать меня то гнѣвомъ, раздражительностью, озлобленіемъ на ближняго, особенно низкаго и бѣднаго, надоѣдающаго попрошайствомъ ежедневнымъ; то блудными помыслами и похотями, и льстивымъ воспоминаніемъ и воображеніемъ сладости грѣха; то завистью въ самыхъ пустыхъ и маловажныхъ вещахъ, то лицепріятіемъ и человѣкоугодіемъ; то корыстолюбіемъ, любовещностью житейскою; то тщеславіемъ

и суетностью; то непослушаніемъ, упорствомъ и лѣностью, то сонливостью и зѣвотой; то малодушіемъ и гордостью, уныніемъ и разслабленіемъ души и тѣла, и всякими грѣхами усиливается оттолкнуть отъ Бога—Источника нашей жизни, свѣта, мира и блаженства". „Не достигъ я еще цѣлости нравственной, правоты и чистоты сердца. Раны наноситъ душѣ моей супостатъ всякій день, которыя исцѣляетъ непрестанно Врачъ мой Христосъ. Чувствую еще, что душевное растлѣніе мое велико, по причинѣ воюющихъ во мнѣ страстей, и стремлюсь достигнуть нетлѣнія во Христѣ. Объ этомъ моя молитва, и стремлюсь достигнуть нетлѣнія во Христѣ. Объ этомъ моя молитва и стараніе. Для этого я совершаю ежедневно служеніе нетлѣнія и безсмертія — Божественную литургію и вкушаю нетлѣнную пищу, хлѣбъ жизни,—Тѣло и Кровь Христовы".

Много разъ возставалъ онъ отъ тѣхъ или другихъ грѣховныхъ паденій, но снова запинался. Падая и вставая, шелъ и идетъ онъ ко Христу. „Сколько разъ, о Владыко Господи Іисусе, обновлялъ Ты легкомысленно растлѣваемое грѣхами моими естество мое! Нѣтъ тому числа и мѣры! Сколько разъ Ты изымалъ меня изъ пещи, горящей у меня внутри, изъ пещи страстей многоразличныхъ, изъ пропасти унынія и отчаянія! Сколько разъ однимъ только именемъ Твоимъ, съ вѣрою мною призываемымъ, обновлялъ Ты мое растлѣніе сердечное! Сколько разъ совершалъ это чрезъ животворящія Тайны. О, Владыко! милостямъ Твоимъ ко мнѣ грѣшному, поистинѣ, нѣтъ числа и мѣры. Что же я принесу Тебѣ, или что воздамъ Тебѣ за безмѣрныя Твои ко мнѣ благодѣянія? Да буду я осмотрителенъ въ путяхъ моихъ по благодати Твоей, ибо Тебѣ пріятны всѣ осмотрительные въ пути, какъ Ты духомъ Своимъ устами отца нашего Давида реклъ еси; постараюся быть вѣрнымъ Тебѣ, смиреннымъ, кроткимъ, нераздражительнымъ, незлобивымъ, долготерпѣливымъ, трудолюбивымъ, милостивымъ, щедрымъ, нелюбостяжательнымъ, послушнымъ".

Врагъ не перестаетъ искушать о. Іоанна и во время молитвы. „Діаволъ часто хватаетъ насъ за сердце зубами своими. Какими зубами? Невѣріемъ, сомнѣніемъ, тѣснотою и всѣми страстями. Иногда врагъ томитъ насъ подозрительностью касательно вѣрности слугъ нашихъ относительно на-

шей собственности, и это дѣлается особенно тогда, когда сердца наши исключительно должны быть заняты богомысліемъ и созерцаніемъ вещей небесныхъ. Чтобы избавиться тебѣ отъ діавольской заботы и печали, припомни слово Писанія: „Господь близъ, ни о чемъ же пецытеся“. „Многоразличны тѣсноты пути узкаго: хочешь молиться—тѣснитъ врагъ духовно и физически, хочешь писать проповѣдь по долгу—тѣснитъ лѣностію, — вездѣ тѣсноты. Дымъ адскій усиливается затмить и тѣснить душу даже тогда, когда предъ тобою предлежитъ Святая и страшная Жертва, когда причащаешься ея, и при совершеніи всѣхъ таинствъ. Чѣмъ важнѣе священнодѣйствіе, тѣмъ сильнѣе и яростнѣе нападаетъ врагъ“.

О. Іоаннъ считаетъ себя въ духовномъ отношеніи даже бѣднѣе нищаго. „Какъ я пристальнѣе посмотрю на нищихъ и поговорю съ ними, такъ я вижу, какіе они любезные, кроткіе, смиренные, простосердечные, искренно доброжелательные, нищіе тѣлесно, но богатые духовно. Они посрамляютъ меня грубаго, гордаго, злого, презорливаго и раздражительнаго, лукаваго, хладнаго къ Богу и людямъ, завистливаго и скупого. Это истинные друзья Божіи. И врагъ, знающій ихъ духовныя сокровища, возбуждаетъ въ рабахъ своихъ, гордыхъ богачахъ, презрѣніе къ нимъ и злобу, и готовъ стереть ихъ съ лица земли, какъ будто они не по праву живутъ на ней. О, друзья Бога моего, бѣдные братья мои, вы истинные богачи по духу, а я истинно нищій, окаянный и бѣдный. Вы заслуживаете истиннаго уваженія отъ насъ, обладающихъ въ изобиліи благами міра сего, но нищихъ и скудныхъ дѣлами добродѣтели: воздержанія, кротости, смиренія, незлобія, искренности, горячности къ Богу, и ближнему. Господи! научи меня презирать внѣшнее и все око ума моего обращать внутрь и цѣнить внутреннее, презирая внѣшность“. Мало того, анализируя свою духовную природу, о. Іоаннъ доходитъ до мысли, что онъ даже—нравственное ничтожество. „Я нравственное ничтожество,—такъ открыто заявляетъ о себѣ смиренный пастырь. Безъ Бога нѣтъ у меня истинно вѣрной мысли и добраго чувства, и прямо добраго дѣла; безъ Него не могу я отогнать отъ себя помысла грѣховнаго, чувства страстнаго, напр., злобы, зависти, блуда, гордости и проч. Господь — совершеніе всего

добраго, что я мыслю, чувствую дѣлаю. О, какъ безпредѣльно широка дѣйствующая во мнѣ благодать Господа! Все для меня Господь, и такъ ясно, постоянно. Моя—только грѣховность, мои—только немощи". Падая, о. Іоаннъ утѣшаетъ себя надеждой возстанія. „Не унывайте, подобные мнѣ грѣшники, но только вѣруйте въ Сына Божія. Уважайте другъ друга, грѣшники, и не презирайте никакого грѣшника, ибо всѣ мы—грѣшники, и всѣхъ пришелъ спасти, очистить и до небесъ вознести Сынъ Божій".

Вотъ онъ снова молитъ Бога, чтобы Богъ далъ ему возможность зрѣть свои прегрѣшенія. „Господи! даждь мнѣ зрѣть мои прегрѣшенія, чтобы я не презиралъ грѣшниковъ, мнѣ подобныхъ, и не питалъ къ нимъ зла въ сердцѣ за грѣхи ихъ, и самъ бы себя презиралъ по достоинству, какъ грѣшника перваго, самъ—къ своему плотскому человѣку—всегда питалъ непримиримую злобу. „Аще кто не возненавидитъ... душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ,—говоритъ Господь". Вотъ онъ молитъ Господа ниспослать ему помощь въ его борьбѣ съ грѣхомъ: „О, если бы божественная благость и меня безобразнаго благоукрасила по молитвамъ Пречистой Своей Матери, если бы и меня нечистаго облагоухала! Вся возможно у Бога. „Аще будутъ грѣхи ваши яко червленое, яко снѣгъ убѣлю". Только надежда на скорую помощь Божію въ борьбѣ со грѣхомъ даетъ ему силы для продолженія несенія его жизненнаго креста. „Господи! благодарю Тебя отъ всего сердца, яко безъ числа спасалъ еси меня отъ безчестія, насилія, лютости страстей и угашалъ разженныя во мнѣ стрѣлы лукаваго и миромъ ограждалъ душу мою и росою благодати Твоей прохлаждалъ еси ю. Слава Тебѣ, многомилостиве и всесильне, яко доселѣ благодатію Твоею остаюсь цѣлъ и невредимъ, не смотря на безчисленныя коварства надо мною видимыхъ и невидимыхъ враговъ, ищущихъ поглотить меня. Вѣмъ, Господи, яко отъ всѣхъ козней и навѣтовъ ихъ избавиши мя и спасеши меня, имиже вѣси судьбами, во царствіе Свое небесное, и не только меня, но и всѣхъ благочестиво живущихъ и навѣтуемыхъ отъ духовъ злобы. Твое бо есть еже миловати и спасати хотящихъ и даже нехотящихъ спасенія. Или хощу, сказано, или не хощу, спаси мя". „Господу Богу моему, Богу спасенія моего восписую благодарственная. Предъ ис-

повѣдію на страстной недѣлѣ врагъ запнулъ меня, поразивъ сердце мое тѣснотою, смущеніемъ и злымъ уныніемъ. Но вотъ я помолился отъ всего сердца съ вѣрою несомнѣнной Богу, Богу спасеній моихъ... И что же? О, Боже милости! я всю исповѣдь провелъ прекрасно: спокойно, любезно, назидательно, безъ всякаго отягощенія и безпокойной торопливости". Нерѣдко глубокая молитва, полная искреннѣйшихъ чувствъ благодаренія, невольно срывается съ устъ скромнаго пастыря предъ Тѣмъ, Кто такъ многократно избавлялъ его отъ всякихъ грѣховныхъ бѣдъ. „Что я принесу Тебѣ, Господи, за вся благая Твоя, имиже непрестанно меня ущедряеши? Единую вѣру мою, ибо дѣлъ не имамъ оправдающихъ мя, ничтоже бо благо сотворихъ предъ Тобою. Но и вѣра моя есть Твой же даръ; обаче Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносимое пріими. Ибо все — Твое, и всѣ мы—Твои".

Вотъ онъ молитъ Господа научить его подавать милостыню. „Господи! научи меня подавать милостыню охотно, съ ласкою, съ радостью, и вѣрить, что, подавая ее, я не теряю, а пріобрѣтаю безконечно больше того, что подаю. Отврати очи мои отъ людей съ жестокимъ сердцемъ, которые не сочувствуютъ бѣднымъ, равнодушно встрѣчаются съ нищетою, осуждаютъ, укоряютъ, клеймятъ ее позорными именами и разслабляютъ мое сердце, чтобъ не дѣлать добра, чтобъ ожесточить и меня противъ нищеты. О, Господи мой! какъ много встрѣчается такихъ людей. Господи! исправь дѣло милостыни. Господи! да идетъ всякая милостыня моя въ пользу, а не во вредъ. Господи! пріемли Самъ милостыню въ лицѣ нищихъ Твоихъ людей. Господи! благоволи воздвигнуть домъ во градѣ семъ для бѣдныхъ, якоже многократно молихъ Тебя всеблагаго, всемогущаго, премудраго, чуднаго"!

Приводя эти выдержки изъ „Дневника" о. Іоанна, мы не хотимъ, конечно бросать никакой тѣни на великаго пастыря. Не грѣшатъ только мертвые. Одинъ мудрый, глубоко просвѣщенный архипастырь говоритъ: „волны нашей вѣры—лишь прибой и отбой къ нашему духу безпредѣльнаго моря Божественной жизни... Сейчасъ мы сильны духомъ, чувствуемъ его подъемъ, и вѣра такъ осязательно близка намъ, ея тайны такъ прозрачны и очевидны для нашего духовнаго взора:

Мгновеніе—и волна вѣры отхлынула; самосознаніе померкло, потускнѣло; его цѣльный блескъ покрылся точно рябью сомнѣній; уровень его силъ упалъ; все въ насъ перепуталось и сжалось. Что сейчасъ было такъ ясно, казалось такъ возможнымъ и очевиднымъ, переживалось какъ близкое и родное, то стало чуждымъ, далекимъ, сомнительнымъ, даже невозможнымъ. Таинственная стихія отступила, и всплескъ волны ея затихъ. Душа чувствуетъ себя обнаженной и оставленной; тревога пустоты охватываетъ и сушитъ ее. Она призываетъ назадъ родную благодатную влагу, которая такъ любовно покрывала ее, и въ безграничномъ просторѣ которой ей было такъ легко и свободно. Но она безсильна задержать ея закономѣрно идущій отливъ... И чѣмъ мы слабѣе, тѣмъ болѣе этихъ перемѣнъ, и тѣмъ онѣ непредвидѣннѣй". (Еп. Михаилъ). Великій подвижникъ Египетскій Макарій, глубокій знатокъ души человѣческой, говоритъ, что человѣкъ не можетъ всегда быть свободнымъ отъ всякаго грѣха. „Душа наша то побѣждаетъ грѣхъ, то сама является побѣжденной имъ въ томъ или другомъ отношеніи. И огонь иногда возгарается и пылаетъ сильнѣе, а иногда слабѣе и тише; и свѣтъ временемъ сіяетъ и свѣтитъ сильнѣе, а временемъ сокращается и меркнетъ. Равнымъ образомъ и эта свѣща въ человѣкѣ, божественная благодать, всегда горящая и свѣтящая, иногда горитъ ярко, и тогда душа возгарается сильнѣе; но потомъ падаетъ и издаетъ свѣтъ умѣреннѣе, хотя и это, остающееся въ душѣ, есть свѣтъ, только слабѣйшій... Когда благодать умаляется въ душѣ человѣка, тогда простирается покрывало противной грѣховной силы". Вся бѣда и все горе человѣка не въ томъ, что онъ грѣшитъ, а въ томъ, что грѣша часто не видитъ и не замѣчаетъ своихъ грѣховъ. А не замѣчая ихъ, онъ не можетъ, конечно, никогда возстать изъ глубины своего паденія. На землѣ нѣтъ такого грѣшника, котораго милосердіе Божіе не могло бы очистить отъ всякой скверны и сдѣлать его обитателемъ неба. Одно только необходимо для этого—истинное покаяніе, сознаніе своихъ грѣховъ и чистосердечное ихъ исповѣданіе.

Почему Господь допускаетъ такія различныя состоянія въ душѣ человѣка, какою бы то праведностью онъ не отличался? На этотъ вопросъ преп. Макарій отвѣчаетъ: „если бы чудныя состоянія, въ которыя благодать иногда по-

ставляетъ человѣка, всегда находились при немъ, то онъ не могъ бы ни принять на себя служенія слова, ни понести какихъ либо трудовъ, ни попещись о нужномъ для себя самого, ни о завтрашнемъ днѣ, а сидѣлъ бы только въ углу, въ восхищеніи и упоеніи. Поэтому и не дано человѣку стоять на степени совершенства, чтобъ онъ могъ имѣть попеченіе о братіяхъ и упражняться въ служеніи слова".

Итакъ, кто хочетъ видѣть причину поразительнаго вліянія Кронштадтскаго пастыря на народъ исключительно въ его личной, полной святости, тотъ долженъ отказаться отъ этого взгляда. Въ великомъ пастырѣ мы несомнѣнно найдемъ духовные недочеты. У него ихъ, можетъ быть, даже не меньше сравнительно со многими людьми, которые совнѣ кажутся почти нравственно безукоризненными. Въ чемъ же тогда „секретъ его жизни", секретъ его вліянія на людей?

XX.

По мнѣнію другихъ. фактъ поразительнѣйшаго, непреодолимаго вліянія о. Іоанна на народныя массы нужно объяснять его нервозностью. Посмотрите, говорятъ, на него, когда онъ находится вмѣстѣ съ народомъ. Глаза его какъ то особенно горятъ. Каждая черта лица напряжена. Отъ лица вѣетъ чѣмъ то особеннымъ, неподдающимся описанію и выраженію. Движенія о. Іоанна порывисты; голосъ рѣзокъ и выразителенъ. Есть въ немъ что то необыкновенное, поразительное, что невольно неотразимо и непреодолимо дѣйствуетъ на каждаго. Какъ бурный потокъ увлекаетъ за собою все, что встрѣчаетъ на пути своего слѣдованія, такъ и этотъ человѣкъ увлекаетъ за собою непреодолимо всѣхъ и каждаго, съ кѣмъ только приходится ему соприкасаться. Еще болѣе необыкновеннымъ выглядитъ о. Іоаннъ во время богослуженія. Здѣсь подъемъ всѣхъ его духовныхъ силъ достигаетъ наивысшаго напряженія. Его заразительность, если такъ можно выразиться, въ это время достигаетъ самыхъ громадныхъ размѣровъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ эти минуты пятитысячная толпа народа стонетъ и плачетъ, при видѣ его, какъ одинъ человѣкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, говорятъ, и въ томъ, что въ это время восторженныя, болѣе религіозныя натуры даже

видятъ различныя видѣнія — Спасителя, Ангеловъ и другихъ небожителей,—видѣнія, доступныя лицезрѣнію только немногихъ. Область экстаза, въ который приходятъ восторженныя, религіозныя натуры, очень глубока и обширна. Въ этомъ состояніи люди могутъ совершать такія дѣла, изъ ко-

О. Іоаннъ.

торыхъ многія до сихъ поръ не могутъ быть изъяснены самыми талантливыми учеными.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, пытаются объяснить и пора-

зительныя исцѣленія, совершаемыя о. Іоанномъ. И въ этомъ, говорятъ, нѣтъ ничего необыкновеннаго. Подъ вліяніемъ страшнаго духовнаго напряженія и полнаго нравственнаго перелома, когда пробуждаются самыя сокровенныя, еще недовѣдомыя человѣку его великія внутреннія, зиждительныя силы, могутъ совершаться какіе угодно поразительные факты. Въ этомъ состояніи могутъ выздоравливать паралитики, глухіе, нѣмые, сухорукіе, люди съ согбенными различными членами. Развѣ вы не читали, говорятъ, „Лурдъ" Зола? Зола ясно тамъ доказалъ, что исцѣленіе Мари, извѣстной больной дѣвушки, у статуи Лурдской Божіей Матери, совершилось совершенно естественнымъ способомъ? Говорятъ, было бы чудомъ, если бы этого исцѣленія при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась Мари, не было. Все въ этомъ, повидимому, странномъ событіи до того просто, ясно, что оно не нуждается даже ни въ какихъ особенныхъ поясненіяхъ и обоснованіяхъ. А между тѣмъ католическое духовенство открыто и торжественно признало фактъ исцѣленія Мари чудомъ, несомнѣнно совершеннымъ Лурдской Божіей Матерію.

Не буду много говорить объ этомъ взглядѣ на жизнь и дѣятельность о. Іоанна,—взглядѣ весьма распространенномъ въ настоящее время. Скажу немногое. Когда Спаситель совершалъ великія, поразительнѣйшія чудеса, совершалъ ихъ на глазахъ у множества народа, одни вѣрили въ нихъ и исповѣдывали Его Сыномъ Божіимъ, а нѣкоторые говорили, что Онъ совершаетъ ихъ силой Веельзевула. Подобные люди не только говорили это, но и другихъ вездѣ и всюду хотѣли увѣрить въ томъ же. Мало того, Христа Спасителя распяли даже. Если находились люди, которые многочисленнымъ и поразительнымъ чудесамъ самого Спасителя не вѣрили, объясняли ихъ различно, то еще менѣе должно удивляться тому, что исцѣленія, совершаемыя о. Іоанномъ, понимаютъ различно. Можетъ быть, я ошибаюсь, но глубоко вѣрю тому, что люди извѣстнаго склада ума всегда будутъ всѣ чудесныя явленія объяснять самымъ естественнымъ способомъ, какими бы размѣрами необычайности они не отличались. Думается и вѣрится, что эти люди, если бы видѣли самого Христа, совершающимъ чудо въ какой либо ихъ лабораторіи, при возможномъ для человѣка контролѣ всѣхъ

дѣйствій Чудотворца, будучи вооружены всевозможными аппаратами, все-таки не повѣрили бы даже чуду воскрешенія Имъ Лазаря. Вѣра въ чудо есть актъ и внѣшній, и внутренній. Безъ извѣстнаго душевнаго уклада, жизнепониманія невозможно справедливо оцѣнить тѣ или другія явленія духовной жизни. Смотря на явленіе подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, необходимо и естественно уже представляешь его не въ надлежащемъ, дѣйствительномъ видѣ, а окутаннымъ дымкой тѣхъ или другихъ взглядовъ и воззрѣній.

Развѣ милующая и спасающая десница Божія не одинаково распростерта надъ всѣми? Но многіе ли видятъ это? Въ жизни каждаго человѣка встрѣчаются такія событія, которыя нужно прямо называть чудомъ Божіимъ. Вотъ мы спасены отъ неминуемой смерти. Но многіе ли понимаютъ, *какъ* они спасены.

Изъ окна высокаго дома падаетъ дитя. Подъ самымъ окномъ лежали большіе камни, торчалъ острый колъ, въ стѣнѣ были вбиты гвозди, скобки желѣзныя. Недалеко отъ окна былъ и самый уголъ съ острыми концами бревенъ. Ребенокъ падаетъ въ небольшое углубленіе между камнями, заполненное нѣсколькими горстями сѣна, и остается цѣлъ и невредимъ. Какъ это случилось? Не скажутъ ли многіе совершенно спокойно: случайно. Приведу другой примѣръ. Вѣтряная мельница на полномъ ходу. Вотъ налетѣлъ страшный порывъ вѣтра. Крылья завертѣлись съ необыкновенной быстротой. Вся мельница пришла въ сотрясеніе. Еще нѣсколько времени, и отъ мельницы не останется ничего. Хозяинъ торопливо бѣжитъ на верхъ, чтобы остановить колесо. Но вотъ вѣтромъ раздуло его рубашку, поднесло къ шестернѣ, захватило шестерней... Рубашка изъ крѣпкой деревенской ткани не рвется, и несчастнаго быстро втягиваетъ въ шестерню. Напрасны всякія сопротивленія. Крика среди шума вѣтра, грохота колесъ и камней никто не слышитъ. Еще одинъ моментъ, и бѣдный мельникъ долженъ погибнуть. Спасенія нѣтъ... Но вотъ въ самую критическую минуту падаетъ подъ шестерню отъ вѣтра изъ подъ крыши толстое бревно и мгновенно останавливаетъ всю мельницу. Несчастный спасенъ. Какъ это случилось? Не скажутъ ли многіе опять совершенно спокойно: случайно. Приведу третій примѣръ. Идетъ священникъ по храму. Остановился на минуту.

Вдругъ впереди его съ высоты церковнаго потолка падаетъ масса штукатурки въ 50—60 пудовъ вѣсомъ. Еще моментъ, и священникъ нашелъ бы себѣ здѣсь могилу. Что случилось здѣсь? Не скажутъ ли многіе: ничего особеннаго. И не мало подобныхъ случаевъ можно было бы привести, если бы это только было необходимо. Пусть каждый переберетъ свою жизнь и онъ непремѣнно найдетъ, что Господь не разъ дивно спасалъ его отъ различныхъ несчастій и даже смерти. И нынѣ *близъ* насъ Господь, какъ это было и въ далекія первохристіанскія времена. Но какъ во времена Христа Спасителя многіе „видя не видѣли", „слыша не слышали", такъ и нынѣ многіе не слышатъ и не видятъ того, что совершается у всѣхъ на глазахъ. И это свое незнаніе, невѣдѣніе и неслышаніе несутъ на стогны градовъ, предлагая, навязывая ихъ знающимъ и видящимъ...

О нервозности о. Іоанна, какъ основной причинѣ его вліянія на народъ, по моему мнѣнію, даже смѣшно говорить. Въ настоящее время такъ много всевозможныхъ нервныхъ людей, какъ ихъ мало когда бывало. Не даромъ нашъ вѣкъ называютъ нервнымъ вѣкомъ. Однако, не смотря на все это, какъ мало, чтобы не сказать болѣе, среди массы чрезвычайно нервныхъ людей мы находимъ людей, хотя бы только въ незначительной мѣрѣ напоминающихъ собою, по своему вліянію на народъ, — Кронштадтскаго пастыря. При этомъ нужно имѣть въ виду и другое весьма немаловажное обстоятельство. Не нужно скрывать того, что дѣятельность о. Іоанна является предметомъ зависти для многихъ. Многіе уже пытались подражать ему во всемъ, чтобы вызвать своею дѣятельностью явленія, напоминающія собою хотя бы только отчасти дѣятельность о. Іоанна. Подражали его манерамъ—говорить, служить, читать, ходить, обращаться съ людьми. То тамъ, то здѣсь проходили слухи о явленіи новаго о. Іоанна Кронштадтскаго. И народъ начиналъ приходить къ такимъ о. Іоаннамъ. Но какъ все это мало походило на то, что всѣ мы привыкли видѣть въ дѣйствительномъ о. Іоаннѣ! Слава о такихъ о. Іоаннахъ скоро мало по малу замирала, и потомъ о нихъ всѣ совершенно забывали. Немного нервами и внѣшними манерами можно сдѣлать. Тутъ необходимо что-то совершенно другое.

Наконецъ, у многихъ людей, глубоко вѣрящихъ о. Іоанну

и въ о. Іоанна, есть способность все анализировать, ко всему отнестись строго критически. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, обманывать десятки тысячъ людей, среди которыхъ множество высокопросвѣщенныхъ и глубокообразованныхъ. Однако, никакой анализъ, никакой скепсисъ не далъ имъ возможности ничего обнаружить предосудительнаго въ дѣятельности о. Іоанна. Даже молва, осуждающая о. Іоанна, скептически, а иногда и совершенно отрицательно относящаяся къ его служенію, не могла въ нихъ поколебать глубокой вѣры въ него.

Если кто не въ состояніи будетъ повѣрить этимъ строкамъ, тотъ пусть повѣритъ словамъ извѣстнаго профессора—психіатра, И. А. С — аго. Касаясь ходячаго мнѣнія, что увлеченіе о. Іоанномъ есть явленіе модное, психопатическое, онъ открыто, твердо и рѣшительно называетъ его не только неосновательнымъ, но и прямо легкомысленнымъ. „Наблюденія,—говоритъ онъ,—которыя намъ удалось сдѣлать относительно массъ, показали совершенно противоположное. Мы нигдѣ не видѣли проявленія истеріи, не было шума; наблюдалось необычное самообладаніе. Увлеченіе массъ о. Іоанномъ имѣетъ свойство бодраго, здороваго психическаго оживленія". Люди ищутъ у него утѣшенія или исцѣленія отъ нравственныхъ золъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ о. Іоаннъ былъ лишь посредникомъ въ раздаяніи народу той или другой помощи. Здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о какихъ внѣшнихъ чарахъ о. Іоанна [1]).

Очевидно, и не здѣсь нужно искать причины глубочайшаго вліянія о. Іоанна на народныя массы.

Нѣкоторые говорятъ, что главный факторъ вліянія этой великой личности на народъ—факторъ историческій. О. Іоаннъ представляетъ собою воплощеніе созданнаго самимъ народомъ, въ теченіе его многострадальной, вѣковой исторіи, идеала православнаго пастыря. Когда народъ увидѣлъ въ о. Іоаннѣ воплощеніе этого идеала, то народная любовь къ нему проявилась съ неудержимой, можно сказать, стихійной силой. Конечно, есть нѣчто справедливое въ этомъ взглядѣ. Всѣ герои, выдающіеся общественные дѣятели, всегда, такъ сказать, націонализируются, проходятъ сквозь призму національнаго сознанія и получаютъ здѣсь извѣстные черты и

---

[1]) *Душеп. Чтеніе.* Соч. цит. Стр. 543.

оттѣнки, понятные болѣе тому народу, среди котораго сложились они. Но нельзя согласиться съ этимъ взглядомъ вполнѣ. Онъ не обнимаетъ собою всей дѣятельности о. Іоанна. Въ самомъ дѣлѣ, если о. Іоаннъ вліяетъ на народъ потому, что онъ представляетъ собою воплощеніе только народнаго идеала пастыря, то спрашивается, почему онъ вліяетъ на иностранцевъ всѣхъ возрастовъ, званій, состояній,—иностранцевъ, не видавшихъ о. Іоанна никогда и не имѣвшихъ никакого представленія о народномъ идеалѣ православнаго пастыря? Какимъ образомъ онъ вліяетъ на евреевъ, татаръ. караимовъ, не имѣющихъ не только представленія о народномъ идеалѣ православнаго пастыря, но и несродненныхъ съ духомъ нашего христіанскаго жизнепониманія и жизнеустроенія? Какимъ образомъ тогда онъ вліяетъ на лицъ интеллигентныхъ, мужей науки, для которыхъ иногда не только не существуетъ никакого идеала православнаго пастыря, но и самое то служеніе его является поразительнымъ невѣжествомъ и абсурдомъ? Какимъ образомъ о. Іоаннъ, подобно какому нибудь магу, приводитъ въ поразительно гармоническое движеніе всѣ эти столь разнообразные элементы общества?

Нельзя не обратить вниманія и на другую сторону дѣла. И среди современныхъ русскихъ пастырей, если не чрезвычайно многіе, то нѣкоторые—являются истинными носителями и выразителями историческихъ началъ своего народа. Однако, всѣмъ намъ прекрасно извѣстно, какъ мало среди нихъ людей, которые были бы подобны о. Іоанну по своему вліянію на столь различные, до полной противоположности, слои общества. Едва ли также можно говорить и о воплощеніи широкаго идеала христіанской жизни въ какія бы то ни было узкія рамки національнаго самосознанія. Христіанство — религія духа. Христосъ, проповѣдуемый современными пастырями, выше рамокъ всякаго національнаго міросозерцанія, какою бы высотою оно не отличалось. Очевидно, „секретъ жизни“ о. Іоанна заключается и не въ историческомъ факторѣ, какъ говорятъ нѣкоторые.

Другіе утверждаютъ, что поразительно широкая благотворительность о. Іоанна влечетъ къ нему сердца всѣхъ. „Русскій народъ, говорятъ, въ лицѣ о. Іоанна имѣетъ въ высшей степени разительный примѣръ Того, Кто ходилъ по-

всюду благотворя“. Бѣднота, говорятъ, всюду пойдетъ за кускомъ хлѣба и преклонится предъ всякимъ, кто его имѣетъ и даетъ ему. Подобные люди не прочь даже напомнить намъ о великомъ Инквизиторѣ Достоевскаго и его взглядахъ на силу насущнаго хлѣба. Правда, щедрая благотворительность о. Іоанна влечетъ къ нему много народа отовсюду. Но не ею же однако нужно объяснять фактъ безпримѣрнаго вліянія о. Іоанна на народъ. Вѣдь не нужно забывать слѣдующаго. Къ о. Іоанну обращаются за помощію милліонеры — богачи. Какая имъ нужна отъ него, не имѣющаго часто у себя ни одной копейки денегъ, помощь? Къ нему обращаются интеллигентные люди, пораженные духомъ сомнѣнія, невѣрія, ищущіе всюду разрѣшенія своихъ жгучихъ вопросовъ и сомнѣній. Къ нему обращаются люди, страдающіе всевозможными болѣзнями, нуждающіеся или въ исцѣленіи ихъ, или въ смягченіи своихъ страданій. Къ нему приходятъ собратья-сопастыри, желающіе научиться здѣсь болѣе успѣшно трудиться на нивѣ Господней. Какая имъ нужна отъ него помощь? Къ нему приходятъ юноши съ вопросомъ—„что имъ дѣлать“. Какой помощи они просятъ у него? Отъ чего плачетъ въ храмѣ Божіемъ, гдѣ онъ служитъ, пятитысячная толпа народа, изъ которыхъ большинство не получило отъ него ни одной копейки?

Наконецъ, нельзя забывать и того, что о. Іоаннъ началъ свою дѣятельность, будучи простымъ бѣднымъ священникомъ, какъ начинаютъ свою дѣятельность большинство нашихъ пастырей. Чѣмъ же онъ сталъ тогда привлекать къ себѣ сердца людей? Очевидно, и не въ благотворительности только о. Іоанна нужно искать „секрета его жизни“, а въ чемъ то другомъ, безъ чего была бы невозмножна та широкая благотворительность, какую онъ ведетъ въ настоящее время, тотъ религіозный подъемъ духа, какимъ полна его душа, тотъ даръ чудодѣйственной молитвы, какимъ онъ обладаетъ,—безъ котораго было бы невозможно то удивительное самоотверженіе, какимъ отличается его служеніе людямъ. Очевидно, должно быть нѣчто такое, на чемъ зиждется все—и благотворительность, и религіозность, и самоотверженіе, и даръ молитвы, и исцѣленія. Гдѣ же скрытый фундаментъ всей дѣятельности о. Іоанна, разлагая которую на составныя части, одни стараются доказать, что причина успѣха его за-

ключается въ одной чертѣ его дѣятельности, а другіе — въ другой. Въ чемъ же „секретъ его жизни“ и дѣятельности?

XXI.

Кажется, нѣтъ ничего труднѣе, какъ подвергнуть анализу сокровеннѣйшіе тайники души человѣческой, полные загадочныхъ и таинственныхъ силъ. Какъ часто бываетъ, что эти таинственныя силы, поднимающіяся въ насъ откуда то изъ недовѣдомой намъ глубины, въ минуты, когда ихъ мы не ожидаемъ, какъ мало эти свѣтлыя и темныя силы извѣстны и намъ самимъ. Кто же въ состояніи съ увѣренностію сказать когда либо о другомъ, что я постигъ секретъ его жизни? Поэтому я не выдаю своего рѣшенія поставленнаго мною вопроса, которое сейчасъ выскажу, за единственно вѣрное, справедливое и возможное. Скажу даже болѣе. Я не буду, я не хочу утверждать ни того, что онъ вѣренъ, ни того, что онъ не вѣренъ. Я скажу только то, что думаю по этому вопросу и во что самъ лично глубоко вѣрю.

По моему глубокому, непоколебимому убѣжденію весь „секретъ жизни“ о. Іоанна заключается въ его истинной, живой, дѣятельной вѣрѣ во Христа Спасителя и Его ученіе, въ полномъ проникновеніи этимъ ученіемъ, ставшемъ отнынѣ его родною и вѣчной стихіей, а не мертвою пустою буквою, не простымъ и холоднымъ знаніемъ только, какъ у множества современныхъ людей. Изъ этого безконечно глубокаго духовнаго источника онъ почерпаетъ и свою удивительную любовь ко всѣмъ людямъ, и даръ молитвы, и даръ врачеванія различныхъ недуговъ. И это вполнѣ справедливо.

О. Іоаннъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Ап. Павломъ, что теперь „не я уже живу, живетъ во мнѣ Христосъ“. „Живетъ Христосъ“, не какъ отвлеченное начало, не какъ сумма извѣстныхъ правилъ, не какъ простое историческое воспоминаніе, а какъ живая Личность, какъ Богочеловѣкъ (Іоан. XIV, 21. 23. Апок. III, 20 и др.). Онъ какъ бы утратилъ свое индивидуальное бытіе, свою душу. Его душа какъ бы погрузилась въ духъ Христа и перестала существовать отдѣльно. Его жизнь стала съ этого времени не его жизнію, а жизнію во Христѣ, какъ онъ и самъ ее называетъ. На все онъ сталъ теперь смотрѣть иначе. Весь міръ видимыхъ и невидимыхъ явленій для него распался на два міра: міръ Христа и міръ ан-

тихриста, міръ добра и зла. Въ его жизни не стало ни одной минуты, когда бы можно было служить кому либо другому, кромѣ Христа. Вся его жизнь проходитъ предъ лицомъ Бога. Каждое свое желаніе, каждую свою мысль, каждое свое движеніе о. Іоаннъ старается освѣтить свѣтомъ небеснымъ. Все—для Бога и въ Богѣ, ничего—безъ Бога и не для Бога. Въ своей душѣ я невольно сравниваю его въ этомъ отношеніи съ Энохомъ, ходившимъ нѣкогда постоянно предъ лицомъ Бога и вознесеннымъ на небо за святость своей жизни. И развѣ отчасти не справедливо это?

„Ходи всегда, говоритъ о. Іоаннъ, въ живомъ сознаніи и чувствѣ присутствія Божія и Богоматери и какъ бы въ виду всего неба, всѣхъ святыхъ ангеловъ и святыхъ человѣковъ, которые съ неба взираютъ на насъ, на всѣ входы и исходы наши, на всѣ помышленія, намѣренія, предпріятія и дѣла наши, и суть свидѣтели нашей жизни неподкупные“. Для о. Іоанна царство Божіе не гдѣ то въ недозримой дали отъ него, а здѣсь, на землѣ. „Спаситель съ нами невидимо и всегда готовъ спасать насъ быстро, по вѣрѣ нашей и призванію нашему святаго, чуднаго и спасительнаго имени. Ибо сказано: „всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется“. И въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „развѣ нѣтъ у насъ Спасителя? Развѣ не ближе Онъ къ намъ, чѣмъ грѣхъ? Развѣ Онъ не благопослушливъ? Развѣ Онъ дремлетъ, спитъ? Развѣ не бодрствуетъ надъ нами непрестанно, милуя насъ, заступая, просвѣщая, избавляя насъ отъ всякаго грѣха, отъ всякой скорби, бѣды, гнѣва, нужды, тѣсноты и злого обстоянія, когда мы прибѣгаемъ къ Нему съ вѣрою? Но мы маловѣрны, невѣрны, не умѣемъ призывать Его усердно, съ вѣрою, съ покаяніемъ. Отъ того мы и бѣдствуемъ, бѣдствуемъ часто и погибаемъ ужасно, какъ мухи, какъ черви, какъ свиньи въ водѣ.“ О. Іоаннъ говоритъ и большее. „Господь такъ постоянно близокъ къ намъ, что ближе окружающаго насъ кругомъ воздуха, ближе нашей одежды, ближе наконецъ самаго нашего тѣла: Онъ въ нашей душѣ“.

Вотъ еще замѣчательныя строки, краснорѣчиво свидѣтельствующія, что вся жизнь о. Іоанна есть непрестанное хожденіе предъ Богомъ.

„Во всемъ и на всякое время угождай Богу и думай о спасеніи души своей отъ грѣховъ и діавола и о усвоеніи ея Богу,—говоритъ онъ. Всталъ съ постели, перекрестись и

скажи: „Господи, сподоби въ день сей безъ грѣха сохраниться намъ“ и „научи мя творити волю Твою“; моешься дома или въ банѣ, говори: „окропиши мя ѵссопомъ, Господи, и очищуся, омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся“; надѣваешь бѣлье, думой о чистотѣ сердца и проси у Господа чистаго сердца: „сердце чисто созижди во мнѣ, Боже“; обнову сшилъ и надѣваешь ее, думай объ обновленіи духа и говори: „духъ правъ, Господи, обнови въ утробѣ моей“; отлагаешь ветхую одежду съ пренебреженіемъ ея, думай объ отложеніи съ большимъ пренебреженіемъ ветхаго человѣка, грѣховнаго, страстнаго, плотскаго; вкушаешь хлѣбъ сладости, думай объ истинномъ хлѣбѣ, дающемъ вѣчную жизнь душамъ нашимъ, и желай чаще его причащаться; пьешь воду или чай, или медъ сладости, или другое питіе, думай объ истинномъ питіи, утоляющемъ души, палимыя страстями, о Пречистой и Животворящей Крови Спасителя; отдыхаешь днемъ, думай о вѣчномъ покоѣ, уготованномъ подвизавшимся здѣсь въ борьбѣ съ грѣхомъ, съ духами злобы поднебесными, съ неправдами человѣческими или невѣжествомъ и грубостью человѣческою; спать ли ложишься ночью, думай о снѣ смертномъ, который рано или поздно непремѣнно придетъ для всѣхъ насъ, и о той темной, ужасной, вѣчной ночи, въ которую будутъ повержены всѣ грѣшники нераскаянные; встрѣчаешь день, думай о невечернемъ, вѣчномъ, пресвѣтломъ— паче нынѣшняго солнечнаго дня — днѣ царствія небеснаго, въ который будутъ радоваться всѣ угодившіе Богу, или отъ всего сердца покаявшіеся Богу въ этомъ временномъ животѣ; идешь ли куда, думай о правости духовнаго хожденія предъ лицомъ Бога и говори: „стопы моя направи по словеси Твоему и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе“; дѣлаешь ли что, старайся это дѣло дѣлать съ мыслію о Богѣ Творцѣ, все содѣлавшемъ безконечною премудростію, благостію Своею, всемогуществомъ Своимъ и тебя создавшемъ по образу и по подобію Своему; деньги ли, сокровище ли какое получаешь или имѣешь, думай, что сокровище наше неистощимое, отъ коего всѣ сокровища души и тѣла, источникъ приснотекущій всякаго блага — есть Богъ, вседушевно Его благодари и не заключай своихъ сокровищъ у себя, да не заключишь входа въ свое сердце безцѣнному и живому Сокровищу—Богу, но удѣляй изъ своего состоя-

нія требующимъ, нуждающимся, нищимъ братіямъ своимъ, которые для того поставлены въ этой жизни, чтобы ты могъ на нихъ доказать любовь твою, благодарность къ Богу и удостоиться за то награды въ вѣчности; видишь ли бѣлый серебряный блескъ, т. е. бѣлое серебро, не прельщайся имъ, но помышляй, что должна быть бѣла и блистать добродѣтелями Христовыми душа твоя; видишь ли златый блескъ или злато, не прельщайся имъ, но помни, что тебя самого Господь хочетъ просвѣтить, какъ солнце, въ вѣчномъ, свѣтломъ царствіи Отца Своего".

Гдѣ, въ чемъ заключается жизнь, смыслъ жизни для о. Іоанна? „Господи! исповѣдую предъ Тобою, что не на дачѣ, не въ лѣсу жизнь и здравіе и крѣпость духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, а у Тебя во храмѣ, наипаче въ литургіи и въ животворящихъ Твоихъ Тайнахъ". Господь для о. Іоанна не только премірное Существо, Которому какъ бы чужды горе, нужды и страданія людей, Который изъ недовѣдомой для насъ дали только созерцаетъ міръ. Нѣтъ, онъ видитъ Его вездѣ и всюду какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ духовномъ. „Господь есть совершенный обладатель и повелитель всей твари, и мы знаемъ, что повелѣній Его слушаетъ вся тварь: ангелы и смысленные сердцемъ человѣки, небо, земля и все, что на нихъ, даже адъ и все, что въ немъ. Повелѣваетъ ангеламъ—и они быстро шествуютъ исполнять волю Его; повелѣваетъ быть хранителями возрожденныхъ людей—и они хранятъ всю жизнь и ни въ чемъ не преступаютъ повелѣній Его; повелѣваетъ небу—и оно или даетъ дождь и росу, или снѣгъ и градъ, или удерживаетъ ихъ; повелѣваетъ вѣтрамъ, водѣ—и они слушаются Его; повелѣваетъ огню—и онъ слушается Его; повелѣваетъ солнцу—и оно затмевается или свѣтитъ всей подсолнечной, согрѣвая и освѣщая ее; повелѣваетъ землѣ — и она прозябаетъ разнаго рода растенія, запрещаетъ произращать — и перестаетъ; повелѣваетъ водамъ неудержимо литься на землю—и онѣ льются, какъ въ потопъ всемірный; повелѣваетъ вѣтрамъ—и они дуютъ, свирѣпствуютъ и бываютъ разрушительными за грѣхи наши; повелѣваетъ киту морскому пожрать пророка Іону—и онъ готовъ на ловъ; повелѣваетъ рыбѣ наполнить сѣть учениковъ своихъ—и она бѣжитъ, и бѣжитъ, послушная велѣнію Творца; повелѣваетъ мертвецу встать,

ожить—и смерть бѣжитъ отъ человѣка, и является жизнь; повелѣваетъ болѣзни оставить больного—и болѣзнь бѣжитъ,

О. Іоаннъ.

и больной встаетъ, бодрый и здоровый; повелѣваетъ бѣсамъ—и они безпрекословно повинуются. Велико имя Господне, хвально имя Господне, препрославлено имя Господне! Онъ можетъ претворять твари Свои, какъ Ему

угодно: напр. воду въ кровь, воду въ вино, посохъ въ змія живаго, или опять: посохъ — въ живое растеніе, человѣка въ столпъ, какъ жену Лотову, змѣя — въ золото, и опять: золото—въ змѣя, какъ это по молитвѣ угодника Своего Спиридона Тримифунтскаго сотворилъ Господь. Но особенно сила, держава Господня проявляется въ томъ, что Онъ претворяетъ человѣка-грѣшника въ святой и избранный сосудъ, падшаго паденіемъ ужаснымъ — возстановляетъ, растлѣннаго воскрешаетъ и обновляетъ, мертваго душею и тѣломъ человѣка—оживляетъ, падшаго въ вѣчную смерть—вводитъ въ вѣчную жизнь. Это чудо чудесъ; это являетъ безконечную благость, премудрость и всемогущество Господа твари, или еще то, что Онъ, Самъ будучи Господомъ твари, безначальнымъ, невмѣстимымъ, изволилъ и возмогъ Самъ содѣлаться человѣкомъ нашего ради спасенія.... Господи! славлю всеблагую, святую, всемогущую, премудрую державу Твою. Господи! яви и на мнѣ чудную державу Твою и, имиже вѣси судьбами, спаси мя, недостойнаго раба Твоего, презирая вольныя и невольныя согрѣшенія мои, согрѣшенія вѣдомыя и невѣдомыя, наставляя меня присно на путь Твой и укрѣпляя меня въ пути семъ благодатію Твоею, а чрезъ меня и—прочихъ, для которыхъ Ты поставилъ меня свѣтильникомъ, пастыремъ, учителемъ и священнодѣйственникомъ“.

Отсюда вытекаетъ его постоянная молитва къ Богу, отличающаяся почти всегда однимъ и тѣмъ же содержаніемъ. Какимъ глубокимъ сознаніемъ постоянной и самой живой близости къ нему Бога проникнуты эти дивныя молитвы. Не доводами, подслушанными у другихъ людей, не тысячами хитросплетенныхъ силлогизмовъ, заимствованныхъ изъ различныхъ книгъ, не историческими и археологическими доводами убѣждается онъ въ близости къ себѣ Бога. Нѣтъ, въ глубинѣ своей души онъ постоянно носитъ это свидѣтельство и убѣждается въ истинѣ самъ непосредственно. Въ тайникахъ души своей онъ, такъ сказать, постоянно осязаетъ ее. „О, невидимый Благодѣтель мой, Коимъ я постоянно живу,—молится онъ,—Ты, мнѣ внимающій, исполняющій во благихъ желанія сердца моего, спасающій меня отъ грѣховъ моихъ, отъ злодѣйства невидимыхъ враговъ, Ты, благоустрояющій судьбу мою, просвѣщеніе мое, помощь моя,

слава моя, сила моя, утвержденіе мое, когда я узрю Тебя? Когда узрю Благодѣтеля и Творца лицомъ къ лицу?“

Говоритъ онъ не разъ и о благодатныхъ вѣяніяхъ, которыя нерѣдко ясно ощущалъ въ своей душѣ. „Благодарю Господа, сильнаго въ благости и крѣпкаго въ крѣпости Своей, за помилованіе скорое и великое, за исцѣленіе глубокихъ язвъ сердечныхъ, причиненныхъ грѣхомъ. Что не могла сдѣлать продолжительная домашняя молитва, то сдѣлало одно только прикосновеніе къ животворящему, славному и страшному престолу Божію въ храмѣ: язва сердца, смущеніе, скорбь и тѣснота вдругъ исчезли, какъ бы великая гора отпала отъ сердца, и я сдѣлался миренъ, на сердцѣ стала легкость, просторъ и дерзновеніе. Дивны дѣла Твои, Господи“. И опять мы читаемъ въ его „Дневникѣ“ слѣдующія знаменательныя слова. „Благодарю Тебя, Господи, яко даруеши мнѣ новую жизнь каждый разъ, когда я со слезами покаянія и благодаренія совершаю божественную литургію и причащаюсь пречистыхъ и животворящихъ Таинъ Твоихъ. Твоимъ святымъ Тайнамъ я обязанъ доселѣ продолженіемъ бытія моего, непорочностію путей моихъ и доброю славою въ людяхъ твоихъ... Да святится убо имя Твое великое во мнѣ паче и паче,—и во всѣхъ людяхъ Твоихъ, на нихъ же имя Твое святое нарицается,—и во всемъ мірѣ Твоемъ... Да будетъ воля Твоя святая, премудрая, всеблагая, всесовершенная, всеблаженнотворная, яко на небеси и на земли во всѣхъ людяхъ Твоихъ, и во мнѣ грѣшномъ, ибо собственная воля наша ошибочна, близорука, грѣховна, гибельна, нелюбовна, зла, завистлива, горделива, лѣнива, роскошелюбива, сребролюбива, скупа“. „Владыко мой, Господи Іисусе Христе! Мой скорый, пребыстрый, непостыждающій Заступниче! Благодарю Тебя отъ всего сердца моего, что Ты внялъ мнѣ милостиво,—когда я въ омраченіи, тѣснотѣ и пламени вражіемъ воззвалъ къ Тебѣ,—пребыстро, державно, благостно избавилъ меня отъ врагъ моихъ и даровалъ сердцу моему пространство, легкость, свѣтъ! О, Владыко, какъ я бѣдствовалъ отъ козней врага, какъ благовременно Ты явилъ мнѣ помощь и какъ явна была Твоя всемогущая помощь! Славлю благость Твою, благопослушливый Владыко, надежда отчаянныхъ; славлю Тебя, что Ты не посрамилъ лица моего въ конецъ, но милостиво отъ омраченія и безчестія адскаго избавилъ

меня. Какъ же послѣ этого я могу когда либо отчаяваться въ Твоемъ услышаніи и помилованіи меня окаяннаго? Буду, буду всегда призывать сладчайшее имя Твое, Спасителю мой; Ты же, о пренеисчетная Благостыня, яко же всегда, сице и во предняя спасай меня по безмѣрному благоутробію Твоему, яко имя Тебѣ—Человѣколюбецъ и Спасъ“.

Молитва о. Іоанна такъ глубока и чиста, что Господь не разъ его руками совершалъ даже дивныя врачеванія. Душа о. Іоанна, всегда пламенѣющая любовію къ Богу, удостоивалась и чудныхъ видѣній. Въ своемъ „Дневникѣ“ онъ пишетъ слѣдующее. „На 15-ое августа, въ день Успенія Богоматери 1898 г., я имѣлъ счастіе въ первый разъ видѣть *во снѣ* явственно, лицомъ къ лицу, Царицу небесную и слышать Ея сладчайшій, блаженный, ободрительный гласъ: милѣйшія вы чада Отца небеснаго,—тогда какъ я, сознавая свое окаянство, взиралъ на пречистый ликъ Ея съ трепетомъ и съ мыслію: не отринетъ ли меня отъ Себя съ гнѣвомъ Царица небесная? О ликъ святый и преблагій! очи голубыя и голубинныя, добрыя, смиренныя, спокойныя, величественныя, небесныя, божественныя! Не забуду я васъ, дивныя очи! Минуту продолжалось это видѣніе; потомъ Она ушла отъ меня неторопливо, перешагнула за небольшой оврагъ и скрылась. Я видѣлъ сзади шествіе небесной Посѣтительницы. Сначала я видѣлъ Ее какъ бы на иконѣ, ясно, а потомъ Она отдѣлилась отъ нея, сошла и подвиглась въ путь. Съ вечера я писалъ проповѣдь на день Успенія, и легъ поздно, въ два часа ночи. За всенощной я читалъ съ великимъ умиленіемъ акаѳистъ и канонъ Успенію Богоматери въ Успенской церкви“.

Итакъ, область духа—вотъ сфера жизни о. Іоанна. А какая это таинственная, величайшая, всеобъемлющая область... Сколько величайшихъ, намъ мало извѣстныхъ или совсѣмъ даже неизвѣстныхъ, силъ и явленій таится въ ней? Когда исчерпаетъ ее всю человѣкъ? Ее не въ состояніи исчерпать не только никто изъ людей въ теченіе всей своей жизни, какимъ бы долголѣтіемъ она не отличалась, но и все человѣчество, взятое вмѣстѣ, безсильно здѣсь. Поэтому я не удивляюсь ничему особенному, поразительному, выдающемуся, что черпаютъ изъ этого глубочайшаго источника благодатные, Божіи люди. Скажу болѣе того, я не удивлюсь

ничему такому, что было бы даже совершенно выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій и для меня казалось бы рѣшительно непонятнымъ и непостижимымъ.

Замѣчательно, не иначе объясняетъ причину своего успѣха среди людей и самъ о. Іоаннъ, когда онъ касается въ своемъ „Дневникѣ“ этого вопроса. Вотъ эти замѣчательныя строки. „Вездѣ меня прославило имя Твое, Господи,—говоритъ онъ: и у трона царей, и у всѣхъ важныхъ и сильныхъ міра сего, и у богатыхъ и небогатыхъ, образованныхъ и простыхъ людей; всюду принесло Оно и приноситъ непрестанно отраду, миръ, избавленіе, спасеніе, исцѣленіе, здравіе, утѣшеніе, облегченіе, побѣду надъ кознями вражіими. Сколь чудно Имя Твое, Господи! Какъ чудно, державно, властно, сильно влечетъ всѣхъ ко мнѣ, убогому, благодать Твоя, во мнѣ живущая и пребывающая чрезъ частое причащеніе Св. Твоихъ Таинъ пречистаго Тѣла и Крови Твоея.“ Вотъ снова онъ задается тѣмъ же вопросомъ и снова даетъ на него тотъ же отвѣтъ. „Кѣмъ я славенъ,—говоритъ онъ,—любезенъ добрымъ людямъ, привлекателенъ, досточтимъ? — Господомъ, во мнѣ пребывающимъ, Который есть моя красота, слава, сила, святыня и правда, мое нетлѣнное вожделѣніе, непорочное вожделѣніе. Прилѣпляйся же всѣмъ сердцемъ во всякое время къ этой нетлѣнной, вѣчной красотѣ, славѣ, силѣ, къ этому нетлѣнному сокровищу душъ нашихъ, къ этой жизни присносущной, и не отпадай отъ нея чрезъ земныя, тлѣнныя, нечистыя вожделѣнія сердца твоего, столь склоннаго къ этимъ вожделѣніямъ, помрачающимъ и оскверняющимъ доброту и красоту души твоей, созданной по образу Божественной красоты“.

Теперь не трудно понять и причину вліянія жизни о. Іоанна на людей. Для чего мы живемъ? Для Бога мы должны жить. Добро и безконечное нравственное совершенство—вотъ цѣль всей нашей жизни. Добро—наша вѣчная стихія. Нѣтъ на землѣ ни одного самаго закоренѣлаго грѣшника, въ глубинѣ души котораго не осталось бы ни одной блестки добра. Мы можемъ много и часто грѣшить, но никогда не будемъ въ состояніи заглушить въ себѣ голоса своей совѣсти, которая насъ будетъ обличать за наши уклоненія и отступленія отъ закона Христова. Вотъ какія замѣчательныя строки объ этомъ мы находимъ у древнихъ подвижниковъ, глубокихъ знатоковъ души человѣческой.

„Доказано и всѣми признается,—говоритъ одинъ изъ нихъ,— что душѣ свойственна чистота, а о страстяхъ должно смѣло сказать, что онѣ ни мало не естественны душѣ, потому что болѣзнь позднѣе здравія“. Душѣ человѣка особенно свойственно и близко добро,—говоритъ другой подвижникъ. По его словамъ, „достаточно только указать, въ чемъ — добро, чтобы заставить человѣка исполнить это. Кто знаетъ, что онъ потерялъ, тотъ будетъ о томъ плакать“. Исаакъ Сиринъ говоритъ: „всякая вещь обыкновенно стремится къ сродному ей. И душа, имѣющая въ себѣ удѣлъ духа, когда услышитъ слово, заключающее въ себѣ сокровенную силу, пламенно влечетъ къ себѣ содержаніе этого слова“. Грѣхъ такъ несроденъ нашей душѣ, что только стоитъ понять его, чтобы оставить его. И наоборотъ, добро такъ свойственно природѣ человѣка, составляетъ такое существенное, необходимое условіе его жизни, что понявшій, въ чемъ заключается добро, уже несомнѣнно всей душей будетъ стремиться къ нему и будетъ стараться осуществить его. Такъ говорятъ древніе подвижники.

Что же представляетъ собою пастырь?

Всякій добрый пастырь есть носитель и выразитель той духовной жизни, какою должны жить всѣ безъ исключенія. Онъ—выразитель лучшихъ духовныхъ чаяній и стремленій, какія носитъ каждый изъ насъ въ своей груди и къ какимъ устремляется постоянно въ теченіе всей своей жизни, къ какимъ онъ идетъ, часто вставая и падая. Пастырь добрый— это нравственный вождь всего народа. Онъ—духовный маякъ, распространяющій свои лучи далеко, далеко среди непроглядной тьмы, манящій невольно всякаго путника, сбившагося съ пути. Это—„градъ, стоящій верху горы“, видный отовсюду и невольно привлекающій къ себѣ вниманіе людей своими чудными красотами. Въ нѣкоторомъ родѣ такого пастыря можно назвать даже добрымъ ангеломъ хранителемъ людей, подъ кровомъ котораго и добрые и злые всегда находятъ себѣ защиту и успокоеніе.

Видя въ пастырѣ безкорыстное, чистое, святое, самоотверженное исполненіе завѣтовъ небесныхъ, совершеннѣйшаго ученія Христа Спасителя, люди по самой своей природѣ не могутъ не устремляться всѣмъ своимъ существомъ къ такимъ глашатаямъ Божіей правды и истины. Какъ всякое растеніе само устремляется къ свѣту и не можетъ безъ него

существовать, такъ и душа наша сама невольно влечется ко всему доброму и не можетъ безъ него существовать. Ребенокъ, едва начинающій лепетать и понимать, уже различаетъ доброе и своей природой иногда даже безсознательно влечется къ нему. А то же самое добро развѣ не смягчало душу самаго отчаяннаго преступника, разбойника?

Сильны праведные люди на землѣ. О такихъ носителяхъ истины св. Іоаннъ Златоустъ прекрасно говоритъ: „человѣкъ, воодушевленный святою ревностью, въ состояніи исправить цѣлый народъ". То же самое говоритъ и св. Ефремъ Сиринъ: „великіе подвижники могутъ сдѣлать крѣпкимъ и самаго хилаго человѣка". Нѣтъ въ міра зла, которое бы устояло предъ силою добра. Отсюда совершенно понятно, почему различные пастыри имѣютъ различные круги вліянія. Подъ духовнымъ руководствомъ одного находятся десятки, другого—сотни, третьяго—тысячи. Чѣмъ выше духовная жизнь пастыря, тѣмъ шире и кругъ его вліянія на другихъ. И наоборотъ, чѣмъ онъ ниже и бѣднѣе, тѣмъ меньше и его вліяніе. Да и какъ иначе можетъ быть? Человѣкъ высокой духовной жизни сильнѣе, ярче, глубже отображаетъ въ себѣ то, чѣмъ должны жить и дышать люди. Его духовная жизнь забѣгаетъ далеко впередъ сравнительно съ жизнью другихъ людей. Въ этомъ—его причина владычества надъ многими. Человѣкъ менѣе совершенный естественно меньше добраго отображаетъ и въ своей жизни. Въ этомъ—причина его духовнаго владычества надъ немногими.

Такимъ образомъ главное условіе вліянія на людей заключается не въ учености, не въ психологической тонкости извѣстнаго духовнаго дѣятеля, не въ іезуитской ухищренной примѣняемости его къ людямъ разнаго положенія и характера, но во внутренней духовной его жизни, въ „явленіи духа и силы" (Кор. 2, 4), въ томъ, что мистически невольно переливается въ душу пасомаго, будитъ въ немъ его лучшія чувства, заставляетъ пламенѣть его сердце, роднитъ, связываетъ съ пастыремъ внутренними неразрывными узами. А этимъ всѣмъ и владѣетъ о. Іоаннъ въ изобильной степени. Онъ побѣдилъ сердца всѣхъ силою своего духа.

Я предвижу напередъ, что мнѣ будутъ возражать, прочитавши эти мои строки. Многіе скажутъ:

— Только то? Стоило ли объ этомъ писать? Это такъ хорошо всѣмъ извѣстно? А мы развѣ не христiане? А мы развѣ не вѣруемъ во Христа и Его ученiе? Стоило ли объ этомъ писать? Стоило ли въ такомъ случаѣ и критиковать другихъ? Вы ничего новаго намъ не сказали.

Да, сознаюсь откровенно, я ничего не сказалъ новаго. Скажу даже болѣе, я сказалъ нѣчто такое старое, что старо такъ же, какъ старъ этотъ мiръ. Но я не могу не сказать и того, что это старое такъ же ново, вѣчно, юно, жизненно, какъ ново все самое новое, что мы можемъ только видѣть, наблюдать или представить.

Христосъ Спаситель для всѣхъ насъ — „истина путь, и животъ“ (Іоан. XIV, 6). Въ теченiе всей вѣчности и въ каждый моментъ нашей жизни мы должны служить Христу. Коренная ошибка почти всѣхъ насъ заключается въ томъ, что мы никакъ не можемъ усвоить этого. Если же нѣкоторымъ нѣсколько удается приблизиться теоретически къ пониманiю этой истины, то имъ не удается никакъ постигнуть этого практически. Несомнѣнно, что мы христiане. Но также несомнѣнно и то, что многiе изъ насъ болѣе по имени только христiане. Ученiе Христа еще не стало нашей плотiю и кровью, нашей второй природой. Многiе изъ насъ еще не облеклись всецѣло во Христа и не сочетали своей жизни съ жизнью неба, не привили всецѣло своей жизни къ Источнику вѣчной жизни. Многiе изъ насъ не могутъ сказать, что Христосъ живетъ въ нихъ, какъ это говорилъ о себѣ Ап. Павелъ, и какъ говорили и говорятъ о себѣ лучшiе изъ христiанъ. Мы не можемъ сказать, что представляемъ собою вѣтвь на лозѣ, органически, неразрывными узами связанную съ своимъ стволомъ и получающую только отсюда свои живительные соки. Есть ли въ насъ духъ Христовъ? Многихъ ли изъ насъ сердца—храмъ Духа Божiя? Души многихъ ли изъ насъ прiуготовлены въ обитель для Бога и Его Сына? Небесный Женихъ часто по долгу стоитъ у дверей нашего сердца, совершенно напрасно ожидая внутренняго голоса, который бы позвалъ Его внутрь храмины, чтобы бесѣдовать и вечерять съ Нимъ. Рѣдко, рѣдко, и большею частiю лишь на нѣсколько блаженныхъ, счастливѣйшихъ мгновенiй, наша душа озаряется свѣтомъ небеснымъ. А большею частiю мы блуждаемъ въ полутьмѣ,

ходимъ какъ бы въ царствѣ тѣней. Мы влаемся постоянно между свѣтомъ и полутьмой.

Христіане ли мы въ полномъ и чистомъ смыслѣ этого слова?

Намъ сказано и заповѣдано: „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“. Многіе ли изъ насъ поступаютъ такъ, какъ заповѣдано поступать? Намъ сказано: „ищите во первыхъ царства Божія и правды Его, и сіе все приложится вамъ“. Многіе ли изъ насъ съ этого начинаютъ свою жизнь? Намъ сказано: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ“. Многіе ли изъ насъ поступаютъ такъ? Намъ сказано: „просящему у тебя — дай, и отъ хотящаго занять у тебя — не отвращайся“. Многіе ли изъ насъ поступаютъ такъ? Намъ сказано: „именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы“. А мы такъ далеки отъ проникновенія этими словами, что не только не совершаемъ „знаменій“ именемъ Христа, но еще и сомнѣваемся, чтобы не сказать болѣе, въ возможности этого. Не пустымъ ли звукомъ для многихъ изъ насъ являются и слѣдующія знаменательныя слова Спасителя: „если бы вы имѣли вѣру съ зерно горчичное и сказали смоковницѣ сей: исторгнись, и пересадись въ море; то она послушалась бы васъ“. А какъ относятся многіе къ другимъ подобнымъ словамъ Спасителя: „если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: прейди отсюда туда: и она прейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ“? Намъ сказано: „просите, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ“. И еще: „все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите“. Какъ мы далеки еще и отъ этого. Мы какъ бы не считаемъ себя дѣтями Отца небеснаго или думаемъ, что отношенія наши къ Богу, какъ отца земного къ своему сыну, — лишь пустые звуки. Всѣ ли изъ насъ и вполнѣ ли раздѣляютъ христіанское

жизнеустроеніе и жизнепониманіе? Богъ ближе къ намъ всякаго человѣка во всякое время: ближе нашей одежды, ближе воздуха, свѣта, ближе жены, отца, матери, дочери, сына, друга. Господь вездѣ и всюду съ нами. „Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посредѣ нихъ“. „Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ мой возлюбитъ его, и Мы пріидемъ къ Нему, и обитель у него сотворимъ“,— говоритъ Спаситель.

Но исполняемъ ли мы эти слова? Не распинаемъ ли мы иногда „паки“ Христа? Говорить ли о тѣхъ, которые отрицаютъ нѣкоторыя заповѣди Спасителя, и о тѣхъ, которые даже потеряли всякую вѣру въ Сына Божія?...

Возлюбленный ученикъ Спасителя Ап. Іоаннъ пишетъ: „Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ“. Также говоритъ и пишетъ и о. Іоаннъ, вѣрно понявшій свой жизненный путь. „Я Имъ живу душевно и тѣлесно, говоритъ онъ. Имъ дышу, Имъ мыслю, чувствую, соображаю, намѣреваюсь, говорю, предпринимаю, дѣлаю... Какъ въ морѣ, озерѣ, или рѣкѣ каждая частица находится въ соединеніи съ другими и окружена ими, или какъ въ воздухѣ каждая частица окружена другими и соединена съ ними, такъ всѣ мы — земнородные окружены Богомъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ чистые изъ насъ или очищающіеся соединены съ Нимъ и всюду въ Немъ находятся“. Но живемъ ли мы этими представленіями? Воплощаемъ ли ихъ въ своей жизни? Дѣйствительно ли постоянно въ насъ обитаетъ благодать Божія? Не становится ли наша душа часто ареной дѣйствій противника Бога?

Мы ежедневно молимся, часто причащаемся, исповѣдуемся. Но старались ли мы заглянуть въ глубь своей души и посмотрѣть на то, что мы совершаемъ? Далеко не всѣ и не всегда. „Когда мы молимся, то въ мысляхъ страннымъ образомъ вертятся самые святые, высокіе предметы наравнѣ съ предметами земными, житейскими, ничтожными: напр., и Богъ и какой либо любимый предметъ, напр., деньги, какая нибудь вещь, одежда, шляпа, или какой либо сладкій кусокъ, сладкій напитокъ, или какое либо внѣшнее отличіе, крестъ, орденъ, лента и проч. Такъ мы легкомысленны, пристрастны, разсѣянны! Это свойственно развѣ только языч-

никамъ, не вѣдающимъ истиннаго Бога, а не христіанамъ, коихъ сокровище не на земли, а на небеси. Гдѣ же живая вода въ нашемъ сердцѣ, бьющая ключемъ живительнымъ въ сердцахъ, всецѣло преданныхъ Богу? Ея потому и нѣтъ, что она вытѣснена изъ него житейскими суетами и прочими страстями". „Многіе люди и молятся лицемѣрно, и ихъ лицемѣрная молитва вошла у нихъ въ привычку; они сами даже не замѣчаютъ и не хотятъ замѣтить, что молятся лицемѣрно, а не въ духѣ и истинѣ, такъ что, если бы кто сказалъ имъ въ обличеніе, что они молятся лицемѣрно, они прогнѣвались бы на дерзнувшаго сказать такую, по ихъ мнѣнію, несообразность. До лицемѣрія человѣкъ доходитъ не вдругъ, а постепенно. Сначала, быть можетъ, онъ молился отъ сердца, но потомъ, такъ какъ молиться всегда сердцемъ составляетъ значительный трудъ, къ коему надо всегда принуждать себя, онъ начинаетъ больше молиться устами, поверхностно, а не изъ глубины души, такъ какъ это гораздо легче; и наконецъ при усиленной борьбѣ плоти и діавола, молится устами, не доводя до сердца силы словъ молитвенныхъ. Такихъ людей очень много... Что сказано о молитвѣ, то слѣдуетъ сказать и о причащеніи святыхъ, безсмертныхъ и животворящихъ Таинъ. Часто сначала человѣкъ причащается съ живою вѣрою, съ чувствомъ любви и благоговѣнія, а потомъ при непосредственномъ противодѣйствіи плоти и діавола истинѣ Божіей, уступаетъ имъ побѣду надъ собою и причащается лицемѣрно, не Тѣла и Крови, но, по его мыслямъ сердечнымъ, хлѣба и вина.... Такой человѣкъ внутренно окрадывается сатаною. Сохрани, Боже, всѣхъ отъ такого причащенія, отъ такой хулы на Господа. Это же бываетъ и съ таинствомъ покаянія". Это же бываетъ, добавимъ мы отъ себя, и съ другими таинствами.

Мы говоримъ, что вѣруемъ въ Бога. Но какъ глубоко мы вѣруемъ? „Мы только называемъ Господа Богомъ, а на дѣлѣ то у насъ свои боги, потому что волю Божію не творимъ, а волю плоти своей и помышленія, волю сердца своего, страстей своихъ; наши боги—плоть наша, сласти, одежды, деньги и проч." „Сколько христіанъ, которые говорятъ: вѣрую въ Бога, а дѣломъ не вѣруютъ? Сколько устъ нѣмѣютъ, когда нужно защитить въ обществѣ славу Божію и святыхъ Его,

на которую наносятъ хулу сыны вѣка сего — и нѣмѣютъ предъ ними? Иные молчатъ, когда нужно поддержать разговоръ о Богѣ, или когда нужно остановить какое либо безчиніе, дерзость. Многіе говорятъ: вѣрую въ Бога, а случись бѣда, напасть, искушеніе малодушествуютъ, унываютъ, иногда ропщутъ, и куда дѣвается вся вѣра? Тутъ бы и надо показать преданность волѣ Божіей. А то видно, они вѣруютъ въ Бога только въ счастіи, а въ несчастіи отвергаютъ Его".

Что представляетъ собою наша внутренняя жизнь, полная всевозможныхъ сомнѣній, колебаній, грѣховъ мысли, какъ далека эта жизнь отъ идеала христіанской жизни, объ этомъ нѣтъ нужды много говорить. Это хорошо каждый изъ насъ не только самъ знаетъ, но и чувствуетъ, ощущаетъ всѣмъ своимъ существомъ постоянно.

Какое великое несчастіе это для всякаго человѣка! Мы горды, мы слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ просвѣщеніи и своихъ добродѣтеляхъ. Нашъ внутренній міръ часто представляется намъ такимъ совершенно чистымъ, что въ душѣ своей мы не находимъ никакого недочета. А между тѣмъ если бы мы были въ состояніи заглянуть въ глубь своей души, то ясно увидѣли бы все свое великое убожество. „Ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ" (Апок. 3, 17). Не столько печально то, что мы грѣшимъ, сколько то, что грѣша мы не сознаемъ и не догадываемся часто даже объ этомъ. Наша храмина уже давно вся объята пламенемъ, а мы не видимъ бѣды и проводимъ время въ полной безпечности. Мы — на краю погибели и нисколько не подозрѣваемъ этого. А такъ ли мы должны жить, если хотимъ быть дѣтями Христа не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ? Припомните, съ какимъ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдитъ о. Іоаннъ за своимъ душевнымъ міромъ, какъ отмѣчаетъ самыя малѣйшія грѣховныя движенія своего сердца, какъ исповѣдуетъ свои грѣхи вездѣ и всюду, можно сказать, почти день и ночь, непрестанно.

Какъ несовершенны и наши отношенія къ нашимъ ближнимъ, какъ далеки отъ христіанскаго идеала наши отношенія ко всѣмъ людямъ, объ этомъ также едва ли нужно

много говорить. Эти недочеты нашей жизни краснорѣчиво засвидѣтельствованы сотнями современныхъ писателей. О нихъ постоянно напоминаютъ намъ уже не словомъ, а самымъ дѣломъ, наши улицы съ неимущими крова, бѣдныя хижины, голодныя, оборванныя, забитыя дѣти...

Мы часто ищемъ смысла жизни, порываясь отъ настоящей минуты своей жизни въ глубь вѣковъ минувшихъ, отрываясь отъ того мѣста, въ которомъ вращаемся, въ надзвѣздные міры и необозримую даль земель и пространствъ. Мы думаемъ, что тамъ въ неизвѣстной для насъ дали и выси царство Божіе. Отрѣшаясь отъ сферы своей скромной дѣятельности и наличной, дѣйствительной жизни, мы не прочь успокоить себя словами Спасителя: „вы не отъ міра". Но какъ мы глубоко ошибаемся. Нашъ міръ находится не гдѣ то отсюда за милліарды верстъ, не гдѣ то за безконечными звѣздными мірами, не гдѣ то въ глуби вѣковъ давно минувшихъ, онъ внутри насъ самихъ, на всякомъ мѣстѣ, въ каждой душѣ, въ каждомъ возрастѣ. Онъ отдѣляется отъ насъ не внѣшними далекими пространствами, а самою тою или другою жизнію, что окружаетъ насъ. Свѣтъ и дыханіе этого міра непосредственно близки намъ. Они обвѣваютъ насъ, наполняютъ каждый уголокъ нашей души во всякомъ мѣстѣ, во всякую минуту, при всякомъ нашемъ добромъ трудѣ и начинаніи. Поэтому искать смысла жизни не значитъ стремиться куда то въ безпредѣльную даль, проникать въ надзвѣздные міры, въ неизвѣстныя пространства созвѣздій и солнцъ. Мудренѣйшій и вѣковѣчный вопросъ о смыслѣ жизни рѣшается проще. Искать смыслъ жизни — это просто значитъ войти внутрь того, что находится въ насъ самихъ и кругомъ насъ, въ окружающей насъ жизни людей и природы. Въ нашей душѣ, какова бы она ни была, все же есть отблески, просвѣты небеснаго свѣта, небеснаго духа въ видѣ святыхъ, благородныхъ, возвышенныхъ желаній, хорошихъ мыслей, стремленій. Это—та же душа, только въ болѣе совершенной и прекрасной формѣ бытія. Иди туда, къ тому небесному просвѣту, что ты видишь и чувствуешь. Осваивайся съ нимъ, вживайся въ его атмосферу, тки изъ нея свои жизненныя нити. Иди этимъ путемъ и не останавливайся ни на одну минуту. Твои отдѣльныя жизненныя нити, неизвѣстнымъ для тебя образомъ, чудно бу-

дутъ слагаться въ прекраснѣйшую жизненную ткань. Ты откроешь новые міры, которые доселѣ тебѣ были неизвѣстны. Твоя душа будетъ отчасти носительницею того, что не всходило еще на умъ и сердце человѣка, чего не слышало ухо человѣческое и чего не видѣло ни одно око человѣка.

О. Іоаннъ.

Не порывайся же уйти въ даль пространствъ изъ того, можетъ быть, малаго и скромнаго поприща, на которомъ трудишься ты. Не чуждайся тѣхъ людей, съ которыми соединяетъ тебя дѣйствительная жизнь. Не мечтай о другихъ

существахъ, которыя бы болѣе подходили къ твоему идеалу. Старайся создать „царство Божіе“ въ той обстановкѣ, въ какой ты поставленъ волею судебъ. Удаляйся всего худого въ себѣ и въ людяхъ. Порывая связи съ этимъ міромъ вражды, распри, всякихъ нестроеній, христіанинъ входитъ въ такой міръ, гдѣ всѣ люди могутъ быть друзьями и братьями. А этотъ міръ лежитъ не въ какихъ либо фантастическихъ областяхъ, а въ той же самой средѣ и среди тѣхъ же самыхъ людей, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Въ этой обстановкѣ христіанинъ видитъ и находитъ Христа и идетъ къ Нему. Не помимо людей онъ ищетъ того неба, къ которому призванъ, а въ нихъ же и чрезъ нихъ же. Онъ идетъ къ горнему міру чрезъ дѣятельное общеніе съ ближними этого міра, будетъ ли оно въ сферѣ мысли, практической дѣятельности, невидимой молитвы и любви. Въ этой то самой средѣ, которая для многихъ является камнемъ преткновенія, начинаетъ постепенно созидаться новая жизнь, царство Божіе, увеличиваясь и разростаясь, подобно роскошному, благоухающему саду. Тогда наше царство Божіе уже будетъ не мечтою только, и не мыслію даже, какою бы отчетливостію и ясностію она не отличалась, а дѣйствительностію, не нуждающеюся ни въ какихъ доказательствахъ. Такой человѣкъ не мечтаетъ, а живетъ въ томъ дѣйствительномъ земномъ мірѣ, о какомъ говорилъ Христосъ и какой часто скрываютъ отъ нашего взора наши золотыя и незолотыя мечты. Царство его стало ужъ не царствомъ въ туманной дали минувшихъ вѣковъ и не въ безконечныхъ пространствахъ, не въ отвлеченной системѣ измышленій и призраковъ, какъ у земныхъ поэтовъ и писателей. Оно стало царствомъ на твоихъ глазахъ, на этомъ небольшомъ пространствѣ, въ этой средѣ, среди извѣстныхъ тебѣ людей. Тогда вмѣстѣ съ Ап. Іоанномъ и первохристіанами такой человѣкъ скажетъ, что онъ позналъ Сущаго, Безначальнаго—онъ видѣлъ Его.

Видимый міръ, дивно чудная природа отразятъ тогда предъ нимъ явные слѣды десницы Божества. Каждый листокъ деревца, каждый крохотный цвѣточекъ, каждая былинка, травка—вдругъ засіяетъ для христіанина такой лучезарной райской красотой, обдастъ такимъ тепломъ и свѣтомъ жизни, такимъ изяществомъ каждаго изгиба и прелестью каждаго тона, что предъ нимъ во очію откроется рай

Божій. Природа, мертвая для многихъ, оживетъ предъ нами и перестанетъ быть страшной пустотой и зіяющей бездной. Въ мертвомъ, повидимому, мірѣ для христіанина затрепещетъ внутренняя духовная жизнь, въ нѣмомъ — зазвучатъ небесные глаголы, въ случайномъ и механическомъ — чудный смыслъ и высшая разумная красота. Такъ все оживетъ предъ нимъ и измѣнится, какъ бы по какому волшебному мановенію [1]). Жизнь будетъ полна смысла. Бѣдная убогая хижина, и пышныя палаты будутъ озаряться тихимъ, ровнымъ, небеснымъ Христовымъ свѣтомъ. Всѣ жизненныя противорѣчія будутъ разрѣшены. Жизнь людей, съ ихъ горемъ и радостью, будутъ понятны каждому. Въ душѣ христіанина будетъ господствовать настроеніе, которое можно характеризовать словами нашего поэта, писавшаго нѣкогда:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

И какъ, въ самомъ дѣлѣ, все это глубоко жизненно и справедливо. Мы ищемъ вдали отъ себя царство истины. Но мы забыли слово Христа о царствѣ Божіемъ, Который нѣкогда говорилъ: „скажутъ вамъ: вотъ здѣсь, или: вотъ тамъ; не ходите, и не гоняйтесь. Ибо царствіе Божіе внутрь васъ есть“. Не выходить за предѣлы себя должны мы, а углубляться въ себя и въ себѣ искать началъ святой жизни. Перемѣна мѣста, смѣна временъ и точекъ зрѣнія ничего не дадутъ человѣку. Нашъ духъ—бездна, въ которую сколько не заглядывай, никогда ее не изучишь, никогда не постигнешь до конца. Невольно вспоминаются мнѣ въ эти минуты св. подвижники и великіе ученые. Нѣкоторые изъ нихъ по половинѣ столѣтія проводили на одномъ и томъ же мѣстѣ, съ одними и тѣми же людьми, въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Однако, какъ глубокъ, привлекателенъ, животворенъ былъ ихъ взглядъ на окружающій ихъ необъятный міръ. Какъ полна была ихъ жизненная чаша. Какъ много людей приходило къ нимъ за словомъ руководства, бодрящей ласки и любви. Многіе черпали изъ этихъ богатѣйшихъ кладезей не только при ихъ жизни, но и цѣлыя столѣтія послѣ ихъ

---

[1]) Ср. *Еп. Михаилъ*. Надъ Евангеліемъ.

смерти. Порываясь постоянно впередъ, ища вездѣ и всюду счастія внѣ себя, не ищемъ ли мы,—употреблю грубую пословицу,—голицъ, которыя у насъ за поясомъ? Мнѣ думается, что ищемъ.

Такъ, въ живой вѣрѣ въ Христа Спасителя и Его ученіи нужно искать „секрета жизни“ о. Іоанна. О, если бы мы сердцемъ поняли, что только „Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ“. Какъ изъ маленькаго зерна выростаетъ стройное и могучее растеніе, такъ и изъ этого простого чувства живой, сильной вѣры во Христа Спасителя выростаетъ многосторонняя, сложная, поразительная жизнь и дѣятельность, наполняющая душу каждаго сторонняго наблюдателя чувствами удивленія, благодарности и преклоненія предъ нимъ.

XXII.

И за границей не иначе въ большинствѣ случаевъ объясняютъ причины вліянія о. Іоанна на тысячи людей всѣхъ классовъ общества и различныхъ національностей. Недавно на англійскій языкъ были переведены извлеченія изъ „Дневника“ о. Іоанна, изъ которыхъ составился цѣлый томъ въ 600 страницъ. О книгѣ немедленно появилось много отзывовъ въ различныхъ газетахъ и журналахъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, ярко рисующихъ личность о. Іоанна.

Прежде всего книга была поднесена въ роскошномъ изящномъ переплетѣ Ея Величеству покойной Королевѣ Англійской Викторіи. Чрезъ своего посла при Русскомъ дворѣ сэра О' Конора Королева просила передать пореводчику книги слѣдующее.

„М. Г.

Съ большимъ удовольствіемъ извѣщаю васъ, что роскошный экземпляръ вашего перевода книги „Моя жизнь во Христѣ“ былъ представленъ Ея Величеству Королевѣ.

Вслѣдствіе этого я получилъ повелѣніе Ея Величества передать вамъ выраженія Ея наилучшихъ благодарностей за столь интересную книгу.

Ея Величество была весьма рада получить книгу и поражена духомъ истиннаго благочестія и любви къ Богу, которымъ проникнуты писанія отца Іоанна и который долженъ

эти писанія сдѣлать воспринимаемыми всѣми христіанами, какую-бы вѣру они ни исповѣдывали.

Имѣю честь быть, м. г.,
вашимъ покорнымъ слугою
Н. Р. О'Коноръ".

О. Іоаннъ въ пріютѣ.

Журналъ „Шотландецъ"
(22 апрѣля 1897 г.) пишетъ:

„Репутація высокочтимаго о. Іоанна Кронштадтскаго распространится еще болѣе, благодаря переводу на англійскій языкъ его сочиненія „Моя жизнь во Христѣ". Сочиненіе это представляетъ собраніе духовныхъ наблюденій и размышленій изъ дневниковъ о. Іоанна, хорошо переданныхъ по ан-

глійски. Это замѣчательная книга, воодушевленная на каждой страницѣ религіознымъ духомъ, болѣе универсальнымъ, чѣмъ это можно найти въ формулахъ или выраженіяхъ православной религіи. Въ главныхъ чертахъ книга излагаетъ такія простыя мысли, что представляется понятною безъ какого-либо знанія богословія въ техническомъ смыслѣ названія этой науки. Мысли, въ ней выраженныя,—простыя и спокойныя, понятныя всякому. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ говорится: „молитва должна дышать надеждою и молитва безъ надежды—грѣшна"... Горячность благочестія должна трогать одинаково, какъ неученыхъ, такъ и образованныхъ, ибо сочиненіе это отражаетъ исключительную благоговѣйную душу, подобно тому, какъ человѣческій ликъ отражается въ спокойной водѣ".

Журналъ „Академія"

(24 апрѣля 1897 г.):

„Немногіе изъ англичанъ слышали о досточтимомъ о. Іоаннѣ Сергіевѣ, но не будетъ удивительнымъ, если переводъ его духовнаго дневника, озаглавленнаго „Моя жизнь во Христѣ", только что вышедшій изъ печати, сдѣлаетъ имя его глубокопочитаемымъ тысячами людей расы, говорящей по англійски.

Это служитъ любопытнымъ доказательствомъ вліянія и репутаціи этого человѣка, который среди современныхъ русскихъ условій и обстановки жизни кажется въ наши дни приближающимся къ первымъ Апостоламъ".

Журналъ „Христіанскій Вѣкъ"

(12 мая 97 г.):

„Жизнь о. Іоанна. по неоспоримому свидѣтельству, есть жизнь непрерывной и самоотверженной благотворительности и христіанскихъ подвиговъ среди бѣдныхъ, больныхъ и неимущихъ; отсюда откровеніе внутренней и духовной жизни, отраженное въ этихъ запискахъ мыслей и чувствъ, приходившихъ ему въ голову и наполнявшихъ его въ продолженіи многихъ лѣтъ,—открытіе, представляющее необыкновенный и сильный интересъ. Хотя мысли и чувства эти принадлежатъ священнику Греческой церкви, но большая часть дневника имѣетъ вселенскій каѳолическій характеръ

и потому можетъ быть прочитана съ духовной для себя пользой всякимъ, вѣрованіе котораго утверждается на Христѣ".

„Manchester Guardian"

(13 мая 1896 г.):

„Книга, разсматриваемая, какъ картина религіозной опытности человѣка, имѣетъ выдающееся значеніе и, не смотря на свой большой объемъ, можетъ быть признана молитвеннымъ руководствомъ".

„Clobe"

(24 мая 1897 г.):

„Изъ числа интересныхъ за послѣднее время новѣйшихъ изданій, переведенныхъ съ Русскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ, первымъ изъ нихъ занимаетъ мѣсто „Моя жизнь во Христѣ или минуты духовнаго трезвенія и созерцанія, благоговѣйнаго чувства, душевнаго исправленія и покоя въ Богѣ"—извлеченія изъ дневника Высокочтимаго О. Іоанна Ильича Сергіева".

„Bartist magazine"

(1-го Іюля 1897 г.):

„Отецъ Иванъ или Іоаннъ Кронштадтскій, хотя извѣстенъ и почитается во всѣхъ уголкахъ Россіи, въ Англіи мало извѣстенъ. Но онъ пользуется такою репутаціею, какъ немногіе, за цѣльность и святость характера, рвеніе и самоотверженность къ служенію бѣднымъ и страждущимъ. Извлеченія изъ этого дневника содержатъ въ себѣ мысли и разсужденія интеллигентнаго, благоговѣйнаго, горячаго, Христоподобнаго человѣка. Мысли эти не приведены въ какомъ либо особомъ порядкѣ и могли-бы быть съ большею пользою расположены болѣе систематично. Они говорятъ о глубокихъ вещахъ: Богѣ и душѣ, и помимо случайныхъ упоминаній о воззваніи къ святымъ и ангеламъ, представляютъ безчисленные алмазы мысли. Приводимъ въ нашей замѣткѣ нѣкоторыя изъ этихъ мыслей, выбранныя почти на удачу и т. д."

„Bradfard Observer"

(15 мая 1897 г.):

„О. Іоаннъ религіозный мистикъ, сильный и высокоуважаемый; разсматриваемая-же его книга есть запись моментовъ духовнаго трезвенія и созерцанія, благоговѣйнаго чувства

душевнаго исправленія и покоя въ Богѣ. Размышленія эти отличаются горячностью и простотою благочестія, и они не ищутъ и не желаютъ помощи холоднаго разума человѣка. Абсолютная вѣра въ принятые догматы ученія церкви ясно проникаетъ во всѣ эти превосходныя благочестивыя размышленія. Къ сожалѣнію, въ ней не говорится подробно о той жизни непрерывной и самоотверженной благотворительности и христіанскихъ подвиговъ, которые, сдѣлали автора ея столь любимымъ повсюду въ Россіи. При чтеніи этихъ размышленій, независимо отъ знанія его собственной жизни, можно подумать, что читаешь разсужденія о чемъ-то фантастическомъ и мистическомъ. Но для знающаго его филантропическую дѣятельность, всѣ эти размышленія становятся имѣющими значеніе.

Въ размышленіяхъ, собранныхъ въ разсматриваемой книгѣ, раскрывается намъ внутренняя или мистическая жизнь замѣчательной общественной жизни рѣдкаго человѣка".

„The National Observer and British Review"

(15 мая 1897 г.):

„Настоящее сочиненіе о. Іоанна будетъ привѣтствуемо всѣми; многія лица найдутъ въ этомъ сочиненіи личную для себя пользу и утѣшеніе. Кромѣ того, и характеръ автора книги возбуждаетъ любопытство. Слава его благочестія и жизнь, подобная жизни святаго, распространились изъ Кронштадта въ самыя удаленныя хижины имперіи. Мало того, изъ рукъ отца Іоанна покойный Государь Императоръ Александръ III передъ своею кончиною принималъ послѣднее причащеніе Святыхъ Тайнъ, заявивъ при томъ, что одно уже присутствіе этого человѣка облегчало его".

Журналъ „The Western Morning News"

(4-го іюня):

„Извлеченія изъ дневника раскрываютъ передъ читателемъ внутреннюю работу души или сердца чрезвычайно замѣчательнаго русскаго священника, вліяніе котораго на общество такъ же замѣчательно, какъ и онъ самъ. Чтеніе его дѣяній переноситъ каждаго къ апостольскимъ временамъ. Невозможно читать этихъ строкъ безъ того, чтобы на читателя не производила сильнаго впечатлѣнія глубокая духов-

ность о. Іоанна, внутренній міръ котораго и составляетъ главный предметъ этой книги.

Какъ памятникъ личнаго благочестія, книга эта — поучительна для той части Англійской церкви, которая ожидаетъ поддержки и признанія Восточною церковью, книга эта представитъ величайшій интересъ, какъ отражающая въ себѣ духовную сторону Восточнаго Православія".

Журналъ „Daily Grafic"

(20-го іюня 1897 г.):

„Недавніе обмѣны любезностей между высокопоставленнымъ священствомъ англиканской и русской церквей придаютъ новый интересъ замѣчательной книгѣ, озаглавленной „Моя жизнь во Христѣ". Отецъ Іоаннъ представляется, кажется, самымъ популярнымъ священникомъ во всемъ свѣтѣ. Разсматриваемая книга представляетъ собою изліяніе души, много думавшей о человѣколюбіи Божіемъ и обязанностяхъ человѣка. Вѣра, описанная въ книгѣ, проста, выражаемая въ ней надежда и упованіе—безусловны. Для англикана изложенная въ ней теологія не во всѣхъ случаяхъ можетъ быть доступна, но частныя разности взглядовъ греческой церкви отъ англиканскихъ воззрѣній не представляютъ существенной важности для тѣхъ, кто будетъ читать эту книгу съ чисто молитвенными цѣлями. Милостивое лицо отца Іоанна смотритъ на читателя съ передовой страницы книги. Приведенныя въ книгѣ извлеченія изъ дневника представляютъ читателю автора, какъ горячаго, вдумчиваго христіанина, склоннаго раздумывать о духовныхъ предметахъ. Несомнѣнно, что интересъ этой книги возбуждается почти всецѣло личностью самого автора; и нѣкоторые параграфы дневника, конечно, подходятъ къ духовнымъ воззрѣніямъ болѣе русской церкви, чѣмъ къ воззрѣніямъ англиканской церкви.

Отзывы Американскихъ газетъ о книгѣ о. Іоанна „Моя жизнь во Христѣ".

Газета „Христіанскія извѣстія", дѣлая обзоръ книги его, говоритъ, что въ ней мы находимъ секретъ силы о. Іоанна,— секретъ этотъ заключается въ его жизни во Христѣ. Книга эта изобилуетъ многими прекрасными мѣстами. О. Іоаннъ принадлежитъ къ православной церкви, его почитаніе иконъ

и его прославленіе Св. Дѣвы Маріи и святыхъ вполнѣ согласны съ воззрѣніями этой церкви; тѣмъ не менѣе, послѣ всего этого, его превозношеніе Христа и поразительная сила молитвы къ Богу заставляютъ насъ почти забывать, что онъ вѣруетъ отлично отъ насъ самихъ.

Газета „Прихожанинъ“ говоритъ о книгѣ о. Іоанна, что параграфы, въ ней заключающіеся, приведутъ читателя въ восторгъ, читатель получитъ отъ чтенія ихъ пользу чрезъ раскрывающіяся въ нихъ духовныя истины.

Газета „Христіанское Знамя“, издающаяся въ Филадельфіи, въ концѣ своего обзора говоритъ: „для о. Іоанна все небо и всѣ вѣрующіе на землѣ составляютъ одно семейство, въ которомъ Отецъ есть Богъ, Спаситель есть Старшій Братъ, Духъ святый есть общій Утѣшитель, всѣ ангелы суть наши близкіе родные, покойники наши составляютъ все еще одно съ нами въ вѣрѣ и любви и взаимно служатъ намъ, но превыше всѣхъ другихъ созданій есть Благодатная Дѣва Марія, которая столь-же дорога и теперь Своему Божественному Сыну, какъ то было въ Назаретѣ, и которая обращается къ Нему съ ходатайствами не какъ твореніе Его рукъ, но какъ Мать, родившая Его на этомъ свѣтѣ. Намъ не нужно забывать, что такое семейное представленіе о лицахъ и вещахъ на небѣ и землѣ принадлежитъ къ установившимся воззрѣніямъ семидесяти милліоновъ христіанъ, и если-бы мы захотѣли познакомиться съ ихъ духовными мыслями и чувствами, то мы врядъ-ли могли бы сдѣлать это съ большимъ успѣхомъ иначе, какъ прочтя этотъ *глубоко-интересный томъ*, написанный простымъ русскимъ священникомъ.“

Итакъ, по отзывамъ иностранныхъ писателей, писавшихъ о жизни и дѣятельности о. Іоанна, причина его поразительнаго вліянія на народъ заключается: „въ истинномъ его благочестіи и любви къ Богу“, „исключительной благоговѣйности“, „приближеніи къ первымъ Апостоламъ“, „непрерывной и самоотверженной благотворительности, христіанскихъ подвигахъ среди бѣдныхъ, больныхъ, неимущихъ“, „глубинѣ внутренней духовной жизни“, „религіозной опытности“ „цѣльности и святости характера, рвеніи и самоотверженности въ служеніи бѣднымъ и страждущимъ“, „горячности, простотѣ благочестія, абсолютности, непоколебимости вѣры“, „подобіи его жизни жизни святого“, „глубокой духовности“, „жизни

во Христѣ“ и т. д. Соединяя всѣ эти разрозненныя замѣчанія объ о. Іоаннѣ, мы можемъ кратко выразить ихъ такъ: секретъ вліянія о. Іоанна на людей заключается въ его глубокой вѣрѣ въ Бога, жизни во Христѣ и въ безграничной любви къ людямъ.

XXIII.

Изъ всѣхъ вопросовъ, интересовавшихъ меня во время поѣздки въ Кронштадтъ, теперь оставался не разрѣшеннымъ еще одинъ вопросъ.

Мы такъ хотимъ быстро жить, почти безъ всякихъ усилій и труда блеснуть, прогремѣть, создать себѣ имя, „натворить кучу добрыхъ дѣлъ“. Мы почти всѣ въ этомъ случаѣ отчасти похожи на Рудиныхъ, Печориныхъ, Онѣгиныхъ и т. д. А между тѣмъ дѣйствительная жизнь слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ недолговѣчны всѣ подобныя наши стремленія.

Пресловутая „среда“ слишкомъ скоро охлаждаетъ пылъ большинства и доводитъ многихъ до полнаго почти „ничего недѣланія“. Хотѣлось знать, какъ обойти, миновать этотъ подводный опасный жизненный камень.

Нашелъ я въ Кронштадтѣ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Высота духовной жизни о. Іоанна есть плодъ его продолжительной, упорной, настойчивой борьбы съ собой. Не одинъ годъ и не два, и не десятилѣтіе даже только боролся съ собою о. Іоаннъ, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ настоящее время. Если бы мы имѣли возможность наблюдать жизнь о. Іоанна, какъ она протекала 30—40 лѣтъ тому назадъ, то мы увидѣли бы, что онъ былъ тогда самымъ простымъ обыкновеннымъ пастыремъ, какихъ много на св. Руси. Его имя было еще далеко не всѣмъ извѣстно даже въ самомъ Кронштадтѣ. А между тѣмъ это былъ тотъ же о. Іоаннъ, что мы видимъ и сейчасъ. Его сердце отличалось тою же добротою и отзывчивостью на все, какъ оно отличается и въ настоящее время. Онъ также неутомимо, самоотверженно трудился, какъ трудится и теперь. Мало того, его имя тогда не только не всюду было извѣстно, но и было окружено ореоломъ различной, подъ часъ самой гнустной, клеветы. Его судили, осуждали, порицали... Ему грозили и угрожали...

Онъ терпѣлъ всевозможныя лишенія. Словомъ, повсюдная извѣстность Кронштадтскаго пастыря основана не на случайности, а складывалась годами, постепенно, на прочномъ фундаментѣ его горячей вѣры, глубокой любви къ людямъ и постояннаго, тяжелаго труда. Какъ созидается зданіе изъ малыхъ кирпичей, которые, будучи положены искусною рукою одинъ на другой, впослѣдствіи составляютъ грандіозный домъ; такъ и слава о. Іоанна складывалась постепенно, медленно, переходя сначала отъ одного человѣка къ другому, пока наконецъ все православное населеніе нашего отечества не увидѣло величественную, обаятельную личность смиреннаго служителя алтаря. Масса обратила свое вниманіе на о. Іоанна и Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ только приблизительно 25 лѣтъ тому назадъ, когда случаи помощи больнымъ по молитвѣ Кронштадтскаго пастыря, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, стали повторяться часто и стали обсуждаться въ печати. „Московскія Вѣдомости", „Петербургскій Листокъ", „С.-Петербургскія Вѣдомости" и нѣкоторые духовные журналы помѣстили съ 1875 года не менѣе 100 описаній замѣчательныхъ случаевъ изъ жизни и дѣятельности о. Іоанна съ точнымъ указаніемъ на живыхъ свидѣтелей.

Вотъ въ немногихъ словахъ тотъ путь, которымъ о. Іоаннъ шелъ почти отъ колыбели до того самаго времени, когда его имя, прежде мало извѣстное, стало у всѣхъ на устахъ. Предоставимъ въ данномъ случаѣ слово самому Кронштадтскому пастырю.

О. Іоаннъ сообщилъ свою автобіографію довольно подробно издателю журнала „Сѣверъ", гдѣ она была напечатана въ 1888 году. Отсюда заимствуемъ ее и мы.

„Я—сынъ причетника Архангельской губерніи, села Суворовскаго, и родился въ 1829 году. Вотъ, нисколько не подготовленный въ школѣ, едва умѣвшій читать по складамъ, я поступилъ въ архангельское приходское училище своекоштнымъ воспитанникомъ въ 1839 году, на десятомъ году возраста. Туго давалась мнѣ грамота: руководителей ближайшихъ не было, до всего долженъ былъ доходить самъ. Не малая скорбь была у меня по поводу моей непонятливости. Но съ дѣтства, будучи пріученъ примѣромъ отца и матери къ молитвѣ, я былъ благочестиво настроеннымъ

мальчикомъ и любилъ молитву и богослуженіе, особенно — хорошее пѣніе. Скорбя о неуспѣхахъ ученія, я горячо молился Богу, чтобы онъ далъ мнѣ разумъ,—и я помню, какъ вдругъ спала точно завѣса съ моего ума, и я сталъ хорошо понимать ученіе. Чѣмъ больше я возрасталъ, тѣмъ лучше и лучше успѣвалъ въ наукахъ, такъ что почти изъ послѣднихъ возвысился до перваго изъ учениковъ, особенно въ семинаріи, въ которой окончилъ курсъ первымъ студентомъ въ 1851 году, и былъ посланъ въ Петербургскую Духовную Академію на казенный счетъ. Въ академическомъ правленіи тогда занимали мѣста письмоводителей студенты, за самую ничтожную плату (около 10 р. въ мѣсяцъ), и я, имѣя мать, бѣдную вдову, нуждавшуюся въ моей помощи, на предложеніе секретаря академическаго правленія, съ радостью согласился занять это мѣсто. Окончивъ курсъ кандидатомъ богословія въ 1855 году, я поѣхалъ священникомъ въ Кронштадтъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, женившись на дочери мѣстнаго протоіерея К. П. Несвицкаго Елизаветѣ, находящейся въ живыхъ и доселѣ; дѣтей у меня нѣтъ и не было. Съ первыхъ же дней своего высокаго служенія Церкви, я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнію. Съ этой цѣлью прежде всего я принялся за чтеніе священнаго писанія Ветхаго и Новаго завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества. Потомъ, я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы ко Господу и свои благодарныя чувства за избавленіе отъ искушеній, скорбей и напастей. Въ каждый воскресный и праздничный день я произносилъ въ церкви слова и бесѣды, или собственнаго сочиненія, или проповѣди митрополита Григорія. Нѣкоторыя изъ моихъ бесѣдъ изданы, а весьма много осталось въ рукописи. Изданы: бесѣда „О Пресвятой Троицѣ", „О сотвореніи міра", „О промыслѣ Божіемъ", „О мірѣ" и „О блаженствахъ Евангельскихъ". Кромѣ проповѣдничества, съ самаго начала священничества я возымѣлъ попеченіе о бѣдныхъ, какъ и самъ бывшій бѣднякомъ, — и лѣтъ около двадцати назадъ провелъ мысль объ устройствѣ въ Крон-

штадтѣ „Дома трудолюбія“ для бѣдныхъ, который и помогъ Господь устроить лѣтъ 15 тому назадъ. И все“.

Въ 70-ую годовщину своей жизни, предъ большимъ сонмомъ собратій—пастырей, обозрѣвая съ высоты 70 лѣтъ свой пройденный жизненный путь, о. Іоаннъ говорилъ:

„Сегодня мнѣ, Божіею милостію, исполнилось 70 лѣтъ жизни, а благодати священства, воспринятой мною отъ Го-

О. Іоаннъ.

спода, почти 44 года. Почитаю справедливымъ и должнымъ для себя оглянуться на прожитое время и воспомянуть ми-

лости Божіи ко мнѣ. Велика милость Божія—что я дожилъ до такихъ лѣтъ. Истинно сила Божія въ немощи совершается (2 Кор. 12, 9). Кто изъ знавшихъ меня въ младенчествѣ могъ думать, что я доживу до восьмого десятка лѣтъ, который по пророку составляетъ крайній предѣлъ жизни человѣка, земного странника? Росъ я болѣзненнымъ, слабымъ, и въ самомъ младенчествѣ тяжкая болѣзнь — оспа едва не свела меня въ могилу, — на волосокъ былъ отъ смерти, по мѣткой молвѣ человѣческой. Господь сохранилъ мнѣ жизнь, — я оправился и сталъ возрастать. Приспѣло время учиться, — я отвезенъ былъ въ школу; наука темна была для меня,—я не былъ подготовленъ дома; самому надо было доходить до разумѣнія и познанія; сознавалъ и чувствовалъ я свою безпомощность, ревниво смотрѣлъ на успѣхи товарищей — и сталъ просить помощи и разумѣнія у Бога, дающаго всѣмъ просящимъ просто и безъ упрековъ (Іак. 1, 5),—по выраженію апостола Іакова,—и открылъ мнѣ Господь разумъ: я озарился свѣтомъ Божіимъ; грамота стала ясна для меня, и сталъ я успѣвать въ соотвѣтствующихъ возрасту и воспитательной цѣли наукахъ: но и тогда, во время ученія, сколько я перенесъ тяжкихъ болѣзней!

При слабыхъ физическихъ силахъ прошелъ я три образовательныя и воспитательныя школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевныя силы: разумъ, сердце и волю, какъ образъ тричастной, созданной по образу святой живоначальной Троицы, души. Высшая духовная школа, коей присвоено названіе духовной академіи, имѣла на меня особенно благотворное вліяніе. Богословскія, философскія, историческія и разныя другія науки, широко и глубоко преподаваемыя, уяснили и расширили мое міросозерцаніе, и я, Божіею благодатію, сталъ входить въ глубину богословскаго созерцанія, познавая болѣе и болѣе глубину благости Божіей, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей всѣ созданія твердымъ, жизненнымъ, гармоническимъ законамъ; особенно плѣнилъ мой умъ и сердце премудрый планъ спасенія погибающаго рода человѣческаго чрезъ Божественнаго Агнца Божія Іисуса Христа, вземлющаго грѣхи міра (Іоан. 1, 29); во мнѣ развилось и окрѣпло религіозное чувство, которое

было въ меня вселено еще благочестивыми родителями. Прочитавъ Библію съ Евангеліемъ и многія творенія Златоуста и другихъ древнихъ отцовъ, также и русскаго Златоуста, Филарета Московскаго, и другихъ церковныхъ витій, я почувствовалъ особенное влеченіе къ званію священника и сталъ молить Господа, чтобы Онъ сподобилъ меня благодати священства и пастырства словесныхъ овецъ Его. Размышляя о чудномъ, любвеобильномъ домостроительствѣ Божіемъ въ спасеніи рода человѣческаго, я проливалъ обильныя и горячія слезы, сгарая желаніемъ содѣйствовать спасенію погибающаго человѣчества. И Господь исполнилъ мое желаніе. Вскорѣ, по окончаніи высшей школы, я возведенъ былъ на высоту священническаго сана.

И вотъ 44-й годъ прохожу это званіе, принося Богу молитвы, моленія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть (1 Тим. 2, 1—2), и принося почти ежедневно безкровную жертву, примиряю тварей съ Творцомъ, ибо Господь далъ священникамъ служеніе примиренія (2 Кор. 5, 18), чрезъ которое и я самъ ежедневно примиряюсь съ Праведнымъ Судіею, мною прогнѣвляемымъ ежедневно, и людей примиряю, отвращая Его праведный гнѣвъ, движимый на насъ, ради грѣховъ нашихъ, отводя ихъ отъ кривыхъ, погибельныхъ путей и указывая пути правые. Благодарю Господа, подавшаго мнѣ возможность и удобство, чрезъ частое совершеніе богослуженія, изучить весь кругъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, познать ихъ мудрый составъ и богатство содержанія и образы величайшаго, спасительнаго покаянія грѣшныхъ и милосердія Божія къ кающимся,—всю глубину богословія,—всю сладость славословія Божія и дивныя хвалы Божіей Матери, любовь къ Богу и различные подвиги безчисленныхъ святыхъ.

Благодарю Господа, что онъ удостоилъ меня родиться и воспитаться и быть священникомъ въ святой, соборной и апостольской Церкви и членомъ ея, хотя и недостойнымъ, и удостоиться ходатайства ея предъ Богомъ, на которое и надѣюсь, что оно не посрамитъ меня, ибо не надѣюсь на свои дѣла, которыхъ не имѣю, а—на заслуги Господа Іисуса Христа, искупившаго меня кровію Своею отъ грѣха, проклятія и смерти,—на молитвы Божіей Матери, св. ангеловъ

и всѣхъ святыхъ. Они умолятъ за меня Господа, и Онъ введетъ меня въ царствіе свое небесное".

Вотъ еще краткая повѣсть о жизни о. Іоанна, начертанная рукою одного его глубокаго почитателя:

На окраинѣ далекой сѣвера родного
Въ скромной хатѣ ты родился у дьячка простого.
Бѣденъ былъ Илья—извѣстна дьяческая доля—
Но давно съ нуждою сжился, молвивъ: „Божья воля".
Человѣкъ трудолюбивый былъ онъ по природѣ—
Жалъ, косилъ, пахалъ и сѣялъ, рылся въ огородѣ...
Съ появленіемъ дитяти хата просвѣтлѣла,
О здоровьи лишь Ванюши сильно мать скорбѣла.
Внялъ молитвѣ материнской Богъ, послалъ ей милость,
Организмъ твой укрѣпился и исчезла хилость.
Не любилъ ты дѣтскихъ игрищъ, сверстниковъ дичился,
Но за то тебѣ міръ Божій сильно полюбился.
Дѣтскій умъ хотѣлъ проникнуть въ тайну всѣхъ твореній
И всему, что только видѣлъ, ждалъ ты объясненій.
Росъ ты въ бѣдности суровой, видѣлъ ты слезъ не мало.
Душу чуткую чужое горе волновало,
И порой въ головкѣ дѣтской возникали грезы—
Ставъ большимъ, помочь всѣмъ людямъ, утереть ихъ слезы.
Быстро годы промелькнули дѣтства золотого,
Пищу дать настало время для ума живого.
Не давались тебѣ долго грамоты начала.
Ты скорбѣлъ; но помолился: „съ глазъ завѣса спала".
Любознательности дѣтской новый міръ открылся;
Забывая сонъ и пищу, ты читалъ, учился...
Вотъ и курсъ ужъ семинарскій пройденъ понемногу.
Выросъ ты, окрѣпъ, развился—вышелъ на дорогу.
Изъ Архангельскаго края ты попалъ въ столицу.
Въ Академію былъ принятъ...
Шелъ въ ней бойко, жаждой знаній новыхъ окрыленный.
Силъ хватало, донимала только бѣдность злая,
Да ктому подмоги ждала въ Сурѣ мать родная.
Послѣ лекцій приходилось быть канцеляристомъ,
Но труда не избѣгалъ ты, ставъ академистомъ.
Не одна только наука, но и жизнь людская
Занимала твой умъ пытливый. Въ обществѣ бывая,

Наблюдалъ ты съ любопытствомъ жизни проявленья,
И въ душѣ твоей рождались горечь и сомнѣнья.
Видѣлъ ты, какъ ложь съ неправдой всюду гнѣзда вили,
Видѣлъ ты, какъ людъ безправный богачи тѣснили
И въ погонѣ за наживой, межъ собою споря,
Унижали братьевъ братья, въ жизнь вносили горе.
На мірскія треволненья ты взиралъ со страхомъ
И, ища уединенья, стать рѣшилъ монахомъ.
Но не скрылась въ душной кельѣ нравственная сила—
Путь труда въ священствѣ для тебя судьба открыла.
Здѣсь лицомъ къ лицу столкнулся ты съ толпой людскою,
Извращенною страстями, сдавленной нуждою,
Погибающей въ пучинѣ лжи, грѣховъ, порока,
Изнывающей и ждущей своего пророка.
Зазвучалъ твой мощный голосъ въ тишинѣ церковной,
Слово истины вѣщая братіи грѣховной;
Грѣхъ корилъ ты, разъясняя святость покаянья,
Рисовалъ картины горя, нищеты, страданья....
Къ бѣднякамъ ты шолъ въ трущобы, миръ внося съ собою,
Помогая, утѣшая рѣчью ихъ простою.
Ты молилъ людей, чтобъ въ мирѣ, въ правдѣ Божіей жили.
Но тебя же, нищелюбецъ, многіе корили;
Говорили, что радѣя ты о падшемъ братѣ,
Вмѣсто пользы — тунеядство лишь плодишь въ Кронштадтѣ.
Тяжело было, понятно, слышать обвиненья,
Но въ молитвѣ находилъ ты, пастырь, утѣшенье...
Годы шли и горизонтъ твой прояснился,
Крѣпло дѣло, постепенно взглядъ людей мѣнялся.
О дѣлахъ твоихъ проникла всюду вѣсть благая—
И вѣнчала чудной славой Русь тебя святая.
Ужъ звучитъ повсюду имя, славное дѣлами,
И стекается въ Кронштадтъ людъ каждый день толпами:
Знать, и сѣрая сермяга, и богачъ, и нищій.
Всѣ идутъ къ тебѣ, родимый, за духовной пищей.
Ты въ дѣлахъ благотворенья всѣмъ примѣръ являешь,
Ты молитвою своею чудо совершаешь,
Исцѣляешь немощь тѣла, душу укрѣпляя,

Въ царство Бога, въ царство свѣта умъ нашъ направляя....
Просвѣщай же и поучай насъ, пастырь, многи лѣта [1])!

Хотя въ приведенныхъ открывкахъ жизнь о. Іоанна изложена въ яркихъ чертахъ, но она разсказана слишкомъ кратко. Чтобы придать больше выразительности этимъ краткимъ автобіографическимъ даннымъ, мы воспроизведемъ нѣсколько эпизодовъ изъ минувшей его жизни, ярко характеризующихъ его постепенный духовный ростъ, его жизненный подвигъ, полный непрерывнаго, неутомимаго, самоотверженнаго труда, борьбы съ собою и съ окружающимъ грѣхомъ.

XXIV.

Итакъ, по окончаніи курса въ Академіи, о. Іоаннъ становится священникомъ. Съ какими думами и чувствами принялъ на себя онъ этотъ великій санъ? Смотрѣлъ ли равнодушно онъ на это великое служеніе или его сердце пламенѣло отъ сознанія высоты служенія пастырскаго? Давалъ ли онъ горячіе обѣты непостыдно, до послѣднихъ дней своихъ, всегда служить Христу или, быть можетъ, онъ не думалъ ни о чемъ?

Нѣтъ нужды скрывать того, что нѣкоторые, принимая священный санъ, не думаютъ много ни о чемъ. Ихъ душа не наполняется чувствами горячей ревности служенія Христу даже „до крове". Ихъ взоръ не простирается въ далекое будущее, когда ихъ вѣра будетъ подвергаться всякаго рода искушеніямъ и испытаніямъ. Не всегда даже и во время хиротоніи, въ эти рѣдкія минуты духовнаго подъема всѣхъ силъ, бываетъ ясна въ ихъ сознаніи великая идея пастырскаго служенія. Не съ такими думами и чувствами приступалъ къ этому служенію о. Іоаннъ. Онъ смотрѣлъ на пастырское служеніе, какъ на высочайшее служеніе на землѣ, высшее всѣхъ другихъ служеній. Его высокія думы о пастырствѣ остались думами, неразвѣянными никакими невзгодами житейскими до настоящаго времени. Его душа и теперь пламенѣетъ такою же ревностью, какою она наполнена была въ великія минуты рукоположенія его во священника. Онъ съ—

---

[1]) *А. П. Трифоновъ.* Въ болѣе подробномъ видѣ см. это стихотвореніе въ Русск. Паломн. 1900 г. Стр. 890 № 52.

умѣлъ сохранить въ себѣ этотъ великій даръ до сихъ поръ. Какія чудныя строки о пастырствѣ мы находимъ въ „Дневникѣ“, хотя нѣкоторыя части его писаны совершенно на нашихъ дняхъ. „Священникъ—ангелъ Господа Вседержителя,—пишетъ онъ здѣсь. Ему какъ ангелу апокалипсическому, даны *виміми многи*, да кадитъ предъ престоломъ Божіимъ и предъ ликами Господа и святыхъ и приноситъ Богу молитвы о всѣхъ людяхъ. Его одежды, во время богослуженія, изображаютъ его, какъ ангела: ибо фелонь изображаетъ нетлѣнное одѣяніе и крылья ангела Божія. И дѣйствительно, священникъ долженъ быть, какъ ангелъ: воспарять выше земного, быть выше житейскихъ пристрастій; безпрестанно возвѣщать величіе и славу Божію въ Церкви Божіей людямъ Его; возвѣщать волю Его, быть хранителемъ и провозвѣстникомъ вѣчныхъ заповѣдей Божіихъ, долженъ отличаться мужествомъ, неустрашимостью; быть выше всякаго лицепріятія и неправды; долженъ уподобиться ангеламъ по своему постоянному воздержанію, чистотѣ, неусыпному бдѣнію о ввѣренномъ ему отъ Господа залогѣ,—о безсмертныхъ душахъ человѣческихъ“. „Предшествіе діакона въ священнослуженіи означаетъ важность священническаго сана, какъ сана Христова и апостольскаго; Христу служили Ангелы, священнику служитъ діаконъ“.

Высота пастырскаго служенія еще яснѣе будетъ для каждаго изъ насъ, если мы хотя бѣгло обратимъ вниманіе на священнодѣйствія священника. О. Іоаннъ пишетъ: „Я предстою престолу Бога Вседержителя, Который ввѣрилъ моей молитвѣ и предстательству царей и царства вселенной, всю вселенную, въ особенности царство Русское и Царя Россіи, съ Его Домомъ, Его палату и воинство, всю Церковь, всю іерархію, епископство, пресвитеровъ, во Христѣ діаконовъ, весь причтъ и людей, всякій городъ и страну, и вѣрою живущихъ въ нихъ; предстою престолу Вседержителя, во власти Коего небо и земля, всѣ стихіи, свѣтъ, воздухъ, огонь, вода, земля и всѣ плоды земные, суша и море, всѣ животныя земныя и водяныя, и Который далъ мнѣ право ходатайствовать предъ Нимъ о благораствореніи воздуха и объ избавленіи отъ землетрясенія, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ и междусобныя брани, отъ всякихъ бѣдствій, постигающихъ людей за грѣхи. Я стою у Самаго Источника

жизни всѣхъ тварей, у Самаго Источника благодати, очищенія и спасенія. Я стою предъ самою неприступною, всеблагою, всепремудрою и всемогущею Державою, предъ Которой преклоняется все живущее—на небѣ и землѣ. Каковъ же долженъ быть я, поставленный на такой высотѣ, у такой святыни, у такого величія, у такой безприкладной Державы, у такой Лѣпоты? Истинно я изображаю таинство Христово Херувимовъ: высоко мое служеніе, а я грѣшникъ, страстенъ, немощенъ. Господи! удовли мя Самъ на сіе служеніе...

Великъ и превысокъ санъ священника: онъ предстоитъ ежедневно престолу Божію на землѣ, какъ ангелы на небесахъ; приноситъ Богу благодарственную жертву за всѣхъ святыхъ, ходатайствуетъ о всѣмъ мірѣ, за всѣхъ живыхъ и умершихъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія, совершаетъ небесныя таинства, непрестанно бесѣдуетъ съ Богомъ, какъ довѣренное лицо: славитъ, благодаритъ, умоляетъ Его, приноситъ Ему покаяніе свое и вѣрныхъ, проповѣдуетъ слово Его, обращаетъ заблуждающихся, вразумляетъ, убѣждаетъ, утѣшаетъ, наказуетъ духовно. Священникъ долженъ быть не только святъ, но особенно святъ, какъ человѣкъ Божій, какъ непрестанно бесѣдующій съ Богомъ.

Священникъ—уста всѣхъ, умъ и сердце всѣхъ людей, предстоящихъ и молящихся въ храмѣ; онъ выражаетъ ихъ славословіе, благодареніе, прошенія. Каковы же должны быть эти уста, это сердце, этотъ умъ“?...

Высоко положеніе священника, но и велики обязанности его. О. Іоаннъ пишетъ: „священникъ долженъ быть не только святъ, но особенно святъ, какъ человѣкъ Божій, какъ непрестанно бесѣдующій съ Богомъ“. И это вполнѣ справедливо. „Какое чистое сердце, чуждое всякаго житейскаго пристрастія, долженъ имѣть священникъ, чтобы быть ему вмѣстилищемъ и носителемъ Божественной любви, любви святой, пламенной ко всему человѣчеству, возлюбленному и спасенному Богомъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ, — чтобы приносить Богу безкровную жертву о всемъ мірѣ, о Церкви небесной, земной и преисподней, или о колѣнѣ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, — чтобы искренно отъ чистаго сердца приносить Богу благодареніе отъ лица Церкви за патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, евангели-

стовъ, іерарховъ, преподобныхъ и праведныхъ". „Какое требуется безстрастіе отъ священника! Служа соединительнымъ звеномъ, соединяющимъ земное съ небеснымъ, онъ долженъ быть самъ небесный человѣкъ, только тѣломъ касаясь земли, а сердцемъ и душой весь простираясь въ небеса и пребывая на небѣ".

„Во время литургіи священникъ весь долженъ быть объятъ любовію къ Богу и ближнимъ, искупленнымъ и соискупленнымъ кровію Христовою, и въ немъ не должно быть никогда ни гнѣва и огорченія на кого-либо, или пристрастія къ чему-либо земному,—къ пищѣ ли, одеждѣ ли, украшенію ли, отличію ли служебному, къ лицу ли какому,—онъ всегда долженъ быть горній, Божій, святой. И да будетъ такъ". „Священнику во время Богослуженія надо сознавать свое высокое, небесное достоинство, какъ служителя Божія, и какъ совершителя пренебесныхъ Таинъ, и не раболѣпствовать предъ людьми ради суетной славы или житейскихъ выгодъ, не страшиться лица человѣческаго, этой травы, сегодня зеленѣющей, а завтра увядающей".

И не для себя долженъ жить пастырь, а для ближнихъ своихъ, для своей паствы. „Священнику прежде всего и болѣе всего нужно стяжать *любовь евангельскую*. Она нужна ему каждую минуту, каждое мгновеніе: нужна, когда онъ молится за торжественной службой въ храмѣ, когда молится дома или въ домахъ прихожанъ, когда совершаетъ таинства вѣры, когда находится въ обычныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ—житейскихъ, семейныхъ, товарищескихъ, или въ сношеніяхъ съ прихожанами, съ начальниками или подчиненными, съ воспитанниками и кончившими время воспитанія, съ дѣтьми и взрослыми, съ старыми и малыми. Но особенно нужна ему любовь при совершеніи Божественной литургіи, которая есть вся таинство безконечной любви Божественной къ роду человѣческому". „Священникъ долженъ имѣть непрестанно въ себѣ Духъ Христовъ и любить своихъ пасомыхъ и вообще всѣхъ людей *утробою Христовою* (Филип. I, 8)... Взглядъ священника на людей долженъ быть всегда взглядомъ Христовымъ, святымъ, любящимъ, кроткимъ, незлобивымъ, терпѣливымъ, всеобъемлющимъ, глубокимъ". „Пастырь долженъ быть *печальникомъ* о всемъ мірѣ. Весь міръ всегда на его устахъ, всѣ люди всѣхъ званій и состояній. Онъ молится о

благосостояніи всего міра... Пастырь долженъ быть преданъ всегда общему дѣлу, благу, не о себѣ только помышлять, не себѣ угождать, тѣмъ менѣе страстямъ своимъ. Касательно себя его желанія должны быть самыя ограниченныя. Онъ—всѣмъ все". „Священникъ—*носитель духа любви вселенской*, духа святыни, кротости, терпѣнія, представитель истины и непоколебимости, твердости Церкви, неизмѣняемости ея".

Вообще „священникъ долженъ быть *врачемъ* людей духовнымъ и тѣлеснымъ, *утѣшителемъ* печальныхъ и скорбящихъ, *заступникомъ* невинно гонимыхъ, особенно вдовъ и сиротъ, и *помощникомъ* для всѣхъ. О, какъ долженъ быть высокъ духомъ и горячъ любящимъ сердцемъ священникъ! Онъ долженъ быть ангеломъ земнымъ, достойнымъ носителемъ званія Христова, званія пастыря, священника, отца, судіи, заступника, миротворца, врача, писателя"...

Созерцая все служеніе священника,—его служеніе Богу и людямъ,—о. Іоаннъ говоритъ: „О, іерей! ты долженъ быть великимъ, высокимъ и возвышеннымъ всегда въ душѣ, по причинѣ величія сана твоего, по причинѣ великости дѣла твоего, какое ты поставленъ дѣлать... Посмотри, съ кѣмъ ты постоянно въ общеніи молитвенномъ: съ Богородицею, со всѣми святыми, съ Самимъ Богомъ, со всею церковію на землѣ. Великій ты долженъ быть человѣкъ, о іерей, и никакъ не малый, — возвышенный, и никакъ не низкій. Ты служишь безсмертію и нетлѣнію,—презирай то, что смертно и тлѣнно. Ты служишь небесному, — презирай земное. Ты служишь правдѣ и святынѣ,—отложи грѣхъ, возненавидь его всей душой, отринь его".

Итакъ, по мысли о. Іоанна, пастырь—„ангелъ земной, носитель вселенской любви, уста всѣхъ, утѣшитель, врачъ, печальникъ, заступникъ, помощникъ, отецъ, судія, миротворецъ, писатель, молитвенникъ".

Таковъ взглядъ о. Іоанна на пастырское служеніе. Отсюда не трудно понять, какъ онъ началъ съ самыхъ первыхъ дней относиться къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, ставши пастыремъ.

Съ первыхъ дней своего высокаго служенія Церкви, онъ поставилъ себѣ за правило—сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдилъ за собою, за своею внутреннею жизнію. Вслѣд-

ствіе этого, по опредѣленіи въ Кронштадтъ (1855 г.), у молодого еще священника оказалась масса занятій. Замѣчательное явленіе... Большинство священниковъ ищутъ работы, занятій, не знаютъ, какъ убить время отъ одной службы до другой. Иногда позовутъ къ больному или роженицѣ, а потомъ опять нечего дѣлать. Нѣкоторые стараются набрать побольше уроковъ. Но и при этомъ все-таки свободнаго времени достаточно даже для картъ, пріема гостей, знакомыхъ и т. д. Другіе стараются убить свое свободное время во всевозможныхъ членствахъ, комитетахъ, коммиссіяхъ, собраніяхъ. Многіе изъ молодыхъ пастырей становятся настоящими чиновниками, бюрократами.

У о. Іоанна сразу же не стало времени ни пообѣдать, ни отдохнуть, ни провести часъ, другой въ семьѣ. Его никто не зналъ въ Кронштадтѣ, въ которомъ онъ никогда не былъ. Да и священствуетъ онъ тамъ всего недавно, а дѣла у него столько, что съ утра до вечера не передѣлаешь. Никогда не роптал о. Іоаннъ на свою судьбу, не жаловался на обиліе дѣла, на отсутствіе досуга. Никогда не приписывалъ себѣ, что совершалъ добраго и хорошаго. Никогда нигдѣ не перечислялъ своихъ заслугъ. Это весьма замѣчательно. Какъ онъ не похожъ въ данномъ случаѣ на многихъ своихъ собратьевъ. Въ 1886 г. о. Іоанну поднесли Остромирово Евангеліе и адресъ, въ которомъ, конечно, восхваляли его. Отвѣчая на этотъ адресъ, о. Іоаннъ говорилъ:

— Если хотите почтить во мнѣ благодать Божію и силу Христову, въ немощахъ моихъ совершающуюся къ славѣ Божіей, то съ благоговѣйною радостію принимаю эту честь, не къ себѣ ее относя, а ко Христу... Если же хотите восхвалить лично меня, мою энергію или самоотверженіе, то не принимаю чести, ибо во всемъ правда наша предъ Богомъ, какъ *рубъ*, рубище поверженное, негодное, и скажу, какъ наставленъ Господомъ: я рабъ непотребный, ибо сдѣлалъ только то, что долженъ былъ всякій сдѣлать на моемъ мѣстѣ, при добромъ расположеніи ко мнѣ русскаго народа. Да, братья и сестры возлюбленные, не принимаю похвалы себѣ: ибо Тебѣ единому Господу за все подобаетъ хвала и слава. Но такъ какъ вы, друзья мои, чествуя меня нынѣ, чествуете въ лицѣ моемъ добродѣтель, которой во мнѣ только слабый зародышъ, а хвалящіе добродѣтель и сами

причастны ея, то да почтитъ васъ Господь Богъ и да утвердитъ васъ и меня во всемъ добромъ, честномъ, достохвальномъ, да подастъ мнѣ и еще бодрость и силу неустанно служить и Ему, Господу Богу нашему, и людямъ Его, гдѣ бы они ни жили: въ Кронштадтѣ или Петербургѣ, въ Крыму или Пятигорскѣ, въ центрѣ или на окраинѣ Россіи, — служить посильною помощью, потому что всѣ они наши братья, всѣ члены одного тѣла".

Что же онъ дѣлалъ? Какъ служилъ русскимъ людямъ?

XXV.

Каждый воскресный или праздничный день о. Іоаннъ произносилъ въ церкви непремѣнно поученіе. Проповѣдовалъ постоянно потому, что высоко смотрѣлъ и смотритъ на дѣло церковнаго учительства, на дѣло „служенія слова" (Дѣян. 6, 4). Часто у о. Іоанна проповѣди предшествовала и предшествуетъ молитва къ Богу о дарованіи ему слова. „Благодарю Господа,—пишетъ онъ въ своемъ „Дневникѣ",—даровавшаго мнѣ слово и предметъ слова къ народу предъ общею исповѣдію вечеромъ, въ 8 часовъ, да и днемъ послѣ преждеосвященной литургіи, по прочтеніи молитвъ предъ исповѣдію. Помолился Господу—и даровалъ мнѣ слово, полезное для тысячи душъ собравшихся". Многіе ли изъ современныхъ проповѣдниковъ обращаются къ Богу съ молитвою предъ составленіемъ своей проповѣди? Многіе ли изъ нихъ благодарятъ Бога за успѣшно составленную и произнесенную ими проповѣдь? Многіе ли такъ смотрятъ на проповѣдь?

Но о. Іоаннъ не только смотритъ на проповѣдь, какъ на священное дѣло, на святое служеніе, но и какъ на главную, первую обязанность въ ряду пастырскихъ обязанностей. Если пастырь станетъ безмолствовать, то никто не будетъ понимать духа нашего богослуженія, силы молитвъ, таинствъ, необходимости и жизненности правилъ христіанскаго поведенія. Чудныя формы христіанскаго богослуженія тогда станутъ мертвыми и будутъ казаться ни на что ненужными, христіанское нравоученіе — устарѣвшимъ и т. п. Интересно, о. Іоаннъ никогда, кажется, не произносилъ чужихъ проповѣдей. Хоть немного, но всегда

онъ старался сказать что нибудь отъ себя, изъ своего опыта, изъ пережитого, передуманнаго и перечувствованнаго, изнести слушателямъ что нибудь изъ сокровищницы своего сердца, а не взять различныя нравоучительныя разсужденія у кого либо, такъ сказать, на прокатъ, на нѣсколько минутъ, пока продолжается проповѣдь. Это весьма любопытная черта и ее нельзя не рекомендовать каждому, кто только хочетъ быть хорошимъ проповѣдникомъ. Не чужими чувствами и мыслями нужно жить, а своими собственными...

О. Іоаннъ не славился и не славится своимъ ораторскимъ искусствомъ. Съ внѣшней стороны его рѣчь отличается немалыми недостатками, о которыхъ онъ и самъ знаетъ. Но каждое слово его, сказанное съ церковной каѳедры, полно жизни, правды, убѣдительности, увлекательности. Каждое его поученіе—это откровеннѣйшая исповѣдь его сердца, его вѣрованій, его убѣжденій. По своему характеру она близко подходитъ къ тому, что Ап. Павелъ въ проповѣди называетъ „явленіемъ духа и силы“. Для о. Іоанна говорить и дѣлать, дѣлать и говорить — одно и тоже. Къ нему вполнѣ можно отнести извѣстныя слова Сократа, который нѣкогда говорилъ: „добродѣтель есть знаніе, и знаніе есть добродѣтель“. Онъ не только искусно влагаетъ свои горячія вѣрованія въ душу слушателя, но и пробуждаетъ въ немъ самостоятельную, кипучую работу мысли и сердца. А какъ прочно все возросшее такимъ образомъ! Будучи глубокимъ знатокомъ Св. Писанія, не буквы Писанія, а главнымъ образомъ его животворящаго духа, имѣя неменьшія познанія въ области лучшей христіанской литературы, цвѣта этой литературы, онъ всегда поражалъ и поражаетъ своихъ слушателей глубиною наученія, свѣжестію, новизною раскрытія многихъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ христіанскихъ истинъ, трогалъ и трогаетъ сердца людей своимъ назиданіемъ и непреоборимо влекъ и влечетъ ихъ къ служенію вѣчной истинѣ.

И дѣйствительно, нельзя не поражаться и не восторгаться, слушая его назиданіе. Вотъ онъ говоритъ поученіе о Троичности,—величайшемъ догматѣ христіанскомъ. Въ своемъ поученіи проповѣдникъ естественно встрѣчается съ обычнымъ возраженіемъ о непостижимости догматовъ, а отсюда и съ

скороспѣлымъ выводомъ о ихъ малозначимости для христіанина. Но какъ легко, просто и убѣдительно онъ устраняетъ это возраженіе. „Гдѣ нѣтъ тайнъ?—говоритъ онъ. Человѣкъ самъ для себя—и въ своей душѣ и въ своемъ тѣлѣ—есть тайна. Кто удовлетворительно, напр., объяснилъ, какъ соединена душа человѣческая съ тѣломъ, какъ онѣ взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, какъ сонъ возстановляетъ силы человѣка и пр.? Значитъ, прежде всего, человѣкъ долженъ вѣрить своимъ собственнымъ тайнамъ. Есть безчисленное множество тайнъ и въ окружающей насъ природѣ: человѣкъ такъ мало знаетъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего еще не знаетъ,—не смотря на успѣхи естественныхъ наукъ,—что каждый изъ насъ смиренно долженъ сознаться вмѣстѣ съ однимъ изъ древнихъ мудрецовъ въ томъ, что мы знаемъ лишь то, что ничего не знаемъ. Человѣкъ долженъ изучать слово Божіе. Не знать, какъ должно, Пребожественной Троицы со стороны христіанина было и безумною дерзостью и неблагодарностью. Всякій подданный, хотя по имени, знаетъ своего царя; знаетъ о его державѣ, власти и силѣ; благоговѣетъ предъ его особою; облагодѣтельствованный часто вспоминаетъ и говоритъ о своемъ благодѣтелѣ. Даже волъ знаетъ владѣющаго имъ, и оселъ—ясли господина своего. Какъ же намъ не знать, что надъ всѣми людьми и надъ всѣмъ міромъ—держава, царство, сила и слава Отца и Сына и Св. Духа? Какъ человѣку, получившему отъ Св. Троицы всѣ дары, начиная съ жизни до струи воздуха, имъ вдыхаемаго, не вспоминать часто и съ должнымъ благоговѣніемъ о Триединомъ Благодѣтелѣ своемъ?“

Вотъ о. Іоаннъ говоритъ объ Ангелахъ. „Нѣкоторые люди говорятъ, что нѣтъ Ангеловъ. Оттого, что они не видятъ доказательствъ ихъ бытія, а вѣрить просто, не хотятъ: имъ хочется все видѣть, осязать, словомъ — испытать. Между тѣмъ они не видятъ, ни осязаютъ ихъ. Это—люди, руководствующіеся даже и въ вѣрѣ низшею своею природою—чувствами. Но въ этомъ случаѣ самая слѣпота такихъ людей нѣкоторымъ образомъ доказываетъ то, что Ангелы на самомъ дѣлѣ есть. Такъ слѣпецъ не видитъ солнца, луны и звѣздъ, украшающихъ небо и освѣщающихъ землю, но это невидѣніе доказываетъ только то, что онъ—слѣпъ. Свѣтила сіяютъ независимо отъ того, видитъ онъ ихъ или нѣтъ.

Также и бытіе Ангеловъ не зависитъ, конечно, отъ того, видимъ ли мы ихъ окомъ вѣры. Такъ какъ мы не хотимъ возвыситься надъ перстью, изъ которой созданы, и не видимъ ничего дальше земли,—потому самому не примѣчаемъ слѣдовъ бытія не только свѣтлыхъ духовъ, но и, можетъ быть, многаго другого. Есть до того потемнѣвшія душевныя очи у нѣкоторыхъ людей, что они не вѣрятъ даже въ духовное Солнце, все просвѣщающее и оживотворяющее.

Кто хочетъ увѣриться въ невидимомъ мірѣ духовъ изъ видимаго міра, тотъ не останется безъ увѣренія. Нужно только вниманіе. Начиная съ человѣка до былинки, — все свидѣтельствуетъ о невидимомъ. То, что въ насъ мыслитъ, чувствуетъ, есть невидимое. И вообще все, что мы называемъ жизнью видимыхъ тварей, животныхъ и растеній, есть именно невидимое, потому что видимое вянетъ, сохнетъ, тлѣетъ, разрушается, когда невидимое оставляетъ его. Если же невидимое, духовное составляетъ жизнь всего даже у насъ на землѣ, то станемъ ли мы думать, что нѣтъ особаго обширнѣйшаго міра невидимаго, чисто духовнаго?"

Также просто и наглядно доказываетъ о. Іоаннъ и то, что Ангеловъ—безчисленное множество. „На землѣ, которая составляетъ самую ничтожную часть всего видимаго творенія Божія, мы насчитываемъ и однородныхъ, особенно разнородныхъ тварей такъ много, что почти теряемся въ ихъ числѣ, не говоря уже о томъ, сколько еще ихъ мы не знаемъ. Не больше ли несравненно должно быть безплотныхъ силъ, для которыхъ мѣстомъ жительства служитъ все небо, хотя Ангелы и не ограничиваются мѣстомъ такъ, какъ мы? „Населенная нами земля,—говоритъ Кириллъ Іерусалимскій,— есть какъ бы нѣкоторая точка, находящаяся въ срединѣ неба; посему окружающее оную небо столь же большее имѣетъ число обитателей, сколько—большее пространство". Далѣе, смотря въ осенній или зимній вечеръ на безоблачное небо, мы видимъ чрезвычайное множество звѣздъ, такъ что люди, занимавшіеся разсматриваніемъ неба въ продолженіи тысячелѣтій, доселѣ не могли сосчитать ихъ за множествомъ и отдаленностью. Если въ видимомъ вещественномъ мірѣ, Всемогущій Творецъ показалъ свою творческую силу, Свое величіе такъ безпредѣльно, въ такомъ необъятномъ числѣ небесныхъ свѣтилъ: то не безпредѣльнѣе ли Онъ показалъ

Себя въ мірѣ свѣтлыхъ духовъ, не большее ли число создалъ подобныхъ Себѣ тварей для того, чтобы онѣ прославляли Его совершенства, наслаждались Его лицезрѣніемъ и блаженствовали? Величіе Божіе разительнѣе, очевиднѣе въ мірѣ духовномъ: не тамъ ли, не въ мірѣ ли духовъ, въ ихъ безчисленныхъ сонмахъ, Господь Вседержитель, какъ Источникъ благости, сіяетъ вѣчною любовію? Безпредѣльному всеблагому Творцу свойственно было явить Себя именно въ безчисленномъ множествѣ разумныхъ тварей. И лучшіе изъ людей желаютъ—когда есть возможность—чтобы какъ можно было больше облагодѣтельствованныхъ ими. Всеблагій ли Богъ этого не желалъ, а потому и не сдѣлалъ—такъ какъ желаніе Его есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло? Но многое у Господа не то, что у насъ. Для Него наши числа ничего не значатъ. Наши тысячи и милліоны намъ кажутся уже очень большими числами; но у Творца нашего нѣтъ тысячей и милліоновъ: у Него одинъ—какъ тысяча и тысяча—какъ одинъ, милліонъ—какъ единица, и единица—какъ милліонъ, т. е. и много и мало для Него одинаково ничтожно. Его многое значитъ наше „безъ числа“.

Вотъ говоритъ о. Іоаннъ о злыхъ духахъ. Не правда ли, мудреная тема? Но онъ и ее умѣетъ сдѣлать доступной пониманію даже невѣрующаго человѣка. „Люди наблюдавшіе сами за собой—за состояніемъ своей духовной жизни—замѣчали, что душа ихъ, прежде тихая и спокойная, какъ величественная рѣка, ровно текущая въ своихъ берегахъ, вдругъ была возмущаема какою-то непріязненною злою силой и начинала смутно волноваться отъ напора нечистыхъ помысловъ и страстныхъ желаній. Усматривали, что внутри ихъ иногда кто-то сплошь съ силою устремляется на самыя коренныя, спасительныя убѣжденія разума, на самыя святыя чувствованія, колеблетъ вѣру въ самомъ ея основаніи, омрачая и возмущая умъ и разсудокъ, чтобы въ этомъ мракѣ и смятеніи удобнѣе похитить сокровище вѣры; навязываетъ разныя скверныя, лукавыя и хульныя помышленія и тогда, когда человѣкъ расположенъ къ помысламъ святымъ и возвышеннымъ. И это дѣлаетъ съ такою силою, что человѣкъ долженъ иногда отстаивать въ потѣ и слезахъ самыя святыя и животворныя истины вѣры, свое благоговѣніе къ лицамъ, превознесеннымъ и препрославленнымъ на небѣ и на землѣ и

къ предметамъ святымъ, достойнымъ всякаго почтенія. Вообще эта злобная сила старается представить человѣку все доброе и святое въ видѣ мрачномъ и нечистомъ, скрывая во мракѣ все свѣтлое и прекрасное. Прочитайте разныя молитвы, составленныя Церковію на разные случаи, стихи кановъ или житія святыхъ, и вы увидите тамъ, что святые Божіи въ земной жизни своей были въ постоянной борьбѣ съ какою-то духовною, непріязненною силою, которая нападала на нихъ, и рано и поздно, и мучила ихъ тягостнымъ боренiемъ. Какъ объяснить это бореніе въ нашей душѣ? Что это за сила, такъ свободно прокрадывающаяся сквозь тѣла въ душу и попеременно то оставляющая насъ въ покоѣ, то снова на насъ устремляющаяся,—которая неизвѣстно откуда приходитъ и куда уходитъ? Это не есть одна только испорченность нашей природы... Нѣтъ,—тутъ именно замѣтно дѣйствіе посторонней злой силы, которая противодѣйствуетъ усиливающейся въ насъ доброй силѣ. Это—именно дѣйствіе духовъ злобы поднебесной“...

Въ бесѣдѣ о сотвореніи свѣтилъ небесныхъ о. Іоаннъ весьма просто и понятно объясняетъ шаровидность земли, сообщаетъ своимъ слушателямъ нѣкоторыя цѣнныя астрономическія свѣдѣнія. „Солнце нѣсколько тысячъ верстъ во всѣ стороны освѣщаетъ разомъ такъ ярко, что можно различить на землѣ каждую песчинку, каждую травку,--говоритъ онъ въ этомъ словѣ. Вся земля какъ бы затопляется моремъ свѣта. Но какъ свѣтъ есть вещество, то видите, братія, какъ велико должно быть свѣтило, испускающее изъ себя на землю столько свѣта. Очевидно, оно очень велико и несравненно больше земли, потому что если бы оно было равно, или — меньше земли, тогда свѣтъ на всей землѣ былъ несравненно скуднѣе. Но теперь возьмите во вниманіе и щедрость освѣщенія и пространство этого освѣщенія, равняющееся всему земному полушарію и еще то обстоятельство, въ какой мѣрѣ свѣтъ свѣчи становится слабѣе и слабѣе, когда мы напр. постепенно отъ нея удаляемъ книгу,—и тогда судите, какъ должно быть велико солнце, которое свѣтитъ одинаково ярко,—такъ что огромная отдаленность, показывающая его небольшимъ кругомъ, какъ бы ничего не значитъ для земли. Изъ этого легко всякому заключить, что оно чрезвычайно велико. Дознано, что солнце въ нѣсколько сотъ тысячъ разъ

больше земли. Если же оно кажется такимъ небольшимъ кругомъ,—то это, какъ мы сказали, отъ поразительной высоты, въ которой оно горитъ надъ землей. Оно удалено отъ земли на 144 милліона верстъ. Это дознано учеными. Что значатъ наши земныя разстоянія въ сравненіи съ этимъ разстояніемъ? Каковъ же долженъ быть Творецъ, по волѣ Которого движутся по небу такія свѣтила и въ такой дали? Очевидно, Онъ долженъ быть вездѣсущъ и всесиленъ: для Него всякія величины—ничтожны“.

Въ девятой бесѣдѣ о. Іоаннъ говоритъ о водѣ, созданной Богомъ. И здѣсь какъ много свѣдѣній сообщаетъ онъ своимъ слушателямъ и какъ просто ихъ сообщаетъ. „Отчего это сравнительно съ водами суши такъ мало на землѣ,—спрашиваетъ онъ—между тѣмъ какъ тварей, живущихъ на сушѣ, такъ много? Воды двѣ трети, а суши — одна только треть? Здѣсь-то, бр., и подивитесь премудрости Творца. Океаны и моря, служа жилищемъ для несмѣтнаго множества водныхъ тварей, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы служатъ запасными водоемами, хранилищами для поливанія или орошенія земли. Вы знаете, какъ растенія любятъ воду, какъ много всасываютъ ее своими корешками и проводятъ ее по всему стволу и по всѣмъ вѣтвямъ и листочкамъ. Знаете, что они безъ воды не могутъ питаться. Знаете также, какое неисчислимое множество растеній большихъ и малыхъ на землѣ. Представьте же теперь, бр., сколько нужно воды для всякой травки, цвѣтка, кусточка и дерева,—и гдѣ бы ее можно было взять въ такомъ огромномъ количествѣ, если бы не было океановъ и морей, озеръ и рѣкъ? Благодаря этимъ воднымъ вмѣстилищамъ, земля съ безчисленными семействами своихъ растеній не знаетъ недостатка въ водѣ: изъ океановъ, морей и другихъ вмѣстилищъ отъ воды ежедневно поднимается множество испареній. Испаренія эти въ видѣ облаковъ обтекаютъ въ верхнихъ слояхъ воздуха землю и дождятъ на нее, или ниспадаютъ въ видѣ росы и такимъ образомъ приносятъ питье каждой травкѣ, цвѣтку и дереву, которые сами не могутъ ходить за питьемъ. Не говоримъ о томъ, какое безчисленное множество на землѣ и въ водѣ разныхъ одушевленныхъ тварей,—отъ человѣка до мельчайшихъ насѣкомыхъ, невидимыхъ простыми глазами,—сколь много нужно и для нихъ воды: каждая хочетъ ѣсть и пить; и самая

пища непремѣнно всегда бываетъ больше или меньше растворена жидкостью. Все, что живетъ, непремѣнно имѣетъ нужду въ водѣ. При всемъ этомъ вспомните, какое множество огня скрывается во внутренности земной. И послѣ этого, вѣрно, никто не скажетъ, что воды не соразмѣрно много на землѣ. Ее столько, сколько нужно для благосостоянія всѣхъ земныхъ тварей. Творецъ все сотворилъ числомъ и мѣрою".

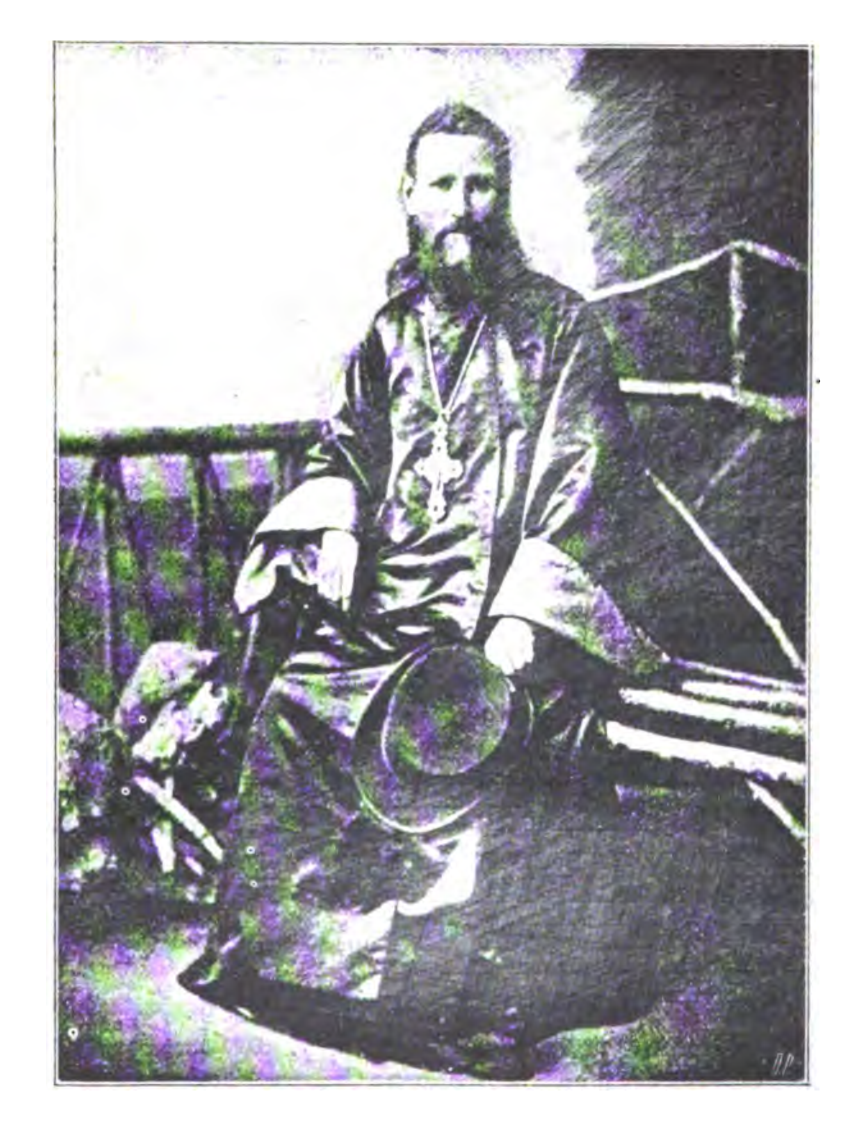
Говоря о растеніяхъ, онъ высказываетъ чудныя мысли о всемогуществѣ Божіемъ. „Дивно всемогущество Твое, Господи. Какъ Ты сказалъ вначалѣ, такъ до нынѣ каждый злакъ, каждое деревцо и дерево слушаютъ Тебя. Съ наступленіемъ весны лишь только будетъ достаточное количество теплоты для развитія растеній, у бездушной Твоей твари начинается дивная работа въ скромной неизвѣстности нѣдра земнаго, также—на стебляхъ и сучьяхъ деревьевъ безъ шуму, безъ стуку, правильно, постепенно. Вотъ они выходятъ на свѣтъ Божій, ни одна травушка, ни одинъ листочекъ, ни одно деревцо не собьется съ пути, не забудетъ даннаго ему образца (формы). И смотрите, откуда что берется: травка на землѣ или листочекъ на деревѣ развертывается, становится шире и шире, больше и больше и, наконецъ, голая земля покрывается прекраснымъ, разноцвѣтнымъ ковромъ, который манитъ и глаза и обоняніе; а деревья наряжаются въ лиственную, густую одежду и прикрываютъ свои члены. Такъ все дѣлается живописно, нарядно на нашей землѣ отъ этихъ растеній. И все это берется какъ будто изъ ничего, по одному слову Господню, сказанному однажды навсегда. Да и мы, бр., не изъ того ли же небытія возникаемъ къ бытію? Чѣмъ мы бываемъ въ началѣ, въ чреслѣхъ отчіихъ (Евр. 7, 10)? Не очевидно ли чрезъ это Творецъ даетъ намъ знать, что въ началѣ Онъ все привелъ изъ небытія въ бытіе? Бр., будемъ смотрѣть на растенія и поучаться. Какъ очевиденъ, осязателенъ Господь нашъ, Отецъ всемогущій, въ этихъ растеніяхъ! Каждая травка, каждый листочекъ, каждый цвѣтокъ какъ будто шепчетъ намъ: „тутъ, тутъ Господь!" Разсматривайте, бр., растенія, премудрое устройство растеній и познавайте въ нихъ Бога: растенія есть почти у всѣхъ васъ во всякое время, и зимою, и лѣтомъ.

Глядя на растенія, не будемъ слишкомъ заботиться объ

одеждѣ, особенно нарядной. Христосъ Спаситель сказалъ: „аще же сѣно сельное днесь суще, и утрѣ въ пещь вметаемо, Богъ тако одѣваетъ, не много ли паче васъ, маловѣри" (Мѳ. 6, 30)? Будемъ еще учиться смиренію при видѣ красоты и нѣжности цвѣтовъ и ихъ скораго увяданія, при видѣ красоты и стройности деревъ и ихъ паденія подъ сѣкирою человѣка или отъ напора вѣтра. Хороши и нѣжны цвѣты, но нечѣмъ имъ гордиться: они не свои, а Божіи, и притомъ скоро увядаютъ. Прекрасны и стройны деревья, но и имъ не чѣмъ хвалиться: Богъ ихъ насадилъ, и напоилъ, и возрастилъ. Точно также и красивые люди, и величественные мужи, какъ цвѣты полевые и стройныя деревья,— ничѣмъ не могутъ похвалиться: Божіе твореніе—ихъ тѣло. Ничего нѣтъ у нихъ своего. Богъ его возрастилъ и далъ пищу и питье для его питанія. А о душѣ и говорить нечего: она также—вся Божія. Цвѣты и деревья одинаково падаютъ, хотя одни живутъ меньше, а другіе—больше. Такъ и люди, каковы бы они ни были, всѣ падутъ подъ сѣкирою смерти".

Вотъ говоритъ о. Іоаннъ о Промыслѣ Божіемъ. Сколько опять и здѣсь встрѣчаемъ мы свѣжихъ, живыхъ, чарующихъ мыслей. Какъ и это его слово само собой невольно становится достояніемъ всякой души, начиная отъ простолюдина и кончая образованнымъ человѣкомъ. „Промышленіе Божіе о мірѣ такъ необходимо, какъ здравая душа — для тѣла: пока душа въ тѣлѣ, дотолѣ тѣло живо, благообразно, все въ немъ стройно, въ порядкѣ. Но лишь только выйдетъ душа изъ тѣла, тѣло становится мертвымъ безобразнымъ: вся стройность, красота его пропадаетъ, все въ немъ разрушается и тлѣетъ. Тоже и съ міромъ—доколѣ Богъ промышляетъ о немъ, доколѣ Духъ Божій оживотворяетъ его, дотолѣ въ немъ жизнь, красота, порядокъ во всемъ, маломъ и великомъ: въ движеніи свѣтилъ и въ движеніи соковъ былинки. Но какъ скоро Господь отниметъ отъ міра Духа Своего, то и вся жизнь и красота его исчезаетъ. (Пс. 103, 29—30)... Промышленіе Божіе о видимомъ мірѣ весьма очевидно. Видимъ, напр., что солнце каждый день восходитъ и послѣ мрака ночнаго освѣщаетъ землю самымъ яркимъ свѣтомъ, затѣмъ скрывается и уноситъ свой свѣтъ и какъ бы посылаетъ вмѣсто себя луну и звѣзды, а потомъ опять

восходитъ. И довольно этого для насъ, чтобы признать надъ міромъ Промыслъ Божій: въ движеніи свѣтилъ небесныхъ оче-

О. Іоаннъ.

виденъ перстъ Всемогущаго,—поэтому каждый разъ, смотря на солнце или на другія свѣтила, можно радостно и съ чувствомъ благодарности говорить: „по истинѣ Всеблагій Богъ промышляетъ о мірѣ. Это—Онъ, всеблагій, солнце свое сіяетъ на злыя и благія. Видимъ, что огонь свѣтитъ, согрѣ-

ваетъ и сожигаетъ, хлѣбъ питаетъ, вода напояетъ и утоляетъ жажду, земля плодитъ изъ себя растенія и животныя размножаются. И этого довольно намъ для того, чтобы сказать: всеблагій Богъ воистину промышляетъ о мірѣ. Иначе какъ бы стихіи, такъ премудро составленныя, не распались на свои составныя части? Какъ бы онѣ могли имѣть свои дѣйствія, если бы премудрый Творецъ міра не поддерживалъ ихъ въ самомъ составѣ и не содержалъ ихъ въ порядкѣ? Какъ бы животныя, сами по себѣ неразумныя и безсмысленныя, или животныя разумныя—каковы люди—могли жить, расти и множиться?..." Проповѣдникъ вездѣ и всюду въ мірѣ видитъ слѣды десницы Божіей. Для него нѣтъ и не можетъ быть того, что многіе называютъ просто случаемъ. Онъ говоритъ: „Положимъ, что отъ самыхъ ничтожныхъ, повидимому, причинъ начинается пожаръ и истребляетъ цѣлый городъ. Или отъ такихъ же ничтожныхъ причинъ, наприм., отъ малѣйшаго недосмотра, — погибаетъ въ волнахъ моря огромный корабль со множествомъ народа. Или люди иногда изъ-за слѣпой страсти одного человѣка, какъ звѣри, истребляютъ другъ друга въ междоусобіяхъ или въ войнахъ съ другими народами. Люди недальновидные, маловѣры, соблазняясь такими, повидимому, случайностями, говорятъ: гдѣ тутъ Промыслъ? Это — слѣпой случай. Нѣтъ, и тутъ, бр., скрывается премудрый Промыслъ. Однажды въ Іерусалимѣ во время земной жизни Господа Спасителя упала башня и своимъ паденіемъ задавила восемнадцать человѣкъ. Пилатъ въ гнѣвѣ умертвилъ множество Галилеянъ и ихъ кровь смѣшалъ съ жертвами. Случайное ли это дѣло?

— Нѣтъ, не случайное. Все это было съ вѣдома и по допущенію Промысла Божія. Объ этихъ двухъ несчастныхъ происшествіяхъ Господь спросилъ Своихъ слушателей, когда Ему возвѣстили о нихъ: „мните ли, яко Галилеяне сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ Галилеянъ бяху, яко тако пострадаша?"

Нѣтъ,—эти несчастные не были грѣшнѣе предъ Богомъ всѣхъ, живущихъ въ тѣхъ городахъ. Но премудрый и всеблагій Промыслъ допустилъ ихъ погибнуть тѣлесно какъ за ихъ грѣхи, такъ и для вразумленія живущихъ, чтобы они покаялись въ своихъ грѣхахъ и перемѣнили свою жизнь,

изъ безпечныхъ стали осторожными (Мысли св. Іоанна Златоуста). Такъ и мы, бр., слыша о несчастныхъ происшествіяхъ съ людьми или видя ихъ, и сами должны непремѣнно имѣть въ виду означенныя слова Спасителя—и принимать эти происшествія за дѣло Промысла Божія о спасеніи людей. Общественное бѣдствіе есть вразумленіе для народа. И горе людямъ, которые не вразумляются имъ... Поэтому видимъ ли, наприм., жестокія и продолжительныя болѣзни у людей, иногда продолжающіяся десятки лѣтъ,—примѣры коихъ видимъ въ Евангеліи, да и нынѣ замѣчаемъ,—возблагодаримъ Промыслъ Божій, болѣзнію тѣлесною и скорбію душевною очищающій душу отъ грѣховъ, чтобы сподобить ее нетлѣнныхъ вѣчныхъ благъ царствія небеснаго. Видимъ ли внезапную насильственную смерть людей, вразумимся ею и скажемъ себѣ: это Богъ даетъ намъ урокъ—жить осторожно, въ добродѣтели, въ памятованіи о смерти и о страшномъ судѣ Божіемъ. Свирѣпствуетъ ли гдѣ кровопролитная война,—скажемъ себѣ: видно грѣхи народа стали слишкомъ велики, и Богъ войною наказываетъ и вразумляетъ народъ—обратиться къ вѣрѣ и благочестію. Войны всегда были у Господа средствомъ (между другими средствами) къ наказанію грѣховъ народа и вразумленію его".

Говоритъ о. Іоаннъ о культурѣ и прогрессѣ, и снова сколько свѣжихъ, прекраснѣйшихъ мыслей высказываетъ онъ. „Обратимъ вниманіе на умъ человѣка. Чего онъ не сдѣлалъ въ мірѣ умомъ своимъ? Онъ проникъ отчасти въ звѣздный міръ; онъ подмѣтилъ и частію примѣнилъ въ свою пользу законы природы, онъ придумалъ тысячи разнородныхъ искусствъ, создалъ разныя науки, вообще умомъ своимъ онъ творитъ много великихъ дѣлъ. Но къ несчастію сила и работа ума у плотскихъ людей больше клонится къ тому, чтобы увеличить удобства и удовольствія временной жизни, а не къ тому, чтобы облегчить восхожденіе человѣку къ жизни небесной, вѣчной: плотская грѣховная воля склонила и весь умъ къ землѣ, между тѣмъ какъ христіанинъ долженъ больше всего мудрствовать о небесномъ. Человѣкъ, наприм., возлетаетъ на воздушномъ шарѣ и паритъ на немъ тѣломъ выше всего земнаго, или идетъ по водѣ паровымъ судномъ и огромною силою паровъ роетъ влажную стихію, или же тою же силою паровъ заставляетъ катиться по же-

лѣзной дорогѣ неимовѣрныя тяжести—живыя и громоздкія, также въ нѣсколько мгновеній или минутъ передаетъ свои желанія или мысли людямъ, удаленнымъ на большія разстоянія,—или, наконецъ, нашелъ возможность добывать изъ земли, при небольшихъ средствахъ, возможно большее количество плода. Всѣ эти открытія дѣлаютъ честь уму человѣческому, и почти всѣ весьма полезны. Но несравненно больше было бы чести человѣку, если бы при всѣхъ этихъ изобрѣтеніяхъ онъ меньше пресмыкался по землѣ—во злѣ, если бы при просвѣщеніи ума меньше оставался во мракѣ пагубнаго своемыслія и страстей, свирѣпствующихъ сильнѣе нынѣ, чѣмъ когда-либо въ другое время, и—воспарялъ къ небу, своему истинному отечеству, умудряясь въ средствахъ къ спасенію. Ты возлетаешь, человѣкъ, на воздушномъ шарѣ, но только для кратковременнаго удовольствія зрителей, а не для существенной пользы ихъ. Св. столпники, возвышавшіеся на столпахъ для подвиговъ добродѣтели, или истинные иноки, подвизавшіеся на горахъ и гдѣ бы то ни было, почтеннѣе тебя не въ примѣръ: возвышаясь отъ земли тѣломъ, они возвышались и духомъ сколько для своей душевной пользы, столько же и для пользы человѣчества, которое иногда отовсюду стекалось за наставленіемъ къ угодникамъ Божіимъ; а ты или вовсе не возвышаешься духомъ, или возвышаешься, но только тѣломъ, и только тогда, когда летаешь. Въ жидкой стихіи ты пролагаешь себѣ быстрый путь, или по сушѣ на приведенной въ движеніе парами машинѣ летишь стрѣлою: честь тебѣ, или лучше — слава Господу, просвѣщающему умы человѣческіе—дѣлать многополезныя открытія въ богатой тайнами природѣ и чрезъ нихъ дѣлать удобнѣйшею многотрудную жизнь нашу. Но, человѣкъ, гдѣ твоя быстрота восхожденія къ небу, къ твоему истинному отечеству? Ты быстръ на земномъ пути, но какъ медленъ и часто неподвиженъ на небесномъ. Какъ ни быстръ твой земной путь, но дальше земныхъ обителей, дальше земли никуда ты не унесешься по нему, а тебѣ предстоитъ весьма нужный путь къ небеснымъ обителямъ и къ безконечной жизни. Ты нашелъ средство посредствомъ длинной проволоки и молніеподобнаго тока извѣстной силы въ природѣ, не смотря на великія земныя пространства, въ нѣсколько минутъ передавать свои мысли другимъ. И это дѣлаетъ тебѣ честь. Но

какъ высока была бы твоя честь, если бы ты съ подобною или несравненно большею быстротою возносилъ чаще умъ и сердце горѣ—къ Богу, и не привязывался сильно къ землѣ, если бы ты чаще парилъ своимъ умомъ въ вѣчности, тебя ожидающей, если бы ты съ свойственною уму быстротою переносился духомъ то къ вѣчнымъ мученіямъ, то къ невообразимому блаженству, конца неимѣющему! А ты — рѣдко и вспоминаешь объ этомъ. О питаніи своего тѣла, объ украшеніи его одеждою ты прилагаешь все стараніе и всегда дѣлаешь для него въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ. Почему же о питаніи души нетлѣнною пищею Слова Божія, Животворящихъ Таинъ и молитвы, объ украшеніи души одеждою добрыхъ дѣлъ слишкомъ мало или даже вовсе не заботишься? Во всемъ этомъ виденъ умъ только земной, а христіанинъ больше всего долженъ горняя мудрствовать“.

Вотъ говоритъ о. Іоаннъ о нищетѣ духовной, и какъ снова просто, жизненно и убѣдительно онъ изъясняетъ эту великую христіанскую добродѣтель. „Что же такое нищета духа?—спрашиваетъ онъ.—Всѣ вы видали и видите нищихъ, тѣлесно. Поэтому, чтобы написать образъ духовной нищеты, изобразимъ напередъ нищету тѣлесную, объяснимъ подобнымъ подобное. Нищій, какъ самое слово показываетъ, есть тотъ, кто ничего своего не имѣетъ, кто всего ожидаетъ только отъ милосердія другихъ: онъ не имѣетъ своего куска хлѣба, чтобы утолить голодъ, и обычнаго для большинства питья, чтобы утолить жажду; не имѣетъ крова, гдѣ голову приклонить, если не дадутъ ему денегъ на ночлегъ; не имѣетъ одежды, если сострадательный человѣкъ не сжалится и не купитъ ему; или хотя и имѣетъ одежду, но ветхую, грязную, дырявую, негодную, къ которой вы и прикоснуться не хотите; отъ всѣхъ онъ въ пренебреженіи, отъ всѣхъ укоряемъ. Онъ, какъ соръ, какъ пометъ какой, хотя иной нищій предъ очами Божіими, можетъ быть, какъ злато въ горнилѣ переплавленное. Примѣръ — Евангельскій Лазарь. Теперь приложимъ эти черты нищаго тѣлесно къ нищему духовно. Нищій духовно есть тотъ человѣкъ, который искренно признаетъ себя духовнымъ бѣднякомъ, ничего своего неимѣющимъ, кто всего ожидаетъ отъ милосердія Божія; кто убѣжденъ, что онъ не можетъ ни помыслить, ни поже-

лать ничего добраго, если Богъ не дастъ мысли благой и желанія добраго; кто считаетъ себя грѣшнѣе, ниже всѣхъ; кто всегда себя укоряетъ и никого не осуждаетъ; кто признаетъ одѣяніе души своей сквернымъ, мрачнымъ, зловоннымъ, негоднымъ и не перестаетъ просить Спасителя просвѣтить одѣяніе души его, облечь его въ нетлѣнную одежду правды; кто непрестанно прибѣгаетъ подъ покровъ крилъ Божіихъ, не имѣя нигдѣ безопасности въ мірѣ, кромѣ Господа; кто все свое достояніе считаетъ Божіимъ дарованіемъ, за все усердно благодаритъ подателя всѣхъ благъ и отъ достоянія своего охотно удѣляетъ часть требующимъ. Вотъ кто нищій духомъ"…..

Объясняя притчу о званныхъ на вечерю, о. Іоаннъ говоритъ: „Не замѣчаете ли, что притча прямо мѣтитъ на многихъ изъ насъ, если не на всѣхъ насъ? Объяснимся. Вотъ мы стоимъ теперь въ храмѣ. Всѣ слушали обѣдню. Обѣдня есть образецъ будущей вечери и сама есть великая вечеря. И чтоже? Одинъ я, и то больше по обязанности священнослуженія, вечерялъ съ Господомъ, а всѣ прочіи, стоящіе здѣсь, не приступали къ вечери Божіей. Допустимъ, что это сдѣлано по сознанію своего недостоинства. А вотъ весьма, весьма многіе и къ обѣднѣ не приходятъ, чтобы хотя взоромъ, духомъ и слухомъ участвовать на Божественной вечерѣ и не приходятъ весьма часто изъ-за пустыхъ причинъ: кто по небреженію и лѣности, кто изъ-за какихъ либо житейскихъ занятій или суетности, но всѣ вообще по какому то весьма поверхностному, легкому и небрежному отношенію къ самому главному дѣлу нашему на землѣ, къ дѣлу духовнаго своего воспитанія и спасенія".

А какъ мудро увѣщаніе о. Іоанна терпѣливо всегда переносить всѣ житейскія невзгоды. „Всякій изъ насъ долженъ привести себя въ такое состояніе, чтобы духъ нашъ ничѣмъ не возмущался. А для этого надо быть, подобно мертвому или совершенно глухому и слѣпому, при всѣхъ скорбяхъ, клеветахъ, поношеніяхъ, лишеніяхъ, которыя неминуемо бываютъ со всѣми желающими идти по спасительнымъ стезямъ Христовымъ. Глухой не слышитъ никакихъ бранныхъ словъ, обращенныхъ къ нему, и потому не можетъ на нихъ отвѣчать. Такъ и христіанинъ не долженъ смущаться, когда слышитъ что либо недоброе о себѣ"...

Въ одной изъ своихъ проповѣдей о. Іоаннъ весьма краснорѣчиво говоритъ объ искушеніяхъ, какія выпадаютъ на долю современныхъ христіанъ. „Еще не связанъ сатана и теперь свободно обходитъ землю и проходитъ поднебесную и теперь то онъ, кажется, наиболѣе свирѣпствуетъ на держащихся правой вѣры... Только теперь онъ искушаетъ, гонитъ не пытками, не казнями, а невѣріемъ и мнимымъ прогрессомъ, либеральностью, попросту — вольнодумствомъ, безразборчивостью къ вѣрамъ, дерзкимъ отрицаніемъ вѣры, поношеніемъ, насмѣшками, кощунствомъ, клеветою, или гордымъ невниманіемъ и презрѣніемъ. Благочестивыхъ людей нынѣ обзываютъ именами ханжей, рутинеровъ, людей отсталыхъ, съ узкими взглядами. Вѣру христіанскую называютъ вѣрою черни, христіанскую сострадательность—слабодушіемъ, нервною раздражительностью, милостыню — глупою расточительностью, наружную молитву—лицемѣріемъ, услажденіе и радость молитвенную—идіотствомъ и едва не сумашествіемъ. Напротивъ, широкую разнузданность или распущенность плоти, угожденіе всѣмъ ея безчисленнымъ похотямъ — современнымъ прогрессомъ. Отчужденіе же отъ молитвы домашней и общественной, отверженіе всякой обрядности въ вѣрѣ, жизнь, непохожую на христіанскую, ни на жидовскую, ни на татарскую, ни на языческую, а на какую то животную, чуждую всякихъ обязательствъ вѣры, считаютъ извѣстнымъ тономъ' признакомъ современнаго человѣка и космополита, для котораго отечество весь міръ, а вѣры никакой“.

Недостатки современной жизни, если только о нихъ говоритъ о. Іоаннъ, отмѣчаетъ въ своихъ проповѣдяхъ всегда съ необыкновенной смѣлостью. Въ словѣ противъ пьянства проповѣдникъ спрашиваетъ: „Что такое питейные дома? Западни діавола, — отвѣчаетъ онъ. Въ домахъ ставятъ какую нибудь посуду съ мухоморною водою для изведенія мухъ. Мухи напьются ея,—опьянѣютъ и потомъ издыхаютъ. Подобны этому и питейные дома. Вино не въ мѣру принятое—человѣкоубійственнная вещь. А человѣкъ жаденъ, это его природная немощь, наслѣдованная отъ первыхъ людей. Винопродавцы, — простите мнѣ, — человѣкоубійцы, особенно тѣ, которые продаютъ дурное вино. Какъ такъ? Очень просто. Человѣкъ, особенно простой, необразованный, да и всякъ, слабъ, грѣшенъ: его легко втравить во всякій грѣхъ, во

всякій порокъ. А содержатели питейныхъ домовъ втравляютъ бѣдный народъ въ пьянство... Горе строющимъ и умножающимъ питейные дома. Люди и тѣлесно и душевно, какъ мухи въ мухоморной жидкости, гибнутъ отъ умноженія питейныхъ домовъ и винной продажи, а содержатели этихъ домовъ виновны въ ихъ погибели. А кто эти погибающіе? Дѣти Отца небеснаго, дѣти Господа Іисуса Христа, дѣти Духа Святаго, Господа Животворящаго"...

По случаю пожара, истребившаго девятую часть Кронштадта, о. Іоаннъ говорилъ: „Что навлекло на насъ это бѣдствіе? Грѣхи и беззаконія наши. Ибо что ни воскресный или праздничный день, то у насъ въ городѣ пьянство, распутство, сквернословіе, безчинныя драки, крики, драки, разбои, истый Содомъ и Гоморра. За то послѣ безумнаго веселья многихъ встрѣтило великое горе, когда они увидѣли имущество свое въ пламени. За грѣхи беззаконниковъ пострадали и многіе честные люди. Такъ на насъ праведный Господь мгновенно посылаетъ пламень огненный... И все мы не вразумляемся. Все продолжаемъ воспламенять души адскимъ пламенемъ страстей. Все продолжаемъ съ крайней неосторожностью играть огнемъ, этими дымящимися трубочками изъ бумаги и одуряющаго растенія, и пресерьезно расхаживать съ ними по улицамъ, переулкамъ, по чердакамъ и подваламъ... А развѣ огонь игрушка? Кстати: уже остается немного непочатыхъ огнемъ мѣстъ. Къ слову: если всѣ питейные дома и трактирныя заведенія у насъ въ городѣ и въ другихъ городахъ въ воскресные и праздничные дни будутъ открыты съ утра до вечера, и русскій народъ будетъ кощунственно въ дни святые, Богу опредѣленные, пить и напиваться, курить и накуриваться,— то немудрено, что въ какое нибудь столѣтіе русскіе сами выжгутъ свои города. И сколько уже и теперь выгорѣло ихъ?"...

Вотъ говоритъ о. Іоаннъ о скупости и о частомъ осужденіи нами своего ближняго. „Вы говорите о нищемъ: онъ нищій, да пьяница. Вѣрно ли вы это знаете? Не напрасно ли бросаете въ него камень осужденія? Если заподлинно знаете, что онъ пропиваетъ милостыню, не подавайте ему, не потворствуйте праздности, тунеядству и пьянству, но будьте осторожны въ своемъ судѣ: не осудить бы вамъ въ

праздности и тунеядствѣ истинно бѣднаго, больного, стараго, безсильнаго, увѣчнаго, сироту безпріютнаго, словомъ, не презрѣть бы вамъ нищаго напрасно, по одному подозрѣнію въ его лживости, по скупости, гордости и злобѣ своего сердца. Какъ часто бываетъ, что ни за что оскорбляютъ такого бѣднаго, который достоинъ всякаго состраданія... Нищихъ осуждаемъ за всякій сучекъ въ глазу ихъ, за всякое пятно въ жизни ихъ, а сами себя зачѣмъ строго не осуждаемъ? Имъ готовы ставить въ вину почти то, что они ѣдятъ и пьютъ, и живутъ на одной съ нами землѣ, освѣщаются однимъ и тѣмъ же солнцемъ, дышатъ тѣмъ же воздухомъ, ходятъ въ тотъ же храмъ Божій и вообще пользуются тѣми же правами человѣческими. Зачѣмъ же мы не осуждаемъ самихъ себя въ разныхъ излишествахъ и порокахъ? Зачѣмъ себя только признаемъ достойными вещественныхъ и духовныхъ, естественныхъ и благодатныхъ даровъ Божіихъ? Развѣ они не люди?..“

Вотъ описываетъ онъ немощи нашей природы. „Богъ создалъ тебя, человѣкъ, не козломъ, а ты самъ дѣлаешься козломъ бодливымъ и вонючимъ, смердящимъ грѣхами; сотворилъ тебя не змѣей, а ты самъ дѣлаешься змѣей злой, коварной, уязвляющей; создалъ тебя не лисицей, а ты самъ дѣлаешься лисой лукавой, хищной, похищающей чужую честь, невинность, достояніе; ты сотворенъ не собакой, а лаешь часто напрасно на ближняго и кусаешься; ты не оселъ и не конь, а лягаешься и иногда такъ лягнешь ближняго, что на всю жизнь сдѣлаешь его больнымъ; ты не волкъ, а увлекать въ погибель души человѣческія, да и самыя тѣла, готовъ; ты не конь, а похотствуешь, какъ онъ. Такъ мы заняли у безсловесныхъ животныхъ, по невниманію и нерадѣнію, многія ихъ качества, будучи сотворены разумными и словесными и со способностью на все честное, святое, доброе, благородное, похвальное.“ (Дневникъ).

Вотъ прекрасно изображаетъ онъ наше нежеланіе искренно каяться. „Сама природа человѣческая не любитъ, стыдится и боится обнаруженія своихъ худыхъ дѣлъ. Боится воръ, чтобы не открылось воровство его и чтобы не подвергнуться ему заслуженному наказанію, старается всячески скрыть слѣды свои; а когда будетъ допрашиваемъ, не признается, и даже подверженный пыткѣ не скоро правду скажетъ. Стыдится

блудникъ, чтобы не сдѣлалось явнымъ людямъ его блудное дѣло; и потому ищетъ для такого беззаконія тайнаго и темнаго мѣста, чтобы глазъ человѣческій не увидѣлъ его во грѣхѣ; да и на исповѣди святой предъ духовнымъ своимъ отцомъ не хочетъ признаться въ немъ; утаиваетъ его ради стыда. Не любитъ злодѣй, когда кто обличаетъ его злодѣянія. Вотъ почему и Писаніе говоритъ: не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебя. Такъ природа наша человѣческая не любитъ, стыдится и боится обнаруженія худыхъ дѣлъ своихъ".

Или вотъ о. Іоаннъ начинаетъ говорить о покаяніи. И какія чудныя, свѣжія строки мы встрѣчаемъ у него. „Сегодня, бр., день покаянія, царскій смотръ. Господь будетъ осматривать свое духовное воинство, т. е. насъ—Его воиновъ. Нужно духовно омыться, очиститься, осмотрѣться, оправиться, ободриться. Завтра Царь небесный позоветъ насъ на свою трапезу духовную, великолѣпную, на которой предложитъ въ пищу и питіе свой чудный небесный хлѣбъ жизни... Омойтесь же всѣ слезами покаянія, очистите скверны душевныя и тѣлесныя, да будете достойны сей Тайной Вечери". Вотъ еще другое его слово о покаяніи. „Покайтесь, приблизибося царство небесное. Всѣ мы — и я тутъ—лѣчиться пришли отъ злокачественной, застарѣлой болѣзни душевной, которая называется грѣхомъ, который можетъ на вѣки безконечные погубить душу безсмертную, если его оставить безъ врачеванія. Для лѣченія этой болѣзни нуженъ Искусный, Премудрый, Святый Врачъ, Всемогущій, потому что сѣятель, насадитель грѣха—существо мудрое, хитрое, лукавое, бодрое, недремлющее, злѣйшее, сильное — разумѣю діавола... Будемъ же бороться съ своими немощами".

Вотъ говоритъ о. Іоаннъ о милостынѣ, объ оказаніи всѣмъ помощи. Но онъ встрѣчаетъ здѣсь обычное возраженіе о невозможности всѣмъ помогать, потому что не всѣ имѣютъ для этого средства. Какъ жизненно и правдиво онъ разрѣшаетъ и это возраженіе. Бѣдность или неимѣніе средствъ, по его глубокому убѣжденію, не служатъ оправданіемъ для неблаготворящихъ людей, и нежелающихъ благотворить. „Вмѣсто великаго дара принеси усердіе,—говоритъ о. Іоаннъ. Ничего не имѣешь?—Утѣшь слезою. Великое вра-

чевство злополучному, когда кто отъ души пожалѣетъ о немъ; несчастіе много облегчается истиннымъ соболѣзнованіемъ... Такъ учитъ насъ и разумъ, и законъ, и собственный опытъ, и справедливѣйшіе изъ людей". На жгучій современный вопросъ: „кому благотворить?" о. Іоаннъ отвѣчаетъ: „Іисусъ Христосъ говоритъ: всякому просящему у тебя дай; значитъ, должно помогать и благотворить всѣмъ, не дѣлая разбора въ лицахъ, состояніи, происхожденіи, вѣроисповѣданіи. Каждому, истинно нуждающемуся, должно оказывать милость, ибо всѣ они имѣютъ одинаковое право на сожалѣніе, и такъ же смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божіи, когда чего просимъ, и гораздо лучше простирать руку и недостойнымъ, нежели изъ опасенія встрѣтиться съ недостойными, лишить благодѣянія и достойныхъ. Должно помогать не по тщеславію и самолюбію, не изъ желанія благодарности и вознагражденія, но безкорыстно, для угожденія Богу и изъ любви къ ближнему. Милостыня, зараженная болѣзнію тщеславія, не есть уже дѣло милосердія, но хвастовство и жестокосердіе. Милостыня состоитъ не въ томъ, чтобы давать только деньги, но въ томъ, чтобы давать съ христіанскимъ чувствомъ милосердія. Должно благотворить и помогать добровольно, охотно, искренно, радушно, съ почтительностью и непритворною любовію къ бѣднымъ, безъ всякаго негодованія, досады и презренія".

Видя въ о. Іоаннѣ дѣйствительнаго пастыря — учителя, многіе приходили къ нему на домъ для бесѣды съ нимъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, около него быстро собиралась толпа, и завязывался оживленный разговоръ, иногда продолжавшійся 2—3 часа. Онъ не любитъ говорить отвлеченно. Приведетъ какую либо притчу, разскажетъ что либо подходящее изъ жизни и путемъ сравненій легко вложитъ извѣстную истину въ душу своего собесѣдника. Однажды, напр., зашла рѣчь о бытіи Бога.

— Батюшка! Вотъ Библія говоритъ о происхожденіи земли, человѣка. А если взять науку...

— Не бери науку въ критику Библіи,—строго перебиваетъ пастырь.—Въ Бога мы можемъ только вѣрить, а не доказывать Его бытіе. Кто вѣритъ, тотъ не требуетъ доказательства, а если ты хочешь доказывать, такъ гдѣ же вѣра? Я тебѣ говорю: у меня есть въ карманѣ булка, а ты отвѣча-

ешь: вѣрю, батюшка, а дай-ка я рукой пощупаю... Одно изъ двухъ: вѣрь или щупай.

— Но вѣдь ученье свѣтъ, батюшка.

— Свѣтъ, большой свѣтъ. Но скажи, развѣ ты зажигаешь лампу днемъ? Или если ты пришелъ ночью любоваться на звѣздное небо, развѣ ты принесешь свѣчку? Она тебѣ мѣшать будетъ, а вѣдь и лампа, и свѣча—свѣтъ.

— Такъ, батюшка; да я радъ бы вѣрить, но не могу.

— И я не могу, и всѣ мы не можемъ. Вѣра дается отъ Бога просящимъ ее.

Ты говоришь — хочешь вѣрить, вотъ и проси. Обрати взоръ свой къ небесамъ, забудь земное и проси Царя небеснаго...

Бывало не разъ, что послѣ подобныхъ бесѣдъ чрезъ нѣсколько времени споривший является къ о. Іоанну радостный, сіяющій...

— Батюшка, а я получилъ вѣру. И какъ легко, какъ хорошо! Весь міръ, кажется, обнялъ бы: съ души точно гора свалилась.

— Благодари Бога и помни, какіе обѣты накладываетъ на тебя вѣра. Безъ дѣлъ вѣра мертва; надо любить Бога, а кто говоритъ, что онъ Бога любитъ, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, по свидѣтельству Ап. Іоанна.

Мы могли бы привести множество подобныхъ примѣровъ изъ его незабвенныхъ поученій и бесѣдъ. Не было ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія общественной, частной, семейной жизни, на которое бы онъ не обратилъ свое вниманіе и которое бы не освѣтилъ чисто съ христіанской точки зрѣнія. Не пропустилъ онъ ни одного удобнаго случая, чтобы вѣщать народу правду Христову. Вѣщалъ онъ ее и на стогнахъ городовъ, и въ частныхъ домахъ, и находясь въ дорогѣ, и съ церковной каѳедры. Не было ни одного церковнаго торжества, на которомъ онъ безмолствовалъ бы, не разъясняя своимъ слушателямъ внутренней стороны этихъ празднествъ, ихъ силы, значенія. Вотъ почему такъ понятенъ молящемуся вмѣстѣ съ о. Іоанномъ нашъ православный храмъ. Вотъ почему такимъ жизненнымъ, глубоко содержательнымъ кажется ему все наше богослуженіе. Вотъ почему онъ стремится съ неудержимой силой сюда на молитву. Храмъ и богослуженіе для богомольца яв-

ляются не какимъ то стариннымъ музеемъ съ какими то загадочными и совершенно непонятными для него предметами и церемоніями, а родною, живою стихіей, гдѣ ему все дорого и понятно. И не скучно ему здѣсь. Да и какъ скучать, когда онъ постоянно въ душѣ своей ощущаетъ силу молитвы, переживаетъ необыкновенныя минуты нравственнаго просвѣтленія, подъема всѣхъ своихъ духовныхъ силъ, гдѣ онъ часто подъ вліяніемъ трогательнаго, проникновеннаго, осмысленнаго богослуженія плачетъ какъ ребенокъ...

Итакъ, мы не будемъ приводить другихъ отрывковъ изъ проповѣдей о. Іоанна. Для пониманія характера проповѣдничества о. Іоанна, думаемъ, достаточно и приведенныхъ. Проповѣди о. Іоанна отражаютъ то царство Божіе, какое принесъ на землю Спаситель. Поэтому они выше всякаго времени и всякой народности. Въ великой ихъ внутренней правдѣ заключается и причина ихъ великаго успѣха въ народѣ.

XXVI.

Кромѣ проповѣдничества, съ самыхъ первыхъ дней своего пастырства, о. Іоаннъ сталъ необыкновенно заботиться о своей паствѣ. Онъ не ждалъ приглашенія гдѣ нужна была его помощь, а шелъ самъ, полный непреодолимаго желанія оказать ближнему то или другое содѣйствіе. Одинъ Кронштадтскій торговецъ объ о. Іоаннѣ разсказывалъ слѣдующее.

— Будучи еще молодымъ человѣкомъ, я лишился жены, оставившей на моихъ рукахъ малолѣтняго единственнаго сына. Я сильно скорбѣлъ. Порою доходилъ даже до унынія. Не только потеря горячо любимой подруги мучила меня, едва ли еще не больше я мучился мыслію о дальнѣйшей моей судьбѣ. Я чувствовалъ и сознавалъ, что неспособенъ воспитать своего шестилѣтняго сына, который, какъ и надо ожидать, безъ присмотра материнскаго, предоставленный самому себѣ,—сталъ шалить и баловаться. По торговлѣ пошли убытки и опущенія. Я сталъ считать ее безцѣльною. Для кого и для чего, думалъ я, торговать? Сынишка такъ еще малъ, да и что еще изъ него выйдетъ? Полное разочарованіе жизнію стало одолѣвать меня. Чтобы избавиться отъ гнетущей тоски, я сталъ искать утѣшенія внѣ дома въ

винѣ и незамѣтно для самого себя сталъ пьяницею. Время шло. Сынишка росъ на своей волюшкѣ, торговлею я почти совсѣмъ не занимался, оставивъ лавку на приказчиковъ, и только выжидалъ случая совершенно покончить съ нею. Однажды иду я утромъ по улицѣ и вижу, на встрѣчу идетъ о. Іоаннъ, должно быть прямо изъ собора отъ обѣдни. Повстрѣчался со мною, благословилъ меня, да и говоритъ:

— Я къ тебѣ, братъ, иду: надо бы съ тобою побесѣдовать немножко.

Пришли мы въ квартиру мою. Батюшка сѣлъ, да и говоритъ:

— Жаль мнѣ тебя, рабъ Божій! я давно наблюдаю за тобою. Думалъ, не образумишься ли ты, и рѣшилъ наконецъ придти къ тебѣ на помощь. Послушай меня, сбрось съ себя хандру. Это врагъ силится уловить тебя. Если не исправишься, смотри, худо будетъ. Перестань пить, не отлучайся изъ дому безъ особенной надобности. Торговлю бросать не думай, а займись ею самъ. Помни, что ты не одинъ. У тебя—сынишка, не губи его и себя. Учить его пора. Учи грамотѣ, бери съ собою въ лавку, пріучай понемногу къ дѣлу; и тебѣ повеселѣе будетъ, да и онъ съ помощію Божіей пріучится къ дѣлу, человѣкомъ будетъ, тебѣ помощникомъ, а подъ старость кормильцемъ твоимъ, утѣшеніемъ твоимъ. Слышишь же, съ сегодняшняго дня начинай. Довольно по улицамъ то бродить безъ дѣла. Человѣкомъ ты былъ, человѣкомъ и оставайся!

Съ этими словами батюшка всталъ, надѣлъ эпитрахиль и говоритъ:

— Ну вотъ на починъ дѣла помолиться надо. Помолимся поусерднѣе Господу Богу, чтобы Онъ Самъ помогъ намъ раскаяться, да въ разумъ истины придти.

И сталъ онъ на молитву. Со слезами онъ молился за меня грѣшнаго. Потомъ благословилъ насъ съ сыномъ, обѣщалъ навѣщать и молиться за насъ, и ушелъ.

Словно проснулся я отъ долгаго тяжелаго сна; и квартирка то наша стала милѣй для меня. Со слезами раскаянія я обнялъ своего сына. Только тутъ я почувствовалъ, какъ виноватъ предъ нимъ. Вѣдь чуть было совсѣмъ не сгубилъ его. Съ благословенія батюшки принялся и за дѣло. Батюшка дѣйствительно навѣщалъ меня, иногда подолгу бесѣдо-

валъ со мною, утѣшалъ, подкрѣплялъ меня, ласкалъ и наставлялъ сыночка. Дѣло по торговлѣ за годъ поправилось, и я сталъ снова „человѣкомъ" за молитвы дорогого батюшки.

О. Іоаннъ среди народа.

Самоотверженіе о. Іоанна, любовь къ ближнему, кажется, не имѣли границъ. Вотъ нѣсколько случаевъ, характеризующихъ его съ этой стороны. Однажды о. Іоаннъ только что вернулся домой, послѣ безчисленныхъ визитовъ къ больнымъ и страждущимъ. Предъ домомъ по обыкновенію его поджидала толпа нищихъ, чтобы получить отъ него подаяніе. Добрый пастырь роздалъ все. Онъ оставилъ у себя только 20 коп. на пароходъ, чтобы имѣть возможность ѣхать въ Ораніенбаумъ къ трудно больному 20 коп. онъ оставилъ потому, что дома не нашлось бы у него этихъ денегъ. Едва онъ вошелъ въ свою скромную комнату, какъ услышалъ въ прихожей шумъ и громкій разговоръ. Не снимая верхней одежды, о. Іоаннъ вернулся въ прихожую. Оказалось, какая то женщина здѣсь съ громкими рыданіями просила пустить ее къ батюшкѣ.

— Пусть подождетъ,—говоритъ о. Іоанну жена. Вѣдь ты

съ 5-ти часовъ утра ходилъ голодный, измученный. Пообѣдай, отдохни...

— Погоди, я спрошу, чего она хочетъ.

— Спаси насъ, отецъ, — молила она. У меня мужъ умираетъ, пятеро дѣтей, второй день не ѣли. Я сама едва хожу... Одна надежда на тебя...

— Пойдемъ къ тебѣ, — ласково отвѣтилъ о. Іоаннъ, поднимая съ пола плачущую женщину. Господь тебѣ поможетъ.

И о. Іоаннъ, совершенно забывъ о своемъ обѣдѣ и своей усталости, вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ женщиной, по направленію къ ея бѣдной квартирѣ.

— Вотъ тебѣ 20 коп. Зайди въ лавку, купи хлѣба и яицъ. Больше у меня нѣтъ...

Придя въ квартиру этой женщины, онъ нашелъ здѣсь картину страшной нищеты. Умирающій мужъ смотрѣлъ безжизненно установившимися глазами и не шевелился. Дѣти стонали отъ голода. Вотъ принесено небольшое подкрѣпленіе.

Когда хлѣбъ и яйца были съѣдены, о. Іоаннъ самъ помогъ женщинѣ убрать ея темную подвальную комнату. Привели они вмѣстѣ съ ней нѣсколько въ порядокъ и дѣтей. Затѣмъ, опустившись на колѣни предъ крошечнымъ образкомъ, висѣвшимъ въ углу, о. Іоаннъ началъ молиться. Женщина повторяла за нимъ слова молитвы. Когда голосъ его стихъ, онъ стоялъ еще долго опустивъ голову. Наконецъ, вставъ съ колѣнъ, подошелъ къ кровати и благословилъ больного.

— Приди ко мнѣ завтра въ церковь,—сказалъ о. Іоаннъ женщинѣ.

Не успѣлъ онъ выдти изъ дома, какъ увидѣлъ уже нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ его съ приглашеніями въ Петербургъ и Ораніенбаумъ. Выслушавъ просителей, о. Іоаннъ отправился за ними на пароходъ и только въ первомъ часу ночи вернулся домой „обѣдать“.

На другой день женщина ожидала на паперти выхода своего благодѣтеля. Увидавъ ее въ толпѣ, о. Іоаннъ досталъ изъ кармана нѣсколько конвертиковъ и передалъ ихъ ей. Въ конвертахъ оказалось нѣсколько кредитныхъ билетовъ и облигація въ 1000 рублей.

Больной совсѣмъ оправился отъ болѣзни, открылъ свою торговлю и теперь занимаетъ видное положеніе въ городѣ. Свой долгъ о. Іоанну онъ возвратилъ десятерицею, пожертвовавъ на дѣла благотворительности 10000 руб. [1])

Одна высокоблагородная дѣвушка разсказала объ о. Іоаннѣ слѣдующее.

— Судьба рано заставила меня страдать и томиться жизнію. Съ малолѣтства я не была любима въ родной семьѣ. Отъ природы болѣзненная, неразвитая, ни къ чему не способная, но изнѣженная, нервная, я была въ тягость и другимъ и сама себѣ. Отдали меня въ Институтъ. Но и оттуда черезъ три года исключили по неспособности къ ученію. Въ то время, когда меня исключили изъ Института, отца моего уже не было въ живыхъ. Мать моя, болѣзненная женщина, не имѣла средствъ меня содержать такъ, какъ мы жили при отцѣ. Въ лишеніяхъ, скорбяхъ проводили мы съ нею дни свои. Но вотъ, наконецъ, умираетъ и мать моя, оставляя меня одну совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Куда было мнѣ приклонить свою голову? Я гостила то у однихъ родственниковъ, то у другихъ, то у знакомыхъ. Не имѣя возможности нигдѣ прочно пріютиться, я перекочевывала съ мѣста на мѣсто.

Одно время я гостила въ Кронштадтѣ. И здѣсь мнѣ было скучно. Однажды мнѣ ужъ очень стало тяжело, и я во время одной прогулки начала обдумывать планъ, какъ бы мнѣ прекратить свое безполезное и мучительное существованіе. Сидя въ такомъ грустномъ настроеніи, я не замѣтила, какъ подошелъ ко мнѣ священникъ и, привѣтливо поклонившись, сѣлъ на другой конецъ лавочки. Не зная его, какъ и никого въ Кронштадтѣ, и не желая ни съ кѣмъ раздѣлять своего тяжелаго настроенія, я встала и хотѣла удалиться. Но незнакомый мнѣ батюшка остановилъ меня и сказалъ:

— Я обезпокоилъ васъ, кажется. Извините, но проходя мимо, я не могъ не подмѣтить тяжелаго настроенія вашей души, свидѣтельствующаго о глубокой вашей скорби, и, какъ пастырь, хотя и незнакомый вамъ, но по сану пастырства не чуждый, рѣшилъ подойти къ вамъ и съ чувствомъ искренняго участія побесѣдовать съ вами. Не стѣсняйтесь,

[1]) Соч. цит.

откройте мнѣ вашу скорбь. Можетъ быть, чрезъ меня грѣшнаго Господь и успокоитъ васъ и утѣшитъ васъ.

Тронутая такимъ участіемъ человѣка, мнѣ совершенно незнакомаго, я горько заплакала, но ничего не могла сказать, кромѣ одного: „я несчастная, лишняя на свѣтѣ!"

— Великій умъ Творца не могъ сотворить ничего лишняго,—отвѣчалъ батюшка.

— Указывая на ползущую по песку букашку, онъ продолжалъ:

— Посмотри, что безпомощнѣе, ничтожнѣе этого насѣкомаго? Но и оно не лишнее, и оно приноситъ долю пользы, и оно не забыто и не оставлено Творцомъ! А ты, будучи человѣкомъ, этимъ любимымъ созданіемъ Божіимъ, отчаяваешься въ Его милосердіи! Повѣдай мнѣ скорбь свою, скажи, что случилось съ тобою.

— Тутъ я излила всю душу свою предъ добрымъ батюшкой. Мнѣ казалось, что еще никто не говорилъ со мною съ такимъ участіемъ, никто такъ не утѣшалъ меня. Онъ казался мнѣ Ангеломъ, посланнымъ Богомъ на спасеніе мое отъ гибели, до которой было уже мнѣ такъ недалеко. Съ искреннею отеческою любовію онъ бесѣдовалъ со мною. Ободрялъ, утѣшалъ, указывалъ мнѣ путь жизни, которымъ я и иду до настоящаго времени, не переставая благодарить его. Имени своего онъ мнѣ не открылъ, назвавшись однимъ изъ соборныхъ священниковъ. Когда же, вернувшись домой, я разсказала о своей замѣчательной встрѣчѣ и бесѣдѣ съ какимъ то священникомъ, мнѣ сказали, что это былъ несомнѣнно о. Іоаннъ. При этомъ они добавили: это дивный, святой мужъ [1].

Рано по утру выходя послѣ обѣдни изъ церкви, о. Іоаннъ всегда бываетъ окруженъ кучкой нищихъ, бѣдняковъ, обращающихся къ нему за помощью. Одному нужно платье, другому нѣсколько копеекъ на пропитаніе, у третьяго сапоги худы. О. Іоаннъ терпѣливо выслушиваетъ каждаго.

— Не обманываешь ли ты меня, о Христѣ братъ?—спрашиваетъ о. Іоаннъ того или другого изъ своихъ просителей. Денегъ у меня немного, а видишь, сколько помочь нужно.

---

[1]) Соч. цит.

Проситель начинаетъ увѣрять въ правдивости своихъ словъ, и дѣло кончается тѣмъ, что о. Іоаннъ по силѣ возможности надѣляетъ его деньгами. Иногда онъ самъ отправляется съ своими просителями на рынокъ и тамъ покупаетъ платье, сапоги, пищу. Кому, что нужно...

Прошло два года пастырства о. Іоанна. Молодая жена какъ бы по обѣту превратилась въ сестру милосердія, помогавшую своему „глаголемому" супругу въ его высокомъ служеніи Богу и ближнимъ. Во всѣ два года они видѣлись только, говорятъ, на нѣсколько чуть ли не минутъ въ день, когда о. Іоаннъ появлялся дома поздно вечеромъ или рано утромъ.

— Счастливыхъ семей, Лиза, и безъ насъ довольно,—говорилъ обыкновенно онъ. А мы съ тобой посвятимъ себя на служеніе Богу [1]).

Съ первыхъ дней своего служенія сталъ о. Іоаннъ отличаться и необыкновеннымъ даромъ молитвы. Онъ поставилъ себѣ въ непремѣнную обязанность ежедневно совершать божественную литургію, не смотря ни на какіе труды. Такимъ образомъ изо дня въ день онъ велъ борьбу съ собой, усовершаясь все болѣе и болѣе при помощи благодати Божіей. Его богослуженіе невольно привлекало къ нему многихъ. Было что-то необыкновенное въ этомъ служеніи, трогающее человѣка до глубины души. По его молитвѣ уже и тогда совершались необыкновенныя дѣла, необъяснимыя никакими соображеніями здраваго разума.

Итакъ, нисколько неудивительно, если такого пастыря скоро всѣ узнали. Вѣсть о молодомъ необыкновенномъ священникѣ стала быстро распространяться по Кронштадту. Разсказы о подвигахъ милосердія, любви и о плодахъ его молитвы ходили изъ устъ въ уста. Дворъ маленькаго домика, занимаемаго и понынѣ о. Іоанномъ, сталъ наполняться всякимъ народомъ. Приходили недугующіе, страждущіе, труждающіеся, обремененные. Нищіе шли сюда цѣлыми толпами. Приходили съ семейными невзгодами, пьющіе запоемъ, покинутыя жены... Всѣмъ была нужда до батюшки. Его звали, приглашали всюду. Предъ нимъ открывали свою душу. И онъ никому не отказывалъ, принимая всѣхъ, приходив-

---

[1]) Соч. цит.

шихъ къ нему. Молился съ ними, утѣшалъ ихъ. Шелъ по первому зову къ трудно больному, ѣхалъ за десятки верстъ. Вездѣ, гдѣ только ни появлялся онъ, вносилъ миръ, отраду, надежду, вѣру. Каждый уходилъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, смягченными тѣлесными страданіями. Прошелъ только годъ, и оказалось, что у о. Іоанна нѣтъ ни днемъ, ни ночью возможности отдохнуть, остаться наединѣ съ самимъ собою. Выходя изъ дому, онъ зналъ, что въ садикѣ его ожидаетъ толпа народа. Отпустивъ собравшихся, давъ каждому по мѣрѣ возможности, о. Іоаннъ спѣшилъ съ визитами, въ церковь, вездѣ сопровождаемый народомъ. Путемъ народной молвы, путемъ затеплившейся къ нему любви бѣдняковъ, его имя стало все болѣе и болѣе распространяться не только въ Кронштадтѣ, но и далеко за предѣлами его.

И чѣмъ болѣе вездѣ и всюду распространялась о немъ добрая слава, тѣмъ все менѣе и менѣе находилъ онъ за собою заслугъ. Все онъ смиренно приписывалъ Богу. „Благодать и милость Спасителя нашего не оскудѣваютъ и нынѣ и не оскудѣютъ до вѣка... Слава Спасителю нашему Богу! Онъ видитъ, что неложно я возсылаю Ему эту славу. Только Имъ и о имени Его я славенъ, а безъ Него—безчестенъ; только Имъ силенъ, а безъ Него—немощенъ; съ Нимъ святъ, а безъ Него—исполненъ грѣховъ; съ Нимъ дерзаю, безъ Него малодушествую; съ Нимъ кротокъ и смиренъ, безъ Него—раздражителенъ и неблагъ. Возвеличите же Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ (Псал. 33, 4). Да пребудутъ незабвенными для меня эти милости Господни во вѣкъ, да укрѣпляютъ онѣ мою вѣру и надежду на будущее время, да утверждаютъ стопы мои въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, въ непреткновенномъ прохожденіи высокаго званія священническаго“.

За великіе подвиги самоотверженія во время служенія меньшей братіи: нищимъ, больнымъ, убогимъ, скорбящимъ, плачущимъ, благодарные прихожане уже подносятъ ему золотой, украшенный драгоцѣнными камнями крестъ. Что же о. Іоаннъ? Видя и это общенародное признаніе своихъ заслугъ, о. Іоаннъ говоритъ, что онъ ничего еще не сдѣлалъ.

— „Дорогіе братья! при видѣ этого драгоцѣннаго креста изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, я припоминаю слова Го-

спода Іисуса Христа Ангелу или епископу Лаодикійской церкви, идущія и ко мнѣ: „совѣтую тебѣ купить у меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться“ (Апок. 3, 18), т. е. стяжать душу, очищенную огнемъ искушеній. Я не купилъ и не пріобрѣлъ еще себѣ этого духовнаго, нетлѣннаго злата: не всуе ли я буду носить это тлѣнное злато, не стяжавъ души чистой и сердца непорочнаго? Равно еще не пріобрѣлъ я въ достояніе неотъемлемое духовнаго, драгоцѣннаго *камня*, который есть Іисусъ Христосъ, и не утвердился на Немъ непоколебимо; а безъ этого Камня, драгоцѣнные видимые камни не дадутъ мнѣ свѣта и не утвердятъ души моей на основаніи незыблемомъ. О, Господи! Камень драгій, просвѣти меня, еще омраченнаго тьмою страстей, и утверди стопы мои, часто колеблющіяся, на камнѣ вѣры! Вы приносите мнѣ въ даръ, какъ выраженіе вашей любви, вашей вѣры и благочестія, этотъ драгоцѣнный крестъ. Но какъ я возложу его на перси, когда Пастыреначальникъ нашъ Господь Іисусъ несъ деревянный крестъ на раменахъ Своихъ для принятія неправедной казни за насъ, изнемогая подъ тяжестью его? Какъ я буду носить его, когда не научился еще у Него полагать душу свою за овцы стада Его; когда я не научился еще распинать плоти своей съ ея страстями и похотями; когда не научился еще жить не себѣ, а Ему, ради насъ умершему и воскресшему; когда еще богопротивное самолюбіе въ разныхъ видахъ живетъ во мнѣ и нерѣдко омрачаетъ душу мою? Развѣ для обличенія себя буду я носить его на своихъ персяхъ, въ которыхъ еще не горитъ постояннымъ пламенемъ любовь къ Распятому и къ тѣмъ, за кого Онъ распятъ? Простите мнѣ мое недоумѣніе и мое колебаніе. Мы готовы на полученіе наградъ, но не всегда готовы на самоотверженіе. О, драгія души, искупленныя драгоцѣнною кровію Агнца Божія! Да привлечетъ Онъ насъ всѣхъ къ Себѣ, по обѣтованію Своему (Іоан. 12, 32).“

Такъ смотрѣлъ о. Іоаннъ на великое дѣло своего служенія меньшей братіи. Удивительно ли послѣ этого, что кругъ его дѣятельности все болѣе и болѣе расширялся? Удивительно ли, что его самоотверженіе росло со дня на день? Удивительно ли, что *это* скоро вездѣ поняли, оцѣнили и пошли къ нему отовсюду? Вотъ какъ нужно быть смирен-

нымъ пастырю въ своемъ служеніи ближнему. А у насъ не рѣдко бываетъ совершенно наоборотъ: мы пишемъ больше о себѣ рекламы и не дѣлаемъ почти никакого дѣла...

Мы не хотимъ ничего болѣе говорить о дѣятельности о. Іоанна, какъ пастыря, въ первые годы его пастырскаго служенія. За все это время онъ не дѣлалъ ничего другого, что дѣлаетъ и сейчасъ. А эта дѣятельность его у всѣхъ насъ предъ глазами. Поэтому каждый самъ можетъ имѣть о ней полное и живое представленіе.

XXVII.

Скоро къ многочисленнымъ заботамъ о. Іоанна присоединилась новая. Все болѣе и болѣе распространяющаяся среди народа и общества молва о дѣятельности о. Іоанна заставила обратить на него вниманіе и начальниковъ различныхъ учебныхъ заведеній. Скоро его стали назначать законоучителемъ въ различныя учебныя заведенія. Съ 1857 года началась дѣятельность о. Іоанна, какъ законоучителя. Съ 1857 года онъ давалъ уроки въ Кронштадтскомъ уѣздномъ училищѣ, а съ 1862 года былъ приглашенъ законоучителемъ въ Кронштадтскую гимназію.

Новое назначеніе не застало о. Іоанна въ расплохъ. Не неподготовленнымъ онъ явился сюда; не учиться пришелъ у другихъ искусству—учить, какъ это бываетъ со многими. Онъ пришелъ сюда уже съ весьма опредѣленными педагогическими воззрѣніями, сложившимися въ немъ подъ вліяніемъ его опытнаго воспитанія на христіанскихъ началахъ жизни.

Дѣло воспитанія и обученія дѣтей, по взгляду о. Іоанна, дѣло „великое и многотрудное“. Велико и отвѣтственно служеніе наставника. „Почтеннѣйшіе сослуживцы и добрые товарищи! не излишне нынѣ намъ напомнить себѣ, что мы—Богу споспѣшницы, соработники у Бога, а эти дѣти—Божія нива, Божіе строеніе, нами возводимое,—такъ говоритъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей предъ началомъ ученія.—Я по данной мнѣ отъ Бога благодати, полагаю основаніе въ сердцахъ этихъ отроковъ, а вы возводите на немъ каждый свои построенія... Итакъ, каждый смотри, какъ строитъ,—говоритъ Апостолъ Павелъ. Строитъ ли кто на семъ основаніи

изъ золота и серебра, драгоцѣнныхъ камней, дерева, сѣна, соломы,—каждаго дѣло обнаружится во второе пришествіе Іисуса Христа: ибо этотъ грозный день все откроетъ, и огонь испытаетъ дѣло каждаго, каково оно есть: усердно ли, добросовѣстно ли, полезно ли. У кого дѣло, которое онъ строилъ, устоитъ, тотъ получитъ награду отъ праведнаго Судіи и Мздовоздаятеля, а у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ“ (I Кор. 3, 9—15). Отвѣтственно это служеніе и по другимъ соображеніямъ „Граждане ввѣряютъ нашему попеченію и руководству то, что для нихъ есть самаго драгоцѣннѣйшаго въ жизни—дѣтей своихъ, эти какъ бы сердца свои, и ихъ взоры съ надеждою устремлены на насъ“.

Ясно для о. Іоанна и то, чему нужно учить главнымъ образомъ въ школѣ. Вотъ его мудрое слово объ этомъ,—слово. которое и въ наши дни можетъ быть положено во главу всего воспитанія и обученія юношества.

„Что мы хотимъ сдѣлать изъ нашихъ юношей?—спрашиваетъ о. Іоаннъ своихъ слушателей. Всезнающихъ или многознающихъ, ученыхъ мужей?“ И вотъ что отвѣчаетъ на эти вопросы мудрый пастырь. „Слишкомъ этого недостаточно: можно и весьма много знать, какъ говорится, проглотить науку, быть весьма ученымъ человѣкомъ, и въ то же время, увы, быть негоднымъ человѣкомъ и вреднымъ членомъ общества. Не ученые ли, наприм., были французскіе коммунисты, олицетворявшіе въ себѣ такъ живо въ прошлую войну адскихъ фурій? Не на ученой ли почвѣ заражд۸ются люди съ духомъ отрицанія всего святого, отрицанія самого Божества, божественнаго Откровенія, чудеснаго, единымъ словомъ сотвореннаго міра и всѣхъ существъ видимыхъ и невидимыхъ,—вообще чудесъ и даже воскресенія мертвыхъ и жизни вѣчной? Не на ученой ли почвѣ мы встрѣчаемъ систематическій развратъ, доказывающій ненадобность благословенія Церкви для сожитія и прикрывающійся именемъ гражданскаго брака? Не въ ученыхъ ли, наибольшею частію, головахъ гнѣздятся ложныя убѣжденія, что храмъ и богослуженіе, даже Евангеліе съ его ученіемъ, чудесами и нравственными правилами существуютъ только для черни, но отнюдь не для ученыхъ людей, у которыхъ будто бы есть важнѣйшія занятія и болѣе разумныя? Горе намъ, если бы изъ нашихъ учебныхъ заведеній стали выходить такіе ученые, съ такими ложными

взглядами и понятіями о такихъ важныхъ предметахъ. Но, конечно, по милости Божіей, съ нами этого не будетъ: ибо вообще въ учебныхъ заведеніяхъ дѣло образованія и воспитанія поставлено на правильный и вѣрный путь.

Но что же мы хотимъ сдѣлать изъ нашихъ юношей? Полезныхъ обществу членовъ? Хорошо; но и этого мало: истинно полезные христіанскому обществу члены могутъ быть только воспитанные въ христіанскихъ правилахъ, обычаяхъ— христіане или добрые сыны православной Церкви. Значитъ, намъ нужно образовать не только ученыхъ людей и полезныхъ членовъ общества, но и,—что всего важнѣе и нужнѣе,—добрыхъ, богобоязненныхъ христіанъ. Это мы и стараемся дѣлать". „Будемъ же питомцамъ внушать, что всѣ знанія научныя, безъ науки подчиненія властямъ и установленнымъ законамъ и порядкамъ общественнымъ, не принесутъ имъ никакой пользы; что всѣ науки имѣютъ своимъ центромъ и исходнымъ началомъ Бога и Его вѣчную премудрость, какъ души имѣютъ своимъ первообразомъ Господа Бога, создавшаго насъ по образу и по подобію Своему; что стихійныя знанія, касающіяся здѣшняго міра, нужны только здѣсь на землѣ: съ разрушеніемъ же стихій міра, они прекратятся, и за предѣлами гроба нашего намъ будутъ не нужны; что познаніе вѣры и заповѣдей Божіихъ, уклоненіе отъ грѣха и добрая жизнь, необходимы каждому человѣку и здѣсь, и въ будущей жизни... Будемъ учить ихъ такъ, чтобы они любили всей душей и всѣмъ сердцемъ Господа и другъ друга и не забывали, какъ нынѣ многіе забываютъ или отвергаютъ, что за предѣлами времени находится вѣчность,—за предѣлами видимаго міра—міръ невидимый и вѣчный, прекраснѣйшій здѣшняго, и за предѣлами смерти и могилы—жизнь безсмертная, и послѣ честныхъ трудовъ земныхъ, послѣ доброй христіанской жизни — вѣчное упокоеніе и блаженство на небѣ у Отца небеснаго".

По мнѣнію о. Іоанна, успѣшнымъ великое дѣло воспитанія юношества можетъ быть только тогда, когда всѣ будутъ дружно и согласно работать на этой великой и Божіей нивѣ. Что же должно объединять всѣхъ учащихъ?

„Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ. Да будетъ же у всѣхъ насъ началомъ и концомъ Господь Вседержитель, въ десницѣ Коего все существующее: всѣ умы, благонамѣренныя

изысканія и открытія умовъ, отъ Котораго всякая наука и всякій добрый успѣхъ въ наукахъ. Въ Богѣ всѣ мы должны сходиться, какъ радіусы въ центрѣ, отъ Бога получать единство во взглядахъ и направленіяхъ, свѣтъ, теплоту и силу въ занятіяхъ, и при этомъ прекрасномъ единствѣ, съ этимъ свѣтильникомъ, съ теплотой и энергіей преподавать разныя познанія дѣтямъ, которыя готовятся сами нѣкогда стать на наши мѣста или другія, въ иныхъ сферахъ. Много значитъ единство во всѣхъ дѣлахъ и отправленіе отъ одного начала, равно какъ и возвращеніе къ единому началу. Напротивъ, разногласіе или несогласіе всего болѣе вредитъ дѣлу. Если одинъ преподаватель говоритъ то, а другой утверждаетъ противное объ одномъ и томъ же предметѣ, тогда въ головахъ учащихся происходитъ умственный хаосъ, безполезное и вредное умничанье, совопросничество, въ сердцахъ разрушается вѣра во все святое, въ самое Откровеніе Божіе, въ Церковь и весь строй ея, въ нравахъ является деморализація, и трудъ самаго блестящаго образованія нерѣдко разбивается въ дребезги. Наблюденіе и опытъ подтверждаютъ эти слова".

О. Іоаннъ глубоко вѣритъ въ то, что дѣйствительно такъ все и будетъ, что воспитаніе юношества пойдетъ прекрасно, „если всѣ мы будемъ вести свое дѣло съ мыслію о Богѣ, о важности дѣла воспитанія, отвѣтственнаго предъ Богомъ, предъ обществомъ и предъ Ангелами этихъ дѣтей, всегда видящихъ лицо Отца небеснаго (Мѳ. 18, 10); если не надѣясь на свои силы, всегда слабыя и хрупкія, мы будемъ чаще испрашивать на свое дѣло благословеніе и помощь свыше".

Ясенъ для о. Іоанна и отвѣтъ на другой вопросъ, весьма важный въ педагогическомъ отношеніи,—*какъ* учить. Вотъ его также весьма мудрый и основательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Онъ говоритъ: „главное, господа преподаватели, позаботимся о возможной простотѣ и немногосложности преподаванія. Душа человѣческая по природѣ проста и все простое легко усвояетъ себѣ, обращаетъ въ свою жизнь и сущность, а все хитросплетенное отталкиваетъ отъ себя, какъ несвойственное ея природѣ, какъ безполезный соръ. Мы всѣ учились. Что же осталось въ нашей душѣ изъ всѣхъ наукъ? Что врѣзалось у насъ неизгладимо въ сердцѣ и памяти? Не

съ дѣтскою ли простотою преподанныя истины? Не соромъ ли оказалось все, что было преподано искусственно, безжизненно? Не напрасно ли потрачено время на слишкомъ мудрые уроки? Такъ,—это всякій изъ насъ испыталъ на себѣ. Значитъ, тѣмъ осязательнѣе всякій долженъ убѣдиться въ необходимости простого преподаванія, особенно малымъ дѣтямъ... Не въ томъ вѣдь сила, чтобы преподать много, а въ томъ, чтобы преподать немногое, но существенно нужное для ученика въ его положеніи. Область знаній безгранична. Но область полезныхъ и существенно необходимыхъ знаній ограниченна. Изъ множества достаточно выбрать самое необходимое и привести это въ стройную систему, соображенную съ количествомъ другихъ предметовъ, которые ученики должны будутъ изучать, и съ количествомъ ихъ преподаванія. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ разрушать труды одинъ другого".

Ясна для него и другая роль законоучителя, какъ человѣка, который своимъ словомъ и авторитетомъ долженъ содѣйствовать проведенію въ жизнь школы всякихъ благихъ начинаній. Такъ, наприм., вводятъ въ гимназіи преподаваніе греческаго языка, о. Іоаннъ обращается къ учащимся съ словомъ назиданія. „Дѣти, — говоритъ онъ, — примемся съ Богомъ за ученіе. Доселѣ вы утѣшали насъ стараніемъ, успѣхами, благонравіемъ: надѣемся на васъ и впередъ. Съ нынѣшняго года въ гимназіи вамъ будетъ преподаваться еще греческій языкъ. Знаете, дѣти, какой это языкъ? Это—тотъ языкъ, на которомъ говорили Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Его Апостолы, на которомъ писали Евангеліе и посланія св. Апостолы, на которомъ писали многіе св. отцы, пастыри и учители Церкви, какъ то: св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и прочіе; тотъ языкъ, которымъ говорили мужи Греціи, ораторы и философы. Вотъ и эти слова Господа, которыя я сказалъ въ началѣ: „Я есмь Альфа и Омега," написаны были на греческомъ языкѣ. Альфа и Омега суть первая и послѣдняя буквы греческаго алфавита или азбуки. Кромѣ того, вѣра наша святая, православная, взята нами русскими также изъ Греціи. Славянскія или русскія буквы взяты изъ греческой азбуки. Богослужебныя книги наши переведены на славянскій и русскій съ греческаго языка, обороты рѣчи въ Св. Писаніи и богослужеб-

ныхъ книгахъ—тоже греческіе. Итакъ, примите съ любовію въ число изучаемыхъ вами предметовъ и греческій языкъ и усердно займитесь имъ"...

Съ великимъ усердіемъ и великою радостію о. Іоаннъ принялся за святѣйшее дѣло законоучительства въ гимназіи, за дѣло проведенія въ жизнь школы христіанскихъ началъ, за дѣло воспитанія юношества въ прекрасныхъ гражданъ неба и земли. И среди гимназической молодежи онъ быстро снискалъ всеобщія симпатіи.

И не мудрено было ихъ завоевать человѣку, сердце котораго пламенѣло чистой глубокой, постоянной любовью. И дѣйствительно, какая глубина любви слышится постоянно въ этихъ обращеніяхъ къ своимъ питомцамъ:

— Здравствуйте, любезныя дѣти!

— Здравствуйте, дѣти!

— Здравствуйте, дѣтки!

— Здравствуйте, дорогія безцѣнныя дѣти Отца небеснаго!

Эта же сила любви постоянно слышалась и въ каждомъ отдѣльномъ обращеніи о. Іоанна къ тому или другому своему питомцу или ко всѣмъ питомцамъ, взятымъ вмѣстѣ. Вотъ обратите вниманіе хотя на слѣдующія строки. Какъ невыразимо просты и въ то же время чарующе увлекательны онѣ.

Вотъ вамъ, дорогіе, самое пріятное, живое, утѣшительное слово, не мое, а евангельское. Запомните его всѣ и положите глубоко, глубоко въ сердцѣ. Помните, какъ любилъ дѣтей, любитъ ихъ и теперь Самъ Господь Іисусъ Христосъ; какъ строго запретилъ Онъ своимъ ученикамъ, чтобы они не препятствовали имъ приходить къ Нему во всякое время, такъ какъ въ ихъ простыхъ сердцахъ почиваетъ Богъ; какъ обнималъ ихъ, возлагалъ на нихъ Свои пречистыя руки и благословлялъ ихъ. Помните, говорю, эти дорогія слова Евангелія, воодушевляйтесь и утѣшайтесь ими; носите ихъ въ сердцахъ своихъ и не будьте легкомысленны, невнимательны и неблагонравны, чтобы не оскорбить вамъ чѣмъ либо горячо любящаго васъ Спасителя. Учитесь прилежно Закону Божію и всему полезному ученью. Не опускайте въ воскресенья и другіе праздники ходить въ храмъ Божій, и никто и ничто пусть не препятствуетъ вамъ въ этомъ. Въ храмѣ особенно Богъ принимаетъ наши молитвы.

Молитесь съ сердечнымъ вниманіемъ дома и въ классѣ. Молитва есть бесѣда дѣтей съ Отцомъ небеснымъ. Уважайте и любите начальниковъ и наставниковъ вашихъ, которые послѣ родителей—ваши первые доброжелатели и благодѣтели,—руководящіе васъ ко всему доброму и полезному. Уважайте и сами себя и не доводите себя до поступковъ, унижающихъ и безчестящихъ васъ. Помните, что Господь Іисусъ Христосъ и теперь съ вами всегда, невидимо, Самъ учитъ васъ невидимо, внутренно, если только вы внимательны. Всякою наукой дорожите, всякую науку любите, потому что всякую науку открылъ людямъ Господь Богъ, Источникъ разума и премудрости. Учитесь охотно и прилежно. Когда будетъ вамъ трудно или скучно, обращайтесь смѣло съ вѣрою къ Господу Іисусу Христу, любящему васъ, и Онъ тотчасъ поможетъ вамъ. Онъ особенно любитъ слушать дѣтскія, усердныя молитвы, какъ наилучшій Отецъ. Любите и берегите другъ друга. Въ дѣтскихъ играхъ будьте скромны, сдержанны, осторожны, въ противномъ случаѣ можете другъ другу нанести ушибы, увѣчья. Вотъ вамъ нѣсколько словъ отъ меня, вашего законоучителя. Примите ихъ съ сердечною любовью, какъ сказалъ ихъ съ любовію къ вамъ, и да наставитъ васъ Самъ Духъ Святый—чрезъ наше немощное руководство на все доброе, полезное и святое.

Или вотъ еще обратите вниманіе на слово о. Іоанна предъ началомъ ученія. Сколько задушевности, сколько нѣжности, сколько трогательной любви къ питомцамъ слышится здѣсь. „Дорогія, безцѣнныя дѣти Отца небеснаго,—такъ начинаетъ онъ это слово. Преуспѣвайте въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и у людей. Начнемъ, съ Божіей помощью, опять учить и учиться. Утѣшайте насъ своимъ поведеніемъ и успѣхами. Этимъ вы доставите намъ больше ревности и усердія заниматься съ вами. Какъ пріятно садовнику или любителю комнатныхъ растеній видѣть, что ихъ растенія хорошо растутъ, зеленѣютъ и даютъ цвѣты или плоды и вознаграждаютъ ихъ труды. Какъ они удваиваютъ тогда свое усердіе въ ухаживаніи за ними. И землю каждогодно подъ ними перемѣняютъ, если это комнатныя растенія, и поливаютъ тщательно и во время, а сухія вѣточки или пожелтѣвшіе листочки обрываютъ, чтобы они и мѣста не занимали на стеблѣ растенія и не безобразили его собою, да и

Любовь о. Іоанна къ дѣтямъ.

Къ стр. 429.

соковъ его напрасно въ себя не тянули. За то и посмотрѣть мило на эти растенія! Цвѣточки то какіе, наприм., у олеандры, у розы,—нашей русской и китайской,—глядишь не наглядишься и скажешь: дивенъ Ты, Создатель нашъ, не только въ человѣкѣ,—въ Твоемъ образѣ и подобіи,—но и въ растеніяхъ бездушныхъ, и въ цвѣточкахъ древесныхъ. Впрочемъ, что намъ много говорить о растеніяхъ и цвѣтахъ? Они всетаки дерево, сѣно—какъ ни хороши. А вотъ вы наши растенія или лучше—Божьи безцѣнныя. Вы—наши цвѣты. То, что сказано объ нихъ, надо приложить и къ вамъ. Мы—садовники,—вы—растенія и цвѣты, а гимназія—садъ; преподаваніе—это поливаніе, переводъ изъ класса въ классъ—это пересаживаніе, перемѣна грунта, сухія вѣтви и пожелтѣвшіе листочки—это ученики недобраго поведенія и безуспѣшные въ наукахъ, сухіе и безплодные, какъ сухія вѣтви, а иногда желтыя, какъ пожелтѣвшіе листья, отъ того, что уродуютъ себя самихъ лѣностью, непослушаніемъ или грубостью.

Видѣлъ о. Іоаннъ, что трудно по временамъ дѣткамъ, и онъ спѣшилъ къ нимъ съ словомъ утѣшенія. „Не унывайте отъ однообразія и, по временамъ, трудности ученической жизни. Корень ученія горекъ, но плоды его сладки,—говоритъ русская пословица. Пріятно потомъ будетъ вамъ самимъ пользоваться полученными въ заведеніи познаніями и прилагать ихъ къ дѣлу. Не смотрите на то, что вамъ еще долго учиться. Никакое дѣло вдругъ не дѣлается. Впрочемъ, время скоро пройдетъ. Я учился 17 лѣтъ,—и они прошли, какъ сонъ. Но я благодарю Бога, что такъ долго учился. Я пріобрѣлъ въ школѣ познанія, которыя теперь, по благодати Божіей, доставляютъ мнѣ духовный свѣтъ, миръ и усладу въ жизни, которыя научили и научаютъ меня любить добродѣтель и стремиться къ ней и избѣгать всякаго грѣха. Не даромъ всѣ мы долго учились. Мы видимъ и вкушаемъ плоды долговременнаго ученія. Учитесь же прилежно и вы, да живите скромно и благонравно, безропотно подчиняясь поставленнымъ надъ вами надзирателямъ, наставникамъ и начальникамъ. Такова воля Божія. Сами со временемъ на дѣлѣ узнаете, что мы полезному васъ учили, какъ себѣ, такъ и вамъ желали только добра“.

Будучи добрымъ и религіознымъ человѣкомъ, о. Іоаннъ

обладалъ и особымъ даромъ преподаванія, который имѣютъ далеко не всѣ педагоги. Онъ не ставилъ двоекъ, не рѣзалъ на экзаменахъ, не задавалъ уроковъ, а велъ въ часы своихъ уроковъ только бесѣды съ своими питомцами о предметахъ вѣры. Спрашивалъ обыкновенно сначала тѣхъ, кто самъ заявлялъ свое желаніе отвѣчать урокъ. Съ великимъ усердіемъ обыкновенно старались отвѣчать ему эти „вызывающіеся“. За такіе отвѣты батюшка ставилъ высшій баллъ пять съ плюсомъ, сопровождая милостивыми и дорогими словами:

— Спасибо тебѣ, доброе чадо!

Его уроки обыкновенно ожидались учениками, какъ рѣдкое праздничное удовольствіе. Всѣ его слушаютъ, затаивъ дыханіе, слѣдя за каждымъ выраженіемъ его ясныхъ, голубыхъ глазъ, въ которыхъ столько свѣта и блеска, что, кажется, они все вокругъ себя озаряютъ. Во всемъ классѣ не найдется ни одного мальчика, который бы не понялъ или не слушалъ его. Спросите любого, внезапно прервавъ урокъ, и онъ вамъ повторитъ все до мельчайшихъ подробностей. Случалось, директоръ обращалъ вниманіе о. Іоанна на заведомо лѣниваго или дурного ученика, прося его заниматься особенно съ этимъ мальчикомъ. И что же? О. Іоаннъ не узнавалъ у себя въ классѣ этого аттестованнаго лѣнивца. Онъ былъ прилеженъ, толковъ, понятливъ. О наказаніяхъ учениковъ о. Іоаннъ не думалъ. Наказанія для него совершенно не нужны; у него и безъ нихъ идетъ дѣло отлично. Горячо любя своего законоучителя, ученики считали самымъ большимъ для себя наказаніемъ, если батюшка былъ чѣмъ либо не доволенъ. Когда случалось это, они принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы вызвать на лицѣ его улыбку.

И дѣти начальныхъ школъ видѣли въ о. Іоаннѣ истиннаго отца, добраго и строгаго, взыскательнаго и ласковаго. И для нихъ его уроки были скорѣе удовольствіемъ, чѣмъ обязанностью, работой, непріятнымъ трудомъ. Всѣ встрѣчали въ школѣ его съ радостью. Гимназія вся безъ различія національностей ежедневно подходила къ нему подъ благословеніе. Къ нему прибѣгали ученики съ дѣтскими запросами и нуждами. Кажется, ни одинъ ученикъ не былъ способенъ солгать предъ нимъ или запираться во лжи. Съ

какимъ усердіемъ ходили къ о. Іоанну ежегодно исповѣдываться. Какъ чистосердечно раскрывали предъ нимъ всю свою душу. Онъ имѣлъ неотразимое вліяніе на учениковъ. Бывали случаи, когда педагогическій Совѣтъ гимназіи, потерявши надежду на исправленіе какого либо лѣниваго ученика или шалуна, постановлялъ уволить его. Тогда о. Іоаннъ являлся его заступникомъ предъ начальствомъ, просилъ не подвергать жестокому наказанію, ручался за его исправленіе и всегда успѣвалъ склонить Совѣтъ въ пользу виновнаго ученика. Взявъ такого ученика, такъ сказать, на поруки, онъ самъ принимался за его исправленіе, наставляя его на путь истины. Проходило нѣсколько лѣтъ, и изъ ребенка, не подававшаго почти никакихъ надеждъ, выходилъ дѣльный, честный и полезный членъ общества.

Если кто думаетъ, что о. Іоаннъ потворствовалъ всѣмъ худымъ ученикамъ, былъ такимъ добрымъ (а вѣрнѣе недобрымъ), безхарактернымъ законоучителемъ, какими являются многіе, тотъ жестоко ошибется. О. Іоаннъ прощалъ до тѣхъ поръ, пока можно было прощать. Если же дальнѣйшее пребываніе ученика въ гимназіи было не только безполезнымъ, но и даже вреднымъ для другихъ, то онъ твердо и рѣшительно подавалъ голосъ за ихъ увольненіе. „Что дѣлать съ совершенно худыми учениками?—спрашиваетъ онъ въ одномъ своемъ поученіи. Для блага всего сада, всего заведенія, ихъ надо обрывать отъ здраваго тѣла, да вонъ выбрасывать, чтобы не заражали другихъ своимъ поведеніемъ, чтобы весь садъ состоялъ изъ растеній здоровыхъ, доброцвѣтныхъ и доброплодныхъ, чтобы ученики неодобрительнаго поведенія и не безобразили собою всего заведенія, и мѣста напрасно не занимали, и не тянули напрасно сокъ заведенія, даромъ бы не ѣли, да не пили. Достойно и праведно есть. Если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь,—говоритъ Апостолъ (2 Сол. 3, 10).“

Уроки—бесѣды о. Іоанна остались памятными для его слушателей навсегда.

— Уроки о. Іоанна неизгладимо запечатлѣвались въ нашемъ юномъ мозгу,—говорилъ впослѣдствіи директоръ одной гимназіи, бывшій въ числѣ первыхъ учениковъ Кронштадтскаго законоучителя. Тоже говоритъ объ этихъ урокахъ и другой ученикъ о. Іоанна. Не иное скажутъ и всѣ

его ученики. На публичныхъ экзаменахъ ученики о. Іоанна отвѣчали такъ прекрасно, что между ними не было ни первыхъ, ни послѣднихъ.

Уроки о. Іоанна были увлекательны и интересны не только для чистой, невинной дѣтворы, но и для взрослыхъ людей. Сколько ласки, сердечности, нѣжнаго участія, живой мысли, живого чувства слышалось въ каждомъ его словѣ. Многія его рѣчи какъ бы огненными буквами начертывались на сердцахъ юныхъ его слушателей. Они не только впослѣдствіи сами жили этими уроками, но и другихъ заставляли ими жить. Вотъ говоритъ имъ о. Іоаннъ о близости къ намъ Бога.

— Нѣтъ ничего къ намъ ближе Бога. Онъ Богъ сердецъ, а сердце въ свою очередь всего ближе къ намъ. Это существо наше, сущность наша. Какъ близка къ тебѣ твоя мысль, такъ близка вѣра къ твоему сердцу, такъ близокъ къ тебѣ Богъ. И чѣмъ живѣе и тверже мысль о Богѣ, чѣмъ живѣе вѣра и сознаніе своей немощи, ничтожества, чувства нужды въ Богѣ, тѣмъ Онъ ближе. Или какъ близокъ воздухъ къ тѣлу и къ внутренностямъ его, такъ близокъ Богъ къ намъ.

О. Іоаннъ.

Вотъ онъ говоритъ имъ о молитвѣ.

— Учитесь молиться, принуждайте себя къ молитвѣ. Сначала будетъ трудно, а потомъ, чѣмъ болѣе будете принуждать себя, тѣмъ легче будетъ. Но сначала всегда нужно себя принуждать. А что такое молитва?

—Молитва—постоянное чувство своей духовной нищеты, немощи, созерцаніе въ себѣ, въ людяхъ и въ природѣ дѣлъ премудрости, и благости, и всемогущей славы Божіей. Молитва—постоянно благодарственное настроеніе. Говоритъ

о. Іоаннъ о началѣ всѣхъ нашихъ распрей и неудовольствій и средствахъ избѣжать ихъ. „Чаще приводи себѣ на память, что въ тебѣ зло, а не въ людяхъ. Такимъ убѣжденіемъ, совершенно истиннымъ, предохранишь себя отъ многихъ грѣховъ и страстей. Бѣда наша часто въ томъ, что мы свое зло приписываемъ другимъ“. Говоритъ о просвѣщеніи и о главныхъ началахъ въ нашей жизни. „Что значитъ просвѣщеніе научное безъ любви христіанской? Ничто. Мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ. Смирись, кичливый умъ, предъ ученіемъ Евангелія и предъ нищетою Христовою, сойди съ своего пьедестала, стань пониже, подойди къ этимъ бѣднымъ, коихъ Самъ Христосъ не постыдился назвать Своею братіею, протяни имъ руку помощи. Не себѣ только собирай, не свои только прихоти удовлетворяй, а и въ Бога богатѣй добрыми дѣлами, которыя и по смерти пойдутъ за тобою“.

Говорить ли о томъ, какъ привлекалъ сердца своихъ слушателей о. Іоаннъ разсказами изъ жизни и дѣятельности великихъ угодниковъ, прославившихъ себя на томъ или другомъ жизненномъ поприщѣ? Какъ все это дѣйствительно было ново, жизненно, захватывающе и увлекательно... О заслугахъ о. Іоанна, какъ законоучителя, всего краснорѣчивѣе засвидѣтельствовали отцы и матери воспитанныхъ имъ дѣтей въ день 25-тія его законоучительской дѣятельности. Въ адресѣ, поднесенномъ ему въ этотъ день, они говорили:

„Высокочтимый и всѣми уважаемый пастырь и наставникъ Іоаннъ Ильичъ!

Исполнилось 25 лѣтъ еще новаго, особо важнаго твоего служенія государству и обществу, и въ частности намъ, отцамъ и матерямъ, въ нашихъ дѣтяхъ, которыхъ ты, какъ законоучитель Кронштадтской классической гимназіи, руководилъ на пути духовнаго просвѣщенія.

Не сухую схоластику ты дѣтямъ преподавалъ, не мертвую формулу — тексты и изреченія — ты имъ излагалъ, не заученныхъ только на память уроковъ ты требовалъ отъ нихъ; но на свѣтлыхъ, воспріимчивыхъ душахъ ты сѣялъ сѣмена вѣчнаго и животворящаго глагола Божія.

Множество дѣтей перешло чрезъ твою святую школу. Многіе твои ученики стоятъ на различныхъ степеняхъ и званіяхъ на службѣ Царю и Отечеству; многіе изъ нихъ

еще подростаютъ и готовятся къ вступленію на общественное поприще, — и всѣ они, вдохновленные тобой и твоимъ святымъ общеніемъ съ ними, вспоминаютъ твою любовь, наставленія, твои уроки,—и всѣ, благословляя тебя, съ благоговѣніемъ вспоминаютъ тѣ незабвенные часы, которые они проводили съ тобою.

Ты самъ, не замѣчая того, своею пламенною любовію къ Богу и безконечнымъ милосердіемъ къ своимъ братьямъ — людямъ, зажигалъ своимъ живымъ словомъ въ своихъ ученикахъ свѣточъ истиннаго Богопознанія; а своимъ святымъ примѣромъ и милосердіемъ наполнялъ ихъ юныя сердца страхомъ Божіимъ, вѣрою, упованіемъ на Бога и любовію къ Нему и своимъ братьямъ.

Не мѣриломъ только таланта и увлекательности рѣчи, какъ профессора на каѳедрѣ, не мѣриломъ постояннаго успѣха сдачи экзаменовъ — мы говоримъ о твоей научной дѣятельности,—а тѣми наглядными плодами христіанской жизни, нравственности, гражданскихъ доблестей, семейныхъ отношеній, которыя оказались въ твоихъ ученикахъ въ многочисленныхъ примѣрахъ.

Да будетъ наша, отцовъ и матерей, благодарность, какъ мирная молитва къ Богу за тебя, да изольетъ Онъ на тебя отъ всесвятаго Своего престола столько же духовной радости, сколько ты подалъ утѣшенія намъ въ нашихъ дѣтяхъ, въ ихъ благонравіи и успѣхахъ".

Говоря о служеніи о. Іоанна въ гимназіи, нельзя не остановиться своимъ вниманіемъ еще на рѣчи, произнесенной Директоромъ гимназіи г. Козеко, въ отвѣтъ на прощальное слово о. Іоанна. Директоръ говорилъ:

„Дорогой отецъ Іоаннъ, сердечно любимый нашъ наставникъ въ Законѣ Божіемъ и духовный отецъ нашъ! Позвольте мнѣ отъ себя, отъ имени моихъ сослуживцевъ и питомцевъ сказать вамъ краткое слово. Всѣхъ насъ печалитъ мысль о томъ, что вы оставляете нашу гимназію, разстаетесь съ нами. Вамъ извѣстно, съ какою упорной настойчивостью въ послѣдніе годы я удерживалъ васъ въ гимназіи, но въ концѣ концовъ, долженъ былъ подчиниться вашей волѣ, уступить вашему желанію оставить гимназію, — которое вызывалось исключительными вашими обстоятельствами.

Слѣдуетъ ли мнѣ здѣсь доказывать, что ваше слово, вашъ примѣръ были всегда для насъ живительнымъ свѣтомъ, который съ такою силой пробуждалъ нравственную жизнь, вызывалъ порывы къ духовному совершенствованію? А это, сами вы знаете, какъ дорого для учащагося юношества и какъ должно быть высоко оцѣниваемо мною.

Двадцать шесть лѣтъ вы здѣсь въ гимназіи трудились, двадцать шесть лѣтъ сѣяли сѣмя слова Божія на этой нивѣ и, смѣю сказать, на нивѣ благодарной. Просимъ же поэтому васъ, дорогой о. Іоаннъ, не забывайте насъ въ вашихъ молитвахъ, да дастъ Господь, чтобы наша гимназія всегда преуспѣвала въ духѣ истиннаго христіанскаго просвѣщенія, а теперь прошу вашего благословенія на предстоящій намъ трудъ“.

Къ этимъ словамъ едвали что нужно прибавлять. Они и безъ того весьма краснорѣчиво говорятъ о заслугахъ о. Іоанна, какъ законоучителя. Не будемъ приводить прекрасныхъ, трогательныхъ отзывовъ объ о. Іоаннѣ и его многочисленныхъ учениковъ, которые не могутъ забыть его уроковъ до сихъ поръ. Отъ одного изъ нихъ я даже получалъ письмо, въ которомъ онъ свидѣтельствуетъ, что все написанное мною объ о. Іоаннѣ, какъ законоучителѣ, вполнѣ справедливо.

XXVIII.

Такъ трудился на первыхъ порахъ своего пастырскаго служенія о. Іоаннъ. Но какъ отнеслись къ нему люди? Отвѣтили ли они вниманіемъ и лаской на его труды и заботы?

Меньшая братія отвѣтила, а старшая—нѣтъ. Мало этого, не только не отвѣтила, но и отнеслась къ нему весьма сурово, жестоко. Одни изъ этихъ людей были настроены прямо враждебно по отношенію къ о. Іоанну, а другіе крайне недоброжелательно, большинство же осуждало его и смѣялось открыто надъ нимъ. Такъ относились къ нему нѣкоторое время не только пасомые, но и собратья сослуживцы. Когда онъ проходилъ по городу со скрещенными на груди руками, съ пристально устремленнымъ взоромъ впередъ, восторженный, сосредоточенный, уходящій внутрь себя, въ однихъ онъ возбуждалъ удивленіе. въ другихъ то злыя, то

добродушныя насмѣшки. Нѣкоторые даже считали его за человѣка ненормальнаго, юродиваго. Эти слухи, конечно, не могли не доходить до слуха о. Іоанна. Но они не вносили смущенія въ его чистую, свѣтлую душу. Въ такихъ случаяхъ о. Іоаннъ говорилъ обыкновенно: „юродивые Христа ради своимъ страннымъ поведеніемъ и отношеніемъ къ ближнимъ становились посмѣшищемъ всему міру, но дѣла ихъ были таковы, что ихъ недостоинъ міръ“. Нерѣдко дѣло доходило даже до открытаго глумленія со стороны нѣкоторыхъ надъ особою почтеннаго пастыря. Вотъ нѣсколько примѣровъ подобнаго отношенія людей къ о. Іоанну.

Прежде всего мы напомнимъ случай, о которомъ въ свое время очень много говорили. О. Іоанна начала преслѣдовать одна интеллигентная дама. Она появлялась всюду за нимъ и докучала ему своими праздными разговорами. Смиренный пастырь кротко просилъ ее оставить его въ покоѣ, но преслѣдованія злополучной дамы становились все назойливѣе и назойливѣе. Видя, что о. Іоаннъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, молча переноситъ всѣ непріятности, какія она ему причиняетъ, дама перешла отъ брани къ угрозамъ. При цѣлой толпѣ народа она поносила пастыря непристойными словами, грозила кулаками и однажды даже покусилась на оскорбленіе дѣйствіемъ. О. Іоаннъ не смутился и въ это время. Кротко успокоивалъ свою оскорбительницу и защищалъ ее отъ негодующей толпы. Когда полиція возбудила дѣло о нарушеніи тишины и спокойствія, добрый пастырь не только отказался отъ всякихъ личныхъ обвиненій, но самъ защищалъ обидчицу и просилъ объ ея оправданіи. Странная дама была приговорена къ штрафу.

Непріязненно относился къ о. Іоанну и Кронштадтскій полиціймейстеръ Головачевъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ преданъ суду за лихоимство и взяточничество. Зная враждебныя дѣйствія Головачева противъ о. Іоанна, прокурорская власть вызвала о. Іоанна въ качествѣ свидѣтеля. Зданіе суда ломилось отъ публики въ день допроса о. Іоанна. Головачевъ и его защитники сильно волновались. Но вотъ начался допросъ. Къ общему удивленію и разочарованію многихъ, о. Іоаннъ говорилъ только о хорошихъ поступкахъ Головачева, и въ каждомъ обвинительномъ пунктѣ находилъ что либо гуманное, полезное...

— Свидѣтель,—обратился къ о. Іоанну прокуроръ,—вы должны на судѣ говорить всю правду, ничего не скрывая.

Глаза о. Іоанна засвѣтились тѣмъ огнемъ, который не разъ заставлялъ дрожать многихъ. Онъ не далъ кончить прокурору начатой фразы и произнесъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:

— Я говорю по священству.

Всѣ присутствующіе затаили дыханіе. Прокуроръ отказался отъ допроса; защитники, также и о. Іоаннъ оставили зало суда. Его часа полтора держала въ корридорахъ толпа народа, прося благословенія. Слова: „я говорю по священству“ у всѣхъ надолго остались въ памяти.

Противъ о. Іоанна высказывались какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Тамъ и здѣсь взводили на него чудовищныя, незаслуженныя обвиненія. Такъ въ 1883 — 84 годахъ, когда слава о его жизни, дѣлахъ милосердія и молитвѣ проникла въ столицу, одна изъ мелкихъ газетъ „Минута“, несуществующая уже теперь, поразительно рѣзко возстала противъ почтеннаго пастыря. Эта газета обвиняла о. Іоанна въ основаніи какой то небывалой секты, упрекала въ небрежномъ будто бы отношеніи къ своимъ обязанностямъ, въ извращеніи Св. Писанія. Мало того, стремилась доказать, что почтенный пастырь разрушаетъ семейныя узы и кичится своими благодѣяніями. Въ довершеніе всего „Минута“ взывала къ общественному вниманію и принятію какихъ либо мѣръ противъ о. Іоанна. Нѣкоторые распространяли даже какую то безсмысленную молитву, приписывая ее о. Іоанну.

Въ 1889 году д-ръ Поповъ выразилъ на судѣ также крайне неблаговидное мнѣніе объ о. Іоаннѣ. Онъ отозвался о немъ, какъ о фанатикѣ, заражающемъ своимъ фанатизмомъ всѣхъ окружающихъ. А на слѣдующій день одинъ публицистъ, раздувъ этотъ отзывъ, не обинуясь назвалъ всѣхъ почитателей о. Іоанна сумасшедшимъ домомъ на свободѣ.

Мы, конечно, перечислили далеко не всѣ хулы на о. Іоанна. Ихъ можно слышать еще и въ настоящее время, когда бы, кажется, о нихъ не могло быть и рѣчи. Кто, тамъ или здѣсь, не слыхалъ ихъ? Кто не знаетъ разсказа извѣстнаго писателя Л—ва подъ загла-віемъ: „Полунощники“, въ которомъ совершенно въ превратномъ свѣтѣ изображена

дѣятельность Кронштадтскаго пастыря? Разсказъ этотъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ толстыхъ и весьма солидныхъ нашихъ журналовъ".

Но о. Іоанна не смущала эта клевета. Въ минуты гоненій, воздвигаемыхъ на него, онъ приводилъ себѣ на память слова Спасителя: „рабъ не можетъ быть больше господина своего" (Іоан. 15, 20), и утѣшалъ себя слѣдующими мыслями.

—Какъ гнали Господина жатвы, такъ будутъ гнать во всѣ времена истинныхъ послѣдователей Его. Но Господь заранѣе утѣшилъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ учениковъ ублаженіемъ и обѣтованіемъ имъ величайшей награды на небесахъ—вѣчнаго царства небеснаго; и напередъ претерпѣлъ Самъ жесточайшія мученія и смерть, оставивъ всѣмъ намъ примѣръ мужества и терпѣнія при гоненіи за правду. „Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царство небесное... Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ". Онъ какъ бы такъ сказалъ: не унывайте и не отчаявайтесь, вѣрные Мои послѣдователи, возвѣщающіе людямъ правду словомъ и дѣломъ, и съ твердостью необоримою, до изгнанія и смерти стоящіе за истину Мою, за заповѣди Мои. Я буду вашею подпорою, вашею силою, вашимъ утѣшеніемъ, вашимъ внутреннимъ блаженствомъ при всѣхъ вашихъ злостраданіяхъ, напастяхъ и скорбяхъ, при всѣхъ истязаніяхъ и мученіяхъ за имя Мое. „Якоже страданія Мои будутъ избыточествовать въ васъ, тако будетъ вамъ избыточествовать Мое утѣшеніе" (2 Кор. 1, 5). Изгнанники и мученики еще во время земной своей жизни, при всѣхъ гоненіяхъ и скорбяхъ, лишеніяхъ, мученіяхъ, торжествовали надъ своими гонителями; радовались и веселились, идя на лютыя мученія, какъ будто шли брать царство; имѣли царственный духъ, царственное величіе, непобѣдимое терпѣніе и своею вѣрою и своимъ терпѣніемъ посрамляли всѣхъ своихъ мучителей—царей и игемоновъ, а по смерти наслѣдовали самымъ дѣломъ царство небесное и теперь царствуютъ со Христомъ, по слову Его: „побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ съ Отцемъ Моимъ на престолѣ Его" (Апок. 3, 21). Вотъ какъ укрѣпляло ихъ слово безсмертнаго Царя-Христа, Его вседѣйствующая благодать; вотъ какъ разительно проявлялась сила Христова въ этихъ немощныхъ сосудахъ!

Не мѣсяцъ, не годъ о. Іоаннъ боролся съ этими искушеніями, шедшими такъ обильно на него со всѣхъ сторонъ отвнѣ. Не разъ, быть можетъ, онъ падалъ подъ тяжестію своего жизненнаго креста, но и падая, несомнѣнно онъ старался возстать, чтобы неуклонно идти впередъ. Ничто въ жизни не могло поколебать его и заставить идти инымъ путемъ, который избирало въ подобныхъ случаяхъ большинство людей. Его слово о терпѣніи, страданіи, служеніи ближнему даже до смерти не было лишь крылатымъ словцомъ, блестящею, пышною, увлекающею, громкою фразою. Это было не слово Рудина,—да проститъ меня великій пастырь за это сравненіе,—а слово христіанина, борца за правду до послѣдняго вздоха. Это было не слово другихъ нашихъ скороспѣлыхъ героевъ, подобныхъ Рудину, а слово христіанина, труженика, для котораго какъ бы не существуетъ никакая среда, никакая обстановка, никакія благопріятныя и неблагопріятныя условія, который какъ бы дѣйствуетъ внѣ времени и пространства. Это было не слово нашихъ литературныхъ героевъ, героевъ на бумагѣ, бумажныхъ героевъ, стремящихся въ мгновеніи ока пересоздать все человѣчество, а слово человѣка, который, за привнесеніе въ жизнь хотя бы одной блестки добра, работалъ бы, не зная устали, до гробовой доски. Это было слово человѣка, который проповѣдовалъ бы его, если бы онъ остался и совершенно одинокимъ. Это было такое слово, за которое онъ пошелъ бы на костеръ и на всевозможныя пытки и мученія, если бы это нужно было. Его крестъ—мученичество жизни, который онъ переносилъ и переноситъ, какъ рѣдкій подвижникъ, мученикъ, страдалецъ. Въ этомъ великая его сила.

Какъ опредѣленны его завѣтные, жизненные идеалы. Какъ мало онъ походитъ и въ этомъ отношеніи на современнаго человѣка, который по словамъ поэта

Хотѣлъ бы разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ мірѣ течь,
Звѣздою, въ сумрачномъ эѳирѣ,
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.
Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучемъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.

Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.
Какъ сладко было бы въ природѣ
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихрѣ, непогодѣ
Пространства неба обтекать [1]...

Не ищетъ о. Іоаннъ царства Божія ни „въ сумрачномъ эѳирѣ", ни „въ бездонной глубинѣ". Не желаетъ онъ ни „съ тучами скитаться", ни „носиться надъ дикими скалами". Ему нѣтъ нужды искать царство Божіе за далекими морями, въ другихъ мірахъ, среди новыхъ народовъ, въ чужихъ душахъ и умахъ. Оно для него—въ его душѣ. Поэтому оно постоянно съ нимъ, и онъ въ немъ пребываетъ неразлучно во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы не находился, во всѣ годы и десятилѣтія, какіе бы не переживалъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, какія бы не выпадали на его долю.

XXIX.

Прошли цѣлые годы тяжелыхъ испытаній... Наконецъ, для о. Іоанна настали лучшія времена. Это такъ и должно быть.

Въ прощальной бесѣдѣ Спаситель говорилъ своимъ ученикамъ: „помните слово, которое Я сказалъ вамъ: рабъ не больше господина своего. Если меня гнали, будутъ гнать и васъ; если мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше". (Іоан. 15, 20). И слово о. Іоанна стала соблюдать теперь не только меньшая братія, но и большая. Оно стало постепенно проникать не только во всѣ домы г. Кронштадта, но стало переходить и далеко за предѣлы его. Мало по малу не только вся Россія узнала его, но добрая слава понеслась о немъ по всему свѣту. Любовь побѣдила все и всѣхъ. Тѣ, которые когда-то захлопывали предъ нимъ двери своего

---

[1]) *А. С. Хомяковъ*. Стихотворенія. Стр. 7—8. „Желаніе". Москва 1888 года.

дома, нынѣ не знаютъ, какъ принять его. Гонимый прежде, онъ сталъ желаннымъ гостемъ всюду. Его поступки, осмѣиваемые нѣкогда, ставятся теперь въ образецъ пастырямъ и передаются изъ устъ въ уста. Имя о. Іоанна Кронштадтскаго сдѣлалось общимъ достояніемъ. А его слава стала выше славы ученыхъ, выше славы людей геніальныхъ и высокопоставленныхъ. Она не умретъ и въ грядущихъ многихъ поколѣніяхъ. Преданіе о добромъ Кронштадтскомъ пастырѣ, который былъ другомъ бѣдняковъ и гонимыхъ, который отдалъ всѣ свои силы, всю свою жизнь на служеніе ближнимъ, будетъ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ нихъ къ внукамъ и правнукамъ. Къ его могильному холму не скоро заростетъ тропинка....

Теперь не только народъ и множество интеллигентныхъ людей высказали о немъ свое высокое и завидное для многихъ сужденіе, но и многіе изъ высокопоставленныхъ и высокообразованныхъ людей, къ слову которыхъ нѣкогда прислушивалась почти вся Россія...

Почившій великій старецъ, высокопреосвященный митрополитъ Платонъ, въ разговорѣ съ однимъ знатнымъ лицомъ, сказалъ объ о. Іоаннѣ:

— Благодареніе Богу! Отцу Іоанну Господь далъ сугубую благодать.

Преосвященный Никаноръ, архіепископъ Херсонскій, одинъ изъ видныхъ архипастырей нашей церкви, также теперь почившій, въ одномъ изъ своихъ поученій, на закатѣ дней своихъ, говорилъ:

—Поразительнѣйшее знаменіе времени о. Іоаннъ Кронштадтскій. Вѣдь его жаждутъ принять вездѣ, отъ подвала до раззолоченныхъ палатъ. Этого мало. Онъ не можетъ, не имѣетъ времени читать всѣ посылаемыя къ нему письма, телеграммы, которыми наполняются цѣлыя корзины. Онъ не имѣетъ времени удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ питанія и отдыха. Когда онъ приближается изъ Кронштадта къ Петербургу, здѣсь на пристани всегда уже знаютъ и ждутъ его толпы народа; знаютъ и напередъ ждутъ его во всякой части города, у всякаго дома, гдѣ предполагается его прибытіе. При выходѣ изъ закрытаго экипажа, при выходѣ изъ домовъ къ экипажу, его рвутъ на части, чтобы принять отъ него благословеніе, рискуя и его и самихъ

себя раздавить въ народной толкотнѣ. Его молитвенной помощи ждутъ и просятъ не только въ Россіи, но и за границей. И молитвенная помощь его, всегда со стороны простая, ничего чудеснаго прямо не обѣщающая, бываетъ иногда поразительно чудесною. Истинно поразительна, даже чудесна самая вѣра въ о. Іоанна Кронштадтскаго всѣхъ сословій Петербурга, да и всѣхъ концовъ Россіи. А такой простой, безъискусственный человѣкъ, но истинно вѣрующій въ дѣйственность силы Божіей—и въ наши дни священникъ. Чудотворна та икона, выразился глубоко первосвятитель мудрый Россійской церкви, 90-лѣтній старецъ,—которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность. Силу этого глубокомысленнаго изреченія можно примѣнить и къ о. Іоанну Кронштадтскому. Да, чудотворецъ онъ уже по тому самому, что возбудилъ крѣпкую вѣру въ чудотворную силу Божію, содѣвающуюся въ человѣческой немощи и въ наши невѣрные дни.

Не знаменіе ли это времени? Кто могъ подумать 20 лѣтъ назадъ, въ 60-хъ годахъ, что Петербургъ такъ согласно будетъ выражать свою вѣру во всемогущую чудотворность силы Божіей, предъ очами нашими являемую въ немощи человѣческой? И однако же это фактъ,—фактъ, свидѣтельщій о поворотѣ въ склонѣ народнаго духа...

Другой авторитетный пастырь церкви, извѣстный проповѣдникъ П. А. Смирновъ, говоря рѣчь въ присутствіи нѣсколькихъ іерарховъ и высокопоставленныхъ лицъ, высказалъ объ о. Іоаннѣ слѣдующее сужденіе. Ораторъ говорилъ о распространеніи у насъ пашковщины. Отмѣтивъ съ грустію этотъ неутѣшительный фактъ, ораторъ продолжалъ:

— Если велика сила вражья, то безконечно могущественна сила Божья. Около самаго Петербурга на пути, откуда пришелъ къ намъ начальникъ ереси (Редстокъ), является пастырь съ особымъ даромъ молитвы и исцѣленій. Простой и добрый, искреннѣйшій человѣкъ, онъ дѣйствуетъ на прибѣгающихъ къ нему тѣми средствами, какія указуетъ церковь: совершеніемъ молебствій предъ св. иконой, окропленіемъ священной водою, чтеніемъ слова Божія и словомъ пастырскаго назиданія, постомъ и говѣніемъ, исповѣдію и преподаніемъ Св. Таинъ. И предъ нашими глазами точно повторяются событія евангельской и апостольской исторіи: толпы народа

всюду окружають вѣрнаго носителя божественной благодати и не дають покоя ему ни на одинъ часъ, какъ нѣкогда ученикамъ Іисуса. Это смиреннѣйшій пастырь — живой и сильный обличитель гордаго суемудрія сектантскаго...

Другой выдающійся пастырь Петербургскій, Ф. Н. Орнатскій, говорилъ объ о. Іоаннѣ:

— Позволимъ себѣ выразить нѣсколько мыслей, невольно раждающихся у каждаго знающаго чудную, въ своей христіанской простотѣ, личность о. Іоанна. Вся трудная жизнь и дѣятельность его протекла около сѣверной столицы и частію въ самой столицѣ, гдѣ сталкиваются между собою люди разныхъ вѣроисповѣданій,люди вѣрующіе и невѣрующіе. И вотъ, предъ глазами всѣхъ проходитъ дѣятельность человѣка, во имя вѣры въ Бога и любви къ ближнему, покоряющая себѣ сердца человѣческія. Какое торжество вѣры, торжество православія въ одной этой личности! Въ наше время представители разнообразныхъ сектъ поднимаютъ голову и свое слово отрицанія начинаютъ обыкновенно отрицаніемъ пастырской дѣятельности, осужденіемъ пастырства. Мы можемъ сказать, обращаясь ко всѣмъ этимъ штундистамъ, пашковцамъ и др., указывая на о. Іоанна: вы хвалитесь совершенствомъ своего исповѣданія, яко бы очищеннаго отъ недостатковъ православія, хвалитесь и своею благотворительностью; но не меркнетъ ли ваша мертвая вѣра, ваша разсчитанная благотворительность предъ тѣми же добродѣтелями истиннаго пастыря — христіанина, какъ издающая смрадъ головня предъ яркимъ пламенемъ огня, попаляющаго любовію божественною тернія человѣческихъ прегрѣшеній, ко благоустроенію временной жизни людей, для спасенія вѣчнаго! А послѣднее мое слово къ вамъ, дорогіе собратья-сопастыри церкви русской православной: 35-тилѣтнее служеніе о. Іоанна не доказываетъ ли всѣмъ намъ, ученымъ и простымъ, что великая наша сила есть сила божественной любви, которая одна, по вѣрѣ въ Бога и горячей непрестанной молитвѣ къ нему, собираетъ словесныхъ овецъ во дворъ овчій и сохранно держитъ ихъ въ оградѣ церкви...

Редакторъ одного изъ духовныхъ журналовъ высказалъ о Кронштадтскомъ пастырѣ слѣдующее мнѣніе:

— Необходимо придти къ убѣжденію, что о. Іоаннъ и его мощная нравственная сила не случайное явленіе въ жизни русскаго народа, а историческое, явленіе необходимое именно въ переживаемый нами періодъ, явленіе, призванное къ жизни именно самимъ Промысломъ Божіимъ, пекущимся о таинственныхъ, но великихъ судьбахъ русскаго народа, къ которымъ онъ придетъ лишь путемъ чистой евангельской вѣры, какъ она излагается въ ученіяхъ церкви и ея кроткаго служителя о. Іоанна Кронштадскаго, непрестанно поучающаго русскій народъ, дѣломъ и словомъ, хранить непоколебимо заповѣди Божіи и повиноваться Его святой волѣ...

Говорить ли еще о глубокой любви народныхъ массъ къ нему, какъ великой и вполнѣ справедливой наградѣ за его жизненный подвигъ? Говорить ли о безконечныхъ вещественныхъ дарахъ этой любви? Говорить ли о перерожденіи многихъ людей подъ могучимъ вліяніемъ этой личности? Говорить ли о знаменитыхъ юбилеяхъ о. Іоанна, которые отправлялись съ такою поразительною торжественностью, какъ юбилеи весьма немногихъ?

Не будемъ. Все это такъ хорошо извѣстно каждому изъ насъ. Пусть за насъ въ данномъ случаѣ скажетъ витія, вызвавшій на юбилеѣ о. Іоанна своею скромной лирой нѣкогда обильныя слезы у своихъ слушателей:

Ты тридцать пять лѣтъ прослужилъ уже Богу,
И тридцать пять лѣтъ ты народу служилъ.
Ты трудную выбралъ для жизни дорогу
И много на ней своихъ силъ положилъ.
Ни разу съ прямой не свернулъ ты дороги;
Шелъ прямо и вѣрилъ—Богъ помощь пошлетъ!
И ныли отъ боли усталыя ноги,
Болѣла душа за несчастный народъ,
Сжималося сердце при видѣ порока,
Тяжелыхъ недуговъ народныхъ и бѣдъ.
Ты видѣлъ, что зло и неправда широко
Туманомъ покрыли Христовый разсвѣтъ.
Ты шелъ. И не мало за прошлое время
Препятствій встрѣчалось на вѣрномъ пути
Но ты побѣдилъ ихъ, и доброе сѣмя
Посѣялъ, чтобъ правдѣ Христовой цвѣсти.

И гордости, славѣ, корысти, богатству
Открылъ затуманенный завистью взоръ;
И доступъ свободный далъ къ падшему братству,
Чтобъ снять съ того братства весь ложный позоръ.
А вспомни-ка дѣтство! оно какъ бѣжало?
А какъ ты тогда-то, учитель нашъ, жилъ?
Какъ жизнь средь лишеній и горя мужала?
Народу Господь знать тебя сохранилъ!
По дебрямъ ли сѣвера, въ зной и морозы,
Дитятею грустнымъ ходилъ да мечталъ:
— „Зачѣмъ это люди льютъ слезы, да слезы,
„И кто эти слезы на землю послалъ?
„Зачѣмъ это съ горемъ нужда породнилась
„И мучитъ собою несчастныхъ людей?“
Не зналъ ты причины. Но все объяснилось
На опытѣ жизни тяжелой твоей,
Святаго же дѣтства всю соль впечатлѣнья
Ужъ юность душей и умомъ поняла,
На вѣрѣ святой и Христовомъ ученьи
Свое убѣжденье на вѣкъ создала.
Но дѣтство прошло, невозвратные годы!
За дѣтствомъ и юность сокрылась давно,
И канули въ вѣчность великой природы,
Откуда вернуться ужъ имъ не дано.
А время, покорно законамъ, бѣжало,
Изъ юноши ты укрѣплялся, мужалъ.
Хоть горькая доля тебя окружала,
Но личнаго счастія ты не искалъ.
Лишь сильно рвалася душа молодая
На помощь страдальцамъ и сирымъ придти,
И скорбью народной жестоко страдая,
Рѣшилася въ жертву себя принести.
Ей больно сказались народныя бѣды,
И горько ей было безпомощной жить.
Тогда ты взялъ крестъ—какъ знамя побѣды,
Пошелъ всѣмъ страдальцамъ и сирымъ служить.
И тридцать пять лѣтъ это знамя тобою,
Добромъ освящается изо дня въ день,
Любовью, трудомъ, состраданьемъ, мольбою
За всѣхъ, кто приходитъ подъ знамени сѣнь.

Такъ жилъ ты для міра, себя забывая,
И крестъ свой тяжелый безропотно несъ.
Хоть медленно падаетъ скорбь міровая,
Но падаетъ, рушится. Силенъ Христосъ!
А Онъ—твоя крѣпость, учитель и сила!
И Онъ тебѣ мудрость съ любовью вложилъ;
И сила та въ мірѣ любовь воскресила,
А этой любовью ты всѣхъ побѣдилъ.
Но солнце ужъ къ западу жизни склонилось,
Пройдя свой могучій и сильный зенитъ.
А въ силѣ своей оно вновь подкрѣпилось—
Любовью и правдой яснѣе горитъ.
Родного же сѣвера въ красное лѣто
Несказанно длиненъ бываетъ денекъ!
И долго за полдень могучаго свѣта
Тамъ солнце лучей проливаетъ потокъ.
Сіяй же и ты такъ—здоровьемъ и силой,
Будь крѣпокъ, спокоенъ, а знамя Христа
Не дрогнетъ въ рукѣ твоей чистой, правдивой;
Сильна душа вѣрой, дѣлами чиста!
Живи же, нашъ добрый, родной и любимый!
Своей простотою ты насъ вразумляй,
И крестъ твой тяжелый, цѣлебный, незримый
Потомкамъ на благо ихъ жизни отдай!

XXX.

7-го Іюня мы оставили Кронштадтъ. Прощаясь съ нами, о. Іоаннъ сказалъ намъ:

— Извините меня, что я не имѣлъ возможности пригласить васъ къ себѣ и угостить васъ, какъ странниковъ. Вотъ вамъ отъ меня на гостинцы. При этомъ онъ сунулъ что то одному изъ товарищей. Когда мы посмотрѣли послѣ, въ этомъ „что то“ было 300 рублей.

Не имѣя возможности пока никакъ отблагодарить о. Іоанна за все то, что онъ сдѣлалъ для насъ, мы рѣшили поднести ему хотя общую нашу группу. О. Іоаннъ съ благодарностью принялъ отъ насъ этотъ нашъ скромный, но искренній, сердечный даръ.

Нашимъ благожеланіямъ дорогому батюшкѣ, при прощаніи

съ нимъ, казалось, не было конца. Принявъ отъ него благословеніе въ послѣдній разъ, мы отправились во своя-си...

Всѣ мы возвращались домой радостные, сіяющіе, удовлетворенные. Нашимъ разговорамъ не было конца всю дорогу, О нѣкоторыхъ событіяхъ воспоминали въ сотый разъ.

Кронштадтъ уже находился далеко за нами, а мыслію я все еще былъ тамъ. Перебирая въ своей памяти различныя событія, я вспомнилъ о лже-духовныхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ ѳ. Іоанну, но въ дѣйствительности, конечно, представляющихъ собою плодъ фантазіи досужихъ и темныхъ людей.

Однимъ изъ такихъ „сочиненій" является „Сонъ Пресвятой Богородицы", наиболѣе распространенный въ нашей сѣрой массѣ.

Особенно характерно въ этомъ „сочиненіи" то, что въ немъ приняты мѣры къ наибольшему его распространенію. Между прочимъ въ концѣ „сна" обѣщается, что если кто этотъ самый „сонъ" будетъ охотно слушать, то тому простятся всѣ грѣхи, сдѣланные имъ въ теченіе 40 дней, и въ домѣ его будетъ держаться благодать Божія; владѣльца „сочиненія" не постигнетъ никакое несчастіе ни въ дорогѣ, ни въ морѣ и т. п. Понятно, что при такихъ обѣщаніяхъ распространеніе „сочиненія" усиливается, не смотря на всѣ увѣщанія пастырей церкви.

О распространеніи этого сочиненія въ народѣ можно судить по слѣдующему. О. Іоаннъ получилъ изъ г. Тюкалинска (Тобольской губ.) отъ нѣкоего г. Ременникова слѣдующее письмо:

„Многоуважаемый батюшка,
о. Іоаннъ!

Прошу Вашего великаго благословенія и помолиться о насъ грѣшныхъ.

Обращаюсь съ большой просьбой.

У насъ въ Сибири очень распространена между народомъ молитва подъ названіемъ „Сонъ Пресвятой Богородицы", что между прочимъ появилось и въ моемъ домѣ (копію прилагаю)—принесла моя жена съ собой отъ дѣвушекъ, а раньше ее знала наша мамаша, съ которой мнѣ и приходилось вести разговоръ.

Я говорилъ мамашѣ, что гдѣ-то читалъ или слышалъ, что молитва эта есть раскольничья.

Но такъ мнѣ болѣе объ этомъ и не приходилось читать и слышать до сего времени, пока не увидалъ этотъ „списокъ“ у жены. Поэтому рѣшилъ узнать точность этой молитвы, чтобы не блуждать въ этой тьмѣ намъ—молодому поколѣнію и осмѣливаюсь Васъ безпокоить сообщить о правильности этой молитвы. Можно ли читать намъ, православнымъ христіанамъ, или держать, какъ тамъ сказано въ „спискѣ“?

Съ искреннимъ ожиданіемъ указанія праведнаго пути ко благу и спасенію остаюсь

Георгій Ременниковъ“.

Прочитавъ это письмо, о. Іоаннъ сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись:

„Сонъ Пресвятой Богородицы“ есть нелѣпица, безсмыслица, бредъ празднаго бабьяго воображенія, который могутъ по невѣжеству и грубости понятій принимать только глупые невѣжды. Я самъ, бывши мальчикомъ лѣтъ 10-ти, списалъ этотъ сонъ и имѣлъ у себя, но когда меня вразумили люди умные—я бросилъ въ огонь.

Вотъ моя отповѣдь!“

Встрѣчали мы здѣсь и списки различныхъ чудодѣйственныхъ якобы молитвъ, приписываемыхъ также о. Іоанну. Намъ разсказывали нѣкоторые въ простотѣ сердечной, что ежедневное чтеніе такой молитвы доставляетъ читающему необыкновенныя преимущества. Конечно, и эти молитвы есть не что иное, какъ лишь грубая подделка подъ тѣ незамѣнимыя, чудныя молитвы, какія выходятъ изъ-подъ пера о. Іоанна. Это — грубѣйшая копія съ оригинала. Это — попытка разгадать тайну молитвы о. Іоанна. Не мало огорченій доставляютъ о. Іоанну подобные неразумные почитатели. Ему приходится писать даже въ газетахъ, чтобы люди не обращали никакого вниманія на такія молитвы.

Въ „Котлинѣ“ напечатано письмо о. Іоанна Кронштадтскаго слѣдующаго содержанія: „Опять колобродитъ по рукамъ подъ моимъ именемъ. якобы мною составленная, молитва съ обязательствомъ передачи ея девяти человѣкамъ и съ обѣщаніемъ за эту передачу всяческихъ благъ. Эта мнимая молитва, составленная невѣжественной и вовсе не церковной головой,—не моя, а послѣсловіе ея, очевидно, принадлежитъ какому-либо пройдохѣ, разсчитывающему на довѣрчи-

вость и суевѣріе простого народа. Вотъ какого содержанія эта молитва:

„О, Іисусе Христе, молимъ Тя, Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ и весь міръ Твой отъ всякой погибели. Ты кровію Своей искупилъ отъ грѣховъ души наша. О, Боже Предвѣчный, милосердіе Твое великое, ради пречистой Крови Твоея, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Условіе молитвы: кто сію молитву имѣетъ, долженъ передать ее девяти человѣкамъ и хотя разъ въ день долженъ читать ее съ вѣрою и тогда избавленъ будетъ отъ всякаго зла и бѣдствій, и если не исполнитъ, то подвергнутъ будетъ злу и бѣдствіямъ".

Въ половинѣ марта 1887 года и въ январѣ 1889 года я просилъ „Кроншт. Вѣстникъ" и другія газеты посредствомъ печати сдѣлать извѣстнымъ эту религіозную фальсификацію (подложность, вранье). Нынѣ снова повторяю эту мою покорнѣйшую просьбу. Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ".

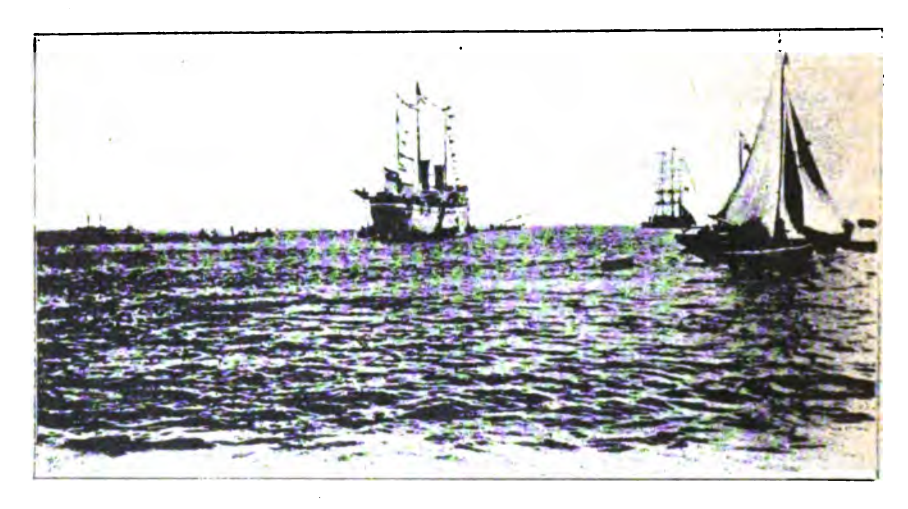
Разсказывали намъ въ Кронштадтѣ не только о подложныхъ молитвахъ, сочиненіяхъ, приписываемыхъ о. Іоанну, но и о подложныхъ, такъ сказать, отцахъ Іоаннахъ, совершающихъ различныя удивительныя вещи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появлялись люди, подражающіе въ манерѣ служенія и дѣятельности о. Іоанну прямо до смѣшного. Они думали въ простотѣ сердечной, что въ различныхъ внѣшнихъ пріемахъ и заключается вся суть служенія Кронштадтскаго пастыря. Но они забыли, что дерево сильно корнями, что кромѣ внѣшней жизни есть еще внутренняя, внутренній подвигъ, отъ котораго положительно все и зависитъ.

Около одного губернскаго города Н—да среди крестьянъ образовалось даже что-то въ родѣ секты „Іоанновцевъ". Члены этой общины старались во всемъ подражать о. Іоанну. Но они опять, конечно, воспроизводили одну только внѣшность и притомъ въ искаженномъ видѣ. Духа же, сути служенія о. Іоанна они не знали, не видѣли и не понимали. Отсюда въ ихъ жизни ничего не получалось, кромѣ смѣшного и жалкаго.

Вспомнилъ я и весьма смѣшной случай, какъ однажды богомолки положительно поколотили одного интеллигента, который осмѣлился сказать что-то не со всѣмъ хорошее объ о. Іоаннѣ. Дѣло дошло не только до полиціи, но и до суда даже.

Вспоминая все это, я думалъ многое...

Такъ глубоко всколыхнулъ своимъ подвигомъ жизнь о. Іоаннъ. Уже и теперь его образъ окутывается въ сознаніи

Возвращеніе изъ Кронштадта.

нѣкоторыхъ какою то дымкой. Слагающіяся о немъ по временамъ, почти легендарныя сказанія дѣлаютъ уже его и сейчасъ какою то миѳической личностью. Слава и хвала человѣку, сумѣвшему такъ потрясти дремлющее сознаніе многихъ, зажечь въ душахъ многихъ огонь евангельской любви, вдохнуть законы Христовой жизни, заставить съ неудержимой силой устремиться къ Христу Спасителю.

И думалось мнѣ еще, что въ отношеніи къ о. Іоанну мы не должны ограничиться однимъ только преклоненіемъ предъ нимъ. Нѣтъ, намъ нужно сдѣлать гораздо бо́льшее. Пусть этотъ дорогой образъ Христова пастыря наполнитъ душу каждаго изъ насъ вѣрою въ Бога, пробудитъ въ насъ пониманіе смысла жизни, подкрѣпитъ наши жизненные устои, наполнитъ новыми силами для борьбы съ своею грѣховною природою и окружающимъ насъ грѣхомъ. Упавшій духомъ пусть воспрянетъ. Не мрачными тучами закрытъ, заволоченъ его жизненный горизонтъ. Нѣтъ, на немъ сіяетъ прекрасное, яркое солнышко, простирая къ намъ свои живительные лучи. Богъ *близъ* насъ. Кругомъ много правды и добра. Есть еще великіе и праведные мужи. Жизнь здоровая бьетъ еще ключемъ. Возстанемъ же всѣ и пойдемъ смѣло и рѣшительно

къ тому свѣтлому просвѣту на жизненномъ небосклонѣ, что такъ широко и могущественно распростирается предъ всѣми нами, маня и увлекая насъ неудержимо къ себѣ.

Идите, пастыри! Вамъ теперь особенно время ободриться, встать и идти впередъ. Было время, когда усиленно во имя науки отрицали Бога, храмы и ваше служеніе. Было время, отчасти и нынѣ еще оно есть, когда хотѣли и хотятъ на мѣсто престола Божія воздвигнуть престолы науки и знанія, имъ однимъ служить, ими одними только управляться въ своей жизни, на нихъ однихъ только созидать свою жизнь. Конечно, вашъ голосъ раздавался и тогда. Конечно, вы и тогда говорили, что не построить зданія жизни на однихъ этихъ началахъ. Но вамъ не вѣрили. Не вѣрили даже тѣ, которые были расположены къ вамъ и соглашались теоретически съ вашими доводами. Хотѣлось провѣрить себя, хотѣлось сдѣлать попытку построить зданіе жизни на этихъ новыхъ разумныхъ началахъ. Наша литература скоро переполнилась подобнаго рода планами и проэктами. Успѣли, кажется, преклониться предъ всѣми учеными мужами Запада всякихъ направленій...

Прошло съ того времени болѣе 40 лѣтъ опыта. И вотъ результаты отчасти этого опыта: паденіе авторитета, отрицаніе власти, смятенія—особенно среди молодежи, убійства и самоубійства, „босяцкая философія", развитіе сектантства особенно среди интеллигентныхъ, язычество въ школѣ и жизни, погрязаніе во всякаго рода порокахъ, тоска, недовольство жизнію и окружающей обстановкой, утрата смысла жизни и полное блужданіе по распутіямъ міра, неумѣнье перенести съ мужествомъ и малое страданіе въ своей жизни, проповѣдь о насиліи, огнѣ и мечѣ... Впрочемъ, къ чему все это я говорю? Картина недуговъ жизни у всѣхъ насъ предъ глазами. Каждый самъ прекрасно знаетъ ея достатки и недостатки. Вотъ чему научилъ насъ этотъ опытъ блужданій среди свѣта одной только науки и одной только человѣческой морали.

Теперь, повидимому, кончены опыты. Въ настоящіе дни многіе всѣми фибрами своей души уже сознаютъ, что безъ Христа и Церкви не устроить имъ ни семейной, ни частной, ни общественной жизни. Среди всевозможныхъ авторитетовъ, какими такъ полна жизнь и литература, нуженъ еще высшій авторитетъ.—Христосъ. Что бы они ни клали въ фундаментъ

этого громоздкаго зданія, оно все разсыпается и будетъ разсыпаться у нихъ, потому что можетъ быть только построено, „наздано“ на одномъ камени, на одной незыблемой скалѣ, на ученіи Христа Спасителя. Здѣсь смыслъ жизни и здѣсь всѣ жизненные устои.

Пастыри, не теряйте времени, не упускайте удобнаго момента. Идите же къ нимъ и скажите имъ смѣло то, что они думаютъ и чувствуютъ сейчасъ. Наполните пустоту ихъ души ученіемъ Христа Спасителя. Благовѣствуйте имъ Его законы, говорите день и ночь, что въ Евангеліи — ключъ для разрѣшенія всѣхъ семейныхъ, общественныхъ, частныхъ вопросовъ, — вопросовъ воспитанія, управленія, благотворенія, взаимной помощи. Пусть они *сами* возводятъ зданіе общественной жизни, но возводятъ его только по божественнымъ планамъ Христа Спасителя. Скажите имъ, что нѣкогда говорилъ Самъ Христосъ своимъ слушателямъ относительно условій построенія всякаго прочнаго, незыблемаго зданія. „Итакъ, всякаго, кто слушаетъ слова мои сіи, и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ; потому что былъ основанъ на камнѣ. А всякій, кто слушаетъ сіи слова Мои, и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое“ (Мѳ. 7, 24—27). Заставьте ихъ преклониться предъ Христомъ Спасителемъ, Ему повѣрить; и вы сдѣлаете всѣхъ истинно счастливыми людьми и исполните свой долгъ. Пишите вездѣ и всюду объ этомъ. Не молчите Бога ради.

Идите ко всѣмъ труждающимся, скорбящимъ, обремененнымъ и говорите имъ, что у Христа Спасителя они найдутъ свой душевный покой, „иго благое“ и „бремя легкое“ (Мѳ. 30). Если же въ своей дѣятельности они будутъ полагаться исключительно только на свои человѣческія усилія, свой разумъ, то пусть они знаютъ, что ничего никогда не достигнутъ. Мы всѣ хорошо знаемъ участь такихъ благихъ начинаній. Люди принимались съ необыкновеннымъ усердіемъ за какое либо дѣло, многое уже успѣвали и сдѣлать. Вы-

зывали почти всеобщее удивленіе къ своей дѣятельности. Но потомъ быстро, съ шумомъ рушилось ихъ дѣло и разсыпалось совершенно. Такъ непрочны были эти затѣи, на такомъ „песцѣ“ онѣ были основаны, что достаточно было, наприм., какого нибудь одного оскорбленнаго самолюбія, чтобы среди этихъ дѣятелей началась вражда, не на жизнь, а на смерть. Концомъ же этой вражды и борьбы почти всегда была погибель добраго дѣла. Пусть не забываютъ люди, что во всякомъ добромъ начинаніи, въ единый неразрывный союзъ можетъ соединить людей только глубокая вѣра во Христа Спасителя, какъ высшую правду, любовь и самоотверженіе. И смерть такимъ людямъ никогда не была страшна. Носящій въ груди слова Богочеловѣка не только свободно перенесетъ всѣ мелкія невзгоды своей жизни, но и даже самую смерть за всякое хорошее дѣло и за всякую христіанскую душу. Человѣкъ безъ Христа Спасителя—сосудъ всякой немощи, звѣрь, какъ выражаются нѣкоторые психологи писатели, и все, что онъ ни дѣлаетъ, по выраженію бл. Августина, есть лишь только „блестящіе грѣхи“ (splendida peccata). Глубоко замѣчательны въ этомъ случаѣ слова Христа Спасителя. О послѣднихъ дняхъ міра, когда въ людяхъ изсякнетъ любовь и когда они въ своей жизни будутъ руководиться исключительно однимъ только эгоизмомъ, Онъ говорилъ: „если бы не сократились тѣ дни, не спаслась бы никакая плоть“ (Мѳ. 24, 22). Никто изъ людей не уцѣлѣлъ бы, никто не спасся бы, всѣ взаимно истребили бы другъ друга, если бы Господь не прекратилъ тѣхъ дней по своему великому милосердію. И развѣ мы не видимъ хотя бы отчасти, какъ и сегодня исполняются эти слова Спасителя? Возьмите войны Наполеона, возьмите это соперничество народовъ, возьмите наши различныя будничныя мелкія распри и счеты другъ съ другомъ изъ-за мѣста, куска хлѣба и т. д.

Идите къ отцамъ, матерямъ, дѣтямъ и скажите имъ, что нѣтъ другого имени подъ небомъ, кромѣ имени Спасителя, о которомъ мы всѣ можемъ спастись.

Не ищите этихъ именъ нигдѣ больше, ни у себя дома, ни за границей въ иноземныхъ государствахъ. Если же вы, вопреки ясному слову Откровенія, будете полагаться на другія земныя человѣческія имена, то не будетъ у васъ мира дома и въ семьѣ. Отецъ возстанетъ на мать, мать на отца, дѣти на

родителей, начнется вѣчная смута и распря, что мы и видимъ въ настоящее время. Гдѣ же лежитъ нашъ истинный жизненный путь?

Напомните имъ слова Христа Спасителя. Предъ своими крестными страданіями въ прощальной рѣчи, обращенной къ Апостоламъ, Спаситель говорилъ: „Я есмь путь и истина и жизнь“. (Іоан. 14, 6). И дѣйствительно, вспомните нѣкоторыя первохристіанскія семьи, вспомните нѣкоторыя современныя благочестивыя семьи, въ которыхъ имя Христа Спасителя и Его небесные завѣты еще не изгнаны изъ дома, и вы вполнѣ убѣдитесь въ этомъ. Какой чудный миръ всегда царитъ тамъ. Какая любовь, какое согласіе, какое взаимное пониманіе другъ друга, какая преданность другъ другу, какое самоотверженіе постоянно наблюдаются тамъ. Чѣмъ то необыкновеннымъ вѣетъ отъ такихъ семей. Попадая въ такія семьи, здѣсь всякій обыкновенно отдыхаетъ душой. О такихъ семьяхъ невольно говорятъ вездѣ и всюду.

Идите къ народу и скажите ему, чтобы онъ продолжалъ хранить ученіе Христа Спасителя съ тою же твердостью и непоколебимостью, съ какою онъ хранилъ его до сихъ поръ. Благодаря этому ученію онъ и теперь сталъ въ своей жизни выше многихъ самыхъ образованныхъ людей и народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ современное „хожденіе въ народъ“, преклоненіе предъ умѣньемъ народа жить и спокойно, безропотно переносить всѣ житейскія невзгоды? Что значатъ попытки многихъ интеллигентныхъ людей „опроститься“? Развѣ все это не есть наикраснорѣчивѣйшее свидѣтельство того, какъ велики и жизненны устои христіанства, на которыхъ исключительно построена вся жизнь нашего простолюдина крестьянина. Что значитъ это всеобщее удивленіе западныхъ народовъ предъ нравственною стойкостію и красотою русскаго народа? Что значитъ это названіе, прилагаемое къ нашему народу, „народъ Богоносецъ“? Пусть же хранитъ народъ эти устои. Основывая на нихъ свою жизнь, онъ не только самъ будетъ счастливъ въ жизни, но и спасетъ еще своимъ примѣромъ многихъ отъ паденій, унынія, тоски разочарованія и различныхъ насильственныхъ смертей.

Возстанемъ и мы, братъ христіанинъ, кто бы ты ни былъ,— богатый или бѣдный, простолюдинъ или знатный, просвѣ-

щенный или малопросвѣщенный! Подадимъ всѣ другъ другу руки и пойдемъ твердою стопою къ Христу Спасителю. Христосъ и нынѣ *близъ* насъ (Филип. 4, 5). Не ложно Его слово: „се, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка". (Мѳ. 25, 20). Стоитъ только воззвать къ Нему, чтобы быть услышаннымъ Имъ. Будемъ имѣть „умъ Христовъ" (Кор. 2, 16), будемъ имѣть „тѣ же чувствованія, какія во Христѣ Іисусѣ" (Филип. 2, 5). Да живетъ въ насъ Христосъ (Гал. 2, 20). Пусть весь Его земной подвигъ станетъ для насъ примѣромъ: Его безконечно совершенная любовь къ людямъ, Его вечеряніе съ мытарями и грѣшниками, Его страданіе за людей въ теченіе всей земной жизни, Его крестныя страданія за людей, Его крестная даже смерть за нихъ. И тогда мы никогда не обагримъ своихъ рукъ кровію не только своихъ друзей и ближнихъ, но даже и самыхъ безпощадныхъ, злѣйшихъ нашихъ недоброжелателей и враговъ, не будемъ „поѣдать домы вдовъ", не запятнаемъ своихъ рукъ чужимъ трудомъ, „хищеніемъ и неправдою", не пройдемъ безучастно мимо голоднаго и холоднаго, не разстроимъ своей семьи, не нарушимъ правъ своего ближняго, не загрязнимъ бѣлизны своей христіанской одежды никакою нравственною скверною и никакою нечистотою, не будемъ много говорить и „шумѣть", подобно различнымъ современнымъ крикунамъ, не будемъ врачевать другихъ, не уврачевавши прежде всего себя. О если бы каждый началъ всякую реформу съ себя самого, какъ далеко ушли бы мы въ дѣлѣ созиданія и устроенія какъ личнаго, такъ и общественнаго счастія и благополучія, какъ мы были бы снисходительны къ людямъ, какъ могли бы понимать и сносить всѣ ихъ немощи.

Пойдемъ-те же всѣ. Составимъ одну громадную братскую семью, въ которой всѣ будутъ другъ другу близкіе, дорогіе, родные, гдѣ скорби и радости всѣ будутъ дѣлить другъ съ другомъ. Какая счастливая и святая это будетъ семья. „Ей, гряди, Господи Іисусе". Сіе буди, буди!

Итакъ, теперь для меня стало ясно все. Мои сомнѣнія всѣ разрѣшены. Ясенъ былъ весь жизненный путь отъ начала до конца. Не ясно было только одно, какъ я пройду его, потому что отъ знанія до дѣла весьма далеко....

Многимъ обязанъ я тебѣ, великій русскій пастырь! Пусть этотъ скромный и несовершенный мой очеркъ твоей жизни

и дѣятельности будетъ отъ меня посильнымъ, искреннимъ, сердечнымъ и почтительнымъ даромъ тебѣ въ 70-ю годовщину твоего рожденія. Глубокая любовь къ тебѣ заставила меня стряхнуть пыль съ труда, написаннаго еще въ 1893 году—съ труда, который я не хотѣлъ обнародывать по понятнымъ соображеніямъ....

Прости за ошибки, которыя я, можетъ быть, гдѣ нибудь невольно допустилъ. Прости за неполноту очерка, потому что многое и притомъ весьма цѣнное осталось мною еще не напечатаннымъ.

23 іюня 1893 г.
село Казнево.
|
25 марта 1902 г.
Сергіевъ-Посадъ.

В. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Автографъ о. Іоанна (Письмо къ автору дневника) 3

Предисловіе 5

I. Причины моей поѣздки въ Кронштадтъ 7

II. На пути въ Кронштадтъ.—Въ Кронштадтѣ 23

III. Первая утреня и литургія.—Особенности служенія о. Іоанна 41

IV. Общая исповѣдь 60

V. День о. Іоанна 75

VI. Гости „батюшки“ о. Іоанна.—Алкоголики 102

VII. Больные 127

VIII. Разстроенные и заблуждающіеся 146

IX. Благотворительность о. Іоанна 154

X. Домъ Трудолюбія 159

XI. Вліяніе о. Іоанна на жителей г. Кронштадта . . . 194

XII. Вліяніе о. Іоанна за предѣлами Кронштадта.—Пребываніе его въ Харьковѣ, Казани, Самарѣ, Саратовѣ и другихъ поволжскихъ городахъ 209

XIII. Пребываніе въ Финляндіи, Западномъ краѣ, Крымѣ и на родинѣ 236

XIV. Куда приглашали еще о. Іоанна.—Переписка о. Іоанна. 262

XV. Письма къ о. Іоанну изъ заграницы. — Заграничная пресса объ о. Іоаннѣ 277

XVI. Въ чемъ „секретъ“ вліянія о. Іоанна на людей?—а) Не въ тактѣ и не въ человѣкоугодничествѣ.—Отрицательное отношеніе о. Іоанна ко многимъ явленіямъ современной жизни 294

XVII. Взглядъ о. Іоанна на взаимныя отношенія современныхъ людей 312

XVIII. Взглядъ на прессу, журналы, просвѣщеніе, различныя увеселенія 320
XIX. б) Не въ личной исключительной святости о. Іоанна. . 332
XX. в) Не въ нервозности и не въ благотворительности. . . 345
XXI. Не въ живой ли и глубокой вѣрѣ во Христа Спасителя—„секретъ“ вліянія о. Іоанна? 353
XXII. Мнѣніе объ этомъ за границей 373
XXIII. Віографія о. Іоанна 381
XXIV. Пастырство о. Іоанна 388
XXV. Проповѣдничество 394
XXVI. Служеніе меньшей братіи 415
XXVII. Законоучительство 424
XXVIII. Нападки на о. Іоанна 437
XXIX. Побѣда 442
XXX. Возвращеніе наше домой.—Мои послѣднія думы о служеніи о. Іоанна 448

